Широкий

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1906 г.

Пров. 50

Кл. 3

ТОМА XI-го КНИЖКА 3-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; М. В. Клюкина въ Москвѣ; Е. П. Распопова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки один *рубль пятьдесятъ копеекъ.*

Содержаніе III-й книжки.

страп.

В. Ш. — Памяти А. Н. Веселовскаго. . . . . I—V

I. **А. Н. Веселовскій.** — Русские и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ (Веронскомъ). I. Эпизодъ о вильтинахъ и русскихъ въ составѣ саги о Тидрекѣ. II. Вильтины—велеты. III. Русская генеалогія саги о Тидрекѣ. IV. Ортнитъ и Илья русскій. Ортнитъ и Вольга. V. Илья греческій или изъ Герцеке? VI. Родословная вильтиновъ. Веландъ и Вади. VII. Отголоски финско-айстскаго эпоса. VIII. Витеге, Гейме и пѣсенный циклъ Эрманариха. Экскурсы. Приложение. 1—190

II. **А. И. Никольскій.** — Изъ литературной дѣятельности Арсенія Мацѣевича. Арсеній Мацѣевичъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Священника М. С. Попова. С.-Петербургъ. 1905 г. I—VII + 264 + 1 — XXVIII. . . . . 191—204

III. **Г. З. Кунцевичъ.** — «Ябеда», комедія В. В. Капниста. . . . 205—258

Изданія «Ябеды»: 1798 г. (14—18), 1849 г. (18—24), «Дешевой библіотеки», 1—4 изд. (24—32). Экземпляръ Щенкова (33). Рукописные экземпляры «Ябеды», Ц. и П. (33—53). Измѣненія текста Ц. въ изданіи 1798 г. (54—57). Добавленія къ тексту Ц. въ изданіи 1798 г. (57—60). Описка Ц. (60). Опечатка изданія 1798 г. (60—61). Знаки препинанія въ изданіи 1798 г. (61—62). Заключеніе. (62). Приложенія. (62—68).

IV. **И. С. Свѣнцицкій.** — Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в. *Памяти Александра Николаевича Пыпина*. . . . . 259—367

Введеніе: Предварительная замѣтка по поводу слова «карпаторусскій». Мнѣнія карпаторусскихъ изслѣдователей періода возрожденія объ этихъ сношеніяхъ. Мнѣнія русскихъ ученыхъ. Односторонность и неполнота нѣкоторыхъ мнѣній. Наша задача (259—267). Глава I: Источники взаимныхъ свѣдѣній и эволюція взаимоотношеній Карпатской Руси и Россіи (267—303). Глава II: Интересъ къ славянству въ Россіи. Кеппенъ, Погодинъ и Срезневскій въ Карпатской Руси. Журнальныя статьи. Переписка и сношенія карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными. Чисто-научный характеръ этихъ сношеній въ первую половину XIX в. Значеніе русской науки въ умственномъ движеніи Галицкой Руси (303—337). Глава III: Идеи о литературномъ и племенномъ единствѣ у угрорусскихъ писателей. Отношеніе галицкорусскихъ писателей къ этому вопросу. Знакомство Карпатской Руси съ русской литературой. Заключеніе—связь разсмотрѣннаго періода съ послѣдовавшимъ (337—367).

[*Продолженіе см. на 3-ьей страницѣ обложки*].

Библиотека Педагогическаго Института
18746
Пров. 50

Così potess' io ben chiuder in versi
I miei pensier, come nel cor li chiudo.
Petrarca

10-го октября скончался Александръ Николаевичъ Веселовскій. Не стало великаго русскаго ученаго и одного изъ крупнѣйшихъ представителей европейской теоретической мысли.

Значеніе совершившагося, однако, едва ли отчетливо сознается бо́льшей частью русскаго общества, несмотря на появлявшіяся еще при жизни Александра Николаевича замѣтки и статьи о немъ, въ которыхъ изображалась его дѣятельность и уяснялись ея результаты. Тѣмъ глубже проникаетъ скорбь въ сердце каждаго, кто зналъ ближе этого удивительнаго человѣка, тѣмъ тяжелѣе ощущается горе всякимъ, кому знакомы ближе золотыя страницы его трудовъ, на чьихъ глазахъ совершалась эта титаническая творческая работа.

«Школа» Веселовскаго осталась бы въ долгу передъ русскимъ обществомъ, если бы она не попыталась выяснить ему сызнова, точнѣе и полнѣе, чѣмъ это было сдѣлано раньше, значеніе понесенной имъ утраты, вы-

яснить, насколько онъ дѣйствительно былъ и долженъ быть ему близокъ.

Только не теперь, не передъ едва закрывшейся могилой говорить объ этомъ. Когда закроется рана, любовь и истина продиктуютъ страницы, достойныя учителя. Всякая же «общая» оцѣнка пока едва ли имѣетъ значеніе: для кого она важна при данныхъ условіяхъ?

Теперь хотѣлось бы иного.

Не вѣрится, чтобы смерть могла настичь того, кто былъ весь жизнь, весь движеніе.

Такимъ онъ продолжаетъ все еще стоять въ воображеніи знавшихъ его.

Такимъ хотѣлось бы задержать его въ памяти, закрѣпляя отдѣльныя подробности его духовнаго облика.

Онъ былъ ученымъ, прежде всего, но ученымъ-гуманистомъ, въ лучшемъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, ибо мы зачастую разумѣемъ подъ ученымъ спеціалиста. Жажда истины, постоянное пребываніе въ атмосферѣ идеальныхъ отношеній, глубокая вдумчивость, неизсякаемая энергія исканія, тонкій скепсисъ человѣка, страстно любящаго истину, накладывали совершенно особый отпечатокъ на его отношеніе къ себѣ, своему дѣлу и всему окружающему, вплоть до мелочей жизни. Наука была для него той же жизнью. Гуманистъ не устранялся жизни, любя ее и болѣя ею, но его запросы шли дальше, въ сторону болѣе постоянныхъ отношеній.

Въ научной работѣ эти особенности психической

организаціи Александра Николаевича сказывались въ стремленіи къ широкой постановкѣ вопросовъ и въ неумолимомъ, суровомъ критическомъ анализѣ матерьяла, не допускавшемъ никакихъ готовыхъ схемъ, никакихъ принятій на вѣру положеній другихъ авторитетныхъ изслѣдователей. Работа была для него серьёзнымъ, я бы сказалъ, священнымъ актомъ. Превосходное знаніе массы языковъ, огромная начитанность въ предѣлахъ различныхъ научныхъ дисциплинъ, способность глубоко вживаться въ изучаемую эпоху, поразительное умѣнье сопоставлять явленія дали ему возможность блестяще осуществить тѣ требованія, которыя онъ предъявлялъ къ научной работѣ. Этимъ путемъ получились богатѣйшіе выводы Поэтики, изслѣдованій по итальянскому Возрожденію, русской народной поэзіи, новой литературѣ и т. п.

Но работа была для Александра Николаевича не только призваніемъ, высокимъ дѣломъ; она была страстью, мукой и наслажденіемъ, которымъ онъ отдавался какъ художникъ, какъ артистъ. Вспоминается невольно, какъ онъ любилъ работать подъ звуки музыки, въ обстановкѣ красиваго пейзажа или освѣщенія. Работа — творческій актъ. Это чувствовалось въ построеніи его университетскихъ лекцій, отдѣльные эпизоды которыхъ напоминали подчасъ блестящія импровизаціи, это переживалъ каждый въ его аудиторіи, это чувствуется въ темпѣ и расположеніи мысли многихъ изъ его работъ, особенно спеціальнаго содержанія. Ихъ тонъ въ началѣ

иногда ровенъ и спокоенъ; но это продолжается недолго; авторъ съ трудомъ сдерживаетъ себя, чтобы наконецъ дать волю мысли, которая, почувствовавъ себя свободной, съ неудержимой быстротой стремится впередъ, сильная и смѣлая, минуя промежуточныя посылки, излишнія подробности, давая красивыя и выпуклыя положенія, прибѣгая къ совершенно неожиданнымъ подчасъ сопоставленіямъ, намѣчая попутно новые вопросы или, попутно же, прихотливо ихъ разрабатывая, чтобы, наконецъ, успокоиться въ конечномъ выводѣ, открывающемъ заманчивые просвѣты и перспективы впередъ, въ даль новыхъ вопросовъ. Это потокъ, внезапно прерывающій свое теченіе, чтобы броситься внизъ со скалы, разлетѣться милліонами сверкающихъ брызгъ и вновь успокоиться въ широкомъ ложѣ, по которому онъ направитъ свой бѣгъ, отражая окружающій пейзажъ.

Но иногда самыя свойства обрабатываемаго матерьяла обезпечивали или требовали бо́льшей выдержки, бо́льшаго спокойствія. Въ такихъ случаяхъ особенно ярко сказывались тонкая эстетическая организація Веселовскаго — стилиста и его талантъ психолога. Энергія мысли сочеталась тогда съ красотою формы, въ которую она облекалась. Я напомню Villa Alberti, работы о Боккачьо, Петраркѣ и Жуковскомъ. Яркія историческія картины чередуются съ живыми характеристиками и страницами глубокаго психологическаго анализа его героевъ, блещущими характерными

особенностями нервнаго, сильнаго и красочнаго стиля Веселовскаго, по которымъ всегда можно отличить руку мастера. Онъ видѣлъ эту жизнь и этихъ людей передъ собою; они живутъ и передъ читателемъ.

Тотъ подъемъ, который переживалъ художникъ научной работы и который чувствуется постоянно въ его мысли, въ его словѣ, сообщаетъ какое-то особое обаяніе, особую, бодрящую прелесть его трудамъ, заражая читателя готовностью отдаться работѣ и исканію научной истины. Въ непосредственномъ общеніи съ Александромъ Николаевичемъ это обаяніе чувствовалось еще сильнѣе, поддерживаемое рѣдкой доступностью, привѣтливостью и готовностью помочь всякому серьёзному начинанію.

Образъ этого удивительнаго человѣка еще у всѣхъ передъ глазами.

Тѣми немногими, бѣдными словами, которыми я очертилъ его, я хотѣлъ лишь нѣсколько задержать на немъ вниманіе тѣхъ, кому онъ близокъ, и дать лишній разъ поводъ всмотрѣться въ дорогія черты. Любовь и скорбь объяснятъ это желаніе.

Его нѣтъ среди насъ, но свѣтлый обликъ страстнаго и неутомимаго искателя истины останется съ нами.

Non omnis mortuus est.

В. Ш.

12. X.

Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ (Веронскомъ)[1].

I.

Эпизодъ о вильтинахъ и русскихъ въ составѣ саги о Тидрекѣ.

Сага о Тидрекѣ, составленная въ половинѣ XIII вѣка, сохранилась въ неполной пергаменной рукописи второй половины того-же вѣка = M, въ двухъ спискахъ XVII вѣка исландскаго происхожденія = A, B, и въ шведскомъ переводѣ XV столѣтія = Sv. Работы Унгера, Сторма, Трейтлера, Клокгофа, Edzardi, Boer'a, Mogk'a, Бертельсена[2]) и др. направлены были къ разъ-

1) Предлагаемое изслѣдованіе составляетъ переработку моего прежняго, появившагося въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1896 г., авг., подъ заглавіемъ: «Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Дитрихѣ Бернскомъ». Въ приложеніи напечатаны соотвѣтствующіе эпизоды саги въ переводѣ моихъ слушателей 1885—1886 гг. Сл. мою замѣтку: «Кіевъ—градъ Днѣпра», Ж. Мин. Нар. Просв., 1887 іюнь, стр. 299, прим. 1.

2) Unger въ предисловіе къ своему изданію саги: Saga Didriks konungr af Bern udg. af Unger, Christiania 1853; Gustav Storm, Sagnkredsene om Karl den Store og Didrik af Bern hos de nordiske Folk, Christiania 1874; Döring, Z. f. d., Phil. III; Hugo Treutler, Zur Thidreksaga, Germania XX (1875); G. Storm, Nye Studier over Thidreks saga въ Aarböger for nordisk Oldkyndighet og Historie 1877, стр. 297 слѣд., Oscar Klockhoff, Studier öfver þidreks saga af Bern (оттискъ изъ Upsala Universitets Årsskrift 1880, Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper VI); Edzardi, Germania XXVI, стр. 242 слѣд.; Boer, Ueber die þidreks saga въ Ark. för nordisk filologi VII B., 205 слѣд. (1891); онъ же: þidreks saga u. Niflungasaga въ Zs. f. deutsche Philologie XXV (1893 г.), стр. 433 слѣд.; онъ-же

ясненію генеалогическихъ отношеній дошедшихъ до насъ текстовъ саги. Главный интересъ сосредоточивается на вопросѣ о составѣ пергаменнаго текста. Въ немъ различаютъ двухъ смѣнившихъ другъ друга редакторовъ: первый довелъ свое дѣло до половины 196-й главы$=M^1$, второй$=M^2$ вставилъ, начиная съ 152 главы, нѣсколько листовъ въ рукопись своего предшественника, а съ 196-й продолжалъ его, порой съ противорѣчіями (въ разсказѣ о смерти Озантрикса), повторяя, въ нѣсколько иной версіи, уже разсказанное (эпизодъ о вильтинахъ и русскихъ), обнаруживая знакомство съ литературой нѣмецкихъ поэмъ и пошедшихъ отъ нихъ сѣверныхъ þættir, не заботясь о художественномъ планѣ. Какъ объяснить эту двойственность M^1 и M^2, составляющихъ нынѣ одно внѣшнее цѣлое $= M$? Мыслимы и предложены были двѣ гипотезы: M^1 представляетъ копію съ оригинала, оставшуюся отрывкомъ; M^2 взялся за тотъ-же оригиналъ, распространилъ его. Но можно перенести эту двойственность и къ началу генеалогіи: первичная сага о Тидрекѣ могла сохраниться въ двухъ видахъ, краткомъ и распространенномъ, S^1 и S^2; отъ перваго пошелъ M^1, отъ второго M^2. Отъ того или другого предположительнаго построенія зависитъ и оцѣнка и мѣсто A, B и Sv въ генеалогіи текстовъ: при первой гипотезѣ исландская переработка, отъ которой пошли указанные тексты, пользовалась M^1 и M^2, при второй Sv и оригиналъ A и B восходитъ къ S^2. Я не касаюсь здѣсь вопроса о вторичныхъ интерполяціяхъ въ текстъ саги, обличающихъ романтическіе вкусы интер-

---

въ Ark. f. nord. filologi XVII (1901), стр. 339 слѣд.; онъ-же: Untersuchungen über d. Ursprung u. die Entwickelung der Nibelungensage IX слѣд. въ Zs. f. deutsche Philol. XXXVIII, стр. 39 слѣд. (1906 г.); Finnur Iónsson, Den oldnordiske og oldislanske litteraturs historie II, стр. 847 слѣд. (1901 г.); Mogk, Grundriss der germ. Philologie², II B., стр. 859 слѣд.; Bertelsen, om Didrik af Berns sagas oprindelige skikkelse, omarbejdelse og handskrifter, København 1902; отчеты объ этой книгѣ: Boer'a въ Zs. f. deutsche Philol. XXXVI, стр. 126 слѣд. и Mogk'a въ Ark. f. nord. filol. XVII (1904), стр. 81 слѣд.—Шведскій переводъ саги изданъ Gunnar Olaf Hyltèn—Cavallius, Stockholm 1850—4 г.; новое изданіе старосѣвернаго текста принадлежитъ Бертельсену (Þidriks saga af Bern udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, København 1905.

полятора. Несущественнымъ для меня является и вопросъ, исландскому-ли редактору принадлежитъ прологъ къ сагѣ (Mogk, Boer), или онъ древнѣе (Bertelsen, Jonsson). По словамъ этого пролога задачей собирателя было разсказать одну изъ великихъ сагъ, существующихъ на нѣмецкомъ языкѣ, о Тидрекѣ и его витязяхъ, «о Сигурдѣ, убійцѣ Фафни, Нифлунгахъ, Вильтинахъ, Русскихъ, Гуннахъ и многихъ другихъ конунгахъ и витязяхъ». Сѣверные люди (датчане, шведы, норвежцы) собрали многія изъ этихъ преданій, иныя переложили въ пѣсни, которыми потѣшаютъ еще старыхъ людей: «о Сигурдѣ, убійцѣ Фафни, о Вельсунгахъ и Нифлунгахъ и ковачѣ Велентѣ и его братѣ Эгилѣ и королѣ Нидунгѣ»; при множествѣ пересказовъ нечего удивляться, что они порой разногласятъ въ цитатахъ и событіяхъ, но содержаніе ихъ почти одно и то же. А эта сага составлена по разсказамъ нѣмецкихъ людей, и частью по ихъ пѣснямъ, которыя давно были сложены, тотчасъ послѣ событій, какъ говорится въ этой сагѣ. И если взять по человѣку отъ всѣхъ городовъ Саксоніи, всѣ станутъ сказывать ее на тотъ-же ладъ; тому причиной ихъ древнія пѣсни. Послѣдняя замѣтка повторена, и съ тѣмъ-же объясненіемъ, въ 394-й главѣ саги: нѣмецкіе люди, на которыхъ ссылается составитель саги, были родомъ изъ Соэста, Бремена и Мюнстера, и сами видѣли въ Соэстѣ тѣ мѣстности и сооруженія, къ которымъ привязалось преданіе о гибели Нифлунговъ. Всѣ эти сказанія собираются въ нашей сагѣ вокругъ центральной фигуры Тидрека; «было въ то время (Тидрека) много и другихъ конунговъ, продолжаетъ прологъ, но эта сага говоритъ болѣе всего о немъ и его витязяхъ».

Согласно съ этимъ разсказъ начинается съ его предковъ и кончается легендой о его таинственномъ исчезновеніи; въ этихъ рамкахъ развертывается передъ нами въ своеобразной, порой механической компиляціи, матеріалъ нѣмецкаго эпоса. Послѣдній могъ быть знакомъ автору и не въ тѣхъ версіяхъ, которыя дошли до насъ; но не этимъ однимъ объясняются порой отличія его пересказа, а и пріемами составителя, которому приходилось

сплочать, приспособлять, украшать. Такъ заглохшее въ Германіи сказаніе объ Иронѣ охотникѣ обнаруживаетъ въ передачѣ саги, въ именахъ и положеніяхъ, вліяніе иноземныхъ литературныхъ источниковъ; такъ разсказъ о прадѣдѣ Тидрека, Самсонѣ, именно эпизодъ объ увозѣ имъ Гильдисвиды (гл. 1, слѣд.), могъ принадлежать древней нѣмецкой пѣсенной традиціи (хотя засвидѣтельствованной лишь поздними датскими и шведскими балладами), или захожему (романскому?) преданію, что̀ не гарантируетъ его исконную принадлежность къ циклу Тидрека.

За главами, посвященными его роду и юности (гл. 1—21) слѣдуетъ непосредственно разсказъ о борьбѣ вильтиновъ и русскихъ; но связь этого отдѣла съ Тидрекомъ устанавливается лишь позднѣе на почвѣ войнъ русскихъ, овладѣвшихъ царствомъ вильтиновъ, съ Аттилой, который и проситъ Тидрека придти къ нему на помощь—по дружбѣ (гл. 135; сл. гл. 290 слѣд.). Связь, несомнѣнно принадлежащая компилятору и едва-ли знакомая нѣмецкимъ людямъ, о которыхъ упоминаетъ прологъ.

Иные изъ этихъ разсказовъ могли быть верхне-нѣмецкаго происхожденія; но и они примѣнялись къ нижне-нѣмецкой мѣстности, что̀ опредѣлило и географическое міросозерцаніе саги. Ея Аттила царитъ не въ Венгріи, не въ Панноніи (Etzelburg), а, согласно съ древнимъ саксонскимъ пріуроченіемъ, въ Вестфаліи, а именно въ Соэстѣ: Susat, Šušit арабскаго географа IX вѣка, Жижатъ, Жатъ торговаго договора между Ригой и Готландскимъ берегомъ[1]); преданіе саги (гл. 394) о змѣиной башнѣ въ Соэстѣ сохранялось тамъ до XVI вѣка. Въ царствѣ Аттилы находится и Брандинабургъ = Бранденбургъ (гл. 291 M²)[2]). Согласно съ этимъ представленіемъ о Гуналандѣ, опредѣляется и положеніе области Нифлунговъ къ югу, на Рейнѣ; къ востоку отъ царства Гунновъ—Польша, за ней Русь; къ сѣверо-западу

1) Голубовскій, Исторія Смоленской земли, стр. 124—5.

2) Счетъ главъ идетъ по изданію Унгера; кое-гдѣ я присоединяю указаніе на принадлежность той или другой къ первой (M¹) или второй половинѣ текста (M²).

отъ Руси страна вильтиновъ. Вильтиналандъ и Гуналандъ, Русь и Польша—вотъ арена, на которой главнымъ образомъ развертывается дѣйствіе саги въ эпизодѣ, посвященномъ вильтинамъ и русскимъ. Здѣсь составитель саги могъ руководствоваться нижне-нѣмецкими разсказами — пѣснями, мѣстными историческими или эпическими сказаніями, или и захожими, но усвоенными по аналогіи и смѣшенію. Изслѣдователю трудно разобраться въ этой амальгамѣ, рѣшить, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, составлялась-ли она на почвѣ нижненѣмецкаго преданія или уже въ районѣ саги, различить въ послѣдней моменты нижненѣмецкаго или сѣвернаго пріуроченія, опредѣлить размѣръ личныхъ комбинацій составителей, особенно M². Въ слѣдующемъ я не даю рѣшенія этихъ вопросовъ, а лишь указываю на направленіе, въ которомъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ его искать — въ чертѣ эпизода о вильтинахъ и русскихъ.

Конунгъ Вильтинъ, славный удачей на войнѣ и храбростью, завладѣлъ всѣми странами, что̀ назывались Вильтиналандъ, а теперь зовутся: Svíþioð, Готландія, земли, подвластныя шведскому конунгу, Шоненъ, Зеландъ, Ютландъ, Винландъ (вар. A, B: Виндландъ). Таковъ обычай повѣствованія въ этой сагѣ, что по имени перваго властителя называются страна и народъ. Такъ по Вильтину — Viltinaland и Viltinamenn, пока другой народъ не завладѣлъ страной, а вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣнилось и ея названіе (гл. 21).

Такого «обычая» сага, однако, въ другихъ случаяхъ не соблюдаетъ. Очевидно, не народъ и не страна получили названія отъ Вильтина, а онъ могъ явиться ихъ эпонимомъ. Составителю саги принадлежитъ, вѣроятно, пріуроченіе владѣній Вильтина къ Швеціи и Даніи; исключеніе составляетъ Vindland, A, B — вар. къ Vinland, что̀, быть можетъ, относитъ насъ къ области между Виндавой и Западной Двиной. Гольтгаузенъ[1]) включаетъ во владѣнія Вильтина и Финляндію на основаніи гл. 25 M²: собираясь въ

1) Holthausen въ Paul u. Braune's Beiträge IX, 489—490.

походъ въ страну вильтиновъ, русскій король Гертнитъ ѣдетъ изъ Новгорода къ сѣверу; въ дублетѣ M[1] гл. 24 (у Унгера) указанія на сѣверъ нѣтъ; съ другой стороны въ гл. 23 M[2] разсказывается о поѣздкѣ короля Вильтина моремъ на востокъ (austrveg); такъ и въ M[1]; на пути онъ спознался съ морской дѣвою, и плодомъ этого союза былъ Vadi, отецъ Вёлунда. M[1] помѣщаетъ этотъ эпизодъ въ Ruszialand.

Если Ruszialand (съ Новгородомъ) и Viltinaland раздѣлены моремъ, то вѣроятнѣе мнѣніе Storm'a [1]), что по воззрѣнію составителя саги Вильтиналандъ обнимала, кромѣ Швеціи и Даніи, еще и вендскія земли между Эльбой и Одеромъ. Я полагаю, что ее слѣдуетъ представить себѣ далѣе къ востоку, по южному балтійскому побережью и внутрь по теченію Западной Двины.

Гл. 22 M[1]: король Гертнитъ (и его братъ Hirđir; въ Sv вмѣсто Hertnit'a—Herding, Herdink) царитъ надъ Русиландомъ, большей частью Греціи и Венгріи и почти надъ всѣмъ востокомъ и завоевалъ почти всѣ страны на востокѣ до моря и многіе у восточнаго моря. Вильтинъ ѣдетъ на него войною, побѣдилъ русскихъ, опустошилъ Smaland (M[2]: опустошалъ Польшу—Pulinaland и всѣ царства—þióđlaend—до моря; A, B: Sialand и всѣ земли до моря) [2]), а на Руси овладѣваетъ Смоленскомъ, Кіевомъ и Полоцкомъ (Smalïsku, Kiu ok Palltaeskiu; M[2]: Smalinzkiu oc Pulltiskiu) [3]) и въѣзжаетъ въ столицу Гертнита — Holmgarđ — Новгородъ (Sv: Nogard). Въ битвѣ подъ Новгородомъ палъ братъ Hertnit'a, Hirđir; Гертнитъ становится данникомъ Вильтина.

У Вильтина два сына: Нордіанъ и знакомый намъ Вади

---

1) Storm, Nye Studier l. c. стр. 329—330.

2) Sialand по гл. 21 M[2] уже принадлежитъ Вильтину; поводомъ къ ошибкѣ могло служить þióðlaend, понятое какъ þióð, þióði = сѣверо-западная оконечность Ютландіи, нынѣ Thy (сл. Egilsson и Vigfusson п. сл. þióđ, þióđi, þióđa). Но и Ютландія (гл. 21) находилась во владѣніи Вильтина.

3) Palteskia и Smalenzkia у аббата Николая (XII в.); Palteskia — Полтескъ въ сагахъ объ Ǫrvarodd'ѣ, Eimund'ѣ и въ Kristnisaga'ѣ; Pallteskja ok Koenngarðar въ Garðariki (въ скольгольтской книгѣ). Въ хроникѣ Генриха Латыша: Smalenceke, Smalenseke, Smalenceka, Plosceke.

(гл. 23). По смерти Вильтина воцаряется Нордіанъ. Гертнитъ идетъ на него войною и не только освобождается отъ зависимости, но и подчиняетъ своей власти врага. Нордіану предоставленъ (гл. 25) Sialand (M^1) или Sviþiód (M^2), а страна Вильтиновъ переходитъ къ Гертниту, а позже къ его сыну Озантриксу; другому сыну, Вальдемару, Гертнитъ отдалъ (гл. 26) Ruscialand oc Pulaernaland (M^1; M^2: Rucziland oc Pulinaland), и онъ царитъ почти надъ всей восточной половиной свѣта (M^1; M^2: надъ всей восточной половиной его царства); третьяго сына, Илью (Ilias), онъ поставилъ ярломъ въ Греціи (M^1; M^2 прибавляетъ: онъ былъ большой главарь, hoefdingi, и могучій витязь; Sv: Ilias gjorde han til greffere oc gaf hanum grekana land; Ilias aff Grekon). Въ гл. 25 говорится объ Ильѣ, что онъ прижитъ былъ отъ наложницы (M^1; M^2 прибавляетъ: онъ былъ красивъ и вѣжливъ, kurteisligr). Озантриксъ женится на Одѣ, дочери короля гунновъ Меліаса, которую увозитъ (гл. 29 и т. д.); когда по смерти Меліаса Аттила завладѣваетъ его царствомъ, которое должно было перейти къ Озантриксу, какъ его зятю, и потомъ похищаетъ дочь Озантрикса, Эрку (гл. 39—56), это даетъ поводъ къ войнамъ между нимъ и королемъ Вильтиновъ. О нихъ разсказывается въ гл. 134 слѣд.; въ 144 гл. Озантриксъ убитъ; M^2, вступающій въ текстъ съ 196-й главы, на которой обрывается M^1, не соглашается съ своимъ предшественникомъ: въ главѣ 278 Озантриксъ еще въ живыхъ, ведетъ войну съ Аттилой и убитъ. Ему наслѣдуетъ его сынъ Гертнитъ (гл. 291—92); Вальдемаръ владѣетъ Гольмгардомъ (гл. 293), но въ его владѣніяхъ оказываются и Полоцкъ, и Смоленскъ (гл. 310, 312). Войны съ Аттилой продолжаются, Владиміръ убитъ подъ Смоленскомъ (312), Полоцкъ взятъ и разрушенъ до основанія (313). Братъ Вальдемара становится вассаломъ Аттилы.

Какія историческія отношенія лежатъ въ основѣ этихъ сказаній о войнахъ Вильтиновъ съ Русью, русскихъ съ гуннами? Первые разсказы еще внѣ того эпическаго круга, который охватилъ всю сагу: круга сказаній о Тидрекѣ; во вторыхъ уча-

ствуетъ и Тидрекъ, онъ и повлекъ за собой гунновъ, какъ враговъ Руси. Эти эпическія отношенія необходимо отвлечь, чтобы поставить вопросъ объ историческомъ субстратѣ сказанія.

Мюлленгофъ[1]) предположилъ, что сага о Вильтинѣ, какъ эпонимѣ славянскихъ Вильцевъ, сложилась среди Саксовъ, вѣроятно, въ IX или X вѣкѣ. Storm[2]) подробно развиваетъ этотъ взглядъ: Сказанія о Вильтинѣ и Вильтинахъ отражаютъ войны Саксовъ съ Вендами (Вильцами и Поляками) и Датчанами, начиная съ X вѣка. Разумѣется, вендскія племена между Эльбой и Одеромъ не составляли одного царства, тѣмъ менѣе соединены были съ Даніей, какъ представляетъ это сага, но датчане въ союзѣ съ вендами часто воевали съ саксонскими королями и императорами; саксы пріучились смотрѣть на своихъ сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей-язычниковъ, какъ на прирожденныхъ враговъ, и въ ихъ пѣсняхъ они явились подъ однимъ общимъ именемъ. Стоитъ подставить на мѣсто Аттилы Оттоновъ II и III и Генриха II, и историческая подкладка саги будетъ ясна. Аттила вторгается въ страну вильтиновъ, Озантриксъ посылаетъ сказать о томъ въ Зеландъ своему вассалу Аспиліану, который разбитъ Гуннами (гл. 45); оттуда Аттила идетъ на югъ, въ Ютландію, и побѣждаетъ Озантрикса въ лѣсу, на границѣ Даніи и Гуналанда (гл. 46). Не напоминаетъ-ли все это походъ Оттона II въ Ютландію противъ Гаральда Блотанда, союзника вендовъ, и бой подъ Даневирке (въ 975 году)? Долгое время спустя король Вильтиновъ вторгается въ Гуналандъ, опустошаетъ страну, беретъ Брандинаборгъ; но Аттила и Тидрекъ отвоевываютъ городъ и подъ его стѣнами наносятъ пораженіе Вильтинамъ, причемъ убитъ Озантриксъ, Аттила потерялъ 500 витязей, Тидрекъ 50 (гл. 291 слѣд.). Стормъ сравниваетъ событіе 983 года: полупокоренные, полукрещеные Вильцы поднялись противъ Саксовъ, бросились на пограничные бурги и церкви, взяли Бран-

1) Müllenhoff, Zeugn. u. Excurse, XXIII, стр. 341—2.
2) Storm, Nye Studier, стр. 341 слѣд.

денбургъ, жителей котораго перебили или увели въ плѣнъ, но маркграфъ Дитрихъ съ другими маркграфами нанесли пораженіе врагамъ; Вильцы потеряли 3000 человѣкъ, Саксы всего трехъ. По смерти Озантрикса, Вальдемаръ, король Руси и Польши, вторгается въ землю гунновъ (гл. 293 слѣд.), Аттила переноситъ войну въ Польшу (въ сагѣ гл. 294 M²: i Ruziland; i riki Vilcinalannz oc Ruzilanz; i Vilcinalande = A, B: Pulinalandi), но разбитъ; Тидрекъ заключенъ непріятелями въ крѣпость, Аттила освобождаетъ его; и война кончается взятіемъ Полоцка, смертью подъ Смоленскомъ Вальдемара, братъ котораго покоряется побѣдителю. Весь этотъ разсказъ отражаетъ, по мнѣнію Сторма, войны Генриха II, только въ сильно преувеличенномъ видѣ. Вальдемаръ—это современникъ Генриха II, Владиміръ Великій, но смѣшанный съ Болеславомъ польскимъ, который въ 1016—1018 былъ сюзереномъ Святополка, посаженнаго имъ на престолъ; оттого Вальдемаръ и является королемъ Руси и Польши. Этотъ Болеславъ-Вальдемаръ велъ продолжительныя войны съ саксонскими королями (нѣмецкими императорами); правда, исторія не знаетъ громкихъ побѣдъ Генриха II; даже послѣдній его походъ въ Польшу въ 1017 году, приготовившій изъявленіе покорности со стороны поляковъ (1018 г.), былъ неудаченъ и крѣпость Нѣмцы не могла быть взята; но все это забылось со временемъ, помнился лишь результатъ походовъ; и житіе Мейнверка, поправляя исторію, могло утверждать, что въ 1017 году Генрихъ покорилъ Польшу, Чехію и Моравію. Такъ какъ Болеславъ былъ въ то время польскимъ и русскимъ королемъ, то, разсказывалось впослѣдствіи, что саксонскій король (Аттила) покорилъ и Русь и Польшу, а русскій палъ въ битвѣ подъ Смоленскомъ; Смоленскъ и Полоцкъ естественно подсказывались сагѣ, какъ города, лежавшіе на ганзейскомъ пути. Эти то историко-поэтическія сказанія о походѣ саксовъ на восточныхъ славянъ смѣшались съ южной сагой объ Аттилѣ и Тидрекѣ, пріурочившейся къ Саксоніи и здѣсь нашедшей дальнѣйшее развитіе; ничто не мѣшаетъ предположить, что сказанія эти здѣсь же

нашли и свое поэтическое выраженіе, скорѣе въ 1150—1250 годахъ, чѣмъ ранѣе.

Комментируя русскій эпизодъ саги о Тидрекѣ, Стормъ становится на точку зрѣнія ея нижне-нѣмецкихъ эпическихъ источниковъ; нѣкоторыя изъ его сопоставленій (напримѣръ, взятіе Бранденбурга въ 983 году и уравненіе Тидрека съ маркграфомъ Дитрихомъ) указываютъ на несомнѣнныя историческія воспоминанія; но его гипотеза Владимира-Болеслава не разъясняетъ, почему именно Владимиръ русскій выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго лица, почему Польша — Pulinaland является въ сагѣ на второмъ мѣстѣ сравнительно съ Русью, когда мы ожидали бы обратнаго — по связи съ Болеславомъ. Имя Владимира ждетъ объясненія изъ русскаго, южнаго или сѣвернаго, преданія.

Иначе смотритъ на занимающій насъ эпизодъ саги Гольтгаузенъ[1]). По его мнѣнію, ея составитель представилъ себѣ грандіозное царство Вильтина въ чертахъ историческихъ отношеній конца XII и начала XIII столѣтій. Кнутъ V, король датскій, принудилъ померанскаго герцога Болеслава къ изъявленію покорности, подчинилъ Оботритовъ, побѣдилъ въ 1191 году Эстовъ и Ливовъ и завоевалъ въ 1200 г. Дитмаршъ. Его преемникъ Вальдемаръ (съ 1202 г.) занялъ Лауенбургъ и замки графа Адольфа по правому берегу Эльбы, не разъ побѣждалъ Эстовъ и до 20-хъ годовъ XIII вѣка властвовалъ надъ Мекленбургомъ, Помераніею, Шлезвигомъ, Рюгеномъ и славянскими и финскими племенами на югъ и востокъ отъ Балтійскаго моря до Финскаго залива.

Какъ видно, Гольтгаузенъ смотритъ на географическія и историческія отношенія саги глазами ея сѣвернаго составителя, котораго могли интересовать сѣверныя, спеціально датскія отношенія. Я попытаюсь стать еще разъ на точку зрѣнія его источниковъ, предполагаемыхъ нижне-нѣмецкихъ пѣсенъ и сказаній.

---

1) l. c., стр. 492—3.

II.

Вильтины—велеты.

Я принялъ въ текстъ: Вильтинъ, Вильтиналандъ, согласно съ ркп. A и B (въ M^1 M^2: Vilcinus, Vilcinaland; въ Sv: Wilkinus, Velcinus и др.), считая эту форму болѣе древней: Wiltinus такой же эпонимъ вельтовъ-велетовъ [1]), какъ Wisinnus у Саксона Грамматика (кн. VI), котораго Старкадъ убилъ на Руси, эпонимъ Веси: вьсинъ [2]). Уже Птолемей упоминаетъ народъ Вельтовъ, Οὐέλται (l. III, c. 5) на востокъ отъ Вислы за вендами, населявшими ближайшую часть побережья вендскаго залива. Шафарикъ [3]) опредѣлилъ ихъ древнія осѣдлости на прусскомъ поморьѣ между устьемъ Вислы и Нѣмана, или Виндавы; Мюлленгофъ, видѣвшій въ нихъ жмудь, по обѣ стороны Довезе и верхней Виндавы [4]); Ѳ. А. Браунъ считаетъ венетовъ, *вентовъ древнимъ обозначеніемъ всего славяно-балтійскаго племени, усматривая отраженіе ихъ имени и въ вятичахъ [5])—и въ птолемеевскихъ Οὐέλται,—опискѣ вм. Οὐένται; послѣднихъ онъ помѣщаетъ между Виндавой и Западной Двиной, въ области, гдѣ жило леттское племя, принявшее отъ рѣки (Winda = Виндава) имя вендовъ, Wentini, какъ и теперь еще зовутся прибрежные обитатели ни-

---

1) Сл. Vilkinus—король алановъ на Эльбѣ въ Aulacum vetus saxonicum у Raszmann'a, Deutsche Heldensage II, 156.

2) Сл. мои Мелкія замѣтки къ былинамъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCCXII, отд. 2, стр. 196 слѣд. Сл. Axel Olrik, Nogle Personennavne i Starkaddigtningen въ Festskrift til Vilhelm Thomsen (K-hvn 1894), стр. 118—20.

3) Шафарикъ, Слав. древности, пер. О. Бодянскаго, т. II, кн. 3, стр. 87 слѣд.

4) Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde II, 24.

5) Противъ этого сближенія, предложеннаго уже Гильфердингомъ, высказался Brückner въ Arch. f. slav. Philol. XXII, 246.

зовьевъ Виндавы [1]); нынѣшнее названіе области Winda, очевидно, уже Windland'a, входившаго въ составъ царства Вильтина.

Спустя нѣсколько столѣтій (съ 798 по 1157 г.), мы встрѣчаемъ народъ велетабовъ или вильтовъ, вильцевъ, западнѣе на томъ же балтійскомъ побережьѣ между рѣками Варной и Одеромъ и Гавелемъ (отъ средняго теченія Эльбы и Одера до Рюгена [2]). Я не послѣдую за Шафарикомъ и Гильфердингомъ, искавшими (славянскихъ) вельтовъ въ Нидерландахъ, Фризіи и Британніи; загадочна и страна Velida, упоминаемая Лукой Давидомъ, которую Шафарикъ полагаетъ у устьевъ Одера [3]); важнѣе указаніе на пережитки «птолемеевскихъ» вельтовъ въ Самландѣ: въ прусскихъ грамотахъ XIII в. попадается мужское имя Welot [4]).

Птолемеевскихъ вельтовъ Шафарикъ, Гильфердингъ и Нидерле [5]) считаютъ славянами, Мюлленгофъ айстами (Aestii Тацита, Aesti Іордана), т. е. принадлежащими къ летто-литовскому или балтійскому племени [6]); согласно съ этимъ и ихъ племенное названіе было бы балтійскаго происхожденія, хотя Much полагаетъ, что оно могло быть дано имъ и германцами: *wélþai, *welþos = feri, indomiti (готск. wilþeis) [7]). При славянской ги-

1) Ѳ. Браунъ, Разысканія въ области готско-славянскихъ отношеній, стр. 252—3, 332 слѣд., 376; Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes (SPb. 1892), стр. 177 слѣд., 193 слѣд.; 334 слѣд.

2) Шафарикъ, l. c., стр. 31 слѣд.; Гильфердингъ, Исторія балтійскихъ славянъ, I, стр. 2, 142; Müllenhoff, Zeugnisse u. Excurse XXIII, 341.

3) L. c., стр. 88.

4) L. c., стр. 97—8. У Pierson'a, Altpreussischer Namencod.: Welote (Zs. f. preuss. Geschichte und Landeskunde 1873, стр. 734); Bezzenberger объясняетъ Welote изъ vela—gut (слав. вель—magnus) и суфф. ot(o). Сл. Die Bildung der altpreuss. Personennamen въ Altpreuss. Monatsschrift XIII (1876), стр. 408 и 433.

5) Niederle, Slovanské Starožitnosti, стр. 417—19.

6) Куникъ и Томсенъ отрицаютъ послѣднее (сл. Niederle, l. c., стр. 417, прим. 7); Kossinna (въ рецензіи на книгу Much'a, Die Heimath der Indogermanen, въ Zts. f. d. Ethnologie т. 34, 1902 г.) считаетъ айстовъ финнами. Сходное мнѣніе покойнаго казанскаго профессора Андерсона выражено было имъ въ засѣданіи ученаго Эстонскаго Общества 1 сент. 1904 г. Сл. Sitzungsberichte общества за 1905 годъ.

7) Much, German. Völkernamen, Zs. f. d. Altertt. XXXIX, 48—9.

потезѣ птолемеевскіе вельты только передвинулись къ западу на мѣсто позднѣйшихъ Wilti, Weletabi, Woltabi, Vultabi и др., съ перегласовкой: Wilzi, Walzi, Welezabi; при айстской, которую я считаю болѣе вѣроятной, произошло перенесеніе этническаго названія съ одного племени на другое, какъ финское племенное названіе Куровъ перенесено было на Леттовъ [1]). Эйнгардъ, впервые упоминающій позднѣйшихъ велетабовъ-вильцевъ въ числѣ славянскихъ и айстскихъ народовъ на южномъ берегу Балтійскаго моря [2]), называетъ ихъ славянами, имена ихъ князей—славянскіе (Драговитъ, Любый, Милогость, Цѣлодрагъ).

Шафарикъ допустилъ рядомъ съ формой Wilze еще и Walze и на этомъ основаніи дѣлаетъ поправку къ тексту Саксона Грамматика. Старкадъ сражаетъ въ Польшѣ (Poloniae partes aggressus) на поединкѣ бойца, quem nostri Wasce (читай Walce), Teutones vero diverso litterarum schemate Wilcze nominant. Такъ въ кн. VI; въ VIII, въ предсмертной пѣснѣ Старкада вмѣсто Wasce читается Waza. Ольрикъ видитъ въ Vasce—Waza—вятича, въ Polonia—отзвукъ полянъ; допускается такой переходъ: *Ventište — Vjatici — *Vatisi, Vatzi, Vasi; послѣднія формы указывали бы на русское произношеніе безъ назализаціи [3]). Такимъ

1) Bielenstein, l. c., стр. 332, 350; сл. 488 прим. 188; Bezzenberger, Bemerkungen zu dem Werke von A. Bielenstein über die ethnologische Geographie des Lettenlandes, SPb. 1895 г., изъ Bulletin de l'Acad. imp. des Sciences de St.-Petersbourg, N. sér. IV, стр. 503.

2) Einhardi, Vita Karoli, Pertz, Mon. Germ. II, 449: Ad litus australe Sclavi et Aisti et aliae diversae incolunt nationes, inter quas vel praecipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Weletabi; Annales ad a. 789: natio quaedam sclavenorum... quae propria lingua Welatabi, francisca autem Wiltzi vocantur (то же, подъ тѣмъ же годомъ, и въ vita Karoli). Шафарикъ и Гильфердингъ сближали форму Weletabi съ слав. Венетове. Можетъ быть, въ суффиксѣ позволено допустить старо-верхне-нѣмецкое eiba=pagus, какъ въ Origo gentis langobardorum A и B: Anthaib, Wanthaib (по догадкѣ проф. Брауна, вм. Banthaib): antarum, venetorum pagus; мѣстное названіе могло быть перенесено на народность. Отмѣтимъ старо-верхне-нѣмецкую глоссу: wilz (вар. wulz) — equus mediorsis, equus weletabus. Сл. Ehrismann въ Zs. f. d. Philol. XXXII, 527 (въ отчетѣ о Polander, Die ahd. Thiernamen).

3) Axel Olrik, Nogle Personennavne, l. c., стр. 120—2. Въ Kilderne til Sakses Oldhistorie II, стр. 78, явившейся позже, Ольрикъ ограничивается сопоста-

путемъ мы пришли бы, если не къ отождествленію, то къ сопоставленію, предположенному проф. Брауномъ: Wilcze (вильцы, вельты) — Vasce, Vasi (вятичи = венты).

Можно предположить, что слѣды до-славянскихъ вельтовъ сохранились кое-гдѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ мы искали ихъ древнюю осѣдлость: приблизительно между Виндавой и Западной Двиной, въ Windland'ѣ Вильтина и вильтиновъ, что отчасти отвѣтила бы понятію Двинскаго Геллеспонта у Саксона Грамматика: его геллеспонтцы отличены отъ сосѣднихъ sclavi; его Гаддингъ беретъ хитростью (Ольги въ Искростенѣ) городъ Гандвана (Handvanus), царя геллеспонтцевъ на Двинѣ (I, VII); Фротонъ овладѣваетъ на Руси городомъ Rotala (Röthel въ Эстляндіи) и Полоцкомъ, Palteskia, гдѣ царитъ какой-то Vespasius (Vepsasius, эпонимъ вепсовъ?) и снова идетъ на Гандвана (II, XI—XII).

Именно въ долинѣ З. Двины скучены нѣкоторыя названія урочищъ съ привязанными къ нимъ преданіями, имѣющими значеніе для нашего вопроса; ихъ спорадическое распространеніе по Россіи, отъ Малороссіи до Сибири, можетъ быть объяснено, въ послѣднемъ направленіи, колонизацией. Вельтамъ отвѣчаютъ здѣсь парныя формы: *волтъ и *велтъ, въ значеніи: исполинъ, gigas; влатъ, встрѣчающійся въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ («подобни соуще величиемъ ко влатомъ»: γίγασι) [1] — церковнославянская перегласовка, сохранившагося въ древне- и нововеликорусскомъ въ формѣ: волотъ = гигантъ, исполинъ: «чюдове (штоудъ—γίγας), рекше волотове», «гиганте то суть волотове ѳ саженъ в верхъ». Я допустилъ для Стиха о Голубиной книгѣ, согласно съ его составомъ, воздѣйствіе имени Птолемея на Во-

---

вленіемъ Wasce-Waza Саксона Грамматика съ Vazi въ Gǫnguhrolfssaga (Fas. III, 259), хотя этотъ Vazi или Vaxi родомъ изъ Шотландіи, и мѣсто его дѣйствія—Данія. Wisinnus Саксона (о немъ выше, стр. 11) сближается съ богатыремъ Blakmannaland'а, Visinn, въ Egils ok Asmundarsaga (Fas. III, 377).

1) Miklosich, Etym. Wb. a. v. Voltŭ. Разумѣется, текстъ Александріи первой редакціи, сл. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ (Москва, 1895), стр. 75. Сл. Срезневскій, Матеріалы словаря древнерусск. языка a. v. влатъ, волотъ.

лонтомона, Волонтомана, Малотомина, какъ зовется иногда совопросникъ Давида, но варіантъ Волотъ (Покотовичъ), вѣроятно, привязывается къ волоту—щуду. Въ малорусск. волоту отвѣчаетъ велетъ, велетень, велытъ, велытень. То и другое отразилось въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ названій: Волотово, Велетовъ, Волотя, Велетя и т. п. [1]); отмѣтимъ: *Волотова могила* ниже Лебедина на устьѣ Мечи (кн. Большого Чертежа), *Волотово Городище* между рѣками Деньгой и Восмой въ Лопскомъ краѣ на сѣверѣ; *Волотово Городище* въ Сибири за Тазомъ (кн. Большого Чертежа); *Волотово поле* подъ Новгородомъ на берегу Волхова, гдѣ стоялъ прежде Спасскій монастырь и находилось кладбище новгородскихъ богатырей и могила Гостомысла. — Въ Бѣлоруссіи, въ окрестностяхъ Полоцка и Витебска, волотовками, волотками называли могилы; въ бѣлорусскомъ преданіи волоты—исполины. Е. Р. Романовъ, которому я обязанъ слѣдующими сообщеніями, не слыхалъ въ указанныхъ мѣстностяхъ преданій о волотахъ и волотовкахъ; названіе могильныхъ насыпей волотовками замѣнено здѣсь другимъ: сопки, курганы, чаще всего копцы, но названіе урочищъ волотовками свидѣтельствуетъ о существованіи нынѣ исчезнувшихъ могилъ. Вотъ нѣсколько указаній изъ документовъ, помѣщенныхъ въ «Историко-юридическихъ матеріалахъ Витебскаго центральнаго архива»: «Недалеко отъ места (Витебска) первое поле, идучи отъ Острое могилы,назвискомъ Матслытъское, *з волотовкою*» (1592 г.); «полянку, лежачую на поляхъ задунайскихъ (Дунай—ручей въ Витебскѣ) подлѣ *волотовокъ*» (1593 г.); «съ того мху у *волотовки*, у могильника и по крестъ каменный» (1596 г.); «огородъ водле того пляцу лежачый подлѐ *волотовокъ*» (1634 г.); «грунтъ у *волотовкахъ* кончится у мохъ татарскій» (1623 г.); «отъ тое сосну у *волотовку*

---

1) Шафарикъ, l. c., стр. 93 слѣд. О волотахъ сл. Буслаевъ, Очерки I, 176, 455—6; Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія II, 650—1, 784; Потебня, Этимологическія замѣтки, Живая Старина, вып. III (1891), стр. 120 слѣд. Потебню не удовлетворило давно уже предложенное сближеніе волотовъ съ Велетами, и онъ указалъ для волота этимологію: волотръ=инд. Вритра.

межи купелищъ, отъ тое *волотовъки* у другую *волотовъку*» (1615 г.); «s Kopcu w brzoze rubieżną, między wołotowek» (1697) и др. Е. Р. Романовъ указываетъ по тѣмъ-же актамъ на имѣніе *Wielatowka* «въ повете Полоцкомъ»; «съ Тулова до *Велидичъ*» (близь Витебска, 1627 г.), урочище *Волотовка* въ предмѣстьѣ Витебска—и деревню *Волотовки* въ Городенскомъ уѣздѣ Витебской губерніи, при которой находится группа кургановъ. Въ Полоцкомъ уѣздѣ сюда относится цѣлый рядъ мѣстныхъ названій: деревни *Волотова* (Юрьевичской волости), *Волотовка* (Вознесенской волости), имѣніе *Волотовки* (Евфросиньевской волости); деревня *Волотовки* Струнской волости, тамъ же деревня *Волотовное*, *Волотневъ* и рѣка *Волотовка*, притокъ Оболи, по которой шелъ путь «изъ варягъ въ греки»; въ Туровьянской волости, ниже Полоцка, на Двинѣ, по дорогѣ къ Смоленску: деревни *Велетовка*, пашни *Велетовскія* 1-ыя, пашни *Велетовскія* 2-ыя; общество *Велетовское*.

Важны воспоминанія Е. Р. Романова о легендахъ, соединенныхъ съ именемъ волотовъ. «На моей родинѣ, въ Гомелѣ, я слышалъ въ дѣтствѣ смутное преданіе о томъ, что въ *Волотовѣ* (погостъ въ 2-хъ верстахъ отъ Гомеля) жили въ старину богатыри, что съ переходомъ Гомеля къ Румянцеву (въ 1772 г.) богатыри исчезли, но отъ времени до времени являлись избраннымъ счастливцамъ и позже. Послѣднее явленіе было мѣщанкѣ Василисѣ Ефремовой въ 1867—9-хъ годахъ, тамъ-же, у Волотова, въ саду; по ея разсказу, который я самъ слышалъ, будучи 12—13 лѣтъ, богатырь былъ очень высокаго роста, одѣтъ въ дорогія одежды (шелка да бархаты) и поразилъ Василису необыкновенной красотою лица. Онъ былъ безъ оружія, съ Василисой не говорилъ, но и вреда ей не сдѣлалъ; она видѣла въ этомъ для себя предвѣщаніе необыкновеннаго счастья. — Тамъ же, въ 1887 году, я слышалъ преданіе объ урочищѣ Гетьманкѣ, находящемся при с. Романовичахъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Волотова. Въ этомъ мѣстѣ «за Шведомъ» (1708 г.) была убита Гетьманка: она ѣхала на лошади по мужски и въ полномъ воо-

руженіи по лѣсу; мужикъ, бывшій въ лѣсу, увидѣлъ ее издалека и отъ страха взлѣзъ на дерево; Гетьманка не замѣтила его и остановилась на отдыхъ; слѣзая съ коня, сняла оружіе, раздѣлась и легла спать; мужикъ, увидя, что это женщина, далъ ей заснуть и потомъ убилъ, сонную; она также была большого ростаъ и всяв золотѣ». Возможно сближеніе съ извѣстной татаркой Заблудова Гродненской губерніи[1]).

Въ Лепельскомъ уѣздѣ также находится множество кургановъ, слывущихъ у бѣлоруссовъ подъ названіемъ волоточекъ и отличающихся своею огромностью отъ литовскихъ кургановъ. Жители полагаютъ, что это насыпи, служившія для наблюденія надъ непріятелемъ. Вильчинскій разрылъ нѣсколько десятковъ такихъ насыпей близь города Ушачъ, извѣстнаго уже въ древности своею торговлею съ Литвой и Кіевомъ; по предположенію изслѣдователя, бѣлорусскія волоточки могли служить кладбищемъ древнихъ жителей, которые сперва жгли своихъ покойниковъ, а потомъ тутъ же и хоронили[2]).

Я не безъ умысла остановился именно на бѣлорусскихъ преданіяхъ о волотахъ въ виду нѣкоторыхъ соображеній, которыя еще представятся намъ. Но преданія эти распространены и далѣе: около Вологды и Кубенскаго озера волоты — народъ, почитавшій волотовъ, то есть великановъ, а теперь не существующій[3]); въ Сибири говорятъ, что цѣлый народъ волоты ушелъ въ землю. Сходные разсказы о велитахъ, велитняхъ (= древнерусск. *велытъ, *велытьнъ)[4]) въ Малороссіи и Галиціи: они, будто бы, существовали до потопа; и про нихъ ходитъ широкораспространенная сказка о юношѣ-великанѣ, встрѣтившемъ въ полѣ ратая съ плугомъ и волами и принесшемъ отцу эту кро-

---

1) Изъ писемъ Е. Р. Романова отъ 29 марта и 30 Апрѣля 1896 г.

2) Вильчинскій, Археологическіе поиски въ Литвѣ, Археолог. Зап. III.

3) По свѣдѣніямъ Е. Р. Романова, полученнымъ отъ мѣстныхъ этнографовъ, это сообщеніе не подтверждается существующимъ преданіемъ.

4) Желиховскій, Малорусск. Слов. s. v. велитъ, велитень, откуда велитеньскій, велитскій.

хотную невидаль, образчикъ будущаго, мелкаго человѣческаго отродья[1]). «Десь у церкви, у Кієви, чи у Львові, стоітъ тамъ нога з їдного велетня, и така, кажуть, прездорова, что ажъ до бані (купола) сягае»[2]). Такая нога стоитъ будто бы и въ костелѣ въ Кохъ'вани (Галиціи); велитъ былъ такъ огроменъ, «що подава зъ Йілова, чер̂езъ гору̂ сокыру сюды̂, таку̂ руку мавъ»[3]). Такъ и въ Великороссіи народъ видитъ въ костяхъ допотопныхъ животныхъ — волотовы кости[4]). Сл. еще волотову кость въ слѣдуюшемъ заклинаніи: «Встану я,.... пойду мимо волотовы кости могилы. Какъ волотовы кости не трохнутъ, не гнуться, такъ бы у меня, р. б., ѳирсъ не гнулся»[5]).

Такія легенды объ исчезнувшихъ народностяхъ ходятъ повсюду, гдѣ о нихъ сохранилась память, объ Антахъ, Житахъ, Эллинахъ, Гуннахъ, татарахъ. Легенды эти привязаны къ древнимъ постройкамъ, могиламъ, костямъ необычной величины, ору-

---

1) Трусевичъ, Труды... экспедиціи и т. д., т. 1, стр. 216; сл. Трусевичъ, Космогоническія представленія жителей Полѣсья, Кіевлянинъ 1861, № 44, стр. 170; то же разсказывается о бѣлорусскихъ «осилкахъ» (сообщеніе Н. Никифоровскаго, за которое приношу благодарность Е. Р. Романову). Къ сюжету сл. I. Grimm, D. Myth. I, 446 слѣд., III, 157; Котляревскій, Соч. IV: Archäologische Späne 3: Das erste Zusammentreffen der Menschen mit den Riesen, стр. 459 слѣд.: эстонскій (Kalevipoëg, XVI, стр. 790 слѣд.), финскій, кашубскій (великаны=stolymy), польскій, русскій и малорусскій. Послѣдній сходенъ съ приведеннымъ въ текстѣ и съ болгарскимъ о житахъ. Сл. Сборник за народни умотворения III, отд. I, стр. 203. О житахъ сл. мои Мелкія замѣтки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCLXIX, отд. 2, стр. 39—40 и Разысканія XXIII, стр. 163—5; Илиевъ въ Сборник за народни умотворения, IX: «тълкувания на природни явления» и т. д., стр. 127. Şaineanu (Romania, 1889, стр. 494 слѣд., сл. 501) видитъ въ румынскихъ jidovi — отголоски татарскихъ нашествій на придунайскія области и память о какомъ-то туранскомъ, еврействовавшемъ народѣ.

2) Драгомановъ, Малорусскія преданія, стр. 383.

3) Яворскій, Изъ галицко-русск. нар. сказаній и суевѣрій, Жив. Старина, гл. 7 (1897), стр. 110.

4) Даль, Словарь сл. a. v. Въ 4-хъ верстахъ отъ с. Большого Яковлевскаго (Костромской губ.), на лугу, близь рѣки Шачи, есть курганъ, называемый *Волотовой могилой*. Недавно здѣсь найдены были пять зубовъ мамонта. Костромской край 1906 г. 23 Іюня.

5) Л. Майковъ, Великорусск. заклинанія, стр. 479.

діямъ изъ камня и т. п. Старые остяцкіе богатыри бѣжали, спасаясь отъ христіанства въ лѣса, тундры, на Уралъ, и тамъ обратились въ каменныя глыбы (Жив. Стар. ч. II, в. IV, 1904 г.). Эти люди когда-то были и исчезли; или они скрылись и еще живутъ въ холмахъ и кромлехахъ, какъ англійскіе fairies, миѳическихъ наслѣдникахъ мелкорослыхъ аборигеновъ, какъ тирольскіе Анты, рѣдко показывающіеся изъ своей берлоги, гдѣ они водятъ дѣтей: изъ ихъ пещеры слышится порой дѣтскій плачъ, свѣтло-желтые камешки въ пескѣ у входа—это слезы антскихъ людей. Либо они представляются какими-то демонами, ихъ голосъ, что громъ, они собираютъ тучи, свергаютъ съ горъ каменныя глыбы и когда держатъ совѣтъ, сидя въ полукругѣ у своего логовища въ пурпурныхъ креслахъ, отъ нихъ тянется сѣрый, непроглядный туманъ, застилающій окрестность.

На сѣверѣ и востокѣ Россіи (въ Пермскомъ и Вотскомъ краѣ, въ Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерніяхъ, въ Лапландіи) и въ Сибири существуютъ аналогичныя преданія о Чуди, вымершемъ народѣ, также ушедшемъ подъ землю. Чудью звали у насъ въ старину вепсовъ и эстовъ; въ лопарскихъ преданіяхъ имя охватило и кореловъ и русскихъ, и шведовъ; лопарскимъ или чудскимъ курганамъ Лапландіи и Кореліи отвѣчаютъ въ Вологодской губерніи чудскія могилы [1]). Чередуются ли эти преданія съ преданіями о волотахъ, совпадаютъ-ли съ ними, на это я отвѣтить не умѣю.

Итакъ: волоты, велетни — великаны исчезнувшіе, ушедшіе подъ землю (?).

---

1) Сл. мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности, стр. 80 слѣд.; Историческій Вѣстникъ 1890 г. Окт. (Городища Вятской губерніи); Эйхвальдъ въ Зап. Имп. Археол. Общ. т. IX, 283; ibid., стр. 558. О чуди въ лопарскихъ преданіяхъ и о лопарскихъ могилахъ сл. Poestion, Lappländische Märchen (passim и стр. 183); Quigstad og Sundby, Lappiske eventyr ok folkesagn (1887), passim и стр. 7, прим. 4; Островскій, Лопари и ихъ преданія, Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XXV (1889), стр. 316 слѣд.; Соболевскій, Живая Старина III, 118; Куликовскій, Словарь областного олонецкаго нарѣчія a. v. Чудь и Паны. Сл. Жив. Стар. XIV, стр. 102 слѣд.: Преданія о финскомъ населеніи въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи.

О Велетабахъ-Вильцахъ разсказывали, какъ о чудищахъ, свирѣпыхъ, рожденныхъ въ странѣ мрака; Ноткеръ Labeo говоритъ о нихъ въ своей парафразѣ Марціана Капеллы: «Велетабы (Uueletabi), живущіе въ Германіи, которыхъ мы зовемъ Вильцами (Uuilzi), не стыдятся говорить, что они ѣдятъ своихъ родителей (iro parentes) съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ черви». Недаромъ Dietrichs Flucht (v. 2457 слѣд.) обвиняетъ (Эрмрика Эрманариха) въ томъ, что онъ съ коварнымъ умысломъ послалъ своего сына Фридриха въ землю Вильцевъ (въ сагѣ о Тидрекѣ), гл. 278: Vilcinaborg). Куда они дѣлись? Вотъ чѣмъ интересовались въ XIII вѣкѣ: когда Марнеръ принимался пѣть, одному хотѣлось бы послушать о томъ, другому о другомъ;

Der dritte wil der Riuzen sturm
. . . .
Dem sechsten tete baz
War komen sî der Wilzen diet [1]).

Вопросъ, могущій возбудить недоумѣніе: была-ли о томъ особая сага—или вильцы исчезли, ушли въ землю, какъ былые люди, великаны другихъ легендъ?

Перейдемъ еще разъ къ Вильтину саги. Она ничего не говоритъ о его громадномъ ростѣ; но его сынъ Вади, нѣм. Wate великанъ, великаны по силѣ и природѣ (ödli) и его внуки по Нордіану; Etgeir, Aventrod, Vidolf (гл. 27; объ Аспиліанѣ см. гл. 194), хотя они и перешли къ нему изъ другого нѣмецкаго сказанія; о его правнукѣ, сынѣ Веланда, Видгѣ (нѣм. Witege) говорится, что онъ былъ выше всѣхъ людей, не принадлежащихъ къ породѣ исполиновъ (гл. 175) [2]). Не представляется-ли и Виль-

1) Шафарикъ, l. c., стр. 104, прим. 79; W. Grimm, D. Heldensage, стр. 162, 188.

2) По представленію «пролога» первыя поколѣнія по Ноевомъ потопѣ были великаны, risar, а затѣмъ число рослыхъ и сильныхъ людей стало постепенно уменьшаться; но въ текстѣ саги встрѣчается о томъ или другомъ лицѣ выраженіе: онъ былъ и ростомъ, что великанъ (гл. 1: о Самсонѣ; 14: о Тидрекѣ: высокого росту, хотя не великанъ).

тинъ, Wiltinus, не только эпонимомъ велетовъ, но и исполиномъ, велетнемъ, волотомъ русскихъ преданій?

Если Вильтинъ и вильтины прошли въ сагу изъ нижненѣмецкихъ сказовъ и пѣсенъ, на которыя ссылаются ея составители, то слѣдующее предположеніе не будетъ лишено правдоподобія [1]).

Уже въ 1159 году мы встрѣчаемъ нѣмцевъ на устьѣ З. Двины; въ 1181—7 годахъ миссіонеръ Мейнгардъ является въ Ливонію съ нѣмецкими купцами (cum comitatu mercatorum), прося у полоцкаго князя дозволенія поселиться. Въ 1202 году нѣмцы уже устраиваются на Двинскомъ устьѣ; когда въ 1210 г. жители Риги посылаютъ къ Владиміру Полоцкому для заключенія мира, онъ, отпуская ихъ, даетъ имъ въ спутники мудраго и богатаго обывателя Смоленска, Лудольфа, который все устроитъ по правдѣ. Выразилось это торговымъ договоромъ между Ригой и Полоцкомъ; что въ Смоленскѣ нѣмцы торговали уже при Мстиславѣ Романовичѣ (1197—1212), видно изъ договора его сына, ссылавшагося на порядки, существовавшіе при его отцѣ; договоръ съ Ригой и Готландомъ, заключенный вел. кн. смоленскимъ Мстиславомъ Давыдовичемъ отъ своего имени и отъ имени князей полоцкаго и витебскаго, уже упоминаетъ рядъ городовъ, съ которыми установились сношенія: Висби, Любекъ, Соестъ (Жатъ), Мюнстеръ, Бременъ, Рига и др. Нѣмцы просто водворились въ Полоцкой и Витебской областяхъ; во второй половинѣ вѣка у нихъ было въ Смоленскѣ нѣсколько дворовъ, своя сло-

1) Для слѣдующаго сл. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія I, стр. 98, 99, 104, 179—81; Голубовскій, Исторія Смоленской земли, стр. 108 слѣд.; Довнаръ-Запольскій, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія (Кіевъ, 1891); Данилевичъ, Очеркъ исторіи Полоцкой земли (Кіевъ, 1896). Главный источникъ Генрихъ Латышъ въ Chronicon livonicum vetus, Scriptores rerum livonicarum I, стр. 50 прим. C и passim подъ годами 1201, 1203, 1206, 1210, 1212, 1215, 1222 (сл. текстъ у Pertz'a Mon. Script. t. XXIII). Для хронологіи Bonnell, Die Chronologie Heinrichs des Letten въ Mélanges Russes t. II, 3 livr. (1853), стр. 283 слѣд. Подъ 1208 годомъ читается: rege magno Waldemaro in Moschowiam, гдѣ издатель предпочитаетъ Plescowiam; Боннель l. c., стр. 291 разумѣетъ Полоцкъ.

бода и церковь. Пріѣзжали они на Русь съ коммерческими цѣлями; Полоцкая земля лежала на большомъ торговомъ пути, издавна поставляла на Готландъ и въ скандинавскія земли, вмѣстѣ съ мѣстнымъ воскомъ и мѣхами, продукты арабской индустріи, доходившіе изъ Бунгаръ, вывозя мечи и стрѣлы, издѣлія изъ бронзы и серебра. Въ музеѣ латинской школы въ Висби хранятся осколки раковины, водящейся лишь въ Индійскомъ океанѣ. Большое количество диргемовъ, найденныхъ какъ въ Швеціи и на Готландѣ, такъ и въ Полоцкой землѣ, и встрѣчающіеся въ послѣдней клады съ англосаксонскими и нѣмецкими монетами указываютъ на древнія торговыя связи, нити которыхъ перешли изъ рукъ скандинавскихъ и ирландско-нормандскихъ гостей въ руки нѣмцевъ [1]).

Это вызывало общеніе другого рода. Составителю саги о Тидрекѣ преданія о нифлунгахъ сказывали люди изъ Бремена и Мюнстера (гл. 394: í Brimum eđa Maenstrborg), городовъ, упоминаемыхъ, вмѣстѣ съ другими вестфальскими, въ торговомъ договорѣ 1229 г. Эти люди могли быть передатчиками и на Руси своихъ домашнихъ преданій и пѣсенъ; отъ нихъ, вѣроятно, идетъ замѣтка «о поганомъ зломъ Дедрикѣ» въ 1-й Новгородской лѣтописи (подъ 1203-мъ годомъ); въ записи какого-то Терещицы въ псалтыри Архангельской семинаріи говорится о конѣ Редрика, нѣмецкаго богатыря (Дедрика? извѣстенъ конь Тидрека, Falka). Но, передавая свое, нѣмцы могли въ свою очередь слышать на мѣстѣ многое, что остается для насъ темнымъ или манитъ стилемъ преданія въ исторіи Полоцка и Смоленска, для которыхъ нѣтъ лѣтописей. Что мы знаемъ о Рогволодѣ, о начальной исторіи Полоцкой земли? Въ вѣковой распрѣ ярославичей съ всеславичами есть что-то расовое. Сага объ Эймундѣ разсказываетъ, что онъ бился съ Ярославомъ на сторонѣ Брячислава (Vartislafr, Varalafr), которыхъ она считаетъ братьями;

1) О торговомъ и культурномъ значеніи Готланда сл. теперь Al. Bugge, Vesterlandenes Indflydelse paa nordboernes og saerlig nordmandenes ydre kultur etc. (Christiania 1905), Register, I a. v. Gotland и особенно гл. IX, 307—332.

миръ творитъ Ингигерда, жена Ярослава, и Эймунду предоставленъ Полоцкъ и подлежащая ему волость. Это тяготѣніе варяговъ къ Полоцку стоитъ отмѣтить. Лихорадочная дѣятельность Всеслава напоминаетъ типы безпокойныхъ викинговъ. Къ нему присталъ рядъ эпическихъ преданій: какъ его отецъ Брячиславъ обращается за совѣтами къ языческимъ волхвамъ, такъ самъ онъ рожденъ отъ волхвованія, «бѣ ему на главѣ знамя язвено»; «рекоша волсви матери его: се язвено на главѣ его навяжи нань, да носитъ е (наузу) до живота своего на себѣ». Это — науза, pileus naturalis, символъ родовой, унаслѣдованной доли, какъ сѣверная fylgja[1]); о Всеславѣ говорится, что онъ былъ жестокъ на кровопролитіе; отъ доли не уйти, къ Всеславу приложена припѣвка стараго Баяна: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути»; это та-же доля въ христіанскомъ освѣщеніи. Что разсказывается о Всеславѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ, отзывается сквозь риторику стилемъ народнаго или дружиннаго преданія. Онъ «разшибе славу Ярослава»; но его внукъ Изяславъ Городенскій «притрепа» его собственную главу, когда палъ «притрепанъ литовскими мечи». Политическая орьентація Полоцка не общерусская: у однихъ на рукахъ половцы, у другихъ Литва и Ливь; а слагатель Слова сѣтуетъ, что Сула уже «не течетъ серебреными струями и Двина болотомъ течетъ онымъ (когда-то) грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ поганыхъ» — тамъ половцевъ, здѣсь литовцевъ.

Подъ 1130 годомъ лѣтопись сообщаетъ, что «поточи Мстиславъ полотскии князѣ съ женами и с дѣтьми въ Грѣки (въ Царьградъ), еже преступиша хрестьное целование», отказавшись идти на половцевъ. При этомъ сообщается со словъ людей вѣдущихъ (яко сказаша вѣдущіе) извѣстный разсказъ о Рогнѣдѣ съ такимъ обобщеніемъ: «и оттолѣ мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославлимъ внукамъ».

Въ концѣ XII вѣка (въ 1186—7 годахъ) хроника Генриха

1) Сл. мои Разысканія, XIII, стр. 185—6, 208.

Латыша упоминаетъ неизвѣстнаго русскимъ лѣтописямъ полоцкаго князя *Владимира*, которому Ливы язычники платили дань; онъ-же дозволилъ священнику, впослѣдствіи епископу Мейнгарду проповѣдывать христіанство и основать первую церковь въ Икскюлѣ. Его зовутъ Woldemarus de Plosceke, dux de Plosceke; онъ постоянно воюетъ съ нѣмцами; сбирался въ походъ противъ Рижанъ по вызову эстовъ, когда внезапно умеръ (1215 г.). Арнольдъ Любекскій, не называя его по имени, говоритъ о rex Russiae de Plosceke. Этого Владимира искали въ русскихъ лѣтописяхъ. По свидѣтельству Татищева, Владиміръ, сынъ Володаря Глѣбовича Минскаго, приходится правнукомъ Всеславу Брячиславичу; издатель Antiquités Russes[1]) внесъ его въ родословную вмѣстѣ съ сестрой Софіей († 1198), женой Вальдемара I, короля Датскаго. Сообщеніе Татищева давно вызывало сомнѣніе; проф. Довнаръ-Запольскій видитъ въ Владимирѣ Генриха Латыша преемника на полоцкомъ столѣ Всеслава Васильковича, правнука Всеслава Брячиславича. Къ какой линіи полоцкихъ князей онъ принадлежалъ, остается неизвѣстнымъ; г. Данилевичъ предполагаетъ, что онъ былъ сыномъ Всеслава Васильковича; если русскія лѣтописи его не знаютъ, то это вполнѣ естественно при отдѣленіи Полоцкихъ интересовъ отъ интересовъ другихъ русскихъ земель[2]), и становится понятнымъ выраженіе Арнольда Любекскаго, который, не называя Владимира, говоритъ о немъ, какъ о rex Russiae de Plosceke. Это точка зрѣнія саги о Тидрекѣ: Владимиръ царитъ въ Польшѣ и Руси, ему принадлежатъ Полоцкъ и Смоленскъ; эти города особо выдвинуты въ соотвѣтствующихъ эпизодахъ саги. Замѣтимъ, что именно съ Всеслава Васильковича начинается сильное вліяніе въ Полоцкѣ Смоленска, развившееся въ началѣ XIII вѣка въ протекторатъ послѣдняго надъ первымъ и кончившееся въ 1222 г. взятіемъ Полоцка смольнянами[3]).

---

1) Сл. т. I, родословная № II и объясненіе на стр. 482 слѣд.

2) Довнаръ-Запольскій, l. c., стр. 160 слѣд.; сл. стр. 154.

3) Голубовскій, l. c., стр. 176 (№ 12), стр. 196 слѣд. (№ 43 и стр. 199), 274, 299.

Все это даетъ поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Нѣмецкіе люди, явившіеся въ Двинскую области, застали тамъ «великую сагу», allmikill saga (гл. 315), какое то преданіе о вильтинахъ, еще и теперь доживающія въ волотахъ мѣстнаго повѣрья; могли слышать и сказы-пѣсни о «старомъ» Владимирѣ и Ильѣ, заходившія вверхъ по долинѣ Днѣпра, черезъ «черныя грязи смоленскія» и вдоль Западной Двины по «латынской» или «латышкиной» дорогѣ[1]); пѣсни о Владимирѣ Святославичѣ или уже Всеславичѣ?[2]). Въ Полоцкѣ помнили Всеслава и его преемника (?) Владимира. Еще въ XVI вѣкѣ помнили въ Бѣлоруссіи Илью Муромца и Соловья Будимировича: bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Sołowia Budimirowicza, писалъ въ 1574 году изъ Орши староста Филонъ Кмита Чернобыльскій Остафью Воловичу[3]).

Въ «Родословіи великихъ князей русскихъ» начала XVI в., написанномъ въ Бѣлоруссіи, говорится, что у князя Владимира были «храбрые вои мнози, и начаша избивати силы великыа подъ городомъ подъ Кыевомъ; и оттолѣ начаша боятися цари Ординскія. У князя Володимира были храбрыхъ богатырей много; и начаша ихъ посылати по всѣмъ градомъ и странамъ». Очень вѣроятно, что въ основѣ этой замѣтки лежитъ мѣстное пѣсенное преданіе[4]). Позже явились и мѣстныя усвоенія: пріуроченіе одного изъ подвиговъ Ильи передъ поимкой Соловья-раз-

---

1) Сл. Марковъ, Этнограф. обозрѣніе XLVI, стр. 77—8, 91, 94.

2) Въ сказаніи о князьяхъ Владимирскихъ Святославъ Игоревичъ названъ Всеславомъ. Сл. Ждановъ, Русск. был. эпосъ, стр. 598.

3) Сл. мои Южнорусскія былины, гл. II, стр. 64. Комментируя на стр. 78 сопоставленіе Ильи и Соловья Будимировича я выразилъ мнѣніе, что Кмита могъ имѣть ввиду какую-нибудь контаминированную былину въ родѣ той, которая собрала на кораблѣ Соловья Илью и другихъ богатырей. Отсюда заключеніе, что «былина» о Соловьѣ была въ XVI в. уже древней. Была-ли это былина о «сватовствѣ» или какая другая, я это не предрѣшилъ, какъ показалось г. Трубицыну. Сл. его отчетъ о книгѣ г. Лободы, Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, Іюнь, стр. 432.

4) Соболевскій, Къ исторіи русскихъ былинъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г. Іюль, стр. 15—17.

бойника къ городу Себежу отразило, быть можетъ, память о разгромѣ подъ Себежомъ польско-литовскаго войска въ 1536 году[1]). Бѣлорусскія сказанія о Ильѣ, можетъ быть, послѣдніе, хотя и подновленные слѣды развитія, прерваннаго историческими отношеніями и смѣшеніемъ народностей[2]).

Такія-же преданія застали въ Двинской области нѣмецкіе купцы или шпильманы и дали имъ окраску недавнихъ мѣстныхъ событій, въ которыхъ Владимиръ Полоцкій, Полоцкъ и Смоленскъ стояли на первомъ мѣстѣ. Такъ получился разсказъ о Вильтинѣ и вильтинахъ и ихъ борьбѣ съ Русью, которой также дали княжескую родословную; съ вымышленными или пріуроченными именами—вотъ вопросъ, на которомъ намъ придется остановиться въ слѣдующей главѣ. И въ то-же время кадры русскаго эпоса могли раскрываться для того или другого захожаго сюжета, какъ въ районъ русской мысли проникали робкія вліянія западной (Житіе Авраамія, Климентъ Смолятичъ). Я давно уже указалъ на совпаденіе одного типа былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ — съ позднимъ изводомъ нѣмецкой пѣсни о Гильдебрандѣ и Алебрандѣ[3]); можетъ быть, съ болѣе древнимъ видомъ того-же извода. Недавно г. Марковъ[4]) открылъ этническій субстратъ въ именахъ, которыя носитъ мать Ильи: Латыгорка отъ Латыгалы, Латыгоры Псковскихъ и Новгородскихъ лѣтописей (Лѣтьгола Начальной лѣтописи), леттскаго племени, жившаго по правому берегу З. Двины, между нижнимъ ея теченіемъ и поселеньями эстовъ и ливовъ; Семигорка отъ Зимгалы, Зимигалы—леттскаго племени на лѣвомъ берегу З. Двины, то и другое въ области полоцкихъ отношеній; въ 1106 году

1) Вс. Миллеръ, Очерки русск. нар. словесности, стр. 391 слѣд.; Марковъ, Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, Этнограф. Обозр. XLVI, стр. 92.

2) Лобода, Бѣлорусск. нар. поэзія и русск. былевой эпосъ. Этнограф. Обозр. XXV, стр. 1 слѣд.

3) Южнорусскія былины, гл. IX.

4) Марковъ, Къ былинамъ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, Этнограф. Обозр. XLVI, стр. 73 слѣд.

они разбили сыновей Всеслава Полоцкаго. Отсюда заключеніе автора, что былина сложилась въ Полоцкой области въ первой половинѣ XIII в.; я бы не говорилъ о сложеніи, а о пріуроченіи, если Латыгорка отъ Латыголы, что кажется мнѣ вѣроятнымъ; то обстоятельство, что названіе Латыголы, такъ часто попадающееся въ лѣтописяхъ XIII в., совершенно исчезаетъ въ нихъ въ XV—XVI вѣкахъ, отчасти опредѣляетъ эту локализацію и хронологически [1]).

III.

Русская генеалогія саги о Тидрекѣ.

Кромѣ именъ Владимира и Ильи, другія, внесенныя въ русскую родословную саги, загадочны. Озантриксъ, отецъ Erka'и (нѣм. Helche), несомнѣнно тождественъ съ Oserich'омъ Битерольфа; но объясненіе его имени, когда-то предложенное, оказалось не отвѣчающимъ требованіямъ современной этимологіи. На Озантрикса перенесено сказаніе, легшее въ основу старонѣмецкой поэмы о брачной поѣздкѣ короля Ротера (M^1, гл. 29—38; M^2 повторила этотъ эпизодъ съ чертами, ближе стоящими къ верхненѣм. поэмѣ о Ротерѣ). Къ Ротеру приходитъ на помощь подвластный ему великанъ Asprîân, съ такими-же, какъ онъ, исполинами, между которыми особенно выдается Widolt; они явились изъ страны незнаемой (Rôter v. 631: zô eime unkundigen lande; v. 68: mit unkundiger deck); при Вильтинѣ тѣ-же ве-

---

1) В. Миллеръ, въ недавно появившейся статьѣ (Этногр. Обозрѣніе, 1906 г. кн. LXVII, стр. 79 слѣд. «Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ»), отрицая соображеніе г. Маркова, возвращается къ своей старой гипотезѣ о восточномъ происхожденіи нашей былины, какъ наиболѣе вѣроятномъ, но считаетъ неубѣдительными всѣ попытки пріурочить ея первоначальный изводъ къ опредѣленному времени или области (стр. 94).

ликаны являются въ числѣ подначальныхъ ему вильтиновъ: Asplian (M^2 Aspilean)[1]), Vidolf, Etgeir (M^2 Edgeirr, Aðgeirr) и Aventrod, сыновья Нордіана; самъ Озантриксъ выступаетъ въ роли Ротера.—О его войнахъ уже сказано, и мы къ нимъ еще вернемся; гл. 134 даетъ его характеристику въ старости, очень раздѣльную и такъ сказать личную. Онъ былъ крайне жестокъ, и народъ съ трудомъ выносилъ его тяжелое иго; чѣмъ больше давали ему податей, тѣмъ круче онъ становился. Онъ велъ торговлю со всѣми, богатыми и бѣдными, дружинниками, крестьянами и заѣзжими купцами; раздавалъ своимъ дружинникамъ помѣстья въ ихъ управленіе, а управлялъ самъ; сколько бы ему не давали, онъ требовалъ бо́льшаго; золото и съѣстные припасы проваливались точно въ пропасть, а при дворѣ голодали и плохо пили. Каждый годъ собиралось большое войско на войну съ Аттилой, что всѣхъ тяготило; а лишь только наставалъ миръ, народъ страдалъ отъ новыхъ налоговъ. Озантриксъ и его родъ присваивали чужую собственность, точно обучались тому по той-же книгѣ; а подданные бывали покойны, лишь когда Озантриксъ отъѣзжалъ въ походъ, и надѣялись, что онъ когда-нибудь да не вернется.

Перехожу къ вопросу о Hertnit'ахъ русской родословной. Ихъ три; старшій изъ нихъ производитъ впечатлѣніе безкровнаго эпонима; то, что разсказывается о двухъ слѣдующихъ, вызывало рядъ вопросовъ и отвѣтовъ.

---

1) Въ гл. 430 саги (112) Аспліанъ владѣетъ помѣстьями въ Lungbardie, что въ противорѣчіи съ гл. 45 (M^1); можетъ быть, въ связи съ итальянской географіей Ротера. Въ такомъ случаѣ эпизодъ о Геймарѣ въ монастырѣ, гдѣ мы и встрѣчаемся съ лонгобардскимъ пріуроченіемъ Аспліана, принадлежитъ интерполяціи, внесенной въ M^2, потому что разсказъ M^2 о брачной поѣздкѣ Озантрикса (=Ротеръ) итальянскаго пріуроченія не знаетъ. Asprian (=Aspilian) встрѣчается еще (въ связи съ Карломъ Великимъ) въ нидерландской поэмѣ о медвѣдѣ Wisselan и въ Roman om Karl dem Grooten en zijne XII pairs. Считать-ли его заимствованнымъ изъ французскаго источника (Heinzel, Ueber die Walthersage, стр. 78, пр. 1), или видѣть въ суфф. -an (Nordian, Aldrian и др.) славянское окончаніе (Bugge, Arkiv 2, 166), что̀ невѣроятно?

1) Гертнитъ I, отецъ Озантрикса, Владимира и Ильи, уже извѣстенъ намъ по войнамъ съ Вильтиномъ и Нордіаномъ (гл. 22, 24—26). У него братъ Hirđir (гл. 22), погибающій въ битвѣ противъ Вильтина.

2) Гертнитъ II, сынъ Озантрикса (гл. 292; 349—355; въ гл. 350 M^2: племянникъ, противъ гл. 292 и A, B 350; такъ и въ шведскомъ текстѣ, гдѣ имя Гертнита читается Herding). Разсказывается о нашествіи на него короля Изунга изъ Бертангаланда (Sv: Bretania); происходитъ смертный бой; жена Гертнита, Ostacia или Ostancia, дочь Руны, короля Austrriki, заколдована была съ дѣтства своей матерью, знахаркой, и сама стала чаровницей; въ битвѣ съ Изунгомъ она участвуетъ лично, обернувшись дракономъ, съ полчищемъ такихъ же оборотней, — какъ о томъ *поется въ нѣмецкихъ пѣсняхъ* (гл. 352). Она проглатываетъ Изунга, но сама поражена старшимъ его сыномъ и умираетъ впослѣдствіи. Все вражье войско перебито, самъ Гертнитъ оправился отъ тяжкихъ ранъ, еще долго правилъ царствомъ вильтиновъ и совершилъ много подвиговъ, *какъ разсказано въ сагѣ о немъ*, о которой, впрочемъ, здѣсь не говорится (гл. 355).—Шведская риѳмованная хроника, зависящая отъ Sv, представляетъ то отличіе, что и Гертнитъ умираетъ въ бою; онъ названъ сыномъ Гертнита, Hertnit Hertnitson.

3) Гертнитъ III, сынъ Ильи (гл. 31, 137, 141; у него братъ Osid гл. 31 M^1, или Hirdir 31, 49 M^2; въ Sv: Herding и Osid), идетъ развѣдчикомъ въ разсказѣ о брачной поѣздкѣ Озантрикса, поддерживаетъ сватовство Нордунга за дочь Озантрикса, Эрку, участвуетъ въ войнѣ Озантрикса съ Аттилой.

Мюлленгофъ, а за нимъ другіе изслѣдователи отождествляли этого Гертнита III съ предыдущимъ, руководясь варьянтомъ къ главѣ 350, гдѣ Гертнитъ III названъ племянникомъ Озантрикса. Если объединять обоихъ Гертнитовъ, сына Озантрикса и сына Ильи, то нѣтъ основаній дать послѣднему предпочтеніе передъ первымъ на основаніи одного лишь разночтенія, когда нѣмецкая поэма объ Ортнитѣ называетъ его племянникомъ Ильи русскаго.

Въ угоду теоріи Symons готовъ посягнуть даже на это прямое показаніе и въ этомъ смыслѣ толкуетъ обращеніе Ортнита къ Ильѣ въ 55-й строфѣ поэмы: *я сынъ твоей сестры*; съ тѣхъ поръ какъ всѣ князья (повинуются) нашей власти (in unserm Gewalte sind), *я избираю тебя моимъ отцомъ*, *ты мнѣ отецъ* (ich will dich ze Vater kiesen; du bist der Vater mîn); то есть, въ отца мѣсто [1]). Такова, какъ извѣстно, роль и правовое значеніе дяди по матери въ обществѣ, въ которомъ сохранились пережитки матріархальнаго быта.—Замѣтимъ, что въ краткомъ пересказѣ легенды объ Ортнитѣ въ Dietrichs Flucht (ок. 1285—1290 г. по предположенію Martin'a) [2]) его отцомъ названъ римскій король Sigehîr, а въ Anhang къ Heldenbuch'у отецъ носитъ имя сына (какъ въ шведской риѳмованной хроникѣ: Hertnit Hertnitson).

Содержаніе нѣмецкой поэмы, текстъ которой въ настоящемъ его видѣ относятъ къ третьему десятилѣтію XIII вѣка, вкратцѣ слѣдующее:

a) Ортнитъ, племянникъ Ильи русскаго по матери, царитъ въ Garte, то есть, въ Гардѣ, въ Ломбардіи; слышитъ о красотѣ дочери Machorel'я (Marchorel, Nachorel, Zacherel, Achahal, Nachael, Nachaol), властвующаго въ Судерсѣ (Suderz, Sunderz, Syders, Sanderz) въ Сиріи (Sürie, Syvreie, Surgen), рожденной въ Montabûr (Montamur и др.). Не смотря на то, что сватовство грозитъ опасностью, ибо Machorel рубитъ головы всѣмъ притязающимъ на руку дочери (онъ сбирается взять ее за себя по смерти жены), Ортнитъ рѣшается на поѣздку; и Илья обѣщаетъ ему помощь: онъ-то и сообщилъ ему вѣсти о красавицѣ, о ея родѣ и племени. Илья проситъ только отложить походъ до весны: ему надо съѣздить на Русь, гдѣ онъ не былъ около года, повидать жену и дѣтей; привести дружину. Въ условленное время всѣ отправляются; путь идетъ на Мессану, оттуда до Suders'a

1) Symons, Grundriss, l. c., стр. 34 слѣд.
2) Deutsches Heldenbuch II, Einleitung, стр. LIV и v. 2057 слѣд.

двѣнадцать дней; пріѣзжихъ пустили въ гавань, когда они назвались купцами. Ихъ предпріятіе удалось, благодаря пособничеству шаловливаго духа Альбериха, который оказывается настоящимъ отцомъ Ортнита; номинальный не названъ. Никому не видимый, Альберихъ проникаетъ во дворецъ Махореля, заявляетъ, что присланъ сватомъ; и когда король неистовствуетъ, желая схватить незримаго посланца, и требуетъ онъ него вѣрительной грамоты, Альберихъ даетъ ее ему—въ видѣ пощечины. Судерсъ взятъ и войско Ортнита идетъ на Монтобуръ; его ведетъ Альберихъ, верхомъ на конѣ Ортнита; видно лишь знамя въ его рукахъ; всѣ дивуются, а Ортнитъ говоритъ, что это ангелъ Божій указываетъ имъ путь. Ночью Альберихъ пробирается на городскую стѣну, портитъ весь боевой снарядъ и сбрасываетъ его въ ровъ. Махорель продолжаетъ упорствовать; жена уговариваетъ его отдать дочь: Ортнитъ уже взялъ Судерсъ, перебилъ народъ, и самому тебѣ придется поплатиться. Махорель заушаетъ жену: коли станешь приставать съ совѣтами, плохо тебѣ будетъ. А она выражаетъ желаніе, чтобы Богъ Ортнита даровалъ ему побѣду. Проникнувъ во дворецъ Махореля, Альберихъ передаетъ его дочери предложеніе Ортнита и съ ея согласія уводитъ ее къ нему. Изъ Судерса Ортнитъ съ невѣстой отправляются въ обратный путь.

b) Махорель готовитъ месть: въ знакъ примиренія съ зятемъ онъ посылаетъ ему подарки, въ ихъ числѣ ларецъ (bulge); „но то, что въ немъ, еще не выросло,“ говоритъ посланецъ: „тамъ авраамова жаба (abrahemschin kröte: изъ Авраамова сада, о которомъ въ средніе вѣка говорились диковинки), она принесетъ тебѣ камень, краше котораго не было подъ солнцемъ.“ По указанію посланца ларецъ отнесенъ въ горы; въ немъ было два драконовыхъ яйца, изъ которыхъ со временемъ вылупились чудовища, опустошавшія страну. Плохо приходилось витязямъ, выѣзжавшимъ противъ нихъ; выѣхалъ и Ортнитъ и проглоченъ дракономъ. — Позже прибылъ туда Вольфдитрихъ, убилъ дракона и женился на вдовѣ Ортнита.

Краткая передача этого сказанія въ Dietrichs Flucht не знаетъ ни Ильи, ни Альбериха: Отниту, сыну Sigehîr'а, его люди совѣтуютъ жениться, указываютъ и на невѣсту, дочь гордаго (vermezzen) короля Gôdîân'а (вар. Gordeân), убивавшаго всѣхъ, кто за нее посватается; онъ царитъ въ Galamê, вар. Salan. Отнитъ отправляется къ нему съ войскомъ по морю и начинаетъ опустошать страну. Устрашенный этимъ Годіанъ нехотя отдаетъ ему дочь, но въ отместку велитъ тайкомъ отнести въ римскія области четырехъ змѣенышей (wilde würme). Развязка та же: Отнитъ погибаетъ, драконъ убитъ прибывшимъ изъ Греціи Вольфдитрихомъ.

Составителю M^2 извѣстна была какая-то поэма или сказаніе объ Ортнитѣ того же типа, и онъ воспользовался однимъ ея эпизодомъ — бой съ змѣемъ — но внѣ русскихъ отношеній. Ortnit названъ у него Hertnit'омъ, но царитъ онъ не въ Garti, а въ Bergara (вар. Babilon; въ Sv: Ortnîdh, Brugara: Болгарія?); онъ наѣзжаетъ въ лѣсу на дракона, въ бою съ которымъ погибаетъ; мстителемъ является Тидрекъ Бернскій, замѣнившій Вольфдитриха, согласно съ планомъ саги, сдѣлавшаго перваго центромъ своихъ сказаній.

Редакторъ M^2 видимо не соединилъ этого разсказа съ разбросанными слѣдами какихъ-то «нѣмецкихъ пѣсенъ», саги о Гертнитѣ-Ортнитѣ русскомъ, которые уже въ его источникѣ могли распредѣляться по Гертнитамъ русской генеалогіи: племянникъ Ильи, ходившій за море по невѣсту, очутился его сыномъ — и дѣйствующимъ лицомъ въ брачной поѣздкѣ Озантрикса — это Гертнитъ III; къ Гертниту II, племяннику Ильи по сагѣ, присталъ разсказъ о битвѣ съ Изунгомъ. Я не рѣшаюсь признать въ этомъ эпизодѣ особую версію боя Ортнита со змѣемъ, какъ то дѣлаетъ Иречекъ: Гертнитъ и не убитъ (по мнѣнію критика сага отмѣчала трагическій эпизодъ), да и мстителя нѣтъ. Фантастика разсказа отзывается сѣвернымъ колоритомъ. Мюлленгофъ сравнивалъ эпизодъ саги Hrômundar Greipssonar о боѣ сыновей Грейпа съ Гелою, надъ которымъ вилась валькирія Кара, обез-

силивая своими чаровными пѣснями его враговъ[1]). Но параллелей представляется много и разнообразныхъ. Въ Hrólfssaga Kraka Hrólf и его витязи погибаютъ въ битвѣ съ Hjǫrvarđ'омъ: жена Hjǫrvađ'а, Skuld, изъ рода эльфовъ; его войско сопровождается демонами, какъ и въ сагѣ о Hálfdan'ѣ, сынѣ Eystein'а; рать Ulfkel'я демоническая; король біармійцевъ, Hárekr, носится дракономъ; образъ дракона принимаетъ и Grímr въ сагѣ о Gǫngu-Hrólf'ѣ и всѣхъ убиваетъ своимъ ядомъ. Въ сагѣ объ Ǫrvarodd'ѣ королѣ Гуналанда Herrauđ, за дочь котораго сватается герой, ставитъ условіемъ брака — взысканіе даней съ Альфа, царившаго въ Bjálkaland'ѣ[2]). Альфъ и жена его Gyda чародѣи: въ битвѣ съ Ǫrvarodd'омъ они и ихъ сынъ, невидимые ему, поражаютъ его людей. Нѣкій Haki, вѣдунъ, велитъ ему посмотрѣть изъ-подъ его руки—и онъ увидѣлъ Гиду; но оружіе ея не беретъ, пока, по совѣту того же Haki, Ǫrvarodd не прибѣгнулъ къ каменнымъ стрѣламъ.

Вопросъ объ отношеніи Гертнитовъ саги къ Ортниту нѣмецкой поэмы вызвалъ небольшую литературу. Во главѣ стоитъ Мюлленгофъ съ его теоріей «германскихъ діоскуровъ», до сихъ поръ держащейся въ нѣмецкой наукѣ[3]). Построена она строго этимологически; но отправная точка возбуждаетъ сомнѣнія: въ основу поставлено имя не Ortnît-Hertnit'а, а Herding Sv= нижнемѣм. Harding и предвзято обобщены отношенія Ortnît'а къ отмстившему за него Вольфдитриху.

Тацитъ (Germ., c. 43) говоритъ, что вандальская народность Наганарваловъ чтила двухъ божественныхъ братьевъ, Alci, которыхъ римляне сравнивали съ Касторомъ и Поллуксомъ; ихъ

1) Zs. f. deutsch. Alterthum, XII, 351; XXIII, 124.

2) Какъ полагаютъ, въ западной Россіи, въ странѣ *бѣлокъ*. Проф. Миккола видитъ въ Bjalkoland'ѣ—Бѣлозерье, въ ея жителяхъ—весь. Сл. Finnisch-ugrische Forschungen II (1902): Finnisch-slavische Beziehungen, стр. 74—5.

3) Müllenhoff, Zs. f. deutsch. Alterthum, VI, 435 слѣд.; ib. XII, 344 слѣд. (Zeugn. u. Excurse XXIV). Сл. Symons, Grundriss, l. c. стр. 679 слѣд.; Jiriczek въ отчетѣ о Voretsch, Epische Studien, I: Die composition von Huon de Bordeaux въ Beiblatt zur Anglia 1901, Sept. № IX, стр. 260 слѣд.

культомъ завѣдывалъ sacerdos muliebri ornatu; это толкуется: съ распущенными по женски волосами; съ другой стороны названія для вандальской королевской династіи, Asdingi, у Іордана с. 22, Ἀστιγγοι для части вандальскаго племени, поселившагося въ сѣверной Дакіи, у Діона — указываютъ на корень *hazds, сѣв. haddr, англосакс. heord: женскіе волосы. Оттуда сѣверные Haddingjar, какъ зовутся двое младшихъ сыновей Арнгрима[1]); по сагѣ о Hervǫr они близнецы, и ихъ сила вдвоемъ равна силѣ каждаго въ отдѣльности. Привлекаютъ къ объясненію и Helgi Haddingjaskati утраченныхъ пѣсенъ о Карѣ, о которыхъ говоритъ послѣсловіе въ прозѣ къ Helgakviđa Hundingsbana II; сагу о Гротундѣ, сынѣ Грейпа. Сѣверные Haddingjar, волосатые, отвѣчали бы англос. Heardingas, нижненѣм. Hardinge, средне-верхненѣм. Hartunge; нижненѣм. Hardnîd, откуда сѣв. Hertnit и верхненѣм. Ortnît были бы искаженіемъ первичнаго имени. — Вандальская сага о братьяхъ Газдингахъ осталась на сѣверѣ, гдѣ пріурочена была къ славянамъ или вендамъ, которыхъ въ VIII — IX вв. отождествляли съ вандалами.

По Иречку миѳъ о братьяхъ діоскурахъ, съ сюжетомъ родовой мести, совершенной однимъ изъ нихъ за смерть другого, перешелъ изъ Германіи на сѣверъ въ IX — X вв., если пѣсню о Карѣ отнести приблизительно ко времени около 1000 года[2]).

Этихъ діоскуровъ открываютъ въ Гертнитахъ саги о Тидрекѣ; но что-же даетъ она въ подтвержденіе миѳа[3])? Указываютъ на парность именъ: у старшаго Гертнита (отца Озантрикса) — братъ Hirdir; братъ Гертнита, сына Ильи, также зовется Hirdir; но тотъ и другой отдаютъ разсказу одно только имя и ничего болѣе; на признаніе ихъ діоскурами нѣтъ никакихъ данныхъ. Правда, діоскурами считаютъ и Ортнита и Вольфдитриха нѣмец-

---

1) Hyndluliođ 23; Ǫrvaroddssaga с. 14 (сл. Boer къ 29-й главѣ комментированнаго изданія саги). Saxo ed. Holder, стр. 166^{4-7}.

2) Beiblatt, l. c., стр. 263—4.

3) Матеріалы для легенды типа діоскуровъ сл. у Şainénŭ, Basmele române, Indice, a. v.

кой поэмы: одинъ погибъ въ бою съ дракономъ, другой явился на смѣну древняго мстителя—брата. Но, во-первыхъ, о братствѣ героевъ нѣтъ и помина; во-вторыхъ несомнѣнно, что темы Ортнита и Вольфдитриха существовали отдѣльно и что спай сюжетовъ произошелъ именно въ эпизодѣ мщенія, при чемъ остается открытымъ вопросъ, принадлежитъ-ли разсказъ о смерти Ортнита отъ дракона первичному сказанію о немъ, или нѣтъ.

Вся гипотеза Мюлленгофа держится на желаніи привязать показанія Тацита къ спутанной композиціи сѣверной саги, въ которой участвовали въ живописномъ безпорядкѣ элементы германскаго, славянскаго и даже романскаго эпосовъ.

Итакъ, по мнѣнію Мюлленгофа, сага о Газдингахъ осталась на сѣверѣ въ пріуроченіи къ славянамъ или вендамъ. Нижненѣмецкія преданія знали русскаго Herdnîd'а, сѣв. Hertnit; сага о Тидрекѣ заставляетъ стараго Гертнита I царить въ Holmgarđ'ѣ, Новгородѣ: старосѣв. Nôgarđr, средневѣк.-лат. Nogardia, Немогарадъ Константина Багрянороднаго, староверхненѣм. Nôgarden, Nougarten, средн.-верхненѣм. Nôgarten. Могли разсказывать, что и Hertnit-Ortnît, племянникъ или сынъ Ильи, властвовалъ въ Nôgarten'ѣ; о его походахъ говорили нижненѣмецкія саги. Такая сага проникла въ южную Германію и подверглась новой, итальянской локализаціи, преобразившей Nôgarten въ Garten=Гарду. Такая, уже пріуроченная наново сага была подъ руками редактора поэмы объ Ортнитѣ, составленной въ 1225—6 годахъ (либо локализаціи принадлежатъ ему?). — Замѣтимъ, что ни объ одномъ изъ младшихъ Гертнитовъ (II и III) саги не говорится, что они царили въ Новгородѣ; для Garten и не нуженъ собственно Hólmgarđr или Nôgarten, а сѣв. garđr или garđar; слав. городъ: Mikligarđr = Константинополь, Koenugarđar—Кіевъ (сл. у Гелинанда: Russia autem vocatur a Danis Ostrogard... haec etiam Chunigard dicitur... Hujus metropolis civitas est Cue); Starogard=нынѣшній Stargard, Belegard (=Бѣлградъ); Gartz (у Потсдама) въ Помераніи.

Къ толкованію Мюлленгофа, но съ отличіями, примкнулъ

Нейманнъ [1]). Дошедшій до насъ текстъ Ортнита онъ считаетъ контаминаціей двухъ поэмъ: одной, составленной вскорѣ послѣ 1217 года, и другой, написанной позднѣе, но на основаніи историческихъ воспоминаній о событіяхъ 1124 года.

Въ содержаніи поэмы соединены двѣ саги, герои которыхъ носили одно и то-же имя, не имѣя, кромѣ него, ничего общаго другъ съ другомъ: въ одной говорилось о брачной поѣздкѣ Ортнита, *сына* Ильи, въ другой объ Ортнитѣ ломбардскомъ, сынѣ Альбериха, и его боѣ съ змѣемъ. Когда произошло соединеніе, Ильѣ пришлось поступиться своимъ мѣстомъ, и изъ отца онъ сталъ *дядей* Ортнита. Первое сказаніе о брачной поѣздкѣ Ортнита отразилось въ сагѣ о Тидрекѣ эпизодомъ о таковой же поѣздкѣ Озантрикса, при чемъ помощникомъ его является его племянникъ Гертнитъ, сынъ Ильи; по мнѣнію Нейманна, въ началѣ дѣйствующимъ лицомъ былъ самъ Hertnit-Ortnit, котораго и замѣнилъ Озантриксъ. Мы уже знаемъ, что разсказъ о сватовствѣ послѣдняго воспроизводитъ содержаніе какой-то поэмы, сходной съ поэмой о Ротерѣ; но между нею и тѣми моментами поѣздки, которые можно выдѣлить изъ Ortnît'а, слишкомъ мало общаго, чтобы ихъ можно было отождествить или возвести къ общему источнику. Что касается гипотезы объ Ильѣ, какъ отцѣ Ортнита, то мы уже попытались устранить ее.

Въ колеѣ Мюлленгофа идетъ, какъ мы видѣли, и Symons [2]). Составитель саги, говоритъ онъ, не подозрѣвалъ тождественности Гертнитовъ II и III русской генеалогіи и Гертнита Бергарскаго: всѣ они представляютъ раздробленіе одного нижненѣмецкаго Hardnîd'а. Древней формой имени предполагается Herding (Sv. Herding) — и принимается знакомая намъ гипотеза Гасдинговъ: Haddingjar, Herdenge, Hartunge. Основная тема была такая: Hertnit борется съ дракономъ и погибаетъ, его братъ Hir-

1) Friedr. Neumann, Die Entwickelung der Ortnitsdichtung und der Ortnitssage, Germania, XXVIII (1882), стр. 196 слѣд.; 211 слѣд.; стр. 213, 219.

2) Paul's Grundriss², III, стр. 679.

đir (нижненѣм. Herder), первоначально то же Hertnit, мститъ за него; въ южнонѣм. преданіи его замѣнилъ Вольфдитрихъ, въ сагѣ о Тидрекѣ—онъ самъ.

Гертнитъ I, отецъ Озантрикса, Владимира и Ильи попалъ не въ свое мѣсто — путемъ раздробленія: первоначально онъ былъ сыномъ Ильи, старшимъ изъ двухъ братьевъ — діоскуровъ; сага даетъ Ильѣ двухъ сыновей, Гертнита и Hirđir'а или Osiđ'а. Авторъ раздѣляетъ взглядъ Storm'а[1]), что къ Владимиру саги примѣшались черты Болеслава польскаго; имя Владимира могло войти въ нижненѣмецкую сагу до конца XI вѣка. Въ концѣ того же столѣтія или въ началѣ слѣдующаго она могла проникнуть въ южную Германію, судя по тому, что въ поэмѣ объ Ортнитѣ Илья русскій тѣсно сплоченъ съ ея содержаніемъ, а личное имя Ilias встрѣчается въ Баваріи около 1190 года. Въ южной Германіи совершилось пріуроченіе сказанія къ Италіи: Gartin = Nôgarten и т. д.; поэма объ Ортнитѣ написана въ 30-хъ годахъ XIII вѣка. Имя Ортнита — искаженіе нижненѣмецкаго Hertnit'а.

Разумѣется, собственное имя Ilias 1190 г. не даетъ еще точки отправленія въ вопросѣ о переселеніи нижненѣмецкой саги на югъ; Илья «русскій» Ортнита, пока онъ не пріуроченъ хронологически, также не является прочнымъ terminus a quo. Искаженіе Hertnit'а въ Ortnit'а могло произойти по типу собственныхъ именъ съ Orte—: Ortlieb, Ortvin, какъ зовется сынъ Аттилы въ Þidrekssaga'ѣ = Ort Битерольфа; Bleyer[2]) сближаетъ Ort—Ortvin'а съ именемъ сына Аттилы въ гуннско-мадьярской хроникѣ: Aladár, въ которомъ видитъ гот. *Arda—reiks (сл. лонг. Ardericus), относя arda—къ старосакс. ard, англос. eard = вотчина (Stammgut), что дало бы староверхненѣм. arto, средневерхненѣм. arte — и далѣе Orte. — Замѣтимъ, что Þidrekssaga, 39

---

1) Сл. выше, стр. 8 сл.

2) Bleyer, Die germ. Elemente der ungarischen Hunnensage въ Beitr. Z. Gesel. der deutsch. Sprache u. Literatur XXXI B (1906), стр. 569 слѣд.

даетъ Аттилѣ старшаго брата Ortnit'a (M^1 и M^2; A Ortun, B Ortunint).

Voretsch[1]) подошелъ къ вопросу со стороны, которой мы до сихъ поръ не касались. Мы знаемъ, что въ поэмѣ объ Ортнитѣ его товарищемъ въ брачной поѣздкѣ является его дядя Илья, но главнымъ пособникомъ демонъ Альберихъ. Въ краткой передачѣ содержанія поэмы въ Dietrichs Flucht ни тотъ, ни другой не упомянуты; и выражено было мнѣніе, что такъ было и въ подлинникѣ, которымъ пользовался авторъ, болѣе древнимъ, чѣмъ дошедшая до насъ поэма объ Ортнитѣ. Съ другой стороны, давно было обращено вниманіе на сходство одной изъ существенныхъ темъ послѣдней съ темой старо-французскаго Huon de Bordeaux: я разумѣю брачную поѣздку. За невольное убійство Карлъ Великій осуждаетъ Huon'a на изгнаніе; онъ вернется развѣ тогда, когда исполнитъ возложенныя на него задачи, казавшіяся неисполнимыми: поѣдетъ на востокъ къ эмиру Gaudisse, при немъ и при всемъ дворѣ поцѣлуетъ его дочь, а Карлу привезетъ его зубъ и клокъ бороды. Все это совершаетъ Huon при помощи своего покровителя, демона Auberon'a; сверхъ всего онъ увозитъ и дочь эмира, на которой женится. Если отвлечь отъ этихъ приключеній ихъ поводъ и мотивъ трудныхъ задачъ, то получится схема главной части Ортнита: тамъ и здѣсь брачная поѣздка, удающаяся при помощи Auberon'a—Альбериха, несомнѣнно альфа-эльфа германской миѳологіи. Отсюда два вывода; одинъ касается извлеченія Ортнита въ Dietrichs Flucht: его языческій царь называлъ Godian, что, повидимому, отвѣчаетъ Gaudisse Huon de Bordeaux; и можно выразить сомнѣніе, не объяснить-ли отсутствіе Альбериха краткостью эксцерпта, а не тѣмъ, что въ древнемъ разсказѣ его еще не было и онъ введенъ лишь авторомъ поэмы объ Ортнитѣ. Я не отрицаю возможности, что такая стадія легенды—безъ Альбериха—существовала; и, быть можетъ,

1) Voretsch, Epische Studien I, Die Composition des Huon de Bordeaux, стр. 320 слѣд

мнѣ удастся доказать ея вѣроятность. Другой выводъ: Huon de Bordeaux не знаетъ битвы съ дракономъ; въ сущности и дѣйствіе Ортнита кончается увозомъ невѣсты и битва является эпизодомъ, приготовляющимъ выступленіе Вольфдитриха мстителя.

Таковы посылки, на которыхъ Voretsch строитъ свою теорію. Основной мотивъ Ortnit'a=Huon de Bordeaux—франкскій: брачная поѣздка подъ водительствомъ демона Альбериха — Оберона; эпизодъ съ дракономъ присталъ позже изъ пѣсенъ шпильмановъ.

Составитель M^2, вѣроятно, не зналъ нашей поэмы о немъ, а для эпизода о Гертнитѣ Бергарскомъ воспользовался поэмами о Вольфдитрихѣ A и B, въ болѣе древнихъ редакціяхъ, либо обоими вмѣстѣ, если не ихъ общимъ источникомъ.

Такимъ образомъ возстановляется старая, южно-нѣмецкая сага о брачной поѣздкѣ Ортнита, съ Альберихомъ и безъ змѣи, и порывается всякая генетическая связь между Ортнитомъ и русскими Гертнитами саги; все сводится къ сближенію поэмъ — по созвучію и нѣкоторымъ внѣшнимъ пережиткамъ. Составитель Ортнита слышалъ о русскихъ Гертнитахъ и перенесъ къ своему герою Илью русскаго: изъ дяди или отца Гертнита (II и III) Илья сталъ дядей Ортнита, замѣнивъ собою какое нибудь другое лицо, такого-же совѣтчика, какъ Geriaume или Aliaume при Huon de Bordeaux. Пріуроченіе дѣйствія къ итальянской Гардѣ могло совершиться самостоятельно, внѣ всякаго соотвѣтствія съ Nôgarten'омъ; да Гертнитъ (сынъ или племянникъ Ильи) и не царитъ въ Новгородѣ, что замѣчено было мною и всѣми, и не называется «русскимъ». Что касается, наконецъ, Гертнита II и эпизода объ Остаціи, то онъ ничего общаго не имѣетъ съ «добываніемъ (Erstreiten) невѣсты». Полагаю, что эта параллель никому не приходила въ голову: можно было сопоставить, и то условно, битву при участіи Остаціи-оборотня — съ эпизодомъ о драконѣ, отъ котораго погибаетъ Ортнитъ[1]).

---

1) Сл. выше стр. 31.

Нельзя не сказать, что такой взглядъ на отношенія сѣверныхъ Гертнитовъ къ нѣмецкому Ортниту покоится на гипотезѣ случайнаго созвучія именъ, къ которому впослѣдствіи пристраивается и генеалогическое уравненіе. Если содержаніе поэмы объ Ортнитѣ и не воспроизводится ощутительно въ разсказахъ о Гертнитахъ (я, впрочемъ, придержался бы параллели: Ортнита, ѣдущаго по невѣсту, и Гертнита II, участника въ брачной поѣздкѣ Озантрикса), то возможно и другое построеніе, равносильное предложенному Voretsch'омъ: Ортнитъ остался бы въ русской генеалогіи вмѣстѣ съ Ильей, но къ нему примѣнился мотивъ брачной поѣздки типа Huon de Bordeaux. Редакторъ M^2 видимо отождествлялъ имя Ортнита съ Гертнитомъ, когда разсказывалъ о гибели Гертнита Бергарскаго отъ дракона; если онъ не внесъ этого Гертнита въ русскую родословную, то потому, что въ его подлинникѣ имени Ильи не было: по предположенію Voretsch'а его источникомъ была не поэма объ Ортнитѣ, а какая нибудь версія Вольфдитриха, гдѣ Ильи нѣтъ.

Я не предлагаю непосредственнаго сближенія Гертнита и Ильи сѣверной саги съ Ортнитомъ и Ильей поэмы. Тѣ и другіе могутъ быть различными отраженіями одного общаго источника.

IV.

Ортнитъ и Илья русскій. Ортнитъ и Вольга.

Засталъ-ли авторъ нѣмецкой поэмы сагу объ Ортнитѣ уже пріуроченной къ Италіи, или ему принадлежитъ приспособленіе къ новой мѣстности, которую, повидимому, онъ зналъ de visu; но ему, по мнѣнію Мюлленгофа и Енике, принадлежитъ приспособленіе дѣйствія къ историческимъ моментамъ, которыхъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Такимъ моментомъ были политическіе замыслы Фридриха II, которые онъ пытался осуществить въ Италіи и отчасти осуществилъ до 1226 года. Согласно съ этимъ и

Махорель очутился съ чертами ассасина, о которомъ такъ много разсказывали крестоносцы; но на представленіе о его царствѣ (ему подвластенъ и Іерусалимъ, строфа 13) могла повліять память о власти Малекъ-эль-Аделя († 1218 г.), обнимавшей и Сирію и Египетъ. Именно Малекъ-эль-Аделемъ построена была въ 1212 году крѣпость на Ѳаворѣ, Montabûr поэмы; неудачная попытка крестоносцевъ въ 1217 г. овладѣть этой крѣпостью отвѣчаетъ эпизоду поэмы о событіяхъ подъ Монтабуромъ, историческая подкладка которыхъ представляется Мюлленгофу несомнѣнной. Но онъ идетъ и далѣе, предполагая, что бракосочетаніе Фридриха II съ Изабеллой (Іолантой), королевой Іерусалимской, 9 ноября 1225 г., и было поводомъ для автора обработать наново старый разсказъ о брачной поѣздкѣ Ортнита. Главное основаніе этому предположенію дано въ отождествленіи Судерса съ Тиромъ. Ортнитъ отправляется съ своимъ флотомъ изъ Мессины и присталъ къ Судерсу; крестоносцы отплыли въ 1217 г. у Спалато и прибыли въ Акру. Поэтъ не задумался представить Судерсъ главнымъ городомъ язычниковъ, хотя Тиръ, завоеванный съ 1124 г., покинутъ былъ христіанами лишь въ 1291 году и за все это время оставался въ ихъ рукахъ. Автору нуженъ былъ для его разсказа приморскій городъ; онъ и выбралъ Тиръ, хотя Акра представляла болѣе удобное мѣсто для нападенія на Монтабуръ. Измѣненіе Тира, восточн. Tsor, Szor, Szur, старофранц. Sur, нѣм. Surs въ Suders, объявляется желаніемъ автора поставить вмѣсто географически опредѣленной мѣстности другую, менѣе опредѣленную; напомнимъ, впрочемъ, что Tyrum, id est Suders, встрѣчается подъ 1193 годомъ въ Адмонтскихъ анналахъ. Тиръ подсказанъ былъ и тѣмъ еще соображеніемъ, что здѣсь Изабелла вѣнчана была на Іерусалимское царство послѣ того, какъ въ Акрѣ заключенъ былъ per procurationem ея бракъ съ Фридрихомъ II; отсюда же она отправилась осенью 1225 года въ Апулію, гдѣ бракосочетаніе состоялось въ Бриндизи.

Послѣдующія работы, касавшіяся историческихъ отношеній

Ортнита, покоясь на соображеніяхъ Мюлленгофа, лишь видоизмѣняли ихъ. Съ взглядами Нейманна мы познакомились выше [1]). Voretsch не согласенъ съ его попыткой выдѣлить изъ дошедшаго до насъ текста строфы и стихи, принадлежавшіе двумъ сплоченнымъ въ немъ поэмамъ; по его мнѣнію, Ортнитъ — переработка болѣе древней версіи, совершившаяся подъ вліяніемъ событій 1217—1229 годовъ, попытка поверхностная, не съумѣвшая помирить древнее съ новымъ. — Симонсъ полагаетъ, что авторъ Ортнита (въ 30-хъ годахъ XIII вѣка) нашелъ сагу о немъ уже значительно обѣднѣвшей и обработалъ ее свободно, воспользовавшись какой-нибудь болѣе древней поэмой (Spielmannsgedicht), приладивъ дѣйствіе къ походу Андрея Венгерскаго 1217 года. Machorel напоминаетъ имя сирійскаго султана (Малекъ-эль-Адель?), Альберихъ-Оберонъ прислонился къ parvus Sarracenus, игравшему при осадѣ Ѳавора роль, аналогичную съ ролью Альбериха.

Такимъ образомъ Мюлленгофъ и его послѣдователи думаютъ объяснить появленіе Тира-Судерса въ поэмѣ и получается для нея хронологическій terminus a quo. Я хотѣлъ заглянуть по ту сторону этой географіи, можетъ быть, наслоенной на болѣе древнюю: если Гартенъ замѣнилъ какой нибудь garđr или гардъ, то возможно предположеніе, что Судерсъ, во взятіи котораго участвовалъ Илья русскій, и не былъ первоначально Судерсомъ-Тиромъ. Поставить этотъ вопросъ побудило меня [2]) изслѣдованіе покойнаго В. Г. Васильевскаго о житіи св. Стефана Сурожскаго въ его русскомъ пересказѣ, сохранившемся въ Торжественникѣ XV вѣка [3]). Греческій подлинникъ русскаго житія утраченъ или не найденъ; русскій перескащикъ отнесся къ нему стилистически свободно, но, передавая содержаніе посмертныхъ чудесъ святого, видимо довольствовался «наличнымъ матеріаломъ» [4]). Насъ

1) Сл. выше, стр. .
2) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, Мартъ, стр. 18 слѣд.
3) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, Май и Іюнь.
4) l. c. Іюнь, стр. 440.

спеціально интересуетъ чудо, связанное съ пришествіемъ изъ Новгорода, подъ предводительствомъ князя Бравлина, русской рати, поплѣнившей все—отъ Керчи до Корсуни и разгромившей Сурожъ и его святыни. Чудо съ обращеніемъ Бравлина совершилось «не много лѣтъ» по смерти святого († около 787 года)[1]), при первомъ его преемникѣ, стало быть въ началѣ IX вѣка, и записано, вѣроятно, ранѣе конца слѣдующаго[2]). Итакъ дѣло идетъ о какомъ-то неизвѣстномъ нашествіи на Сурожъ въ первой половинѣ IX вѣка; вражеская рать могла придти изъ какого-нибудь южнаго Новгорода—Νεάπολις, если Новгородъ не принадлежитъ позднѣйшей вставкѣ[3]). В. Г. Васильевскій предполагалъ, что рать была готская, готское и имя Бравлина, напомнившее ему, между прочимъ, вестготскаго епископа Брадисона[4]). Это или подобное имя могло стоять и въ греческомъ подлинникѣ, вѣроятно, называвшемъ и рать тавроскиѳами: названіемъ, обозначавшимъ «или безразлично готовъ, смѣшавшихся съ древнимъ населеніемъ и русскихъ, либо съ начала готовъ, а съ IX-го вѣка русскихъ»[5]).

Въ связи съ послѣдней гипотезой я поставилъ другую: византійцы называли племена, поочередно являвшіяся на югѣ Россіи, мирмидонами[6]); едва-ли одна южно-русская локализація Ахилловой легенды повела къ такому обозначенію—безъ встрѣчной поддержки въ мѣстныхъ Μυρμηκιῶν, (сл. Myrmidon или Myrmidona, въ Virtutes Andreae, Mermedonia англосаксонской поэмѣ о немъ) и, можетъ быть, въ этническихъ названіяхъ. Одно изъ нихъ и могло быть осмыслено, какъ Μυρμιδόνες; Μυρμιδῶν былъ бы

1) l. c. Май, стр. 102; Іюнь, стр. 440.

2) l. c. Іюнь, стр. 441.

3) l. c. стр. 440, 450.

4) l. c. стр. 451.

5) l. c. стр. 448—9.

6) Васильевскій, Хожденіе апостола Андрея, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. стр. 176 слѣд.; Πολίτης, Ἑλληνικοὶ Μεσαιωνικοὶ μῦθοι въ Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος, том. I, τεῦχ. 1, стр. 96 слѣд. (по поводу Sathas, La tradition hellénique etc. Paris, 1883).

эпонимомъ народности; въ русской передачѣ, опредѣленной традиціонной этимологіей (μύρμηξ)—Мравлинъ; Бравлинъ было бы искаженіемъ. Бравлинъ-Мравлинъ, русскій князь, ходилъ на Сурожъ, какъ въ поэмѣ объ Ортнитѣ Илья русскій участвуетъ въ походѣ на языческій (?), можетъ быть, еврейско-хозарскій (см. имя князя: Nacharel, Machorel, Zacherel: Нахоръ, Захарія?) Suders: Suders отъ Su(g)da, Судакъ, какъ средневерхненѣм. Ackers изъ Akka. Разница въ томъ, что въ поэмѣ Илья и его рать христіане, тогда какъ Бравлинъ язычникъ, что̀ странно, если его русская рать—готская. В. Г. Васильевскій [1]) выходилъ изъ затрудненія, предположивъ, что разумѣются не готы Климатовъ, давно принявшіе христіанство, а какія нибудь другія поселенія германскаго племени на сѣверъ отъ Корсуни или около Симферополя. Можетъ быть, слѣдуетъ удержать лишь самый фактъ нападенія, объяснивъ остальное цѣлью легенды: надо было прославить мѣстнаго святого, и враги поневолѣ явились язычниками; Бравлинъ принимаетъ крещеніе.

Мирмидонъ-Мравлинъ напомнилъ мнѣ этническое значеніе Мерминки новогреческихъ пѣсенъ, на что̀, внѣ связи съ моей гипотезой, указалъ еще Васильевскій [2]). Въ шутливой критской пѣснѣ (изъ сборника Яннараки) муравей=ὁ Μέρμηνκας является героемъ:

> Встрѣтился со мной муравей (Мерминка)
> Сербина сынъ, сербинки сынъ,
> На холмѣ мостъ, прекрасный!

Онъ одѣтъ по еврейски, вооруженъ по турецки, «а былъ притомъ и муравей». Онъ идетъ въ Сирію воевать, на улицѣ съ нимъ встрѣтились сарацины и Мавры и сорокъ янычаровъ. Пѣсня, очевидно, не кончена. Въ трапезунтской пѣснѣ у Іоаннида [3]), переведенной для меня проф. Дестунисомъ, Ме́рмика — христіанка, паленица, воюющая съ сарацинами.

---

1) l. c. Іюнь, стр. 450.
2) Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, стр. 179—80.
3) Ἱστορία и т. д. 285—6 № 18.

«Мéрмика, Мéрмика, на тысячу разъ заколдованная, одѣлась, перемѣнилась и выступила на гребнѣ горъ; взяла и саблю въ правую руку; пошла по горамъ, по горамъ да по утесамъ плоскогорья и обнажила саблю свою и поразила сарацина. «Боже, хотя бы ты и гнѣвался, я кровь его выпью; въ Царѣградѣ поѣдаютъ христіанъ, а въ Мусирѣ ромеевъ; я его изрублю и къ Мехмету (на тотъ свѣтъ) отправлю. Пять моихъ сыновей убили и (только) малаго оставили; меня, мать свою, звали они, связанные и скованные! Девять годовъ ходилъ и малый мой по необитаемымъ горамъ, и повстрѣчали его драконы и львы (элинны-воители, поясняетъ Іоаннидъ). А левендовъ (турокъ) встрѣтили на плоскогорьѣ Солнца (можетъ быть: Ильи?). И когда пришли къ Фрахтенамъ, только трое ихъ осталось. Тамъ слышатъ какой-то голосъ, еллинскую рѣчь; тамъ слышатъ какой-то голосъ — ахти мнѣ, мать! Тамъ нашли моего сына, убитаго копьемъ турка. Много разъ умирала я въ объятіяхъ моего сына. О, кабы убили, вмѣсто тебя, твою скорбную маму!».

Мéрминка — этнографическая загадка, стоящая, быть можетъ, въ связи съ моимъ толкованіемъ Бравлина-Мирмидона сурожской легенды[1]). Я не скрываю отъ себя слабую сторону

---

1) Мирмидоны, какъ обозначеніе скиѳовъ и другихъ племенъ, смѣнившихъ ихъ на Черноморьѣ, напомнили мнѣ другую этническую загадку: область Mauringa у Павла Дьякона, Maurungania у Равенскаго географа. Мюлленгофъ предположилъ, что она обнимала всю восточную Германію отъ Эльбы до Вислы и отъ Дуная до Нѣмецкаго моря; другіе ограничивали ее средней и восточной Голштиніей (ten Brink), либо болотистой мѣстностью между Гавелемъ и Шпрее (Ѳ. Браунъ). Möller (Das altenglische Volksepos, стр. 29, 30), отождествляющій маурунговъ или маурингов съ myrgingas Vidsið'a, помѣщаетъ послѣднихъ къ востоку отъ Эльбы, въ восточной Голштиніи, Лауенбургѣ и западномъ Мекленбургѣ; когда лонгобарды вышли на югъ изъ своихъ сѣверныхъ сельбищъ (между Эльбой и Нѣмецкимъ моремъ), за ними могла потянуться и часть миргинговъ, иные изъ нихъ застряли на пути южнѣе Гарца: оттуда Morungen, pagus Morunganus. Изслѣдователи колеблются въ этимологіи Maurung, Mauring: одни стоятъ за môr=palus, Мюлленгофъ указываетъ на старосѣв., исландск., шведск. maur=муравей, старо-верхне-нѣм. marawi, muruwi и т. д. Maurunga, Mauringa означалъ бы страну съ избыткомъ населенія, муравейникъ—Heinzel (Ueb. die Ostgotische Heldensage, стр. 23—5) производитъ patronymicum Mau-

этого толкованія: эпонимъ Мирмидона *предположенъ* мною въ недошедшемъ до насъ греческомъ текстѣ житія; проф. Халанскій въ работѣ, любезно мнѣ посвященной, предположилъ другое столь же гипотетическое чтеніе: ὁ ἄρχων τῶν Ῥῶς [1]), что русскій переводчикъ могъ передать словомъ: мурманинъ, т. е. норманецъ, варягъ, муравленинъ, моровленинъ, моровлинъ; книжникъ школы митрополита Кипріана передѣлалъ его на церковнославянскій ладъ: мравленинъ, мравлинъ; бравленинъ, бравлинъ было бы дальнѣйшимъ фонетическимъ измѣненіемъ. Такимъ образомъ мое уравненіе: Бравлинъ=Мравлинъ удержано, но его содержаніе иначе; Муромецъ при Ильѣ не что иное, какъ мурманецъ; древнія формы его прозвища: Муромецъ, Муровецъ указываютъ на сближеніе прилагательнаго мурманскій съ муравскій=варяжскій, и тѣмъ-же сближеніемъ объясняется муровскій шляхъ вм. мурманскій: быть можетъ, названіе для стараго пути варяжскаго [2]).

Дальнѣйшія соображенія автора основаны на томъ видѣ, какой получило суражское чудо въ нашихъ хронографахъ, зависѣвшихъ отъ хронологическаго построенія Повѣсти временныхъ лѣтъ. Изслѣдованія ак. Шахматова выяснили тотъ фактъ, что въ (предположенномъ имъ) начальномъ кіевскомъ лѣтопис-

rung, Mauring отъ môr=Maurus, черный, темнокожій; такъ прозывали, быть можетъ, въ шутку жившихъ къ востоку отъ Эльбы бургундіоновъ (?); Maurungani образованъ при помощи славянскаго суффикса -an: съ VI-го вѣка области къ востоку отъ Эльбы заняты были славянами. Гейнцель приводитъ еще изъ Chronicon imperatorum et pontificum bavaricum, составленнаго въ концѣ XIII вѣка какимъ нибудь славяниномъ, слѣдующее: Mauritani, id est omne genus slavorum, et Mauri id est Aethiopes, filii sunt Cham.

1) М. Халанскій, Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1902 г. за Августъ и Ноябрь. Сл. Авг. стр. 313 слѣд. Главныя положенія этого изслѣдованія уже были изложены въ болѣе раннемъ трудѣ проф. Халанскаго о южнославянскихъ пѣсняхъ про Марка Кралевича (сл. отчетъ ак. Ягича въ Archiv f. slav. Philol. XVI, 233 слѣд.). Статья того-же автора: Ilias von Reussen und Ilja Muromec (Arch. f. slav. Philol., стр. 440 слѣд.) обобщаетъ результаты работы, напечатанной (но еще не доведенной до конца) въ указанныхъ книжкахъ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія.

2) Халанскій l. с. Авг. 329.

номъ сводѣ говорилось о появленіи Аскольда и Дира въ Кіевѣ ранѣе призванія Рюрика съ братьями въ Новгородъ и (на основаніи греческой хроники) о нападеніи Руси на Царьградъ — до этого призванія. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ зналъ (по Амартолу), что нашествіе это совершилось при императорѣ Михаилѣ, ко времени котораго, по своимъ хронологическимъ соображеніямъ, онъ отнесъ и призваніе Рюрика съ братьями, и начало русской земли. Этотъ фактъ представился ему основнымъ, ему онъ подчинилъ и эпизодъ объ Аскольдѣ и Дирѣ: они очутились боярами Рюрика, отпросившимися у него въ Царьградъ и безъ его разрѣшенія засѣвшими въ Кіевѣ. Они то и ходили на Царьградъ при Михаилѣ [1]).

Тому-же хронологическому перенесенію подчинилось и нашествіе на Сурожъ Бравлина начала IX вѣка. «Въ лѣто 6360 (852) наченьшу въ Грѣцѣхъ Михаилу царствовати, начатся прозывати Русская земля," читаемъ мы въ одной изъ позднихъ редакцій Новгородской лѣтописи. „И ходиша *Славянѣ* изъ Новагорода, князь именемъ Бравалинъ, и воеваша на Греки и повоеваша греческую землю отъ Херсона и до Корчева и до Суража (и) около Царяграда» [2]). 852-й годъ, какъ годъ воцаренія Михаила, возникъ подъ вліяніемъ ошибочнаго счисленія въ Никифоровскомъ лѣтописцѣ, вскорѣ приведенномъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ [3]); Михаилъ царствовалъ съ 842 по 867-й годъ. Кубасовскій хронографъ даетъ разсказъ о Бравлинѣ въ томъже текстѣ съ разночтеніями: «И при семъ царѣ Михаилѣ въ лѣто 6360 ходила *Русь* войною изъ Новаграда, князь имянемъ Бравалинъ, воевати на Греки, на Царьградъ, и повоеваша греческую землю отъ Херсона и до Скуруева и до Сурова и около

1) Шахматовъ, Сказаніе о призваніи варяговъ, Изв. Отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. IX (1904 г.), кн. 4, стр. 71 и 76—7 отдѣльнаго оттиска.

2) Васильевскій, l. c. Май, стр. 98.

3) Шахматовъ l. c. стр. 71.

Царяграда... О томъ-же писано въ чудесѣхъ св. Стефана Суражскаго»[1]).

«Спеціальныя историческія изслѣдованія должны рѣшить вопросъ о подлинномъ имени русскаго князя, ходившаго на Царьградъ лѣтомъ 860 г. при царѣ Михаилѣ», говоритъ проф. Халанскій, комментируя по хронографу разсказъ о Бравлинѣ, походъ котораго онъ относитъ къ 860 году, когда византійскія свидѣтельства въ первый разъ говорятъ о предпріятіяхъ русскихъ противъ Царьграда. «Изслѣдователь русскихъ героическихъ сказаній, — продолжаетъ авторъ, — можетъ лишь констатировать тотъ фактъ, что древне-русскіе книжники-лѣтописцы, пытаясь соединить народно-русскія героическія преданія о первыхъ князьяхъ русскихъ и походахъ ихъ на Царьградъ съ извѣстіями греческихъ хронистовъ о нападеніи Руссовъ на Византію, пріурочивали къ хронологическимъ даннымъ греческихъ авторовъ, относящихся къ этому первому походу (860 г.) Руссовъ, имена то Аскольда и Дира, то Олега Вѣщаго, то Владиміра, то, наконецъ, Бравлина»[2]), т. е. мравлина, норманна. Этотъ норманнъ не кто иной, какъ Олегъ; заключеніе основано на одномъ эпизодѣ хронографа XVII-го вѣка, примыкающаго къ тому типу древнерусскаго лѣтописанія, который представленъ такъ называемой Іоакимовской лѣтописью, хронографа, полнаго «эпическихъ элементовъ», позднихъ варіантовъ сказаній о князьяхъ-варягахъ, частью новыхъ мотивахъ по сравненію съ тѣми, которые включены какъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, такъ и въ «Начальный Кіевскій Лѣтописный сводъ»[3]). Интересующій насъ эпизодъ приведенъ и объясненъ авторомъ[4]). Остановлюсь лишь на общихъ чертахъ: Олегъ посылаетъ изъ Новгорода послами къ греческому царю Михаилу (цѣль посланія —

---

1) Васильевскій l. c. Халанскій, l. c. Авг. стр. 316. Сл. Андр. Поповъ, Общій обзоръ хронографовъ русской редакціи II, 233—4.

2) l. c. Авг. 302.

3) l. c. 288.

4) l. c. 296—9.

приношеніе даровъ!) Аскольда и Дира; но тѣ не дошли до Царьграда, и, прельстясь красотой мѣста, гдѣ поселился Кій, убили его и остались тутъ, создавъ «градецъ боле перваго». Слѣдуетъ разсказъ, какъ Олегъ овладѣлъ городомъ, велѣлъ повѣсить Аскольда и Дира и самъ сталъ княжить вмѣстѣ съ Игоремъ. — Къ этому примыкаетъ взятіе древлянскаго города Кольца = Корца и походъ на Царьградъ — съ извѣстной легендой о корабляхъ, поставленныхъ на колеса.

Общаго между этимъ разсказомъ и эпизодомъ хронографа о Бравлинѣ, въ сущности, лишь въ направленіи похода изъ Новгорода въ Царьградъ или къ Царьграду при императорѣ Михаилѣ. Точки соприкосновенія такія неопредѣленныя, что невольно смущаешься увѣренностью автора, будто передъ нами варіанты одного и того-же мотива: изъ одного и того-же города (Новгорода) при томъ-же императорѣ идутъ войною на Царьградъ тамъ Бравлинъ, здѣсь Олегъ; Бравлинъ сурожскаго чуда также Олегъ. Послѣ изслѣдованія В. Г. Васильевскаго интересно познакомиться съ взглядомъ проф. Халанскаго на источникъ этого чуда. Онъ усвоилъ себѣ мнѣніе, давно оставленное его покойнымъ авторомъ (ак. Куникомъ) и устраненное критикой В. Г. Васильевскаго, будто сурожская легенда о Бравлинѣ — пересказъ Амастридской о князѣ Россовъ. Дѣло въ томъ, что греческое житіе св. Стефана, изложенное Васильевскимъ[1]), не знаетъ этого посмертнаго чуда, какъ не знало его, быть можетъ, и то житіе святого, въ принесеніи котораго на Русь участвовали Новгородцы. Авторъ заключаетъ, что чудо составлено на Руси на основаніи какой-нибудь русской передѣлки Амастридской легенды; составлено «при посредствѣ греческаго житія св. Стефана или безъ него». Анонимный князь Россовъ очутился Новгородскимъ княземъ изъ Россовъ, мурманскимъ, моровлинымъ, Бравлиномъ, ходившимъ уже не на Амастриду, а на Сурожъ — изъ Новгорода. Такъ перенесенъ былъ въ формы чуда

1) l. c. Іюнь 391 слѣд.

клочекъ русскихъ эпико-историческихъ воспоминаній, и сложилась «старая (XV вѣка) Новгородская былина о походѣ новгородскаго князя изъ варяговъ, мурманъ, руссовъ на Сурожъ и вообще на Тавриду»[1]). XV-й вѣкъ подсказанъ, разумѣется, хронологическимъ пріуроченіемъ Торжественника, сохранившаго намъ житіе и чудо св. Стефана. Надо полагать, что его составитель, XV вѣка, намѣренно поддѣлался подъ старину, пріурочивъ чудо надъ Бравлиномъ къ храму св. Софіи, гдѣ покоились останки св. Стефана: въ 1327 году храмъ былъ уже раззоренъ татарами[2]); новгородцы, торговавшіе съ Сурожемъ, интересовавшіеся житіемъ св. Стефана, должны были-бы это знать. Вѣроятнѣе предположеніе, что у перескащика или составителя было подъ руками болѣе древнее, мѣстное чудо. Таково было мнѣніе Васильевскаго.

Проф. Халанскій увлекся эпическими компиляціями позднихъ хронографовъ, пристроившихъ къ императору Михаилу и походъ Олега и Сурожское чудо съ Бравлиномъ, и пришелъ къ отождествленію того и другого. Но чудо въ текстѣ Торжественника не даетъ повода къ рѣшеніямъ, а лишь ставитъ вопросы.

Свое сближеніе: Олегъ = Мравлинъ авторъ старается подкрѣпить и еще однимъ аргументомъ[3]). Сѣв. Helgi дало русск. Ольгъ, Олегъ (сл. единъ—одинъ и др.), но мы можемъ предположить и другое отраженіе: *Ельгъ. Извѣстно въ славянскихъ языкахъ широко распространенное употребленіе звательнаго падежа въ значеніи именительнаго; въ этомъ смыслѣ Потебня могъ назвать звательный падежъ вторымъ прямымъ. Рядомъ съ Ольгъ, *Ельгъ могли существовать формы: Ольге, *Ельге; съ переходомъ г въ j: Олье, *Елье и далѣе, въ силу звукового закона, дѣйствовавшаго въ юго-западныхъ и западныхъ говорахъ русскаго языка уже съ XI—XIII вѣковъ — Олья, Волья,

---

1) l. c. Авг. стр. 314, 316—7.
2) Васильевскій l. c. Іюнь, 430.
3) l. c. Авг. стр. 321 слѣд., 337 слѣд.

рядомъ съ Вольга, и *Елья, откуда, въ силу фонетическихъ законовъ, Илья, внѣшнимъ образомъ совпавшій съ христіанскимъ именемъ.

Такимъ образомъ Вольга (Волья, Гильф. Он. был. 157—160) и Илья русскихъ былинъ отвѣчалъ бы тому же имени Helgi — Олега; Олегъ Мравлинъ = Илья Муровлинъ; въ нѣмецкія, а оттуда въ скандинавскія преданія проникла форма западно-русская, Ilias, въ позднихъ спискахъ Ortnît'a—Elias; Лассота даетъ Elia, съ удержаніемъ русскаго окончанія имени, но съ приближеніемъ къ нѣмецкому Elias—Илья. Особенно манитъ проф. Халанскаго форма Eligas, Elygas, такъ созвучное съ Helgi = *Ельгъ; но Eligas слѣдуетъ исключить, какъ позднее написаніе, встрѣчающееся въ печатномъ изданіи Heldenbuch'a 1477 года и отражающее, быть можетъ, имя Elegast'a, какъ зовется хитрый воръ въ романѣ о немъ и Карлѣ Великомъ. Что до окончанія—s или as— въ Ilias и др., то литовское посредство устраняется болѣе простымъ предположеніемъ, что на суффиксѣ отразилось вліяніе христіанскаго Elias—Ильи.

Предположенному отраженію имени Олега въ былевыхъ именахъ Ильи и Вольги не отвѣчаетъ отраженіе его историческаго и историко-легендарнаго типа въ типахъ соотвѣтствующихъ богатырей. Къ тому же и послѣдніе такъ разнятся въ дошедшемъ до насъ пѣсенномъ преданіи, что допустить ихъ дифференціацію изъ какого-нибудь одного былевого образа, въ которомъ ихъ противорѣчія сливались, можно лишь при условіи, что этому единству отвѣчаетъ такое же единство историческаго или историко-поэтическаго преданія.

Сопоставленія проф. Халанскаго не возбуждаютъ во мнѣ этой увѣренности. Изъ бытовыхъ темъ съ именемъ Вольги, разобранныхъ имъ въ третьей главѣ его изслѣдованія, лишь немногія отвѣчаютъ его уравненію: Олегъ — Вольга; и въ этомъ уравненіе Олегъ нерѣдко исчезаетъ, обобщаясь. Такъ «въ былинѣ о призваніи Вольга на воеводство Микулой является возможность видѣть сказаніе, примыкающее къ группѣ новгород-

скихъ и московскихъ преданій о призваніи князей»; связь съ послѣдними «обнаруживается изъ сравненія былинныхъ описаній Микулы и отношенія къ нему Вольги со сказаніями Іоакимовской лѣтописи и хронографовъ о Гостомыслѣ, родѣ его и отношеніяхъ Гостомысла къ Рюрику и его роду» [1]). «Лѣтописецъ XVII вѣка» разсказываетъ, что Кій, Щекъ и Хоривъ разбойничали въ Новгородѣ и новгородцы сбирались ихъ повѣсить, но Олегъ велѣлъ выпустить ихъ изъ темницы; они обѣщаютъ ему покинуть его владѣнія и доходятъ до днѣпровскихъ горъ, гдѣ Кій «сотвори себѣ градецъ малъ Киевецъ». Проф. Халанскій вспоминаетъ по этому поводу, что «мотивъ освобожденія русской земли отъ цѣлаго разбойничьяго рода до сихъ поръ сохраняется въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ [2]). Извѣстно, какъ расправился съ Соловьемъ Илья = Олегъ = Муромлинъ; но тотъ же Олегъ—Вольга защищаетъ Садко отъ новгородцевъ, и авторъ снова обращается къ Лѣтописцу XVII вѣка, напоминая объ освобожденіи Олегомъ осужденнаго новгородцами Кія [3]).

И далѣе проф. Халанскій пользуется «Лѣтописцемъ» и тому подобными памятниками для возстановленія древней поэтической традиціи о первыхъ событіяхъ нашей исторіи, забытыхъ лѣтописью, но сохраненныхъ въ отзвукахъ нашихъ былинъ. Почва скользкая, матеріалъ расплывчивый; въ XVII вѣкѣ былины не только пѣлись, но и успѣли разложиться; и современный книжникъ могъ вносить ихъ отголоски въ лѣтописную канву, изъ которой мы пытаемся извлечь ихъ — болѣе древнее содержаніе! «Лѣтописецъ XVII вѣка присваиваетъ великому князю Олегу государственную устроительную дѣятельность въ русской землѣ и упорядоченіе податной повинности на Руси. . . . Та же самая государственная, объединительная и гражданская дѣятельность приписывалась былевымъ эпосомъ Вольгѣ Святосла-

1) l. c. Ноябрь, стр. 21, 22.
2) l. c. Августъ, стр. 292—3.
3) l. c. Ноябрь, стр. 25—6.

вичу въ варьянтахъ былинъ про встрѣчу его съ Микулой Селяниновичемъ и совмѣстной съ этимъ послѣднимъ поѣздкѣ за получкой дани въ разные города»[1]). Пользуясь современнымъ былиннымъ преданіемъ, нельзя не имѣть въ виду возможности взаимнаго обмѣна эпизодическихъ подробностей, происходившаго и еще—происходящаго между былинами о разныхъ богатыряхъ и, въ чертѣ одной былины, перенесенія какой-нибудь черты съ одного богатыря на другого. Такое перенесеніе допустилъ и авторъ для былины о встрѣчѣ Вольги-всадника съ Микулой-пахаремъ. Къ послѣднему образу мы привыкли, онъ казался прочно установленнымъ; въ одной былинѣ, записанной Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, въ роли пахаря является Вольга, рядомъ съ нимъ Микула; но роли перемѣнились: пашетъ Вольга, дубья — колоды въ борозды валитъ, забрасываетъ сошку подъ облако, тогда какъ Микула не въ состояніи выдернуть ее изъ земли. Проф. Халанскій даетъ особое значеніе этому варьянту, какъ древнему: появленіе Вольги, названнаго въ иныхъ варьянтахъ былины племянникомъ Владимира, въ роли пахаря — и до идеализаціи новгородскаго князя Олега. Для этой цѣли пѣвцы «воспользовались традиціоннымъ образомъ героя-пахаря, который былъ данъ въ традиціяхъ устнаго и книжнаго творчества болѣе ранней поры». При имѣющихся на лицо пѣсенныхъ данныхъ, проще объяснить отличія этой версіи смѣшеніемъ ролей, происшедшимъ отъ забвенія пѣвца, въ чемъ онъ самъ сознался Рыбникову, когда спѣлъ ему о рожденіи Микулы и его охотѣ на рыбъ и звѣрей то же, что обыкновенно поется про Вольгу[2]).

«Традиціонный» образъ Микулы—не разъ обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей: онъ напоминаетъ не только царственнаго пахаря Гугона въ Voyage de Charlemagne[3]), но и могучаго крестьянина Добришана румынской баллады, передъ которымъ

---

1) l. c. Ноябрь, стр. 31 слѣд.
2) l. c. стр. 17—20.
3) Сл. мои Южнорусск. былины вып. II, 251.

склоняется Мишна-воевода[1]). Встрѣчу Вольги съ Микулой-пахаремъ я невольно сопоставилъ и невольно сопоставляю съ былиной о встрѣчѣ Святогора съ Ильей: это два историко-культурныхъ момента въ обратномъ освѣщеніи народной фантазіи. Въ особомъ циклѣ преданій, котораго мы коснулись выше[2]), разсказывается о встрѣчѣ молодого великана съ крохотнымъ ратаемъ, котораго онъ забираетъ съ волами и плугомъ; такъ, въ былинѣ Самсонъ-Святогоръ кладетъ Илью Муромца въ карманъ или колчанъ. А затѣмъ побѣждаетъ культура сохи—и конникъ Вольга не угонится за грандіознымъ пахаремъ Микулой.

Перенесеніе, подобное указанному, я усматриваю и въ былинѣ о смерти Вольги. Извѣстенъ разсказъ нашей лѣтописи о смерти, напророченной Олегу отъ любимаго коня; онъ велитъ убить его; но, «идущу ему за море», змѣя, выползшая изъ конскаго черепа, ужалила его въ ногу, и пророчество сбылось. Давно было указано на тождество этой легенды съ эпизодомъ сна о смерти Ǫrvarodd'а. Какъ Олегъ сбирался за море, такъ, послѣ разсказанныхъ выше похожденій на Руси и женитьбы на дочери гуннскаго короля[3]), Ǫrvaroddr уѣзжаетъ за море на родину, чтобы здѣсь умереть.

Проф. Халанскій видитъ отраженіе легенды о смерти Олега въ томъ, что разсказывается о смерти Вольги: съ Микулой и Садкомъ они ѣдутъ путемъ-дорогой, видятъ камень съ «надписью великой»: если Вольга скочитъ вдоль камня, будетъ ему смерть. Такъ и приключилось. «Былины забыли про змѣю, но сохранили память о конѣ и ассоціировали съ древнимъ сказаніемъ о смерти Олега «отъ коня», «отъ сухой главы коневой», преданія о «камнѣ преткновенія» и т. д.[4]). Ближе объясненіе, что ассоціація прошла съ былиной о смерти Василія Буслаева, скочившаго че-

---

1) Баллада о Добришанѣ и Франкѣ въ румынской нар. поэзіи, Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, Мартъ.

2) Сл. стр. 17 сл.

3) Сл. выше, стр. 33.

4) l. с. Ноябрь, стр. 38 слѣд.

резъ камень, на этотъ разъ запретный. Разница только въ томъ, что Вольга скачетъ на конѣ; кромѣ указаннаго выше варьянта о Вольгѣ и Микулѣ, Вольга всюду—конникъ [1]).

Къ Олегу присталъ эпитетъ вѣщій, т. е. мудрый, не fatidicus; своей смерти онъ не предусмотрѣлъ. Разсказывая по Строевскому Лѣтописцу (Рук. И. П. Б. № 1578) о походѣ Олега на Царьградъ авторъ припомнилъ «хитрости-мудрости» Вольги. Дѣло идетъ объ извѣстномъ разсказѣ древней лѣтописи, какъ Олегъ повелѣлъ «воемъ своимъ колеса издѣлати и въставити корабли на колеса; и бывшю покосну вѣтру, успяша прѣсъ поля, и идяше ко городу». Проф. Халанскій указываетъ на сходное турецкое преданіе о взятіи турками Константинополя: Магометъ велѣлъ тащить отъ деревни Бешикташа до Галаты 80 галеръ по сосновымъ, насаленнымъ доскамъ въ то мѣсто гавани, которое называется нынѣ Кассимъ-паша. Паруса этихъ галеръ развивались по вѣтру [2]). Въ Лѣтописцѣ XVII вѣка этотъ отдѣлъ озаглавленъ рубрикой: О великои мудрости князѧ Ольга, взѧлъ Царьградъ. Цареградскіе люди надѣются на помощь Божію: «тогда, господине, Богъ насъ предастъ въ руци твои, когда поидутъ ко граду нашему корабли по полю или по воде. И нача Олгъ князь о семъ мыслити, како бы ему мочно Царьградъ одолѣти. И повеле сотворити мудростию 12 кораблей на колесахъ. И воста вѣтръ на Царьградъ. Они же взяша парусы и поидоша корабли по полю къ Царьграду, аки по воде. Граждане

1) l. c. Августъ, стр. 351—2.

2) Нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ выше замѣчаній совпадаютъ съ положеніями г. С. Шамбинаго, въ только что появившейся его статьѣ: Къ литературной исторіи старинъ о Вольгѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, Ноябрь, стр. 131 слѣд.). Въ древнихъ пѣсняхъ о Вольгѣ онъ выдѣляетъ пѣсню объ «идеальномъ охотникѣ» (стр. 140 слѣд.), въ которой видитъ, вмѣстѣ съ проф. Халанскимъ, отраженіе «грандіозныхъ лововъ ассимилировавшихся сказаній объ Олегѣ—Ольгѣ» (146); но въ пѣсню о встрѣчѣ Вольги, ѣдущаго за данью, съ Микулой первое, «эпическое имя» могло войти позже, подъ вліяніемъ сказаній объ Олегѣ; въ началѣ могъ разумѣться любой князь, отправлявшійся на полюдье (стр. 148—9).

же, видевъ сие, нача тужити: грѣхъ ради нашихъ предаетъ Богъ градъ словянамъ»[1]).

Мудрость Олега ограничивается постановкой кораблей на колеса; похвальбой горожанъ, что городъ взять такъ же невозможно, какъ кораблямъ подойти къ нему по суху, оказалась ложью; это такое же совпаденіе, производящее впечатлѣніе чего-то необычайнаго, какъ въ королѣ Лирѣ движеніе лѣса,—ратниковъ, замаскированныхъ вѣтвями. Чуда еще нѣтъ, чудо является въ легендѣ о взятіи Царьграда Турками: оно казалось также столь-же немыслимымъ, какъ оживленіе мертвой рыбы, а рыба ожила. Но фантазія книжника можетъ выходить изъ традиціонныхъ границъ: въ одной русской исторической повѣсти объ Олегѣ разсказывается, что онъ «сотвори кони и люди бумажны, вооружены и позлащены, и пусти на воздухъ на градъ; видѣвъ же Греци и и убояшеся». Авторъ сравниваетъ съ этой подробностью бумажныя крылья, на которыхъ Тугаринъ Змѣевичъ летаетъ надъ Кіевомъ[2]).

«Хитрости» плодились изъ досужаго толкованія историческаго, достовѣрно или нѣтъ засвидѣтельствованнаго факта; совпаденіе казалось чудомъ; диковинки являлись иной разъ результатомъ непониманія — текста. У Саксона Грамматика Рагнаръ Лодброкъ съ сыновьями идетъ войной на короля Геллеспонтцевъ; Геллеспонтомъ, какъ мы знаемъ, звались у Саксона Грамматика устье и южная область Западной Двины[3]); къ геллеспонтцамъ путь у него идетъ всегда моремъ. Ихъ король убитъ, его сыновья Dion и Daxon, въ союзѣ съ русскими, продолжаютъ войну, но побѣждены, когда Рагнаръ выставилъ противъ нихъ мѣдныхъ коней съ рольками и колесами подъ копытами. Объясненіе этого, иначе непонятнаго образа такое: Саксонъ пользовался въ данномъ случаѣ норвежскимъ источникомъ и, не понявъ его поэтическаго выраженія для корабля: конь на рولькахъ (hlunnfákr, hlunngoti,

1) l. c. Августъ, стр. 298—9.
2) l. c. стр. 299.
3) Сл. выше, стр. 14.

hlunnjór и др.), обратилъ ихъ въ мѣдныхъ коней, битву, происходившую, вѣроятно, на морѣ — въ сухопутную[1]).

Перехожу къ Олегу-Ильѣ. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о походахъ русскихъ на Царьградъ только два, 860 и 941 гг., удостовѣрены положительными историческими свидѣтельствами, походы же Олега 900 (или 920) и 922 года представляютъ «отраженіе древне-русскихъ эпическихъ сказаній объ этомъ князѣ»[2]). Къ первому изъ этихъ походовъ «начальный кіевскій лѣтописный сводъ» относитъ свѣдѣніе о пораженіи русскихъ въ Константинопольскомъ Судѣ: «и придоша (русскіе) къ Царьграду и Греки замкоша Судъ еже есть лименъ[3]) и градъ затвориша. Русь же многа зла сотвориша Грекомъ и побиша и пожгоша и много церквей разбиша и полатъ. Бысть же тогда царь Романъ и посла патрекѣя Ѳеофана съ воины на Русь, огненнымъ строеніемъ пожже корабля русскія, и возвратишася Русь во свояси безъ успѣха». Судъ означаетъ въ нашей лѣтописи то Босфорскій проливъ, то Золотой Рогъ (Κέρας), что отвѣчаетъ сѣв. Sund; то гавань Царьграда: «судъ же есть лименъ»; наконецъ, часть города примыкавшую къ гавани.—Этотъ Судъ проф. Халанскій понимаетъ какъ Сѫдъ = Sund и сближаетъ съ разночтеніемъ въ поэмѣ объ Ортнитѣ: Sunder и Sunders, Sûnders, рядомъ съ Suders. Такое уравненіе предполагаетъ, что въ источникѣ Ортнита Судъ, какъ названіе приморской мѣстности, стояло безъ ближайшаго обозначенія; тѣмъ легче было пріурочить его наново; знали-ли на Западѣ Судъ = Sund въ значеніи, какое даютъ ему наши лѣтописи, мнѣ неизвѣстно. — Я слѣдую за дальнѣйшими сближеніями автора: Ortnît съ Ильей ходили на Судерсъ, Олегъ на Царьградъ съ гаванью-Судомъ; въ поэмѣ разсказывается, что послѣ первой побѣды въ Судерсѣ Ортнитъ отступилъ съ своимъ вой-

---

1) Сл. Olrik, Kilderne til Sakses Oldhistorie II, Norröne sagaer og danske sagn, стр. 114 слѣд.; сл. 117—118. Иначе Al. Bugge, Vesterlandenes inflydelse, стр. 227 слѣд.

2) Халанскій, l. c. Авг. 346.

3) Чтеніе ак. Шахматова, принятое авторомъ, сл. l. c. стр. 345.

скомъ къ гавани изъ боязни, какъ бы язычники не сожгли его кораблей; а между тѣмъ на оставшагося Илью совершено было нападеніе. 5000 его воиновъ пало, его самаго свалили съ коня; Ортнитъ во время явился на выручку. Этотъ разсказъ приравнивается къ сожженію кораблей Олега въ Судѣ[1]). Какъ Олегъ (или Игорь) въ знакъ побѣды пригвоздилъ свой щитъ къ вратамъ Царьграда, такъ и Илья водружаетъ свое (или Ортнитово) знамя на стѣнахъ Судерса. По лѣтописному разсказу Олегъ ходилъ на Царьградъ при императорѣ Романѣ, но по приведенному выше эпизоду «Лѣтописца XVII вѣка»[2]) онъ былъ современникъ Михаила: это и есть Machorel Ортнита, царящій въ Судерсѣ; проф. Халанскій не безъ умысла приводитъ незасвидѣтельствованную старыми текстами форму имени: Machahol=Михаилъ[3]). Такимъ образомъ получается связная канва и рядъ соотвѣтствій Олегъ — Илья, Судъ — Судерсъ, Machorel — Махаилъ. Другое соотвѣтствіе съ Ortnît'омъ подсказано повѣстью лѣтописи о завладѣніи Олегомъ Кіева: онъ спряталъ часть своихъ воиновъ въ лодкахъ и получаетъ доступъ, назвавшись «гостемъ», посланнымъ Олегомъ и Игоремъ «въ Греки»[4]). Такъ и Ортнитъ сказывается купцомъ, пріѣхавшимъ съ товарами изъ волошскихъ странъ, и такъ же велитъ своимъ воинамъ попрятаться подъ палубу. Я не утверждаю, чтобы сходство было случайно; но мотивъ заѣзжаго гостя, подъ которымъ скрывается витязь, освободитель, женихъ, принадлежитъ къ международнымъ.

Авторъ напомнилъ сказанія объ увозѣ Соломоновой жены, о Василіи Златовласомъ и др.[5]); напомнимъ тотъ же мотивъ въ Кудрунѣ, Освальдѣ; въ Charrei de Nîmes Вильгельмъ Оранскій переодѣвался купцомъ, Бертранъ погонщикомъ воловъ и вводятъ въ Nîmes обозъ съ бочками, въ которыхъ спрятаны рыцари. Къ

---

1) Сл. Халанскій l. c. Авг. стр. 344 слѣд.

2) Сл. выше, стр. 55 сл.

3) Сл. Халанскій, l. c. Авг. стр. 354.

4) Ibid., стр. 340—4.

5) l. c. стр. 344. Сл. Марковъ, Этнограф. Обозр. LXII, стр. 4—5 и прим. 2 на стр. 5.

такой же хитрости прибѣгаетъ у Саксона Грамматика (IX, стр. 310 слѣд. ed. Holder) сынъ геллеспонтскаго короля Даксонъ: не будучи въ состояніи побѣдить Витсерка, онъ является къ нему подъ предлогомъ мира, и, принятый дружелюбно, armatum subornavit exercitum, qui simulata mercacione in urbem rhedis advectus hospitis domum nocturno laceravit assaltu. Въ сагѣ о Стурлаугѣ (Fas. III, 592—647) Фрамаръ добивается любви русской царевны Ингигерды, живущей въ Aldeigjaborg (Ладогѣ); на первый разъ онъ является къ ней, какъ могучій король, съ 60-ю кораблями; она признала его и отказала; во второй переодѣвается купцомъ и не получаетъ къ ней доступа; въ концѣ приходитъ Стурлаугъ, бьется съ ея отцемъ и выдаетъ ее за Фрамара.

По мнѣнію автора, лѣтописный разсказъ о взятіи Олегомъ Царяграда отразился подробно и въ эпизодѣ поэмы — о взятіи Монтабура[1]). Въ Альберихѣ, ѣдущемъ къ Монтабуру впереди войска на конѣ съ знаменемъ въ рукахъ, тогда какъ онъ самъ невидимъ, ратники видятъ ангела; когда Олегъ двинулся отъ Суда на Царьградъ, изумленные греки считаютъ его св. Димитріемъ. Я не вижу здѣсь никакихъ рѣшающихъ соотвѣтствій.

Важно для насъ непосредственно затѣмъ слѣдующее признаніе автора: существенное отличіе поэмы отъ лѣтописныхъ сказаній въ томъ, что главнымъ дѣятелемъ въ этомъ предпріятіи является въ поэмѣ не столько Илья, сколько Альберихъ, которому приписываются разныя сверхъестественныя дѣянія, напоминающія только частію Олега Вѣщаго, а, главнымъ образомъ, Вольгу былинъ[2]). Я исправилъ бы это сопоставленіе въ согласіи съ выводами, предложенными мною въ другой моей работѣ[3]): главнымъ лицомъ поэмы является не Альберихъ, а Ортнитъ съ помощью Альбериха; Ортнита я и сравнивалъ съ Вольгой; если такъ, то искать Олега пришлось бы въ Ортнитѣ, а не въ Ильѣ,

1) l. c. стр. 349.
2) l. c.
3) Мелкія замѣтки къ былинамъ XV, l. c.

которому въ поэмѣ предоставлена эпизодическая, не рѣшающая роль.

Но авторъ выходитъ изъ затрудненія, еще разъ спасая тождество Олега (Ильи)-Вольги. «Лѣтописецъ XVII вѣка» разсказываетъ, что Игорь взялъ за себя во Псковѣ жену, дочь «Таракана князя Половецкаго»; «и нача Олегъ князь со Игоремъ веселитися, творяше веселіе много» [1]). Въ распространенномъ проложномъ Житіи св. кн. Владимира, воеводы Олегъ и Ждьбернъ идутъ отъ него послами въ Царьградъ просить у царей руку ихъ сестры [2]). Проф. Халанскій понимаетъ эти сообщенія такъ, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ объ Олегѣ, какъ помощникѣ — при сватовствѣ Игоря и Владимира; это Илья при Ортнитѣ. Мнѣ не ясно, какимъ образомъ разсказанное объ Игорѣ могло быть понято именно въ этомъ смыслѣ; и я не рѣшился бы сказать, на основаніи указанныхъ данныхъ, что Олега, какъ пособника при сватовствѣ, знали «древнѣйшія русскія сказанія» [3]). Для автора это толкованіе становится исходнымъ пунктомъ для слѣдующихъ построеній: съ теченіемъ времени на Олега-Вольгу свата, перенесена была роль жениха, онъ самъ ходилъ по невѣсту; на этой стадіи своего развитія сказаніе о военно-свадебномъ походѣ Олега-Вольха-Вольги подверглось вліянію популярныхъ въ средніе вѣка сказаній объ Александрѣ Македонскомъ [4]) и Оберонѣ-волшебникѣ, чародѣѣ; и въ результатѣ такого сложнаго процесса возникла былина о походѣ Вольги и женитьбѣ его и самый поэтическій образъ хитро-мудраго Вольги, богатыря волшебника». Если былина о Вольгѣ признается въ родственномъ отношеніи къ Ортниту, то зачѣмъ было не вспомнить Альбериха поэмы, вмѣсто того, чтобы говорить о вліяніи популярныхъ сказаній объ Оберонѣ-волшебникѣ?

---

1) Халанскій, l. c. Авг. 303.

2) ib. стр. 306.

3) l. c. Ноябрь, стр. 35 слѣд.

4) Халанскій, присоединяется къ мнѣнію Вс. Миллера о вліяніи книжныхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ на былины про Вольгу. Сл. Халанскій, l. c. Августъ, стр. 305.

Процессъ наслоенія, или, какъ выразился авторъ, «ассоціаціи поэтическихъ образовъ», представляется ему въ нѣсколько смутныхъ очертаніяхъ. На какой стадіи развитія застала нѣмецкая поэма объ Ортнитѣ эпическія сказанія объ Олегѣ. Брачная поѣздка Ортнита разбиралась, какъ мы видѣли, въ сравненіи съ нашей лѣтописной традиціей о походахъ Олега на Царьградъ; Судъ-Судерсъ укрѣпило сближеніе; не доставало на сторонѣ русской параллели брачнаго момента; авторъ устранилъ эту недостачу указаніемъ на народно-поэтическій символъ: взятіе города = добываніе невѣсты — и получилъ право приравнять въ этомъ смыслѣ взятіе Суда и Царьграда—Олегомъ ко взятію Судерса и Монтабура Ильей въ поэмѣ объ Ортнитѣ. Это подкрѣпляется соображеніемъ, что нѣкоторые варьянты былинъ о Вольгѣ, близкое родственное отношеніе которыхъ къ Ортниту стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, оканчиваются женитьбой героевъ (героя?) на женщинахъ завоеваннаго города[1]). Я уже сказалъ, что ѣдетъ по невѣсту (—городъ) самъ Ортнитъ, такъ что Илья при немъ оказался бы въ роли Олега — свата, если бы послѣдній закрѣпленъ былъ въ этомъ образѣ болѣе солидной традиціей, чѣмъ та, на которую опирается проф. Халанскій.

Авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ разбору былинъ о рожденіи и о походѣ Вольги въ Индѣйское царство, о женитьбѣ его[2]), обращая въ послѣднемъ случаѣ особое вниманіе «на дѣйствительные, болѣе поздніе факты исторіи Новгорода и Москвы, отразившіеся на фонѣ традиціонныхъ сюжетовъ», т. е. на старой основѣ пѣсни. Я предпочитаю повторить здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями мой прежній анализъ былинъ о рожденіи и походѣ Вольги[3]).

Рожденіе Вольги сопровождается чудесными знаменіями; этотъ мотивъ настойчиво повторяется въ былинахъ о немъ, и

---

1) Халанскій l. c. Августъ, стр. 353—4.
2) l. c. Ноябрь, 14 слѣд.; 35 слѣд.
3) Мелкія замѣтки къ былинамъ, l. c. стр. 24 слѣд.

кромѣ того въ пѣсняхъ о Добрынѣ. Варьянтъ Кирши присоединяетъ ту подробность, что и самое рожденіе Вольги было чудное: его мать соскочила съ камня на лютаго змѣя и поносъ понесла. Такъ еще въ пѣсенномъ отрывкѣ про змѣя Горынича [1])— и, можетъ быть, въ пѣснѣ о Саурѣ Ванидовичѣ (Кир. I, 3, стр. 113—116), гдѣ теперь змѣя является лишь причиной испуга [2]).

Чудесное рожденіе было первоначально причиной чудесныхъ даровъ Вольги, его оборотничества, способности быстро переноситься въ пространствѣ, проникать въ непреступныя мѣста. Позже эта причинная связь была забыта, и Вольга *учится* этимъ хитростямъ и мудростямъ; онѣ показательны для его былиннаго типа:

Не ходи на Вольгу Сеславьевича—говоритъ калика Ильѣ,—
Онъ не силою возьметъ, такъ хитростью-мудростью.
(Рыбн. I, стр. 35).

Поѣздка Вольги, видимо, не брачная; только у Кирши и у Маркова (Бѣлом. былины 258) онъ женится на дочери убитаго имъ царя Индѣйскаго. Другіе варьянты дѣлаютъ цѣлью поѣздки Турецъ-землю, либо Золоту Орду. Я не рѣшусь сказать, что въ основѣ пѣсни лежало сватовство за невѣсту, но считаю это вѣроятнымъ.

Роль царицы напоминаетъ отчасти соотвѣтствующую фигуру въ поэмѣ: Волхъ хочетъ послать кого-нибудь,

А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
Провѣдалъ бы про царство Индѣйское.
(Кирша).

---

1) Извѣстія Имп. Ак. Наукъ по отд. русск. яз. и слов. III: Памятники и образцы народнаго языка и словесности, стр. 249.

2) Въ варьянтѣ у Маркова, отецъ Волха — богатырь, черниговскій бояринъ.

Провѣдать про думу про царскую,
Что царь думы думаетъ.
(Рыбн. I, № 1 = Гильф. № 91).

Когда никто не вызывается, онъ идетъ съ дружиною самъ, узнаетъ, обернувшись соколомъ, пташицей, про думы про царскія. Такое подслушиваніе, связанное съ оборотничествомъ, встрѣчается въ тюркской легендѣ, въ алтайскихъ сказкахъ и въ былинахъ о каликѣ богатырѣ [1]). Царь похваляется, что пойдетъ на святую Русь; а царица говоритъ, что тамъ родился ему супротивникъ (Кирша), что успѣха не будетъ; а царь бьетъ ее за то по бѣлу лицу, бросаетъ о кирпиченъ полъ (Рыбн. I, № 1 = Гильф. № 91; Рыбн. I, № 2). Это сходно съ разсказаннымъ выше эпизодомъ нѣмецкой поэмы [2]). Непосредственно затѣмъ слѣдуетъ у Кирши и у Рыбн. I, № 1 = Гильф. № 91 разсказъ о превращеніяхъ Вольги (туромъ, птицей, горностаемъ); онъ,

Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ высокимъ по теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У калёныхъ стрѣлъ желѣзы повынималъ.
(Кирша).

Не изъ былины ли о Волхѣ пришелъ этотъ мотивъ въ пѣсню о князѣ Романѣ, Рыбн. I, 73? [3]). Объ одномъ монгольскомъ Коратты-ханѣ есть разсказъ, что онъ обратился въ мышь и перепортилъ доспѣхи у своего противника [4]). Та же продѣлка Альбераха приведена выше [5]).

---

1) Гильфердингъ, №№ 101 и 207; Потанинъ, Этнограф. Обозрѣніе, IX, 82—3; Всев. Миллеръ. Очерки, стр. 184.

2) Сл. выше, стр. 31.

3) Сл. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ 484—5, 512—3. Романъ-оборотень у Гильфердинга, № 401.

4) Сообщеніе Потанина. Сл. Этнограф. Обозрѣніе XVIII, 30. Вс. Миллеръ l. c. 184; сл. Сумцевъ, Мысль въ нар. словесности ib. VIII, стр. 64—7.

5) Сл. стр. 31.

Примыкающій къ ней въ былинѣ эпизодъ о мурашикахъ извѣстенъ лишь по варьянту Кирши: перепортивъ оружіе, Волхъ полетѣлъ яснымъ соколомъ во чисто поле, будилъ свою дружину и повелъ ее къ царству Индѣйскому:

И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной,
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Ворота у города желѣзныи,
Крюки, засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны, ношны,
Стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзано,
А и только во вырѣзу мурашу пройти.

Закручинились молодцы, потерять имъ тутъ свои головы. А Волхъ и тутъ догадался: самъ обернулся мурашкомъ, дружину обернулъ мурашками; такъ перешли они за стѣну, а тамъ снова стали добрыми молодцами, принялись рубить стараго и малаго.

По поводу этихъ мурашиковъ у насъ вспоминали о мирмидонахъ[1]; я полагаю чудесное проникновеніе Альбериха во дворецъ Махореля.

Царь названъ Салтыкъ Ставрульевичъ (Кирша), Турецъ-Салтанъ (Рыбн. I, № 1 = Гильф. № 91), Салтанъ Бекетовичъ (Рыбн. I, № 2) и др.; царица Азвяковна, Елена Александровна (Кирша), Панталоновна (Рыбн. I, № 1 = Гильф. № 91), Довидывна (Рыбн. I, № 2). Я не анализирую подробностей: имена, очевидно, позднія, вращающіяся въ воспоминаніяхъ татарскаго періода; Азвяковна относитъ насъ къ XIV вѣку, къ хану Узбеку, на сестрѣ котораго женился московскій князь Юрій Даниловичъ; молода Елена Александровна встрѣчается въ былинѣ о Саурѣ-Ванидовичѣ (Кир. III, № 2) и указываетъ на южно-русскія отношенія.

1) Л. Н. Майковъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1866, Май, стр. 630.

Древность имени Вольги въ пѣснѣ о его «хитростяхъ-мудростяхъ» я по прежнему оставляю открытымъ вопросомъ; анализъ былины о его хожденіи въ Индѣйское царство и вызванныя имъ параллели съ поэмой объ Ортнитѣ поставили меня передъ другимъ. Я коснулся выше предположенія, высказаннаго въ нѣмецкой наукѣ, что въ болѣе древней версіи легенды объ Ортнитѣ не было Альбериха; я выразилъ сомнѣніе, что показателемъ такой версіи могло быть краткое изложеніе саги въ Dietrichs Flucht. Если допустить существованіе такой версіи, то ея герой, какъ чудесно-рожденный, могъ самъ совершать подвиги, которые удаются Ортниту съ помощью его отца Альбериха. Такимъ представляется мнѣ Вольга; съ этой стороны я охарактеризовалъ его выше[1]); онъ напоминаетъ Всеслава Полоцкаго, рожденнаго отъ волхвованій. Что до варьянта Кирши, что Вольга рожденъ отъ змѣя, то въ виду повторенія этой подробности въ другихъ былинахъ, она не даетъ точнаго отправленія для анализа пѣсней.

Интересъ, возбуждаемый отношеніями былины о походѣ Вольги къ поэмѣ объ Ортнитѣ, видимо не захватываетъ—Илью. Но и по отношенію къ нему поэма важна: она представляетъ его еще внѣ связи съ Владиміромъ, къ эпическому циклу котораго онъ позднѣе потянулъ вмѣстѣ съ другими богатырями; въ сравненіи съ Ильей саги о Тидрекѣ, гдѣ онъ названъ братомъ Владиміра, это своего рода дата. Важно и то, что тогда какъ въ сагѣ онъ зовется Греческимъ, здѣсь онъ русскій князь. Какъ увидимъ далѣе, это различіе не носило хронологическаго и топографическаго значенія. Есть въ его характеристикѣ и какія-то личныя черты: онъ суровъ и неистовъ, какъ Wate въ Кудрунѣ, но такой же пѣстунъ молодыхъ витязей и такой же мощный старикъ; руководитъ племянникомъ Ортнитомъ, какъ и въ былинахъ Илья типическій богатырскій дядя.

---

1) Сл. выше, стр. 61 сл.

V.

Илья греческій или изъ Герцеке?

Мы знаемъ по сагѣ $M^1 = M^2$, что отецъ Ильи поставилъ его ярломъ Греціи (гл. 26), что у него сыновья Гертнитъ и Гирдиръ (гл. 31). Дальнѣйшія свѣдѣнія даетъ лишь M^2 и его отраженія. Въ гл. 241 разсказывается о великой дружбѣ между Аттилой, царившемъ въ Сузатѣ и Эрминрикомъ, властвовавшимъ въ Puli. Эрминрикъ послалъ Аттилѣ въ заложники своего родича Озида, Эрминрикъ ему своего племянника по сестрѣ Вальтера af Vaskasteini, являющагося въ гл. 151 M^1 намѣстникомъ Эрминрика въ Gerimsheim'ѣ; за два года передъ тѣмъ прибыла ко двору Аттилы, въ качествѣ заложницы, Гильдигунда, дочь Ильи, ярла Греческаго. Въ латинской поэмѣ Waltharius, X-го вѣка, ея герой Вальтарій — сынъ аквитанскаго короля Alpharis, Гильдгунда—дочь бургундскаго короля Heiririch'а. И въ поэмѣ, и въ сагѣ схема разсказа одна и та-же. — Вальтарій увозитъ Гильдгунду — но имя Heiririch'а замѣнилось Ильей греческимъ, af Greca. Гдѣ представлялъ онъ себѣ страну Puli? Въ главѣ 13-й Эрминрикъ не только завладѣлъ лучшей частью римской области, Romaborgar, но и городами въ Púli = Апуліи, многими землями отъ греческаго моря до горъ на сѣверѣ и бо́льшею частью греческихъ острововъ. Въ прологѣ къ сагѣ [1]) Pul: A отвѣчаетъ Apuli: B. Я не даромъ привелъ это разночтеніе: проф. Нерингъ объясняетъ пріуроченіе сказанія о Вальтерѣ къ Польшѣ (въ польскомъ его варьянтѣ) именно нижненѣмецкой сагой, легшей въ основу соотвѣтствующаго эпизода саги о Тидрекѣ. Púl могло быть принято за Púlinaland [2]).

---

1) О немъ выше, стр. 3.

2) Heinzel (Ueber die Walthersage, стр. 69, 82) выразилъ мнѣніе, что въ источникѣ поэмы о Вальтаріи ея герои, Вальтеръ и Гильдгунда могли являться гуннами, либо принадлежащими къ подобной народности, и лишь впослѣдствіи пріурочены къ германскимъ отношеніямъ.

Указываетъ-ли посылка Гильдгунды, какъ заложницы, на какія-нибудь предыдущія вассальныя или тому подобныя отношенія Ильи къ Аттилѣ? О нихъ пока мы ничего не знаемъ; составитель саги, очевидно, спуталъ хронологію, какъ смѣшалъ и имена. Это требуетъ объясненія.

Главы 291—2 говорятъ о вторженіи Озантрикса во владѣнія Аттилы и побѣдоносной битвѣ Аттилы и Тидрека съ вильтинами подъ стѣнами Бранденбурга, въ которой убитъ Озантриксъ (по M^1 гл. 134 онъ убитъ ранѣе) [1]. Съ 293-й главы вмѣсто него является на сцену Владиміръ: вступя съ огромнымъ войскомъ въ землю гунновъ, онъ жжетъ и рушитъ, овладѣлъ однимъ большимъ городомъ и въ немъ полонилъ рыцаря Аттилы, Родольфа, но заслышавъ о приближеніи гуннской рати, отступилъ. Тогда Аттила и Тидрекъ переносятъ войну въ страну вильтиновъ и русскихъ; войска встрѣтились въ землѣ вильтиновъ, отрядъ Тидрека сталъ противъ отряда сына Владиміра, также названнаго Тидрекомъ. Оба вступаютъ въ единоборство, бьются храбро, пока Тидрекъ Бернскій не одолѣлъ противника и не связалъ его. А между тѣмъ Аттила обратился въ бѣгство, Тидрекъ успѣлъ забраться съ своими людьми въ старую, оставленную крѣпость, гдѣ Владиміръ осадилъ его; вылазка, сдѣланная Тидрекомъ, не помогла, ихъ снова загнали въ стѣны, гдѣ ихъ ожидалъ голодъ: пришлось колоть своихъ коней. Тогда Тидрекъ вызываетъ кого-нибудь изъ своихъ, кто бы отважился пробраться сквозь вражье войско и далъ знать Аттилѣ объ опасномъ положеніи, въ которомъ они находятся. Вызывается Ульфрадъ, приноситъ Аттилѣ вѣсть; и тотъ идетъ на выручку. Узнавъ о томъ, Владиміръ велитъ трубить отбой, Аттила и Тидрекъ привѣтствуютъ другъ друга; а Тидрекъ показываетъ ему своего плѣнника: „вотъ Тидрекъ, сынъ Владиміра, я полонилъ его въ битвѣ; но изъ дружбы къ тебѣ я его уступлю, дѣлай съ нимъ, что хочешь: можешь убить его, либо предложить его отцу выкупить

1) Сл. выше, стр. 7.

его золотомъ и серебромъ, сильными крѣпостями и большимъ царствомъ." Всѣ возвращаются въ землю гунновъ. Тидрекъ Бернскій слегъ отъ ранъ, раненый сынъ Владимира брошенъ въ темницу. Когда Аттила снова снарядился въ походъ на Польшу и Русь (гл. 300) противъ конунга Владимира, а Тидрекъ Бернскій остался дома изъ-за ранъ, Эрка проситъ мужа на прощаньи—дозволить ей взять сына Владимира, ея родича (онъ приходился ей двоюроднымъ братомъ), изъ темницы, попѣстовать его, вылѣчить; если онъ выздоровѣетъ, а ты тѣмъ временемъ помиришься съ Владимиромъ, благо тебѣ будетъ.—Аттила ничего и слушать не хочетъ; но жена настаиваетъ, прозакладываетъ свою голову, что она не отпуститъ его, здороваго, во-свояси, и Аттила уступаетъ. Эрка сама ходитъ за больнымъ, Тидрекъ Бернскій предоставленъ служанкѣ. Когда сынъ Владимира почувствовалъ себя въ силахъ, снарядился, окольчужился, хочетъ вернуться на Русь. Напрасно отговариваетъ, стыдитъ его Эрка; но для бѣгства нѣтъ помѣхи, вѣдь Тидрекъ Бернскій лежитъ. Опечаленная Эрка идетъ къ нему за совѣтомъ, жалуется; „по дѣломъ тебѣ," говоритъ онъ, „теперь ты обо мнѣ вспомнила, а передъ тѣмъ я былъ заброшенъ, раны мои хуже прежняго и къ бою я не способенъ."—„Не у кого искать мнѣ помощи," плачется она, „снесетъ мнѣ Аттила голову!"— Тогда Тидрекъ велитъ подать себѣ свою ратную сбрую, снарядился, выѣхалъ; раны его раскрылись, кровь обагрила и коня и доспѣхи. Онъ нагоняетъ бѣглеца въ лѣсу между Польшей и землею гунновъ и, убивъ его въ поединкѣ, привозитъ его голову Эркѣ.

Эпизодъ о сынѣ Владимира — единственный эпическій во всемъ разсказѣ о войнахъ русскихъ съ вильтинами и гуннами. Принадлежитъ-ли онъ интерполятору M^2, я сказать не рѣшаюсь. Нѣтъ основанія подозрѣвать традиціонность его содержанія, ни именъ и историческихъ отношеній; здѣсь могло произойти такое-же пріуроченіе, какъ съ эпизодомъ о рыцарѣ Самсонѣ[1]). Парал-

1) Сл. выше.

лелей къ темѣ объ Эркѣ и ея племянникѣ, съ такимъ именно конфликтомъ, я не знаю.

Главы 308—9 говорятъ о вторженіи Аттилы въ царство Владимира; происходитъ битва, и Аттила бѣжитъ; тогда вступаетъ въ бой его вассалъ—союзникъ Гильдебрандъ; но «противъ него выѣхалъ ярлъ греческій короля Владимира» и свалилъ его съ коня; Sv (гл. 262—3) называетъ его братомъ Владимира. Мы заключаемъ, что это Илья, имя котораго въ сагѣ болѣе не встрѣчается.

Снова снарядился на Русь Аттила; на этотъ разъ съ нимъ Тидрекъ, уже оправившійся отъ ранъ. Они осадили Полоцкъ (Palteskia, вар. Pallticа, Faltica), сильно укрѣпленный городъ, защищенный каменной стѣною, съ большими башнями (kastalar) и глубокими и широкими рвами (310). Три мѣсяца стоятъ они подъ городомъ; тогда Тидрекъ предложилъ Аттилѣ раздѣлиться: либо Аттилѣ продолжать осаду, а Тидреку пойти далѣе на Русь, забирать города; либо онъ останется, а пойдетъ Аттила. Аттила выбираетъ первое: вѣдь городу не устоять, бо̀льшая часть стѣнъ уже разрушена стѣнобитными орудіями, при которыхъ день и ночь работаютъ триста человѣкъ (гл. 311). Отправляется Тидрекъ: подъ стѣнами Смоленска (Smaland) происходитъ битва съ войскомъ, которое Владимиръ привелъ изъ-подъ Полоцка. Тидрекъ неистовствуетъ, какъ левъ среди стада, русскіе валятся, какъ трава; Владимиръ палъ подъ его ударами (гл. 312). Между тѣмъ Аттила, взявъ и разрушивъ Полоцкъ («какъ то могутъ еще видѣть тѣ, кто посѣщаютъ то мѣсто» гл. 313), соединился съ Тидрекомъ подъ стѣнами Смоленска. Въ городѣ былъ Иронъ, братъ Владимира. Держитъ онъ совѣтъ съ своими мужами.

«Сдается мнѣ, что у насъ въ рукахъ два выбора: одинъ таковъ, чтобы поддержать бой съ конунгомъ Аттилой, пока сможемъ, хотя скорѣе всего можно ожидать, что мы не устоимъ противъ ихъ превосходства и погибнемъ. Но есть и другой выборъ: сдаться и отдать городъ во власть конунга Аттилы.—Тогда разувался ярлъ (af sínom skóm), слагалъ съ себя оружіе; та-

кимъ то образомъ всѣ русскіе вожди, босые безъ оружія, вышли изъ города, показывая тѣмъ, что они побѣждены. Въ тотъ день честь и власть русскихъ конунговъ переданы были конунгу Аттилѣ. Держалъ совѣтъ конунгъ Аттила съ конунгомъ Тидрекомъ: даровать-ли миръ этому ярлу (то есть Ирону). „Мнится мнѣ,"—сказалъ конунгъ Тидрекъ, —„захочешь ли только ты такъ поступить, — что полезно было бы даровать миръ этому ярлу и его мужамъ; хотя онъ пришелъ въ твою власть и все его царство тебѣ покорилось, тебѣ въ честь и достоинство — не предавать его смерти, ибо у нихъ нѣтъ оружія, чѣмъ бы оборониться, а всѣмъ царствомъ русскимъ ты воленъ завладѣть." Говоритъ тогда ярлу конунгъ Аттила: „Если вамъ любо служить намъ вѣрою, то и объявите это на вашу вѣру; а мы даруемъ миръ тебѣ и всѣмъ твоимъ мужамъ, что пришли въ нашу власть, по совѣту Тидрека и другихъ нашихъ вождей." Такъ отвѣчаетъ ярлъ Иронъ: „Государь конунгъ Аттила, колибъ было у него столь великое войско, что мы могли бы держать городъ гуннскою ратью, не пришли бы въ вашу власть; потому и дѣлайте съ нашей жизнью (судьбою), что хотите. Затѣмъ мы и сложили наши доспѣхи, отворили городъ и сами пришли къ вамъ босые и стоимъ теперь у вашихъ ногъ, что знали васъ за добрыхъ витязей и сильныхъ мужей, какъ то теперь и оказалось. Къ тому вело и другое обстоятельство, что всѣ сильнѣйшіе вожди русскихъ убиты; и мы, конечно, станемъ поступать по вѣрѣ, оказывая вамъ повиновеніе."—Тутъ приглашалъ къ себѣ конунгъ Аттила ярла Ирона и сажалъ его съ своими вождями» (гл. 314).

«Тогда звалъ Аттила конунга Тидрека и многихъ другихъ воеводъ на совѣтъ, и рядили они земскій рядъ, какъ устроить все то царство, которое они покорили; а затѣмъ, по совѣту конунга Тидрека и другихъ вождей, посадилъ конунгъ Аттила ярла Ирона воеводою на Руси управлять тѣмъ царствомъ, судить по земскому закону, платить дань конунгу Аттилѣ и давать ему подмоги, когда ему понадобится» (гл. 315).

Ярлъ Иронъ, братъ Владимира, не встрѣчался намъ доселѣ;

если онъ тождественъ съ Ильей, то мы поймемъ теперь, почему Илья посылаетъ Аттилѣ свою дочь въ заложницы; только разсказъ о томъ въ гл. 241 помѣщенъ ранѣе, чѣмъ Илья=Иронъ сталъ въ вассальныя отношенія къ гуннскому конунгу.

Но откуда имя Ирона?

Редакторъ M² разсказалъ въ гл. 134 сл., какъ людьми Аттилы, а главнымъ образомъ хитростью шпильмана *Изунга*, коварнымъ образомъ убитъ былъ Озантриксъ. Мы уже сказали, что M² не справился у своего предшественника: въ гл. 278 Озантриксъ оказывается еще въ живыхъ; въ гл. 291—2 говорится о его походахъ въ землю Аттилы, гдѣ онъ завладѣлъ *Брандинабургомъ*; здѣсь сходятся войска гунновъ и вильтиновъ, и въ слѣдующей за тѣмъ битвѣ погибаетъ Озантриксъ. Существовали-ли два разсказа о его смерти, или одинъ изъ нихъ слѣдуетъ устранить, какъ нетрадиціонный? Jónsson [1]) устраняетъ первый, какъ произвольно развитый шпильмановской темой. Въ текстѣ, которымъ пользовался оригиналъ AB, оба разсказа уже находились; и редакторъ попытался помирить ихъ: оказывается, что въ первый разъ попытка убить короля не удалась, и онъ могъ прожить до пораженія подъ Брандинабургомъ. Въ Sv противорѣчіе осталось.

Неожиданную подробность приноситъ глава 350: Гертнитъ, сынъ Озантрикса, готовится въ походъ на Изунга изъ Бертангаланда, ибо Аттила, Тидрекъ и Изунгъ учинили смерть его отцу. Тидрекъ не идетъ въ счетъ: онъ вассалъ Аттилы, какъ въ нѣмецкомъ эпическомъ преданіи; но откуда явился Изунгъ изъ Бертангаланда (=Бретани)? По смѣшенію-ли съ Изунгомъ шпильманомъ? Въ M¹, гл. 134, король Изунгъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Озантриксомъ, посылаетъ ему своего вассала Атгейра, который и стоитъ на охранѣ его границы; онъ еще тамъ въ гл. 193 и слѣд., въ разсказѣ о походѣ Тидрека въ Бертангаландъ.

---

1) Jónsson, l. c., стр. 855.

Въ главѣ 245 слѣд. король Изунгъ является въ разсказѣ, представляющемъ невѣроятное смѣшеніе мотивовъ нѣмецкаго и франкокельтскихъ сказаній и популярной въ средніе вѣка повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ[1]). Въ Бертангаландѣ (Бретани) царитъ Артуръ; по его смерти Изунгъ завладѣлъ его царствомъ, а сыновья Артура, *Иронъ* и Аполлоній, бѣгутъ къ Аттилѣ, который даетъ первому въ удѣлъ *Брандинаборгъ*, второму — Тиръ. То, что разсказывается далѣе объ ихъ судьбѣ, представляетъ несвязный спай преданія объ Иронѣ охотникѣ и повѣсти объ увозѣ Аполлоніемъ дочери западно-франкскаго короля Соломона. На какое-то сказаніе объ Иронѣ-охотникѣ намекаетъ хроника Эненкеля и нѣмецкое стихотвореніе XIII вѣка, Der Weinschwelg; сага въ гл. 258 говоритъ, что о собакахъ Ирона ходятъ нѣмецкія сказанія и пѣсни. Къ разсказу объ Аполлоніи Иронъ примкнулъ совершенно внѣшнимъ образомъ. Онъ попадаетъ въ плѣнъ къ Соломону, но отпущенъ на свободу, потому что отецъ Соломона, Антіохъ (имя, взятое изъ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ), воспиталъ Аттилу, который и написалъ о томъ его сыну, какъ сюзеренъ Ирона и Аполлонія (гл. 266). — Отмѣтимъ и здѣсь хронологическую путаницу саги: въ гл. 245 Иронъ получаетъ отъ Аттилы Брандинабургъ; но городъ принадлежалъ ему и ранѣе, потому что въ гл. 231 Тистрамъ ѣдетъ въ Брандинабургъ — къ герцогу Ирону.

Итакъ: Иронъ, *вассалъ* Аттилы въ Брандинабургѣ, подъ стѣнами котораго, въ битвѣ съ гуннами, палъ Озантриксъ, какъ Владиміръ въ бою съ Тидрекомъ подъ стѣнами Смоленска, гдѣ послѣ него посаженъ вассалъ Аттилы (Илья). Смѣна именъ Илья—Иронъ можетъ быть объяснена смѣшеніемъ по сходству отношеній. Смѣшеніе или перенесеніе могло произойти, когда сказаніе объ Иронѣ внесено было въ составъ саги; изслѣдователи относили этотъ эпизодъ къ числу интерполированныхъ.

---

1) Сл. C. Neumann, Iron und Apollonius, Germania XXVII, стр. 1 слѣд. (вопроса объ Иронѣ-Ильѣ авторъ не касается); Symons, Grundriss², l. c., стр. 734.

Замѣчу, впрочемъ, что въ гл. 28 первая жена Озантрикса— дочь какого-то Ирона, конунга af Skorottan eđa Mittan, что толкуется: Англія и Шотландія; вмѣсто Skorottan варіантъ читаетъ Brittan: Британія или Бретань=Bertangaland. Что Иронъ Бранденбургскій—сынъ Артура изъ Bertangaland'а, мы уже знаемъ; въ основѣ это, быть можетъ, историческое лицо, что отвѣтило бы соображеніемъ Сторма, въ границахъ, которыя я и склоненъ допустить. Проф. Халанскій [1]) видитъ въ Иронѣ маркграфа Герона († 965) (=маркграфъ Gêre поэмы о Нибелунгахъ), сподвижника Оттона Великаго, «ужасъ Вендовъ, завоевавшаго восточную Саксонію и державшаго власть въ восточныхъ областяхъ имперіи, пограничныхъ съ славянами».

Я предпочитаю остановиться на интересномъ фактѣ мѣстнаго сѣверно-русскаго пріуроченія, хотя и засвидѣтельствованнаго однимъ варіантомъ рукописи В. Мы уже знаемъ, что рукописи А и В исландскія; писаны въ XVII вѣкѣ, но восходятъ къ тексту, который покоился на M^1+M^2 (либо на S^2) [2]), и по мнѣнію Mogk'а составленъ былъ въ Норвегіи, въ діоцезѣ епископа Бергена Арни. Это даетъ намъ право отнестись съ вниманіемъ къ разночтенію В (дающаго лучшее чтеніе, чѣмъ А) тѣмъ болѣе, чѣмъ оно необычно и не представляется опиской. Припомнимъ эпизодъ, какъ греческій ярлъ свалилъ Гильдебранда; ярлъ безъ имени; шведская версія саги говоритъ, что это братъ Владимира; варіантъ В читаетъ вмѣсто: jarl einn af Greka:—jarl einn af *Gersekeborg*, fraendi Valldemars konungs — ярлъ изъ города Герсеке, родичъ Владимира конунга. Герсеке возвращаетъ насъ къ Ливонской хроникѣ и Владимиру Полоцкому: rex... de Gercike упоминается подъ 1205 годомъ: говорится о его походѣ на Ригу въ то время, какъ полоцкій князь сдержалъ нападеніе на нѣмецкое поселеніе Икскюль; Герцеке былъ, очевидно, удѣльнымъ городомъ полоцкаго князя. Подъ 1209 годомъ rex de Gercike

1) Халанскій, Южно-славянскія сказанія о Маркѣ кралевичѣ, стр. 521—2.
2) Сл. выше, стр. 2.

названъ Wissevalde; это Всеволодъ, Wiscewolodus, rex de Gercike одного документа того-же года; въ этомъ году онъ взялъ Герцеке и тогда-же принялъ его въ ленное владѣніе отъ епископа Альберта; въ 1212 году тотъ-же епископъ съѣхался въ Герцеке съ полоцкимъ княземъ Владимиромъ для переговоровъ по вопросу объ обращеніи въ христіанство язычниковъ-ливовъ. Всеволодъ, женатый на дочери литовскаго вождя Даугеруте, ходившій съ литовцами на рижскихъ нѣмцевъ, встрѣчается въ хроникѣ подъ 1213, 1214, 1215, 1224, 1225, 1230 и 1239 годами. Въ 1224 онъ отдалъ половину Герцике рыцарю Конраду фонъ Икскюль; въ 1230-мъ уступилъ нѣкоторыя изъ принадлежащихъ ему земель аббату и капитулу Динаминде. Въ 1239 году Герцике былъ отданъ епископомъ Николаемъ тевтонскому ордену, но въ немъ оставались слѣды бывшихъ укрѣпленій.

Ак. Куникъ и Пабстъ сближали этотъ Gerceke съ Gerseke отписи 1292 годъ изъ Дерпта къ Ганзейскимъ городамъ; въ послѣднемъ случаѣ разумѣется Gerceke новгородскій = Городище на правомъ берегу Волхова. По мнѣнію Биленштейна и ак. Куника Gerceke — отъ градъ, сѣв. garðr, напр. въ Holmgarðr, Garðariki и т. д.; судя по аналогіи: Smalenceke = Смоленьскъ, Plesceke = Полоцькъ, для Gerceke можно предположить форму Грѣцькъ; сѣверный gerskr: прилагательное отъ garðr=русскій и, вмѣстѣ, *греческій*, *грекъ* (girskr и gerskr); gerskr было эпитетомъ «гостя», ходившаго въ Россію и «греки». Таковъ Gille en gerzki въ Laksdølasaga'ѣ, одинъ изъ богатѣйшихъ сѣверныхъ купцовъ, судя по имени (ирл. Gilla = слуга) изъ нордмановъ, поселившихся въ Ирландіи; онъ торговалъ на островахъ (Brennøerne) у устья Gøtaelf'а, и велъ торговлю рабами; такъ ирландскому главарю Hóskuld'у, онъ продалъ въ рабство ирландскую царевну [1]). Вернемся къ Gerseke на Двинѣ; онъ находился подъ властію Полоцкихъ князей, къ которымъ принадлежалъ и Всеволодъ Ливонской лѣтописи; въ грамотѣ, данной ему риж-

1) A. Bugge, Vikingerne, I, 159.

скимъ епископомъ Альбертомъ въ 1209 году, упоминается въ числѣ другихъ городовъ, и Zeessowe, въ которомъ Е. Р. Романовъ [1]) подозрѣваетъ нынѣшній Царьградъ (Витебской губерніи). Изслѣдователи [2]) помѣщали двинскій Герцике вблизи Царьграда или отождествляли его съ нимъ; Е. Р. Романовъ ищетъ его на правомъ берегу Двины въ имѣніи Шлосбергъ, гдѣ находится городище овальной формы, «Замковая гора» (Peliskoln, Pilskalns), съ остатками стѣнъ на верхней площади; въ сосѣдствѣ два могильника, одинъ преимущественно съ женскими костяками, другой съ мужскими; при послѣднихъ оружіе: топоры, копья, ножи. Въ мѣстномъ латышскомъ поселеніи о Замковой горѣ ходятъ разныя преданія: о сокровищѣ, спрятанномъ тамъ во время непріятельскаго нашествія (г. Романовъ напоминаетъ по этому поводу раззореніе Герцика въ 1209 и 1215 годахъ), о войнахъ, которыя велись здѣсь Иваномъ Дикимъ (Грознымъ, по предположенію г. Романова); говорятъ, что въ древности на горѣ стоялъ укрѣпленный замокъ Герзакъ или Бирзакъ, какъ въ ливонскихъ актахъ чередуются Gersika и Berzika.

Въ нынѣшнемъ Царьградѣ нѣтъ никакихъ признаковъ существованія города, ни памятниковъ старины.

Научныя раскопки рѣшатъ спорный вопросъ о мѣстоположеніи Герцике. Для насъ достаточно пока выяснившихся данныхъ: передъ нами фактъ мѣстнаго пріуроченія; Илья, ярлъ греческій, af Greka, былъ сближенъ съ rex de Gercike, какъ Владимиръ Полоцкій съ Владиміромъ старыхъ былинъ. Вопросъ въ томъ, насколько эпитетъ af Greka древенъ при Ильѣ. Для его рѣшенія слѣдовало бы пересмотрѣть положеніе, кажущееся по-

---

1) Въ письмѣ ко мнѣ отъ 16 Іюня 1896 г., изъ котораго слѣдуютъ далѣе выдержки.

2) Bielenstein, Die Grenzen, l. c., стр. 100 и Register a. v. Gerceke, Gercike, Gerseke, Gertzeke, Gerzeke, Gersika, Gersike, ib. стр. 472 слѣд. (Куникъ). О Герсике сл. еще Pabst, l. c.; Н. Харрузинъ, Къ исторіи города Герцеке въ Ливоніи (Археологическія извѣстія и замѣтки т. III, 1895, стр. 49 слѣд.); Сапуновъ, Западная Двина, стр. 467 слѣд. Библіографія вопроса у Данилевича l. c., стр. 27, прим. 164.

рѣшеннымъ со времени Мюлленгофа[1]), что въ средніе вѣка на западѣ «русскій» былъ тождественъ съ «греческимъ»; свидѣтельства эпическихъ памятниковъ здѣсь не доказательны и порой фантастичны; сага о Тидрекѣ знаетъ напр. Сигурда греческаго, grikr (гл. 117—121, 240). Въ Dietrich und Wenezlan встрѣчается польскій король Wenezlan (сл. въ Biterolf'ѣ Wisxlan, Winеslan, künic von Beheim), но въ Dietriechs Flucht есть и Wizlan греческій: Всеславъ, Вячеславъ? Невѣроятнымъ кажется мнѣ предположеніе[2]), что въ Тидрекѣ, сынѣ русскаго Владимира, сражающагося въ сагѣ о Тидрекѣ противъ него и войска Аттилы, можно усмотрѣть отраженіе историческаго Теодориха Страбона, готскаго вождя на службѣ Византіи, съ которымъ приходилось бороться Теодорику изъ рода Амаловъ, то есть, Бернскому — Веронскому. Симонсъ сближаетъ Тидрека, сына Владимира, съ Dietrîch von Kriechn нѣмецкой саги[3]), хотя онъ стоитъ на сторонѣ Аттилы. Напомнимъ, что Wolfdietrich и Hugdietrich въ поэмахъ о нихъ также носятъ эпитетъ «греческихъ».

Мы уже сказали, что поэма объ Ортнитѣ не знаетъ Владимира, какъ не знаетъ Ильи греческаго: онъ русскій König. Какъ въ первомъ обстоятельствѣ мы усмотрѣли хронологическій моментъ, такъ и второй является намъ въ томъ же значеніи. Въ поэмѣ первой трети XIII вѣка, тѣмъ болѣе въ ея источникѣ, если Илья былъ тамъ названъ, онъ могъ быть только южно-руссомъ. Изслѣдованія акад. Шахматова[4]) выяснили тотъ фактъ, что среди сѣверныхъ славянъ, кривичей и сосѣднихъ съ ними финновъ роль варяговъ сводится ко взиманію дани; туземцы, рыболовы и звѣроловы, продолжали жить племеннымъ бытомъ, и варяги не смѣшивались съ мѣстнымъ населеніемъ, не входили въ его жизнь: они оставались для нихъ чужими, насильниками и грабителями; имя

1) Zs. f. D. Alterth. X, 166.
2) Jiriczek, l. c., стр. 178; Symons, Grundriss², l. c., стр. 702.
3) W. Grimm, D. Heldensage, стр. 219.
4) l. c., стр. 53 слѣд.; сл. стр. 37.

Русь, финское Ruotsi, какъ финны, а за ними — славяне называли варяговъ, пришельцевъ изъ Швеціи, было здѣсь ихъ этнографическимъ обозначеніемъ и не обняло въ одномъ цѣломъ подвластныя имъ народности. Иная дѣятельность открывалась варягамъ, явившимся среди южно-русскихъ племенъ, сѣверянъ, полянъ, угличей и др. Здѣсь племенной бытъ уже пошатнулся, явилось волостное устройство города, элементы будущей государственности, приготовленные вѣковой культурой, издавна осѣдавшей на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря: сначала иранцы, потомъ греки, римляне, готы; сосѣдство Византіи и ея крымскихъ колоній; наконецъ хазары, самое культурное изъ тюркскихъ племенъ. Варяги оживили эти элементы культуры, накоплявшіяся въ теченіе вѣковъ, явились ихъ организаторами; оттого ихъ племенное имя, Русь, обобщаясь, обняло созданное ими государство и покоренныя племена, и далѣе распространилось, охватывая другія области и народы. Долго подъ Русью разумѣется одна только южная или юго-западная Россія; Новгородцы не скоро назвались русскими: въ XII—XIV вѣкахъ подъ Русью они разумѣли, судя по лѣтописямъ, сначала Кіевскую, а потомъ Суздальскую область.

Попытка Оскольда и Дира устроиться въ Кіевѣ могла быть не первой въ числѣ другихъ такихъ же организацій на русскомъ югѣ; какъ объ Оскольдѣ и Дирѣ разсказывалось, что они ходили на Царьградъ, такъ могъ ходить на Сурожъ изъ какого-нибудь южнаго «городца» русскій князь Бравлинъ, ἄρχων τῶν Ῥώς. Этническое имя Ros для людей, объявившихся въ Константинополѣ и оказавшихся шведами, засвидѣтельствовано Бертинскими анналами для 839 года; въ 941 году византійцы отождествляютъ ихъ съ варягами.

Разбирались-ли они въ ихъ дѣйствительной національности? Я ставлю этотъ вопросъ въ виду высказаннаго выше предположенія, что рать русскаго Бравлина могла быть готской. Но я хотѣлъ бы перенести вопросъ на другую почву: гипотеза о скандинавскомъ происхожденіи Руси, поддержанная собственными

именами первыхъ князей, названіемъ днѣпровскихъ пороговъ и т. д., предполагаетъ-ли въ числѣ доказательствъ и перенесенное на русскихъ финское названіе для Ruotsi. По мнѣнію Томсена такъ могли быть названы скандинавскіе колонисты, поселившіеся, задолго до призванія варяговъ, гдѣ-нибудь у Ладожскаго озера[1]). Но съ германскими племенами финны могли сосѣдить издавна, съ тѣхъ поръ какъ подвинулись къ берегамъ Балтики. Коскиненъ относитъ ихъ появленіе къ VIII вѣку по Р. Хр.; по мнѣнію Куника финны заняли Курляндію и Эстляндію по удаленіи готовъ съ Вислы, то есть во II-мъ вѣкѣ[2]). Я не останавливаюсь на этихъ и другихъ соображеніяхъ, устраненныхъ новѣйшими трудами въ этой области. Съ одной стороны, топономастическія изслѣдованія Саксена привели его къ заключенію, что уже въ доисторическую пору финны и шведы жили въ Финляндіи совмѣстно[3]). Съ другой, недавно явившаяся работа Hackmann'a[4]) по доисторической археологіи Финляндіи, подтверждая позднѣйшій взглядъ Томсена на пребываніе финновъ на южномъ берегу Финскаго залива въ пору финско-балтійскихъ лингвистическихъ взаимодѣйствій, пролила новый свѣтъ и на готско-финскія отношенія; по его мнѣнію уже со времени Птоломея (во 2-й половинѣ II вѣка по Р. Х.) сѣверныя части балтійскихъ провинцій заняты были финнами; въ древній періодъ желѣзнаго вѣка (до 500 г.) ихъ южные сосѣди—летты; между ними вкраплены готскіе поселки, простиравшіеся вдоль южнаго берега Балтійскаго моря, Западной Двины, Финскаго залива и Чудскаго озера[5]). Это повело къ смѣшенію культуръ и, можетъ быть, народностей; авторъ толкуетъ Іордановское Go(l)tescytha, какъ готская

1) Thomsen, Der Ursprung des russischen Staates, стр. 105—6, 118.

2) Сл. Bielenstein l. c. стр. 495; Браунъ l. c. стр. 294.

3) Сл. Saxèn'a въ Nordiske studier tillegnade Adolf Noreen. Upsala 1904, стр. 45: сл. Abercromby, l. c., I, стр. 256.

4) Hackmann, Die ältere Eisenzeit in Finnland, I (Helsingfors, 1905), стр. 315, 317, 338 и т. д.

5) Сл. Aspelin, La Rosomonorum gens et le Ruotsi (Helsingfors 1884), стр. 4—5, 13, 21, 24, 25.

Чудь, обитатели остзейскихъ провинцій. Отсюда эта Чудь-финны двинулась, вѣроятно, ранѣе IV-го вѣка[1]) въ Финляндію, гдѣ уже застало скандинавское населеніе, которое постепенно финнизировало; финскія археологическія находки IV-го вѣка указываютъ на балтійское происхожденіе; послѣдовавшая затѣмъ культура была соединеніемъ восточно-балтійской и скандинавской.

На далекомъ протяженіи германскія племена очутились въ финской enclave и, быть можетъ, нѣтъ нужды видѣть въ Ruotsi исключительно скандинавскихъ, шведскихъ насильниковъ[2]). Но что особенно важно въ результатахъ Thomsen'а и Hackmann'а, это соображенія относительно древняго сожительства балтійскихъ финновъ съ леттами. Онѣ пригодятся намъ для дальнѣйшихъ выводовъ.

Пересмотръ работъ Томсена привелъ проф. Сетэлэ къ сходнымъ заключеніямъ[3]). Онъ относитъ финско-германскія соприкосновенія на южномъ берегу Финскаго залива къ началу прафинскаго періода и порѣ балтійско-финскихъ взаимныхъ вліяній, ко времени около Р. Хр. или нѣсколько ранѣе. Древнѣйшія германскія заимствованія въ финскомъ словарѣ указываютъ на пребываніе среди финновъ въ теченіе вѣковъ, можетъ быть въ качествѣ господствующаго класса, племени, говорившаго на правосточно-германскомъ языкѣ; къ нему принадлежали и готы: спеціально-готскія заимствованія въ финскомъ языкѣ принадле-

1) По Aspelin'у послѣ 400 г., по Томсену между V и VIII вв.

2) Al. Bugge, Vesterlandenes inflydelse, стр. 132, связываетъ «Русь» съ Rođu Rođin, какъ назывались въ старину прибрежныя части Uppland'а и Ostregötland'а, обязанныя въ военное время снаряжать идущихъ на рать гребцовъ.

3) Setälä, Zur Herkunft u. Chronologie der älteren finnischen Lehnworte in den ostfinnischen Sprachen, оттискъ изъ Journal de la Soc. Finno-ougrienne XXIII, 1 (Helsingfors 1906), любезно доставленный мнѣ авторомъ. Сл. стр. 43—4, 47—8, 49.

жатъ нѣсколько болѣе позднему времени, но указываютъ на формы, болѣе древнія, чѣмъ сохраненныя Ульфилой, что относитъ соотвѣтствующія вліянія къ первымъ вѣкамъ христіанства. Переселеніе финновъ съ южнаго берега Финскаго залива въ Финляндію, гдѣ они застали прасѣверное населеніе и языкъ, авторъ относитъ, самое позднее, къ IV-му вѣку.

V.

Родословная вильтиновъ. Веландъ и Вади.

За вычетомъ Нордіана, сына Вильтина, съ именемъ котораго мы встрѣтились въ разсказѣ о борьбѣ вильтиновъ и русскихъ и который играютъ въ немъ чисто показную роль, всѣ остальныя имена выступаютъ въ слѣдующемъ генеалогическомъ порядкѣ:

Вильтинъ
|
Вади, его сынъ отъ морской дѣвы
|
Веландъ
|
Vidga.

Вильтинъ незнакомъ нѣмецкому эпическому преданію, остальные ему принадлежатъ, но лишь немногіе являются въ той исключительной связи, въ которой ихъ представляетъ сага. Сѣв. Vadi отвѣчаетъ нѣм. Wate, но о немъ, какъ отцѣ Веланда и дѣдѣ Vidga'и = нѣм. Witege, ничего не говорится; только сопоставленія her Witege und her Wate, являющіяся въ Dietrichs Flucht 6215 слѣд. во главѣ дружины, можетъ быть истолковано, какъ воспоминаніе объ ихъ родствѣ. За то Веландъ, нѣм. Wielant, какъ отецъ Vidga'и, Витеге, стоитъ прочно: уже въ англосакс.

Waldere (VIII—IX в.) Vidia—сынъ Веланда; два нѣмецкихъ документа 864 года сопоставляютъ имена: Uuitigauwo и Uuelant. Съ именемъ Витеге связанъ эпизодъ, освѣщающій со стороны уголокъ сѣверной генеалогіи. Въ гл. 336 саги о Тидрекѣ разсказывается, какъ онъ гнался за Видгой, догналъ его до моря; Видга бросился въ него на конѣ и исчезъ въ волнахъ въ то время, какъ Тидрекъ метнулъ въ него копьемъ; копье воткнулось въ землю, и теперь еще можно его видѣть у устья рѣки. Sv добавляетъ, что Видгу приняла въ морѣ его прабабка и увела въ Зеландъ; въ источникѣ нѣм. поэмы die Rabenschlacht она—морская дѣва саги, Wachilt, увлекающая своего правнука на дно. Такимъ образомъ нѣмецкому преданію извѣстны были изъ родословнаго древа саги: Wachilt (имя которой въ сагѣ утрачено), Веландъ, Витеге, связанные той-же аллитераціей, что и въ генеалогіи саги; послѣдней принадлежатъ: Вильтинъ, Вади, прижитый имъ отъ морской дѣвы, и Веландъ, какъ сынъ Вади. Я уже замѣтилъ, что Вильтинъ, не поддержанный нѣмецкимъ эпическимъ преданіемъ, производитъ впечатлѣніе эпонима; можно заподозрить, что введеніе его и Вади въ генеалогію саги дѣло ея составителя: онъ былъ завѣдомо компиляторъ, по своему приводившій въ порядокъ матеріалъ, находившійся въ его распоряженіи. Но и здѣсь возможенъ вопросъ: не принадлежатъ-ли нѣкоторыя изъ его генеалогическихъ сближеній тѣмъ нѣмецкимъ пѣснямъ-сказкамъ, которыми онъ пользовался, какъ пользовался такимъ-же источникомъ авторъ Vǫlundarkviđa'ы. Я имѣю главнымъ образомъ въ виду Вади и Веланда; Vǫlundarkviđa называетъ Веланда сыномъ Финскаго короля и пріурочила дѣйствіе къ шведской мѣстности; сага помѣщаетъ Вади и въ Зеландѣ и Ютландѣ. Если удалить эту, быть можетъ, нанесенную географію, то могутъ раскрыться болѣе древнія мѣстныя отношенія, которыя сблизятъ преданіе о Веландѣ съ кругозоромъ саги о вильтинахъ, которую мы пытались локализовать.

Разберемся въ нашихъ свѣдѣніяхъ о Vadi и Veland'ѣ.

Vađi — англос. Wađa, нѣм. Wate[1]). О Wađa мы только по знаемъ Vidsid'у (VI—VII в.), что онъ царилъ у Гельзинговъ[2]); кое-какія неясныя преданія, сохранившіяся въ позднихъ англійскихъ памятникахъ, можетъ быть, и не относятся къ нашему Wate. Старыя вдовы, говоритъ Чосеръ, умѣютъ въ одно мгновеніе переноситься съ мѣста на мѣсто, такъ хорошо знакома имъ сила, ча́ры ладьи Ваде:

> They conne so mychel craft on Wades Boot
> (Merchants Tale).

О Ваде и его ладьѣ, Guingelot, и диковинныхъ подвигахъ, совершонныхъ имъ на ней, существуютъ пространные баснословные разсказы, но потому-то я и прохожу ихъ молчаніемъ, замѣчаетъ старый издатель Чосера, Speght; память о волшебной ладьѣ Ваде жила въ сѣверной Англіи до реформаціи. Вигфуссонъ объяснялъ Guingelot = Wingelock и видѣлъ въ этомъ названіи аллюзію на аналогическую черту въ разсказѣ о сынѣ Вади, Вёлундѣ, унесенномъ на самодѣльныхъ крыльяхъ; можно было бы припомнить и диковинную ладью, которая въ сагѣ о Тидрекѣ приноситъ Вёлунда въ царство Нидунга[3]). Все это болѣе, чѣмъ сомнительно.—Другія упоминанія Ваде въ англійскихъ памятникахъ отрывочны и не даютъ общаго образа[4]).

---

1) О Wate см. Müllenhoff, Zs. f. d. Alterthum VI, 62 слѣд.; Mannhardt Z. f. d. Mythologie II, 296 слѣд.; Golther, Handbuch des germ. Mythologie, стр. 198 слѣд.; E. H. Meyer, D. Mythologie, стр. 385; Panzer, Hilde-Gudrun, Sachverzeichniss a. v. Wate и стр. 291 слѣд., 297, сл. Wharton, Hist. of english poetry, ed. 1871, v. II, стр. 123; Vigfusson, Corp. poet. boreale I, 160; Skeat, V, стр. 356; Binz, Zeugnisse zur germ. Sage in England въ Paul's Beitr. XX, стр. 196—9.

2) Möller, Das altenglische Volksepos, II, строфа II: Wađa Haelsingum.

3) Въ романахъ Круглаго Стола названіе коня Gauvein, G(r)ingalet отъ того-же корня: wink—двигаться, колебаться, съ суфф.—ettus: ходкій, иноходецъ? Можетъ быть, и Guingelot отъ того-же корня съ суфф.—ottus.

4) Сл. Chaucer, Troilus III, 615; въ Sir Bewis of Hamtoun (ed. Kölbing v. 2605) говорится о борьбѣ Ваде съ огненнымъ дракономъ; такъ бились Ланцелотъ и Grey of Warwick. Въ предисловіи къ англ. переводу Guido delle Colonne упоминаются подъ рядъ сказанія о Ваде, Гавелокѣ и Горнѣ; въ метриче-

Въ нѣмецкомъ Wate видятъ морского великана старо-германскаго повѣрья (Мюлленгофъ и др.), либо ипостась Тора (Мангардтъ), либо одно изъ отраженій типа Eisenchans'а народной сказки (Панцеръ). Wate поэмы о Гудрунѣ его идеализованный, очеловѣченный образъ, но безъ взякой эпической подкладки.

Съ Вади саги о Тидрекѣ мы встрѣтимся въ разборѣ сказаній о Веландѣ.

Въ германскихъ сказаніяхъ широко распространены были имя и представленіе героя-ковача Wéland'а, сѣв. Vǫlund'а[1];

скомъ Morte Arthur (ed. Edm. Brock v. 964): Wade or Wawegne; такое же соединеніе Ваде и Ланцелота въ Morte Arthur Malory VII, 9 (ed. Sommer I, 225).— Tyrwhitt ссылается по поводу Ваде на Camden, Britannia 907 и Charlton, Hist. of Whitby p 40; въ изданіи Camden'а, которымъ и пользовался (London 1594) говорится о замкѣ саксонскаго вождя Wade въ Gorkshirc'ѣ близь Whithy; Ваде вступилъ въ битву съ королемъ Ардульфомъ и бѣжалъ; его похоронили между двухъ камней, около пяти футовъ вышины; разстояніе между ними, въ 11 футовъ, указываетъ на гигантскій ростъ. — Упоминаніе Ваде встрѣтилось недавно въ одной латинской проповѣди XIII в. о «смиреніи», найденной James'омъ и Gollancz'емъ, и этого Ваде поспѣшили объединить съ его эпическимъ соименникомъ (сл. Academy 1896 г. № 1241: Jannaris, Tale of Wade; ib. № 1242: Montagne Rhys James, The song of Wade). Но ссылка на Wade указываетъ скорѣе на автора какого-нибудь поученія: всѣ люди стали теперь звѣроподобными (послѣ грѣхопаденія), говоритъ проповѣдникъ, «такъ что позволено сказать съ Ваде: одни—эльфы, тѣ змѣи (nadderes), другіе—никсы, что живутъ у водъ (bi den patez или pasez: wades, watere?); нить человѣка, развѣ одинъ Гильдебрандъ (Nister man nenne—bute Ildebrand enne)—укажу еще у Мар'а (De Nugis Curialium (ed. Wright) dist. II, XVII) на Guado, сына вандальскаго короля, странствовавшаго по всему свѣту = Waбa?

1) Къ сагѣ о Веландѣ сл. C. Hofmann, Germania VIII, стр. 10—11; Wilhelm Müller, Mythologie der deutschen Heldensage (1886), стр. 124 слѣд. (сл. отчетъ E. H. Meyer'а въ Anz. f. deutsch. Alterth u. deutsche Litteratur XIII, 23 слѣд.); Golther, Die Wielandsage und die Wanderung der fränk. Heldensage, Germania XXXIII, p. 442 слѣд. 1888 г.; Wilh. Müller, Zur Mythologie der griech. u. deutschen Heldensage (1889), стр. 95 слѣд.; Rydberg, Undersökningar i germansk mythologi, 2 vv. (1886—90), Index a. v. Veland, Velint, Wiland, Vǫlund; E. H. Meyer, Germ. Mythologie. 1892 г. стр. 300—1; Schück, Vǫlundsagan (Ark. f. nord. Filologi IX, 103 слѣд.) 1893 г.; Koegel, Gesch. d. deutsch. Litteratur bis zum Ausgange des Mittelalters I B. I Th., стр. 99 слѣд. 1894 г.; Binz, Zeugnisse z. germ. Sage in England въ Paul's Beiträge XX, 143 слѣд. 1895 г.; Jiriczek, Deutsche Heldensagen I, 1898, стр. 1 слѣд. (его-же: Ein franz. Wielandsmärchen въ Stud. z. vergl. Literaturgeschichte I B. 3 H. стр. 354 слѣд. 1901 г.); Symons,

преимущественно въ нижней Германіи, откуда сага о немъ перешла въ Англію (Беовульфъ VII—VIII в., сѣтованіе Déor'a VIII в., Waldere VIII—IX в.); въ верхнюю Германію она проникла сравнительно мало, но уже въ двухъ документахъ 864 года сопоставленіе именъ Uuitigouwo и Uuelant указываетъ на знакомство съ нею[1]). Имя героя: нижненѣм. Wéland, англо-сакс. Wéland, среднеангл. Weland, Velond; верхненѣм. Wieland; въ стихотворной Эддѣ: Vǫlundr, въ сагѣ о Тидрекѣ: Vǫlundr и Velent; въ фарейскихъ пѣсняхъ: Valint, Walland[2]); въ французскихъ chansons de geste: Galant, Galaam на надписи меча Gauvein. Сл. Romania, 133 (p. 98) и 134 (стр. 279); въ средневѣк. лат. Walandus, Galannus и Welandus, Guêlandus.

«Сѣтованія Деора» (VIII вѣка) даютъ лишь общія очертанія одного эпизода о Веландѣ: какъ онъ страдалъ въ оковахъ у царя Nidhad'a и улетѣлъ, убивъ его сыновей и изнасиловавъ дочь. Въ Вёлундарквидѣ (IX в.) разсказывается о трехъ сыновьяхъ финскаго короля, Vǫlund'ѣ, Slagfiðr'ѣ и Egil'ѣ, какъ они женились на лебединыхъ дѣвахъ, которыя покинули ихъ черезъ восемь

Gött. Gel. Anz. 1900, April (отчетъ о книгѣ Иричка) и въ Paul's Grundriss, 2-ое изд. B. III, стр. 722 слѣд., 1900 г.; Mogk, ib. B. II, 609 слѣд.; Maurus, Die Wielandssage in der Literatur, 1902; Holland, Die Sage von Daidalos und Ikaros (при Bericht der Thomasschule zu Leipzig über das Schuljahr. 1901—2. Lpz. 1902— Изъ старыхъ работъ укажу на W. Grimm, Deutsche Heldensage, 3 Anfl. Register, a. v., и Raszmann, Die deutsche Heldensage II, стр. 489—90. — Литература о клермонтскомъ руническомъ ларцѣ сл. у Maurus'a, l. c., стр. 7—8; сл. Jiriczek, въ Anz. f. deutsches Alterth. u. deutsche Litteratur XXIX, 3 Jan. 1904; Hempl, The variant runes on the Franks casket (изъ Transactions of the American Philological Association. Boston 1902) и отчетъ Viëtor'a въ Deutsche Litzt. 1904, № 6 съ интересными толкованіями Strzygowski'аго. Ввиду разногласій въ толкованіи мотивовъ саги о Веландѣ, которые видѣли въ изображеніяхъ ларца, я далѣе ихъ матеріаломъ не пользуюсь.

1) Müllenhoff, Zeugn. u. Excurse XIV.

2) Въ шведскихъ, датскихъ и фарейскихъ пѣсняхъ о Видрикѣ, сынѣ Веланда, имя послѣдняго встрѣчается въ слѣдующихъ патронимическихъ формахъ: Welandson, Welanson; Willansson, Willamsson и др. (шведск. у Arwidsson'a I, 3 AB; въ шведск. переводѣ саги о Тидрекѣ: Widike Welandsson); Werlandzsønn, Wallandzsønn, Warlandsen и др. (датск. у Grundtvig I, 7, съ варіантами), Válintsson (фарейск. ib. I, 70; IV, Tillaeg til № 7). См. еще Valland y Chytraeus, Mindesmärker (нап. въ 1598 г.) у W. Grimm, D. Heldensage, стр. 362.

лѣтъ. Двое изъ братьевъ отправляются на поиски, Вёлундъ, оставшійся дома, схваченъ по приказанію шведскаго короля Níđuđ'a; его калѣчатъ, подрѣзавъ сухожилья подъ колѣнами, и садятъ на островѣ, гдѣ онъ обязанъ ковать для короля разныя диковинки, что онъ и дѣлаетъ, тая месть. Заманивъ въ кузницу малолѣтнихъ сыновей Нидуда, онъ убиваетъ ихъ, насилуетъ его дочь, а самъ улетаетъ. Финская родословная Вёлунда и шведская локолизація Нидуда принадлежатъ прозаическимъ, не стихотворнымъ партіямъ Vǫlandarkviđa'ы; въ послѣднихъ Нидудъ властвуетъ надъ Ніарами, что сопоставился съ шведской областью Noerike; собственныя имена указываютъ на нѣмецкій источникъ. Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что финское происхожденіе Вёлунда—результатъ мѣстнаго, сѣвернаго пріуроченія, это другой вопросъ.

Сага о Тидрекѣ обставляетъ разсказъ о Вёлундѣ цѣлой генеалогіей, съ которой мы отчасти уже знакомы. У Вильтина сынъ Вади (нѣм. Wate), прижитый имъ отъ морской дѣвы; Виландъ — сынъ Вади, котораго отецъ отдаетъ въ науку къ знаменитому ковачу Мимиру, въ Гуналандѣ, но беретъ его назадъ, когда товарищъ Вёлунда, Сигурдъ, началъ его обижать (гл. 57). Эпизодъ, видимо, приставочный, ввиду непосредственно слѣдующаго: Вади слыхалъ о двухъ двергахъ-ковачахъ, жившихъ въ Ballofa или Kallava; имъ онъ поручитъ сына; изъ Зеланда (гл. 23; Sialand; вар. Sviđiođ), гдѣ отецъ далъ ему двѣнадцать дворовъ, онъ отправляется на югъ и, взявъ мальчика на плечи, переноситъ его черезъ Groenasund (между островами Möen и Falster), гдѣ глубины было девять аршинъ (гл. 58). Сынъ Вёлунда, Vidga (нѣм. Witege), такой же исполинъ: когда онъ переходитъ въ бродъ рѣку Eidisa, Гильдебрандъ и его товарищи видятъ съ другого берега лишь его голову и принимаютъ его за дверга Альфрика (гл. 82).

Дальнѣйшая судьба Вёлунда разсказана въ сагѣ близко къ схемѣ пѣсни, но съ нѣкоторыми новыми подробностями; отмѣчу лишь немногія. Когда по прошествіи нѣкотораго времени Вади

явился къ двергамъ за сыномъ, его засыпало горою, у подножія которой онъ легъ спать, а Вёлундъ убиваетъ дверговъ мечемъ, который отецъ спряталъ для него на случай опасности, воткнувъ его въ кустъ по рукоять. Нагрузивъ коня сокровищами дверговъ и кузнечными орудіями, Вёлундъ направляется на сѣверъ, въ Данію (гл. 61); рѣка Визара (A. Etissa, B. Edilla), остановила его; тогда онъ выдолбилъ стволъ дерева, закупорился въ немъ наглухо со всѣмъ своимъ добромъ и сталъ раскачивать его, пока не свалился въ рѣку, которая вынесла его въ Ютландію, тамъ, гдѣ она зовется Þiodi, къ королю Нидунгу (Гл. 62), Нидуду Вёлундарквиды, въ колею которой впадаетъ разсказъ саги, съ отличіями, объяснимыми внесеніемъ посторонних эпизодовъ, но и такими, которыя могли принадлежать древнему варьянту сказанія. Вёлундъ попадаетъ на службу къ королю Нидунгу, гдѣ состязается въ искусствѣ съ его придворнымъ ковачемъ, Amilias (Amelias), котораго убиваетъ, разрѣзавъ своимъ мечемъ его самого и его чудесную броню. Новый эпизодъ: на Нидунга напали викинги, онъ вышелъ на бой, забывъ дома свой «побѣдный» камень. Кто достанетъ его, тому онъ обѣщаетъ руку дочери. Вёлундъ достаетъ его, убиваетъ королевскаго чашника, который хотѣлъ отнять у него камень на пути; самъ разсказываетъ о томъ королю и осужденъ на изгнаніе. Вторичное появленіе его при дворѣ возвращаетъ насъ къ Vǫlundarkviđa'ѣ, гдѣ месть Вёлунда мотивируется его неволей; въ сагѣ онъ попадаетъ къ Нидунгу случайно, и надо было подсказать другой поводъ къ мести: Вёлунду не сдержали слова, изгнали его; и вотъ онъ тайкомъ является ко двору, признанъ, ему подрѣзали поджильники на колѣнахъ, посадили его въ кузню, гдѣ онъ работаетъ для короля; убиваетъ его сыновей и насилуетъ дочь. Конецъ разсказа вводитъ новое лицо: приходитъ ко двору братъ Вёлунда Эгиль, знаменитый стрѣлокъ, къ которому примкнулъ бродячій мотивъ о выстрѣлѣ Телля; онъ устраиваетъ свиданіе Вёлунда съ царевной, которая объявляетъ, что выйдетъ замужъ только за него. Она беременна, и Вёлундъ говоритъ ей, что для

сына, имѣющаго отъ нея родиться, онъ припряталъ скованное имъ оружіе тамъ, куда течетъ вода и откуда выходитъ вѣтеръ. Эгиль настрѣлялъ ему птицъ, изъ перьевъ которыхъ онъ устраиваетъ себѣ летательную сорочку; пробуетъ ее Эгиль, но неудачно, Вёлундъ же взлетаетъ въ образѣ птицы на дворцовую башню и вѣщаетъ Нидунгу обо всемъ, что сотворилъ ему въ отместку. Царь велитъ Эгилю выстрѣлить въ брата; но тотъ, по уговору съ нимъ, попадаетъ ему подъ лѣвую мышку, гдѣ привязанъ былъ пузырь съ кровью. Вёлундъ улетаетъ, а по смерти Нидунга женится на его дочери; его сынъ—Vidga.

Отсутствуетъ въ этомъ варьянтѣ эпизодъ Вёлундарквиды о лебединыхъ дѣвахъ[1]); эпизодъ о Веландѣ въ наукѣ у двергов поддерживается французской сказкой веландовскаго типа[2]); роль Эгиля, можетъ быть, и не традиціонна, но Эгиль указываетъ на мотивъ трехъ братьевъ древней пѣсни, которая, съ своей стороны, могла не досказать, какъ Вёлундъ сдѣлалъ себѣ летательную сорочку. Вотъ почему я считаю несущественнымъ отличіе, которое изслѣдователи (Raszmann, R. M. Meyer, Jiriczek, Symons, Niedner) усматриваютъ въ соотвѣтствующихъ эпизодахъ Вёлундарквиды и саги: будто въ первой Вёлундъ поднимается на воздухъ сверхъестественной силой, что сага замѣнила позднимъ мотивомъ самодѣльной сорочки. Мотивъ этотъ встрѣчается и въ указанной выше французской сказкѣ, но доказательно слѣдующее, миѳическое преданіе американскихъ тлинкитовъ: Yehl, ихъ Прометей, дѣлаетъ себѣ сорочку изъ перьевъ убитаго имъ чудеснаго журавля и въ видѣ птицы возносится къ небу, чтобы

1) Jiriczek, D. Heldensagen стр. 14 слѣд., 17 слѣд., и Symons въ указанномъ выше отчетѣ стр. 365—6 предполагаютъ позднюю контаминацію сюжетовъ о Виландѣ ковачѣ и о лебединыхъ дѣвахъ. Сл. Niedner, zur Liederedda, Wiss. Beilage z. Jahresbericht d. Friedrich-Gymnasium zu Berlin (Berlin 1896) и (Ranisch) D. Literaturzeitung 1896 № 38. По мнѣнію Schofild'a (The lays of Graelent and Lanval and the Story of Wayland, въ Publications of the Modern Language Association of America XV, № 2) автору lai de Graelent сплотилъ бретонскую тему о героѣ этого имени съ французскимъ пересказомъ легенды о Веландѣ.

2) Jiriczek въ Studien z. vergl. Litteraturgeschichte I, стр. 354 слѣд.

освободить заключенныя въ сосуды свѣтила[1]). Самодѣльная сорочка, крылья, повидимому, соединимы съ глубокою древностью представленій. Замѣтимъ кстати, что по мнѣнію Гейнцеля и Деттера въ ихъ комментаріяхъ къ Vǫlundarkviđa'ѣ ея автору позволено вмѣнить воззрѣніе, что Вёлундъ улетѣлъ на самодѣльныхъ, металлическихъ крыльяхъ. Сл. Saemundar Edda hrsg. v. D. F. Detter u. R. Heinzel II: Anmerkungen къ стр. 19, 1—4 и 27, 1—2.

Веландъ-Вёлундъ перешелъ въ преданіе, какъ мудрый ковачъ; ему приписывали разныя чудесныя подѣлки: мечи, чаши, кольца; на сѣверѣ его имя обобщалось въ значеніи faber, какъ финское seppe: онъ великій Vǫlundr, то есть, мастеръ, говорятъ еще и теперь въ Исландіи, какъ говорили встарь. Вспомнимъ Welandes geweorc (Beow. 455; Waldere A 2), Welandia fabrica (Waltharius 965); Альфредъ Великій переводитъ выраженіе Боэція (De consol. philosophiae): fidelis ossa Fabricii = то кости Веланда золотыхъ дѣлъ кузнеца (þau wesan Welandes ban þaes goldsmiþes); такъ старонѣм. smeidar переводило Daedalus. О Веландѣ ходили и еще ходятъ мѣстныя преданія: кузница Веланда (Welandes smiđđe) въ Беркширѣ упомянута въ хартіи 955 года (въ другой 903-го: Welandes stocc); и позднѣе тамъ показывали каменную постройку, гдѣ, будто-бы, жилъ невидимый ковачъ: три четвероугольно обтесанныхъ камня, въ 4—5 футовъ ширины, поставлены сторчкомъ, на нихъ положена каменная плита; два пути идутъ къ этой постройкѣ среди рядовъ большихъ, вертикально поставленныхъ камней. По другому англійскому-же преданію, восходящему къ XII вѣку, мастерская Веланда была въ Зигенѣ, въ Вестфаліи, гдѣ сказаніе о Wedekind'ѣ сохранило, быть можетъ, память о Widege, Witege (сѣв. Widga), эпическомъ сынѣ Веланда, и, косвенно о немъ самомъ; въ одной мѣстной легендѣ Wedekind (Wekind) является съ типомъ возвра-

1) Lang, Myth, ritual and religion II, 50—1; сл. L. Frobenius, Die Weltanschauung der Naturvölker, стр. 28—9.

щающагося императора: онъ сидитъ въ холмѣ и ждетъ урочнаго времени, чтобы снова явиться на Божій свѣтъ. Welantes gruoba, domus Welandi fabri встрѣчаются въ разныхъ нѣмецкихъ записяхъ, Wielandskin въ современныхъ преданіяхъ. Въ саксонскомъ лѣсу разсказываютъ о чудесномъ ковачѣ Mêland'ѣ или Ammêland'ѣ = Веландѣ; въ Швеціи, въ Верендѣ, на островѣ Alltorp, стоитъ скала, которую народъ зоветъ Verlehall: тамъ была кузня Verland'a; жители Verlandsherrad въ Шоненѣ ведутъ названіе своей мѣстности отъ Веланда, указываютъ на большіе камни, гдѣ была его могила; иные говорятъ, что Verland похороненъ въ Bellev (Wellew) By въ Ютландіи, гдѣ будто бы имъ построена и церковь и т. д. Слѣдующее шведское преданіе интересно своимъ совпаденіемъ съ географіей прозаическаго введенія въ пѣсню Эдды о Вёлундѣ: онъ и его братья пришли въ Волчью долину (i Ulfdali), гдѣ Вёлундъ и остается (i Ulfdǫlum), когда братья удалились на поиски женъ. Въ Småland'ѣ, на островѣ Götmarn, есть островокъ Silfverholmen, въ той-же мѣстности, въ долинѣ, лежитъ деревня Ulvedal, отъ которой часть прихода носитъ названіе Ulfvedalsgränd, проселочная дорога — Ulfvedalsvägen; у озера дворъ Välleherofa, мостъ черезъ потокъ, протекающій мимо, зовется Verlebro. Говорятъ, что въ старое время у того озера жилъ знаменитый ковачъ Silfvernagel, доставившій золото въ горѣ, гдѣ оно лежало цѣлыми полосами[1]). — Не сложилось-ли это мѣстное преданіе уже подъ воздѣйствіемъ пѣсни или сказанія о Веландѣ, какъ другія сѣверныя могли быть навѣяны сагой о Тидрекѣ? Чаще всего они привязываются къ имени сына Веланда, Видрика (сѣв. Vidga, англос. Vudga, нѣм. Witege), которому въ Вестфаліи отвѣчаетъ Wekind.

Въ средніе вѣка излюблены были изображенія лабиринта въ церковныхъ мозаикахъ и миніатюрахъ рукописей; онѣ толковались символически, но отвѣчали и просто цѣлямъ забавы и

1) Dybek у Schück, Svensk Literaturhistoria, стр. 59—60.

остроумія. Ихъ называли domus Dedali, urbs Iericho, Chemin de Jérusalem. Едва ли можно сомнѣваться въ ихъ литературномъ происхожденіи. Иное дѣло лабиринтообразныя сооруженія, часто встрѣчающіяся на сѣверѣ; не стоятъ-ли они въ какой-нибудь связи съ особымъ типомъ могилъ, встрѣчающихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, характерною чертою которыхъ являются правильныя фигуры, по большей части въ видѣ круговъ, пятиугольниковъ, сдѣланныхъ изъ валуновъ или изъ огромныхъ торчмя стоящихъ каменныхъ плитъ[1])? Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Норвегіи и на Готландѣ подобныя сооруженія называются Троей: Trojeburg; въ Исландіи такія постройки и соотвѣтствующія изображенія носятъ названіе: «домъ Вёлунда», Vǫlundarhús; при одномъ изъ такихъ изображеній пересказана, въ стилѣ сказки и съ ея пониманіемъ, легенда о Тезеѣ и лабиринтѣ[2]).

Vǫlandarhús и domus Dedali манятъ къ сопоставленію, тѣмъ болѣе, что въ разсказѣ о Веландѣ, какъ онъ передается въ сагѣ о Тидрекѣ, есть мотивы сказанія о Дедалѣ (крылья и др.). Деппингъ, Кунъ, Ниднеръ, Шредеръ предположили прямое перенесеніе классическаго преданія на сѣверъ, Бугге — воздѣйствіе перваго на германское; съ воззрѣніями Гольтера, Шюка, Голланда мы еще встрѣтимся. Я не касаюсь далѣе этого вопроса, какъ и миѳологическаго объясненія Велунда въ связи индоевропейскихъ повѣрій[3]). Меня интересуетъ вопросъ объ народной подпочвѣ легенды; съ этой цѣлью полезно будетъ ознакомиться съ главными результатами ея научной разработки.

В. Гриммъ объяснялъ имя Weland'a, какъ Wialand = der Betrüger; Я. Гриммъ выставилъ этимологію отъ сѣв. vél = ars,

1) Ивановскій, Матеріалы для изученія кургановъ и жильниковъ юго-запада Новгородской губерніи, Труды II археол. съѣзда. Спб. 1881, вып. 2, стр. 58 слѣд.

2) О Volandarhús'ахъ и средневѣковыхъ лабиринтахъ. Сл. Wilh. Meyer въ Sitzungsbericht d. philos., philolog. u. hist. Cl. der K. Ak. der Wiss. zu München, Jahrg. 1822, 2 Band (Ein Labyrinth in Versen).

3) Литература у Jiriczek'a, D. Heldens., стр. 3.

τέχνη; предполагаемое англос. vëlan, старо-верхненѣм. Wielan дало бы причастную форму: Wialant, Wielant. Фёрстеманъ искалъ въ основѣ англос. viola, veola, vela: Schatz, Reichthum; англос. viljan, veljan: copulare (можетъ быть, и fabrefacere). Расманъ сближалъ сѣв. Vǫlundr съ сѣвернымъ обозначеніемъ знахарки, вѣщуньи: vǫlva; въ одномъ ирландскомъ истолкованіи Sigrdrífumál говорится: какъ тотъ, кто хорошо куетъ и плавитъ, зовется Vǫlundr, такъ вёльвой зовется та, кто хорошо предсказываетъ. К. Мейеръ, исходя изъ сѣв. Vǫlundr, указываетъ на санскр. корень jval: свѣтить, горѣть, индоевр. ĝval; оттуда Vǫlundr изъ *Val-undr, Walandus, Galants; формы Veland и др. были бы искаженіемъ подъ вліяніемъ новой этимологіи: англос. vela, veola — сокровище, кладъ. Конрадъ Гофманъ также избралъ точкой отправленія Vǫlundr, изъ Valundr по извѣстному закону перегласовки, но предполагаетъ въ основѣ финск. wala = лить, лить металлъ; Vǫlundr былъ бы литейщикъ, кузнецъ. — Вильгельмъ Мюллеръ развилъ этотъ взглядъ, распространивъ его на вопросъ о происхожденіи всего сказанія: оно — финское, Vǫlundr — параллель къ Ильмаринену Калевалы, мотивы сѣвернаго преданія о первомъ встрѣчаются въ финскихъ сказкахъ; самъ Vǫlundr зовется сыномъ финскаго короля; его дѣдъ Wilcinus царитъ въ степяхъ съ финскимъ населеніемъ. E. H. Meyer протестуетъ противъ включенія этого этническаго элемента въ понятіе страны вильтиновъ, Wiltinaland; основною формою имени представляется ему сакс. Vêland, въ связи съ сѣв. vél, viel: художество, обманъ, художественное произведеніе; англос. vêl, vîl: художественное украшеніе, подѣлка. Когда нѣмецкая сага о Веландѣ перешла на сѣверъ, имя вѣщаго ковача измѣнилось подъ народнымъ воздѣйствіемъ имени сѣверныхъ вѣщихъ, vǫlur; оттуда Vǫlundr; на сѣверѣ же онъ явился и финномъ, потому что тамъ именно финны слыли за знахарей. Когда норманны занесли имя Vǫlund'а во Францію, глухая гласная корня измѣнилась согласно съ французской фонетикой (?), суффиксъ -und уступилъ мѣсто популярному -and

и получились имена: Galant, Walandus. Подтвержденіе своего построенія авторъ находитъ въ сагѣ о Тидрекѣ, гл. 69: Velent..... er Vaeringiar kalla Vǫlund: Велентъ..... котораго варяги зовутъ Вёлундомъ (за его искусство, fyrir hagleiks sakia, добавляетъ въ той-же формулѣ гл. 194); сл. далѣе въ той-же главѣ: Велентъ такъ прославился на сѣверѣ, что лучшей похвалой искусному мастеру было сказать о немъ: онъ Вёлундъ по искусству (Velent er svá fraegr..... at sá er Vǫlund at hagleik er gǫrt hefir). Но именно это показаніе позволяетъ сдѣлать и другой выводъ, еще не исключающій вопроса о происхожденіи сказанія; откуда бы оно ни пошло, оно могло проникнуть на сѣверъ въ формѣ Vǫlundr изъ Valandr и уже упрочиться тамъ и даже обобщиться, когда позже туда-же пришли нижне-нѣмецкія пѣсни, отразившіяся въ сагѣ о Тидрекѣ, съ нижне-нѣмецкою формой Веландъ. Составителю саги тождество сказаній о томъ и другомъ было ясно, и онъ вправѣ былъ выразиться: Велентъ, что у насъ извѣстенъ подъ именемъ Вёлундъ[1]). Съ предположеніемъ, что послѣдняя форма сложилась подъ вліяніемъ vǫlur, не согласить ни Valint'а фарейскихъ пѣсенъ, примыкающихъ къ сѣвернымъ сказаніямъ, ни Galant'а, занесеннаго во Францію норманнами. Наконецъ, и нижне-нѣмецкій Weland могло въ свою очередь явиться результатомъ измѣненій изъ Valand подъ вліяніемъ vél и т. п.

Гольтеръ, развивая идею Бугге, что Vǫlundr = Vulcanus и предполагая въ основѣ саги классическій миѳъ, выходитъ изъ противорѣчій Веленда и Валанда другимъ путемъ. Обѣ формы имени, какъ и самое сказаніе, сложились у Франковъ въ VI вѣкѣ: Веландъ — съ значеніемъ Daedalus, хитраго мастера, знахаря (съ обычною этимологіею отъ vél; Wéland причастная форма); Валандъ, въ сущности, пріуроченіе имени Вулкана при посредствѣ старой этимологіи: Vulcanus=Volicanus, per aerem volans,

1) Сл. въ сагѣ сходное чередованіе именъ: Sigurðr и Sigfröðr = нѣм. Siegfried.

что осмыслено было въ примѣненіи къ корню wal: Tod, Verderben. Веландъ—Валандъ = Daedalus—Vulcanus; сѣверное сказаніе — контаминація двухъ классическихъ, совершившаяся на франкской почвѣ. Дальнѣйшее движеніе обѣихъ именъ изъ франкской прародины было различное, случайно-капризное: Веландъ перешелъ въ Англію (въ VII вѣкѣ), Валандъ остался во Франціи въ формѣ Galant и проникъ отсюда на сѣверъ, вѣроятно, въ Ирландію, а оттуда въ Норвегію; измѣненіе Валанда въ Vǫlund'а объясняется аналогіей съ сѣверными именами собственными, вродѣ Ǫnundr. Пѣсня Эдды о Вёлундѣ сложилась въ Исландіи въ IX — X вѣкахъ, передатчиками были нормандскіе викинги изъ Франціи. Гольтеръ предвидитъ возраженіе, что французскіе норманны, выходцы изъ Даніи, поселились въ забранномъ краѣ, и нѣтъ свидѣтельства объ ихъ дальнѣйшихъ походахъ на сѣверъ; но насъ успокаиваютъ увѣреніемъ, что для передачи саги и не нужно массоваго передвиженія, достаточно для того одного корабля, одного человѣка. Съ этимъ можно было-бы согласиться, если бы все построеніе генеалогіи, съ ея двойственнымъ теченіемъ, не отзывалось бы нѣкоторою искусственностью и не требовало дополненій. Перегласовка Валанда въ Vǫlund'а, совершившаяся на сѣверѣ, оставляетъ открытымъ вопросъ о Valint, Walland фарейскихъ и датскихъ пѣсенъ. Остановились-ли онѣ на полпути между франкскою и сѣверною формою имени? [1]).

Schück, принимая въ цѣломъ теорію Гольтера, расходится съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такъ ему представляется невѣроятнымъ, чтобы Wêland и Waland, обозначающіе одно и то-же лицо, были этимологически разнаго происхожденія; сліяніе миѳовъ о Дедалѣ и Вулканѣ совершилось не на франкской, а на поздней классической почвѣ; какой то франкъ VI вѣка перевелъ

1) Сл. еще Golther, Handbuch d. germ. Mythologie стр. 135, 138; сл. въ индексѣ a. v. Vǫlund alfa vísi, Welent, Wadi. Съ гипотезой Гольтера — Бугге согласенъ и Noreen.

соотвѣтствующую легенду на родной языкъ. Миѳу о Дедалѣ принадлежитъ Níđudr = злобный: это переводъ Minus'a, понятаго, какъ minax; изъ сказанія о Вулканѣ взята дочь Нидуда, изнасилованная Вёлундомъ; судя по имени, она воинственная (Bǫđvilđr отъ bǫđ и hilđr); это Минерва, на которую посягнулъ Гефестъ. Одинъ несущественный эпизодъ о Вёлундѣ, внесенный въ сагу о Тидрекѣ, объясняется изъ античнаго анекдота объ Апеллесѣ.

По Кёгелю сказаніе о Веландѣ перешло уже въ пѣсенномъ видѣ на скандинавскій сѣверъ и въ Англію изъ области саксовъ или нижнихъ франковъ; на это указываютъ имена дѣйствующихъ или упоминаемыхъ лицъ (Níđuđr, Nídhad сѣтованія Déor'a, не поддерживается сѣвернымъ именословомъ; жена Вёлунда въ пѣснѣ Эдды — дочь Hlǫdvér'a = Chlodowechus). Vǫlundr восходитъ къ нѣм. Wéland (отъ vél изъ wélo—wéh(w)lo) черезъ *Welwand. Вѣроятенъ основой корень съ а (wâhi = kunstreich, zierlich) и допускается отраженіе wolo, wola = Reichthum на такіе варіанты имени (внѣ легенды о Вёлундѣ), какъ Uualandus, Uuolantinus.

Jiriczek, недавно подвергшій наше сказаніе подробному разбору, не удаляется отъ обычной этимологіи (vél), но, въ противорѣчіи съ Гольтеромъ, считаетъ франц. Galant занесеннымъ норманнами: оно фонетически-закономѣрно могло развиться изъ сѣверной формы имени; доказательствомъ служитъ Walander хроники Адемара (мечъ, quem Walander faber cuderat) = Vǫlundr. Къ этому отождествленію пришелъ и Bourdillon[1]); Symons, устранившій его въ своемъ отчетѣ о книгѣ Иречка, принялъ его въ переработку отдѣла о нѣмецкой героической сагѣ во второмъ изданіи Grundriss d. germ. Philologie; суффиксъ — er устраняется недавнимъ сообщеніемъ Thomas'a, что въ рукописи читается не Uualander, а Uualandus[2]).—Съ гипотезой о Дедалѣ

---

1) Bourdillon, The genesis of a romance-hero, въ Folk-Lore 1896, Sept. стр. 359.

2) Romania № 114, стр. 259 слѣд.

Иричекъ не согласенъ: передъ нами нижненѣмецкая, саксонская сага, скорѣе, нѣсколько отдѣльно ходившихъ сагъ, объединеннымъ именемъ Веланда; занесенныя въ Скандинавію и Англію, они принялись тамъ отдѣльно; или соединились въ разныхъ сочетаніяхъ.

Послѣдняя работа Симонса о нашей сагѣ[1]) повторяетъ знакомыя намъ положенія: сага нижненѣмецкая, въ пѣсенной формѣ она уже въ VII-мъ вѣкѣ попала въ Англію, нѣсколько позже въ Скандинавію; Vǫlundarkviđa (конца IX в.)—соединеніе двухъ пѣсенныхъ темъ: сказанія о лебединыхъ дѣвахъ и о поимкѣ и мести Веланда. Vǿlund изъ нижненѣм. Wêland (съ ǿ изъ ê передъ l), причастнаго образованія отъ vêl, извѣстнаго лишь изъ сѣвернаго словаря. Galant занесенъ во Францію норманнами, хотя существованіе франко-норвежскаго *Waland отрицается.

По Mogk'у самое имя Vǫlundr указываетъ, что сказаніе о немъ, лежащее въ основѣ пѣсенъ Эдды, перешло на скандинавскій сѣверъ отъ англосаксовъ и здѣсь ународнилось. Варьянтъ саги о Тидрекѣ покоится на нижненѣм. пѣсняхъ, но ея компилятору знакомы были и Vǫlundarkviđa, и классическое сказаніе о Дедалѣ[2]).

Гипотеза, что нордманы познакомились съ нѣмецкой сагой о Вёландѣ въ ея англосаксонской обработкѣ, недавно повторенная А. Бугге[3]), опирается отчасти на воззрѣніи, надъ разработкой и упроченіемъ котораго особенно потрудился Sophus Bugge: что цѣлая группа пѣсенъ стихотвореній Эдды возникла въ пору соприкосновенія викинговъ съ болѣе развитой кельтской и англосаксонской культурой въ Ирландіи, Англіи и на британскихъ

---

1) Grundriss².

2) Holland предполагаетъ, что съ содержаніемъ греческаго миѳа, можетъ быть въ формѣ мима (?), варяги могли познакомиться—въ Константинополѣ.

3) Alexander Bugge, Vikingerne I, 231—3, 257—9; II, стр. 39—40. Большой трудъ Бугге, на который мы уже ссылались (Vesterlandenes Inflydelse и т. д.) научнымъ образомъ обосновываетъ взгляды и положенія его книги Vikingerne, назначенной для большей публики.

островахъ. Послѣдовавшая затѣмъ колонизація сопровождалась не только стѣсненіемъ народностей, но и духовнымъ воздѣйствіемъ высшей культуры на низшую въ области сюжетности, литературныхъ формъ и художественныхъ пріемовъ. Орнаменты и изображенія на памятникахъ Готланда напоминаютъ таковыя же на островѣ Манѣ, съ его скандинавско-кельтскимъ населеніемъ, обнаруживая вліяніе ирландской техники. Но если А. Бугге допускаетъ на Готландѣ болѣе раннее, самостоятельное развитіе искусства[1]), то этотъ взглядъ позволено обобщить въ приложеніи къ занимающему насъ вопросу: авторъ Vǫlundarkviđa'ы, IX-го вѣка, жившій въ сѣверной Норвегіи[2]), могъ знать англосаксонское ǵémm = лат. gemma (gim въ Vǫlundarkviđa'ѣ) и сохранится въ своемъ Kiárr af Vallandi имя кельтскаго властителя, короля Ossory, Cearbhall[3]), но это не обязываетъ насъ признать, что и само сказаніе о Веландѣ подслушано въ Англіи и Шотландіи: она могла существовать въ болѣе древней формѣ, не провѣрившей западныхъ вліяній и быть занесена на западъ готландцами заходившими на Шетландскіе, Оркнейскіе и, можетъ быть, британскіе острова уже въ VII в. и ранѣе[4]).

Какъ видно, большинство изслѣдователей склоняется къ признанію легенды о Веландѣ нижненѣмецкой; классическое вліяніе допущено лишь для версіи саги о Тидрекѣ. Разумѣется, одно имя Веланда не рѣшаетъ вопроса о прародинѣ сказанія, и я попытаюсь, по слѣдамъ К. Гофмана и Вильгельма Миллера, поискать рѣшенія на иномъ пути, въ связи съ вопросомъ о велетахъ-вильтинахъ.

---

1) Ib. I, стр. 197, 209—10, 225; Vesterl. Inflydelse 307, 309.
2) Vikingerne I 241.
3) l. c., 247, прим. 1.
4) Bugge, Inflydelse 310; 316, 317, 398, сл. 179 (во 2-й половинѣ VIII?).

VI.

Отголоски финско-айстскаго эпоса.

Начну съ знакомаго эпизода. Вади живетъ въ Зеландѣ, слышитъ о двухъ двергахъ, искусныхъ ковачахъ, живущихъ по ту сторону моря въ горѣ Kallava M², Kallavfa Sv, Ballofa M¹. Послѣднее чтоніе принято Мюлленгофомъ и послѣдующими за нимъ нѣмецкими изслѣдователями, усматривающими въ Ballofa вестфальское мѣстечко Balwe въ Арнсбергскомъ округѣ, гдѣ много горъ и показываютъ неподалеку просторную пещеру; есть и каменная лавина, напоминающая ту, которая завалила спавшаго Вади (гл. 61)[1]). Къ этому-то Balwe-Ballofa, на югъ, направляется изъ Зеланда Вади, и взявъ сына Велента на руки, переходитъ вбродъ проливъ Groenasund (между островами Moёn и Фальстеромъ). Какъ переблался онъ черезъ Нѣмецкое море, мы не знаемъ, говоритъ Holthausen[2]); замѣтимъ, что Balwe удаленъ отъ моря и не на пути Вади, перешедшаго Грёнасундъ. И Мюлленгофа посѣтило это недоумѣніе: гельзинговъ Vidsiđ'a, гдѣ царитъ Wađa, онъ помѣщалъ на Нѣмецкомъ морѣ, тамъ ищетъ ихъ и Koegel[3]) связывалъ ихъ названіе съ Χάλουσος ποταμός, которую отождествили поочередно съ Гавелемъ, Траве, Эйдеромъ или Halerow и Warnow; по мнѣнію Мюлленгофа локализація эта замѣнила болѣе древнюю и Грёнасундъ находился гдѣ-нибудь на фризскомъ побережьѣ у Грёнингена и Везера[4]); это объяснило бы отчасти почему изъ Ballofa-Balwe Веландъ спускается по рѣкѣ Визара (M¹ гл. 61), если видѣть въ ней Везеръ; но, ко-

---

1) Сл. E. H. Meyer, Anz. f. d. Alterthum XIII, 28 слѣд.

2) l. c. стр. 489—90.

3) Koegel, Litg. I, стр. 156. Сл. Müller, l. c., I, 14, 18, 39: Löffler, Svenska ortsnavn på—skialf въ Ark. f. nord. filol. X B., стр. 168, прим. 2; Symons, Grundriss², B. III стр. 719.

4) Zs. f. deutsch. Alterthum IV, 63.

нечно, цѣль пути, Ютландія, и при этомъ направленіи остается загадочной.

Я допущу варьянтъ M² Sv: Kollava, Kallafva, полагая, что въ немъ сохранилась память о финскомъ Kaleva. Слово это не принадлежитъ живому финскому языку, а мѣстному преданію и пѣснѣ. Kaleva, Kalevi служитъ обозначеніемъ городоподобныхъ великановъ; лит. kalvà—холмъ, островъ, kálnas—гора, латышск. kalwas—холмъ, гот. hallus—скала, сѣв. hallr и др. (индоевроп. корень *qel, *qol въ общемъ значеніи: подъема). Другіе образы: Kalevan miekka—мечъ Калевы (поясъ Ореона), Kalevan tuli—огонь Калевы (зарница), указываютъ на чудеснаго кузнеца; лит. kalwis, лат. kalleys—кузнецъ [1]). И слово, и образъ принадлежатъ айстскому вліянію, совершившемуся на южныхъ границахъ финскаго поселья, гдѣ произошло смѣшеніе народностей [2]). Новѣйшія работы надъ мотивами финскаго эпоса высказали тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ вышли съ юга, переселяясь отъ сѣверной Эстляндіи и южнаго берега Финскаго залива въ Ингрію и далѣе по восточному берегу Ладоги до финской и русской Кареліи [3]).

Финскія свидѣтельства о Калевѣ восходятъ къ XV вѣку [4]). Калевала = Финляндія—страна великана Калевы; въ финскомъ и эстонскомъ эпосахъ онъ одинъ изъ трехъ братьевъ; у него три сына; народное преданіе или только догадки ученыхъ собирателей дали ему въ сыновья героевъ финскаго эпоса, Вейнемейнена,

---

1) Diefenbach, Vrgl. Wb. d. got. Sprache II, 520—1; Feist, Grundriss d. got. Etymologie a. v. hallus; Comparetti, Der Kalewala, стр. 189 слѣд. производитъ Kalewa отъ слав. скалы, но сл. Fick, Wb. d. indogerm. Sprachen 3 Aufl. I, стр. 813 a. v. skal. Другія этимологіи (Лёнрота—отъ русск. голова, Кастрена—отъ татарскаго âlep—богатырь, Альквистъ отъ лит. kàlwis, лат. kaleis, перешедшаго къ ливамъ и эстамъ: kalev, kalevi). Сл. Jul. Krohn, Finska literaturens historia I, стр. 340, прим. 2; Браунъ, l. c., стр. 169 слѣд.

2) См. выше, стр. 77 сл.

3) Kaarle Krohn, Die geographische Verbreitung estnischer Lieder, Fennia 5, № 13; стр. 18 слѣд., онъ же: Die Fundorte d. epischen Gesänge des Kalevala, Finn.-ugrische Forschungen IV, стр. 114—5.

4) Jul. Krohn, l. c., стр. 430.

Ильмаринена, Куллерво[1]), первоначально имя котораго было Kalevanpoika, что отвѣчаетъ Kalevi-poëg, протагонисту эстонской саги; Kalevi-poëg или Kalev = сынъ Калевы. Мѣстныя помяти о Калевѣ начинаются съ литовской границы, протягиваясь на сѣверъ; близь Мемеля упоминается въ XII в.; antiquum castrum Kauwe et Kalewiten, Kalewisten regio, т. е. область калевидовъ, которую искали между старымъ и новымъ Ковно на островѣ Віргалѣ[2]). Разумѣется, не всѣ мѣстныя названія съ kálvas, káln̄s могутъ идти въ счетъ преданія о Калевѣ, имя котораго пристроилось въ эстонскомъ и западно-финскомъ преданіи къ цѣлому ряду мѣстностей, холмамъ, утесамъ, озерамъ и рѣкамъ[3]). У Садернгернскаго озера около Дерпта видѣли огромный камень, брошенный Калевой во время его состязанія съ братьями; онъ такого роста, что когда нагруженный двадцатью дюжинами огромныхъ досокъ переходилъ Пейпусъ, вода доходила ему только до чреслъ. Въ сѣверной части Дерптскаго уѣзда, недалеко отъ Пейпуса, указываютъ на рѣчку, гдѣ сынъ Калевы палъ въ борьбѣ съ вѣроломными врагами; его громадный трупъ былъ разрубленъ на нѣсколько частей и похороненъ на близь лежащей возвышенности; въ лѣсу указываютъ на могильные холмы, въ которыхъ зарыты части великана; находящійся по сосѣдству крестьянскій дворъ зовется «дворомъ могильныхъ камней». На огромный ростъ Калевидовъ намекаетъ финская загадка: сыновья Калевы въ банѣ, головы моются на дворѣ (стропила крыши, омываемыя дождемъ)[4]). Иначе говорятъ, что

---

1) Schott, Die estnischen Sagen von Kalewi-poëg (Berlin 1863), стр. 440—1, прим. 8, 447. Jul. Krohn, l. c., стр. 367. Schiefner въ Melanges Russes IV, стр. 160—1; Kaarle Krohn въ Finnisch-ugrische Forschungen IV, 1 (1904), стр. 17.

2) Трусманъ, О происхожденіи Корси (Куровъ), Живая Старина III, стр. 67—8.

3) Schott, l. c., 414; Jul. Krohn, l. c., 145, 340, 378—9; Schiefner, l. c., 160—1; Recke, славянофинскія культурныя отношенія, стр. 225. Сл. еще литературу указанную Вс. Миллеромъ, Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1879, Дек., стр. 123—4.

4) Abercromby, l. c., I, 342.

могила Калевы на ревельскомъ Domberg'ѣ, Вышгородской горѣ, латышское названіе которой—отъ Kalwas, холмъ—перенесено было русскими на укрѣпленный городъ: Колывань = Ревель встрѣчается съ 1223 года. Колывановъ, какъ патронимическое или мѣстное обозначеніе, извѣстно въ XIV вѣкѣ; въ лѣтописи Авраамки подъ 1357 годомъ читаемъ: «тогда Самсона Колы(ва)нова съ дружиною на Югрѣ побиша»; въ Новгородской 1-й подъ 1371 годомъ: Олександръ Колывановъ; среди нашихъ старшихъ богатырей: Колыванъ (Кир. I, стр. 7, Гильф. № 11, 185), Самсонъ Колывановъ (Былины старой и новой записи № 8), рядомъ съ Святогоромъ Колывановичемъ (Кир. I, стр. 45; VI, стр. 108; Рыбн. I, 8; II, 2, 11; Гильф. № 118, 169; Былины стар. и нов. записи № 49), Самсономъ-Святогоромъ (Гильф. № 270), живущимъ на «сѣверныхъ горахъ». Самсонъ Колывановъ указываетъ, быть можетъ, на то-же понятіе гороподобнаго, связаннаго съ горой великана-Калевы; какъ Святогоръ кладетъ Илью въ карманъ (къ чему впослѣдствіи привязалась восточная сказка о невѣрной женѣ въ ларцѣ)[1]), такъ Kalevipoëg карликъ, ростомъ не болѣе нынѣшнихъ людей[2]).

Въ другомъ названіи для Ревеля-Колывани, Lindanissa Генриха Латыша, какъ названа была крѣпостца, построенная Вальдемаромъ II, усматривали то-же значеніе, какое объединяетъ Колывань съ Калевой: сѣв. Lidandisnes=обрывистый мысъ (Воль-

---

1) Сл. объ этомъ эпизодѣ въ моемъ отчетѣ о книгѣ Вольнера въ Russische Revue XI Jahrg. 5 Heft, стр. 413 слѣд.

2) Kalevipoeg пѣсни XI, XII; сл. еще X и выше, стр. 17 сл. Я не считаю возможнымъ выводить Святогора изъ финскихъ преданій, связывая его съ Kalevipoeg'омъ, какъ то дѣлаетъ г. Шамбинаго (Старины о Святогорѣ и поэма о Калевипоэгѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1902, Январь). Смерть Kalevipoeg'а заслуженная (убійство сына ковача), не роковая, какъ у Святогора — и въ малорусскомъ преданіи о Соломонѣ (сл. Разысканія V, стр. 131 въ примѣчаніи). Что касается до загадочной сумочки — земной тяги, то параллель къ этой подробности былинъ о Святогорѣ (Самсонѣ, Колыванѣ) я встрѣчаю не въ Kalevipoeg'ѣ, а въ нартской сказкѣ о Сосланѣ. См. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, приложеніе къ XXXI т. Зап. Имп. Ак. Наукъ № 2 (1879 г.), стр. 43—4 отдѣльнаго оттиска.

теръ), *Klintanäs = скалистый мысъ (Шлютеръ). Fr. v. Keussler вернулся къ объясненію Ahrens'a: Lindanissa, означающее по шведски: паровое поле, лежащее на мысу, не что иное, какъ переводъ финскаго keso — паровое поле — и названіе Ревеля [1]).

Вопросъ объ эстонскомъ происхожденіи имени Линданиссы остается открытымъ; въ эстонскихъ пѣсняхъ оно встрѣчается въ сказочномъ значеніи и обстановкѣ «золотой земли», мѣстныя преданія соединяютъ его съ именемъ Линды, жены Калевы: она несла три камня на могилу мужа на Domberg'ѣ, третій обронила отъ усталости, онъ и теперь еще торчитъ изъ озера, образовавшагося изъ ея слезъ: озеро Ülemisk järv, сосѣднее съ Ревелемъ [2]).

Эту Линданиссу проф. Милюковъ отождествилъ съ городомъ Леденцомъ, изъ котораго прибылъ въ Кіевъ Соловей Будимировичъ по морю Вирянскому или Веряйскому, то есть по той части Финскаго залива, который омываетъ берегъ Вирландіи или Вироніи (Вируяне новгородскихъ лѣтописей), обнимавшей понятіе Эстляндіи и Лифляндіи [3]). Можно-ли заключить изъ этихъ отождествленій, что и былина о Соловьѣ Будимировичѣ сѣвернаго происхожденія? Я только повторяю вопросъ, поставленный мною выше по поводу былины о боѣ Ильи съ сыномъ. Не мѣшаетъ вспомнить, что изъ двѣнадцати варьянтовъ былины только въ двухъ море названо Вирянскимъ, Веряйскимъ.

Юлій Кронъ, открывавшій въ финско-эстонскихъ преданіяхъ

---

1) Вольтеръ, что такое Линданисса? въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1900 г., т. V, кн. 4 (по поводу указываемой далѣе статьи проф. Милюкова); Schlüter, Ueb. den ältesten Namen Revals въ Sitzungber. der gelehrt. Estnischen Gesellschaft 1903, стр. 106 слѣд.; Fr. von Keussler ib. 1905 г. (отчетъ въ St. Petersb. Zt. 1905 г. № 248).

2) Сл. Kalevipoeg, пѣсня II и Blumberg, Quellen u. Realien der Kalevipoeg, Verhandlungen der gel. estnischen Gesellschaft.

3) Милюковъ, Что такое море Вирянское и городъ Леденецъ? въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Вс. Ѳ. Миллера (М. 1900), стр. 314—5. Сл. Халанскій, О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ въ русск. и южнослав. эпосѣ, Русск. Филолог. Вѣстн. 1901 г. № 1—2, стр. 327 слѣд.

скандинавскія и русскія воздѣйствія, выставилъ для Калевы и Калевидовъ другую гипотезу, уже намѣченную Мунхомъ, Куникомъ и, особенно, Шифнеромъ [1]). Онъ исходитъ отъ Scylfing'овъ или Scilfing'овъ — шведовъ Беовульфа; въ Hyndluljoď 11 Skilfingar — одинъ изъ трехъ царскихъ родовъ, пошедшихъ отъ Одина; Skilfingr—имя — Одина и kenning короля; въ Снорровой Эддѣ Skilfingar — родъ Skelfin'а, властвовавшаго í Austrvegum, въ странахъ востока, то есть, по старо-сѣверному представленію — среди финскаго населенія, говоритъ авторъ [2]), сближая этихъ скильфинговъ съ Kylfingar саги объ Эгилѣ, сынѣ Скаллагрима, гдѣ до Торольфа, которому король Гаральдъ Прекраснокудрый предоставилъ право торговли съ финнами и взиманіе съ нихъ податей, доходятъ слухи о какихъ-то Kylfingar, вторгшихся въ Finnmörk съ востока, торгующихъ съ жителями и предающихся грабежамъ (Skaldskaparmál 10). По одному свидѣтельству страна Кильфинговъ служитъ обозначеніемъ Garďaríki [3]). Kylfingar — это финская перегласовка Skilfingar, Колбѧги новгородской Правды, отличающей ихъ отъ варяговъ и славянъ [4]). Кол-

1) Jul. Krohn, l. c., 340—2, 379; Schiefner, Mélanges Russes I, 591: Zur Sampo-Mythe; IV; Zum Mythus vom Weltuntergange; Ueb. die estnische Sage von Kalevipoeg; Ueber das Wort Sampo im finnischen Epos; Ueber Kaleva und Kalevingen.

2) Austrvegr обозначаетъ болѣе широкое и неопредѣленное понятіе. Сл. Vigfusson, An icelandic-english Dict. a. v. austerike, austrvegr.

3) Авторъ ссылается на Werlauff, Symbolae geogr. medii aevi, стр. 9. За неимѣніемъ этой книги цитую по Antiquités Russes II, 401: Kylfingaland, þat köllum ver Garðariki (аббатъ Николай).

4) Сл. Munch, Saml. Afhandl. III, 437 слѣд.; Kunik, Berufung der schwedischen Rodsen 11; Finnur Jónsson въ указателѣ къ изданной имъ Egils saga Skallagrimsonar a. v. Kylfingar. Сл. въ нашихъ лѣтописяхъ: «варѧгъ или колбѧгъ»; въ византійскихъ дипломахъ XI вѣка монастыри освобождаются отъ постоя варяговъ, россовъ, либо сарацинъ или франковъ (1060); россовъ, варяговъ, кульпинговъ (κουλπίγγων) или франковъ (1075, 1079); россовъ, варяговъ или кульпинговъ (1088). Rafn (Ant. russes II, 249) считалъ кульпинговъ финнами, Neumann—печенѣгами (Byzant. Zs. III, 374); Стормъ (связывающій имя kylfingar съ двойственнымъ знаніемъ сѣв. kolfr: стрѣлки изъ лука либо члены товарищества, братства) сѣверными шведами, древнѣйшими завоевателями Руси, до появленія шведскихъ-ли или вообще сѣверныхъ варяговъ. Оттуда

багъ указываетъ на форму *kalbing; отсюда недалеко и до Калевы. Въ результатѣ предположенія, что имя Калевы, восходящее къ сѣверному скильфингу, означало первоначально Одина (какъ думалъ и Шифнеръ) и что Kilfing—Kylfing—Kaleva могло служить среди славянъ и финновъ обозначеніемъ для рода Рюрика и его скандинавской дружины.

Я не касаюсь вопроса о генеалогіи Скильфинговъ въ Hyndluljód и Снорровой Эддѣ[1]), но Kylfingar саги объ Эгилѣ слѣдуетъ отъ нихъ отдѣлить[2]); что до возможности звукового перехода (S)kilfing въ Kaleva, допущенной Шифнеромъ и Крономъ, это разсудятъ финнологи. Колбяги, въ спеціальномъ значеніи, какое даетъ имъ Кронъ, лишены поддержки памятниковъ; переходъ Kylfingar — Калевы, въ значеніи скандинавской дружины и Рюрикова рода, къ этническому понятію Kalevala—Финляндія, предполагаетъ такой-же, неосуществившійся на сѣверѣ процессъ, который на сѣверѣ дѣлаетъ понятнымъ расширеніе термина «Руси»[3]).

Теорія скильфинговъ—Калевы связана съ взглядами Крона на финскую легенду объ Ильмариненѣ, какъ на отраженіе захожаго сказанія о Веландѣ[4]). Можетъ быть, съ такимъ-же правомъ позволено искать въ сагѣ о послѣднемъ — отзвукъ преданія о Калевѣ или сынѣ Калевы. По прозаической части Vǫlundarkviđa'ы Вёлундъ—сынъ финскаго короля; по сагѣ о Тидрекѣ онъ сынъ Вади, такого-же великана, какимъ является Калева. Въ финскомъ и эстонскомъ эпосахъ онъ одинъ изъ трехъ братьевъ, у него три сына; такъ и въ Эддѣ у Вёлунда два брата

Русь = Kylpingaland и Sviþjóð hit mikla. Сл. G. Storm, Kylfingarne i Egilssaga въ Akademiske Afhandlinger til prof. dr. Sophus Bugge (Kristiania 1889), стр. 73 слѣд.

1) Сл. Detter u. Heinzel, Saemundar Edda II, стр. 620—21, прим. къ строфѣ 11, ст. 5 и 6 Hyndluljód.

2) О нихъ сл. G. Storm, Kylfigarne i Egilssaga въ Akademiske Afhandlinger, tillegnade Sophus Bugge, стр. 73 слѣд.

3) Сл. выше стр. 77 сл.

4) Jul. Krohn, l. c., стр. 269 слѣд.

(въ сагѣ упомянутъ одинъ): черта, сохранившаяся, случайно или нѣтъ, во французскомъ эпосѣ, гдѣ Galant — одинъ изъ двухъ или трехъ братьевъ [1]). — Въ Эддѣ Вёлундъ и его братья женятся на лебединыхъ дѣвахъ, которыя покидаютъ ихъ, когда они были на охотѣ; братья Вёлунда отправляются ихъ искать; въ эстонскомъ эпосѣ братья на охотѣ, когда финскій колдунъ похитилъ ихъ мать; поиски неудачны. — Ни финскій Куллерво, ни Kalevipoeg — Калева не являются ковачами, но въ одной пѣснѣ изъ Wierland'a мудрый кузнецъ, дѣлающій себѣ жену изъ золота и серебра, названъ Kuller'омъ, сыномъ Калевы [2]); замѣтимъ, что Куллерво проданъ кузнецу Ильмаринену (Illmolinen, иначе: Köyretyinen, Äyriäinen и др.), какъ Вёлундъ путался въ неволѣ у Нидуда. По совѣту жены послѣдняго ему подрѣзали жилы на подколѣнкахъ, и Вёлундъ мститъ и женѣ и мужу, убивая ихъ малолѣтнихъ сыновей и насилуя дочь; Куллерво также мститъ своей хозяйкѣ, женѣ ковача, убивая ея сына.

Въ эстонскомъ эпосѣ (пѣсни VI) убійство ковача стоитъ въ иной связи: какъ въ одной финской пѣснѣ Kalevanpoiko отправляясь на войну, заказываетъ хорошій мечъ, такъ Kalevipoeg является въ кузнецу (Ильмаринену? См. Kalevipoeg XII) съ тою же цѣлью; всѣ мечи ломаются въ его рукахъ, кромѣ одного, драгоцѣннаго, заказаннаго еще отцомъ Калевой; взмахнулъ имъ юноша, и отъ его удара раскроилась и наковальня, и каменная подъ нею глыба. Въ слѣдующей за тѣмъ попойкѣ Kalevipoeg убиваетъ тѣмъ мечемъ старшаго сына ковача. Это напоминаетъ знакомый намъ эпизодъ, какъ Вёлундъ убилъ отцовскимъ мечемъ своихъ учителей дверговъ (гл. 61), и его соперничество съ Amilias'омъ при дворѣ Нидунга (гл. 64 слѣд.). — И въ эстонскомъ и въ финскомъ эпосахъ одинаково разсказывалось о томъ, какъ Куллерво — Kalevipoeg соблазнилъ дѣвушку, которая въ

1) Въ Fierabras с. 643 слѣд.: три брата-кузнеца, Galans, Munificans и Aurisas (въ проз. текстѣ: Ainsiax).

2) Kaarle Krohn, Die geogr. Verbreitung l. c.

финской сагѣ оказывается его сестрой и въ отчаяніи лишаетъ себя жизни [1]); вспомнимъ такой-же мотивъ насилія, съ другимъ исходомъ, въ сагѣ о Вёлундѣ.

Слѣдующія сближенія, распространяющія на другія лица легенды о Вёлундѣ въ версіи саги, менѣе доказательны. Въ 61 усталый Вади крѣпко заснулъ и такъ храпѣлъ, что далеко было слышно. Тогда пошелъ такой дождь, что на диво, а землетрясеніе вызвало обвалъ, который и задавилъ спящаго [2]). Въ Kalevipoeg VI отъ храпа сына Калевы шатаются утесы, содрогаются горы, вихремъ носится песокъ и щебень и умолкаютъ птичьи пѣсни.—Kalevipoeg заклялъ свой мечъ, мечъ Калевы, похищенный у него колдуномъ, который обронилъ его въ рѣку: пусть достанется онъ такому богатырю, какъ онъ, а тому, кто его носилъ, обрѣжетъ ноги. Заклятіе исполнилось надъ нимъ самимъ (пѣсни XI, XX). Въ сагѣ о Тидрекѣ по Sv. (гл. 67) онъ убиваетъ Видгу его же собственнымъ мечомъ, скованнымъ Велундомъ, и бросаетъ его въ озеро, дабы онъ не попалъ въ другія руки.

Все это представляется мнѣ моментами какого-то древняго сказанія, типически выразившаго переходъ неолитической культуры къ вѣкамъ бронзы и желѣза [3]). Было выражено мнѣніе, что индогерманцы не знали кузнечнаго дѣла и познакомились съ нимъ лишь въ Европѣ въ періодъ желѣза [4]), что арійцы, распространившіе, какъ полагаютъ, въ Европѣ обрядъ кремаціи, застали здѣсь въ разныхъ мѣстахъ искусство металлическаго дѣла, знакомое доарійскому неолитическому населенію [5]). Откровенія чуж-

---

1) Къ мотиву сл. Child, The english and scottish ballads, P. II, № 50.

2) Изъ текста мембрана можно заключить, что обвалъ — дѣло двергов; иначе не понять словъ Вёлунда, когда онъ догадался, что отецъ засыпанъ: не время теперь думать о мести. Въ AB. этой подробности нѣтъ.

3) Сл. Jiriczek, D. Heldens., стр. 2 и приведенную у него литературу.

4) Schrader, Reallexikon d. indogerm. Alterthumskunde, стр. 1048; иначе Max Funk въ Beiblatt zur Anglia XIII, Juni 1902, № VI, стр. 170.

5) Read, A guid to the antiquities of the bronze age in the department of british and medieval antiquities.

дой культуры возбуждали любопытство и суевѣрный страхъ. Побережные жители Новой Гвинеи боятся аборигеновъ, живущихъ внутри страны, ихъ считаютъ волхвами, обладающими демонической силой; таково отношеніе малайца къ аборигену Jakun'у: онъ колдунъ, властенъ надъ природой, посылаетъ долю, укротитель звѣрей и врачъ [1]). Смѣна культуры каменнаго вѣка металлической должна была вызвать такія суевѣрія относительно представителей послѣдней. Въ вогульской охотничьей пѣснѣ могущій, священный звѣрь лѣса, медвѣдь, говоритъ съ содроганіемъ о металлическихъ оружіяхъ въ рукахъ человѣка, о топорѣ, шириною въ бычачью лопатку, о колчанѣ съ темно-желѣзными стрѣлами, копьѣ и желѣзномъ ножѣ. Кузнецъ представлялся чудеснымъ искусникомъ, знахаремъ, вѣщуномъ, которому открыта и тайна врачеванія. Идейскіе дактилы — ковачи и γόητες, какъ у якутовъ кузнечное ремесло соединяется съ шаманствомъ [2]), какъ въ русскомъ повѣрьи Кузьма и Демьянъ врачи и кузнецы. Св. Патрикъ говоритъ о друидахъ и ковачахъ, какъ заклинателяхъ; тоже соединеніе понятій встрѣчается и у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ; черезъ заговоръ и заговорную обрядовую пѣсню оно захватывало и профессію пѣвца. Такимъ кудесникомъ старались овладѣть, чтобы воспользоваться его искусствомъ и знаніемъ; его держатъ въ неволѣ, какъ Миносъ Дедала, Нидудъ Веланда; Веланда калѣчатъ, чтобы онъ не убѣжалъ; не оттого-ли хромъ Гефестъ? Онъ κυλλοποδίων, ἀμφιγυήεις; о немъ разсказывали, что захромалъ онъ, когда его сбросили съ Олимпа. И Дедалъ и Веландъ спасаются на самодѣльныхъ крыльяхъ, но напередъ отомстивъ. Къ типическимъ чертамъ мести, повторяющимся въ народныхъ сказкахъ, принадлежитъ изнасилованіе: такъ Веландъ насилуетъ дочь Нидуда, Бёдвильду; Голландъ подозрѣваетъ, что критская рабыня Naukrate, отъ которой Дедалъ при-

---

1) Morian Roalf Cox, An introduction to Folk-lore, стр. 15 слѣд.

2) Sieroszewski, Du chamanisme d'après les croyances des yakoutes, Rev. de l'hist. des religions t. XLVI, стр. 319—20.

жилъ Икара, первоначально считалась дочерью Миноса; Шрадеръ и Шюкъ распространили параллель и на Гефеста, посягнувшаго на Аѳину, когда она пришла къ нему заказать оружіе; ихъ сынъ Эрихсонъ.—Въ народномъ представленіи эти вѣщіе ковачи были люди другой, отжившей расы, великаны-циклопы или дверги-кабиры; въ Vǫlundarkviđa'ѣ—Вёлундъ зовется эльфомъ (alfa visi, alfa ljóđi). Они скрываются въ пещерахъ, въ доарійскихъ cromlech'ахъ, какъ зовутся въ Ирландіи мегалолитическія сооруженія изъ наставленныхъ кругомъ каменныхъ глыбъ; Дедалъ—строитель лабиринта. Къ такимъ сооруженіямъ пристроилась въ мѣстныхъ преданіяхъ и легенда о Вёландѣ.

Я предполагаю, что она сложилась гдѣ-нибудь на финско-айстскихъ границахъ, откуда перенесена съ другими эпическими мотивами на финскій сѣверъ. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что Миндовгъ, уже крещеный, приносилъ жертвы языческимъ богамъ, между прочимъ, Телавелю. Съ ними знакомитъ насъ ближе русская глосса, внесенная въ такъ называемый эллинскій хронографъ болгарской редакціи (іудейскій хронографъ Истрина) о дьявольской прелести, введенной Совіемъ въ «литов'скій родъ и ѧтвезѣ и въ проусу и въ емь и въ ливь»: всѣ они стали покланяться Перкуну, Жворунѣ — и «*телѧвеликъ кузнею* (вар. *телѧ великъ кузнецъ*) сховавше ему сл҃нце, ꙗко свѣтити по землѣ и възвергшю емоу на небо сл҃нце». Уже проф. Вольтеръ видѣлъ въ Телявеликѣ лит. kalwis—кузнецъ, съ уменьшительнымъ суффиксомъ — élis [1]); проф. Брюкнеръ допускаетъ описку: Talaweli вм. kalweli [2]); проф. Явнисъ [3]) читаетъ: Телявелису кузнецю вм. Келявелису, лит. Kelevẽlis, восточно-литовская форма (съ Umlaut'омъ) вм. Kalevẽlis. — Латышскія пѣсни знаютъ ковача, сковавшаго небо. Маннгардтъ сближалъ этотъ мотивъ съ эстонско-

---

1) E. Wolter, Mythologische Schizzen, Arch. f. slav. Philologie IX B. (1886 г.), стр. 640—1.

2) A. Brückner, Starožytna Litwa (Warszawa 1904) стр. 69.

3) Съ его толкованіемъ я познакомился благодаря любезному сообщенію К. Бугаса, студента С.-Петербургскаго университета.

финскими преданіями объ Ильмариненѣ: эстонскій Ilmarine выковалъ изъ стали и распростеръ надъ землею сводъ неба, прикрѣпилъ къ нему свѣтлыя звѣзды и мѣсяцъ — и солнце, взятое изъ покоя Wanna issa'ы, устроивъ такъ его механизмъ, что оно спускалось и поднималось. Въ 49-й рунѣ Калевалы Ильмариненъ хвалится, что онъ выковалъ небо, но когда хозяйка Похьолы похитила солнце и мѣсяцъ, его похвала сковать то и другое изъ золота и серебра оказалась неудачной [1]). Маннгардту же принадлежитъ сближеніе разсказа Калевалы о томъ, какъ Ильмариненъ сковалъ себѣ жену изъ золота, съ эпизодомъ саги о Тидрекѣ (гл. 66), гдѣ Веландъ устроилъ фигуру Регина, приближеннаго короля Нидунга, настолько схожій съ подлинникомъ, что король обманулся и привѣтствовалъ—отсутствовавшаго друга [2]).

Итакъ, летто-литовцамъ извѣстно было представленіе о какомъ-то вѣщемъ кузнецѣ-деміургѣ. Новѣйшія изслѣдованія Карла Крона надъ постепеннымъ сложеніемъ и наростаніемъ мотивовъ, сведенныхъ въ Калевалу, выяснили тотъ фактъ, что именно по южной границѣ ихъ распространенія, по всей Эстляндіи распространены пѣсни о ковачѣ-искусникѣ, дѣлающемъ себѣ жену изъ золота и серебра; имя его разнообразится: Janwikene, Jürikene, Märdikene, Autsukene. Двигаясь на востокъ, мотивъ этотъ встрѣтился въ Ингріи съ другимъ, пошедшимъ изъ западной Финляндіи, съ руной о происхожденіи желѣза; ея герой Ильмариненъ; къ его имени и къ нему, какъ кузнецу пристали

1) Сл. мои разысканія XI, стр. 99 слѣд. Проф. Брюкнеръ (l. c. 68—9) сравниваетъ съ миѳомъ о Телавелисѣ разсказъ миссіонера Іеронима пражскаго: онъ видѣлъ на Литвѣ родъ солнцепоклонниковъ; разсказывали, что какой-то царь однажды покорилъ солнце, такъ что оно не свѣтило въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; тогда «знаки зодіака» разбили огромнымъ желѣзнымъ молотомъ темницу солнца и освободили его; тому молоту поклоняются. Похищеніе солнца какъ въ Калевалѣ; освобождающіе «знаки зодіака», вѣроятно, ученое измѣненіе Іеронима; но молотъ служилъ-ли къ освобожденію солнца, или это символъ его ковача?

2) Mannhardt, Die lettischen Sonnenmythen въ Zs. für Ethnologie XVII (1875), стр. 79 (№№ 35—7), 319, 321.

въ восточной Финляндіи и русской Кореліи руна о происхожденіи желѣза (Калевала IX).

Такъ, осложненная новыми подробностями, основная легенда о ковачѣ-знахарѣ обратилась въ циклъ пѣсенъ объ Ильмариненѣ. Но она-же могла быть точкой отправленія и для другого развитія: могла разсказывать о ковачѣ искусникѣ и полонившемъ его злобномъ царѣ; Веландъ и Нидудъ, Нидунгъ, Nidhad—имена—эпитеты, обличающіе германское усвоеніе. Мы знаемъ, что прозаическая партія Vǫlundarkviđa'ы зоветъ Веланда сыномъ финскаго короля, въ сагѣ о Тидрекѣ онъ вильтинъ. Попытаемся изъ-подъ позднѣйшихъ пріуроченій сѣверной пѣсни и саги угадать древнюю обстановку сказанія. Въ пѣснѣ Nidudr царитъ надъ Ніарами; это названіе сопоставляютъ съ шведской областью Noerike[1]). Niarar = *Nerar могло первоначально обозначать какой-нибудь материковый народъ въ сосѣдствѣ той области, гдѣ, по нашимъ соображеніямъ, жили вельты и сложился матеріалъ ихъ саги[2]). Напомню прусск. nerga, neria и др. въ значеніи наносной, то наплывающей, то расплывающейся земли: frische Nehrung (Фришгафъ), neria curonica, nergia curonensis — kurische Nehrung (Куршгафъ); Неръ — притокъ Варты, Nyeris, Neris — Вилія[3]). Курскую землю въ области Припети и Нѣмана Ширренъ отождествлялъ съ Неромой, «сирѣчь Жемоить» Переяславско-Суздальской лѣтописи; въ объясненіи Неромы Куникъ исходитъ изъ варьянта Норома, отъ финнск. noro и ma въ значеніи болотисто-водянистой, низкой мѣстности, что, по его мнѣнію, могло быть куронскимъ переводомъ болѣе древняго леттскаго названія: какъ Жмудь—Жемойти, такъ и Зимигола—Semgallen одинаково означаетъ низменность[4]).—Жмудь жила между

1) Либо съ Niǫrvosund. Сл. Detter-Heinzel, l. c., II, къ 7-й строфѣ Vǫlundarkviđa'ы.

2) Сл. выше, стр. 11 сл.

3) Nesselmann, Thesaurus linguae prussicae a. v. nergia. Сл. Браунъ, l. c., стр. 32—3.

4) Куникъ у Bielenstein'a, l. c., стр. 463.

низовьями Нѣмана и Виндавой; Биленштейнъ считаетъ жмудскимъ древнее населеніе четырехъ южныхъ областей, входившихъ въ составъ страны куровъ у балтійскаго приморья въ Курляндіи и Пруссіи до Мемеля; въ предѣлахъ нынѣшняго Тельшевскаго, частей Россіенскаго и Шавельскаго уѣздовъ Ковенской губерніи [1]). По наблюденіямъ проф. Погодина это не Жмудь, а особое латышское племя, языкъ котораго представляетъ явленія, общія какъ курляндско-латышскому, такъ и литовско-прусскому,—смѣшеніе, которое, быть можетъ, было слѣдствіе литовской колонизаціи; городъ Апуле, лежащій въ чертѣ этого племени, извѣстенъ съ IX вѣка [2]). Летты въ смѣшеніи съ ливами занимали сѣверныя области Курляндіи: Вредекуронію (на сѣверо-востокѣ у Рижскаго залива), Winda'у (у нижняго теченія Виндавы), Bandowe и Bihavelang; послѣднее простиралось къ югу отъ Виндавы до южной оконечности Либавскаго озера. Это Esestua грамоты 1230 г., что толкуютъ, какъ Esertua, Esertuwa, Esertuwe (esars — озеро, tuwa — близь): озерная область, гдѣ еще въ XIII в. доживали остатки летто-литовскаго язычества: одна деревня между Либавскимъ озеромъ и моремъ носитъ названіе Percunencalwe — холмъ, островъ Перкуна [3]). Въ перечнѣ айстскихъ и финскихъ народностей по балтійскому побережью, сохраненныхъ лѣтописью, области Курскіи отвѣчаетъ Корсь. Имена расположены въ послѣдовательности съ юго-запада на сѣверо-востокъ: Литва, Зимигола на лѣвомъ берегу З. Двины, Корсь, Лѣтьгола, Ливь къ сѣверу отъ З. Двины въ южной Лифляндіи. Во второмъ перечнѣ мѣсто Лѣтьголы занимаетъ Нарова, вар. Норома, Нерома; Нерому можно было бы понять въ указанномъ выше значеніи Жмуди, еслибъ это не разстроивало географической послѣдовательности лѣтописнаго перечня [4]).

---

1) Проф. Brückner, l. c., 92 опредѣляетъ порѣчье Жмуди по Нѣману между его притоками Невѣжей и Юрой.

2) Живая Старина, III (1893 г.), стр. 571—2.

3) Bielenstein, l. c., стр. 178, 215—7, 280; Трусманъ, l. c., стр. 66, 69.

4) Bielenstein, l. c., стр. 28 слѣд.; ib. 462—3 (Куникъ).

Sjögren отождествлялъ лѣтописную Норову — Норому съ Вадью[1]), древняя область которой лежала значительно сѣвернѣе, простираясь отъ южныхъ береговъ Финскаго залива и Наровы на югъ къ Ильменю и на востокъ къ Невѣ и даже къ Мстѣ, откуда ихъ вытѣснили новгородскіе славяне: въ 1069 году они разбили на голову вожанъ, ходившихъ на нихъ съ Всеславомъ Полоцкимъ, въ 1149 помогли имъ разбить напавшую на нихъ Емь. Шёгренъ объясняетъ этническое названіе Водь — Воть, Wadi, Wadjalaiset, Watialaiset въ связи съ финск. Waadia, *Waadja, Waatis, Waaja—Pfahl, Keil, либо съ финск. Wataja—niedriger, sumpfiger Ort, что поддержало бы этимологію Неромы[2]).

Вернемся къ Вёлунду. Онъ отданъ въ науку къ ковачамъ Каллавы, откуда спасается, спускаясь по рѣкѣ къ Þióði, сѣверозападной оконечности Ютландіи, гдѣ царитъ Нидунгъ. Изъ варіантовъ имени, какое дается рѣкѣ, изслѣдователи отдаютъ предпочтеніе Visara M¹, тогда какъ А читаетъ Etissa, В Edella; въ гл. 82 и 89 Видга ѣдетъ съ сѣвера къ Берну-Веронѣ, чтобы увидѣть Тидрека, ему на пути двѣ сосѣднихъ рѣки: Eidisa (гл. 82) и Visara (А: пріѣзжаетъ къ рѣкѣ безъ имени). Мы уже замѣтили выше, какъ фантастична эта географія[3]). Если Нидудъ — Нидунгъ царилъ у Ніаровъ — *Неровъ въ южной Неромѣ, а Вёлундъ, спасаясь отъ Каллавы, попадаетъ къ нему, спустившись къ морю внизъ по рѣкѣ, то можно разумѣть одну изъ рѣкъ, впадающихъ въ море съ западнаго берега Куроніи, а Каллава очутится южнѣе гдѣ-нибудь на литовско-латышской границѣ. О

1) Sjögren, Ges. Schriften, I, 561.

2) Sjögren, l. c, стр. 557—61 и Reg. der geographischen Namen a. v. Woten; Thomsen, Beröringer, стр. 235, a. v. vágis. О Воти, сл. еще Кеппенъ, Водь и Водская пятина. Спб. 1861; Kastren, Reiseberichte u. Briefe 1845—9 (SPb. 1856); Барсовъ, Оч. русск. истор. географіи, стр. 40—1 и прим. Вотскій путь, горный, по которому движеніе совершалось главнымъ образомъ зимою, шелъ отъ Ревеля черезъ Вотскую землю (Watland) къ Новгороду. Сл. отчетъ проф. Никитенко о книгѣ Бережкова (О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV в.), стр. 27.

3) Сл. выше, стр. 81, 85—86, 97 сл.

бѣгствѣ Вёлунда сага разсказываетъ, что онъ спустился въ ладьѣ, выдолбленной имъ изъ дерева (гл. 61)[1]), но ему знакомъ и бродъ по рѣкѣ, который онъ указываетъ сыну Видгѣ, но тотъ не нашелъ его, и когда переходилъ рѣку, ушелъ въ нее по голову. Я полагаю, что и переходъ Вади черезъ Грёназундъ принадлежитъ поздней локализаціи и что первоначально дѣло могло идти объ озерѣ или рѣкѣ изъ озера: esars (восточно-литовское eżeras) въ Esestua объяснило бы названіе Visara[2]).

Вади, рожденный отъ Вильтина и морской дѣвы на востокѣ, въ Ruczilandd, и позже являющійся живущимъ на приморьѣ, Sialand — Зеландѣ, можетъ быть ни что иное, какъ энонимъ Vadi, Води, какъ Вильтинъ—вельтовъ; Wade—собственное имя одного изъ Ливовъ, крещенныхъ Мейнгардомъ[3]). Вади и Велентъ принадлежали бы къ циклу сказаній, удержавшихся въ мѣстной памяти, о велетахъ Геллеспонтцахъ и сосѣдней съ ней Руси; отрывокъ этой саги попалъ на западъ: Велентъ въ VII в., упоминаніе Wađa, царящаго у гельсинговъ, относятъ къ VI-му усвоеніе Vadi могло идти на встрѣчу многочисленнымъ Wato, Wadu германскаго именослова, морскихъ преданій и представленій, хотя дошедшія до насъ не отвѣчаютъ понятію Wate = der Water, какимъ былъ Vadi. Развѣ лодка Wade въ англійскихъ повѣрьяхъ, а въ Гудрунѣ знакомство Wate съ моремъ и его легендами (с. 836, 4; 1128 слѣд.; 1183, 2)?

Древнія скандинавскія вліянія на миѳологическія представленія лопарей и финновъ не подлежатъ сомнѣнію; на нихъ еще недавно указалъ Olrik, относящій ихъ къ періоду бронзы[4]); но K. Krohn считаетъ вѣроятнымъ, что въ финскомъ миѳѣ о

---

1) Сл. выше, стр. 86.

2) Обращу вниманіе на странную запутанность въ гл. 61; въ M[1] Вёлундъ приходитъ къ рѣкѣ Visara, по ней онъ спускается сначала въ озеро, потомъ въ море, въ A: Визарѣ отвѣчаетъ Etissa, которая въ началѣ названа *озеромъ*, далѣе рѣкой, откуда путь въ озеро и море.

3) Heinrichs von Letten Livländische Chronic, übers. v. E. Pabst, l. c., § 7.

4) Olrik, Danske studier 1905, I, стр. 39 слѣд.; сл. 51, 52.

Sämpsä, Pellervo отразился занесенный изъ Швеціи культъ Freyr'a — Niorđr = Nerthas[1]). Все это не исключаетъ возможности обратнаго вліянія. Если въ сѣверной Skađi видѣли представительницу финской стихіи, финское богатство[2]), то и тема о Веландѣ могла принадлежать къ такимъ-же, не миѳическимъ, а эпическимъ усвоеніямъ.

VII.

Витеге, Гейме и пѣсенный циклъ Эрманариха.

Витеге, Vidga, сынъ Веланда, такъ тѣсно связанъ въ нѣмецкомъ эпическомъ преданіи съ его товарищемъ Heime, Heimir'омъ саги, что трудно отдѣлить ихъ другъ отъ друга въ вопросѣ объ ихъ эпическомъ генезисѣ. При первомъ ихъ упоминаніи въ Видсидѣ (VI в.) мы видимъ Wudga'у и Hâma'у въ дружинѣ Эрманариха; Беовульфъ (v. 1197—1201) также знаетъ Hâma'у въ его окруженіи; въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ поэмахъ, какъ и въ отраженіи саги о Тидрекѣ, они являются на службѣ у послѣдняго; но ихъ древнія отношенія къ Эрманариху еще просвѣчиваютъ тамъ и здѣсь и, можетъ быть, объясняется не однимъ вліяніемъ на М² верхненѣмецкихъ эпическихъ традицій. По Видсиду они заѣзжіе, пришлые витязи, изгнанники, wraeccan. Откуда они? Іорданъ гл. 34 упоминаетъ о Vidigoia Gothorum fortissimus, павшемъ хитростью сарматовъ; о немъ ходили пѣсни (с. 5). Имя этого Vidigoja, у Амміана Vithigabius вм. Vithigavius, отождествляли съ Witigouwe, полной формой

---

1) Такъ уже Wilh. Müller. Сл. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, II, 55; Detter въ Pauls Beitrage XVIII, 76 слѣд.; Golther, Handb. d. germ. Mythologie 483.

2) Kaarle Krohn, Finnische Beiträge z. germanischen Mythologie, Finn.-ugr. Forschungen 1904, стр. 231 слѣд., стр. 245—6.

имени Witege [1]); въ Vidigoja видѣли вестготскаго витязя, въ эпизодѣ нѣмецкихъ эпическихъ сказаній (Biterolf, Rabenschlacht, сага о Тидрекѣ) о равеннской битвѣ, гдѣ Витеге убиваетъ двухъ сыновей Эцеля,—память о гибели любимаго сына Аттилы въ Панноніи у рѣки Nedao [2]). Къ пѣсенному циклу Эрманариха Vidigoja могъ дѣйствительно примкнуть въ качествѣ заѣзжаго богатыря, а съ перенесеніемъ готской саги въ нѣмецкія преданія слиться съ встрѣчнымъ или созвучнымъ именемъ сына Веланда. Симонсъ допускаетъ, что историко-эпическій Vidigoja слился съ какимъ-нибудь миѳическимъ героемъ, борцомъ противъ отродья великановъ [3]). Я предположу возможность другого смѣшенія. Іорданъ (V, XVII) помѣщаетъ къ западу отъ Айстовъ, въ устьяхъ Вислы, Видиваріевъ, жителей Widland'а, т. е. срединной земли (лит.-латышск. widus—средина), вѣроятно, также айстовъ. Ихъ пріурочиваютъ не къ дельтѣ Вислы, а къ Самланду (между Фришъ- и Куришъ-гафомъ) [4]). Vidigoja былъ бы житель самландскаго Вади (гот. gawi—gau).

Для Гейме не нашлось ни историческаго, ни миѳологическаго объясненія. Какъ въ нѣмецкомъ эпосѣ, такъ и въ сагѣ, это типъ неистоваго рубаки, не знающаго ничего выше силы; жестокаго и лукаваго, какъ дикарь, котораго не коснулась даже простѣйшая этика дружиннаго быта. Онъ способенъ покинуть пріятеля въ бѣдѣ (гл. 89, 108, 150), присоединиться къ разбойникамъ (гл. 109—10)—и бѣжать съ поля битвы: „нѣтъ желѣза милѣе хозяину — его шпоръ", говоритъ онъ, убѣгая отъ Тетлейфа, съ которымъ бился; онъ перескакиваетъ на конѣ черезъ рѣку, и ему кажется, что жернова мельницы, бывшей

---

1) Забвеніемъ ихъ тождества объясняется, почему въ нѣмецкихъ памятникахъ оба имени встрѣчаются, какъ обозначеніе разныхъ лицъ: Dietrichs Flucht v. 8659: Heime unde Witegouwe.... Witege und Witegîsen; Rabenschlacht строфа 732: Witegouwe.... Witegîsen; Anh. z. Heldenb.: Wittich.... Wittichowe.

2) Heinzel, Die ostgot. Heldensage, стр. 57 слѣд.

3) Symons, Grundriss² III, стр. 695.

4) Bielenstein, l. c., стр. 466 слѣд., прим. 46—50.

тогда въ ходу, кричатъ ему въ слѣдъ: «Бей, бей его; хватай его, хватай» (гл. 116).

Сага разсказываетъ о немъ многое, что не знаютъ нѣмецкіе поэты; эпизодъ объ его уходѣ на старости лѣтъ въ монастырь, гдѣ еще разъ просыпается его богатырская сила и неистовство (гл. 469 слѣд.), указываетъ на литературное вліяніе французскихъ Moniage и ихъ параллелей (сл. напр. Moniage Вальтера Аквитанскаго въ хроникѣ Novalese); но повѣсть о его дѣтствѣ и первомъ выѣздѣ (гл. 18, 19) производитъ впечатлѣніе какого-то мѣстнаго и, можетъ быть, не поздняго приращенія. — Отецъ Геймира, Studas, живетъ къ сѣверу отъ свевскихъ горъ, въ лѣсу у Saegarđ'а, гдѣ царствуетъ Брингильда (гл. 18, 226); по сагѣ о Вёльсунгахъ Брингильда живетъ въ Hlyndalir подъ попеченіемъ какого-то Геймира; было выражено мнѣніе, что по смѣшенію съ этимъ Геймиромъ сложилась и форма имени нашего: мы ожидали бы Heima, нѣм. Heime, англос. Hâma. Онъ выростаетъ у отца, славившагося своимъ искусствомъ выводить и выѣзжать быстрыхъ, какъ птица, коней; въ сагѣ онъ является ихъ поставщикомъ для витязей: таковы Falka у Тидрека, Rispa у Геймира, Skemming у Веланда. Въ гл. 168 Сигурдъ, явившись къ Брингильдѣ, говоритъ, что путь къ ней указалъ ему его воспитатель Мимиръ; есть у нея конь Грани, котораго онъ желалъ бы получить, на что Брингильда и соглашается. Въ гл. 190 Грани названъ братомъ коней, воспитанныхъ Студасомъ; его стадо, стало быть, принадлежитъ Брингильдѣ, и онъ и Геймиръ представляются живущими въ ея сосѣдствѣ. Это дало Boer'у поводъ заключить, что именно изъ нижненѣмецкаго преданія о Геймирѣ, отразившагося въ сагѣ о Тидрекѣ, Геймиръ попалъ въ сагу о Вёльсунгахъ, какъ — воспитатель, fóstri, Брингильды [1]).

Studas или Studarr, какъ читается въ гл. 188 (такъ и въ Sv)? Studarr толкуется какъ староверхненѣм. stuotari—пастухъ ло-

1) Boer, Untersuchungen über den Ursprung u. die Entwicklung der Nibelungensage Zs. f. deutsche Philologie XXXVII т. (1905), стр. 343—4.

шадинаго стада; въ сѣверной передачѣ это дало бы stôdarr (сѣв. stôd — стадо коней), но, можетъ быть, и studarr, по аналогіи Rômaburg вм. Rômaborg. Форма Studas во всякомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе (сл. лит. stedas—стадо).

Сага подробно описываетъ физическій и психическій обликъ Геймира, первоначальное имя котораго было также Studas: онъ коренастъ, приземистъ и плечистъ; лицо широкое, съ короткимъ носомъ; большая голова сидитъ на толстой, короткой шеѣ. Ему любо ѣздить верхомъ, упражняться въ владѣніи лукомъ и копьемъ. Жестокій и суровый, жадный и честолюбивый, онъ никому не хотѣлъ служить и почти всѣхъ ненавидѣлъ; друзей у него не было, но какіе были, тѣмъ онъ не отказывалъ ни въ своемъ достаткѣ, ни въ помощи. По этой то причинѣ его прозвали Геймиромъ (В Heima M[1] 188), и онъ утратилъ свое настоящее имя, ибо такъ зовется змѣй. Оттуда и пошло прозвище Studas'а, что его приравняли къ змѣю; потому варяги и зовутъ его Геймиромъ. Лютѣйшій изъ всѣхъ другихъ змѣй, котораго боялись всѣ змѣи, приближавшіяся къ его логовищу (В: змѣй Heima живетъ въ поляхъ, самый мелкій изъ змѣй и всѣхъ ядовитѣе).—Ему было 17 (18) лѣтъ, когда онъ попросился у отца: не хочетъ онъ состариться въ лѣсу, не по сердцу ему отцовское ремесло, онъ хочетъ «узнать нравы благородныхъ мужей и поискать себѣ чести»—и ѣдетъ въ Верону-Бернъ къ Тидреку.

Сѣв. Heima-Heimir и его германскія соотвѣтствія, будто бы принятыя отъ названія змѣя, не поддерживаются нарицательными: староверхненѣм. heimo, средневерхненѣм. heime, англос. háma (сверчокъ). Нельзя-ли предположить, что это нарицательное примѣнялось къ какому-нибудь этническому имени? Богатырь Hamo, сраженный Старкадомъ, упоминается Саксономъ Грамматикомъ въ ряду эстовъ, куровъ и семгалловъ, въ другой разъ между гуннами и ливами, либо русскими [1]). Häme,

1) Axel Olrik, Bråvallakvadets Kaemperække, Ark. f. nord. filol. X B., стр. 228, 234, 242, 255; онъ-же: Nogle Personnavne i Starkadsdigtningen въ Festskrift til Vilh. Thomsen (København 1894), стр. 117.

Hämelaiset, Jem, Jam (русск. Емь, Ямь, Гамъ)—финское племя, жившее въ югозападномъ заволочьѣ, отъ Ладоги до Сѣверной Двины, но въ болѣе древнее время доходившее до береговъ Балтійскаго моря, гдѣ соприкасалось съ эстами и ливами; Häme и теперь еще зовутся Тавасты въ южной части Финляндіи, и самое названіе ихъ — эстонское отъ häm — мокрый, влаждый, wässerig [1]).

Если сага привлекла Студаса и Геймира въ сосѣдство съ Брингильдой, къ какому-то сказочному Saegard'у, то это пріуроченіе придется помирить съ другимъ, по которому родимый лѣсъ Геймира лежалъ во владѣніяхъ Эрманариха. Когда въ 288-й главѣ Геймиръ, въ присутствіи короля, уличаетъ его коварнаго совѣтчика Сифку въ ложныхъ навѣтахъ, тотъ говоритъ королю: «самъ ты виноватъ, что принялъ его въ свою дружину, и онъ сталъ нахаломъ: пусть бы вернулся въ лѣсъ, гдѣ жилъ его отецъ и, какъ онъ, пасъ *твоихъ* коней». Мы уже знаемъ, что лѣсъ, гдѣ росъ юный Геймиръ, находился гдѣ-то къ сѣверу отъ Свавскихъ горъ (гл. 18). «Свавскій лѣсъ» встрѣчается еще въ эпизодѣ о рожденіи Сигурда (гл. 152—61), исключительно принадлежащемъ нашей сагѣ и представляющемъ разновидность сюжета о невинно преслѣдуемой красавицѣ. Король Сигмундъ царствуетъ въ какой то Tarlungaland или Jarlungaland; отправляясь на войну, онъ поставилъ блюстителями своего царства двухъ графовъ і Svava, Hartuin'a и Herman'a. Въ отсутствіи короля Артвинъ пытается овладѣть любовью его жены, Sisibe, но отвергнутъ ею; когда онъ и его товарищъ прослышали о возвращеніи Сигмунда, они рѣшили предупредить обвиненіе ихъ королевой и взводятъ на нее самое поклёпъ, будто она связалась съ рабомъ; они-же подсказываютъ и наказаніе; пусть сошлютъ ее въ Svavaskog, Свавскій лѣсъ, гдѣ нѣтъ людской тропы и десять лѣтъ не ступала нога человѣка. Holthausen [1])

1) Sjögren, l. c., гл. VIII, стр. 484, 487—9.
2) Holthausen, l. c., стр. 479 слѣд.

предполагаетъ, что разумѣется Шварцвальдъ. Для опредѣленія мѣстности, въ которой авторъ представлялъ себѣ дѣйствіе, есть одно указаніе: по вызову короля Drasolf, женатаго на сестрѣ Сигмунда, Сигмундъ ходилъ воевать — въ Pulinaland.

Къ полосѣ между Pulinaland и страною гунновъ (сл. гл. 304) переноситъ насъ и другой разсказъ, также вводящій Эрманариха въ какія-то отношенія къ сѣверу, на этотъ разъ къ вильтинамъ. Желая отомстить ему за безчестіе жены, Сифка убѣждаетъ его потребовать дань съ Озантрикса: всѣ властители сѣвера чествуютъ тебя дарами, не дѣлаетъ того лишь Озантриксъ. За данью посланъ сынъ Эрманариха, Fridrekr, который, по наущенію Сифки, и убитъ его пріятелемъ-ярломъ въ градѣ вильтиновъ, Viltinaborg. Гдѣ этотъ городъ? Мы узнаемъ только, что за нимъ, на границѣ Pulinaland и Hunaland, лежитъ лѣсъ Borgarskogr (гл. 278, 304, 305). Какъ узналъ Эрманарихъ о гибели сына, подумалъ, что учинилъ то Озантриксъ за то, что отъ него потребовали дани (гл. 276—8). Мы естественно ожидаемъ отместки Эрманариха; но эпизодъ этимъ и ограничивается — ничего не подсказываетъ и Dietrichs Flucht, гдѣ самъ Эрманарихъ предательски посылаетъ сына Фридриха въ страну вильцевъ [1]).

Что власть Эрманариха простиралась до Свевскаго лѣса и что у него есть какія-то права въ странѣ вильтиновъ — все это можетъ показаться измышленіемъ и быть объяснено фантастической географіей составителя саги. Но интересно встрѣтить, почти одновременно съ ней, такое-же пріуроченіе, только болѣе послѣдовательное и, повидимому, самостоятельное, у Саксона Грамматика. Его Historia Danica (ок. 1190 — 1200) знаетъ Jarmericus—Эрманариха датскимъ королемъ [2]); въ Даніи, на вы-

1) Источникъ Кведлинбургскихъ анналъ и Вюрцбургской лѣтописи также говоритъ о смерти Фридриха, sua (т. е. Эрманариха) perpetrata voluntate. Сл. Jiriczek, l. c. 70.

2) Ed. Erasmus Müller, VIII, стр. 406—15; ed. Holder 275 слѣд.

сокомъ утесѣ, показывали и его замокъ; но мѣсто его подвиговъ то-же, что и въ сагѣ о вильтинахъ: земли русскихъ и «геллеспонтцевъ». Еще ребенкомъ онъ и его молочный братъ Гуннъ попали въ плѣнъ къ славянскому королю Ismar'у; подросши, онъ работаетъ у него въ полѣ и по хозяйству, входитъ къ нему въ милость, но королева питаетъ къ нему недовѣріе. А онъ уже замыслилъ бѣгство, готовится къ нему и въ отсутствіи Исмара бѣжитъ, перебивъ и сторожей и королеву. Воцарившись въ Даніи, онъ мститъ славянамъ жестокими набѣгами[1]). Вслѣдъ за тѣмъ Саксонъ пересказываетъ легенду о Свангильдѣ. У Іордана (Getica, сл. 23, 24) Sunilt — жена вождя Росомоновъ (Rosomonorum gens infida), народа, отложившагося отъ Эрманариха; король велитъ растерзать ее конями, мстителями являются его братья; рана, полученная Эрманарихомъ, и страхъ гуннскаго нашествія были причиной его смерти. Въ сѣверныхъ отраженіяхъ этой саги[2]) Свангильда очутилась дочерью Сигурда; Jörmunrekr женится на ней, свататься за нее ѣздилъ его сынъ Randver. Лихой совѣтникъ короля, Bikki, возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе, будто Свангильда слюбилась съ его сыномъ; она растоптана конями; и здѣсь мстителями выступаютъ его братья. Нѣмецкій эпосъ знаетъ злого совѣтника Эрманариха: Одоакра или Sibich'а; это Sifka (котораго вѣрнѣе зовутъ Bruni A или Bikki, гл. 186) въ сагѣ о Тидрекѣ въ знакомомъ намъ эпизодѣ объ убійствѣ Эрманарихова сына. Саксонъ перенесъ всю эту повѣсть въ излюбленную имъ географическую обстановку: Ярмерикъ женится на Свангильдѣ, но она изъ рода геллеспонтцевъ; злой совѣтникъ, мстящій ему за убійство брата — ливскій царевичъ Bikko.

Ольрикъ, а за нимъ и другіе, усмотрѣли въ географическихъ и историческихъ пріуроченіяхъ Historia Danica отраже-

1) Гротефендъ предполагаетъ генетическую связь между этой легендой о Ярмерикѣ и финской о Куллервѣ. Сл. Grotefend, Die Sagen von Hermanarich u. Kullervo, Finn. ugrische Forschungen III, 3, стр. 45 слѣд.

2) О нихъ Jiriczek, l. c., стр. 84 слѣд.

ніе впечатлѣній датско-славянскихъ (= вендскихъ) усобицъ XII вѣка, какъ и разсказы о вильтинахъ дали поводъ къ такому-же сближенію съ войнами саксовъ съ вендами и датчанами въ X—XI в., датчанъ съ оботритами, эстами и ливами въ XII—XIII вѣкахъ [1]). Я задался вопросомъ: не наслоились-ли эти воспоминанія на болѣе древнія эпически-историческія и этническія [2]). Мы не знаемъ напримѣръ, въ какомъ составѣ сохранилась въ нижненѣмецкомъ преданіи сага объ Эрманарихѣ и покрывалась-ли она безъ остатка содержаніемъ дошедшихъ до насъ крайне отрывочныхъ литературныхъ отраженій. Mogk высказалъ предположеніе, что ее могли занести на сѣверъ Герулы, вернувшіеся въ началѣ VI-го вѣка съ Дуная на свои старыя скандинавскія поселья; этимъ путемъ легенда о смерти Эрманариха отразилась уже въ первой половинѣ IX вѣка въ строфахъ Ragnarsdrapa'ы Браги, въ Hamđismál (X в.), Guđrunarhvǫt и др.; гот-

1) Сл. выше, стр. 8 сл.

2) Bleyer въ недавно явившейся работѣ о германскихъ элементахъ венгерской саги о гуннахъ (Bleyer, Die germanischen Elemente der ungarischen Hunnensage въ Beiträge z. Gesch. d. deutsch. Sprache u. Literatur, XXXI B. (1906), стр. 497) ищетъ этого древняго субстрата на другомъ пути, считая возможнымъ, что въ разсказѣ саги о Тидрекѣ о томъ, какъ Аттила отобралъ гунскую землю у Миліаса сохранились древніе отзвуки историческихъ завоеваній Аттилы, которыя венгерская хроника простираетъ на Dacos (т. е. Danos), Norvagios, Frisanes, Lituanos et Prutenos (стр. 522). Въ Битерольфѣ также говорится о походахъ Этцеля противъ прусскаго и польскаго королей, въ Wenezlan'ѣ Дитрихъ бьется на его сторонѣ въ Польшѣ. Допуская, что походы нѣмецкихъ императоровъ изъ саксонскаго дома (Оттона II и III и Генриха III) дали историческую подкладку эпическимъ разсказамъ о войнахъ съ славянами, онъ предполагаетъ однако, что и здѣсь совершалось перенесеніе древнихъ сказаній на новѣйшія событія, какъ и въ сагѣ о Тидрекѣ мѣсто дѣйствія перенесено было изъ Венгріи въ сѣверную Германію (стр. 526—7 и прим. 1 на стр. 527). Я отношусь къ этой гипотезѣ автора такъ же сдержанно, какъ къ его предположенію, что содержаніе готско-гунской саги съ Аттилой и Дитрихомъ стало извѣстно нѣмцамъ черезъ посредство—паннонскихъ славянъ (сл. стр. 587 слѣд., 591 слѣд.). Правда, на это нѣтъ данныхъ (592), нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ о существованіи гуннской саги у славянъ, говоритъ Блейеръ, но надѣется, что они могутъ быть добыты методическимъ изслѣдованіемъ славянскихъ лѣтописей (594). Насколько я знакомъ съ вопросомъ, надежды эти едва ли не лишнія.

скихъ героевъ саги о Hervǫr'ѣ, Angantýr'a, царящаго въ градѣ Днѣпра, и Hlǫd'а знаетъ при дворѣ Эрманариха уже Vidsiđ, 116; разсказы о Ярмерикѣ-Эрманарихѣ могли ходить въ датскихъ народныхъ преданіяхъ еще до Саксона Грамматика[1]). Sijmons въ недавно явившейся работѣ не согласенъ ни съ герульской гипотезой Mogk'а, ни съ его хронологіей; переселеніе саги о смерти Эрманариха на сѣверъ совершилось въ 8-мъ вѣкѣ изъ нижненѣмецкаго и притомъ пѣсеннаго преданія; его случайнымъ показателемъ является нижненѣмецкая пѣсня, сохранившаяся на летучемъ листкѣ XVI вѣка, искаженная, но стоящая всего ближе именно къ редакціи Hamđismál'я; источникомъ послѣдней могла быть такая-же пѣсня болѣе древняго состава; такая же пѣсня отразилась нѣкоторыми чертами въ сводной датской балладѣ Kongs Diderik i Birtingaland[2]).

Вокругъ Эрманариха, «славнѣйшаго изъ Амаловъ», уподобившагося Александру Великому, долженъ былъ сложиться эпическій циклъ, который могъ воспринять въ себя героическія пѣсни готовъ на ихъ побѣдоносномъ шествіи къ Черноморью, но и растеряться на пути передачъ и усвоеній. Начало этого явленія мы можемъ наблюдать у Іордана (XXIII): онъ, или уже его источникъ, перенесъ на Эрманариха преданія о древнихъ готскихъ завоеваніяхъ на Балтійскомъ побережьѣ: Эрманариху подвластны герулы, васты, айсты и нѣсколько другихъ народностей, надъ именами которыхъ задумывались изслѣдователи: Golthe Scytha thiudos inaunxis, ... Merens, Mordens. Въ thiudos inaunxis видѣли заладожскую Чудь[3]), въ Merens—Мерю, въ Mor-

---

1) Mogk, Grundriss² II, 558; 624, 838. Сл. мою замѣтку: Кіевъ-градъ Днѣпра, l. c.; Symons, Grundriss² III, стр. 619 предполагаетъ, что разсказъ саги о Hervǫr'ѣ, передающій вестготскія преданія о битвѣ при Шалонѣ (въ сагѣ: Dunheiðr), проникъ на скандинавскій сѣверъ—черезъ Англію.

2) Sijmons, Das niederdeutsche Lied von König Ermanrichs Tod und die eddische Hampésmól, Zs. f. deutsche Philologie, XXXVIII В. стр. 145 слѣд. (1906 г.).

3) Grünberger, Ermanariks Völker въ Zs. für deutsches Alterthum XXXIX, стр. 154 слѣд.; сл. 158, 159 слѣд.; 164, 168 слѣд.; 171, 182—3.

dens — Мордву. Грюнбергеръ [1]) соединяетъ Scythathiudos = скиѳскіе народы, въ inaunxis (= *inahsuggeis) видимъ скиѳовъ ἁμαξόβιοι Страбона; Merens и Mordens восходятъ, по его мнѣнію, къ готск. *merjans и *maúrdjans; первое, отъ гот. *mêrs, ahd. mâri, сѣв. maerr, означало бы: славные, благородные. Отъ *mers и его производнаго (*meriggos) пошло и прозвище готовъ: въ Боэціи Ноткера Теодорикъ названъ королемъ Mergothorum et Ostrogothorum; на надписи Börkstein'а (X в.) онъ skati Maéringa, въ сѣтованіяхъ Deór'а (VIII в.) онъ властвуетъ въ Maeringaburg. *Mêrjans могло быть такимъ-же прозвищемъ готовъ или какого-нибудь готскаго народца. Этому *Merjans отвѣчаетъ Меря русской лѣтописи, говоритъ Грюнбергеръ, не поясняя, какъ и кѣмъ совершилось это перенесеніе имени; озадачиваетъ и его вопросъ: если (не готское?) названіе *Merjans перенесено было на готовъ, то это понятно лишь подъ условіемъ, что соотвѣтствующая народность исчезла въ составѣ готскаго племени, были-ли то финны, сарматы, скиѳы,—или германцы, что всего вѣроятнѣе.— *Maúrdjans = разбойники, можетъ быть, также германское, скорѣе готское племя, безъ капли финской крови. Какъ извѣстно, Томашекъ отождествлялъ геродотовскихъ андрофаговъ съ предками мордвы, сидѣвшей нѣкогда, въ общеніи съ летто-литовцами, на Деснѣ, и считалъ ихъ финнами, которымъ ихъ сосѣди, скиѳы, дали иранское имя (ὄνομα σκυπτικόν): *mareta-xmā: людоѣды [2]).

Роспись племенъ, покоренныхъ Эрманарихомъ, начинается у Іордана словами: Golthe, Scytha thiudos и т. д. Грюнбергеръ толкуетъ: Golthe, т. е. готы, не могли считаться покореннымъ

---

1) Выше стр. 78—79, мы указали на гипотезу Hackmann'а, соединяющаго Golthethiudos въ одно обозначеніе: готская Чудь = балтійскіе финны.

2) Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden II: Die Nachrichten Herodots üb. den skythischen Karavanenzug nach Innerasien, Sitzungsber. d. K. Wien. Ak. d. IV. Philos.-hist. Cl. B. 117, p. 10. Сл. его-же отзывъ о Müllenhoff, D. Alterthumskunde въ Gött. Gel. Anz. 1888 г.; Браунъ, l. c., 83—4; Paasonen, Die sogenannten Karataj-Mordwinen, Journ. de la Soc. Finno-ougrienne, XXI, стр. 5—6 (mort-χwâr, mort-χwa).

народомъ, они стоятъ внѣ ихъ серіи, и смыслъ перечисленія такой: готамъ (или готу) подвластны скиѳы и т. д. Если такъ, то какъ попали въ рядъ подвластныхъ «готскіе» народцы Merens и Mordens? И почему не допустить вмѣстѣ съ Zeuss'омъ и Мюлленгофомъ, что Іорданъ говоритъ именно о Мерѣ и Мордвѣ[1])? Потому, что въ перечисленіи такихъ общихъ этническихъ именъ, какъ Герулы, Айсты и Венеты, Іорданъ не упомянулъ—и Fenni. Но его источникъ принесъ ему названія обособленныхъ народцевъ, которые лишь позднѣйшая наука объединила въ понятіе финскаго племени.

Если допустить перенесеніе готскаго *Merjans на финское Меря, какъ я допустилъ подобное перенесеніе для этническаго обозначенія вельтовъ[2]), то литовскіе gudaĭ были бы живымъ примѣромъ такого-же процесса. Gudaĭ зовутъ въ прусской Литвѣ литовцевъ, живущихъ въ Польшѣ къ югу отъ Мемеля; въ лит. *guda—бродяга, бурлакъ, недругъ, видѣли переживаніе имени готовъ, которое слышится и въ географическихъ названіяхъ Курляндіи: Gudeni, Gudinje и др.[3]). Бецценбергеръ высказался противъ этого сближенія, проф. Брюкнеръ[4]) поддерживаетъ его: прусскій литвинъ называетъ жмудиновъ гудами—готами, жмудинъ — бѣлоруссовъ; „милое солнышко — къ намъ, черныя тучи на сторону гудовъ", причитаетъ Литвинъ.

Какъ вокругъ имени Эрманариха Іорданъ собралъ болѣе древнія историческія памяти, такъ могъ отнести и какую-нибудь эпическую старину, какъ напр. разсказъ объ отпаденіи росомоновъ, будто бы совершившійся наканунѣ гуннскаго погрома[5]).

---

1) Мордва и Черемисы, повидимому, принадлежали къ царству Эрманариха, говоритъ Setälä (Zur Herkunft u. Chronologie, l. c., стр. 50, прим. 2), въ связи съ mordens и merens Іордана, но германскія заимствованія представлены однимъ предположительнымъ примѣромъ.

2) Сл. выше, стр. 12—13.

3) Сл. мои Славяно-германскіе отрывки, Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г. Іюнь, стр. 4—5; Браунъ, l. c., стр. 254—5, прим. 1.

4) Brückner, Starożytna Litwa (Warszawa 1904), стр. 15, 67—8.

5) Сл. выше, стр. 119.

Въ этихъ росомонахъ усматривали роксолановъ, оромусховъ или росмосаковъ [1]), славянъ [2]), балтійскихъ готовъ. Ихъ имя толкуютъ, какъ готское (по Бугге: *Rusmanans, по Кögелю *Hrausamani, по Грюнбергеру *Hrusamans); идетъ ли дѣло о готскомъ племени, или о другой народности, на которую перенесено было готское прозвище? Аспелинъ сближалъ росомановъ съ Ruotsi [3]).

Прежде, чѣмъ столкнуться съ гуннами, готы встрѣтились на берегахъ «германскаго океана» съ айстами — и вельтами (?). Іорданъ говоритъ о покореніи айстовъ Эрманарихомъ непосредственно передъ гуннскимъ погромомъ (гл. XXIII—IV).

ЭКСКУРСЫ.

1) *Гертниты въ средневѣковой нѣмецкой поэзіи.*

Кромѣ Ортнита, племянника Ильи, знакомой намъ поэмы, упоминанія русскихъ Hertnit'овъ, Hartung'овъ въ старонѣмецкой поэзіи рѣдки. Hertnit'a (вар. Hostsit'a) von Riuzen знаетъ Dietrichs Flucht (v. 5908) и ркп. ACD Rosengarten'a, тогда какъ ркп. DE читаютъ Hartung; въ Anhang къ Heldenbuch: Hartung von Reussenland. Какъ въ поэмѣ объ Ортнитѣ Альберихъ даритъ ему въ числѣ другихъ доспѣховъ мечъ Rose (строфа 111 слѣд.), такъ въ Вольфдитрихѣ D (VII, 181) Amie даетъ Вольфдитриху einen guoten halsberg . . . des alten Otnîdes. Въ сагѣ о Тидрекѣ говорится (гл. 167) о доспѣхахъ, скованныхъ для короля Гертнита въ Гольмгардѣ ковачемъ Мимиромъ,

---

1) Мнѣніе В. Г. Васильевскаго, котораго я держался въ своихъ Славяно-германскихъ отрывкахъ (l. с., стр. 2) и отъ котораго отошелъ въ отчетѣ о диссертаціи Ѳ. А. Брауна, Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. V (1900), стр. 8—9 отдѣльнаго оттиска.

2) Heinzel, Ueber die Hervararsaga, стр. 102.

3) Сл. выше, стр. 78.

у котораго былъ въ наукѣ и Вёлундъ (гл. 57), прежде чѣмъ попасть къ двергамъ. Вспомнимъ, что Mimung звался мечъ, скованный Вёлундомъ (сл. Walthaeius 965, Waldere: Mimming) и отданный имъ Видгѣ (гл. 81); Mimingus у Саксона Грамматика — двергъ, обладатель меча; если въ Битерольфѣ говорится о трехъ знаменитыхъ ковачахъ: Mime, Hertrich'ѣ и Виландѣ, то Hertrich попалъ сюда, вѣроятно по смѣшенію съ королемъ Hertnit'омъ, для котораго Веландъ ковалъ доспѣхи. Не лишнимъ будетъ отмѣтить имена русскихъ царей въ сѣверныхъ сагахъ сказочнаго характера. Hertryggr русскій въ Egils saga ok Armundar (Russia — великая страна между Гуналандомъ и Guđariki). Такъ и въ Hriggs saga ok Tryggva. Въ Halfdanar saga Eysteinnssonar Hergeir царитъ въ Aldeigjaborg (Ладога); его дочь Ингигерда; она и Skúli мстятъ за его смерть, явившись переодѣтыми и говоря о себѣ, что они родомъ изъ Rússía (aettađu útan af Rússia); на ней женился Gǫnguhrolf; но по сагѣ о послѣднемъ отецъ Ингигерды не Hergeir, а Hreggviđr, царящій въ Hólmgaeriki или Garđaríki.

Альберихъ, демоническій ковачъ, упрочился въ преданіи: въ сагѣ о Тидрекѣ онъ сковалъ мечъ Naglhring (гл. 16; гл. 82) и Eckisax (гл. 98), который отдалъ королю Rozeleif'у (A B: Rutsileif); послѣ него владѣлъ имъ его сынъ Roseleif (B: молодой Ruts); имени Roseleif'а отвѣчаетъ въ Ecken Ausfahrt Ruotlieb — Ruodlieb латинской поэмы XI вѣка, которому какой-то двергъ (Альберихъ) даритъ мечъ, чтобы откупиться изъ неволи. Въ поэмѣ объ Ортнитѣ Альберихъ говоритъ, что золото для кольчуги онъ нашелъ въ горѣ, что зовется Кавказъ (строфа 114); Кавказъ усвоили и Каспаръ von der Roen въ своемъ Ортнитѣ и продолженіе Лаурина [1]); послѣдній памятникъ даетъ варіантъ:

---

1) Raszmann, l. c., II, 265 примѣч. * упоминаетъ по этому поводу грузинскихъ «кувелей», небольшое племя, обособившееся въ одной изъ долинъ Кавказа и до сихъ поръ славящееся какъ оружейники; въ 1396 году они предлагали свое оружіе Тимуру. Сл. газету Кавказъ 1903 г. № 15, 29, 31: кубачинцы — жители аула Кубачи въ Дагестанѣ; лѣтъ 500 тому назадъ онъ назы-

Göckelrass=Gloggensachsen въ разсказѣ Anhang zum Heldenbuch, въ которомъ мы снова встрѣчаемся съ Веландомъ и Гертнитомъ. На этотъ разъ Виландъ—герцогъ, котораго два исполина изгнали изъ его страны (и въ сѣтованіяхъ Déor'a о Веландѣ говорится, что спутниками ему были печаль и желаніе и бѣдственная зима—изгнанія). Очутившись въ низкой долѣ, онъ является въ товарищахъ Эльбериха, кузнецомъ въ горѣ Gloggensachsen, откуда попадаетъ къ королю Hertnit'у (вар. Hertwich), съ дочерью котораго приживаетъ двухъ сыновей, Wittich и Wittichowe.—Если бы мы могли придать какое-либо значеніе этому, отовсюду натасканному разсказу, то можно было-бы представить себѣ русскаго короля Гертнита въ роли Нидгада-Нидунга, держащаго въ неволѣ изгнанника Вёланда (онъ—герцогъ, какъ въ Эддѣ—сынъ финскаго короля), заставляя его работать на себя (сл. доспѣхи, скованные Мимиромъ для Гертнита въ Гольмгардѣ)—и подсказали бы то, что пѣсни Эдды и сага сообщаютъ о его связи съ королевной.

2) *Валитъ-Варентъ.*

Интереснѣе прослѣдить источники другого мѣстнаго преданія о Валитѣ, Варентѣ (=Велентѣ?), которое разсказывали русскіе послы, отправленные въ 1601 г. въ Копенгагенъ для переговоровъ объ установленіи русско-норвежской границы. Онъ взятъ изъ бумагъ нашего посланника Ржевскаго[1]); уже Бэръ и Фрисъ, а за ними В. Мейеръ обратили на нее вниманіе; воспользовался имъ и ак. И. Н. Ждановъ[2]).

вался Сиргеранъ; перс. сиргеранъ и татар. кубачи означаетъ кольчужныхъ и оружейныхъ дѣлъ мастеровъ. Кубачинцы считаютъ себя «ференгами», т. е. франками, выходцами изъ Рима.

1) Карамзинъ, И. Г. Р., гл. I, прим. 56 (изд. Эйнерлинга).

2) Baer, Ueb. labyrithförmige Steinsetzungen im russ. Norden, въ Bullet. hist. philol. de l'Ac. de St.-Pet. I (1844), стр. 74 слѣд.: Fries, En sommer i Finnmarken, russisk Lapland og Nordkarelen (Christiania 1871) цит. W. Meyer'омъ. Wilh. Meyer, l. c., стр. 292 слѣд.; Ждановъ, Русск. былевой эпосъ, стр. 35 прим.

«Былъ въ Корелѣ и во всей Корельской землѣ большой владѣтель, именемъ *Валитъ*, *Варентъ* тожъ, а послушна была Корела къ Великому Новгороду съ Двинской землею, и посаженикъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣніе отъ новгородскихъ посадниковъ; и какъ ту мурманскую землю учалъ войною проводити подъ свою власть, и мурмане били челомъ норвецкимъ нѣмцамъ, чтобы они по сосѣдству за нихъ стали ... и отстояти (нѣмцы) ихъ не могли, потому что самъ собою онъ (т. е. Валитъ) былъ дороденъ, ратный человѣкъ и къ рати необычный охотникъ... и побивалъ нѣмецъ, а на Варенгѣ, на побоищѣ нѣмецкомъ, гдѣ Варенгскій лѣтній погостъ, на славу свою принесши къ берегу своими руками положилъ камень, въ высоту отъ земли есть и нынѣ болѣе косые сажени, а около его подалѣ выкладено каменьемъ, кабы городовой окладъ, къ 12 саженъ, а названъ у него тотъ окладъ Вавилономъ[1]). А въ Колѣ, гдѣ нынѣ острогъ, обложено было у него каменьемъ въ 12 стѣнъ тѣмъ-же обычаемъ; а тотъ камень, что въ Варенгѣ, и по сей день слыветъ *Валитовъ камень*; а что было въ Колѣ, то развалено, какъ острогъ дѣлали. А межъ Печенги и Пазъ-рѣки, отъ Печенской губы по ту сторону верстъ съ 35, есть губа морская, вышла въ берегъ кругла, а о средь ея островъ каменъ высокъ, кругомъ сверху ровенъ: тутъ у него для крѣпости и покоя за города мѣсто было... А какъ Валита не стало, а въ крещеньи ему было имя Василій, и положенъ въ Коренѣ на посадѣ». Преданіе это узнали отъ лапландскихъ старожиловъ въ 1592 году кн. Звенигородскій и Васильчиковъ.

Беръ упоминаетъ *Валитову губу* на крайнихъ границахъ русской Лапландіи, долгое время бывшихъ спорнымъ пунктомъ между Россіей и Норвегіей, и, въ той-же мѣстности, *Валитово*

---

1) По поводу такого же лабиринтообразнаго сооруженія на островѣ Ботническаго залива недалеко отъ устья Кеми какой-то кемскій житель сообщилъ ак. Бэру, что подобныя постройки зовутся у нихъ Вавилонами. Вавилонами же называются въ Малороссіи, по увѣренію Бэра, пространные, набитые льдомъ погреба.

городище, о которомъ говорится въ древней Идрографіи. Валитова губа лежитъ у Waranger Fjörd=Варенгъ нашего сказанія; его камень, вокругъ котораго Фрисъ еще замѣтилъ остатки 14 кольцеобразныхъ каменныхъ кладокъ, находится на Мартиновомъ Носу (Martens Naes) и такой-же лабиринтъ (вавилонъ) въ Appen'ѣ въ округѣ Velkua (Финляндіи).

Названіе Варенгъ Бэръ считаетъ тождественнымъ съ Варентомъ-Валитомъ; Василій былъ, по его мнѣнію, христіанскимъ именемъ Валита; Варенгомъ, т. е. варягомъ, назвали его Новгородцы, а Валитъ былъ его финскимъ прозвищемъ: Herrscher. Томсенъ [1]) указываетъ на финское valti: potentia, arbitrium; valtias — potens, princeps, vallita — dominari и др.; корень слова, распространеннаго у вепсовъ, эстовъ, ливовъ и води, предполагается германскій (сѣв. vald, veldi, гот. valdan), при чемъ для нѣкоторыхъ діалектическихъ формъ допускается и литовско-леттское воздѣйствіе (литов. valdýti—dominari, regere, летт. waldigs—herrschend).

Если Валитъ было, въ самомъ дѣлѣ, финскимъ прозвищемъ, то оно, быть можетъ, лишь осмыслило другое, болѣе древнее: Валитъ или Варентъ, говорится въ преданіи; Валентъ, Велентъ? Вѣдь лабиринтообразныя сооруженія его имени отвѣчаютъ представленію cromlech'а, Vǫlundarhús'а, кузницы Веланда въ англійскомъ преданіи. Бэръ подозрѣваетъ въ легендѣ историческія отношенія начала XV-го вѣка, отождествляя Валита съ эстскимъ королемъ Мартиномъ (вспомнимъ камень на Martens naes). Эта гипотеза не отмѣняетъ нашей: старое преданіе о Валентѣ, ворочающемъ саженныя глыбы, могло объединиться съ очертаніями позднѣйшихъ историческихъ событій, обновившихъ его въ народной памяти [2]).

---

1) Vilh. Thomsen, Den gotiske sprogklasse inflydelse på den finske 1869, стр. 157; его-же: Beröringer mellem de finske og de baltiske (litavisko-letisske) sprog, 1890, стр. 236.

2) Интересно, что въ томъ-же Варангеръ фіордѣ, на Vadsö разсказывается о нашествіи Чуди на лопарей и жившихъ съ ними рядомъ нордманновъ. Однажды бой рѣшился поединкомъ между чудиномъ и лопарскимъ богаты-

Живое преданіе и живой народный эпосъ—результатъ послѣдовательныхъ наслоеній и взаимныхъ примѣненій: новые опыты и впечатлѣнія жизни прилагались къ старымъ, старые оживали въ новомъ освѣщеніи, прошлые мотивы растворялись въ этомъ процессѣ; записи и литературныя обработки затемняли его, открывая путь личнымъ сочетаніямъ и измышленіямъ. Вотъ почему такъ трудно услѣдить къ началамъ процесса тотъ историческій или бытовой фактъ, отъ котораго пошло все развитіе, имя, вокругъ котораго впервые завязалась работа идеализаціи.

ремъ, однимъ изъ 3-хъ братьевъ-силачей, у которыхъ мать была также богатырша. Побѣдилъ лопарь, по имени Ivvar, сынъ Ibba или Igga (Inga). Онъ такъ былъ силенъ, что поднялъ огромный камень и глубоко погрузилъ его въ землю; онъ и до сихъ поръ стоитъ тамъ у старой церкви. Издатели этого преданія (Quigstad og Sandberg, l. c., стр. 106—8) видятъ въ Камнѣ на Vadsö и Martensnäs памятники поры викинговъ; Ivvar, Igga указываютъ на сѣверныхъ Ivar, Ingi; это идетъ къ Варангерфіорду и Варенгу, гдѣ камень водруженъ на «побоищѣ нѣмецкомъ».

Приложеніе.

Изъ саги о Тидрекѣ Бернскомъ.

Прологъ.

(по AB).

Кто хочетъ услышать о великихъ событіяхъ, какія были въ прежнее время, тому подобаетъ творить двоякое: разузнавать о томъ, о чемъ люди дотолѣ не знали, и такимъ образомъ утверждать это въ памяти. Если кто желаетъ увѣдать неизвѣстныя, пространныя саги, то лучше, и дольше не выходитъ изъ памяти, коли онѣ бываютъ записаны. Сага эта — одна изъ пространнѣйшихъ, какія были сотворены на нѣмецкомъ языкѣ, говоритъ о Тидрекѣ конунгѣ и его витязяхъ, о Сигурдѣ, убійцѣ Фафни, Нифлунгахъ, вилькинахъ, русскихъ, гуннахъ и многихъ другихъ конунгахъ и витязяхъ, попадающихся въ ней.

Сага эта починается съ Апуліи и идетъ къ сѣверу по Лонгобардіи и Венеціи въ Швабію, Венгрію, Россію, Виндландъ, Данію и Швецію, по всей Саксоніи и землѣ франковъ, а на западъ по Галліи и Испаніи. И по всѣмъ этимъ царствамъ идетъ эта сага, повѣствующая о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ тѣми мужами, о которыхъ разсказываютъ въ каждой изъ названныхъ странъ. Датчане и шведы знаютъ сказывать изъ нея много сагъ; а нѣчто они переложили(?) въ свои пѣсни, которыми забавляютъ именитыхъ людей. Много поется этихъ пѣсенъ, которыя задолго передъ тѣмъ сложены были по этой сагѣ. Сѣверные люди собрали нѣкоторую часть саги, и кое-что въ пѣсенной формѣ: во первыхъ, сказанія о Сигурдѣ убійцѣ Фафни, о Вельсунгахъ и Нифлунгахъ и ковачѣ Велентѣ и его братѣ Эгилѣ, о королѣ Нидунгѣ. И хотя есть кое-какія различія въ именахъ мужей и событіяхъ, тому удивляться нечего: такъ много

сагъ они насказали. Тѣмъ не менѣе (та сага) сложилась почти изъ одного матерьяла [1]).

Сага эта составлена по разсказамъ нѣмецкихъ людей, а нѣчто по ихъ пѣснямъ, которыми (подобаетъ) забавлять именитыхъ людей, сложенныхъ древле тотчасъ послѣ событій, о которыхъ говорится въ этой сагѣ. И хотя-бы ты взялъ по человѣку изъ каждаго города по всей Саксоніи, всѣ они разскажутъ эту сагу на одинъ ладъ: тому причиной — ихъ древнія пѣсни. Ихъ стихотворная рѣчь слагается, насколько мы можемъ судить, по подобію стихотворной рѣчи на нашемъ языкѣ; и нѣкоторымъ словамъ придается бо́льшее значеніе — ради поэтической потребности и особо величается тотъ, про котораго, либо про чей родъ говорится; такъ и про гибель мужей говорятъ, что палъ весь народъ, когда пали именитѣйшіе, выше прославленные мужи. Пойми это такъ, что наибольшая утрата(?) была отъ гибели именитыхъ людей и отъ того, что послѣ нихъ подобныхъ имъ не было, какъ говоритъ Галльфредъ:

На сѣверѣ всѣ стали
Пустынны страны по смерти владыки.
Исчезъ міръ съ паденіемъ
Грозы народа (?), сына Триггвы.

Не такъ было, какъ онъ сказалъ, будто опустѣли страны сѣвера съ паденіемъ Олафа; сказалъ онъ это въ похвалу конунга, что послѣ него не было такого мужа въ странахъ сѣвера, какъ Олафъ сынъ Триггвы.

Такимъ-то образомъ идетъ по всѣмъ землямъ, гдѣ только ходитъ эта сага, слава о великихъ дѣяніяхъ, совершенныхъ Тидрекомъ конунгомъ, его витязями и другими, жившими въ его время.

Сага эта сложена такимъ образомъ, что во-первыхъ именуются владыки, правившіе странами, по ихъ имени названъ былъ народъ, надъ которымъ властвовали они и впослѣдствіи ихъ родные, какъ и до сего дня. Эта сага сложена была въ то время, когда скончался великій конунгъ Константинъ, крестившій почти весь свѣтъ. Тотчасъ по его смерти христіанство пришло въ упадокъ, и поднялись многоразличныя заблужденія, такъ что въ первой части этой саги не

1) В: и хотя могутъ быть кое-какія отличія въ событіяхъ или относительно мужей, то неудивительно при множествѣ языковъ, въ которыхъ ходитъ эта сага. Но гдѣ-бы она ни разсказывалась, сложилась она почти изъ одного матерьяла.

было никого, кто-бы держалъ правую вѣру, хотя они вѣровали въ истиннаго Бога, клялись его именемъ и славили его. Много было въ то время другихъ конунговъ, болѣе многочисленные, чѣмъ Тидрекъ и его витязи, хотя эта сага сложена преимущественно о нихъ.

Многіе сказываютъ, что въ первое время послѣ Ноева потопа люди были большіе и сильные, какъ великаны, и жили нѣсколько людскихъ вѣковъ. По прошествіи времени нѣкоторые люди стали меньше ростомъ и слабосильные, какъ теперь; и чѣмъ далѣе отъ Ноева потопа, тѣмъ они становились слабѣе и немного оказывалось сильныхъ на сто мужей, и на половину менѣе такихъ, которые обладали бы сноровкой или храбростью своихъ праотцевъ. И хотя народъ уменьшился, не уменьшался задоръ и жадность къ добыванію достатка и славы; и оттого происходили великія битвы.

Потому нерѣдко случалось, что одинъ сильный человѣкъ, у котораго былъ шлемъ и броня настолько крѣпкая, что ея не брало оружіе и ни у одного слабаго мужа не было на столько силы, чтобы приподнять ее съ земли; — у него былъ и острый, крѣпкій мечъ, приличествующій его силѣ—(нерѣдко случалось, что) онъ одинъ часто побивалъ своимъ оружіемъ сто слабосильныхъ людей; и хотя его мечъ не бралъ оружія, древле сдѣланнаго, тѣмъ не менѣе онъ заносился съ такой силой, что его не выдерживали узкія кости и тонкія бедра. И не покажется удивительнымъ, что малосильный человѣкъ не могъ при малой силѣ разрубить кости либо оружія сильнаго, которое онъ не былъ-бы въ состояніи снести. Когда жилъ Тидрекъ и его витязи, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ измельчалъ народъ; и немного было въ каждой странѣ такихъ, кто удержался въ силѣ.

И такъ какъ собралось вмѣстѣ не малое число сильныхъ людей и у каждаго изъ нихъ было лучшее оружіе, одинаково хорошо рѣзавшее оружіе и тѣло, то нечего удивляться, что передъ ними мелкій и слабый людъ оказывался жалкимъ. Нечего сомнѣваться, что древніе мечи, которыми дѣйствовали съ столь великою силою, брали желѣзо, ибо еще изготовлялись таковые, что̀ не притуплялись, хотя ими рубили желѣзо.—Но всякое преданіе укажетъ, что не всѣ люди были по природѣ одинаковы: однимъ приписывается большая мудрость, другимъ сила либо мужество, либо какое-нибудь умѣнье или столь большая удача, что о томъ могли слагаться сказанія. Другой родъ саги тотъ, который говоритъ о разныхъ приключеніяхъ (?) съ чудесами и дивами, ибо

таковыя (на разные лады ?) приключались въ свѣтѣ. Что въ одной странѣ кажется чудеснымъ, то въ другой обычно. Такъ и недалекому человѣку кажется чудеснымъ, когда разсказывается что-либо, о чемъ онъ не слыхалъ; а человѣку мудрому, знающему многіе приклады, это не представляется чудеснымъ, такъ какъ онъ разумѣетъ, какъ (это) можетъ совершиться. Но немногіе люди столь разумны, что тому только повѣрятъ, что сами видѣли; а многіе такъ недалеки, что тѣмъ менѣе въ состояніи уразумѣть недавно ими увидѣнное или слышанное, чѣмъ (скорѣе уразумѣютъ то) мудрые, хотя-бы они руководились однимъ лишь извѣстіемъ.

Пройдетъ нѣкоторое время, и неразумный человѣкъ какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ.

А саги объ именитыхъ людяхъ потому полезно знать, что они указываютъ людямъ на мужественныя дѣянія и геройскіе подвиги, объясняютъ, что дурныхъ дѣлъ надо сторониться, различаютъ доброе отъ худого для всякаго, кто хочетъ въ томъ правильно распознаться. Только согласное мнѣніе многихъ, что одинъ человѣкъ можетъ забавлять долгое время; а бо̀льшая часть забавныхъ игръ связаны съ трудомъ, иныя съ большой затратой; другія могутъ состояться лишь при большомъ количествѣ людей, нѣкоторыя доступны лишь немногимъ и длятся недолго. Нѣкоторыя игры соединены съ опасностью жизни; тогда какъ забава сагами или пѣснями не влечетъ за собой ни траты, ни опасности; и одинъ человѣкъ можетъ забавлять многихъ, желающихъ слушать; а, по желанію, забава доступна и для немногихъ, одинакова ночью и днемъ, при свѣтѣ или въ темнотѣ. Неразумно называть ложью то, чего кто не видѣлъ или о чемъ не слышалъ, хотя онъ ничего достовѣрнѣйшаго о томъ не знаетъ. Разумно—относиться съ сознательнымъ удовольствіемъ къ тому, что слышишь, прежде чѣмъ отнестись къ тому съ отвращеніемъ или презрѣніемъ. Можетъ и такъ быть, что слушающій не захочетъ что-либо слушать далѣе потому, что оно не похоже на его дѣянія, когда говорится о великихъ дѣлахъ или подвигахъ тѣхъ, о которыхъ поетъ эта сага. И хотя все хорошее, содѣянное этими людьми преимущественно передъ другими, о которыхъ говорится въ сагѣ, покажется слушателямъ преувеличеннымъ, но въ сравненіи съ другими—всѣ они въ состояніи уразумѣть, что нельзя сказать о томъ и иномъ столь великаго, чтобы Всемогущій Богъ не могъ доставить на половину болѣе того, если бы пожелалъ.

Главы 21—56.

(по M²)[1].

Гл. 21. Былъ конунгъ, по имени Вилькинъ, славный побѣдностью и храбростью. Силою и опустошеніемъ онъ овладѣлъ страной, что называлась страной вилькиновъ, а теперь зовется Sviðioð, и Gautland'омъ, и всѣмъ царствомъ шведскаго конунга, Skánœy, Sealand, Jutland, Vinland (AB: Vindland) и всѣми царствами, какія къ тому принадлежатъ. Такъ далеко простиралось царство Вилькина конунга, какъ страна, обозначенная (его именемъ). Таковъ и пріемъ разсказа въ этой сагѣ, что отъ имени перваго вождя принимаетъ названіе его царство и народъ, имъ управляемый. Такимъ образомъ и это царство названо страной вилькиновъ отъ имени конунга Вилькина, а народомъ вилькиновъ люди, тамъ обитающіе — все это, пока новый народъ не пріялъ владычество надъ той страной, отчего вновь перемѣняются имена.

Гл. 22. Послѣ того какъ конунгъ Вилькинъ нѣкоторое время правилъ этимъ царствомъ, онъ снарядилъ свое войско и пошелъ съ несчетнымъ множествомъ рыцарей и другихъ военныхъ людей на Польшу (Pulinaland, M¹: пошелъ на Pulaernaland, что находится рядомъ съ царствомъ конунга Гертнита), и были у него тамъ многія и великія битвы. Тогда вышелъ противъ него Гертнитъ конунгъ, правившій въ то время Русью (M¹: Ruzcialande i Austrriki) и большой частью Греціи и Венгріи, почти все восточное царство было подъ властью его (M¹: и онъ завладѣлъ всѣми царствами на востокъ до моря и многимъ на востокъ отъ него) и его брата Гирдира. Было у нихъ много большихъ битвъ. Конунгъ Вилькинъ всегда побѣждалъ русскихъ, опустошилъ Польшу и всѣ царства (þioðlaend) до моря (M¹: опустошилъ всѣ ихъ земли, которыми завладѣлъ, и всѣ малыя страны — *smalond* — повоевалъ и опустошилъ; AB: *Sialand* и всѣ области до моря); а послѣ того повелъ свое войско на Русь и завладѣлъ тамъ многими большими городами, Смоленскомъ и Полоцкомъ (Smalenzkiu oc Pallteskiu; M¹: Smalisku, Kiu ok Pálltæskiu; A: Smalencium), и не прежде оставилъ (дѣло), какъ въѣхалъ въ Гольмгардъ, что былъ главнымъ надъ городами конунга Гертнита.

---

1) M¹ представляетъ нѣсколько лакунъ: далѣе приводятся нѣкоторые, преимущественно именословные варьянты другихъ текстовъ.

Тамъ была большая битва, прежде чѣмъ Гертнитъ обратился въ бѣгство: тамъ палъ братъ его Гирдиръ и большое войско русскихъ, множество людей было полонено и содержалось для выкупа; конунгъ Вилькинъ добылъ тамъ такъ много золота и серебра и разныхъ драгоцѣнностей, что никогда еще не доставалась ему такая побѣда съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые сталъ воевать. Нѣкоторое время спустя конунги согласились на томъ, что конунгъ Гертнитъ удержитъ за собой свое царство и станетъ платить конунгу Вилькину дань со всей своей земли. Послѣ того войско вилькиновъ осталось (Við þetta staðnar) на Руси, а конунгъ Вилькинъ отправился во свояси въ страну Вилькинландъ (M[1] вмѣсто того: конунгъ Вилькинъ пошелъ по всей Руси, знакомился съ страной, бралъ дань и все подчинялъ себѣ).

Гл. 23. Еще разсказываютъ, что однажды конунгъ Вилькинъ отправился съ своею ратью на востокъ (Austrvegr; въ M[1] слѣдующій разсказъ пріуроченъ къ возвращенію Вилькина: „захотѣлось конунгу Вилькину вернуться въ свою страну, и присталъ онъ у одной своей земли въ Русиландѣ), а когда его суда стояли у берега, онъ вышелъ разъ на берегъ и вошелъ въ лѣсъ, одинъ одинёшенекъ, и не было съ нимъ ни одного человѣка. Тамъ онъ встрѣтилъ красивую женщину, у него явилась къ ней похоть и онъ легъ съ нею. Было то ни что иное какъ то, что зовется морской женою: въ морѣ она, по природѣ, чудовище, а на землѣ кажется женщиной. Когда люди, долженствовавшіе слѣдовать за нимъ, его хватились и стали искать по лѣсу, вскорѣ явился къ своимъ людямъ и кораблямъ и конунгъ. Поднимается попутный вѣтеръ и они выходятъ въ море; они были далеко отъ берега, когда у корабля конунга у палатки на кормѣ показалась изъ моря женщина, схватилась за корму такъ крѣпко, что корабль остановился. Тутъ конунгу пришло на мысль, чтобы то значило, что эту самую жену онъ встрѣтилъ въ лѣсу у морского берега; и онъ обратился къ ней съ рѣчью: «позволь намъ пойти своимъ путемъ; а если у тебя есть о чемъ поговорить съ нами, приходи въ мою страну; я радушно приму тебя и будешь ты гостемъ у меня въ доброй чести». Тогда она отпустила судно и ушла назадъ въ море, а конунгъ отправился своимъ путемъ обратно въ свое царство. Когда онъ пробылъ дома въ теченіе полугода, пришла къ нему одна женщина и говоритъ, что она принесла съ собою его ребенка. Онъ очень отчетливо призналъ ту женщину и велѣлъ помѣстить ее въ одномъ

своемъ домѣ. Поживъ тамъ немного времени, она родила мальчика, который получилъ имя Вади. Тогда она не захотѣла далѣе тамъ оставаться и ушла, и никто не знаетъ, что съ ней потомъ сталось. А тотъ мальчикъ, возрастя, сталъ такимъ рослымъ, какъ великанъ, и пошелъ въ матерній родъ, не походя на другихъ людей: онъ былъ тяжелъ въ обращеніи и потому не любимъ; и отецъ его любилъ его мало, тѣмъ не менѣе далъ ему, прежде чѣмъ скончаться, двѣнадцать селеній (дворовъ?) въ Свитьодѣ (A: Saxlandi, B: Sialandi; Sv: Вади былъ тяжелаго характера, не любимъ; тогда конунгъ Вилькинъ разстался съ нимъ (отдѣлился) и далъ ему девять дворовъ въ Sioland). У короля былъ другой младшій сынъ, по имени Нордіанъ: онъ былъ рослый мущина, красивѣе и сильнѣе всѣхъ людей, суровый, жестокій, жадный до богатства и неразумный въ сравненіи съ тѣмъ, какъ были прежде его родные. Потому его слава не была столь велика, какъ слава его отца.

Гл. 24. Заболѣлъ конунгъ Вилькинъ и передъ смертью отдалъ власть и царство сыну своему Нордіану. Захватилъ онъ теперь власть и правленіе надъ всей страною вилькиновъ. Какъ услышалъ о томъ конунгъ Гертнитъ въ Русиландѣ, взговорилъ и велѣлъ своимъ людямъ слушать себя, тѣмъ, которые смогутъ внять его рѣчи. «Хвала Господу, что я дождался на престолѣ того, что услышалъ вѣсть о смерти конунга Вилькина; и вотъ я клянусь, что хотя бы я прожилъ три человѣческихъ вѣка, никогда не буду платить вилькиновымъ людямъ отнынѣ и впредь — ибо теперь снято съ моей выи ярмо, возложенное на нее могучимъ конунгомъ Вилькиномъ. Да услышатъ мои люди мой наказъ, да узнаютъ всѣ Русскіе люди мои слова: чтобы всякій человѣкъ въ моемъ царствѣ, на столько возрастный, чтобы могъ сидѣть на конѣ и держать щитъ, либо въ состояніи сражаться и владѣть мечемъ — взялъ свое оружіе и коня, снарядился и явился ко мнѣ. Теперь мы отмстимъ за себя людямъ Вилькина, ибо смерть Вилькина конунга разорвала мирный договоръ Русскихъ съ людьми Вилькина — а мы сдержимъ наши клятвы, данныя Вилькину конунгу».

Гл. 25. Немного времени спустя Гертнитъ конунгъ снарядился въ походъ изъ Гольмгарда и направился къ сѣверу по пути къ землѣ вилькиновъ, а за нимъ быстро двинулось непобѣдимое войско, всадники и пѣхота. Прійдя въ землю вилькиновъ, онъ началъ жечь и убивать людей и грабить, опустошая всю страну остріемъ и мечемъ, пока не встрѣтилъ конунга Нордіана съ его войскомъ. Тутъ про-

изошла великая, продолжительная битва и было великое паденіе людей съ обѣихъ сторонъ. Пало больше людей Вилькина, ибо у конунга Нордіана войска было меньше, и многіе вожди остались сидѣть дома и не пришли къ нему на помощь. И такъ кончилась эта битва, что конунгъ Нордіанъ обратился въ бѣгство, а всѣ его люди понесли пораженіе; а конунгъ Нордіанъ остался побѣдителемъ и продолжалъ преслѣдованіе въ теченіе 3-хъ дней. Конунгъ Нордіанъ разсудилъ, что у него въ рукахъ двоякій выборъ: либо бѣжать изъ своего царства, либо пасть побѣжденнымъ; потому онъ рѣшилъ обратиться къ милосердію конунга Гертнита вмѣстѣ съ людьми, оставшимися (въ живыхъ) отъ его рати. Когда конунгъ Гертнитъ явился на свиданіе и люди (M[1] Вилькина) заявили желаніе подчиниться ему, явился и конунгъ Нордіанъ, и подойдя къ конунгу Гертниту, упалъ ему въ ноги, отдавая себя и свое царство въ его власть и прося себѣ милости за свое царство. Конунгъ Гертнитъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «могущественный король Вилькинъ подклонилъ подъ себя наше царство и были у него съ нами многія битвы, и мы и наше царство подпали подъ его власть, какъ теперь вы въ нашей власти. Но потому, что мы получили отъ него миръ, мы вамъ за это отплатимъ, и все ваше царство будетъ нашимъ на условіяхъ дани и верховной власти, а вы дадите клятвы и будете соблюдать договоры, какъ теперь говорите, по совѣсти. Этотъ договоръ скрѣпленъ былъ между конунгами, Гертнитомъ и Нордіаномъ. Конунгъ Гертнитъ подчинилъ себѣ всю землю вилькиновъ и, прежде чѣмъ отправился обратно въ свое царство, посадилъ Нордіана правителемъ надъ тою страною, что мы зовемъ Svíðioð (M[1]: Sioland, AB: Sialand). Въ такомъ состояніи царство Гертнита конунга находилось долгое время. У него было два сына отъ жены, старшій звался Озантриксъ, младшій Вальдимаръ; а третій сынъ, котораго онъ имѣлъ отъ своей наложницы, назывался Ильей (Ilias, M[1]: былъ онъ мужъ мирный и привѣтливый).

Гл. 26. Состарился конунгъ Гертнитъ, сталъ маломощнымъ, и посадилъ сына своего Озантрикса правителемъ и далъ ему всѣ царства Вилькиновыхъ людей и царскій титулъ. Долгое время правилъ тѣмъ царствомъ Озантриксъ, а его подъ-конунгомъ былъ Нордіанъ. Немного времени спустя посадилъ конунгъ Гертнитъ сына своего правителемъ въ Греціи, того что назывался Ильей, и далъ ему достоинство ярла; былъ онъ великій властитель (M[1] мужъ сильный) и сильный витязь.

Заболѣлъ конунгъ Гертнитъ и во время этой болѣзни потребовалъ къ себѣ главнѣйшихъ правителей и мудрѣйшихъ мужей, устроилъ все свое царство и сказалъ, какъ, по его мнѣнію, должно держать его, по его смерти. Тутъ онъ далъ титулъ конунга своему сыну Вальдимару и посадилъ его конунгомъ надъ всей Русью и Польшей и всей восточной половиной своего царства (M[1]: «Ruzcialand ok Pulaerpaland», а владѣлъ онъ почти большею восточною частью свѣта, hæimsens. Послѣднее и въ A, B). Немного спустя конунгъ Гертнитъ скончался въ великой чести, и его сыновья долгое время правили царствомъ.

Гл. 27. У конунга Нордіана въ Зеландіи (a Seolandi) было четыре сына: одному имя Эдгейръ, другому Aventroð (такъ въ A, B; нѣтъ въ M[1]), третьему Viðolfr Mittumstangi, четвертому Аспильянъ. Всѣ они были великаны по силѣ и свойствамъ. Когда заболѣлъ и умеръ конунгъ Нордіанъ, конунгъ Озантриксъ посадилъ Аспильяна, сына Нордіана, правителемъ и далъ ему титулъ конунга. Онъ сталъ конунгомъ надъ царствомъ, которымъ прежде владѣлъ его отецъ Нордіанъ. Видольфъ Миттумстанги былъ столь великъ ростомъ, что его плечи были не ниже головы другихъ великановъ; онъ одинъ былъ сильнѣе двухъ своихъ братьевъ, а они тоже были великаны. Онъ былъ столь суровъ въ обращеніи, что никогда не щадилъ ни людей, ни животныхъ. Конунгъ Аспильянъ велѣлъ сковать его вокругъ шеи и по рукамъ и ногамъ желѣзомъ, отъ котораго шли толстыя желѣзныя цѣпи и слѣдовала длинная желѣзная пута(?) Эдгейра и Авентрода онъ поставилъ нести толстую желѣзную путу и водить за собою Видольфа Миттумстанги; и онъ не иначе будетъ освобождаемъ, какъ идя въ битву. У него была желѣзная палица, большая, крѣпкая и толстая; ею онъ бился въ сраженіи, оттого его и звали Видольфомъ Миттумстанги. У Aðgeir'а оружіемъ была сѣкира скованная изъ желѣза, столь тяжелая, что 12 человѣкъ не могли поднять больше.

Гл. 28. У конунга Озантрикса была жена по имени Юліана. Ея отецъ былъ Иронъ, конунгъ Skorottan'а или Mittan'а, что нынѣ зовется Англіей или Шотландіей. Царица Юліана умерла, и смерть ея оплакивалъ всякій ребенокъ (M[1]: царствовалъ надъ тѣми странами, изъ которыхъ одна звалась Skrottan, другая Brittan, что нынѣ зовутся Англіей и Шотландіей. У Озантрикса конунга и Юліаны была дочь — звали ее Бертой привѣтливой (kurtæisa). Юліана умерла и это оплакалъ всякъ мужъ).

Гл. 29. Миліасомъ звался конунгъ, царствовавшій въ то время надъ страною гунновъ могущественнѣйшій и надменнѣйшій между всѣми конунгами. У него была дочь, по имени Ода, красивѣйшая всѣхъ женъ. Ея (руки) просили могущественнѣйшіе правители, конунги и ярлы. Такъ сильно любилъ ее конунгъ, что не могъ обойтись безъ нея (безъ ея лицезрѣнія), и не желалъ выдавать ее ни за кого изъ тѣхъ, кто его о томъ просилъ. Когда же конунгъ Озантриксъ узналъ эти вѣсти о томъ конунгѣ и его дочерн, послалъ къ конунгу Миліасу шесть своихъ рыцарей, отлично снаряженныхъ, и велѣлъ приготовить письмо такого содержанія: «Озантриксъ, конунгъ вилькиновъ, шлетъ привѣтъ могущественному конунгу гунновъ Миліасу: вашу дочь Оду очень хвалятъ въ нашей странѣ за ея красоту и привѣтливость; также говорятъ намъ о вашемъ могуществѣ. Мы хотимъ просить дочь вашу себѣ въ жены, а вы пошлете намъ столько имѣнія, сколько вамъ заблагоразсудится дать съ собой вашей дочери, а нашей супругѣ; и все это пошли намъ съ добрыми рыцарями при всемъ рыцарскомъ снарядѣ и большими кошелями, полными золота и серебра и другихъ драгоцѣнностей. Мы же предлагаемъ вамъ взамѣнъ дружбу и родственный союзъ (vandendi ? Cл. vanda-maðr: Angehöriger, durch Verwandschaft od. andere Beziehungen). Это рѣшеніе такъ скрѣплено нашею рукою, что, если вы захотите пренебречь и презрѣть наше посланіе и слова, это дѣло будетъ рѣшено между нами при помощи многочисленной рати, прежде чѣмъ мы отъ него отступимъ».

Гл. 30. Рыцари эти отправились въ путь, пока не пришли въ земли гунновъ, прежде всего къ конунгу Миліасу, и не объявили ему письмо конунга Озантрикса, а вмѣстѣ привѣтъ конунга Озантрикса. Конунгъ Миліасъ милостиво принялъ привѣтъ конунга Озантрикса, велѣлъ прочесть посланіе и пожелалъ услышать, чего конунгъ вилькиновъ хочетъ въ его царствѣ, ибо дотолѣ ему было неизвѣстно, былъ ли и прежде его пріятелемъ и не было неувѣренности, чтобъ слова его посланія были слова дружбы и онъ не былъ его недругомъ; потому конунгу казалось вѣроятнымъ, что онъ жаждетъ (захватить) его царство. Когда же конунгъ Миліасъ услышалъ чтеніе письма и что разумѣлось въ посланіи конунга Озантрикса, онъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «дочь моя Ода воспиталась при моемъ дворѣ, ей отъ роду 15 лѣтъ, ея (руки) просили конунги могущественнѣйшихъ странъ и герцоги, болѣе мощные, чѣмъ конунги (онъ говорилъ это умышленно съ разсчетомъ и привѣтливо) — но мы отказали имъ

въ родственной связи, ибо по истиннѣ мы не можемъ обойтись безъ лицезрѣнія прекрасной дѣвицы Оды, такъ сильно я ее люблю. А этотъ конунгъ Вилькиновыхъ людей такъ гордъ и могуществень, что воображаетъ, что я скорѣе отдамъ свою дочь, чѣмъ захочу увидѣть его войско. — Это онъ узнаетъ на опытѣ». И позвавъ своего казначея, онъ велитъ ему взять тѣхъ пословъ и бросить въ темницу и говоритъ, чтобы они дожидали тамъ конунга Озантрикса.

Гл. 31. Въ эту пору пришли къ конунгу Озантриксу въ землю вилькиновъ два юныхъ вождя, Гертнитъ и Гирдиръ [1]), сыновья его брата Ильи, ярла Греческаго, племянники конунга Озантрикса. Гертниту было тогда одиннадцать лѣтъ отъ роду, а Гирдиру десять. Гертнитъ былъ красивѣйшій и во всѣхъ отношеніяхъ храбрѣйшій изъ мущинъ, ни одинъ рыцарь въ странѣ вилькиновъ не могъ сравниться съ нимъ въ турнирѣ и во всякомъ рыцарскомъ дѣлѣ. Озантриксъ конунгъ поставилъ его вождемъ дружины и далъ ему титулъ ярла, который носилъ и его отецъ, и большой ленъ въ землѣ вилькиновъ.

Гл. 32. Узналъ конунгъ Озантриксъ, что его рыцари, посланные въ страну гунновъ, брошены въ темницу; зоветъ на совѣщаніе своихъ вождей и мудрѣйшихъ мужей и спрашиваетъ совѣта, какъ ему поступить, говоритъ, что его рыцари сидятъ въ оковахъ въ землѣ гунновъ и какъ нечестно конунгъ Миліасъ принялъ его посольство. Онъ объявилъ свое особливое желаніе собрать войско, пойти въ землю гунновъ и биться съ конунгомъ Миліасомъ и заявилъ, что хочетъ либо взять за себя дочь конунга Миліаса, либо умереть. На рѣчь конунга отвѣтилъ одинъ мудрый мужъ и сказалъ, что разумнѣе будетъ еще разъ попытать это дѣло (путемъ) посольства и подарковъ, выразивъ мнѣніе, что конунгу Миліасу могло показаться, что тѣ (послы) явились не съ такимъ достоинствомъ, какъ бы ему желалось и слѣдовало. Конунгъ Озантриксъ принялъ тотъ совѣтъ — послать другихъ, болѣе именитыхъ мужей и въ большемъ числѣ, а съ ними много добра и дружественныхъ даровъ, и посмотрѣть, не обратитъ-ли на то конунгъ вниманіе (въ M[1]: мудрый мужъ совѣтуетъ Озантриксу снарядить послами ярла Гертнита и его брата Osið'а со многими рыцарями). Если-же это не удастся,

---

1) M: Haertnið ok Osið.

отправить другое посланіе, болѣе грозное, чѣмъ прежнія, и дождаться, не пожелаетъ ли конунгъ измѣнить рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ.

Такъ окончилось это совѣщаніе, что самъ конунгъ и всѣ слушавшіе на томъ согласились и порѣшили. Зоветъ къ себѣ конунгъ своего родича Гертнита и говоритъ, что хочетъ послать его въ страну гунновъ къ конунгу Миліасу, просить (руки) его дочери напередъ честными словами и дарами, а коли это не поможетъ, объявить ему, что его ожидаетъ съ нимъ война, если онъ не выдастъ дочери. Ярлъ отвѣчалъ, что онъ готовъ идти, куда захочетъ конунгъ. Тогда конунгъ велѣлъ изготовить другое посланіе, и стояло въ немъ слѣдующее: «Конунгъ Озантриксъ шлетъ слово Миліасу, конунгу гунновъ: вы дурно поступили и непріязненно приняли наше предложеніе и посланіе; вы могли бы такъ устроить, чтобы и намъ и вамъ было почетно; а вы посрамили насъ и нашихъ людей и поступили противно вашему достоинству, схвативъ нашихъ людей и подвергнувъ мученіямъ неповинныхъ мужей. Теперь мы посылаемъ къ вамъ нашего родича ярла Гертнита (M[1]: и Озида), и одиннадцать другихъ рыцарей, именитыхъ мужей. Исполните порученное ему: выпустите изъ мрачной темницы нашихъ людей и передайте ему и вмѣстѣ съ тѣмъ вашу дочь, которую пришлите намъ въ жены съ подобающею честью. Если же вы откажете намъ въ чемъ-либо, чего мы отъ васъ ожидаемъ, то можетъ случиться, что потому самому вы потеряете ваше царство, а съ нимъ и жизнь».

Гл. 33. Конунгъ Озантриксъ велѣлъ снарядить Гертнита въ путь во всѣхъ отношеніяхъ почетнѣйшимъ, какъ только могъ, образомъ, а съ нимъ одиннадцать рыцарей съ золотомъ и серебромъ, всевозможными драгоцѣнностями, и различные великіе подарки послалъ онъ конунгу Миліасу. Ѣдетъ ярлъ Гертнитъ на югъ въ землю гунновъ къ конунгу Миліасу и пріѣхалъ туда, гдѣ пребывалъ конунгъ, когда тотъ сидѣлъ за трапезой; они попросили позволенія войти, и это было имъ дозволено.

Ярлъ Гертнитъ привѣтствовалъ конунга и сказалъ, что Озантриксъ конунгъ страны вилькиновъ посылаетъ ему привѣтъ; и онъ началъ длинную рѣчь и разсказалъ все о своемъ пути и въ чемъ состоитъ его порученіе, и говорилъ объ этомъ дѣлѣ много и красно. Но конунгъ Миліасъ принялъ его рѣчь сурово. Тогда Гертнитъ бралъ пурпуровую ткань и два золотыхъ кубка и шатеръ, выкроенный изъ шелковой ткани, вышитый золотомъ, и говорилъ, что Озантриксъ, конунгъ вилькиновъ, прислалъ это ему въ даръ дружбы и

за тѣмъ, чтобы конунгъ дозволилъ ярлу (исполненіе) дѣла, о которомъ хочетъ просить конунгъ Озантриксъ. Отвѣчалъ тутъ конунгъ Миліасъ, что людямъ вилькина не удастся купить его дочери драгоцѣнными подарками, что такимъ образомъ онъ продаетъ своихъ рабынь, беря за нихъ деньги. Тогда ярлъ Гертнитъ взялъ письмо и печать Озантрикса и показалъ конунгу Миліасу. И когда конунгъ прочелъ письмо, — а прочелъ онъ его самъ, — возговорилъ гнѣвно: «Озантриксъ, конунгъ Вилькиновъ, много о себѣ возмнилъ, будто угрозами и высокомѣрными словами онъ добудетъ дочь мою или мою пріязнь—ибо я забралъ шесть его лучшихъ рыцарей и бросилъ ихъ въ темницу; а теперь брошу туда его племянника Гертнита со всѣми его спутниками, а, можетъ быть, попадется въ ту же темницу и конунгъ Озантриксъ». Тогда ярлъ Гертнитъ (M[1]: и Озидъ) и всѣ его люди были схвачены и посажены въ цѣпяхъ въ темницу.

Гл. 34. Вѣсти эти широко распространились по странѣ; узналъ и конунгъ Озантриксъ, что его племянникъ лежитъ въ цѣпяхъ и въ темницѣ. Тогда онъ послалъ приказъ по всему своему царству и велѣлъ идти съ собою всякому, кто въ состояніи владѣть мечемъ, либо носить щитъ или натянуть лукъ. Всего было у него десять тысячъ рыцарей и три тысячи пѣхотинцевъ. Былъ съ нимъ и конунгъ Аспиліанъ (M[1]: Озантриксъ посылаетъ къ нему і Sioland и велитъ прислать къ нему своихъ братьевъ великановъ) и его братья Авентродъ и Aðgeirr и сильный Видольфъ Миттумстанги, что былъ старшій изъ тѣхъ братьевъ и самъ по себѣ наисильнѣйшій.

Гл. 35. Когда конунгъ Озантриксъ явился съ тѣмъ великимъ войскомъ въ землю Гунновъ, онъ перемѣнилъ свое имя и сказалъ, будто вождь его войска зовется Тидрекомъ (M[1]: Friðrik). Онъ шелъ мирно съ тѣмъ войскомъ, и они никому не дѣлали вреда, не грабили, и имъ открыты были всѣ рынки, дабы покупать все, что имъ потребно. Они встрѣтили конунга Миліаса. Тогда конунгъ Тидрекъ вступилъ въ городъ со своею ратью. У конунга Миліаса было многое множество войска. Конунгъ Тидрекъ попросилъ позволенія войти въ палату и сказалъ, что у него нужное дѣло до конунга; это было ему дозволено (M[1]: ничего не говорится о встрѣчѣ съ Миліасомъ: Озантриксъ подошелъ подъ главный городъ Миліаса, Villcina borg, проситъ у Миліаса позволенія вступить въ него; онъ съ войскомъ будто-бы прибылъ изъ Spania lande и всѣ они готовы служить Миліасу. Изложеніе этой главы въ M[1] подробнѣе и представляетъ

нѣкоторыя отличія: Friðrik прибылъ изъ Испаніи, ибо онъ бѣжалъ отъ Озантрикса; въ городъ впускаютъ его горожане противъ воли Миліаса; Ода не является). Когда конунгъ Тидрекъ предсталъ передъ престолъ конунга Миліаса, онъ такъ сказалъ: «Здравствуйте вы и всѣ ваши люди!» Конунгъ отвѣчалъ: «да порадуетъ васъ Господь! Какъ тебѣ имя, какого ты роду и племени, гдѣ воспитался и куда отправляешься?» Онъ отвѣчалъ: «меня зовутъ Тидрекомъ, родился я въ странѣ Вилькиновъ, былъ я тамъ герцогомъ, пока не разсорился съ конунгомъ Озантриксомъ. Теперь онъ изгналъ меня изъ своего царства, и не могу тамъ изъ-за него оставаться. Хочу я попросить тебя, господинъ, чтобы ты взялъ меня своимъ человѣкомъ, меня со всѣми нашими людьми; и будемъ мы служить вамъ, какъ передъ тѣмъ служили конунгу Озантриксу». Тутъ Тидрекъ упалъ на оба колѣна передъ колѣна конунга Миліаса. Отвѣчалъ тогда конунгъ Миліасъ: «Добрый вождь, сдается мнѣ, что ты былъ могущественнымъ мужемъ въ твоей странѣ. Почему не поладилъ ты съ твоимъ конунгомъ? Тебѣ слѣдъ ему служить; вернись въ свою страну и помирись съ своимъ конунгомъ». Потому такъ говорилъ конунгъ, что, мнилось ему, неизвѣстно было, кто онъ такой. Тогда Тидрекъ палъ на землю къ ногамъ конунга Миліаса, отдавая себя въ его власть и прося принять его къ себѣ. Отвѣчалъ тутъ конунгъ: «Вы привели большое войско въ нашу страну; сдѣлаетесь нашими людьми, можетъ случиться, что вы не такъ хорошо сможете служить (A, B: какъ намъ хотѣлось бы) и мы неполадимъ; и скорѣе наше войско потеряетъ уронъ, чѣмъ намъ удастся выгнать васъ отъ меня». Возговорила Ода, дочь конунга: «Почему же не хочешь ты отдать меня за того конунга, столь могущественнаго, что онъ изгналъ изъ своей страны этого вождя? Думаю я, онъ могъ-бы завоевать всю твою страну своимъ мечемъ, если-бы захотѣлъ предпринять войну противъ васъ». А конунгъ все не хочетъ поднять Тидрека, лежавшаго у его ногъ, ни принять его въ число своихъ людей.

Гл. 36. Услышали это великаны, и Видольфъ Миттумстанги пришелъ въ такой гнѣвъ, что хочетъ убить конунга Миліаса, а другіе два великана его держатъ. А онъ погрязъ обѣими ногами въ землю по щиколку и громко кричитъ: «Господинъ, зачѣмъ лежишь ты у ногъ конунга Миліаса? А ты гораздо именитѣе, чѣмъ онъ. Опустошимъ и разрушимъ его землю и пройдемъ съ огнемъ по всему его царству. Возьми его дочь и держи ее служанкою». Услышалъ Тидрекъ крикъ великана и понялъ, что онъ гнѣвенъ; выслалъ рыцарей и велѣлъ

сказать, чтобъ великаны привязали его къ стѣнѣ замка. Такъ они и сдѣлали, и онъ былъ тамъ привязанъ большими желѣзными цѣпями по рукамъ и ногамъ. Въ третій разъ припалъ Тидрекъ къ ногамъ конунга Миліаса и говоритъ: «Ради Бога и твоего великодушія, которое подобаетъ имѣть каждому повелителю, ради твоего царства и мужества даруй мнѣ и моимъ людямъ миръ въ твоей странѣ, ибо я не въ состояніи пребыть въ моей волости передъ лицемъ могучаго Озантрикса; а коли ему удастся схватить меня, я тотчасъ буду повѣшенъ». Отвѣчалъ конунгъ Миліасъ: «встань, человѣче, и пойди прочь и ступай съ миромъ изъ моего царства. Городъ этотъ весь полонъ вашими воинами, не хотимъ мы имѣть чужеземнаго войска въ нашемъ царствѣ. А если такъ не сдѣлаете, заговорятъ (kveđa) наши рога, наши рыцари вооружатся и насильно выгонятъ васъ изъ города». Услышалъ эту рѣчь конунгъ Аспильянъ и такъ разгнѣвался, что его господинъ лежитъ у ногъ конунга Миліаса, что вошелъ въ покой, поднялъ кулакъ и ударилъ имъ по уху царя Миліаса, такъ что онъ тотчасъ упалъ въ обморокъ. Тогда вскочилъ конунгъ Озантриксъ и размахнулся мечемъ, а съ нимъ и всѣ бывшіе тамъ вилькины. Узналъ Видольфъ Миттумстанги, что его братъ Аспильянъ пришелъ въ гнѣвъ, разбилъ всѣ желѣзныя цѣпи, которыми былъ связанъ, схватилъ свою желѣзную палицу и сталъ бѣгать по замку, убивая мужей и женъ и дѣтей и скотъ, и все, что попадалось ему живого, громко крича: «Гдѣ ты, господинъ ярлъ Гертнитъ? будь веселъ и доволенъ, я тотчасъ приду освободить тебя». Услышалъ Гертнитъ голосъ великана и былъ радостенъ. Стали они биться въ темницѣ; былъ тамъ одинъ рыцарь, по имени Германъ, такой сильный, что ему удалось разбить темницу; они выбѣжали туда, гдѣ слышали голосъ великана; и всѣ вмѣстѣ Вилькиновы люди убили тамъ людей безъ числа, а конунгъ Миліасъ убѣжалъ.

Гл. 37. Тогда взяли вилькины Оду, дочь конунга Миліаса, и все его движимое имущество, какое было въ замкѣ, и доставили вождю вилькиновъ. Говорилъ онъ ей: «Хотя отецъ твой не хотѣлъ отдать тебя за конунга Озантрикса, я поведу теперь тебя къ моему господину и вкуплюсь такимъ образомъ въ его миръ, и заслужу его дружбу». Она отвѣчала: «До того дошло теперь наше дѣло, что вы будете рядить, какъ заблагоразсудится, доброе или злое». Бралъ тогда властитель башмакъ, скованный изъ чистаго серебра, посадилъ дочь конунга къ себѣ на колѣни и надѣлъ башмакъ на ея ногу; и онъ оказался ни слишкомъ широкимъ, ни слишкомъ узкимъ, а та-

кимъ, какъ будто на то былъ сдѣланъ. Снялъ онъ башмакъ и надѣлъ другой, что былъ сдѣланъ изъ чистаго золота, надѣлъ на ту же ногу и хочетъ посмотрѣть, придется ли онъ по ней, — а онъ пришелся въ половину лучше прежняго. Тогда погладила дочь конунга свою ногу (legg) и говоритъ, поднявъ глаза къ верху: «Боже небесный, когда будешь ты ко мнѣ столь милостивъ, чтобъ дожить мнѣ до того дня, когда я могла бы также гладить мою ногу на престолѣ конунга Озантрикса!» Отвѣчалъ тутъ конунгъ и засмѣялся: «сегодня благъ и милостивъ къ тебѣ Господь, ибо ты можешь гладить твою ногу (fot) на престолѣ Озантрикса, конунга людей Вилькиновой страны». Тутъ она догадалась, что явился самъ конунгъ Озантриксъ, и приняла его любезно и привѣтливо.

Гл. 38. Послѣ этого конунгъ Озантриксъ отправился домой, съ нимъ дочь конунга. Немного спустя конунгъ Озантриксъ послалъ людей къ Миліасу, хочетъ съ нимъ помириться. Конунгъ Миліасъ назначилъ половину своего царства своей дочери и мужу, который ее пойметъ; а конунгъ Озантриксъ хочетъ взять Оду себѣ въ жены, но не желаетъ умалить царства своего свояка конунга Миліаса, а предоставилъ ему въ управленіе, пока онъ живъ, а послѣ (смерти) Миліаса конунга забрать все царство вмѣстѣ съ женой своей Одой. На этомъ помирились конунги. Конунгъ Озантриксъ велѣлъ устроить почетную свадьбу. Послѣ того Озантриксъ конунгъ правилъ своимъ царствомъ, а конунгъ Миліасъ землей гунновъ. У Озантрикса конунга была отъ жены одна дочь, по имени Эрка; она была красивѣйшая и привѣтливѣйшая всѣхъ дѣвушекъ во всѣхъ отношеніяхъ, какія могутъ украсить (bœta) женщину.

Гл. 39. Озидъ звался конунгъ, царствовавшій въ Фрисландіи; онъ былъ могущественный и великій властитель, равно надъ землями и надъ движимой собственностью. У него было два сына, старшаго звали Ortnit (вар. Ortun A, Ortunint B), а младшаго Аттила. Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ рослый и сильный мочью, хорошій ѣздокъ на конѣ, щедрый достаткомъ, мудрый и честолюбивый и во всѣхъ отношеніяхъ рьяный витязь. Когда ему было двѣнадцать лѣтъ отъ роду, Озидъ поставилъ его вождемъ надъ всѣми вождями. Конунгъ Аттила часто дѣлалъ набѣги со своимъ войскомъ на царство конунга Миліаса; и такъ какъ конунгъ ослабѣлъ отъ старости и не было у него ни одного сына на защиту его царства, Аттила причинялъ большой уронъ его царству и забралъ многіе города

(borgar) въ его землѣ. Въ это время конунгъ Миліасъ опасно заболѣлъ, позвалъ къ себѣ своихъ вождей и говорилъ съ ними тайно о многомъ и сильно сѣтовалъ о томъ, что нѣтъ у него ни одного сына, которому бы оставить управлять послѣ него царствомъ; его дочь выдана на сѣверъ въ страну вилькиновъ, его свояку (magr) Озантриксу теперь слишкомъ далеко, чтобъ оберечь его царство; а господинъ Аттила, сынъ Озида конунга, совершаетъ многіе набѣги на землю гунновъ; почему ему и кажется, что власть надъ гуннской землей выйдетъ изъ его рода; и ему было бы желательно, чтобы конунгъ Озантриксъ вступилъ во владѣніе царствомъ и охранилъ его отъ Аттилы. Отъ этой печали и оттого, что онъ былъ сильно боленъ, конунгъ Миліасъ скончался; много сѣтовали по немъ во всей странѣ гунновъ, ибо онъ былъ миролюбивъ и щедръ и хорошо соблюдалъ законы, пока правилъ Гуналандомъ.

Гл. 40. Когда узналъ Аттила, сынъ Озида конунга, что умеръ Миліасъ, конунгъ гунновъ, созвалъ многочисленное собраніе (þing), велѣлъ притти къ нему и своимъ друзьямъ. Онъ сталъ держать пространную рѣчь, какъ ему хорошо удался походъ въ Гуналандъ, какъ много городовъ онъ забралъ въ Гуналандѣ изъ подъ власти конунга Миліаса. Потому онъ клянется, что никогда не вернется въ царство своего отца прежде, чѣмъ не добудетъ всего Гуналанда. При его рѣчи поднялся большой крикъ и большую часть того дня всѣ хвалили его за его щедрость и храбрость и какъ онъ сталъ гораздо болѣе могущественнымъ, чѣмъ дотолѣ были его родичи.

Гл. 41. И вотъ Аттила сдѣланъ (tecinn) былъ конунгомъ надъ войскомъ и его дружинники назвали его конунгомъ, а онъ поклялся имъ взаимно (соблюдать) право и законъ. Послѣ того конунгъ Аттила прошелъ, опустошая всю землю гунновъ; и были у него многія битвы прежде, чѣмъ онъ добылъ своимъ мечемъ все царство, которымъ владѣлъ конунгъ Миліасъ. У конунга Миліаса была столица въ мѣстѣ, называемомъ Vallterborg (вар. M[1] Villcinaborg; B Villeraborg); а конунгъ Аттила поставилъ свой городъ въ мѣстѣ, что зовется Susa, а теперь Susack (M[1]: Susat). Сталъ онъ могущественнѣйшимъ конунгомъ. Долгое время было большое несогласіе между ними и народомъ вилькиновъ, ибо конунгу Озантриксу представлялось, что конунгъ Аттила захватилъ силой (at hernaðe) царствомъ, которымъ владѣла его королева Ода, а передъ тѣмъ ея отецъ, конунгъ Миліасъ. А конунгъ Аттила держалъ всю область (riki), что принадлежитъ къ Гуналанду, такъ что конунгъ Озантриксъ не

получалъ оттуда никакой дани. Умеръ конунгъ Osið, отецъ конунга Аттилы, его старшій сынъ Ortnið взялъ его царство и сталъ конунгомъ въ Фрисландіи. У него былъ одинъ сынъ, по имени Osit (M[1] Osið); онъ послалъ его къ конунгу Аттилѣ, гдѣ онъ и воспитывался. Озидъ былъ изъ всѣхъ мужей храбрѣйшій и быстрѣйшій, конунгъ Аттила поставилъ его въ дружинѣ вождемъ надъ многими своими рыцарями. Такъ оставалось царство въ теченіе долгаго времени.

Гл. 42. Случилось однажды, что конунгъ Аттила позвалъ къ себѣ своего родича (fraenda) Osið'а и говоритъ, что хочетъ послать его на сѣверъ въ страну вилькиновъ къ конунгу Озантриксу по дѣлу, просить (руки) его дочери Эрки для конунга Аттилы. Для этой поѣздки конунгъ Аттила выбралъ и другого витязя (hœfðingia), что въ дружинѣ былъ герцогомъ надъ рыцарями конунга Аттилы, по имени Родольфа (M[1] нѣтъ спутника), и далъ имъ въ спутники двадцать рыцарей, выбранныхъ изъ его дружины за ихъ обходительность и вѣжество, и каждый (изъ нихъ) имѣлъ по два хорошо снаряженныхъ молодца (конюшихъ, sveina). Снарядили эту поѣздку во всѣхъ отношеніяхъ почестно. Озидъ и Родольфъ поѣхали своимъ путемъ, пока не прибыли въ землю вилькиновъ; и была имъ удача. Нашли они конунга Озантрикса въ Sviþioð'ѣ; онъ привѣтливо принималъ посланцевъ иноземныхъ конунговъ, и пожелалъ узнать, въ чемъ ихъ дѣло (orendi), хотя конунгъ Аттила и былъ ему недругомъ. Озидъ передалъ конунгу Озантриксу все ихъ порученіе и говоритъ, что конунгъ Аттила хочетъ взять за себя его дочь Эрку. Дѣло это конунгъ Озантриксъ принялъ немилостиво, говоритъ, что конунгъ Аттила лишилъ его царства и сталъ большимъ врагомъ Вилькиновыхъ людей. „Но," говоритъ конунгъ Озантриксъ, „послы добро пожаловали и пусть останутся, сколько пожелаютъ." Озидъ и Родольфъ видятъ, что изъ ихъ дѣла ничего не выйдетъ, и пожелали отправиться домой, что и сдѣлали. И когда ѣхали домой, говорили промежъ себя, что ни одной женщины не видали, равной по красотѣ Эркѣ, а послѣ нея — Бертѣ, ея сестрѣ, другой дочери конунга Озантрикса. Приходятъ Озидъ и Родольфъ домой и говорятъ конунгу Аттилѣ о своемъ путешествіи, какъ оно обошлось и какъ конунгъ Озантриксъ неохотно принялъ его предложеніе отдать свою дочь за конунга Аттилу.

Гл. 43. Посылаетъ Аттила конунгъ вѣсть маркграфу Родингейру, который властвовалъ въ городѣ, что зовется Bakalar. Былъ онъ

небольшимъ вождемъ (hofðingi) въ царствѣ конунга Аттилы. И когда маркграфъ прибылъ въ Сузу къ конунгу Аттилѣ, конунгъ Аттила говоритъ, что хочетъ послать его на сѣверъ въ землю вилькиновъ къ конунгу Озантриксу просить (руки) его дочери Эрки для конунга Аттилы. «Если онъ пожелаетъ отказать намъ въ своей дочери и учинитъ намъ безчестіе, не скрой отъ него, что ему надо изготовить себя и свое царство противъ гуннскаго войска». Ѣдетъ маркграфъ Родингейръ, пока не прибылъ въ страну вилькиновъ. Съ нимъ было 60 рыцарей и пять молодцовъ (sveina); и его хорошо принимали, куда онъ ни являлся, ибо онъ былъ славнѣйшій и повсюду любимѣйшій изъ всѣхъ вождей, особливо за щедрость, которой онъ превосходилъ всѣхъ мужей; онъ былъ отважнѣйшимъ надо всѣми въ турнирѣ. Когда онъ пришелъ въ страну вилькиновъ, явился къ Озантриксу конунгу. Конунгъ принялъ его отмѣнно хорошо, чего онъ и заслуживалъ, устроилъ роскошный пиръ и позвалъ къ себѣ многихъ своихъ друзей.

Гл. 44. Три дня шелъ этотъ пиръ, возговорилъ тутъ маркграфъ Родингейръ конунгу Озантриксу: «Послушайте слово посланія, пришедшаго къ вамъ изъ Гуналанда. Могучій конунгъ Аттила шлетъ привѣтъ конунгу Озантриксу и молитъ у Господа помощи вамъ и вашему царству, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ взять за себя дочь вашу Эрку съ такимъ добромъ и почетомъ, какъ прилично и вамъ и ему. За это онъ обѣщаетъ воздать вамъ цѣнными дарами и дружбой, его царство въ великой славѣ во всемъ Гуналандѣ и онъ славнѣе всѣхъ конунговъ». Отвѣчалъ конунгъ Озантриксъ: «хорошій ты витязь, маркграфъ Родингейръ, и хорошо исполнилъ порученіе твоего господина, конунга Аттилы. Но намъ кажется удивительнымъ, что конунгъ Аттила такъ смѣлъ, что дерзаетъ просить нашей дочери, ибо онъ взялъ съ боя (at hérnaði) наше царство, отъ этого одного онъ и возгордился. А отецъ его Озидъ былъ незначительнымъ конунгомъ, и родъ его не такъ знатенъ, какъ были русскіе люди (Rusimenn), наши родичи. Зачѣмъ мнѣ такъ много его чествовать, отдавъ за него дочь мою, красавицу Эрку, которая мнѣ милѣе большей доли моего царства? Пойдите съ миромъ по всей нашей странѣ, добро къ намъ пожаловали; а конунгъ Аттила пусть не надѣется, чтобы я отдалъ ему дочь мою Эрку». Отвѣчалъ маркграфъ Родингейръ: «Господинъ, сказалъ онъ, конунгъ Аттила полагалъ, что коли онъ пошлетъ насъ, мы исполнимъ его порученіе, какъ онъ сказалъ; и такъ и будетъ. Конунгъ Аттила великій воинъ;

у него много храбрыхъ рыцарей и многія тысячи такихъ, которымъ любо сражаться. Если вы не хотите отдать конунгу Аттилѣ вашу дочь, надо ожидать, что онъ причинитъ большой ущербъ вашему царству; готовьтесь къ тому, что онъ опустошитъ вашу страну, ему ли или вамъ суждено побѣдить другого». Конунгъ Озантриксъ отвѣчалъ со смѣхомъ: „хорошій ты мужъ (drengr), маркграфъ Родингейръ, исполняешь свое порученіе, какъ тебѣ приказано, и никакое обвиненіе наше не падетъ на тебя; а господинъ твой, конунгъ Аттила, пусть поскорѣе приходитъ съ своимъ войскомъ въ страну вилькиновъ, мы ни мало его не боимся; и скажетъ онъ, прежде чѣмъ вернется, что у Вилькиновыхъ людей острые мечи, крѣпкіе щиты, твердыя брони и добрые кони, и что они не лѣнивы биться». Маркграфъ Родингейръ поѣхалъ прочь, а конунгъ Озантриксъ далъ ему хорошіе дары. Поѣхалъ онъ своей дорогой, пока не прибылъ въ Сузу къ конунгу Аттилѣ, говоритъ ему о своемъ путешествіи, и что нѣтъ никакой надежды, что конунгъ Озантриксъ отдастъ ему свою дочь.

Гл. 45. Какъ услышалъ конунгъ Аттила эти вѣсти, послалъ приказъ по всему своему царству и собралось у него войско, хочетъ онъ поѣхать въ страну вилькиновъ отомстить за свое безчестіе. Когда конунгъ Аттила выѣхалъ изъ Сузы, у него было пять тысячъ рыцарей и много другого войска (M[1] шесть тысячъ войска и большое войско, что зовется сержантами, saergennter). Съ тѣмъ войскомъ онъ поѣхалъ на сѣверъ въ страну Вилькиновъ, выжигая и опустошая всюду, гдѣ проходилъ. (M[1] Озантриксъ посылаетъ въ Sioland за Аспиліаномъ и его братьями). Тутъ вышелъ навстрѣчу ему съ своимъ войскомъ конунгъ Аспиліанъ; и была великая битва и прежде чѣмъ она кончилась, люди Вилькиновы обратились въ бѣгство, а передъ тѣмъ потеряли 500 человѣкъ. Конунгъ Аттила преслѣдовалъ бѣгущихъ въ самую страну вилькиновъ; тогда конунгъ Аспиліанъ и его братъ Эдгейръ убѣжали въ Austrriki, а Видольфъ mittumstangi и его братъ Aventrod къ конунгу Озантриксу; конунгъ же Аттила забралъ все движимое имущество Аспиліана и много другой военной добычи. Когда конунгъ Озантриксъ узналъ, что Аттила воюетъ въ его царствѣ, собралъ войско и пошелъ противъ него; и когда прибылъ на югъ въ Ютландію (Iotland), было у него десять тысячъ рыцарей и много другого войска, и хотѣлъ онъ биться съ конунгомъ Аттилой. Конунгъ Аттила отступилъ на югъ, въ Гуналандъ; а конунгъ Озантриксъ за нимъ со всѣмъ своимъ

войскомъ. Конунгъ Аттила прибылъ тѣмъ временемъ въ лѣсъ, что лежитъ между Даніей (Danmerkr) и Гуналандомъ, разбилъ свои шатры и хочетъ подождать, пойдетъ ли конунгъ Озантриксъ изъ своего царства въ Гуналандъ (M[1]: послѣ битвы съ Озантриксомъ, Аттила бѣжитъ къ вечеру въ одинъ лѣсъ и—за лѣсъ. Озантриксъ преслѣдуетъ его до лѣса; а лѣсъ былъ большой и ночью надо остановить преслѣдованіе. Озантриксъ разбилъ шатры у лѣса, на другую его сторону Аттила съ войскомъ спасается бѣгствомъ).

Гл. 46. А добрый рыцарь Родольфъ стоялъ на сторожѣ въ лѣсу. Когда прибылъ туда съ своимъ войскомъ конунгъ Озантриксъ, остановилъ войско и велѣлъ разбить свои шатры. Когда Родольфъ узналъ эти вѣсти, поѣхалъ назадъ къ войску конунга Аттилы и взялъ 300 рыцарей, вполнѣ вооруженныхъ; тутъ наступила ночь и стало почти темно. Тогда Родольфъ вернулся со своими людьми въ лѣсъ и встрѣтилъ у лѣса двѣнадцать стражей конунга Озантрикса и всѣхъ ихъ перебилъ. Поѣхали они къ шатрамъ конунга Озантрикса и затрубили во всѣ свои рога и убивали всё, что имъ попадалось, людей и коней. Много ущерба учинилъ въ войскѣ Родольфъ и товарищи; было у него дѣло съ большой силой, онъ и отъѣхалъ прочь, назадъ въ лѣсъ, дѣлаетъ смотръ своимъ людямъ: всѣ у него на лицо, и не сильно ранены, а у конунга Озантрикса убито 500 человѣкъ. Тогда Родольфъ вернулся къ войску конунга Аттилы и разсказалъ ему о своей поѣздкѣ. Конунгъ Аттила говоритъ, что Господь воздастъ ему за то, и самъ онъ его хорошо наградитъ. Послѣ того отправился конунгъ Аттила домой въ Сузу, а конунгъ Озантриксъ вернулся въ свое царство. На томъ они разстались. (M[1]: Родольфъ убиваетъ у Озантрикса 600 рыцарей; когда же войско Озантрикса выступило противъ него, бѣжитъ къ Аттилѣ, совѣтуетъ ему вернуться въ землю гунновъ: теперь больше ничего не сдѣлаешь. Аттила благодаритъ за совѣтъ, который и приведенъ въ исполненіе; долгое время Аттила и Озантриксъ не воевали другъ съ другомъ).

Гл. 47. Когда конунгъ Аттила былъ дома, въ Сузѣ, случилось однажды, что герцогъ Родольфъ явился къ нему и скалалъ: «Властитель, у меня къ вамъ одна просьба, дайте мнѣ 300 рыцарей (M[1] и своего племянника Озида) на одну поѣздку и столько золота и серебра, сколько мнѣ кажется нужнымъ для этой поѣздки». Конунгъ Аттила отвѣчалъ: «Куда хочешь ты ѣхать, что тебѣ потребно такъ много народу?» Отвѣчалъ Родольфъ: «Что вамъ за дѣло, куда

я намѣреваюсь (ѣхать)? Коли я не вернусь, когда пройдутъ три зимы, то буду мертвъ». Аттила говоритъ, что согласенъ, чтобъ онъ взялъ все, о чемъ проситъ. Родольфъ выѣхалъ изъ Сузы съ 300 рыцарями (M¹; пустилъ слухъ, что ѣдетъ на западъ въ Испанію просить для Аттилы руки царской дочери) и свернулъ на дорогу на сѣверъ къ странѣ Вилькиновъ; пріѣхали они въ пустынный лѣсъ и разбили свои шатры. Когда они провели тамъ одну ночь, Родольфъ позвалъ на совѣтъ всѣхъ своихъ людей и такъ говоритъ: «Этотъ лѣсъ пустынный, и людямъ нѣтъ дороги по близости; здѣсь, мужи мои, вы останетесь и сдѣлайте себѣ домъ, пока я не приду къ вамъ; а это золото и серебро, которое я даю вамъ, держите его на пищу и одежду и питье (чтобы было все) хорошо и прилично, посылайте своихъ людей въ села (herað—country) закупить, что вамъ нужно (M¹: править своими людьми Родольфъ оставляетъ Озида). И какъ я не приду къ вамъ по прошествіи трехъ зимъ, поѣзжайте домой и скажите конунгу Аттилѣ, что я вѣроятно (man vera) умеръ». Взялъ онъ клаколъ (höttr) и коня и поѣхалъ въ страну вилькиновъ, назвавъ себя Сигфридомъ, что по нашему Сигурдомъ.

Гл. 48. О его пути нечего сказывать, пока онъ не прибылъ къ конунгу Озантриксу. Когда онъ прибылъ къ палатѣ конунга, попросилъ себѣ позволенія войти въ палату. Былъ онъ старый, плохо зрячій человѣкъ и на немъ былъ клаколъ, такъ что почти не видать было его лица. Когда онъ пришелъ передъ царя, палъ къ его ногамъ и говорилъ: «Господинъ конунгъ Озантриксъ, ради Бога даруй мнѣ прощеніе передъ лицемъ твоей царственности (fyrir yðarn konungdom)». Отвѣчалъ конунгъ Озантриксъ: «Кто ты? и куда направляешься и откуда идешь? Ты говоришь, какъ наши враги: зачѣмъ пришелъ ты сюда?» Родольфъ отвѣчалъ: «Господинъ, я родился въ Гуналандѣ, тамъ у меня родина; и былъ я могущественнымъ мужемъ, а также и мой отецъ. Мнѣ имя Сигурдъ, и убѣжалъ я изъ моей волости (riki) отъ моихъ непріятелей». Отвѣчалъ конунгъ Озантриксъ: «Ты гуннъ родомъ и по твоему росту какъ будто всего болѣе походишь на Родольфа, мужа конунга Аттилы, что совершилъ намъ (однажды) такъ много вреда, что убилъ на одномъ полѣ (битвѣ, velli) пятьсотъ человѣкъ. Еслибъ я могъ схватить его руками, онъ висѣлъ бы передъ моимъ городомъ». Отвѣчалъ Сигурдъ: «Никогда не было лада у насъ съ конунгомъ Аттилой. Былъ я мужемъ конунга Миліаса и было у меня три другихъ брата; а конунгъ Аттила одного изъ нихъ повѣсилъ, другого убилъ мечемъ, а

третьяго ранилъ; и онъ еще лежалъ раненый, когда я уѣхалъ прочь; и не знаю, будетъ-ли ему смерть или нѣтъ. (M[1]: на подозрѣніе Озантрикса, что онъ Родольфъ, Сигурдъ отвѣчаетъ, что его не знаетъ, но знаетъ, что онъ многимъ сотворилъ зло ради Аттилы. Самъ онъ послѣ пораженія Миліаса не захотѣлъ служить Аттилѣ, такъ и его четыре брата. Аттила ихъ убилъ, а Сигурда лишилъ его достоянія и сдѣлалъ изгоемъ). Послѣ того я убилъ передъ лицемъ его сто человѣкъ и сжегъ пять его дворовъ и затѣмъ бѣжалъ изъ Гуналанда». Отвѣчалъ конунгъ: «Это храброе дѣло ты совершилъ; Господь да наградитъ тебя за то, добро къ намъ пожаловалъ. А коли правда то, что ты говоришь, я дамъ тебѣ ярлство и столь большую волость (riki), какъ ты того самъ пожелаешь». Отвѣчалъ Сигурдъ: «Господинъ, я хочу провести нѣсколько зимъ въ твоей дружинѣ; и если твои люди будутъ ладить со мною и мнѣ здѣсь покажется хорошо, я возблагодарю тебя за то». Показалось конунгу, что онъ говоритъ дѣло (vel maelt); и онъ пожелалъ, чтобы такъ все и было. Жилъ онъ тамъ двѣ зимы и за всё это время не говорилъ съ Эркой, дочерью конунга.

Гл. 49. Тутъ прибылъ къ конунгу изъ Сваваланда (M[1]: af Svauaralande) нѣкій конунгъ, по имени Нордунгъ; пришелъ онъ просить (руки) Эрки, дочери конунга Озантрикса. Былъ онъ могущественный конунгъ. Это дѣло (mali) сильно поддерживали ярлъ Гертнитъ и братъ его Гирдиръ (M[1]: многіе добрые люди; именъ нѣтъ); Нордунгъ былъ большой ихъ пріятель. Конунгъ Озантриксъ хорошо принялъ это предложеніе (mali), если на то будетъ согласіе его дочери, и велѣлъ приготовить большое роскошное угощеніе, пока конунгъ Нордунгъ жилъ у него. А Эрка, дочь конунга, сидитъ въ одномъ замкѣ, куда никогда не долженъ былъ являться мужчина; и было тамъ съ нею сорокъ именитыхъ дѣвушекъ. Говорилъ тогда Озантриксъ конунгъ пріятелю своему Сигурду: «Ты пробылъ въ моемъ царствѣ двѣ зимы, ты мудрый мужъ и хорошій витязь, вѣрный и правдивый; я хочу послать тебя посѣтить дочь мою Эрку въ ея замкѣ и сказать, что конунгъ Нордунгъ проситъ ея (руки); поговори съ ней (rœða firir henni?): какъ приметъ она его предложеніе. Конунгъ Озантриксъ и конунгъ Нордунгъ сидѣли снаружи на стѣнѣ бурга, пока это происходило.

Гл. 50. По приказанію конунга, Сигурдъ пошелъ къ дочери конунга и проситъ отперeть себѣ замокъ. Когда конунгова дочь узнала, что это посланецъ ея отца, она хорошо его приняла, просила пожало-

вать и сказать, какое дѣло (привело) его сюда. И еще она говорила: «Ты видно мудрый и хитрый мужъ: ни одинъ мужъ, проведшій у моего отца дважды двѣнадцать мѣсяцевъ, не велъ себя такъ, какъ ты, который ничего не разузнавалъ кромѣ того, что полезно и вамъ дозволено; и никогда ты не приходилъ къ намъ за все время, какое здѣсь пробылъ». Отвѣчалъ Сигурдъ: «Госпожа, не обычно въ нашей странѣ, чтобы мужчина ходилъ къ своей королевѣ (drottning), поздно или рано, и никогда, развѣ дозволитъ это самъ конунгъ, и не могутъ иноземные мужи бесѣдовать съ именитыми дѣвушками. Это вѣжество я перенялъ въ Гуналандѣ; а такъ какъ самъ конунгъ послалъ меня для бесѣды съ вами, мы будемъ говорить о тайныхъ предметахъ». Говорила тогда Эрка сестрѣ своей Бертѣ: «Выйди изъ замка а (также) и вы всѣ; мы здѣсь останемся вдвоемъ, и онъ доложитъ мнѣ о своемъ дѣлѣ». Сигурдъ отвѣчалъ: «Госпожа, выйдемъ въ садъ, это гораздо приличнѣе, и будемъ тамъ вести нашу бесѣду, ибо конунгъ сидитъ на стѣнѣ своего бурга и можетъ тамъ видѣть, какъ мы ведемъ себя, а тѣмъ не менѣе никто не пойметъ нашихъ словъ: тогда ни одинъ мужъ не заподозритъ, что такое говоритъ иноземный мужъ съ дочерью конунга, и какое было мнѣ сюда порученіе». Отвѣчала Эрка: «По истинѣ ты вѣжливый рыцарь, въ молодомъ возрастѣ научился хорошей снаровкѣ (goða list). Тутъ позвала Эрка сестру свою Берту, чтобъ она взяла двѣ подушки и вынесла въ садъ съ яблонями.

Гл. 51. Вышли они и сѣли подъ прекраснымъ деревомъ; а конунгъ Озантриксъ и конунгъ Нордунгъ видятъ, гдѣ они сидятъ. Всѣ дѣвушки удалились отъ нихъ. Возговорилъ Сигурдъ: «Госпожа, погляди-ка сюда, когда я сниму свой клаколъ. Я обманулъ мужей, я обманулъ женъ, обманулъ конунга Озантрикса, обманулъ Нордунга конунга, обманулъ и тебя, госпожа. Я не Сигурдъ; а я герцогъ Родольфъ, человѣкъ конунга Аттилы. Онъ послалъ меня къ тебѣ, дабы ты поступила такъ хорошо, согласно съ твоимъ вѣжествомъ, что признала бы его своимъ господиномъ: возьми его мужемъ себѣ и будь ему молодой женой. Онъ подаритъ тебя сыновьями, множествомъ вѣжливыхъ рыцарей, большими бургами, множествомъ золота и серебра; ты будешь носить вышитый золотомъ пурпуръ, и всѣ твои дѣвушки и ближнія жены будутъ именитыя и будутъ носить шитую золотомъ парчу (pell). Могущественные герцоги будутъ носить (подолъ?) твоихъ платьевъ, и сама ты будешь царицей наибольшей во всемъ свѣтѣ». Отвѣчала Эрка въ

большомъ гнѣвѣ и ярости и позвала: «Милая сестра моя, послушай-ка, какое дѣло у этого мужа. Онъ не Сигурдъ, а герцогъ Родольфъ, человѣкъ конунга Аттилы. Онъ обманулъ меня и обманулъ моего отца. Ступай къ моему отцу и скажи ему эту вѣсть, онъ тотчасъ убьетъ его за то, что побилъ пятьсотъ человѣкъ передъ лицомъ моего отца; за это самое онъ и долженъ быть скоро повѣшенъ». Отвѣчалъ тутъ Родольфъ: «Лучше сдѣлай то, о чемъ я тебя прошу; поѣзжай со мной и будь женой конунга Аттилы и его царицей; а юная Берта, ваша сестра, будетъ мнѣ женой». Отвѣчала Берта, говорила Эркѣ: «Госпожа, ты дочь конунга и не должна безчестить человѣка, попавшаго въ твою власть, довѣрившись (тебѣ); вотъ что будетъ тебѣ въ честь: пусть идетъ себѣ, куда хочетъ. А что ты сказала однажды, сестра Эрка, такъ что и я слышала? Не то-ли: Боже небесный, дай мнѣ стать царицей (drottning) Гуналанда и царицей конунга Аттилы? Подумай ты теперь объ этомъ; вотъ Господь даруетъ тебѣ, о чемъ ты просила. Не слѣдъ тебѣ безчестить иноземнаго мужа, быть тебѣ могущественной царицей Гуналанда, и я поѣду съ тобой». Прежде чѣмъ Берта высказала свое мнѣніе (œrendi), Родольфъ хотѣлъ встать и уйти, ибо думалъ, что Эрка скажетъ своему отцу, какъ она ему и пригрозила. И вотъ она кличетъ: «Послушай, добрый витязь Родольфъ, вернись назадъ и не уходи. Я хочу стать царицей конунга Аттилы, а Берта твоей женой, и вотъ даю тебѣ свое золотое кольцо въ залогъ того, что все будетъ такъ, какъ я говорю тебѣ». Видѣли то конунгъ Нордунгъ и конунгъ Озантриксъ, что она дала ему золотое кольцо, и полагаютъ, что она захочетъ взять (eiga) конунга Нордунга; а о немъ на самомъ дѣлѣ и не говорили.

Гл. 52. Тогда Сигурдъ удалился оттуда и пошелъ къ конунгу въ бургъ. Говоритъ конунгъ Нордунгъ: «Милый другъ Сигурдъ, по правдѣ-ли ты исполнилъ мое порученіе? Если хорошо исполнилъ и привелъ къ концу, я за это тебя награжу; ты сдѣлаешься моимъ ярломъ, и я хочу дать тебѣ большую власть (riki)». Отвѣчалъ Сигурдъ: «Господинъ, по правдѣ она сказала мнѣ, что не хочетъ понять себѣ мужа въ эти 12 мѣсяцевъ; и въ утвержденіе этихъ словъ (mals) она дала мнѣ золотое кольцо. Посмотри, господинъ, на это золотое кольцо. И да поможетъ мнѣ Богъ, я исполнилъ мое порученіе, какъ умѣлъ, и не могъ я исполнить его лучше; и я полагаю, не многіе иноземные мужи исполнили бы то лучше и отважнѣе передъ лицомъ столь-же именитыхъ мужей». Тогда отвѣтилъ ко-

нунгъ Нордунгъ, говоритъ, что охотно подождетъ, если въ слѣдующіе 12 мѣсяцевъ покончится наше дѣло, и проситъ Сигурда принять большую благодарность за его хожденіе. Послѣ ихъ разговора Нордунгъ снарядился въ обратный путь въ свое царство.

Гл. 53. Конунгъ Озантриксъ позвалъ къ себѣ своего пріятеля Сигурда; и когда Сигурдъ явился къ престолу конунга, говорилъ конунгъ Озантриксъ: «Добрый другъ Сигурдъ, ты пробылъ двѣ зимы въ моемъ царствѣ; и теперь я узналъ, что ты вѣжливый рыцарь и, должно быть, могущественный, по роду, человѣкъ въ твоей странѣ. Хочу я дать тебѣ нѣкую почесть (ríki): ты будешь начальникомъ моей дружины и будешь ѣздить съ моимъ войскомъ и защищать мою страну». Отвѣчаетъ Сигурдъ: «Не отплатилъ я конунгу Аттилѣ, за то, что онъ убилъ моихъ братьевъ и выгналъ меня изъ моей волости (ríki) [1]. Еще раненъ былъ мой юный братъ Алибрандъ, теперь онъ здоровъ, хочу я посѣтить его, господинъ, и онъ сдѣлается твоимъ служилымъ человѣкомъ. Онъ гораздо болѣе храбрый мужъ, чѣмъ я, и лучше меня рыцарь; и вамъ будетъ честь отъ его службы». Отвѣчалъ конунгъ Озантриксъ, и ему показалось то ладно, чтобъ онъ поѣхалъ къ своему брату, и оба пришли и стали его людьми.

Гл. 54. Послѣ того Родольфъ отъѣхалъ, пока не прибылъ въ тотъ лѣсъ, гдѣ были его рыцари; а они хорошо (продержались) съ тѣхъ поръ, какъ разстались. Взялъ онъ къ себѣ въ спутники Озида, молодого племянника конунга Аттилы; они проѣхали всю дорогу, что ведетъ къ странѣ Вилькиновъ, къ конунгу Озантриксу. Сигурдъ явился передъ престоломъ конунга, поклонился и привѣтствовалъ почестно; а конунгъ милостиво (vel) поздоровался съ своимъ пріятелемъ Сигурдомъ-Сигфреидомъ (Sigfroeyð) и спрашиваетъ его, какъ ему повелось. Онъ отвѣчалъ: «Вотъ пришелъ молодой Алибрандъ, братъ мой; ты увидишь, какой онъ красивый мужъ». Озантриксъ конунгъ хорошо приналъ ихъ обоихъ и говоритъ, что сдѣлаетъ каждаго изъ нихъ большимъ человѣкомъ (вождемъ? hofðingia) въ своемъ царствѣ. — Когда они пробыли тамъ семь дней, къ вечеру, когда конунгъ отправился спать, Сигурдъ и Алибрандъ пошли къ своимъ конямъ, а напередъ забрали свое оружіе и всё свое имущество, и поѣхали къ замку королевы Эрки. И когда прибыли передъ замокъ, имъ навстрѣчу вышла королева Эрка и сестра

---

1) Въ M^1 слѣдующая рѣчь Сигурда болѣе развита.

ея Берта, хотятъ съ ними уѣхать. Поѣхали они эту ночь какъ быстрѣе могли, ѣхали днемъ и ночью, какъ могли скорѣе и какъ выносили кони [1]).

Гл. 55. Теперь конунгъ Озантриксъ догадался, что его обманули, велѣлъ снарядить всѣхъ своихъ рыцарей и самъ снарядился и поѣхалъ за ними, какъ только могъ, быстро ночью и днемъ; и съ той и съ другой стороны ѣхали, какъ только могли. Родольфъ нашелъ своихъ людей; и они сильно обрадовались ему, ибо почти были увѣрены, что его потеряли. Они поѣхали по пути въ Гуналандъ; а конунгъ Озантриксъ поѣхалъ за ними съ своимъ войскомъ, и подошелъ къ нимъ такъ близко, что Родольфъ и его люди увидѣли, что имъ не уйти. Тогда они направились къ одному замку, что зовется Маркстейнъ въ лѣсу Falstr, и заперли за собою замокъ. Явился къ замку и Озантриксъ со всѣмъ своимъ войскомъ и поставили вокругъ военныя ставки (herbuðir). А Родольфъ послалъ двухъ мужей въ Гуналандъ сказать конунгу Аттилѣ, какъ удалась его поѣздка. Какъ только эти люди явились въ Сузу къ конунгу Аттилѣ и онъ услышалъ, какъ Родольфъ исполнилъ его порученіе, и какъ обстоитъ его дѣло, онъ тотчасъ кликнулъ, велѣлъ подать себѣ свое оружіе и трубить во всѣ свои рога, послалъ по всему своему царству, собралъ непобѣдимое войско и ѣхалъ день и ночь, какъ скорѣе могъ, пока не прибылъ въ лѣсъ Falstr. А Родольфъ и Озидъ каждый день бились съ конунгомъ Озантриксомъ и много изъ его людей убили, иногда выступая изъ замка, иногда сражаясь изъ-за амбразуръ (бастіоновъ, remparts). И прежде чѣмъ конунгъ Аттила прибылъ къ нимъ на помощь, они потеряли 40 человѣкъ; а конунгъ Озантриксъ потерялъ 100 человѣкъ. А тотъ замокъ былъ такъ крѣпокъ, что конунгъ Озантриксъ не могъ взять его. А когда онъ получилъ вѣрную вѣсть, что конунгъ Аттила близко подошелъ съ непобѣдимой ратью, онъ снялъ свои военныя ставки и поѣхалъ домой въ свое царство. Такъ они разстались [2]).

Гл. 56. Когда Озантриксъ конунгъ удалился съ своимъ войскомъ, Родольфъ сказалъ своимъ людямъ, что имъ слѣдуетъ взять свое оружіе и своихъ коней и поѣхать на конунга Аттилу и его людей.

---

1) Въ M¹ Сигурдъ предупреждаетъ Эрку и ея сестру ждать ихъ на 7-ую ночь, и похищеніе описано подробнѣе.

2) Разсказъ въ M¹ развитѣе.

Такъ они и сдѣлали и встрѣтили конунга Аттилу въ прекрасной долинѣ, и было у него народу не менѣе 20 тысячъ рыцарей. А Родольфъ передалъ конунгу Аттилѣ Эрку, дочь конунга Озантрикса, и была тамъ очень веселая встрѣча. Тогда конунгъ Аттила двинулся обратно со всѣмъ своимъ войскомъ домой въ Сузу, а немного спустя велѣлъ устроить роскошную свадьбу съ Эркой, и тогда-же выдалъ Берту, другую дочь конунга Озантрикса, за своего герцога Родольфа и далъ ему большую волость (ríki) въ Гуналандѣ. Это пиршество было устроено съ большимъ великолѣпіемъ и множествомъ людей, съ всевозможными играми и цѣнными подарками; и длилось это торжество 7 дней. Сталъ теперь править своимъ царствомъ конунгъ Аттила съ женой своей Эркой. У нихъ было 2 сына, Эрнъ и Ортвинъ. Отсюда пошла большая распря между Гуналандомъ и страной вилькиновъ; и у конунга Аттилы были великія битвы съ Озантриксомъ, конунгомъ вилькиновъ, и Вальдамаромъ, конунгомъ русскихъ (Ruzimanna); и побѣда оставалась то на той, то на другой сторонѣ. Въ такомъ положеніи находились эти царства нѣкоторое время.

Главы 134—146.

Гл. 134. Въ ту пору была между Аттилой, конунгомъ гуннской земли, и Озантриксомъ, конунгомъ земли вилькиновъ, распря великая. Были поочередно и побѣды, и пораженія. Конунгъ Аттила очень усилился, пріобрѣлъ себѣ большую дружбу у славныхъ князей и у знатныхъ людей. Онъ былъ любъ въ своемъ царствѣ всему своему народу: всѣ хотѣли жить и умереть, какъ онъ. Онъ не могъ нажить себѣ бóльшей поддержки ото всего народа, ибо у властителей въ его странѣ не было желанія перемѣны, пока онъ былъ милъ всѣмъ тѣмъ, кѣмъ ему надлежало править; вѣдь большинству худымъ казалось жить въ слишкомъ большомъ гнетѣ.

У конунга Озантрикса съ годами сталъ другой нравъ, чѣмъ когда онъ былъ моложе. Онъ сталъ такъ жестоко править, что народъ, что жилъ въ странѣ въ его царствѣ, едва переносилъ то ярмо, которое онъ взвалилъ на шею каждому. Онъ полагался на обширность (своего царства) и на многочисленность народа и всегда былъ къ своимъ подданнымъ въ странѣ тѣмъ суровѣе относительно дани, чѣмъ больше ея ему приносили. Велъ онъ также торговлю со всѣми, съ богатымъ и не богатымъ, людьми изъ своей

дружины, крестьяниномъ и заѣзжимъ купцомъ. Хотя онъ и давалъ своимъ рыцарямъ лены въ жалованье, но при этомъ самъ хотѣлъ оставаться правителемъ, чтобы имѣть надъ ними верховную власть. Никогда не приносили они ему такъ много, чтобы онъ не потребовалъ еще столько-же, и никогда не поступило въ его дворецъ столько скота и припасовъ, чтобы не казалось, будто все это уходило въ пропасть; и всегда тамъ голодали и плохо пили. Каждые двѣнадцать мѣсяцевъ бывалъ великій, непомѣрный поборъ; и всѣмъ это стало въ привычку, ибо у него вѣчно были распри и войны всюду, гдѣ только находился конунгъ Аттила; и разорялъ Озантриксъ изъ-за Аттилы свое царство, да каждый изъ нихъ и изъ-за другихъ (тоже). И всѣмъ казалось превышавшимъ мѣру надлежащаго и приличнымъ врагу то (обстоятельство), что, какъ только избавлялся Озантриксъ отъ великой распри, сейчасъ-же налагалъ подать и тяготы на весь народъ, который жилъ въ его царствѣ, лишь только народъ этотъ добивался мирнаго житія. Захватилъ онъ достояніе другихъ подвластныхъ ему людей, такъ и его родичи: всѣ они были обучены насилію по одной книгѣ. И было покойно подданнымъ Озантрикса, лишь когда онъ бывалъ въ грабительскихъ набѣгахъ внѣ страны. Всѣ надѣялись, что онъ когда-нибудь выѣдетъ изъ царства на добычу и не вернется; всѣ были довольны его промедленію (т. е. возврата), и всѣ страшились его возвращенія. При конунгѣ Озантриксѣ всегда были два великана Видольфъ Миттумстанги и Авентродъ, его братъ. Былъ и еще одинъ великанъ братъ ихъ, Атгейръ по прозванію; только услалъ его конунгъ Озантриксъ далеко въ Бертангаландъ по дружбѣ своей къ конунгу Изунгу. А Изунгъ конунгъ поставилъ великана Атгейра на рубежъ земли въ одномъ дремучемъ лѣсу, чтобъ стерегъ страну. И съ той поры, какъ великанъ стоитъ на стражѣ, не боялся Изунгъ за свое царство.

Гл. 135. Тутъ надо рѣчь повести объ конунгѣ Аттилѣ. Онъ охотно помирился бы съ конунгомъ Озантриксомъ, кабы тотъ рѣшился, и посылалъ къ нему много людей, чтобы провѣдать, хочетъ ли онъ помириться, или нѣтъ. Конунгъ Озантриксъ высказался противъ того. И когда конунгъ (Аттила) увѣрился, что онъ никоимъ образомъ не желаетъ съ нимъ (помириться), послалъ письмо и печать свою Тидреку, конунгу Бернскому, чтобы тотъ пришелъ къ нему въ гуннское царство, если хочетъ подать ему помощь, съ самыми лучшими богатырями, потому что онъ хочетъ теперь воевать въ царствѣ вилькиновъ противъ конунга Озантрикса. И просилъ (Аттила), чтобъ

онъ этого не откладывалъ (не клалъ себѣ подъ голову; подъ подушку) въ его (Аттилы) нуждѣ послѣ того, какъ каждый изъ нихъ клялся другъ другу въ дружбѣ. И тогда порѣшилъ конунгъ Тидрекъ ѣхать, ибо видѣлъ, что другу его помощь нужна. Выѣхалъ онъ изъ Берна съ 500 рыцарей, всѣ хорошо испытанные въ бою; были при немъ, кромѣ того, всѣ его витязи. И когда прибыли они въ гуннскую землю, возрадовался конунгъ Аттила ихъ приходу и хорошо ихъ принялъ. И былъ онъ теперь совсѣмъ снаряженъ, чтобъ итти съ ними въ землю вилькиновъ. Наѣзжали они тогда со всей ратью на страну вилькиновъ и когда прибыли туда, стали они людей грабить и многихъ убили, а иные бѣжали. И запалили они большіе и славные города и много деревень, и большія села, и взяли они добычу великую, какъ людьми, такъ и золотомъ и серебромъ.

Гл. 136. А конунгъ Озантриксъ собралъ народу великое множество по всему своему царству, выходилъ на встрѣчу не знающему бѣгства войску. Вотъ они съѣхались и началась великая сѣча. Выѣзжаетъ впередъ отважный Гербрандъ, знаменосецъ конунга Тидрека, и рубитъ на обѣ стороны людей и коней и валитъ ихъ мертвыми одного на другого. А за нимъ выѣзжаетъ самъ конунгъ Тидрекъ со своими витязями и бьется съ великой отвагою, и пытаетъ свой мечъ о твердые шлемы, и о крѣпкіе щиты, и о прочныя брони. И ни одинъ изъ (этихъ) товарищей не отставалъ отъ другого въ отвагѣ и поддержкѣ; и никакой строй не могъ устоять противъ нихъ, гдѣ только они появлялись. Они въѣхали въ середину рати вилькиновъ и били людей на обѣ стороны. Выходитъ на нихъ Видольфъ Миттумстанги и бьетъ своей желѣзной палицей богатыря Видгу, потому что онъ былъ впереди всѣхъ. И хватилъ его по шлему такъ, что онъ тутъ-же съ коня свалился на землю, и отдалось въ его вискахъ такъ, что онъ долго не приходилъ въ себя. Стоялъ тутъ по близости Геймиръ, схватилъ мечъ (Видги)—Мимунгъ, когда тотъ (Видга) упалъ и тотчасъ удалился. Тогда Вилькины храбро бросились впередъ и бились сильно, и была сѣча великая. Тидрекъ конунгъ ободрялъ свою дружину къ нападенію, говорилъ, что не хочетъ, чтобъ они бились лишь изъ великаго щегольства (scarti), что никто не долженъ долѣе оставаться (въ живыхъ). И просилъ показать вилькинамъ, что могутъ подѣлать его витязи: «покажемъ имъ силу нашихъ рукъ». Тогда стали они вдвое неистовѣе, чѣмъ прежде; и ничто не могло устоять противъ нихъ. И увидѣлъ конунгъ Озантриксъ, что нечего чаять, кромѣ одной бѣды, и побѣжалъ со всѣми своими

людьми. И потерялъ передъ тѣмъ Озантриксъ конунгъ 500 рыцарей, а конунгъ Аттила — 300 рыцарей. И сталъ онъ преслѣдовать бѣгущихъ.

Гл. 137. Тутъ подошелъ Гертнитъ, племянникъ конунга Озантрикса, со своей дружиной; увидали, гдѣ лежалъ Видга, и тотчасъ признали его оружіе, а его самого Видгу—по виду и по молвѣ; подобрали, связали и взяли съ собою. Видитъ Гертнитъ, что нечего тутъ дѣлать, какъ отступить, такъ какъ конунгъ Озантриксъ, его родичъ, бѣжалъ со всею своею ратью; а потому и онъ ушелъ отъ нихъ, какъ и всѣ остальные. Такъ вилькины были на этотъ разъ разбиты. И разошлись они затѣмъ и вернулись каждый домой въ свое царство. конунгъ Озантриксъ велѣлъ заключить Видгу въ темницу.

Гл. 138. Ѣдутъ конунгъ Аттила и конунгъ Тидрекъ домой въ Susat, что былъ стольнымъ городомъ конунга Аттилы, и пробыли тутъ ночь; а на другое утро отправился Тидрекъ конунгъ на югъ, въ Бернъ. Онъ потерялъ 60 воиновъ, кромѣ Видги; но менѣе желалъ потерять его одного, чѣмъ всѣхъ другихъ. Пришелъ къ конунгу Тидреку Вильдиверъ и проситъ позволенія остаться ненадолго. Конунгъ Тидрекъ спросилъ, что это значитъ. Вильдиверъ отвѣчалъ, что никакъ не хочетъ ѣхать домой, въ Бернъ, пока не узнаетъ, живъ, или умеръ товарищъ его Видга. Конунгъ Тидрекъ дозволилъ ему это, и онъ остался при конунгѣ Аттилѣ; а конунгъ Тидрекъ воротился домой въ Бернъ.

Гл. 139. Черезъ нѣсколько дней поѣхалъ конунгъ Аттила въ лѣсъ, что̀ зовется Лиравальдъ, охотиться на звѣрей и птицъ съ ястребами и собаками. И былъ съ нимъ Вильдиверъ и много другихъ мужей и рыцарей. Когда прошелъ день, конунгъ Аттила со своими людьми поѣхалъ домой; остался Вильдиверъ одинъ въ лѣсу съ двумя большими охотничьими псами. Повстрѣчалъ онъ лѣсного медвѣдя, который былъ больше всѣхъ звѣрей. Онъ убилъ того медвѣдя, содралъ съ него шкуру, а потомъ пошелъ. А шелъ онъ со шкурой медвѣдя тайкомъ и припряталъ ее въ такое мѣсто, которое зналъ одинъ онъ.

Гл. 140. Разъ пришелъ къ конунгу Аттилѣ главный скоморохъ Изунгъ съ юга изъ Берна, отъ конунга Тидрека. Тотъ послалъ его за вѣстями; узнать, живъ ли Видга, потому что скоморохамъ можно безъ опаски ходить промежду знатныхъ людей — вездѣ, куда не попасть другимъ по недовѣрію (къ нимъ). Конунгъ Аттила принялъ скомо-

роха Изунга хорошо. Изунгъ пришелся по нраву и другимъ мужамъ и веселилъ ихъ весь тотъ вечеръ. Вильдиверъ поговорилъ съ скоморохомъ Изунгомъ и разсказалъ ему о своемъ намѣреніи, что онъ никогда не хочетъ ворочаться въ Бернъ, пока не отыщетъ Видгу, живого или мертваго. «Хочу я, чтобъ ты устроилъ своими хитростями и уловками такъ, чтобы я пробрался въ свиту конунга Озантрикса, и никто не узналъ бы меня, если только ты хочешь того, чего и я». Изунгъ сказалъ, что будетъ къ тому готовъ не позже, чѣмъ на другое утро, и попросилъ и Вильдивера приготовиться. И на слѣдующее утро, лишь только насталъ день, явился Вильдиверъ предъ конунгомъ Аттилой и говоритъ, что хочется ему поѣхать на короткое время домой, въ землю Амелунговъ, на свою родину, а потомъ снова вернуться къ нему. Конунгъ Аттила дозволилъ это ему и спросилъ, не хочетъ ли онъ взять съ собою сто рыцарей, чтобы не ѣхать одному. Вильдиверъ сказалъ, что съ нимъ идетъ Изунгъ, главный скоморохъ, и что ему не нужно больше людей, потому что итти придется по мирной землѣ и сидятъ все друзья и родичи тамъ, гдѣ онъ пойдетъ. Конунгъ Аттила далъ ему разрѣшеніе.

Гл. 141. Вотъ они оба вышли вмѣстѣ изъ города Сусатъ; и когда были вдали отъ другихъ людей, Вильдиверъ вытащилъ медвѣжью шкуру, показалъ Изунгу и спросилъ его, не поможетъ ли она чѣмъ въ ихъ обманной продѣлкѣ. Скоморохъ Изунгъ оглядѣлъ шкуру, выворотилъ ее, внимательно осмотрѣлъ, какова она, и сказалъ, что она могла бы послужить имъ, кабы повезло въ ихъ продѣлкѣ. Тогда Изунгъ велѣлъ Вильдиверу влѣзть въ шкуру. Вильдиверъ продѣлалъ это такъ, что надѣлъ шкуру поверхъ своей брони; а Изунгъ досталъ иглу съ ниткой и спилъ очень крѣпко шкуру на спинѣ и ногахъ Вильдивера такъ хитро и ловко, что Вильдиверъ казался всякому медвѣдемъ. Онъ и вести себя сталъ, словно медвѣдь. Тогда Изунгъ надѣлъ ему на шею ошейникъ и повелъ за собою. Шли они день за днемъ, покуда не пришли въ землю вилькиновъ. Когда они были недалеко отъ города конунга Озантрикса, повстрѣчали человѣка. Изунгъ спросилъ у него вѣстей, а тотъ у него. Изунгъ спросилъ, откуда онъ идетъ; тотъ отвѣчалъ, что идетъ изъ города, отъ конунга Озантрикса. Пытаетъ Изунгъ, дома-ли конунгъ и много-ли съ нимъ народу. Тотъ сказалъ, что онъ навѣрно дома, и что съ нимъ народу теперь мало, ибо онъ былъ недавно въ походѣ, «какъ ты и самъ, вѣрно, слышалъ»; теперь бо́льшая часть его рыцарей разъѣхалась по домамъ, у кого они есть, потому что

очень дорого стоитъ долго жить въ торговомъ городѣ. Изунгъ спросилъ, въ какомъ духѣ конунгъ послѣ побѣды, доставшейся ему въ его походѣ. Тотъ отвѣчалъ, что самъ конунгъ побѣдой не очень доволенъ; а люди говорятъ, будто онъ тамъ больше потерялъ, чѣмъ получилъ, кромѣ того, что полонилъ одного богатыря у Тидрека Бернскаго, и то бы онъ его не взялъ, кабы не Гертнитъ, его племянникъ. Изунгъ спросилъ тогда, дома-ли въ городѣ Гертнитъ, его родичъ и какъ зовутъ богатыря, котораго полонили и живъ онъ еще, или нѣтъ. Тотъ говоритъ, что Гертнита нѣтъ дома, онъ уѣхалъ въ свои замки и имѣнія, и Видгой звать богатыря, котораго взяли, и сидитъ онъ въ темницѣ, въ крѣпкихъ цѣпяхъ. «Сдается мнѣ, что онъ ждетъ своего послѣдняго часа въ многихъ и великихъ мукахъ». Изунгъ сказалъ, что надо надѣяться, что онъ (Озантриксъ) станетъ держать его крѣпко, и что конунгу нѣтъ никакой выгоды, чтобы онъ вышелъ на волю. И онъ пожелалъ тому человѣку хорошаго пути, тотъ ему — тоже; тутъ они разстались.

Гл. 142. Изунгъ направился къ городу и прежде всего вошелъ въ городъ къ самому конунгу. И какъ явился туда извѣстный главный скоморохъ, ему сдѣланъ былъ хорошій пріемъ. Конунгъ Озантриксъ спросилъ, какую такую игру можетъ имъ сыграть славный скоморохъ, если онъ знаменитѣе всѣхъ другихъ скомороховъ. Изунгъ отвѣчалъ: «Надѣюсь, господинъ, что мало играли тутъ въ землѣ вилькиновъ такъ, чтобы мнѣ не сыграть лучше, чѣмъ бо̀льшая часть другихъ. Я умѣю пѣть, играть на арфѣ, на скрипкѣ, гудкѣ и на всѣхъ струнныхъ инструментахъ». Конунгъ Озантриксъ приказалъ подать ему арфу, и заигралъ онъ на арфѣ. Говоритъ конунгъ и всѣ остальные, что никогда не слыхали лучшей игры. И только отыгралъ онъ на арфѣ, началъ его медвѣдь играть, а потомъ заплясалъ. Изунгъ далъ имя своему медвѣдю—прозвалъ его Визлео. И показалось каждому чудомъ и дивомъ, какъ умѣетъ этотъ медвѣдь хорошо и ловко плясать, а и какъ онъ золъ. Въ тотъ вечеръ Изунгъ хорошо и искусно забавлялъ конунга, а также и его медвѣдь. А медвѣдь былъ такой злой, что ни одного человѣка не подпускалъ къ себѣ близко, кромѣ одного Изунга. Всякаго другого онъ бы разорвалъ и растерзалъ, кто бы подступилъ къ нему ближе. Говоритъ конунгъ: «Медвѣдь твой очень золъ. Можетъ ли онъ сплясать лучше, чѣмъ сказывали и чѣмъ мы видѣли»? Изунгъ отвѣчалъ: «Какъ далеко я ни хаживалъ по бѣлу-свѣту, а такого сокровища, какъ мой медвѣдь, никогда не встрѣчалъ. Онъ знаетъ всѣ игры и

ловкія штуки такъ хорошо, что немного людей могутъ съ нимъ поравняться».

Гл. 143. На ночь Изунгъ отправился спать, а на другой день утромъ конунгъ Озантриксъ попросилъ Изунга услужить ему какой-нибудь потѣхой съ его медвѣдемъ. Изунгъ сказалъ, что врядъ-ли можно ему отказать въ этомъ Озантриксу. «Только совсѣмъ неладно, говоритъ онъ, потѣшать васъ моимъ медвѣдемъ, коли вы захотите черезъ-чуръ пытать его». Конунгъ сказалъ, что онъ на этотъ разъ хочетъ испытать медвѣдя — спустивъ на него охотничьихъ собакъ, чтобы поглядѣть, какой храбрый будетъ медвѣдь. Отвѣчалъ Изунгъ: «Неладно ты затѣялъ, конунгъ, съ моимъ медвѣдемъ, говоритъ онъ, потому что коли не станетъ у меня медвѣдя и сгинетъ, то не надо мнѣ всего твоего злата и серебра, сколько у тебя его ни будь, хоть ты мнѣ отдалъ бы его; а коль станется, что сгубишь ты своихъ собакъ по милости моего медвѣдя, то ты разгнѣваешься и за одно со своими людьми убьешь моего медвѣдя. А мнѣ крѣпко сдается, что мой медвѣдь оборонитъ таки себя и сразу не уступитъ». Конунгъ сказалъ: «Не смѣешь ты мнѣ отказать въ этомъ, велю и спустятъ на медвѣдя собакъ; но обѣщаю тебѣ, что ни одинъ изъ моихъ людей, да и я самъ не сотворю вреда твоему медвѣдю». Тогда Изунгъ сдался на приказъ конунга. И какъ въ этотъ день, такъ и вечеромъ наканунѣ слышали они ту-же молву, что Видга лежитъ въ тюрьмѣ въ крѣпкихъ оковахъ и несокрушимыхъ нашейникахъ.

Гл. 144. На утро послѣ этого вышелъ конунгъ изъ города со всѣми своими людьми, какіе тамъ были, на прекрасный лугъ; съ нимъ былъ Видольфъ Миттумстанги въ крѣпкихъ цѣпяхъ, потому что его никогда нельзя было освобождать, кромѣ какъ въ битвахъ, когда, казалось, нечего отъ него было ждать большой бѣды. Великанъ Авентродъ, его братъ, велъ его; и были они безоружны, какъ и всѣ остальные люди. Вотъ вышли изъ города женщины и мущины, молодежь, старики и всѣ дѣти, какія были въ городѣ, чтобы поглядѣть на игру и потѣху, которыя тамъ будутъ. А Видга узналъ въ темницѣ, что пришелъ другъ его Изунгъ; и сдается ему, что онъ освободитъ его какой-нибудь хитростью изъ темницы, съ помощью конунга Тидрека или другихъ его друзей. Тогда Видга сломалъ на себѣ оковы. Они же выпустили на медвѣдя 60 большихъ псовъ, и они набросились на него всѣ вмѣстѣ. А медвѣдь схватилъ самую большую собаку за заднія ноги своими передними и убилъ ее, а ею 12 другихъ лучшихъ собакъ. Разгнѣвался тутъ конунгъ, что убиты

его собаки, подбѣжалъ къ медвѣдю, выхватилъ мечъ и ударилъ медвѣдя сверху по спинѣ. Но мечъ просѣкъ только шкуру, а въ бронѣ засѣлъ. Конунгъ отступилъ и хочетъ идти къ своимъ людямъ; а Вильдиверъ выхватилъ свой мечъ изъ рукъ у Изунга-скомороха, взмахнулъ имъ, погнался за конунгомъ и снесъ ему голову. Потомъ онъ бросился на великана Авентрода и убилъ его; тутъ-же напалъ и на Видольфа Миттумстанги и убилъ его. Такъ конунгъ Озантриксъ скончалъ свой вѣкъ, а съ нимъ 2 его великана, на которыхъ онъ, повидимому, сильно полагался, пока они жили вмѣстѣ. Тогда побѣжали всѣ люди конунга, что стояли тамъ безоружные. Всѣ были опечалены и испуганы гибелью конунга; всѣмъ мнилось, что самъ нечистый забрался въ того медвѣдя, потому что слишкомъ неистовымъ казалось имъ его поведеніе; и многимъ изъ нихъ было не по себѣ. А Вильдиверъ вбѣжалъ въ городъ, зоветъ и спрашиваетъ, гдѣ тутъ добрый другъ его Видга. А Видга уже взломалъ темницу, и оба побѣжали вмѣстѣ по городу и убили тамъ 16 человѣкъ. Не было тамъ недостатка въ хорошемъ оружіи и добрыхъ коняхъ; Видга тутъ призналъ коня своего Скеминга и все свое оружіе, кромѣ меча Мимунга, котораго не нашелъ; очень неладнымъ это показалось ему. Тогда Вильдиверъ сорвалъ съ себя медвѣжью шкуру и показалъ себя, какой былъ. И увидали тогда городскіе люди, что то человѣкъ, а не нечистый, какъ они думали, и уразумѣли тогда, что отъ великаго коварства произошла гибель ихъ вождей; вознамѣрились отмстить за него (конунга), и нѣкоторые хватились за оружіе. А Видга и Вильдиверъ, а съ ними и скоморохъ Изунгъ вскочили на лошадей — не хотятъ они дальше ждать невыгодной перемѣны. Показалось имъ довольно того, что они набрали; а они уже забрали серебра и золота, и богатыхъ драгоцѣнностей, сколько могли увезти. Выѣхали они изъ города и ѣдутъ, какъ могутъ, по ненаселеннымъ мѣстностямъ, пока не пріѣхали въ гуннскую страну — къ конунгу Аттилѣ.

Гл. 145. Конунгъ Аттила принялъ Видгу и его друзей очень хорошо, и такъ держалъ себя, точно досталъ Видгу изъ ада. Онъ спросилъ, какъ это онъ освободился отъ конунга Озантрикса; а Видга разсказалъ конунгу все объ ихъ поѣздкѣ и смерти конунга Озантрикса. Тогда сказалъ конунгъ Аттила: «Вѣстимо и по правдѣ, конунгъ Тидрекъ, ты хорошій вождь-витязь и великій воитель и большое у тебя сокровище въ людяхъ; и всякій охочъ положить животъ свой на нужды товарища и за твою славу, и тоже обычно (sva vanda)

освобождать товарища изъ такихъ обстоятельствъ, въ какихъ ты былъ, добрый другъ Видга. Разумѣется, за это слѣдуетъ хорошо наградить; такъ и мною будетъ вамъ воздано за такое дѣло, ибо доставили мнѣ миръ, коли только я самъ въ состояніи его уберечь. Взаправду не ладно (обошлось это для тебя), Озантриксъ, и подлинно почетнѣе было тебѣ принять мирныя условія; и не было бы никакого безчестья и позора отъ нашего свойства, кабы онъ былъ податливѣе на миръ. А теперь ты учинилъ намъ обоимъ великое затрудненіе и ущербъ твоимъ безпокойнымъ нравомъ. Было бы лучше тебѣ и намъ обоимъ раньше помириться».

Гл. 146. Вотъ Видга, Вильдиверъ и скоморохъ Изунгъ попросились у конунга Аттилы и поѣхали на полдень домой въ Бернъ — къ конунгу Тидреку. Пріѣхали они туда, конунгъ Тидрекъ былъ имъ очень радъ и спросилъ о вѣстяхъ. Они разсказали ему все, что знали, и что приключилось съ ними. Конунгъ Тидрекъ былъ всѣмъ этимъ доволенъ и очень благодарилъ Вильдивера; и онъ отъ этой побѣды сталъ славенъ далеко по странамъ. Видга теперь дома, но очень нерадостенъ; конунгъ Тидрекъ спросилъ Видгу, отчего онъ такой скучный. Видга отвѣчалъ и говоритъ, что не повеселѣтъ ему никогда, пока не услышитъ онъ чего о мечѣ своемъ — Мимунгѣ. «Коли сыщу я того человѣка, который носитъ мой мечъ, то у насъ будетъ всегда о чемъ поговорить; и я навѣрно или положу животъ свой, или добуду Мимунгъ». Сказалъ тутъ конунгъ Тидрекъ: «Нечего тебѣ много говорить объ этомъ: я скажу тебѣ, что человѣкъ, у котораго мечъ, здѣсь, въ дружинѣ; онъ у Геймира, нашего товарища; онъ взялъ его тотчасъ, когда ты упалъ». Прошло послѣ того нѣсколько дней.

Главы 241—244.

(По M^2; лакуны M^2 въ гл. 269—8 по А и В).

Гл. 241. Аттила—конунгъ Сузы, былъ могучъ, и была у него многочисленная дружина, и покорилъ онъ много царствъ — государствъ. Онъ вступилъ въ дружбу съ конунгомъ Эрминрикомъ, который тогда владѣлъ Апуліею. Эти два конунга заключили между собою дружбу такъ, что конунгъ Аттила послалъ конунгу Эрминрику родственника своего Озида съ 12-ю рыцарями. Конунгъ Эрминрикъ въ свою очередь послалъ Вальтарія изъ Васкастейна, сына своей сестры, съ 12 рыцарями. Вальтарію было тогда 12 зимъ; здѣсь

онъ пробылъ семь зимъ. Двѣ зимы спустя послѣ пріѣзда Вальтарія въ Сузу, прибыла туда Гильдигунда, дочь Ильи, ярла Греческаго, и была она отправлена заложницей конунгу Аттилѣ; въ то время ей было семь зимъ. Эти молодые люди очень любили другъ друга, но конунгъ Аттила ничего не зналъ объ этомъ.

Гл. 242. Случилось однажды, что въ саду конунга Аттилы былъ роскошный пиръ и чудесная пляска; и тогда Вальтарій взялъ за руку Гильдигунду. Они говорили промежъ себя о многомъ, и никто этого не заподозривалъ. Сказалъ Вальтарій: «Долго-ли быть тебѣ служанкой королевы Эрки; и было бы лучше, если бы ты поѣхала со мной домой къ моимъ родичамъ». Она сказала: «Господинъ, не слѣдуетъ тебѣ насмѣхаться надо мной, хотя я и не у своихъ родныхъ». Отвѣчалъ тутъ Вальтарій: «Госпожа, ты дочь ярла Ильи Греческаго, и дядя тебѣ по отцѣ Озантриксъ, конунгъ вилькиновъ, и другой въ великой Руси (Ruzi), а я племянникъ по сестрѣ Эрминрика, конунга Римскаго (af Romaborg), а другой мой родичъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій; зачѣмъ-же мнѣ служить конунгу Аттилѣ? Сдѣлай лучше такъ, поѣзжай со мной домой; и какъ я расположенъ къ тебѣ, такъ да будетъ Богъ милостивъ ко мнѣ». Она отвѣчаетъ: «Разъ я навѣрно узнала твою волю, такъ узнай-же и ты меня и мою волю. Мнѣ было четыре зимы, когда я увидѣла тебя впервые; и я сразу полюбила тебя такъ сильно, какъ ничто больше на свѣтѣ, и я готова ѣхать съ тобой, куда тебѣ угодно». Тогда Вальтарій отвѣчаетъ: «Если такъ, какъ ты говоришь, то приходи утромъ, когда солнце восходитъ, къ самымъ послѣднимъ воротамъ городскимъ и возьми съ собой столько золота, сколько только можешь взять обѣими руками, потому что ты знаешь всѣ сокровищницы королевы Эрки, родственницы твоей». И та говоритъ, что такъ будетъ сдѣлано. А конунгъ Аттила не узналъ объ этомъ умыслѣ, прежде чѣмъ Вальтарій выѣхалъ изъ Сузы, съ нимъ и Гильдигунда; и было съ ними много добра (fé) золотомъ. Вдвоемъ выѣхали они изъ города, и не было у нихъ ни одного настолько добраго друга, чтобы они довѣрились ему въ своей поѣздкѣ.

Гл. 243. И вотъ узналъ конунгъ Аттила, что Вальтарій уѣхалъ и Гильдигунда; и онъ велитъ двѣнадцати своимъ людямъ ѣхать въ погоню за Вальтаріемъ и Гильдигундой: «Вы должны привести обратно всю казну, что была похищена, а также и голову Вальтарія». — Въ числѣ ихъ былъ одинъ мужъ, Гёгни, сынъ конунга Альдріана. И вотъ эти двѣнадцать рыцарей поспѣшно ѣдутъ за ними, уже тѣ

и другіе видятъ другъ друга. Тутъ Вальтарій соскочилъ со своего коня съ большой ловкостью и смѣлостью, ссаживаетъ свою жену Гильдигунду съ ихъ драгоцѣнностями. Затѣмъ вскакиваетъ на своего коня, надѣваетъ себѣ на голову шлемъ и обнажаетъ свой мечъ. Тогда Гильдигунда сказала своему дорогому господину: «Прискорбно, господинъ, что тебѣ одному приходится биться противъ двѣнадцати рыцарей. Вернись лучше и спаси себѣ жизнь». «Не плачь, госпожа, говоритъ онъ; видалъ я и прежде, какъ раскалываются шлемы, какъ разрубаются щиты, и разсѣкаются брони, и какъ люди безъ головъ падаютъ съ коней своихъ; и все это я совершилъ своей рукой, и не было мнѣ это не подъ силу.» И вотъ выѣзжаетъ онъ на встрѣчу имъ. Вотъ начинается крѣпкая сѣча; и прежде наступилъ мракъ ночи, чѣмъ завершился бой.

Гл. 244. И Вальтарій былъ очень израненъ, и убилъ одиннадцать рыцарей; а Гёгни спасся и ушелъ въ лѣсъ. А Вальтарій отыскалъ свою жену, и они расположились подлѣ лѣса. Вальтарій высѣкъ огня кремнемъ, развелъ здѣсь большой огонь (пожегъ, eld) и на немъ изжарилъ окорокъ кабана. И затѣмъ они стали ужинать и кончили не прежде, какъ всё (мясо) сошло съ костей. Тогда Гёгни вышелъ изъ лѣсу на огонь, у котораго сидѣлъ Вальтарій, и думалъ, что ему удастся убить его, и замахнулся мечемъ. Гильдигунда сказала Вальтарію: «Берегись, вонъ идетъ одинъ изъ твоихъ враговъ, съ которыми ты бился сегодня». И вотъ онъ поднялъ ногу кабана, которая была объѣдена, и пустилъ ею въ Гёгни, и нанесъ такой сильный ударъ, что тотъ сразу упалъ на землю: онъ попалъ ему въ щеку такъ, что мясо тотчасъ разсѣлось, и выскочилъ глазъ. И вотъ тотъ быстро поднялся на ноги, вскочилъ на своего коня и съ тѣмъ и поѣхалъ домой въ Сузу и разсказываетъ конунгу Аттилѣ о своей поѣздкѣ. Вальтарій вскакиваетъ на коня своего, и ѣдутъ они на югъ черезъ горы къ конунгу Эрминрику. И онъ разсказываетъ ему все о своей поѣздкѣ.

Главы 291—315.

(по M²).

Гл. 291. Говоритъ конунгъ Аттила конунгу Тидреку, какъ много невзгодъ въ теченіе долгаго времени сотворилъ ему конунгъ Озантриксъ вилькиновъ, убійствомъ людей и опустошеніемъ страны.

Конунгъ Тидрекъ отвѣчалъ, говорилъ, что желаетъ, чтобы за то было отомщено, пока онъ пребываетъ въ царствѣ конунга Аттилы: не хотимъ мы того болѣе терпѣть. Немного спустя пришли къ конунгу Аттилѣ посланцы съ вѣстями, что конунгъ Озантриксъ пришелъ въ его царство съ великимъ войскомъ, жжетъ селенія, опустошаетъ его страну и много народа умертвилъ. Когда выслушали это конунгъ Аттила и конунгъ Тидрекъ, конунгъ Аттила отвѣчалъ: «Да знаютъ всѣ мои люди, что мы снарядимся какъ можно скорѣе и поѣдемъ и станемъ защищать нашу страну; и пусть всякій покажетъ себя какъ можно мужественнѣе». Говоритъ тутъ конунгъ Тидрекъ своимъ людямъ: «Дядя (meistari) Гильдебрандъ, возьми мой стягъ, да пусть наши люди снарядятся на помощь конунгу Аттилѣ; теперь опытъ покажетъ, какую отвагу проявятъ Амлунги ему на помощь». Выѣзжалъ тогда конунгъ Аттила изъ Сузы со всѣмъ своимъ войскомъ: съ нимъ конунгъ Тидрекъ и маркграфъ Родингейръ; всего было у него десять тысячъ рыцарей. Это войско ввели они въ городъ, что зовется Брандинаборгъ; городомъ этимъ овладѣлъ передъ тѣмъ конунгъ Озантриксъ и убилъ тамъ много народа. Тамъ засѣлъ конунгъ Аттила со своими; конунгъ Озантриксъ съ своимъ войскомъ былъ также тамъ.

Гл. 292. Какъ узналъ конунгъ Озантриксъ, что конунгъ Аттила подошелъ близко, устроилъ свое войско и вышелъ противъ конунга Аттилы. Когда они сошлись, съ той и другой стороны изготовились къ битвѣ. Тутъ можно было видѣть много красивыхъ шлемовъ и новыхъ щитовъ, бѣлыхъ броней и острыхъ мечей и многихъ храбрыхъ рыцарей. Звалъ — спрашивалъ конунгъ Озантриксъ, готовы ли къ бою конунгъ Аттила и его войско, и увѣщалъ гунновъ защищаться мужественно. И вилькиновъ онъ увѣщалъ, чтобы сражались храбро и никто-бы не обратился передъ ними въ бѣгство. Отвѣчалъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій, говорилъ: «Скоро узнаешь ты, конунгъ Озантриксъ, что конунгъ Аттила совсѣмъ теперь снарядился; и напередъ вы встрѣтитесь съ дружиной, что зовется Амлунгами, а затѣмъ съ гуннами; да защищайтесь такъ, какъ будто сюда явились люди по вашу жизнь». И еще говоритъ онъ своимъ людямъ: «Наступайте бодро, добрые молодцы; мнѣ сдается, что они обрѣтутъ смерть, а мы побѣду; подадимъ въ первый разъ добрую помощь конунгу Аттилѣ». Вотъ выѣхалъ Гильдебрандъ съ братомъ конунга Тидрека и рубитъ обѣими руками, и валитъ вилькиновъ одного на другого. А тотчасъ за нимъ конунгъ Тидрекъ, передъ

нимъ падаютъ на обѣ стороны вилькины; за нимъ слѣдуетъ съ большой отвагой его родичъ Ульфрадъ, за нимъ одинъ за другимъ (рать сонмъ) изъ земли Амлунговъ. Передъ этимъ сонмомъ валились вилькины всюду, куда онъ вторгался; а Гильдебрандъ (meistari) несъ стягъ Тидрека такъ далеко въ войско вилькиновъ, что они проѣхали всѣ его ряды, а все таки вернулись другимъ путемъ и валили вилькиновъ одного па другого. Такимъ образомъ ѣздитъ онъ весь день. Видитъ это конунгъ Озантриксъ, храбро выѣхалъ противъ гунновъ и многихъ сразилъ. Поднялась тутъ сѣча, пагубная для той и другой рати. Конунгъ Озантриксъ выѣхалъ впереди войска и многимъ учинилъ уронъ. Ему на встрѣчу выѣхалъ Ульфрадъ, родичъ конунга Тидрека, съ своимъ отрядомъ, и была у нихъ жестокая сѣча; и прежде чѣмъ она кончилась, палъ конунгъ Озантриксъ. И когда конунгъ палъ, вилькины обратились въ бѣгство; а гунны преслѣдовали ихъ и столько ихъ убили, что немного спаслось. Побѣда досталась конунгу Аттилѣ; а передъ тѣмъ онъ потерялъ въ бою пятьсотъ рыцарей, а конунгъ Тидрекъ полсотни своихъ людей. Поѣхалъ конунгъ Аттила домой съ своимъ войскомъ, освободивъ свое царство отъ вилькиновъ. Тогда вилькины сдѣлали конунгомъ Гертнита, сына конунга Озантрикса. Тѣмъ не менѣе имъ удалось сохранить дружбу конунга Аттилы, благодаря цѣннымъ подаркамъ, которые далъ Эрминрикъ конунгу Аттилѣ.

Гл. 293. Послѣ того какъ Аттила конунгъ не долго пробылъ дома, онъ узналъ такія вѣсти, что Вальдемаръ конунгъ Гольмгардскій, братъ Озантрикса конунга, пришелъ въ землю гунновъ и производитъ опустошеніе съ огромнымъ войскомъ. И вотъ однажды, когда Тидрекъ конунгъ стоялъ на самой высокой башнѣ и смотрѣлъ далеко по Гуналанду, онъ видитъ сильный дымъ и большое пламя далеко по странѣ. Ѣдетъ онъ къ Аттилѣ конунгу и говоритъ: «Встань, государь, и вооружись самъ и всѣ люди твои. Я видѣлъ, что сегодня конунгъ Вальдемаръ сожжетъ много твоихъ селеній и много красивыхъ городовъ, и много вреда (зла) учинитъ онъ въ государствѣ твоемъ. Если ты не хочешь итти противъ него и оборонять свою землю, онъ всетаки придетъ сюда; тебѣ волей-неволей придется сражаться, или въ противномъ случаѣ бѣжать». И вотъ встаетъ конунгъ Аттила и приказываетъ трубить во всѣ рога. Выѣзжаетъ конунгъ Аттила изъ Сузы со своимъ войскомъ. А конунгъ Вальдемаръ взялъ у конунга Аттилы одинъ богатый городъ и въ

этомъ городѣ захватилъ одного добраго рыцаря Родольфа, посла [1]), и связалъ его. А всего онъ перебилъ сто сотъ человѣкъ и сжегъ сто сотъ селъ и пятнадцать замковъ и городовъ и (взялъ) много добра и людей. А когда узналъ, что Аттила ведетъ неодолимое войско, побѣжалъ обратно въ свое царство.

Гл. 294. Ѣдетъ конунгъ Аттила со своимъ войскомъ; и собралъ по всему своему царству герцоговъ и графовъ, и рыцарей, и всякаго рода войско. И когда онъ изготовился, поѣхалъ въ Русскую землю и собирается мстить за себя. И какъ только онъ вступилъ въ царство Вилькиналанда и Руси (Ruzilandz), опустошалъ и сжигалъ все, гдѣ проходилъ, и наносилъ имъ великій уронъ. Конунгъ Вальдемаръ провѣдалъ о томъ, что вчиналъ Аттила конунгъ, собиралъ себѣ людей по всему своему государству и послалъ противъ него; они встрѣтились въ землѣ вилькиновъ, и было тамъ у конунга Вальдемара гораздо больше войска. Оба намѣреваются вступить въ бой; а конунгъ Аттила поставилъ гунское войско и свой стягъ противъ стяга конунга Вальдемара, а конунгъ Тидрекъ ставитъ свое знамя и свой отрядъ противъ знамени Тидрека, сына конунга Вальдемара.

Гл. 295. И вотъ они съѣхались и весьма храбро бьются одни съ другими. Поѣхалъ Тидрекъ Бернскій передъ средину своего строя и рубитъ русскихъ на обѣ стороны; а къ нему подъѣзжаетъ Тидрекъ, сынъ Вальдемара, и они бьются вдвоемъ, такъ что никто не помогаетъ ни одному изъ нихъ. И вотъ наноситъ одинъ другому сильные удары и много тяжелыхъ ранъ, и бьются они со всей отвагой и ожесточеніемъ. Тидрекъ Бернскій получилъ девять ранъ, а Тидрекъ, сынъ конунга Вальдемара, 5 ранъ и все тяжелыхъ. Вотъ Тидрекъ Бернскій наѣзжаетъ со всей смѣлостью и не остановился, пока не взялъ Тидрека, сына Вальдемара, и не связалъ его затѣмъ. Заслышали они сильный военный кличъ и узнаютъ, что то бѣжитъ конунгъ Аттила со всѣмъ войскомъ гунновъ. Тидрекъ Бернскій кличетъ громко и гнѣвно: «Вы всѣ, мои люди, вернитесь и бейтесь, я не хочу бѣжать такимъ образомъ; и вы еще одержите побѣду, если захотите постоять за себя». И онъ яростно выѣзжаетъ впередъ и рубитъ на обѣ стороны, и всѣ его люди смѣло слѣдуютъ за нимъ. Конунгъ Аттила потерялъ

---

1) Аттила посылалъ его къ Озантриксу свататься за Эрку, гл. 42.

изъ своихъ людей 500 человѣкъ и послѣ этого обратился въ бѣгство, пока не достигъ гуннской земли. А Тидрекъ Бернскій бился весь день и потерялъ изъ своихъ людей 200 человѣкъ; а конунгъ Вальдемаръ потерялъ всего болѣе двадцати сотъ рыцарей.

Гл. 296. И вотъ ѣдетъ Тидрекъ со всѣми своими людьми туда, гдѣ былъ древній замокъ; и былъ онъ раззоренъ. Въ этотъ замокъ въѣхалъ Тидрекъ со своими людьми; а (кругомъ) осѣлъ конунгъ Вальдемаръ, и было у него больше двадцати тысячъ рыцарей; и каждый день бьется Тидрекъ съ этимъ сильнымъ войскомъ и убиваетъ изъ нихъ множество народа и причиняетъ имъ много другого вреда. А когда у Тидрека и его дружины стало мало съѣстныхъ припасовъ, онъ устроилъ черезъ лазучиковъ такъ, чтобы ему знать, что конунгъ Вальдемаръ сидитъ за трапезой и все войско его. Велитъ онъ вооружиться 500 рыцарямъ и 250 рыцарямъ велитъ выйти съ его знаменами, а изъ другихъ воротъ велитъ выѣхать остальнымъ 250 рыцарямъ. Русскіе не замѣтили ихъ прежде, чѣмъ они подошли къ нимъ съ двухъ сторонъ. Тидрекъ и его дружина подняли громкій военный кличъ и затрубили во всѣ рога. Думаетъ конунгъ Вальдемаръ (и люди его), что сюда пришелъ конунгъ Аттила со своей ратью и обращается въ бѣгство со всѣмъ своимъ войскомъ; а конунгъ Тидрекъ и люди его убиваютъ изъ нихъ много народу. Конунгъ Тидрекъ захватилъ здѣсь достаточно пищи и вина. Когда они только что обратились въ бѣгство, конунгъ Вальдемаръ догадался, что то было не что иное, какъ издѣвка и насмѣшка его враговъ, а никакого войска отъ конунга Аттилы не приходило. И онъ снова возвращается къ замку и осаждаетъ его до тѣхъ поръ, пока у Тидрека и его людей не стало съѣстныхъ припасовъ, и дошло до того, что они подъ конецъ ѣли своихъ коней.

Гл. 297. Однажды сошлись Тидрекъ съ дядькой своимъ Гильдебрантомъ на бесѣду и разсуждали, какое рѣшеніе имъ принять. Тидрекъ сказалъ: «Кого найдемъ мы среди нашихъ людей настолько отважнаго рыцаря, чтобъ у него хватило смѣлости поѣхать къ русскому войску, и такъ удачно, чтобъ онъ добрался до маркграфа, моего лучшаго друга, и сказалъ ему, въ какой крайности мы находимся». Отвѣчалъ Гильдебрантъ: «Здѣсь, думается мнѣ, нѣтъ на то столь подходящаго человѣка, какъ твой добрый другъ Вильдиверъ; если у кого изъ нашихъ людей есть отвага, такъ это, по моему мнѣнію, у него».—Тогда Тидрекъ призвалъ его къ себѣ и говоритъ:

«Вильдиверъ! поѣзжай, если у тебя есть смѣлость пробраться къ дружинѣ (сквозь войско?) Вальдемара конунга; можетъ такъ случиться, что тебѣ удастся доѣхать до маркграфа Родингейра; и если ты найдешь его, онъ, думается мнѣ, подастъ намъ помощь, когда узнаетъ, въ какой крайности мы обрѣтаемся». — Вильдиверъ отвѣчаетъ: «У меня столь тяжкія раны, что я не гожусь ѣхать въ такую трудную сѣчу; а другое то, что, пока я въ состояніи носить свой щитъ и мечъ, я не желаю разстаться съ тобою». Потому онъ сказалъ такъ, что не осмѣливался ѣхать. И еще сказалъ Вильдиверъ: «Позови своего родственника Ульфрада, попроси его поѣхать съ этимъ порученіемъ; здѣсь нѣтъ никого столь годнаго для такой поѣздки по мужеству и по силѣ». И вотъ пошли они туда, гдѣ былъ Ульфрадъ. Тутъ Тидрекъ сказалъ: «Ульфрадъ, родичъ мой! хочешь ты ѣхать съ моимъ порученіемъ въ станъ русскихъ и доставить вѣсть маркграфу Родингейру, до чего мы дошли? И скажи ему, въ какой крайности мы находимся». Отвѣчалъ Ульфрадъ: «Государь, Вильдиверъ поѣдетъ съ этимъ порученіемъ: онъ лучшій боецъ между нашими людьми; а я молодой человѣкъ и мало испытанъ въ храбрости, чтобы ѣхать на столь великую опасность». Тогда Тидрекъ отвѣчалъ: «У Вильдифера тяжкія и многія раны, и онъ не можетъ по этому ѣхать въ одиночку (einvigi) противъ столь сильнаго войска». Отвѣчалъ Ульфрадъ: «Вильдиверъ, другъ нашъ, не отваживается ѣхать и указалъ на меня; и если ты дашь мнѣ своего быстраго коня Фалька и добрый шлемъ Гильдигримъ и твой острый мечъ Эккисаксъ, я поѣду въ этотъ путь, если вы желаете». Тогда Тидрекъ сказалъ: «Это я сдѣлаю для тебя, дабы ты поѣхалъ въ этотъ путь». Тогда помѣнялись они доспѣхами, конунгъ Тидрекъ и Ульфрадъ.

Гл. 298. У Ульфрада были теперь всѣ доспѣхи конунга Тидрека, а также и его добрый конь; и вотъ онъ ѣдетъ изъ замка, когда наступила ночная темь, туда, гдѣ людьми Вальдемара конунга былъ разведенъ огонь; схватываетъ себѣ горящую головню и ѣдетъ, пока не добрался до середины войска конунга Вальдемара. Всѣ думаютъ, что то должно быть кто нибудь изъ сторожевыхъ, что такъ безстрашно ѣдетъ среди (i gegnum) ихъ войска. Ульфрадъ прибылъ туда, гдѣ середи палатки стоялъ большой шатеръ; здѣсь почивалъ самъ конунгъ Вальдемаръ и многіе именитые люди (hǫfðingiar). Онъ бросилъ въ этотъ шатеръ головню, которую держалъ,

чтобы освѣщать себѣ путь. Вотъ загорается тотъ шатеръ, ибо шелкъ легко воспламеняемъ; вскочили тѣ, что были въ шатрѣ, когда шатеръ загорѣлся надъ ними, и ищутъ спасенія. Тутъ Ульфрадъ обѣими руками убиваетъ 10 рыцарей. Но такъ какъ ночь была темна, то онъ и не узналъ, лишился-ли жизни конунгъ Вальдемаръ или нѣтъ. Вскочилъ онъ на своего коня и уѣхалъ. Конунгъ Тидрекъ и Гильдебрантъ и Вильдиверъ стояли на углахъ замка, видятъ, что шатеръ горитъ, и что то устроилъ Ульфрадъ, что поджегъ шатеръ, и учинилъ еще больше; и они сильно возрадовались. Вотъ ѣдетъ Ульфрадъ ночь и день до вечера, какъ только онъ могъ быстрѣе, пока не достигъ гуннской земли, и не нашелъ Аттилу съ его войскомъ и маркграфа Родингейра. А когда маркграфъ завидѣлъ его, онъ узнаетъ доспѣхи конунга Тидрека и думаетъ, что это должно быть самъ онъ, и выѣзжаетъ передъ войско на встрѣчу ему. А когда они встрѣтились, Ульфрадъ сказалъ: «Здравствуй, маркграфъ! конунгъ Тидрекъ шлетъ вамъ свой привѣтъ». Тутъ маркграфъ узналъ, что это не Тидрекъ, а мужъ конунга Тидрека. Тогда онъ сказалъ: «Слава Богу, что я знаю, что конунгъ Тидрекъ здоровъ; и мы скоро пойдемъ подать ему помощь». Тутъ отвѣчалъ Ульфрадъ и разсказываетъ все о своей поѣздкѣ, и какое порученіе далъ ему конунгъ Тидрекъ. Маркграфъ отправился тогда къ конунгу Аттилѣ и передалъ эти вѣсти. Когда Аттила услышалъ это, всталъ, велитъ трубить во всѣ свои рога; и всѣ они берутъ свои доспѣхи и шатры и возвращаются подать помощь конунгу Тидреку. Они ѣдутъ со своимъ войскомъ, пока не подъѣхали близко къ замку, гдѣ былъ конунгъ Тидрекъ. Когда сторожевые Вальдемара конунга Гольмгардскаго узнали, что непобѣдимое войско пришло въ Русскую землю, они поспѣшно пошли и говорятъ конунгу. Тогда конунгъ Вальдемаръ велитъ трубить въ свои рога и приказываетъ всѣмъ своимъ людямъ вооружиться, сѣсть на коней и отступать.

Гл. 299. Когда конунгъ Тидрекъ узналъ, что конунгъ Вальдемаръ отступаетъ, они выступили изъ замка и пошли на нихъ и убили изъ нихъ 200 человѣкъ. Когда конунгъ Тидрекъ возвращался въ замокъ, встрѣтилъ конунга Аттилу съ великимъ войскомъ. Когда они встрѣтились, каждый изъ нихъ очень радостно привѣтствовалъ другого; и конунгъ Аттила былъ радъ, что конунгъ Тидрекъ живъ и здоровъ. Затѣмъ они вошли въ замокъ. Тогда сказалъ маркграфъ Родингейръ: «Очень было прискорбно, что мы не могли придти

раньше и подать вамъ помощь въ такой крайности, въ какой вы находились». Тутъ возговорилъ Гильдебрантъ: «Мнѣ уже сто зимъ отъ роду; а не бывалъ я прежде въ такой нуждѣ, какую мы 500 человѣкъ испытали здѣсь; и такой насталъ у насъ голодъ, что мы съѣли 500 коней, и только семь осталось изъ тѣхъ, которыхъ мы привели сюда». Затѣмъ Тидрекъ пошелъ туда, гдѣ былъ Тидрекъ, сынъ конунга Вальдемара, указываетъ на него Аттилѣ и говоритъ: «Вотъ сынъ конунга Вальдемара, Тидрекъ, котораго я взялъ въ битвѣ, но по дружбѣ (нашей) я хочу отдать его тебѣ; и ты можешь дѣлать, что хочешь: убить его, или позволить его отцу выкупить его за золото, серебро и крѣпкіе города и большую волость (miklu riki)».—Тогда конунгъ Аттила сказалъ: «Вотъ дашь ты мнѣ даръ, который я считаю дороже груды (skippund=a wemight) краснаго золота; прими за это великую благодарность и нашу дружбу». Тогда поѣхали они, конунгъ Тидрекъ и конунгъ Аттила, обратно въ гунскую землю; и нечего разсказать объ этой поѣздкѣ, пока они не прибыли домой. У Тидрека было много тяжелыхъ ранъ, и лежалъ онъ въ ранахъ; а Тидрека, сына конунга Вальдемара, бросили въ темницу, и онъ также былъ очень израненъ.

Гл. 300. Послѣ того какъ конунгъ Аттила пробылъ дома полгода, случилось однажды, что ему пожелалось поѣхать на войну; и вотъ велитъ онъ трубить во свои рога и шлетъ приказъ повсюду, куда только простиралась его держава, чтобы пошли къ нему всѣ, кто хочетъ оказать ему помощь и отваживается на битву. Аттила снарядился со всѣмъ своимъ войскомъ, и было у него войска не меньше восьмисотъ рыцарей и несмѣтная сила другихъ людей. А Тидрекъ такъ израненъ, что не можетъ ѣхать съ Аттилой и оказать ему помощи. Тутъ выходитъ къ Аттилѣ королева Эрка и говоритъ: «У меня есть до васъ одна просьба, государь, чтобы вы выпустили изъ темницы Тидрека, сына Вальдемара, моего родича, и дозволили ему, чтобы я его лѣчила и сдѣлала здоровымъ; и если бы такъ хорошо вышло, чтобы вы оба, конунгъ Вальдемаръ и ты, замирились, будетъ лучше, чтобы Тидрека, сына Вальдемара, не убивали». Отвѣчалъ тутъ конунгъ Аттила: «Не могу я для васъ сдѣлать того, о чемъ вы просите, потому что если онъ выздоровѣетъ, пока меня не будетъ здѣсь, никогда потомъ не заполучу я его въ свою власть». Тогда Эрка королева сказала: «Коли онъ выздоровѣетъ, я прозакладываю голову свою на томъ, что если онъ уѣдетъ, то, когда вы вернетесь назадъ, я позволю вамъ отрубить мнѣ голову». Тутъ

Аттила конунгъ очень разгнѣвался и говоритъ: «Хочешь ли ты освободить изъ темницы наибольшаго врага моего, Тидрека, сына Вальдемара? Хочешь ли сдѣлать его здоровымъ? А если я упущу его, и онъ отъ тебя уйдетъ въ Русскую землю, эта потеря будетъ для меня важнѣе, чѣмъ лишиться Сузы, города моего, ибо родичи его предпочтутъ скорѣе выкупить его за много крѣпкихъ городовъ и большую волость (riki), чѣмъ его лишиться. И вотъ ты, жена, предлагаешь въ залогъ свою голову; не отпирайся тогда; коли ты упустишь Тидрека, сына Вальдемара, я отрублю тебѣ голову, а когда онъ вылѣчится, ты не помѣшаешь ему ѣхать домой». Сдѣлалось такъ, какъ того желала королева. Вотъ велитъ Эрка королева освободить своего родича Тидрека изъ темницы и перевести въ одну башню, велитъ устроить его роскошно, и сама сидитъ надъ нимъ и лѣчитъ его. А конунгъ Аттила идетъ со своимъ войскомъ дальними путями по населеннымъ и пустыннымъ мѣстамъ, пока не достигъ Польши и Руси (Pulinaland, Ruziland); здѣсь онъ воюетъ и пожигаетъ и опустошаетъ землю конунга Вальдемара.

Гл. 301. Теперь нужно обратиться къ королевѣ Эркѣ, какъ она лѣчитъ Тидрека, сына Вальдемара, родича своего. Она приказываетъ перенести его въ одну изъ самыхъ лучшихъ своихъ постелей, и каждый день приносила ему много лакомыхъ яствъ и дѣлала ему постоянно ванны и дарила много драгоцѣнностей. А къ Тидреку, конунгу Бернскому, она послала свою служанку лѣчить его; и та не умѣла такъ хорошо лѣчить его, какъ королева; съ его ранами было плохо, и затягивались онѣ медленно, и выходилъ отъ нихъ тяжелый духъ. А когда Тидрекъ, сынъ Вальдемара, выздоровѣлъ, онъ беретъ свои доспѣхи, надѣлъ поножи (brynhosom) добрые, облекся въ броню, надѣлъ себѣ на голову шлемъ гладкій, какъ стекло, бѣлый, какъ серебро, и (твердый) какъ сталь. Тутъ заговорилъ онъ со своимъ шлемомъ. «Ты, крѣпкій шлемъ мой! сказалъ онъ, много сильныхъ ударовъ вынесъ ты отъ Тидрека, конунга Бернскаго; и за всѣ эти удары, которые я получилъ отъ него, я отплатилъ ему, не легче и не меньше; и онъ лежитъ еще въ ранахъ, а я здоровъ. Если бы то сдѣлалъ другой мужъ, я убилъ бы его; но это такой славный боецъ, что я не могу убить его, ибо теперь онъ не способенъ къ бою. Теперь я поѣду изъ Сузы и по всему моему пути, пока не прибуду домой въ Русь; не помѣшаетъ мнѣ въ этомъ ни конунгъ Аттила, ни Тидрекъ Бернскій, ни изъ другихъ кто» И вотъ когда замѣтила королева Эрка, что онъ задумываетъ

уѣхать, спрашиваетъ Тидрека, родича своего: «Что ты такое затѣваешь про себя», сказала она. Говоритъ тогда Тидрекъ, сынъ Вальдемара: «Слишкомъ долго пробылъ я здѣсь въ гуннской землѣ, а теперь хочу ѣхать обратно въ свое царство». Тогда сказала королева Эрка: «Ты уѣзжаешь отсюда съ невеликой честью и такъ-то платишь мнѣ за то благодѣяніе, которое я оказала тебѣ; я поручилась за тебя своей головой; а ты на то не обращаешь вниманія, что меня убьютъ, если ты уѣдешь». Тутъ Тидрекъ сказалъ: «Ты могущественная королева, и Аттила конунгъ не убьетъ тебя; а если я дождусь его, то онъ навѣрное убьетъ меня». Онъ идетъ туда, гдѣ покоился Тидрекъ, конунгъ Бернскій, и спрашиваетъ, заросли-ли его раны, здоровъ-ли онъ и силенъ? Тидрекъ отвѣчалъ: «Ранъ у меня много и тяжелыхъ, такъ что духъ идетъ отъ нихъ; и я не могу ни ѣхать, ни идти, пока я въ такомъ состояніи». Тогда Тидрекъ, сынъ Вальдемара, пошелъ, гдѣ былъ его конь, накинулъ на него сѣдло и затѣмъ вскочилъ ему на спину. А конь тотъ былъ конунга Аттилы. Сказала тогда королева Эрка своему родичу Тидреку: «Останься здѣсь со мной; и я помогу тебѣ такъ, чтобы вы, конунгъ Аттила и ты, помиритесь. А если ты не хочешь этого, то конунгъ Аттила такъ свирѣпъ, что, когда вернется домой, отрубитъ мнѣ голову». Тидрекъ уѣхалъ, какъ будто она ничего не говорила.

Главы 302—315.

(по M^2).

Гл. 302. Горько сѣтуетъ королева Эрка, плачетъ и рветъ на себѣ одежду и идетъ туда, гдѣ лежалъ въ ранахъ Тидрекъ Бернскій. И говорила Эрка: «Тидрекъ, добрый молодецъ! пришла я сюда поискать у тебя благого совѣта. Вылѣчила я Тидрека, сына Вальдемара; а онъ отплатилъ мнѣ тѣмъ, что уѣхалъ. А какъ возвратится домой конунгъ Аттила, знаю я, что мнѣ вѣрная смерть, если не получу твоей помощи». Сказалъ тогда конунгъ Тидрекъ: «Хорошо, что онъ отплатилъ тебѣ такъ за то, что ты лѣчила его и дѣлала ему добро, приносила ему всякаго рода лакомства, дѣлала ему ванны и одаривала его драгоцѣнностями. А сюда ко мнѣ такъ прислала самую негодную служанку, которая не умѣла, да и не хотѣла лѣчить мои раны, а лежала съ мужемъ каждую ночь: это не въ обычаѣ врачей. Теперь мои раны наполовину хуже, чѣмъ когда я получилъ ихъ впервые, ибо на нихъ омертвѣлое мясо. Вотъ я раненъ и боленъ, такъ что

не могу ни ходить, ни сидѣть и ни съ кѣмъ сражаться. И не приходила ты ко мнѣ, госпожа, донынѣ, съ тѣхъ поръ какъ я въ этой постели». Тогда засѣтовала королева Эрка, плакала и жаловалась, зная, что такъ (именно) было, какъ онъ говорилъ о своихъ ранахъ. И снова она молвила: «Добрый господинъ, конунгъ Тидрекъ! ты первый изъ всѣхъ въ мірѣ мужей по храбрости и по мужеству. Горе мнѣ, сказала она, что не лѣчила тебя такъ, чтобъ ты могъ помочь мнѣ. Если бы я сдѣлала такъ, не уѣхалъ бы Тидрекъ, сынъ Вальдемара. Нѣтъ теперь у меня ни единаго мужа въ моемъ царствѣ, который бы мнѣ помогъ; отрубитъ конунгъ Аттила мою голову, и разгласится это по всей землѣ. О господинъ, конунгъ Тидрекъ, коли бы ты былъ теперь здоровъ, тогда бы я осталась въ живыхъ и правила моимъ царствомъ». И много разъ повторяла она то же самое, и плакала, и рвала на себѣ одежду и волосы, и била себя въ грудь.

Гл. 303. Тутъ молвилъ конунгъ Тидрекъ: «Принеси мнѣ сюда мой панцырь и оружіе». И еще молвилъ онъ: «Принеси мнѣ мой щитъ, и мы съѣдемся съ Тидрекомъ». Когда конунгъ Тидрекъ вооружился, велѣлъ привести своего коня и возложить на него сѣдло; затѣмъ вскочилъ ему на спину и поѣхалъ какъ скорѣе могъ. И когда ѣдетъ, его раны точатъ кровь, такъ что и панцырь его и конь — всѣ въ крови. Ѣдетъ онъ, пока не пріѣхалъ къ замку вилькиновъ. Въ этомъ замкѣ убитъ былъ Фридрекъ, сынъ конунга Эрминрика, что устроилъ Сифка. Въ этомъ замкѣ на одной башнѣ стояла дѣвушка, дочь ярла, владѣвшаго замкомъ; видѣла она поѣздку Тидрека, сына Вальдемара, а теперь видитъ, ѣдетъ за нимъ поспѣшно какой-то мужъ. И она пошла къ воротамъ замка, какъ только могла скрытнѣе и скорѣе. Конунгъ Тидрекъ подъѣхалъ такъ близко, что она могла разговаривать съ нимъ; онъ сказалъ: «Не видала ли ты, госпожа, проѣзжалъ здѣсь одинъ мужъ, на немъ бѣлый панцырь, у него бѣлый щитъ и конь сѣрой масти; это былъ мой товарищъ, и я хочу слѣдовать за нимъ въ его царство». Она сказала: «Видѣла я того мужа, о которомъ ты говоришь; недалеко онъ проѣхалъ въ лѣсъ». Понудилъ онъ шпорами коня своего Falk'а и ѣдетъ вдвое быстрѣе, чѣмъ раньше. Догадалась тутъ дочь ярла, что не другъ онъ тому, что впередъ проѣхалъ, а вѣрнѣе хочетъ убить его; и показалось ей, что она слишкомъ поспѣшила сказать, что между ними короткое разстояніе; и она обратилась къ нему еще разъ: «Добрый господинъ! заѣзжай сюда; я вижу, ты сильно раненъ; кровь течетъ по твоей бронѣ. Добрый господинъ! подъѣзжай сюда; я перевяжу твои раны; тогда

ты можешь скоро поѣхать за тѣмъ человѣкомъ, котораго ты хочешь догнать. Да и не можешь ты ѣхать такъ скоро, чтобы догнать его, вслѣдствіе твоихъ ранъ, ибо изъ всѣхъ нихъ сочится кровь. А если угодно будетъ тебѣ погодить, я перевяжу твои раны и будетъ тебѣ лучше ѣхать». А конунгъ Тидрекъ не хочетъ того вовсе и поѣхалъ затѣмъ какъ можно быстрѣе. А ей показалось яснымъ, что они настоящіе враги, и одинъ получилъ раны отъ другого; и не хочетъ она уйти прежде, чѣмъ не узнаетъ, какъ окончится ихъ передѣлка.

Гл. 304. Ѣдетъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій, пока не пріѣхалъ къ лѣсу, что зовется Borgarskogr; лежитъ этотъ лѣсъ между Польшей (Pulinaland) и гуннской страной. Видитъ Тидрекъ Бернскій поѣздку Тидрека, сына Вальдемара, когда ѣхалъ къ лѣсу, и зоветъ его: «Воротись! Я хочу дать тебѣ столько золота и серебра, сколько есть у меня въ гуннской странѣ, и ввести тебя въ дружбу съ конунгомъ Аттилой». Говорилъ Тидрекъ, сынъ Вальдемара: «Почему твой (þinn) врагъ предлагаетъ мнѣ золота и серебра, тогда какъ я никогда не сдѣлаюсь твоимъ другомъ? И не будь мнѣ въ томъ безчестья, никогда бы впредь не видать тебѣ царицы Эрки. Уѣзжай отъ меня, такъ какъ дурной духъ идетъ изъ твоихъ ранъ!» Молвилъ тутъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій: «Воротись, добрый товарищъ (felagi). Не честь тебѣ уѣхать такъ изъ земли гунновъ, что голова твоей родственницы, царицы Эрки, за тебя прозаложена, ибо мы оба поддержимъ тебя, дабы ты примирился съ конунгомъ Аттилой». Говорилъ Тидрекъ, сынъ Вальдемара, тѣ же самыя рѣчи, что и прежде. Тогда разгнѣвался Тидрекъ Бернскій и говоритъ: «Если ты не хочешь вернуться со мной въ гуннскую землю для-ради золота и серебра и дружбы моей, ни ради жизни родственницы твоей, царицы Эрки, ни ради доблести вашей и вашихъ родичей, такъ слѣзай съ коня твоего, если отважишься сразиться. А если ты этого не захочешь, будешь ты позоромъ для всякаго, и никогда съ этихъ поръ не зваться тебѣ порядочнымъ (dugandi) человѣкомъ, если побѣжишь передъ однимъ мужемъ; а конь мой настолько хорошъ, что не удастся тебѣ уѣхать, и ты будешь тогда убитъ въ битвѣ, и никогда потомъ твое имя не будетъ ходить среди храбрыхъ мужей». Когда услышалъ эти слова Тидрекъ, сынъ Вальдемара, поворотилъ своего коня, хочетъ навѣрно биться, а не бѣжать, хотя зналъ, что ему вѣрная смерть. Спрыгнулъ каждый съ своего коня, сходятся и долго бьются чрезвычайно храбро и отважно; разбиваютъ они другъ

у друга и панцырь и щиты, и были оба ранены. Когда уже долго пробились они, утомился Тидрекъ Бернскій отъ ранъ, которыя передъ тѣмъ получилъ, и тѣхъ, что́ получилъ теперь. И истомился и Тидрекъ, сынъ Вальдемара; и каждый поставилъ на землю свой щитъ, чтобы опереться на него и отдохнуть. Молвилъ тутъ Тидрекъ Бернскій: «Добрый другъ мой и тёзка! воротись, поѣдемъ назадъ оба вмѣстѣ и окажу я тебѣ такую помощь, что ты войдешь въ миръ съ конунгомъ Аттилой. А если выйдетъ такъ худо, что ты не войдешь съ нимъ въ мировую, тогда я возьму свое оружіе и своихъ людей и послѣдую за тобой домой въ твое царство». Но Тидрекъ, сынъ Вальдемара, вовсе того не хочетъ. И сходятся они во второй разъ, и бьются съ великою яростью; и вотъ однимъ сильнымъ ударомъ, который нанесъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій, онъ угодилъ справа въ шею Тидреку, сыну Вальдемара, такъ что голова его отскочила налѣво.

Гл. 305. Идетъ конунгъ Тидрекъ къ своему коню и держитъ въ рукѣ голову Тидрека, сына Вальдемара и привязываетъ ее (къ сѣдлу) пахвами (подхвостниками), и ѣдетъ тою же дорогою, пока не пріѣхалъ къ берегу вилькиновъ. Находитъ тамъ ту же самую дѣвушку, которая раньше предлагала перевязать его раны; теперь онъ принимаетъ это (предложеніе) и даетъ ей перевязать свои раны. Пока перевязывала она его раны, онъ набросилъ одежду на голову Тидрека, сына Вальдемара, чтобы не могла она ея видѣть. Пришелъ туда отецъ ея, ярлъ, и спросилъ, что то за мужъ, что́ тамъ съ его дочерью. Тутъ молвилъ Тидрекъ: «Не знаю, долженъ ли я по правдѣ назвать вамъ свое имя, потому что, если вѣрно то, что мнѣ сдается, я потерялъ здѣсь моего близкаго родича; а все-таки я скажу вамъ по правдѣ. Зовутъ меня Тидрекомъ, я сынъ Тетмара, конунга Бернскаго». Какъ услышалъ это ярлъ, почтительно проситъ Тидрека переночевать у него; а тотъ принимаетъ это (приглашеніе), такъ какъ былъ и очень раненъ и утомленъ. И эту ночь онъ былъ тамъ въ добромъ веселіи; и случилось такъ, что Тидрекъ и дочь ярла лежали ночью оба въ одной кровати.

Гл. 306. Когда наступилъ день, пришелъ ярлъ къ своимъ мужамъ и ищетъ у нихъ совѣта, что́ ему слѣдуетъ предложить конунгу Тидреку за его родича, такое, что было бы ему въ почетъ, а также имъ обоимъ. Отвѣчаетъ ему одинъ рыцарь; онъ былъ родичъ Сифки: «Такъ какъ Тидрекъ пришелъ сюда одинъ и такъ раненый, возьмемъ наше оружіе и убьемъ его; и нечего намъ будетъ впредь бояться его. А

если мы дадимъ ему уѣхать, то можетъ случиться, что онъ возьметъ весь нашъ замокъ и убьетъ всѣхъ своихъ недруговъ; онъ такъ свирѣпъ, что не щадитъ никого, хотя бы мы и меньше учинили, чѣмъ теперь». Отвѣчалъ ярлъ: «Если мы только убьемъ здѣсь конунга Тидрека, будетъ намъ вѣрная вражда отъ конунга Аттилы, какъ только онъ узнаетъ, что конунгъ Тидрекъ убитъ; а противъ него мы не въ состояніи удержать нашего города; онъ болѣе могущественный мужъ». Отвѣчалъ тогда другой витязь (hofðingi): «Лучше послѣдуемъ другому совѣту; зададимъ конунгу Тидреку пиръ и дадимъ ему добрые дары золотомъ и серебромъ и дадимъ ему много рыцарей, чтобы сопровождали его въ Сузу. Онъ хорошо это приметъ, какъ добрый витязь». Этого совѣта послушался ярлъ.

Гл. 307. Приказалъ ярлъ готовить большой пиръ, чтобъ угостить конунга Тидрека. И Тидрекъ остался тамъ нѣсколько дней. Потомъ ярлъ приказалъ снарядить шесть своихъ лучшихъ рыцарей въ пурпуръ и всяческія другія драгоцѣнности; идетъ къ Тидреку и говоритъ: «Конунгъ Тидрекъ! этихъ шесть рыцарей мы хотимъ дать вамъ ради вашего благоволенія къ намъ». Отвѣчаетъ Тидрекъ, проситъ принять за это большую его благодарность; и принимаетъ Тидрекъ всѣ эти (знаки) почета, которые оказалъ ему ярлъ. Сказалъ тогда ярлъ: «Съ одной просьбой хочу я къ вамъ обратиться и охотно бы желалъ, чтобъ она была исполнена». Отвѣчаетъ конунгъ: «Я не могу обѣщать тебѣ, пока не узнаю, чего ты просишь; но ради вашего благоволенія, я сдѣлаю для васъ то, что вы просите». Говоритъ ярлъ: «Я очень бы желалъ, чтобъ ты не гнѣвался на меня за то, что я убилъ твоего родича Фридрека, по наущенію Сифки; и, разумѣется, я не сдѣлалъ бы этого, еслибы зналъ это дѣло по истинѣ». Говорилъ ярлу конунгъ Тидрекъ: «Разумѣется, не вмѣняю я этого вамъ въ вину, такъ какъ вы приняли меня съ почетомъ и дали мнѣ добрые дары. Но если бы ты не сдѣлалъ этого, то навѣрно я отмстилъ бы за своего родича». Тидрекъ снарядился къ отъѣзду, съ нимъ тѣ шесть пригожихъ (kurteisi) рыцарей; тутъ ярлъ подошелъ къ коню Тидрека и снялъ съ него одежду, которою накрыто было сѣдло; и ему удалось увидѣть голову, и стало такимъ образомъ извѣстнымъ, какъ окончилась схватка съ Тидрекомъ сыномъ Вальдемара. Послѣ этого вскочилъ конунгъ Тидрекъ на спину своего коня, а за нимъ и шесть его рыцарей, и ѣдетъ онъ, пока не пріѣхалъ домой въ гуннскую землю. И когда онъ прибылъ домой въ Сузу, вышла ему на встрѣчу царица Эрка, и подумала, когда увидѣла

поѣздку Тидрека и его рыцарей, что въ поѣздкѣ будетъ и Тиддрекъ, сынъ Вальдемара, и очень она обрадовалась. Тогда конунгъ Тидрекъ взялъ голову своего тёзки и бросилъ ее къ ногамъ царицы. Расплакалась тутъ царица Эрка, и сильно печалилась, что такъ много ея родичей изъ за нея лишились жизни. А Тидрекъ прошелъ къ своему ложу и лежитъ тамъ въ ранахъ, какъ прежде; а тѣ шесть рыцарей были тамъ въ добромъ веселіи и служили ему съ большимъ почетомъ и вѣрностью.

Гл 308. Теперь надо разсказать о походѣ конунга Аттилы, какъ онъ сжегъ большіе бурги и замки въ царствѣ конунга Вальдемара. Когда конунгъ Вальдемаръ узналъ, что въ его царствѣ не мирно, посылаетъ приказъ по всей своей землѣ, чтобы всѣ сошлись къ нему, кто можетъ владѣть щитомъ и дерзаетъ биться. А когда конунгъ Вальдемаръ снарядился, чтобы идти противъ конунга Аттилы, было у него не меньше народу, какъ десять тысячъ рыцарей и много другого войска. Пошелъ онъ, пока не встрѣтилъ конунга Аттилы; и была тамъ великая битва, когда оба эти конунга сошлись. Бились они долгое время съ огромною храбростью и мужествомъ. Конунгъ Аттила ѣдетъ первымъ въ своемъ отрядѣ, и самъ держитъ знамя свое въ рукѣ; а въ другомъ отрядѣ ѣдетъ Гильдибрандъ съ людьми Тидрека, конунга Аумлунговъ, и держитъ въ рукѣ своей знамя Тидрека. И дерется онъ очень храбро, и пали передъ нимъ многіе изъ войска конунга Вальдемара. То же самое дѣлаетъ и маркграфъ Родингейръ. Конунгъ Вальдемаръ ѣдетъ впередъ очень смѣло и возбуждаетъ русскихъ (Ruzimenn) и велитъ трубить въ рога (mörgum). Поднимается тогда великая сѣча и шумъ отъ возбужденія и натиска русскихъ, и пало много изъ войска гунновъ. До того дошла ихъ передѣлка, что конунгъ Аттила бѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомь, а до того онъ потерялъ изъ людей своихъ не меньше десяти сотъ. Видятъ маркграфъ и Гильдибрандъ, что бѣжитъ конунгъ Аттила. Вспомнилъ тогда Гильдибрандъ, какъ храбры въ битвѣ Аумлунги, и снова побуждаетъ ихъ биться, а маркграфъ дѣлаетъ то же самое съ своимъ войскомъ; одни возбуждаютъ другихъ и поддержали битву со всею возможною храбростью и въ короткое время убили десять сотъ человѣкъ. Случилось такъ, что противъ нихъ вышелъ одинъ греческій ярлъ (jarl einn af Greka; B, Gerseka borg) конунга Вальдемара и такъ сильно ударилъ Гильдибранда своимъ копьемъ, что Гильдибрандъ упалъ съ коня на землю. Какъ увидѣлъ маркграфъ, что Гильдибрандъ упалъ, побу-

ждаетъ своихъ людей, а также и Аумлунговъ, чтобы они быстро пошли впередъ на помощь Гильдибранду, дабы онъ могъ бѣжать. И ѣдетъ маркграфъ туда, гдѣ былъ Гильдибрандъ, и ему удалось поймать его коня и привести его ему. Какъ только тотъ взобрался на своего коня, сталъ драться со страшною яростью, быстро ѣдетъ впередъ и бьется нѣкоторое время съ великою доблестью (hoeversku). Такъ кончилась битва, что Гильдибрандъ обратился въ бѣгство, ибо онъ имѣлъ дѣло съ столь превосходной силой, что нельзя было подступиться (lenda), а онъ потерялъ 100 человѣкъ изъ Аумлунговъ. И маркграфъ также потерялъ не меньше людей, и побѣжалъ на этотъ разъ. И ѣдутъ, пока не прибыли въ гуннскую землю, и нашли тамъ конунга Аттилу. Понесли они пораженіе съ безчестіемъ и поѣхали домой въ Сузу.

Гл. 309. Когда прибыли они домой, пришелъ Гильдибрандъ туда, гдѣ покрытый ранами лежалъ конунгъ Тидрекъ и говоритъ: «Я радъ, что вижу тебя въ живыхъ; но былъ бы еще болѣе радъ, если бы ты сталъ здоровымъ и способнымъ къ ратной службѣ (herfoerr)». Спросилъ конунгъ Тидрекъ Гильдибранда, что̀ новаго совершилось въ ихъ походѣ на Русь. Отвѣчалъ Гильдибрандъ: «Есть о чемъ поразсказать. Часто ты говорилъ, что конунгъ Аттила очень храбръ, добрый витязь и отваженъ въ сраженіи; но мнѣ кажется, будто не долженъ онъ быть ни бойцемъ, ни храбрецомъ, скорѣй, сдается мнѣ, величайшимъ псомъ, ибо, когда пришли мы на Русь, выступилъ противъ насъ конунгъ Вальдемаръ; и когда мы приготовились къ битвѣ, вышли противъ насъ русскіе и дрались очень храбро; и когда битва была упорнѣйшая, и мы должны бы были дружно (bezt) идти впередъ — тогда обратился въ бѣгство этотъ скверный песъ Аттила конунгъ со всѣмъ войскомъ гунновъ и далъ пасть стягу (древку?) своего знамени. Тогда вспомнилъ я, какую большую довѣренность (traust) имѣлъ я, тамъ, гдѣ были Ѳмлунги и со мной маркграфъ Родингейръ. Выѣхалъ я три раза противъ войска русскихъ, и въ это время пало не менѣе тысячи мужей. Тогда выступилъ противъ меня одинъ ярлъ конунга Вальдемара, храбро наѣхалъ на меня и изо всей силы ударилъ въ меня, такъ что я свалился съ коня на землю. И мы обязаны маркграфу, что онъ привелъ мнѣ моего коня и помогъ бѣжать. Такъ понесли мы пораженіе и позоръ на Руси». Отвѣчалъ конунгъ Тидрекъ: «Дядя (meistari) Гильдибрандъ, оставь это и не разсказывай мнѣ больше о вашемъ походѣ, ибо онъ крайне дурно удался. Надѣюсь, что мнѣ будетъ лучше и

я вылѣчусь отъ своихъ ранъ; и коли такъ будетъ, мы еще пойдемъ на Русь и прежде, чѣмъ уѣдемъ оттуда, попытаемъ, кто изъ насъ раньше побѣжитъ, конунгъ Вальдемаръ или мы. И не долго будутъ хвалиться русскіе, что у нихъ больше доли, чѣмъ у гунновъ или Ѳмлунговъ». И прежде чѣмъ прошло полгода, выздоровѣлъ конунгъ Тидрекъ.

Гл. 310. Однажды призвалъ Тидрекъ конунга Аттилу къ себѣ на бесѣду и сказалъ: «Помнишь-ли ты, господинъ, сколь большое безчестье получилъ ты въ послѣдній разъ на Руси отъ конунга Вальдемара; такъ хочешь-ли ты отмстить за себя или оставить это такъ»? Отвѣчалъ конунгъ Аттила: «Разумѣется, я не хочу оставлять этого такъ, если получу отъ тебя помощь; и я надѣюсь, что ты окажешь мнѣ ее, какъ и раньше, твоимъ мужествомъ и храбростью». Отвѣчалъ тогда конунгъ Тидрекъ: «Вѣстимо, я окажу тебѣ помощь; если хочешь принять мой совѣтъ, надо собрать войско по всему твоему царству; и не должны мы медлить, потому что либо конунгъ Вальдемаръ убѣжитъ передъ нами изъ своего царства, либо потеряетъ свою жизнь, или же въ третьемъ случаѣ мы не вернемся домой живыми." Тогда конунгъ Аттила приказалъ послать приказъ по всему своему царству, чтобы всякій мужъ пришелъ къ нему, кто хочетъ помочь конунгу и имѣетъ настолько мужества, чтобы сражаться. И собралъ конунгъ Аттила въ короткое время большое войско, не меньше какъ десять тысячъ рыцарей. И еще приказываетъ онъ снова послать приказъ, чтобъ пришли къ нему всѣ, которымъ отъ роду 20 лѣтъ и болѣе; и прежде чѣмъ онъ выѣхалъ изъ гуннской земли, у него было 20000 рыцарей и много другого войска. Идетъ онъ съ этимъ войскомъ на Русь и на Польшу и сжигаетъ бурги и замки всюду, гдѣ проходитъ. И пришелъ конунгъ Аттила со всѣмъ своимъ войскомъ къ городу, который зовется Полотскомъ (Palteskia; A Palltica; B Faltica). Городъ этотъ такъ укрѣпленъ, что они едва-ли знаютъ, какъ имъ удастся взять его; была тамъ крѣпкая каменная стѣна, большія башни и широкіе и глубокіе рвы, а въ городѣ было великое войско для его защиты; да и тѣ, которые охраняли этотъ городъ, весьма мало боялись войска конунга Аттилы. Когда конунгъ Аттила увидѣлъ, какъ трудно будетъ взять городъ, велитъ разбить палатки и на три стана раздѣляетъ войско: подъ своимъ знаменемъ ставитъ онъ 10000; а другихъ 10000 рыцарей располагаетъ другимъ станомъ, а надъ нимъ начальникомъ (hofðingia) Тидрека Бернскаго, и за этимъ отрядомъ слѣдовало большое множество бродягъ

(ribballda); а въ третьемъ станѣ ставитъ онъ 10000 рыцарей подъ начальствомъ маркграфа Родингейра, и была у него большая толпа скомороховъ. И вотъ каждый изъ этихъ начальниковъ ставитъ въ своемъ станѣ свои шатры (herbuđir) противъ города; и много дней бьются они съ горожанами, совершаютъ много великихъ дѣлъ и каждая сторона теряетъ отъ другой много людей.

Гл. 311. Когда лежали они вокругъ города три мѣсяца, говоритъ конунгъ Тидрекъ конунгу Аттилѣ, что не хочетъ онъ дольше оставаться со всѣмъ войскомъ въ этомъ мѣстѣ, и говоритъ такимъ образомъ: «Господинъ, конунгъ Аттила! теперь хотимъ мы одно изъ двухъ: или поѣзжайте со своимъ отрядомъ дальше на Русь, а также и маркграфъ въ другое мѣсто, а мы будемъ сидѣть съ нашимъ отрядомъ у этого города, и не прежде уйдемъ отсюда, какъ когда городъ будетъ взятъ; но такъ, что если тебѣ лучше захочется сидѣть здѣсь, мы поѣдемъ на другое мѣсто». Конунгъ Аттила отвѣтилъ умѣренно, и ему пришло на мысль, что конунгъ Тидрекъ хочетъ получить позволеніе взять этотъ городъ; а ему сдается, что много разрушено въ городской стѣнѣ, ибо день и ночь дѣйствовали стѣнобитныя машины, которыми двигали не меньше 300 человѣкъ, и было ихъ много въ каждомъ отрядѣ. И то еще пришло ему на умъ, что если конунгъ Аттила захочетъ остаться одинъ съ своимъ отрядомъ, можетъ случиться, что явится конунгъ Вальдемаръ и будетъ съ нимъ сражаться съ непобѣдимымъ войскомъ, которое, какъ онъ слышалъ, онъ собралъ — и что тогда ему будетъ недоставать помощи конунга Тидрека и маркграфа. Конунгъ Аттила такимъ образомъ отвѣчалъ конунгу Тидреку: «Добрый другъ! такъ много усердія я положилъ на то, чтобъ взять этотъ городъ, что не желалъ бы уѣхать отсюда прежде, чѣмъ мое знамя будетъ поставлено на бастіонахъ города. Скорѣе я попрошу тебя, чтобы ты, а также и маркграфъ Родингейръ не уѣзжали, ибо мы часто бились съ Русскими такъ, что были въ меньшинствѣ передъ превосходной силой ихъ. У насъ большое войско, такъ что намъ ничто не можетъ повредить, если мы не раздѣлимъ нашего войска». Отвѣчалъ конунгъ Тидрекъ: «Долго будемъ мы покорять Русь, если втроемъ будемъ сидѣть подъ однимъ городомъ. Мы пришли противъ всей русской рати съ войскомъ не болѣе 10 сотъ человѣкъ, а теперь у насъ 10000 рыцарей и много другого войска; а мы такъ отдѣлились отъ войска, что русскіе поставили противъ насъ болѣе чѣмъ 20 сотъ человѣкъ. Теперь ты, господинъ, оставайся здѣсь съ твоимъ

войскомъ и маркграфъ со своимъ; а я выѣду съ моимъ отрядомъ и поищу себѣ многихъ городовъ, ибо гунны теперь одержатъ побѣду». И на этомъ они согласились.

Гл. 312. И вотъ снимаетъ конунгъ Тидрекъ всѣ свои шатры и ведетъ все свое войско въ Русь. Онъ идетъ по ней съ опустошеніемъ и куда не придетъ убиваетъ много людей, разрушаетъ много замковъ и бурговъ и причиняетъ великое зло. Вотъ пришелъ онъ къ городу, который зовется Смоленскомъ (Smaland, Sirialand), и обложилъ этотъ городъ своимъ войскомъ; и были у него большія битвы съ горожанами. И какъ пробылъ онъ тамъ шесть дней, туда пришелъ конунгъ Вальдемаръ съ русскимъ войскомъ, и было у него не менѣе 40.000 войска. Тутъ велитъ конунгъ Тидрекъ трубить во всѣ свои рога, приказываетъ Аумлунгамъ и гуннамъ вооружиться, вскочить на своихъ коней и ѣхать противъ конунга Вальдемара; и они говорили, что въ этотъ день долженъ конунгъ Вальдемаръ или погибнуть или бѣжать, или въ третьемъ случаѣ самъ конунгъ Тидрекъ падетъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Конунгъ Тидрекъ ѣдетъ на вражескій отрядъ, а съ нимъ его родичъ Ульфрадъ и дядька Гильдибрандъ (maeistari) и его добрый другъ Вильдиверъ; и завязалась упорная и вмѣстѣ долгая сѣча. Конунгъ Тидрекъ заѣхалъ въ середину русскаго войска и бьетъ съ двухъ сторонъ ровно людей и коней, и падаютъ они одни на другихъ; а его витязи храбро слѣдуютъ за нимъ, и каждый изъ нихъ валитъ великое множество; всѣ Омлунги были веселы и сражались весь тотъ день съ большой отвагой. А конунгъ Тидрекъ бьется тутъ въ войскѣ, какъ левъ въ стадѣ, и всѣ боятся его оружія; и весь онъ въ крови, а также его конь. И вдругъ встрѣчаетъ онъ предъ собою знамя и отрядъ самого конунга Вальдемара, ѣдетъ на него очень отважно и поражаетъ однимъ ударомъ рыцаря, который держалъ знамя, въ его правую руку, а съ рукой и броню, и знамя упало на землю; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наноситъ смертельный ударъ самому конунгу Вальдемару. Послѣ того поднимается великій кличъ и шумъ со стороны Аумлунговъ и гунновъ, и одинъ возбуждаетъ другого; а русскіе валятся сотнями. Тутъ побѣжали русскіе; было ихъ повалено передъ тѣмъ, словно кустарнику, тамъ, гдѣ они сошлись. Аумлунги и гунны бьются весь тотъ день, ночь и слѣдующій день и убиваютъ всякаго, кого могли остановить; и только малая часть убѣжала.

Гл. 313. Спустя три дня послѣ того, какъ конунгъ Тидрекъ уѣхалъ отъ конунга Аттилы, конунгъ Аттила дѣлаетъ такой сильный при-

ступъ къ городу съ военными машинами и самострѣлами (lás—bogum: latch—bow, cross—bow), что имъ удалось взять городъ. И въ тотъ день гунны взошли въ городъ со всѣмъ своимъ войскомъ, перебили много людей и взяли несчетную добычу, почти весь городъ сравняли съ землею. Тогда совершены были дѣла, которыя еще можетъ видѣть кто приходитъ въ тотъ городъ.

Гл. 314. Послѣ этого конунгъ Аттила ведетъ все свое войско дальше на Русь, гдѣ только слышалъ о конунгѣ Тидрекѣ. И когда Тидрекъ конунгъ вернулся назадъ къ Смоленску, пришелъ туда и конунгъ Аттила со своимъ войскомъ; и конунгъ Тидрекъ разсказываетъ конунгу Аттилѣ всѣ новости, которыя случились въ его походѣ съ тѣхъ поръ, какъ они разстались. Въ городѣ этомъ былъ ярлъ Иронъ, братъ конунга Вальдемара. Держитъ онъ совѣтъ со своими мужами: «Кажется мнѣ, у насъ въ рукахъ два выбора: одинъ таковъ, чтобъ поддержать битву съ конунгомъ Аттилой, пока сможемъ, хотя всего болѣе можно ожидать, что мы не устоимъ противъ ихъ превосходства и погибнемъ; но есть и другой выборъ: сдаться и сдать городъ во власть конунга Аттилы». Тогда снималъ ярлъ свою обувь (af sinom skom), сложилъ всѣ свои доспѣхи; и такимъ образомъ всѣ начальники русскіе (hofðingiar), босые и безъ оружія вышли изъ города, показывая этимъ, что они побѣждены. И въ этотъ день честь и власть русскихъ конунговъ передана была конунгу Аттилѣ. Держитъ совѣтъ конунгъ Аттила съ конунгомъ Тидрекомъ, какой миръ ему дать этому ярлу. «Кажется мнѣ полезнымъ (syniz mer ráð), сказалъ конунгъ Тидрекъ, коли хочешь такъ поступить, — даровать миръ этому ярлу и его мужамъ; хотя онъ пришелъ въ вашу власть и все его царство вамъ подчинилось, тебѣ въ честь и достоинство не убивать его, ибо у него нѣтъ оружія, чтобъ обороняться; а всѣмъ царствомъ русскихъ ты воленъ завладѣть». Конунгъ Аттила сказалъ ярлу: «Если любо вамъ служить намъ вѣрно, объявите это на вашу вѣру; и мы дадимъ миръ тебѣ и всѣмъ вашимъ мужамъ, которые пришли въ нашу власть, по совѣту конунга Тидрека и другихъ нашихъ воеводъ» (hofðingja). Отвѣчалъ ярлъ Иронъ такимъ образомъ: «Господинъ конунгъ Аттила! если бы было у насъ такое большое войско, чтобъ могли мы держать городъ передъ гуннскимъ войскомъ, не пришли бы мы въ вашу власть; а потому и дѣлайте съ нами (судьбой, ráð), что хотите. Затѣмъ и сложили мы наше оружіе и отворили городъ, и сами пришли къ вамъ босые, и стоимъ теперь у вашихъ колѣнъ,

что знали васъ за добрыхъ витязей и сильныхъ мужей, какъ это теперь и оказалось. Къ тому вело и другое обстоятельство, что всѣ сильнѣйшіе вожди (воеводы, hofðingiar) русскихъ убиты; и, конечно, будемъ мы то дѣлать по вѣрѣ, оказывая вамъ повиновеніе." Тутъ конунгъ Аттила поднялъ ярла Ирона и посадилъ его со своими воеводами.

Гл. 315. Зоветъ конунгъ Аттила конунга Тидрека и многихъ другихъ воеводъ на совѣтъ; и рядятъ они земскій рядъ, какъ устроить все то царство, которое они покорили. И затѣмъ, по совѣту конунга Тидрека и другихъ воеводъ, посадилъ конунгъ Аттила ярла Ирона воеводою на Руси, управлять тѣмъ царствомъ, судить по земскому закону и платить дани конунгу Аттилѣ и давать ему подмоги, когда ему понадобится.

Главы 349—355.

Гл. 349. Конунгъ Гертнидъ былъ могущественный мужъ въ странѣ вилькиновъ и великій витязь (hofðingi) во всѣхъ отношеніяхъ, лучшій изъ всѣхъ бойцовъ. Его жена была Остація, дочь Руны, конунга Восточнаго царства (Austrríki). Ея мачеха была такъ искусна въ чарахъ, что заколдовала ее въ дѣтствѣ и передала ей свое колдовство, такъ что она стала столь же вѣщей, какъ была прежде нея ея мачеха. Остація была тѣмъ не менѣе прекраснѣе и мудрѣе всѣхъ женъ, но была также очень зла (illgjörn). Конунгъ Гертнидъ очень ее любилъ.

Гл. 350. Въ это время правилъ въ землѣ Бертанговъ конунгъ Изунгъ Сильный со своими сыновьями. Былъ онъ большой недругъ конунга Гертнида и оказывалъ большую помощь конунгу Аттилѣ и причинялъ много вреда мужамъ вилькинамъ. Конунгъ Гертнидъ очень хотѣлъ отомстить за то, что убитъ былъ конунгъ Озантриксъ, братъ его отца, прежде всего конунгу Аттилѣ и конунгу Тидреку, а затѣмъ конунгу Изунгу, что былъ третьимъ наибольшимъ зачинщикомъ (höfudsmaðr) въ убіеніи конунга Озантрикса. Вотъ собираетъ Гертнидъ конунгъ большое войско и ѣдетъ съ войскомъ, пока не прибылъ въ страну бертанговъ въ царство конунга Изунга. Тамъ жжетъ онъ и убиваетъ мужей и беретъ много добра. Конунгъ Изунгъ и его сыновья сидятъ въ Бертангабургѣ (Baertangaborg) и не знали, что надѣлалъ конунгъ Гертнидъ. А когда конунгъ Гертнидъ захватилъ такую большую добычу и проѣхалъ такъ далеко,

какъ хотѣлъ, въ землю бертанговъ, онъ отправился обратно домой сохранивъ всѣхъ своихъ мужей.

Гл. 351. Конунгъ Изунгъ и его сыновья узнаютъ, что сдѣлалъ Гертнидъ, конунгъ страны вилькиновъ, что̀ былъ ихъ наибольшимъ врагомъ. Они собираютъ войско по всему своему царству и ѣдутъ за конунгомъ Гертнидомъ и хотятъ отомстить за себя. Онъ шлетъ вѣсть хорошему своему другу Тетлейѳу Датскому и другому мужу, Фазольду Гордому. Они хорошо приняли его посланіе (orðsending) и ѣдутъ со своими мужами на встрѣчу Изунгу королю; сходятся они всѣ вмѣстѣ въ землѣ вилькиновъ, и жгутъ тамъ много большихъ селеній и убиваютъ много людей. Передъ ними бѣжитъ все, гдѣ бы они ни проѣзжали. Ни одинъ мужъ не отваженъ настолько, чтобъ осмѣлился метнуть противъ нихъ копье. Все бѣжитъ: часть въ лѣсъ, часть на корабли, а часть въ безлюдныя степи; иные бѣгутъ къ конунгу Гертниду, говорятъ ему, что пришелъ въ его царство конунгъ Изунгъ изъ земли бертанговъ со своими сыновьями, а съ нимъ Тетлейѳъ Датскій и Фазольдъ Гордый, и всего у нихъ пять тысячъ воиновъ; и ни одинъ отрядъ не устоитъ передъ ними, ни одинъ витязь не отваживается ихъ выждать. При этой вѣсти очень разгнѣвался конунгъ Гертнидъ и шлетъ по всей своей землѣ приказъ, чтобы всѣ воины изъ мужей вилькиновъ сходились вмѣстѣ защищать свою землю. Такая вѣсть всѣмъ кажется странною, чтобы (можно было) сражаться противъ столь сильныхъ витязей, какіе пришли теперь въ землю вилькиновъ.

Гл. 352. Затѣмъ собралось къ конунгу Гертниду большое войско. А его супруга Остація вышла и возбудила своихъ духовъ (raerði sinn gand); такъ мы называемъ то, что она пошла колдовать, какъ дѣлалось въ старину, что вѣщія жены, которыхъ мы зовемъ вёльвами, чаровали чары (skylðu sæiða honom sæið). Такъ много совершила она своими чарами и колдовствомъ, что наворожила къ себѣ разныхъ звѣрей, львовъ и медвѣдей, и большихъ летучихъ драконовъ. Она укротила ихъ всѣхъ до того, что они ее слушались; и она могла направить ихъ противъ своихъ враговъ. Такъ говорится въ нѣмецкихъ пѣсняхъ, что ея войско походило на самого дьявола; а сама она стала на подобіе (sem) летучаго дракона. Конунгъ Гертнидъ ведетъ свое войско противъ конунга Изунга; и когда они сошлись, была жестокая битва. Конунгъ Изунгъ и его сыновья быстро идутъ впередъ со своимъ знаменемъ и убиваютъ много мужей, рубятъ по обѣ стороны коней и людей; и передъ ними

валится войско, гдѣ они прошли впередъ. Въ другомъ мѣстѣ выѣзжаетъ Тетлейфъ Датскій со своимъ отрядомъ; и онъ также убиваетъ многихъ мужей, и передъ нимъ не устояли вилькиновы мужи. Третій же отрядъ былъ у Фазольда Гордаго; онъ сражался въ этотъ день съ большимъ мужествомъ и разлучилъ многихъ мужей съ ихъ конями, такъ что больше никогда они не видѣлись. Мужи вилькины валятся въ этой битвѣ такъ, какъ когда сжинаютъ ниву.

Гл. 353. Въ это мгновеніе приходитъ туда Остація со своимъ сонмомъ, который собрала она чарами. Драконы летаютъ надъ войскомъ и наносятъ смерть людямъ своими когтями и пастями, львы дерутся и кусаютъ, также и медвѣди; а сама Остація носится въ видѣ дракона надъ войскомъ, и наказываетъ всѣмъ звѣрямъ и всѣмъ драконамъ драться. Конунгъ Изунгъ и его сыновья видятъ, что это сильное и свирѣпое полчище (svæit) причиняетъ имъ много вреда. Онъ побуждаетъ шпорами коня своего и крѣпко хватаетъ свое копьище, столь длинное и толстое, что на трое расколотъ былъ дубъ, и его копьище было одною частью того толстаго дуба. Видитъ онъ, гдѣ летитъ тотъ вредоносный драконъ, что̀ былъ больше и ужаснѣе, чѣмъ всѣ другіе, и пускаетъ копьемъ въ дракона. Драконъ видитъ, какъ это большое копье летитъ на него, отлетаетъ прочь, копье пронеслось мимо него; а драконъ бросается сверху на короля, хватаетъ его своей пастью и когтями, и проглатываетъ его. Видитъ то его старшій сынъ, что̀ былъ всѣхъ ихъ сильнѣе, и своимъ копьемъ пронзаетъ дракона сквозь лапу вверхъ до живота. Драконъ повернулся при ударѣ и схватилъ его своими когтями такъ крѣпко, что они прошли сквозь панцырь и животъ; такъ онъ былъ убитъ, а до того онъ убилъ льва и медвѣдя. Въ эту минуту Лорантинъ, младшій сынъ конунга, убилъ одного льва и былъ раненъ, и одного дракона ранилъ онъ на смерть; а драконъ нанесъ ему своими когтями смертельную рану. Такъ долго длилась битва, что драконы и львы почти всѣ утратили жизнь подъ сильными ударами сыновей конунга Изунга. И конунгъ Изунгъ убитъ со всѣми своими сыновьями отъ звѣрей и драконовъ; и никто не причинилъ имъ смерть инымъ способомъ, кромѣ чаръ Остаціи.

Гл. 354. Фазольдъ Гордый велѣлъ нести впередъ свое знамя въ средину войска вилькиновъ противъ конунга Гертнида, и настаетъ тутъ жестокій бой между двумя этими вождями. Фазольдъ обѣими своими руками убилъ многія сотни мужей вилькиновъ; онъ теперь очень израненъ и утомленъ въ бою. Вотъ ѣдетъ на него самъ конунгъ

Гертнидъ и мечетъ своимъ копьемъ въ его грудь, такъ что оно прошло промежъ плечъ. Палъ Фазольдъ мертвый со своего коня, и пала раньше большая часть его дружины. Видитъ это Тетлейфъ Датскій тамъ, гдѣ онъ дрался и валилъ мужей вилькиновъ, такъ, что груда убитыхъ лежала не ниже, чѣмъ его сѣдло. Онъ также потерялъ почти всѣхъ своихъ мужей, и самъ онъ очень израненъ. Тѣмъ не менѣе онъ храбро въѣзжаетъ въ войско мужей вилькиновъ и хочетъ отомстить за Фазольда, своего любимаго друга. Онъ побуждаетъ шпорами коня своего и наѣзжаетъ на конунга Гертнида, мечетъ своимъ копьемъ въ его щитъ, такъ, что оно разнесло щитъ и двойную броню и прошло подъ рукою и совсѣмъ разсѣкло плечи въ углубленіи у лопатки; и конунгъ тутъ же упалъ съ коня на землю. Тетлейфъ убилъ тамъ своимъ мечомъ многихъ славныхъ витязей надъ конунгомъ Гертнидомъ; и многіе теперь побѣжали, лишь немногіе остались. Тутъ летитъ одинъ изъ злѣйшихъ драконовъ надъ Тетлейфомъ съ разинутой пастью и хочетъ причинить ему смерть. Тетлейфъ метнулъ своимъ копьемъ вверхъ къ дракону въ его пасть, такъ что оно прошло сквозь шею. Драконъ охватилъ его своими когтями и бьетъ крыльями, и наваливается весь на него сверху; и такъ принялъ смерть Тетлейфъ Датскій и конь подъ нимъ.

Гл. 355. Когда пали всѣ витязи изъ Бертанга, мужи вилькины разошлись не прежде, чѣмъ убиты были всѣ мущины (manns barn) войска бертанговъ. Мужи великаны находятъ своего господина, конунга Гертнида очень израненнымъ сильными ранами, взяли его съ собой; пришли лучшіе врачи, какіе были въ странѣ вилькиновъ, и лѣчатъ его. Когда конунгъ Гертнидъ прибылъ домой въ свой бургъ, жена его Остація была больна; и тогда узналъ конунгъ Гертнидъ, откуда ему пришла подмога, которую принесли ему драконы и звѣри, и какъ искусна была въ чарахъ его жена. Спустя три дня она умираетъ съ невеликимъ почетомъ (með litlum orðstir). А конунгъ Гертнидъ исцѣляется отъ своихъ ранъ и правитъ своимъ царствомъ, землей вилькиновъ, какъ еще сказывается въ сагѣ о немъ, и совершаетъ много подвиговъ, пока былъ конунгомъ въ землѣ вилькиновъ; и о немъ есть очень большая сага, хотя объ этомъ не говорится здѣсь, въ этой повѣсти (frasögn).

Александръ Веселовскій.

Изъ литературной дѣятельности Арсенія Мацѣевича.

Арсеній Мацѣевичъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Священника М. С. Попова. С.-Петербургъ. 1905 г. I—VII + 264 + 1 — XXVIII.

Въ настоящей своей замѣткѣ мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о IV-й главѣ этого сочиненія, которая озаглавлена такъ: «Борьба митрополита Арсенія съ раскольниками». «Въ настоящей главѣ», говоритъ авторъ въ первомъ примѣчаніи, «излагается содержаніе двухъ неизданныхъ дѣлъ: 1) дѣла Архива Св. Синода 1742 г. № 407, гдѣ находится переписка по исправленію книги архіепископа Ѳеофилакта «Обличеніе неправды раскольнической» и 2) дѣла въ Государственномъ Архивѣ отъ 1751 г. «города Романова о посадскомъ человѣкѣ Петрѣ Волчкѣ». Дѣло Св. Синода онъ излагаетъ очень кратко. 11-го мая 1742 года, вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Тобольска, Арсеній Мацѣевичъ получилъ порученіе отъ Св. Синода разсмотрѣть книгу епископа Ѳеофилакта Лопатинскаго «Обличеніе неправды раскольнической» и представить свое мнѣніе о ней, въ теченіе же слѣдующаго 1743 года послано было три побудительныхъ указа къ Арсенію Мацѣевичу о скорѣйшемъ приготовленіи книги къ печати. 12-го января 1744 года Арсеній Мацѣевичъ извѣщаетъ Св. Синодъ, что книга Ѳеофилакта исправлена и что онъ пишетъ свое «Дополненіе» къ ней и даже представляетъ начало его на 18 листахъ. Наконецъ, въ 1745 году «Обличеніе неправды

раскольнической» Арсеніемъ было разсмотрѣно и при содѣйствіи его было издано. Во-первыхъ, замѣтимъ, что авторомъ совершенно невѣрно процитовано дѣло Архива Св. Синода: онъ пользовался дѣломъ 1721 года за № 403. Во-вторыхъ, сообщенныя авторомъ краткія свѣдѣнія о разсмотрѣніи Арсеніемъ Мацѣевичемъ книги Ѳеофилакта мы считаемъ не лишнимъ дополнить слѣдующими данными, извлеченными изъ процитованнаго авторомъ дѣла Архива Св. Синода [1]). 9-го апрѣля 1744 года Арсеній Мацѣевичъ доноситъ Св. Синоду, что онъ «посылаетъ книгу Ѳеофилакта, имъ по возможности свидѣтельствованную и исправленную. А что въ той книгѣ по усмотренію моему гдѣ прибавлено и убавлено и что надлежитъ еще прибавить, о томъ Вашему Святѣйшеству симъ доношеніемъ благопочтенно предлагаю». Непосредственно за симъ слѣдуетъ рецензія изъ слѣдующихъ 20-ти пунктовъ.

«Во-первыхъ прибавилося отъ моего смиренія із самаго начала к предисловію тоя книги краткое ізъясненіе, зачемъ сія книга до сихъ поръ в свѣтъ не выходила.

2) В главѣ 1 в разсужденіи 2-мъ на листу 12-мъ на оборотѣ мнѣніе мое таково приписано: не для печати, но для предостереженія, предоволное обличеніе толко надлежитъ по показанному здѣсь руки списанный с ыконъ различныхъ отъ расколщиковъ предложить которые і предлагаются.

3) Там же противъ 3 пункта мнѣніе: а сіе надлежитъ отставить. На листу 16-мъ во окончаніи того разсужденія і пункта мнѣніе же: доздѣ отставить. А то за такимъ разсужденіемъ, что в томъ пунктѣ імѣется доказателство о иконѣ Богородичной отъ евангелиста Луки писанной с минѣями і повѣстми церковными по всей церкви нашей затвержденными отнюдь несходное і соблазнъ многимъ а наипаче расколщикомъ преподать могущее.

1) Всѣ сдѣланныя нами извлеченія изъ дѣла за № 403 опущены при изложеніи этого дѣла въ первомъ томѣ «Описанія документовъ и дѣлъ».

4) В разсужденіи 3-мъ на листу 17-мъ на оборотѣ по окончаніи отъ Мелетія доказательства о треперстномъ сложеніи приписъ какъ отъ преосвященнаго Стефана Псковскаго такъ і отъ моего смиренія кажется надлежащая імѣется.

5) В разсужденіи 5-мъ ізображеніе рукъ кіево-печерскихъ святыхъ нетлѣнно в пещерахъ опочивающихъ, на которыхъ расколщики послались надлежитъ сіи в дѣло принять, которые нынѣшній архимандритъ кіево-печерскій Тимофей со освидѣтелствованіемъ прислалъ, а прежнія ізображенія преосвященному Ѳеофилакту присланныя надлежитъ отставить за несходствомъ с нынѣшними, да тотъ же архімандритъ кіево-печерскій в присланномъ своемъ ко мнѣ письмѣ о прежнихъ ізображеніяхъ отъ мене к нему посыланныхъ засвидѣтелствовалъ что имъ слѣдуетъ быти подложнымъ, посему что у нихъ в пещерахъ Моисея Муромца не имѣется, но Илія Муромецъ, а Моисей не Муромецъ, но Угринъ.

6) В главѣ 2 в разсужденіи 1-мъ на листу 43-мъ прибавлена отмѣтка: таковыи чертежи в конце книги сея імѣются на листу 254-мъ: по моему мнѣнію нужная.

7) В разсужденіи 2-мъ во отвѣтѣ на Палладія мниха на листу 53-мъ імѣется приписъ латинская преосвященнаго Стефана Псковскаго, однако по моему мнѣнію не нужная, и для того очерчена.

8) В разсужденіи 4-мъ на листу 59-мъ на оборотѣ отмѣтка о разныхъ подножіяхъ крестовъ, которыи начертанія зыщутся в конце книги сея: на преждепомянутом же листу 254-мъ.

9) В разсужденіи 5-мъ на листу 61-мъ приписъ преосвященнаго Стефана Псковскаго по руски годится, а латинская не нужна того ради і очерчена.

10) В том же разсужденіи на листу 62-мъ на оборотѣ отмѣтка о древнихъ манегахъ оружіяхъ царскихъ коронахъ с четвероконечнымъ крестомъ: которыи чертежи зыщутся в конце книги сея на листахъ 255-мъ, 256-мъ, 257-мъ.

11) В том же разсужденіи во окончаніи на листу 72-мъ отмѣтка: зри о семъ в конце книги сея на листу 244-мъ.

12) В главѣ 3-й в разсужденіи 3-мъ на листу 76-мъ на оборотѣ мнѣніе: надлежитъ начертаніе опрѣсноковъ римскихъ ізъявить. І какое у мене могло ізыскатся такое я і предложилъ.

13) В главѣ 4 в разсужденіи 1-мъ на листу 93-мъ припись преосвященнаго Стефана Псковскаго надлежащая.

14) В том же разсужденіи на оборотѣ того жъ листа греческіе стихи по руски не переведены: мнѣніе мое: надлежитъ сіе перевесть по руски, а у мене не изыскалось кому перевесть. В том же разсужденіи на листу 94-мъ на оборотѣ мое жъ мнѣніе к передосторожности. Переведенныя помянутыя стихи греческія здѣсь надлежитъ вписать.

15) В главѣ 5 в разсужденіи 3-мъ на листу 106-мъ припись преосвященнаго Стефана Псковскаго годится.

16) В главѣ 6 в разсужденіи 3-мъ на листу 127-мъ о собраніи старинныхъ книгъ мнѣніе: надлежало бы тое намѣреніе в конецъ произвести, ежели же невозможно, тобы надобно рѣчь перемѣнить іли отставить.

17) В главѣ 7 в разсужденіи 2-мъ на листу 153-мъ на оборотѣ приписи по моему мнѣнію отъ Номоканона і отъ Златоустаго святаго нужныи, отъ моего смиренія прибавленнныи.

18) В главѣ 8 на листу 169-мъ мнѣніе о каталогѣ отъ Макарьевскихъ минѣй о неизвѣстныхъ святыхъ: надлежитъ сіе отставить или показанной каталогъ Макаріевскихъ минѣй сочинить.

19) В главѣ 9 в разсужденіи 7-мъ на листу 203-мъ мнѣніе: надлежитъ демественнаго пѣнія часть предложить, которая і предлагается.

20) В том же разсужденіи при конце на листу 204-мъ отвѣтъ преосвященнаго Ѳеофилакта на 5 пунктъ расколническіи совсѣмъ отставленъ. І по моему мнѣнію надлежитъ сіе для соблазна отставить, а вмѣсто того по показанному отъ мене тамо

отвѣтствовать. Едино убо необходимо предлежитъ к дополненію тоя книги греческія стихи по руски перевесть і по показанному вписать». Свою рецензію книги Ѳеофилакта Арсеній Мацѣевичъ заключаетъ слѣдующими словами: «Сверхъ же того чтобы прибавить іли убавить въ той книгѣ я не усмотрую і свидѣтелствую сію книгу в печати быть достойную и Церкви Божіей на загражденіе богохульныхъ расколническихъ устъ крайнѣ нужную, прочее же в глубочайшемъ вашего святѣйшества разсужденіи остается».

13-го апрѣля того же 1744 года состоялось слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: «Имѣющіяся во оной книгѣ стихи на греческомъ діалектѣ стоящія перевесть на россійскій діалектъ греческому учителю іеромонаху Іакову Блоницкому кои по переведеніи объявить Св. Синоду немедлѣнно и для того изъ оной книги тетрадь, на которой оныя греческія стихи значатся отдать оному Блоницкому съ роспискою». На этотъ фактъ нѣтъ указаній ни въ одной біографической статьѣ объ Іаковѣ Блонницкомъ. Св. Синодъ, повидимому, не былъ удовлетворенъ произведенными Арсеніемъ Мацѣевичемъ исправленіями въ книгѣ Ѳеофилакта, такъ какъ 4-го іюля того же 1744 года Св. Синодъ постановилъ: «Книгу Ѳеофилакта отослать обратно къ митрополиту Ростовскому Арсенію и ему получа оную выправить по мнѣнію его преосвященства тое подлинную, такъ какъ оную надлѣжитъ уже предать печати и ту самую выправленную не переменяя листовъ предложить Св. Правительствующему Синоду при доношеніи». На посланный изъ Св. Синода Указъ съ симъ опредѣленіемъ Арсеній Мацѣевичъ отъ 29-го того же іюля отвѣчаетъ слѣдующее: «По силѣ онаго Ея Императорскаго Величества Указа Вашему Святѣйшеству предлагаю: что я оную книгу сверхъ того какъ прежде предложенія въ Св. Синодъ выправилъ и аппробовалъ достойной быть въ печати не могу больше выправлять, понеже по мнѣнію моему въ той книгѣ что прибавлено или убавлено, о томъ въ прежде поданномъ моемъ доношеніи имянно показано и къ болшему прибавленію развѣ

только сіе слѣдуетъ, не соблаговолитъ ли Ваше Святѣйшество съ того моего доношенія послать копію въ московскую типографію, по которой разсмотривши можно безъ всякаго сумнительства ту книгу печатать. Ежели жъ каковое сумнительство въ типографіи окажется, то приказать имъ о томъ сношенія имѣть съ преосвященнымъ Новгородскимъ, а иногда и со мною и оную присланную ко мнѣ книгу для отсылки въ типографію посылаю Вашему Святѣйшеству при семъ доношеніи». Опредѣленіе Св. Синода о напечатаніи книги Ѳеофилакта состоялось 8-го октября того же 1744 года; предисловіе къ книгѣ Ѳеофилакта, сочиненное Арсеніемъ Мацѣевичемъ, по опредѣленію Св. Синода отъ 6-го февраля 1745 года, пополнено Синодальнымъ Членомъ Платономъ, архимандритомъ Ржевскимъ». Но въ протоколѣ Св. Синода отъ 18 февраля 1746 года читаемъ: «вновь напечатанную книгу противъ раскольниковъ Обличеніе для нѣкоторыхъ благословныхъ винъ въ той (Московской) типографіи удержать и въ народъ впредь до указу не выпускать». Въ маѣ того же 1746 года (Журналъ отъ 23-го мая) [1]) Св. Синодъ разсуждалъ

1) Считаемъ не лишиимъ напечатать извлеченіе изъ Журнала отъ 23-го мая 1746 г., въ коемъ изложены тѣ «благословныя вины», ради которыхъ напечатанная книга Ѳеофилакта была задержана въ типографіи. «Оберъ-прокуроръ князь господинъ Шаховской предлагалъ словесно, что вышедшіе из печати книги обличеніе на расколщиковъ по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода продажею въ народъ удержаны, а из нихъ уже двѣсти пятдесятъ восемь книгъ в продажу употреблено и чтобъ отъ непродажи какого отъ неразсудныхъ людей соблазна и нарѣканія не происходило и для тогобъ ежели что есть сумнително разсмотреніемъ было ісправлено и притомъ сѵнодальный членъ преосвященный Стефанъ архіепископъ Великоновоградскій предлагалъ словесно; что в той книгѣ Обличенія (которая тогдажъ была предложена) о сложеніи перстовъ в разсужденіи 9-мъ на листу 24-мъ в надсловіи напечатано тако: по обычаю де святыя соборныя каѳолическія церквѣ должни православныи в знаменіи крестномъ слагати первыя три персты во ізображеніе Святыя Троицы а два послѣднія сгнути к ладонѣ во изображеніи двухъ естествъ во Христѣ Божія и человѣческаго і оное де надсловіе съ краткимъ о еже како всякому православному христіанину на изображеніе знаменія Креста Святаго на лицѣ своемъ подобаетъ руки своея персты кія сложити ізъявленію при псалтирѣхъ напечатанному яяляется несогласно: да и на протчихъ мѣстахъ імѣются в той книгѣ нѣкія сумнительства для ко-

о томъ, «не лучше ли задержанную выходомъ въ типографіи книгу Ѳеофилакта Лопатинскаго всю прочесть въ общемъ собраніи Св. Синода», но резолюціи не послѣдовало. Объ этой же книгѣ Св. Синодъ имѣлъ разсужденіе и 28 января 1747 года.

Еще 16-го марта 1744 года Арсеній Мацѣевичъ представилъ въ Св. Синодъ начало своего сочиненія «Дополненнаго Обличенія», а при доношеніи отъ 12-го марта 1746 года онъ представилъ свою книгу въ полномъ объемѣ, въ законченномъ видѣ. Священникъ М. С. Поповъ говоритъ, что въ печати есть только начало книги (Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. I, XXXVII прил.). Это—невѣрно: напечатано все сочиненіе: начало въ I-мъ томѣ Описанія документовъ и дѣлъ Св. Синода, остальная большая часть сочиненія — въ III томѣ «Описанія». Онъ же говоритъ, что въ Св. Синодѣ нашли необходимымъ сдѣлать въ книгѣ «переправки» и возвратили для этого автору. Тоже читаемъ и въ первомъ томѣ «Описанія», № 403, 485 столбецъ. И это невѣрно. Въ донесеніи своемъ отъ 17-го марта 1747-го года—ровно черезъ годъ съ небольшимъ по представленіи своей книги «Дополненнаго Обличенія» — Арсеній Мацѣевичъ пишетъ Св. Синоду: «усмотрилось мнѣ, что надлежитъ еще въ ту книгу нѣкоторыя приполненія и исправленія внесть, кои сколько могъ я и внесъ со отмѣчаніемъ главнѣйшихъ приполненіевъ и исправленіевъ и нынѣ Вашему Святѣйшеству книгу тую же въ глубочайшее разсужденіе паки посылаю». Въ I-мъ томѣ «Описанія» (№ 403, столб. 485) сказано: «Изъ дѣла не видно, какая была дальнѣйшая судьба книги». Подлинная рукопись «Дополненнаго Обличенія», скрѣпленная по листамъ рукою Арсенія Мацѣевича, находится въ настоящее время въ Рукописномъ Отдѣлѣ Архива

торыхъ дабы пущаго не подать неразсуднымъ людямъ каковаго соблазна его преосвященство разсуждалъ не лучшель для общаго согласія і утвержденія всю оную книгу прочесть в Святѣйшемъ Сvнодѣ в собраніи, а въ народъ нынѣ отнюдь продавать не надлежитъ, однакожъ протчіе члены в томъ не согласились і по даволномъ разсужденіи никакой о той книгѣ резолюціи не воспослѣдовало».

Св. Синода. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поляхъ листовъ: 45 об., 48, 49, 58 об., 88, 121, 133, 139 об., 140, 148, 151, 159 и 180 противъ текста есть надпись: «переправка». Священникъ М. С. Поповъ, полагая, что словомъ «переправка» отмѣчены тѣ мѣста въ текстѣ, которыя велѣно было Св. Синоду Арсенію Мацѣевичу исправить, говоритъ: «судя по тѣмъ мѣстамъ его (Мацѣевича) рукописи, можно думать, что обличенія митрополита Ростовскаго показались рѣзкими, а мѣры къ прекращенію раскола крутыми и не своевременными, напримѣръ, указаніе его на безпощадное истребленіе израильтянами, по повелѣнію Іеговы, хананейскихъ язычниковъ, какъ на примѣръ, что и къ врагамъ православія—раскольникамъ—надо относиться безъ пощады» [1]). На самомъ же дѣлѣ словомъ «переправка» обозначены тѣ мѣста въ текстѣ, которыя уже исправлены самимъ Мацѣевичемъ по собственной инициативѣ, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ его. Замѣтимъ, что «поправки», сдѣланныя Мацѣевичемъ, составляютъ большею частію дополненія,

---

1) Въ Архивѣ Св. Синода хранятся пять небольшихъ рукописей, присланныхъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ при доношеніи отъ 21 марта 1754 года. (Дѣло Св. Синода отъ 19 апрѣля 1754 года за № 342). Рукописи принадлежали невѣдомому раскольнику по имени Ивану, который былъ «объявленъ въ консисторіи его преосвященства ключаремъ Ростовской соборной церкви іереемъ Петромъ» 26 февраля 1754 года и содержался въ особой палатѣ при консисторіи. Въ донесеніи Арсенія Мацѣевича читаемъ, что оный раскольникъ «спрашиванъ былъ многократно (въ донесеніи вопросы изложены) с крайнимъ и наиприлѣжнѣйшимъ испытаніемъ и съ достодолжнѣйшимъ чтобъ онъ отъ раскола ко Святѣй Церкви обратился и соединился отъ Божественнаго писанія увѣщаніемъ и наставленіемъ а потомъ и съ пристрастіемъ ему плѣтей и по многократному ево объ томъ спрашиванію и увѣщанію онъ Иванъ о всемъ томъ (кромѣ вышеописаннăго) ничего не объявилъ и в томъ онъ Іванъ подъ учиненіемъ ему плѣтьми наказанія утвердился». Въ томъ же доношеніи говорится, что соборной Ростовской церкви ключарь іерей Петръ «доношеніемъ представилъ», что онъ «неоднократно наиприлѣжнѣйше но безуспѣшно увѣщевалъ» сего раскольника, который скончался 11-го марта сего 1754 года, такъ какъ не принималъ пищи съ 26-го февраля по день смерти, и былъ зарытъ «въ полѣ» той палаты, въ которой содержался. Изложенные въ донесеніи факты, мнѣ кажется, могутъ служить подтвержденіемъ того, что Арсеній Мицѣевичъ въ отношеніи раскольниковъ поступалъ согласно своимъ убѣжденіямъ.

которыя почти всѣ довольно значительныхъ размѣровъ, состоятъ изъ 30-ти и болѣе строкъ и заключаютъ въ себѣ существенные факты и доводы. Такимъ образомъ «исправленная Мацѣевичемъ рукопись «Дополненнаго Обличенія» представляетъ новую редакцію его сочиненія, которая не напечатана и никѣмъ обстоятельно до сихъ поръ не изучена.

Поучительна судьба книги Ѳеофилакта: она служитъ показателемъ полнаго неуспѣха православныхъ миссіонеровъ въ борьбѣ съ расколомъ. Во исполненіе Высочайшей воли Св. Синодъ 23-го апрѣля 1722 года опредѣлилъ отправить іеромонаха Неофита въ Олонецкіе предѣлы на Петровскіе заводы для увѣщанія раскольниковъ. 23-го сентября того же года Неофитъ прибылъ на Петровскіе заводы и сряду принялся за дѣло высокой важности: онъ сочинилъ, по желанію раскольниковъ, 106 вопросовъ съ увѣщаніемъ, которые въ ноябрѣ того же года отправилъ въ Выговскую обитель, гдѣ они и были приняты 2-го декабря того же 1722 года подъ росписку 9-ти раскольниковъ въ присутствіи Данилы Микулина и Андрея Денисова. Св. Синодъ нашелъ, что вопросы Неофита «ко обращенію раскольниковъ удобны» и можно давать ихъ для списыванія всѣмъ желающимъ «для лучшаго уразумѣнія и сомнѣвающихся къ церкви святѣй сообщенія». 1-го іюля 1723 года раскольники доставили Неофиту на полученные отъ него вопросы отвѣты, состоявшіе изъ ста шести пунктовъ. Вопросо-отвѣты и сочиненное Неофитомъ «возобличеніе» ихъ отосланы были въ Св. Синодъ, который и поручилъ Ѳеофилакту Лопатинскому разсмотрѣть ихъ. Не получая отвѣта изъ Св. Синода, не смотря на неоднократныя свои просьбы, относительно «вопросо-отвѣтовъ», убѣдившись въ безполезности своихъ бесѣдъ съ раскольниками и въ намѣренной слабости и потворствѣ имъ гражданской власти, іеромонахъ Неофитъ въ донесеніяхъ своихъ отъ 5-го августа и 30-го сентября 1726 года проситъ Св. Синодъ уволить его отъ миссіонерскихъ обязанностей. Наконецъ, въ донесеніи отъ 27-го февраля 1727 года іеромонахъ Неофитъ

пишетъ Св. Синоду: «А когда были поданы отъ насъ въ Св. Синодъ вопросо-отвѣты ихъ (раскольниковъ), тогда вельми опасеніе имѣли и чаяли (раскольники) возобличенія отъ Св. Церкви и правильнаго суда ожидали на себя за лживыя и хулныя на Святую Церковь отвѣтствованія своя и многія тогда сомнящіяся приходили къ намъ на разсужденіе, а егда же увидѣвше, что надолзѣ о семъ умолчено и положиша въ мысли своеи зліи яко бы ихъ право отвѣтствованіе и будто и невозможно низложити ложная и хулная ихъ отвѣтословія отъ Св. Церкви древними святыхъ отецъ писаніями и сего ради начаша въ народѣ проходити и отвѣты своя прочитая похваляти и отъ правыя вѣры развращати да слышно что де и въ другія многія городы разослали и сего ради нынѣ не токмо ученія отъ насъ никто невнимаетъ, но и смотрить не хотятъ и посему тако мнѣ весма быть стало нѣзачѣмъ толко отъ непріятелей въ подсмѣяніи и въ поруганіи и въ скорбѣхъ и въ печалѣхъ своихъ до конца сокрушаюся». Эти строки были предсмертною исповѣдью іеромонаха Неофита. Онъ скончался 7-го апрѣля 1727 года. Что іеромонахъ Неофитъ былъ правъ, это подтверждаетъ Новгородскій архіепископъ Амвросій въ своемъ донесеніи Св. Синоду отъ 14-го августа 1743 года. Настаивая на скорѣйшемъ напечатаніи книги Θеофилакта, онъ пишетъ: «раскольники не пошли къ іеромонаху Неофиту для собесѣдованія, а потребовали отъ него вопросныхъ пунктовъ, каковые отъ него Неофита къ нимъ были и посланы, на которые (вопросные пункты іеромонаха Неофита) они изъ Олонецкаго Выгопустыннаго жительства прислали подъ разными лжевымышленными своими видами якобы къ суетному своему оправданію (весьма неправы и Св. Церкви противные) отвѣты, каковые имъ Неофитомъ и Св. Синоду тогда представлены, которыми они вознося себя оказываютъ яко побѣдителями и больше онымъ вѣруютъ нежели Евангелію Христову и таковыми своими отвѣтами до таковаго народъ привели возмущенія, что почти всѣ епархіи наполнены развращенными расколами». (Дѣло Св. Синода 1721 г. № 403).

Какъ бы искупая вину предыдущихъ лѣтъ, Св. Синодъ въ 40-вые годы особенно былъ озабоченъ изданіемъ сочиненій, посвященныхъ изобличенію раскола. Такъ, по опредѣленію Св. Синода отъ 7-го марта 1743 года послано было въ Московскую Св. Правительствующаго Синода Контору вѣдѣніе, коимъ велѣно: «учиня с Московскою типографіею и с Сѵнодальною библіотекою справки Св. Правительствующему Сѵноду прислать извѣстіе: ко увѣщанію и изобличенію неправоумствованія раскольническаго книгъ печатнымъ тисненіемъ изданныхъ яко Жезла Правленія, Увѣта Духовнаго, Пращицы и имъ подобныхъ, сколько коихъ числомъ в наличии нынѣ имѣется и когда кои печатаны были, тогда оныя в розсылку по епархіямъ произведены ли, и поскольку коихъ куда имянно». Въ отвѣтномъ вѣдѣніи Московской Конторы Свят. Синоду отъ 27-го сентября того же года прописано: «а понеже в Конторѣ Св. Синода о подобныхъ онымъ книгахъ неизвѣстно, того ради на требованіе увѣщевающіи раскольниковъ священники Спасскій Петръ Павловъ, Спасской же что въ Чигасѣхъ Іоаннъ Іоанновъ писмянно объявили: ко обличенію де зловѣрныхъ расколниковъ книги (сверхъ вышеозначенныхъ Жезла Правленія, Увѣта Духовнаго, Пращицы) весма нужны печатанныя въ Москвѣ въ слѣдующихъ годѣхъ: Кормчая въ 7161-мъ, Скрижаль въ 7164-мъ, Соборнаго Дѣянія бывшаго в Кіевѣ въ 6666-мъ на армянина еретика Мартина мниха, которую расколники лживою и неправилною порицаютъ, о чудеси троеперстнаго сложенія десныя руки на знаменіе честнаго креста при патріархѣ Іоакимѣ въ 185-мъ. Ктому же весма расколникамъ противныя древнія книги писмянныя требникъ харатейный Ѳеогноста митрополита Московскаго в лѣто мирозданія 6837, Сѵмеона Ѳессалонитскаго переведенная на россійскій діалектъ объявленіе о православной и о расколнической церквахъ. А справками показано: из тѵпографіи из требуемыхъ в вѣдѣніи Св. Сѵнода книгъ имѣются слѣдующія: Жезлъ Правленія сооруженный в лѣто 7174, Кормчая, Скрижаль, Симеона Ѳессалонитскаго по одной, Соборнаго Дѣянія на армянина еретика

Мартина мниха в полдесть в тетратѣхъ полныхъ сорокъ, да погнилыхъ десять, в четверть въ тетратѣхъ шесть сотъ семдесятъ двѣ, а требникъ харатейный Ѳеогноста митрополита взятъ въ Св. Правительствующій Сѵнодъ, прочихъ же де не имѣется, понеже де въ той типографіи непечатаны и в розсылкѣ не были: отъ сѵнодалного ризничего: в сѵнодалной де библіотекѣ по каталогу значатся книги, а имянно: Жезлъ Правленія и иная разная собранія писана полски, Увѣтъ Духовный в дву томахъ, греческая в десть Сѵмеона Ѳессалонитскаго на ереси и о православной вѣрѣ и о церковныхъ таинствахъ книга словесная писмянная в десть, на ней на верхней доскѣ написано: Сѵмеона Ѳессалонитскаго самосущая переведенная съ греческаго діалекта, потребникъ переведенный съ келейной книги греческой Ѳеогноста митрополита писана на пергаминѣ уставомъ по листамъ подписана ево митрополичьею рукою, на задней доскѣ написано 6837 году, три книги скрижалей выходу 164 году, да между пожитками послѣ умершихъ духовныхъ персонъ книга Пращица». 16-го ноября 1743 года состоялось слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: «Потребныя ко изобличенію раскольниковъ книги Жезлъ Правленія, Увѣтъ Духовный, Пращицу да о Антихристѣ въ Московской тѵпографіи какое нынѣ число возможно напечатать . . . . отъ Канторы разослать напредь въ тѣ епархіи, в коихъ раскольники находятся, а во оныхъ получа оныя раздать первѣе в городы и знатные приходы, а когда тѣхъ книгъ печати предано будетъ з доволствомъ, то за надлежащую жъ имъ цѣну розсылку отъ оной же Канторы учинить и по прочимъ епархіямъ . . . . . и велѣть оные въ церквахъ прочитывать въ каждой недѣлѣ в пятокъ или же в воскресныя и в праздничныя дни». (Дѣло 1743 года марта 7 № 2). Того же года 16-го ноября Св. Синодъ постановилъ: «Книгу Розыскъ преосвященнаго Димитрія митрополита Ростовскаго отъ Московской Св. Синода Канторы в Сѵнодалной книгохранительницѣ или в типографской библіотекѣ отыскавъ отослать к сѵнодалному члену преосвященному Иосифу архіепископу Московскому а его

преосвященству купно съ преосвященнымъ Платономъ епископомъ Крутицкимъ и с Чудовскимъ архимандритомъ Иларіономъ тое книгу разсмотрить и освидѣтельствовать и естли в ней какой Священному Писанію и Преданіямъ погрѣшности и сомнительства не обрящется, то ихъ преосвященствамъ и архимандриту подписавъ оную книгу своими руками объявить в той Св. Синода Канторѣ в которую принявъ для изданія в печать отослать из оной въ Московскую типографію при указѣ и велѣть напечатать таковыхъ книгъ цѣлый заводъ какъ скоро возможно, а ежели в той книгѣ по тому ихъ свидѣтельству окажется въ чемъ важно сумнително или же и погрѣшително, то изъясня оное обстоятельно со мнѣніемъ своимъ писать въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ немедленно». Преосвященный Платонъ въ донесеніи отъ 10-го апрѣля 1744 года пишетъ Св. Синоду: «Книга Розыскъ мною свидѣтельствована въ которой по свидѣтельству никакихъ Святой Церкви противностей не явилось, токмо на оборотѣ 52 листа в строкѣ второй сверху написано не въ соединенномъ ли Божествѣ своемъ, а по моему мнѣнію надлѣжитъ быть не въ единствѣ ли Божества своего да на оборотѣ листа 56: сверхужъ в десятой строкѣ написано: по существу Бога Слова рождшая, а по мнѣнію жъ моему надлѣжитъ быть Истиннаго Бога Слова рождшая в вящшее же разсужденіе то предаю вашему святѣйшеству». 10-го сентября 1744 года состоялось слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: «Хотя напредь сего Св. Сѵнодомъ и опредѣлено оную книгу освидѣтельствовать не одному его преосвященству, но сѵнодалному члену Іосифу архіепископу Московскому купно с его преосвященствомъ да с Чудовскимъ архимандритомъ Иларіономъ, к чему протчія кромѣ его преосвященства времени не имѣли за исправленіемъ другихъ дѣлъ, однакожъ за доволно пріемлется и одного его преосвященства свидѣтелство, яко в догматѣхъ и чинѣхъ церковныхъ достаточно вѣдущаго, чего ради к болшему свидѣтелству предавать оставляется и надлежитъ оную издать в печать, которую в Московской типографіи со означеніемъ его преосвященства

свидѣтелства и напечатать в десть цѣлый заводъ, переменя в ней токмо сіе» (повторяются предложенныя преосвященнымъ Платономъ поправки)..... «и когда напечатана будетъ, тогда с надлежащею смѣтою во что всѣ станутъ подать Святѣйшему Сѵноду репортъ, а в народъ тѣхъ книгъ не выпускать, но ожидать собственнаго на то Ея Імператорскаго Величества указа». 8-го октября того же 1744 года [1]) былъ подписанъ членами Св. Синода всеподданнѣйшій докладъ о напечатаніи книги Димитрія митрополита Ростовскаго «Розыскъ»; въ докладѣ написано: книга оная «Церкви Святой для защищенія а на противныхъ ея бѣзумствующихъ расколниковъ во обличеніе і на подкрѣпленіе претыкающимся зѣло полезна и по мнѣнію Сѵнода надлѣжитъ оную напечатать и предать народу». Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада Синода воспослѣдовало 12-го того же октября, а соотвѣтствующее опредѣленіе Св. Синода состоялось 15-го того же октября. Въ протоколѣ Св. Синода отъ 15-го того же октября за № 52 записано слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: «Когда сочиненная покойнымъ преосвященнымъ Димитріемъ митрополитомъ Ростовскимъ книга названная Розыскъ в Московской тѵпографіи печатана будетъ, тогда в той книгѣ, гдѣ воспоминается святый священномученикъ Ѵпполитъ, папа римской, печатать толко святый священномученикъ Ѵпполитъ, а послѣдующихъ рѣчей папа римской для нѣкоей благословной вины не печатать». (Дѣло Св. Синода 1743 года отъ 16-го ноября за № 25) [2]).

А. Никольскій.

---

1) Тогда же подписанъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о напечатаніи книги Θеофилакта «Обличеніе».

2) Въ сочиненіи И. А. Шляпкина: «Св. Димитрій Ростовскій» нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ освидѣтельствованіи и исправленіи «Розыска»: процитованное нами дѣло Св. Синода осталось ему неизвѣстнымъ.

„Ябеда“, комедія В. В. Капниста.

Извѣстны слѣдующія изданія «Ябеды». Первое изданіе, 1798 года. Заглавный листъ его: «Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Съ дозволенія Санктпетербургской Ценсуры. Въ Санктпетербургѣ, 1798. Печатано въ Императорской Типографіи. Иждивеніемъ *Г. Крутицкого*». Передъ посвященіемъ Павлу I страница съ рисункомъ: Памятникъ. На немъ щитъ съ вензелемъ Павла I. Щитъ увѣнчанъ вѣнкомъ, осѣненъ лавровымъ деревомъ и освѣщенъ солнечными лучами. На памятникѣ подъ щитомъ надпись:

Тобой
поставлю судъ
правдивый
Лом. 2 ода.

У памятника Истина. На груди ея медаль въ видѣ солнца. Въ правой рукѣ зеркало; лѣвой рукой Истина указываетъ на надпись. И надпись и Истина освѣщены лучами солнца. У ногъ Истины Ябеда, съ искаженнымъ лицомъ, пораженная молніей отъ вензеля. Одной ногой Ябеда наступила на книгу, у другой (подогнутой) лежатъ брошенные вѣсы и мѣшокъ съ частью разсыпавшихся монетъ. Сзади Истины ѳавнъ играетъ на свирѣли. Ниже Ябеды книга и хартія обвиты ползущей змѣей, которая

схватила книжку [1]). Изданіе 1798 года довольно рѣдко. 1211 экземпляровъ его было отобрано по книжнымъ лавкамъ въ томъ же 1798 году и даже было предписаніе истребить ихъ [2]).

---

1) См. Н. В. Губерти. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ. 1725—1800. Вып. 3. М. 1891. Стр. 839—868.—Въ экземплярѣ Академіи Наукъ рисунка нѣтъ. Въ экземплярѣ Имп. Публичной библіотеки есть.

2) *Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи.* Спб. 1862. Стр. 6: «Дѣло ком. иностр. ценз. № 1781/33». Оно заключается въ предписаніи, данномъ бывшимъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Паленымъ истребить по Высочайшему повелѣнію найденныя въ книжныхъ лавкахъ 1211 экземпляровъ «Ябеды». *Русская старина* 1873, май, стр. 715: «По всевысочайшей волѣ государя императора» отобранные 1211 экземпляровъ Паленъ препровождаетъ, 27 октября 1798 года, Дмитрію Николаевичу Неплюеву. Письмо сообщено Г. В, Есиповымъ. Причина запрещенія указана, по устному преданію, въ *Teka Wilénska* 1858, № 5, стр. 84—85. *Библіографическія записки* 1859, т. II, № 2, стр. 47—48. См. Записки С. П. Жихарева. 1805—1807. М. 1891. Стр. 251—252.

Атеней 1828, ч. 2. А. Писаревъ. Похвальное слово В. В. Капнисту. («Читано въ Публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Февраля 27 сего года»). Стр. 71: «Урокъ былъ такъ силенъ, что погрязшіе въ акциденціяхъ Кривосудовы очнулись, возопили противъ безжалостнаго сходства; и безъ мудрой воли прозорливаго императора Павла I, Россія навсегда лишилась бы лучшей своей комедіи». Сравн. *Воспоминанія Ф. Ф. Вигель.* Часть III. М. 1864. Стр. 144—5: «Примѣчательны были также два Украинца, одинъ поэтъ въ отставкѣ, другой, въ семъ званіи, только что поступившій на службу. Оба они, несмотря на единовѣріе, единокровіе, единозваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и русскихъ москалей, кацаповъ. Это были Капнистъ и Гнѣдичъ. .... Не обращая вниманія на наши слабости, пороки, на наши смѣшныя стороны, онъ (Капнистъ) въ преувеличенномъ видѣ, на позоръ свѣту, представилъ преступныя мерзости нашихъ главныхъ судей и ихъ подчиненныхъ. Тутъ ни въ дѣйствіи, ни въ лицахъ нѣтъ ничего веселаго, забавнаго, а одно только ужасающее, и не знаю почему назвалъ онъ это комедіей. Лѣтъ сорокъ спустя, одинъ изъ единоземцевъ его (Капниста), малорослый Малороссъ, коего назвать здѣсь еще не мѣсто, движимый тѣми же побужденіями, въ такомъ же духѣ написалъ свои комедіи и повѣсти. Не выводя на сцену ни одного честнаго русскаго человѣка, онъ предалъ насъ всеобщему поруганію въ лицахъ по большей части вымышленныхъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. И за то, о Боже, половина Россіи провозгласила циника сего великимъ». Вигель, какъ извѣстно, жилъ 1786—1856 г. *Историческій вѣстникъ* 1891, май: Воспоминанія С. В. Скалонъ (урожденной Капнистъ). Стр. 345: «Въ то же время (въ концѣ царствованія Екатерины II) онъ (Капнистъ) занимался процессомъ по имѣнію; этотъ процессъ причинилъ ему столько не-

По докладу Д. П. Трощинскаго Александру I, было повелѣно «возвратить Крутицкому экземпляры комедіи, которая при покойномъ Императорѣ была играна» [1]). Въ 1804 году, 30 іюля, Державинъ писалъ Капнисту: «Посылаю къ вамъ *Ябеду*, которую продаютъ изъ лавокъ, не знаю, по указу ли, или безъ указу, но разрѣшенія играть ее нѣтъ, и не играютъ, можетъ быть потому, что никто не проситъ о томъ; ибо теперь вкусъ здѣсь—на шуточныя оперы...» [2]).

пріятностей и хлопотъ, что отецъ, наконецъ, рѣшился бросить его, пожертвовавъ 2000 душъ; по этому поводу онъ написалъ первую и послѣднюю свою сатирическую комедію «Ябеду». Я. Гротъ. Жизнь Державина. Спб. 1880. Стр. 278, пр. 1: «Какъ мы слышали, у В. П. Капниста и отъ первой жены былъ сынъ, который разорился, и вслѣдствіе того вдова мачеха начала тяжбу съ сосѣдомъ Тарновскимъ, присвоившимъ себѣ часть ихъ имѣнія. Эту тяжбу Василій Васильевичъ послѣ долгаго времени кончилъ полюбовно». П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861. Стр. 140: «Сюжетомъ этой комедіи (Ябеды) послужилъ процессъ, проигранный Капнистомъ въ Саратовской гражданской палатѣ». Библіографическія указанія о «Ябедѣ» и ея авторѣ см. въ *Русскомъ вѣстникѣ* 1898, августъ, стр. 323—329: Д. Языковъ. Столѣтіе комедіи Капниста «Ябеда». (На стр. 329, пр. 2 опечатка: «Современный Вѣстникъ»; должно быть: *Сѣверный вѣстникъ*). С. Венгеровъ. Русская поэзія, вып. IV, 725—729; вып. VI, 210—215. *Сочиненія К. Н. Батюшкова.* Изданы П. Н. Батюшковымъ. Томъ II. Спб. 1885. Стр. 492—503. А. В. Мезіеръ. Русская словесность, ч. II, Спб. 1902. Стр. 129—130.

1) См. приложеніе I и II къ моей статьѣ.—«Комедія *Ябѣда* была представлена въ первый разъ 22 августа 1798 года и имѣла успѣхъ огромный... 20 сентября было назначено пятое ея представленіе, но внезапно піэсу запретили и приказано было остановить отъ продажи остальные печатные экземпляры». П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861. Стр. 140. См. мою с. 62, пр. 2.

2) *Сочиненія Державина.* 2-е академическое изданіе. Томъ VI, стр. 170; 176. Въ 1805 году Капнистъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи играть «Ябеду». См. приложеніе II къ моей статьѣ. Быть можетъ, нѣкоторое содѣйствіе оказалъ и А. Л. Нарышкинъ, «главный директоръ надъ театральными зрѣлищами и музыкою», покровитель Капниста. *Россійская библіографія* 1881, № 90, стр. 306. (Здѣсь письмо Капниста къ А. Л. Нарышкину, изъ Обуховки, 15 декабря 1809 года. Сообщилъ К. Гранъ). *Русскій вѣстникъ* 1898, августъ, стр. 328—329: Д. Языковъ. Столѣтіе комедіи Капниста «Ябеда». — Комедія въ іюнѣ 1805 года «вновь появилась на театрѣ» и была «нѣсколько разъ сыграна». *Сѣверный вѣстникъ* 1805, ч. VI, іюнь, стр. 373. (Выписку см. ниже, стр. 67—68). *Русская старина* 1880, октябрь: «Русскій театръ въ царствованіе Александра I. 1801—1825. Изъ журнала А. В. Каратыгина». Стр. 261—262: «1805, іюня 23. «Князь-Невидимка, опера. Въ присутствіи Государя и Царской

Насколько удовлетворительно воспроизводитъ изданіе 1798 года оригиналъ «Ябеды», будетъ рѣчь ниже.

Слѣдующее изданіе «Ябеды» относится къ 1849 году. Это изданіе Александра Смирдина: «Полное собраніе русскихъ авторовъ. Сочиненія Капниста». Разрѣшено цензоромъ И. Срезневскимъ 25 января 1849 года. Печатано въ типографіи Академіи Наукъ. (Цѣна одинъ рубль серебромъ). Впереди посвященіе «Государю Императору Александру Первому»:

Гремяща славой въ цѣломъ мірѣ
Екатерина, кроткій слухъ,
Въ отрадный отъ заботъ досугъ,
Къ моей склоняла скромной лирѣ.
Ты кротокъ какъ душа Ее,
Ты любишь музъ не льстивыхъ пѣнье:
Пріймижъ усердное мое
Къ Тебѣ и къ Ней благоговѣнье;
Пріими: — — и скудный ѳиміамъ
Пріятенъ былъ самимъ богамъ.

Вѣрноподанный
Василій Капнистъ.

На страницѣ 7-ой, слѣдующей за этимъ посвященіемъ, находимъ письмо Н. Новосильцова къ Капнисту:

фамиліи.—іюля 23. «Ябеда», «Вѣстникова съ семьею» и балетъ, играна школою, на дачѣ А. Л. Нарышкина (т. е. воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища»). Ср. у Арапова («Лѣтопись русскаго театра», 171): «У Алекс. Львовича Нарышкина, проводившаго лѣто на своей дачѣ, на 13 верстѣ на петергофской дорогѣ, бывали спектакли. 23 *іюня*, пировало у него большое общество; Государь изволилъ осчастливить своимъ присутствіемъ этотъ праздникъ. Спектакль состоялъ изъ ком. *Ябѣда и Вѣстникова съ семьею*, послѣ чего былъ балетъ, прекрасно исполненный на воздухѣ, съ полетами сильфовъ, амуровъ и проч. очарованіями». Араповъ значительную часть свѣдѣній заимствовалъ изъ «журнала А. В. Каратыгина»: *Русская старина* 1880, октябрь, 261, пр. 1.

Милостивый Государь мой!
Василій Васильевичъ!

Поднесенное вами собраніе сочиненій вашихъ, равно и посвященіе оныхъ Его Величеству, Государь Императоръ удостоивъ особеннаго Своего благоволенія, въ знакъ онаго пожаловать вамъ соизволилъ препровождаемый при семъ бриллiантовый перстень. Поздравляя васъ, Милостивый государь мой! съ сею Высочайшею милостью, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью,

Вашимъ, милостивый государь мой!
покорнымъ слугою,
Н. Новосильцовъ.

№ 606, Октября 3 дня,
1806 года. С.-Петербургъ.
Его Высокородію В. В. Капнисту.

Собраніе сочиненій, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, это—«Лирическія сочиненія Василія Капниста. С.-Петербургъ, Съ дозволенія Цензурнаго Комитета. Печатано въ Типографіи Ф. Дрехслера. 1806». Посвященіе Александру I то, которое приведено немного выше.

При сличеніи изданія «Ябеды» 1798 года и 1849 года оказывается, что послѣднее (стр. 9—154) есть довольно тщательная перепечатка перваго; тѣмъ не менѣе есть отличія отъ изданія 1798 года, и вольныя и невольныя [1]). Вольныя — во многихъ мѣстахъ измѣнены знаки препинанія, напримѣръ: дѣйствіе I, явленіе 1-ое, стр. 20:

«Прямиковъ.
Вотъ на! возможно ль быть? А члены?—

1) М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. Изданіе 2. М. 1869. Стр. 43: «Любителямъ безошибочныхъ изданій совѣтуемъ отыскивать это изданіе (т. е. 1798 года): въ сочиненіяхъ Капниста, изданныхъ Смирдинымъ, многіе стихи такъ испорчены, что нельзя добраться до смысла и до мѣры стиховъ».

Добровъ.

Все одно: (;) [1])

У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.

. . . .

Охотникъ страстной: съ нимъ со сворой добрыхъ псовъ [2]),
И сшедшую съ небесъ доѣхать правду можно».

Тамъ же, стр. 23: [3])

«И не изъ прибыли я вамъ служить хотѣлъ; (:)
Я ужъ сказалъ, сударь, (!) я вашу хлѣбъ-соль ѣлъ».

Въ дѣйствіи I, явленіи 7-омъ, стр. 42: [4])

Кривосудовъ.

Но я его оттёръ. О дѣлѣ небылицы
Занесъ—было, (;) но я замялъ рѣчь,

. . . .

Наумычъ.

Сколько жъ вамъ мой господинъ, сударь, (!)
Обязанъ? (!)

Въ дѣйствіи III, явленіи 4-омъ, стр. 86: [5])

«Хватайко.

Тьфу пропасть; (!) соника: и этотъ вонъ изъ кона!»

Тамъ же, стр. 88 [6]):

Праволовъ.

«Покойный Прямиковъ, и нѣтъ сомнѣнья тутъ,

1) Знаки изданія 1798 года поставлены въ скобкахъ. Изданіе 1798 года, стр. 5.

2) Изданіе 1798 года, стр. 5: нѣтъ занятой.

3) Изданіе 1798 года, стр. 8.

4) Изданіе 1798 года, стр. 25—26.

5) Изданіе 1798 года, стр. 69.

6) Изданіе 1798 года, стр. 70.

Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына, (;)
Котораго ужъ нѣтъ! (;) скора была кончина».

Въ дѣйствіи III, явленіи 5-омъ, стр. 90 [1]):

«Фекла.

Садиться,

Прямиковъ цѣлуетъ руку Софіи и садится возлѣ нея.

Прошу.—Сюда [2]), прошу ко мнѣ перемѣститься».

Въ дѣйствіи IV, явленіи 5-омъ, стр. 117:

«Кривосудовъ.

(Распечатываетъ письмо; ассигнаціи падаютъ. Фекла отпихиваетъ всѣхъ и сама подбираетъ»).

Въ изданіи 1798 года, стр. 100: «Кривосудовъ *распечатываетъ письмо, Ассигнаціи падаютъ; Фекла отпихиваетъ всѣхъ и сама подбираетъ».*

Правописаніе отчасти подновлено, напримѣръ: «настольный» вмѣсто «настольной» изданія 1798 года, «короткій» вмѣсто «короткой», «чорный» вмѣсто «черной», «поцѣловать» вмѣсто «поцаловать», «кстати» вмѣсто «къ статѣ», «отвсюду» вмѣсто «отъ всюда».

Отмѣтимъ также, что въ дѣйствіи II, явленіи 2-омъ (стр. 62): «потряхиваетъ». Въ изданіи 1798 года (стр. 45): «потряхаетъ».

Въ дѣйствіи V, явленіи 7-омъ (стр. 148): «падаетъ въ кресла». Въ изданіи 1798 года (стр. 129): «падаетъ въ крѣслы».

Помимо опечатокъ очевидныхъ [3]) есть и слѣдующіе недосмотры: дѣйствіе II, явленіе 3-е, стр. 63:

---

1) Изданіе 1798 года, стр. 72.

2) Въ изданіи 1798 года запятой нѣтъ.

3) См., напримѣръ, дѣйствіе V, явленіе 10-ое (стр. 154), конецъ: «взито», вмѣсто «взято»; дѣйствіе II, явленіе 5-ое (стр. 68): «паствами» вмѣсто «поставами». Изданіе 1798 года, стр. 50.

Праволовъ.

Знакъ, что и наяву не ненавидитъ.

Въ изданіи 1798 года (стр. 46):

«Знакъ, что и на яву весьма не ненавидитъ».

Въ дѣйствіи II, явленіи 6-омъ, стр. 73:

«Радбынъ.

И-и я по-по-здра-здра-здравляю васъ».

Въ изданіи 1798 года (стр. 55):

«И-и я по-по-здра-здра-здра-здравляю васъ».

Въ дѣйствіи III, явленіи 4-омъ (стр. 85):

«Кривосудовъ.

Не горячись: а то и впрямъ бобыль».

Въ изданіи 1798 года (стр. 67):

«Не горячись: а то впрямъ какъ разъ бобыль».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ (стр. 106):

«Хватайко.

Слуга вашъ.

Сладка сна!»

Въ изданіи 1798 года (стр. 90):

«Хватайко.

Слуга вашъ.

Паролькинъ.

Сладка сна!»

Въ дѣйствіи II, явленіи 5-омъ (стр. 72):

«Праволовъ.

И такъ, надѣяться уже, уже сударь, мнѣ можно?»

Въ изданіи 1798 года (стр. 54):

«И такъ надѣяться уже, сударь! мнѣ можно?»

Цензура 1849 года отнеслась къ комедіи «Ябеда» еще строже, чѣмъ цензура 1798 года: въ комедіи изданія 1849 года выпущено два мѣста, пропущенныхъ цензурою въ 1798 году.

Дѣйствіе II, явленіе 6-ое, (стр. 74):

«Бульбулькинъ.

Ну, проповѣдь!—Прямой... этотъ всѣхъ обидчикъ...

Радбынъ.

Но пра-прав-право онъ не безъ при-при-чи-чи-чины...»

Въ изданіи 1798 года, (стр. 56):

«Бульбулькинъ.

Ну! проповѣдь!—Прямой попъ этотъ всѣхъ обидчикъ:
Не жди конца, когда о взяткахъ онъ начнетъ.

Фекла.

А самъ вѣдь и съ живыхъ и съ мертвыхъ онъ деретъ.

Кривосудовъ.

Родись, крестись, женись, умри, грѣши, иль кайся,
А кошелькомъ за все съ нимъ на чисто квитайся.

Парольки нъ.

Да вѣдь питаетъ онъ себя отъ Олтаря.

Хватайко.

Мы-жъ изъ насущнаго лишь служимъ у Царя.

Радбынъ.

Но пра-прав-право онъ не безъ при-чи-чи-чины...»

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ (стр. 102):

«Хватайко.

Вѣдь самъ сложилъ словца.

Бульбулькинъ.

Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца.

Праволовъ.

А что, схватили?

Паролькинъ.

Наконецъ».

Между приведенными словами Бульбулькина и Праволова пропущенъ текстъ, занимающій въ изданіи 1798 года ровно двѣ страницы: 85 и 86 (по 4-му изданію «Дешевой библіотеки» А. С. Суворина, стр. 82—84).

Въ изданіи 1849 года нѣтъ письма Нелединскаго къ Капнисту и письма Капниста къ Крутицкому. Оба эти письма въ изданіи 1798 года напечатаны послѣ комедіи (стр. 137—138) [1]).

Далѣе, «Ябеда» была издана въ «Дешевой библіотекѣ» А. С. Суворина четыре раза: 1-е изданіе дозволено цензурою 21 декабря 1884 года, въ 4000 экземплярахъ, 184 стр.; 2-е изданіе дозволено цензурою 10 мая 1887 года, въ 5000 экземплярахъ, 124 стр.; 3-е изданіе дозволено цензурою 8 декабря 1889 года, въ 5000 экземплярахъ, 124 стр.; 4-е изданіе дозволено цензурой 5 октября 1902 года, въ 5000 экземплярахъ, 122 стр. Всѣ четыре изданія «съ портретомъ и біографіей автора» и по содержанію своему сходны. Бросающаяся въ глаза разница 1-го изданія «Дешевой библіотеки» (184 стр.) съ послѣдующими (124—122 стр.) зависитъ отъ причинъ, не имѣющихъ вліянія

---

1) Письмо Нелединскаго было напечатано еще въ *Современникѣ* 1836, томъ II, 308. Письмо же Капниста къ Нелединскому напечатано было въ *Русской старинѣ* 1873, май, стр. 714.

на содержаніе,—отъ шрифта, набора, формата. Въ виду сходства текста[1]) мы будемъ говорить лишь о 4-омъ изданіи.

Въ концѣ «біографіи» 4-го изданія, какъ и во всѣхъ предыдущихъ изданіяхъ, указано: «Наше изданіе «Ябеды» воспроизведено съ 1-го изданія 1798 года, съ авторскимъ посвященіемъ императору Павлу Петровичу». Воспроизведеніе не лишено нѣкоторыхъ недостатковъ. Не достаетъ въ «воспроизведеніи» того, что есть на самомъ концѣ изданія 1798 года, послѣ текста «Ябеды», это именно стр. 137—138: письмо Юрія Нелединскаго Мелецкаго къ Капнисту, изъ Павловска, 29 іюня 1798 года, и письмо Капниста къ Антону Михайловичу Крутицкому, 30 сентября, того же года.

Редактировавшіе «Ябеду» въ изданіи «Дешевой библіотеки», повидимому, считали возможнымъ мѣстами «воспроизводить» изданіе 1798 года не буквально, а по усмотрѣнію дѣлать измѣненія.

Въ дѣйствіи V, явленіи 1-омъ (стр. 102):

И чадомъ *виннымъ всѣ* такъ сильно зарядились.

Въ изданіи 1798 года (стр. 109):

И чадомъ вейновымъ такъ сильно зарядились.

Въ дѣйствіи V, явленіи 4-омъ (стр. 114):

«Кохтинъ (отдавая бумагу Кривосудову).

Въ мину*ту я* поспѣлъ».

Въ изданіи 1798 года (стр. 124):

«Кохтинъ *отдавая бумагу Кривосудову*.

Въ минутную поспѣлъ».

Такъ и въ цензурномъ экземплярѣ (Ц.) «Ябеды».

---

1) См. однако ниже, стр. 27; 32.

Въ дѣйствіи V, явленіи 6-омъ (стр. 116—117):

«Въ разбояхъ, грабежахъ и даже душегубствахъ
Довольно *у*личенъ...» (Къ Праволову) Кой чортъ! смотри-*ка*,
братъ!
(Читаетъ) «Довольно *у*личенъ, то для того сенатъ...»
«И, гдѣ найдется онъ, скова*ть*, подъ стражу взять
И крѣпко содержать до новаго указу».

Въ изданіи 1798 года (стр. 127):

«Въ разбояхъ, грабежахъ и даже душегубствахъ,
(Къ Праволову).
Довольно приличенъ—Кой чортъ! смотри-ко братъ!
Читаетъ:
Довольно приличенъ, то для того Сенатъ...»
«И гдѣ найдется онъ, сковавъ подъ стражу взять,
И крѣпко содержать до новаго указу».

Тамъ же (стр. 117): «Прав. (падая на колѣни и поднявъ *кв*ерху обѣ руки, между коихъ записная книжка видна». Въ изданіи 1798 года (стр. 128): «Праволовъ падая на колѣни, и поднявъ въ верхъ обѣ руки, между коихъ записная книжка видна».

Въ дѣйствіи II, явленіи 2-омъ (стр. 55): «*Потряхиваетъ* камзольнымъ карманомъ». Въ изданіи 1798 года (стр. 45): «Потряхаетъ камзольнымъ карманомъ».

Въ дѣйствіи III, явленіи 2-омъ (стр. 67): «*Разстанавливаетъ* бутылки». Въ изданіи 1798 года (стр. 62): «разставливаетъ бутылки».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ (стр. 78): «Тѣ *же, исключая* Прямикова». Въ изданіи 1798 года (стр. 78): «Тѣжъ выключая Прямикова».

Въ дѣйствіи I, явленіи 6-омъ въ концѣ (стр. 40) добавлено слово его: «Выталкиваетъ его вонъ». Въ изданіи 1798 года (стр. 23) «его» нѣтъ.

Въ дѣйствіи III, явленіи 9-омъ (стр. 66):

«То-бъ, вѣрно, проклинать не сталъ *свою* судбину».

Въ изданіи 1798 года (стр. 61):

«Тобъ вѣрно проклинать не сталъ твою судьбину».

Въ дѣйствіи III, явленіи 4-омъ (стр. 72): «Ѳек. А мы по старинѣ? по четвер*ти* поэнь?»

Въ изданіи 1798 года (стр. 68):

«Фекла.

А мы по старинѣ? по четверцѣ поэнь?»

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ (стр. 82):

«*Всѣ.* Брать, брать, брать!

(Софія, заткнувъ уши, уходитъ)

. . . .

Всѣ. Брать, брать, брать!
Наум. И драть!»

. . . .

Всѣ. То свято!

Въ изданіи 1798 года (стр. 84—85) [1]):

«*Всѣ повторяютъ:* брать, брать, брать.

Софія заткнувъ уши уходитъ.

. . . .

Всѣ повторяютъ: брать, брать, брать.
А Наумычъ . . . . и драть.
Всѣ повторяютъ: То свято!»

Въ 1-омъ изданіи «Дешевой библіотеки» (стр. 122—123) было какъ въ изданіи 1798 года, но во 2-омъ, 3-емъ и 4-омъ измѣнено.

---

1) См. ниже, стр. 55.

Въ дѣйствіи II, явленіи I-омъ (стр. 49):

«И вновь съ вчерашня дня въ архив*ѣ* онъ зарылся»

Въ изданіи 1798 года (стр. 37):

«И вновь съ вчерашня дня въ архив*у* онъ зарылся».

Въ изданіи 1798 года «Хватайко» имѣетъ родительный падежъ: Хватайка, дательный: Хватайку (Хватайкову) и т. д. Въ «Дешевой библіотекѣ»: Хватайки, Хватайкѣ и т. д. Правописаніе вообще подновлено. Отъ этого теперь встрѣчаемъ такія риѳмы: (дѣйствіе I, явленіе 8-ое, стр. 43)

Кривосудовъ...... Да это дворъ гости*ный*!
Ѳек. (Наумычу) Обернуто холсти*ной*? [1]).

Впрочемъ, иногда старинное правописаніе оставлено, напримѣръ въ такомъ случаѣ:

Пожалуй же, мой другъ, для страха ты пуст*ова*
Въ ихъ дѣлѣ не скриви ужъ даннаго разъ слова.
(Дѣйствіе IV, явленіе 4-ое, стр. 93—94).

Въ очень многихъ мѣстахъ въ «Дешевой библіотекѣ» измѣнены знаки препинанія изданія 1798 года, безъ всякой необходимости.

«Крив. Ну, добро!
Посмотримъ»! (Дѣйствіе I, явленіе 8-ое, стр. 42).

Въ изданіи 1798 года (стр. 26): «Ну! добро;
Посмотримъ».

Въ дѣйствіи IV, явленіи 5-омъ (стр. 95):

«Крив. Инъ быть такъ, хорошо: возьми»!

1) См. еще въ дѣйствіи II, явленіи 5-омъ, стр. 59: «богатый»—«рогатый». По изданію 1798 года: «гостиной», «богатой»—«рогатой».

Въ изданіи 1798 года (стр. 102): «Инъ бышь такъ, хорошо; возми».

Въ дѣйствіи IV, явленіи 6-омъ (стр. 86):

«Кох. (подставляя карманъ кафтанный). Извольте положиться».

Въ изданіи 1798 года (стр. 90): «Извольте положить—ся».

Въ дѣйствіи V, явленіи 3-емъ (стр. 114):

«Хват. Желаю здравствовать.—Не потревожу-ль васъ?
Крив. Никакъ, любезный гость! спокойно-ль ночевали!?
Хват. Я думаю, какъ всѣ: какъ улеглись—не знали!?
. . . .
Хват. Ай, да спасибо вамъ! Вотъ прямо удружили».

Въ изданіи 1798 года (стр. 123):

«Хватайко.
Желаю здравствовать.—Не потревожу-ль васъ?

Кривосудовъ.
Ни какъ: любезный гость! спокойно-ль ночевали?

Хватайко.
Я думаю какъ всѣ: какъ улеглись не знали
. . . .

Хватайко.
Ай! да спасибо вамъ: Вотъ прямо удружили»!

Въ дѣйствіи III явленіи I-омъ (стр. 66—67): [1])

«Наум. Ну! что ты вопишь, братъ? (!) о чемъ твоя тоска?
О, если бъ стряпчимъ [2]) былъ ты хотя полгодка,

---

1) Изданіе 1798 года, стр. 61—62. Чтобы не печатать дважды монолога, я поставилъ знаки препинанія изданія 1798 года въ скобкахъ.

2) Изданіе 1798 года: О естьлибъ Стряпчимъ.

То-бъ, вѣрно, [1]) проклинать не сталъ свою судьбину.
Когда-бъ [2]) былъ принужденъ нагнуть сто разъ въ день
спину, (;)
Верстъ тридцать обѣжать по городу пѣшкомъ
Въ дождь, слякоть иль морозъ и зной бумагъ съ
мѣшкомъ, (;)
Предъ солнцемъ [3]) на поклонъ не опоздать до члена, (;)
Ждать часикъ у воротъ, хоть грязь и по колѣна, (;)
И какъ ни гнали-бъ [4]) прочь, а доступъ получить, (;)
Указовъ наизусть [5]) сто сотенъ затвердить, (;)
Иль просидѣть съ перомъ тутъ ночи безъ засыпу,
А до удушья тамъ въ архивну [6]) врыться кипу, (;)
Того ласкать, кого душой нельзя [7]) терпѣть, (;)
Отъ всякаго сносить, ко всякому поспѣть, (;)
А что несноснѣе: такъ цѣлы дни поститься (,)
И всѣхъ перепоить, а самому трезвиться!
Со всѣмъ тѣмъ, послѣ всѣхъ докукъ, трудовъ, хлопотъ,
Какъ дѣло иногда бываетъ въ черный [8]) годъ,
Въ не пользу барина свихнется сатаною,
То прійдетъ [9]) тутъ еще отдуться и спиною, (.)
Вотъ жизнь! такъ ты, мой другъ, (!) Архипушка, (!) молчи;
Поди (,) и около теленковъ хлопочи».

Въ дѣйствіи V, явленіи 1-омъ (стр. 104):

«Добр. Потише, берегись: вотъ къ намъ валитъ весь судъ».

Въ изданіе 1798 года (стр. 111):

---

1) Изданіе 1798 года: Тобъ вѣрно проклинать.
2) Изданіе 1798 года: Когдабъ.
3) Изданіе 1798 года: Предъ Солнцемъ....... до Члена.
4) Изданіе 1798 года: гналибъ.
5) Изданіе 1798 года: на изъустъ.
6) Изданіе 1798 года: въ Архивну.
7) Изданіе 1798 года: душей не льзя.
8) Изданіе 1798 года: чорный.
9) Изданіе 1798 года: прийдетъ.

«Добровъ.

Потише: берегись; вотъ къ намъ валитъ весь судъ».

Есть, конечно, въ «Дешевой библіотекѣ» и опечатки. Къ нимъ относимъ и слѣдующее мѣсто.

Дѣйствіе III, явленіе 4-ое, стр. 72:

«Ну, отъ кого, скажи, наслѣдіе Адам*а*»?

Въ изданіи 1798 года (стр. 69):

«Ну! отъ кого, скажи, наслѣдіе Адам*у*»?

Въ дѣйствіи I, явленіи 8-омъ (стр. 46) пропущено «его»:

«Ѳек. (съ жаромъ). Какъ? хочешь намъ на шею навязать»?

Въ изданіи 1798 года (стр. 33):

«Ѳекла съ жаромъ.

Какъ? хочешь намъ его на шею навязать»?

Въ дѣйствіи I, явленіи 1-омъ (стр. 24):

«Я милости его отнюдь не позабылъ».

Въ изданіи 1798 года (стр. 3):

«Я милостей его отнюдь не позабылъ».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ (стр. 86):

Праволовъ Кохтину.

«Ты помощь окажи, а это на въ закладъ!
Могу-ль надѣяться? (Даетъ ассигнацію)».

Въ изданіи 1798 года (стр. 90):

«Ты помощь окажи.—А это на въ закладъ!
Могу-ль надѣяться? *Даетъ Ассигнацію*».

Къ 1893 году относится изданіе «Ябеды» Ф. А. Іогансона въ Кіевѣ, въ серіи «Библіотека Крошка». Въ самомъ изданіи не говорится, откуда взятъ текстъ. Повидимому, это перепечатка

3-го изданія «Ябеды» въ «Дешевой библіотекѣ» А. С. Суворина. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство. «Крошка», стр. 89: «Какъ? хочешь намъ на шею навязать»? Пропущено «его», на что мы указали немного выше въ изданіяхъ «Дешевой библіотеки».

«Крошка», стр. 194 (дѣйствіе III, явленіе 6): «Тѣ-же, исключая Прямикова». Въ изданіи 1798 года, стр. 78: «Тѣжъ выключая Прямикова». Въ изданіи 1849 года, Смирдина, стр. 95: «Тѣ жъ, выключая Прямикова». Въ «Дешевой библіотекѣ» стр. 78, (2 и 3 изд. стр. 79, 1-е изд. стр. 114):

«Тѣ же, исключая Прямикова»

«Крошка», стр. 75 (дѣйствіе I, явленіе 8):

«Сколько-ль вамъ, мой господинъ, сударь,
Обязанъ»!

Въ изданіи Смирдина, стр. 42:

«Сколько жъ вамъ мой господинъ, сударь, обязанъ»?

Въ изданіи 1798 года, стр. 26:

«Сколькожъ вамъ мой Господинъ, сударь! обязанъ»!

Въ «Дешевой библіотекѣ», только въ 3-емъ изданіи, стр. 42:

«Сколько-*ль* вамъ, мой господинъ, сударь, обязанъ»!

Вотъ всѣ изданія (7), которыя указаны въ каталогахъ Императорской Публичной библіотеки и библіотеки Академіи Наукъ. Кромѣ этого, отрывки «Ябеды», большіе или меньшіе, находятся въ различныхъ изданіяхъ, ученаго и учебнаго характера, касающихся литературы XVIII вѣка, напримѣръ у Н. В. Губерти [1]), въ хрестоматіи А. Галахова [2]).

---

1) См. выше, стр. 16, пр. 1.

2) А. Галаховъ. Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности. Томъ I. (Отъ Петра I до Карамзина). Спб. 1861. На стр. 502—7 напечатаны дѣйствія III явленія 4 и 6 (часть). Текстъ взятъ изъ изданія 1798 года. Знаки препинанія въ нѣсколькихъ мѣстахъ измѣнены. Есть недо-

Къ этому можно добавить, что въ Русской старинѣ 1873, май, 715—716, С. И. Турбинъ сообщилъ нѣсколько варіантовъ къ «Ябедѣ», по печатному экземпляру 1798 года, нѣкогда принадлежавшему актеру Щеникову. Въ бенефисъ его шла «Ябеда» 2-го сентября 1814 года. Капнистъ сдѣлалъ нѣкоторые поправки въ указанномъ экземплярѣ (всего 9).

Подводя итогъ обзору изданій «Ябеды», должно сказать, что мы имѣемъ комедію и теперь въ томъ видѣ, въ какомъ выпустила ее цензура времени Павла I, 1798 года, не считая позднѣйшихъ произвольныхъ измѣненій.

Къ счастію, цензурный экземпляръ изданія 1798 года сохранился, вмѣстѣ съ письмомъ Капниста къ Крутицкому. Эта рукопись хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ, подъ шифромъ F. XIV. 42. Рукопись въ листъ; въ папкѣ. По листамъ записи: 1) «Сія комедія Ябеда въ пяти дѣйствіяхъ сочинена надворнымъ совѣтникомъ и членомъ россійскія академіи Василіемъ Капнистомъ»; 2) «Секретарь Михайло Селастенникъ». Текстъ комедіи переписанъ писцомъ. Рукопись была отмѣчена въ отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1867 годъ [1]).

Для краткости мы обозначаемъ ниже рукопись F. XIV. 42 буквой Ц.

Сохранилась также и другая рукопись, прошедшая цензуру.

смотры: «Праволовъ. А сколько же считается на немъ?» Въ изданіи 1798 года, стр. 87 и въ Ц.: «на комъ?» («Дешевой библіотеки» стр. 84). Въ концѣ дѣйствія III: «Хватайко. Слуга вамъ». Въ изданіи 1798 года, стр. 90, и въ Ц.: «слуга вашъ». Въ позднѣйшихъ изданіяхъ хрестоматіи (13-е, М. 1905, 12-е, М. 1903) къ этому прибавлены еще слѣдующіе недосмотры: въ явленіи 4-мъ пропущена цѣлая строка: «(Къ Кохтину) Садись, мой другъ, но лишь пожалуй не соли» (изд. 1798 года, стр 67; «Дешевой библіотеки» стр. 71). Въ концѣ того же явленія: «Хватайко. Не гну я пальца даромъ». Въ 1-мъ изданіи Галахова, въ изданіи 1798 года и въ Ц.: «Не гну и пальца даромъ». Въ явленіи 6-омъ: «Атуевъ. Мнѣ двѣ пароли». Въ 1-мъ изданіи Галахова, въ изданіи 1798 года и въ Ц.: «Мои двѣ пароли».

1) Спб. 1868. Стр. 153. Точнымъ указаніемъ года отчета я обязанъ И. А. Бычкову.

Это—рукопись [1]) I отдѣленія библіотеки Академіи наукъ, шифра 1.5.55: «Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ Съ одобреніемъ Санкпетербургской Императорской Цензуры». Конца XVIII вѣка. 62 листа нумерованныхъ; л. 1 и л. 62 чистые. Сафьянный переплетъ, съ золотыми тисненіями по краямъ и на корешкѣ; обрѣзъ позолоченный. На бумагѣ два водяныхъ знака. Первый знакъ — женщина съ масличной вѣткой въ правой рукѣ, съ копьемъ въ лѣвой, внизу слѣва щитъ; все это въ тройномъ кругу, на верху котораго корона, а внизу: 1796. Второй знакъ — Band 1796.

Письмо весьма тщательное; названіе дѣйствующихъ лицъ и слова «дѣйствіе», «явленіе» написаны красными чернилами.

Въ текстѣ поправки и сокращенія на л. 8 об., 9, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 14, 16, 18, 28 об., 30, 30 об., 31, 31 об., 32, 32 об., 33, 34, 34 об., 35, 36, 37 об., 38, 39, 40, 40 об., 41, 42 об., 44, 44 об., 45, 45 об., 46, 46 об., 47, 48, 48 об., 50, 51, 51 об., 52, 52 об., 55, 59 об., 60 об., 61.

Въ письмѣ своемъ къ Ю. А. Нелидинскому-Мелецкому, 30 апрѣля 1798 года, Капнистъ говоритъ: «Препровождая оное (т. е. сочиненіе «Ябеду») вашему превосходительству, аки любителю россійскаго слова, покорнѣйше прошу узнать высочайшую волю, угодно ли будетъ усердіе мое его императорскому величеству, и благоволитъ ли онъ удостоить меня всемилостивѣйшимъ позволеніемъ украсить въ печати сочиненіе мое, одобренное уже цензурою [2]), священнымъ его именемъ» [3]). Нѣкоторыя мѣста «Ябеды» академической рукописи [4]), цензорскія измѣненія въ ней и время появленія самой рукописи, подходящія ко времени, указываемому письмомъ Капниста, роскошная внѣшность, какой обяза-

---

1) Она обязательно указана мнѣ В. И. Срезневскимъ.

2) См. немного выше: «Съ одобреніемъ Санкпетербургской Императорской Цензуры», и цензорскія измѣненія текста академической рукописи шифра 1. 5. 55.

3) *Русская старина* 1873, май, стр. 714.

4) См. ниже, стр. 52—53.

тельно отличались въ XVIII вѣкѣ экземпляры, предназначенные для поднесенія высоко стоящимъ лицамъ, — все это даетъ мнѣ основаніе думать, что академическая рукопись 1.5.55 и есть тотъ экземпляръ «Ябеды», который былъ «препровожденъ» Капнистомъ Нелидинскому-Мелецкому.

Академическій списокъ «Ябеды» мы обозначаемъ П.

Рукописный текстъ «Ябеды» Ц. и П. былъ сличенъ мною съ печатнымъ. Позволяю себѣ привести нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ на основаніи сличенія.

Уже заранѣе можно сказать, что такая комедія, какъ «Ябеда», должна была вызвать въ свое время самое усердное «вниманіе» цензора. Дѣйствительно, цензурный экземпляръ Имп. Публичной библіотеки показываетъ наглядно, что выброшена приблизительно четвертая часть всей комедіи. Зачеркнуты цѣлыя явленія, монологи, уничтожены отдѣльныя выраженія и слова. Между прочимъ сильно пострадало и изображеніе Софьи.

Дѣйствіе II, явленіе 1, сравн. 4 изд. «Дешевой библіотеки» [1]), стр. 52.

Праволовъ.

Я бъ долженъ напередъ съ ума сойти, взбѣситься.
Возможно ль дурочку въ монастырѣ [2]) съ шести

1) Здѣсь и далѣе приводимъ текстъ цензурнаго экземпляра (Ц.). Въ виду общедоступности «Дешевой библіотеки» и рѣдкости изданія 1798 года и, до извѣстной степени, рѣдкости изданія 1849 года Смирдина, я указываю для сравненія здѣсь и далѣе страницы «Дешевой библіотеки».

2) Зачеркнуто; сверху: столицѣ лѣтъ.—Въ «Монастырѣ»—Смольномъ монастырѣ. — Жена Капниста, Александра Алексѣевна, урожденная Дьякова, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. И. П. Хрущовъ. Милена, вторая жена Державина. Спб. 1903. Стр. 6. Историческій вѣстникъ 1891, май: Воспоминанія С. В. Скалонъ (урожденной Капнистъ). Стр. 342. — По словамъ родной дочери, А. А. Капнистъ была хорошая хозяйка. Тамъ же, стр. 348. О смолянкахъ Екатерининскаго времени, ихъ неподготовленности къ практической жизни и къ жизни «въ обществѣ» см. Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Спб. 1899. Стр. 245—247. Записки С. Н. Глинки. Спб. 1895. Стр. 35.

Годовъ воспитанну [1]) почти до двадцати,
Которая приходъ съ расходомъ свесть не знаетъ,
Шьетъ, на Давыдовыхъ лишъ гусляхъ повираетъ,
Да по французски вретъ, какъ сущій попугай,
А по природному лишъ только ай! да ай! [2]).

Дѣйствіе I, явленіе 1, сравн. «Дешевой библіотеки» стр. 33.

Прямиковъ.

Такъ знай, мой другъ!
Что страстью нѣжною пылаетъ къ ней мой духъ.
Но кто соперникъ мой [3])?
Прекрасною она глазамъ моимъ казалась; [4])
Влюбился страстно я въ нее тамъ; а потомъ [5])
Какъ вышла ужъ она оттолѣ къ тіоткѣ въ домъ,
То тамъ видаясь съ ней и пуще заразился.
Признаться, счастливъ былъ, и я ей полюбился.
Однакожъ сколь въ нее я страстно ни влюбленъ [6]),

---

1) «Годовъ воспитанну» зачеркнуто; сверху: преизбалованну.

2) «Лишъ ай! да ай!» зачеркнуто; сверху: ни здраствуй, ни прощай!

3) Эти четыре слова поверхъ части всей старательно зачеркнутой строки. Въ рукописи П.:

Но кто жъ соперникъ мой?—
Въ Москвѣ у тіотки, гдѣ она и воспиталась
Увидѣлся я съ ней; она мнѣ показалась.
Влюбился; былъ ей милъ. Но сколько не влюбленъ,
Я на войну спѣшить былъ честью принужденъ:
Простились горестно: она мнѣ поклялась.

Строка «Но кто жъ соперникъ мой»? написана сверху: «Въ Москвѣ у тіотки». Начиная со словъ: «Въ Москвѣ»... до «да за кого»? (см. ниже, с. 37) зачеркнуто.

4) «Прекрасною»...и до конца рѣчи Прямикова зачеркнуто по строкамъ. На поляхъ знакъ исключенія. Поверхъ строки «Прекрасною»...было:

Въ Москвѣ у тіотки, гдѣ она и воспиталась.

Зачеркнуто.

5) Поверхъ этой строки было написано, но зачеркнуто:

Увидѣлся я съ ней. Она мнѣ показалась.

6) Поверхъ этой строки было написано, но зачеркнуто:

Влюбился; былъ ей милъ. Но сколько.

Но [1]) на войну спѣшить былъ честью принужденъ:
Простились горестно: она мнѣ поклялася
Любить меня по смерть. Потомъ война зажглася.
Я дрался, отличонъ; и свѣдалъ на конецъ
Что въ городъ сей велѣлъ ее привезть отецъ.
Спѣшилъ сюда; въ дому процесомъ задержался;
Пріѣхалъ, къ ней иду, съ тобою повстрѣчался,
И слышу.... Боже мой! Но можетъ ли то быть?—
Возможно ль клятву ей такъ скоро позабыть?
Да за кого?

Добровъ.

Я вамъ сказалъ: [2]) таятъ сударь [3]) къ чему та
Да вотъ ее идетъ служанка къ намъ.

Дѣйствіе III, явленіе 2, сравн. «Дешевой библіотеки» стр. 67 и слѣд.

Софія [4]), Анна и Наумычъ. *Разставливаетъ бутылки.*

Анна [5]).

Что такъ, сударыня! бѣжите торопливо?

Софья.

Ай! что мнѣ дѣлать тамъ? [6])

Анна.

Да гости: неучтиво.

Софья.

Ай! да учтивы ли они ко мнѣ? [7])

---

1) Сверху слова «но» было написано: «я».—Зачеркнуто.

2) Эти три слова зачеркнуты. На поляхъ знакъ исключенія.—П. также зачеркнуто.

3) Ц. и П. «Сударь» добавлено сверху.

4) Зачеркнуто.

5) Зачеркнуто это слово и все послѣдующее до включительно: «по крайности сносить».—П. то же зачеркнуто.

6) Сверху было: тамъ дѣлать нѣчего.—Зачеркнуто и это.

7) Снизу было: вотъ на они ко мнѣ учтивы ли?—Зачеркнуто и это.

Анна.

Какъ быть?

Вы полхозяйка; вамъ должно ихъ угостить.

Софья.

Ай! не хочу; они такіе грубіяны! [1])

Анна.

Какъ быть? [2])

Софья.

Ай! не хочу; они такіе пьяны!

У насъ въ монастырѣ [3]) въ вѣкъ не былъ пьянъ никто.

Фи донъ!

Анна.

То монастырь; [4]) а здѣся все не то.

Софья.

Ай! вижу очень.

Анна.

Такъ вамъ должно примѣняться!

Софья.

Ай! фи донъ! [5]) не хочу: какъ едакъ напиваться!

Анна.

Не вамъ, сударыня! совѣтую я пить; [6])

---

1) Сверху начала строки было: мнѣ, ихъ поди (?) на. Эти слова зачеркнуты. Сверху нихъ еще было: си вю пренъ! — Все зачеркнуто.

2) Сверху было: что дѣлать?—Зачеркнуто.

3) Поверхъ начала строки было: у тіотушки у насъ.—Зачеркнуто.

4) Сверху было: да то у тіотушки.—Зачеркнуто.

5) Сверху было: поди ты.—Зачеркнуто.

6) Слѣва, противъ этой строки, знакъ исключенія.

Но пьяныхъ здѣсь гостей по крайности сносить
Увидя вина и корзину.
При матушкѣ....[1]) Да ба; что вижу! [2]) ето [3]) ново;

Дѣйствіе III, явленіе 4 [4]), сравн. стр. 69.

Фекла, Софія [5]) и Анна *устанавливаетъ столики и стулья и карты и марки.*

Фекла[6]).

А ты, жеманна [7]) дочь!
За чемъ оставила гостей и вышла прочь?
У васъ такъ развѣ лишъ въ Монастырѣ ведется [8]);
Невѣста прочь, женихъ едакъ и..ается [9]).

Софья.

Ай! жениховъ отнюдь нѣтъ, я божусь вамъ въ томъ [10]),
У насъ въ монастырѣ.

Фекла.

А за монастыріомъ?...[11])
Я знаю вѣдь ужъ все; да я не помирволю.
Не монастырску[12]), слышъ; а дѣлай нашу волю.

---

1) Сверху было: Ну! какъ же тянутъ тамъ!—Зачеркнуто.—П. Это послѣднее оставлено.

2) «Что вижу» зачеркнуто.—П. тоже.

3) Передъ «ето» добавлено: и.—П. безъ добавленія.

4) Начиная отсюда до словъ Феклы включительно «я разъ сказала ужъ» зачеркнуто все.

5) П. зачеркнуто.

6) П. добавлено: къ Аннѣ.

7) П. отъ «жеманна» до «румянъ» зачеркнуто. Сверху сначала добавлено то, что въ печатномъ концѣ явленія III, дѣйствія 3, стр. 69.

8) Сверху было: неужъ ли то такъ на Москвѣ.—Зачеркнуто.

9) Трудно разобрать.

10) Сверху этой и слѣдующей строки было:
У насъ въ Москвѣ отнюдь, божусь вамъ, жениховъ
Мы и не видали.—Зачеркнуто.

11) Сверху было: Добро; а Прямиковъ?....Зачеркнуто.

12) Сверху было: тіотушкину.—Зачеркнуто.

Мы Праволова ужъ давно тебѣ сулимъ.
Упрямся или нѣтъ; а быть тебѣ за нимъ.
И такъ, голубушка! смотри не зазнавайся,
И нравиться ему какъ можно ты старайся.

Софья *падая на колѣни.*

Ай [1]), матушка! прошу васъ на колѣняхъ я,
Избавьте отъ него, избавьте вы меня;
Я нравиться ему ужъ не могу..... Божуся,
Что не люблю его и въ томъ вамъ признаюся.
Избавьте вы меня; онъ мнѣ не сносенъ такъ!..
Но естьли упросить васъ не могу никакъ,
И у себя меня держать вы не хотите;
То въ монастырь [2]) меня, прошу васъ, отошлите;
Иль къ тетушкѣ назадъ: я сколько съ ней жила [3]),
Божуся, въ тягость ей я право не была [4]).

Фекла.

Встань, дура! и молчи: про тетушку ни слова:
Тамъ прежни шашни съ ней вы заведете съ нова.
Не льстись, голубушка! Я разъ сказала ужъ. [5])

---

1) Было переправлено: ахъ.—Зачеркнуто.
2) Сверху было: къ тіотушкѣ.—Зачеркнуто и это.
3) Сверху было: не буду... въ тягость ей. Зачеркнуто и это. Послѣ «буду» трудно разобрать одно слово.
4) Сверху была написана строчка. Зачеркнуто такъ, что трудно разобрать.
5) Слѣва, противъ этой строки знакъ исключенія.

П. Что Праволовъ тебѣ на вѣрно будетъ мужъ:
И ежели ему ты согрубишь хоть мало,
Молись чтобъ моего терпенія достало!
Да вотъ всѣ.

Анна *въ сторону*

Пьяны.

Фекла *услышавъ и замахнувшись* Аннѣ. Знать хочешь ты румянъ.

Кривосудовъ.

Ба, ба! не ужъ ли то стоитъ зерцало тутъ?
Но нѣтъ.

Бульбулькинъ.

И хорошо что спрятали подъ спудъ.

Атуевъ.

Смотрѣться нѣкому.

Хватайко.

На насъ весь вѣкъ смотрѣло.

Анна.

Знать больше и смотрѣть уже не захотѣло.

Дѣйствіе III, явленіе 9, сравн. стр. 82.

Тѣ жъ и Софья *съ арфой*.

Кривосудовъ.

Запой же намъ, мой другъ!

Софья.

Что батюшка велитъ?

Кривосудовъ.

Что хочешь, милая!

Кохтинъ къ Бульбулькину.

На етой пѣлъ Давидъ?

Бульбулькинъ.

Нѣтъ, ета вѣдь стоитъ, а онъ съ своей носился.

Паролькинъ Атуеву [1]).

Загнуть было ушко Давиду [2]).

1) Это слово добавлено.
2) Сверху было: послушай какъ бренчитъ.—Зачеркнуто.

Хватайко.

Ты взбѣсился;

Онъ проигралъ уже, я думаю, разъ пять.

Паролькинъ.

Охотничекъ и онъ старикъ вѣдь былъ играть.

Атуевъ.

Глухъ звукъ; не слышу я.

Хватайко.

Хоть съ длинными ушами!

Паролькинъ.

Взглянь какъ работаетъ руками и ногами!

Софья *играетъ и поетъ*.

Воспоемъ тьму щедротъ
Нашей матери царицы;
Той, котора въ родъ и родъ
Весь щастливитъ свой народъ [1]).

* * *

Отъ драгой своей десницы
Всѣмъ [2]) она блаженство шліотъ;
Вкругъ гремящей [3]) колесницы
Миръ съ побѣдами ведіотъ [4]).

* * *

Воспоемъ тьму щедротъ
Мы всѣ, какъ сироты и птицы,
Къ ней направя нашъ поліотъ

---

1) Сверху предыдущей и этой строки было:
Что подъ свой покровъ беріотъ
Вдовъ, убогихъ и сиротъ.—Зачеркнуто и это.

2) Сверху было: имъ.—Зачеркнуто.

3) Сверху было: блестящей.—Зачеркнуто.

4) Сверху этой строки было: Щастье и любовь ведіотъ.—Зачеркнуто.

Подъ крылами сей орлицы
Жизнь спасемъ [1]) отъ непогодъ.

* * *

Воспоемъ тьму щедротъ

* * *

Какъ лучемъ она денницы,
Просвѣщаетъ Роскій родъ;
И подъ кровомъ багряницы
Воспитаетъ тьму сиротъ.

* * *

Воспоемъ тьму щедротъ Нашей матери царицы Той, котора въ родъ и родъ [2]) Весь щастливитъ свой народъ.	*Всѣ судьи* Помути Господъ народъ, да накорми воеводъ.

Софья съ арфой уходитъ [3]) *поспѣ(шно)* [4]).

Въ рукописи академической, П.

Дѣйствіе III, явленіе 9, сравн. стр. 82.

Тѣ жъ и Софья *съ арфой.*

Кривосудовъ.

Запой же намъ, мой другъ!

Софья.

Что батюшка велитъ?

---

1) «емъ» передѣлано изъ какого-то другого окончанія.
2) Сверхъ этой и слѣдующей строки было:
Что подъ свой покровъ беріотъ
Вдовъ, убогихъ и сиротъ.
3) Сверху было добавлено: поспѣшно.
4) Окончаніе ушло въ корешокъ переплета.

Кривосудовъ.

Что хочешъ милая!

Паролькинъ Атуеву.

Послушай какъ брянчитъ.

Атуевъ.

Глухъ звукъ; не слышу я.

Хватайко.

Хоть съ длинными ушами!

Паролькинъ.

Взглянь какъ работаетъ руками и ногами!

Софья *играетъ и поетъ.*

Щастливъ кто на все на свѣтѣ
Могъ безъ зависти глядѣть;
И въ кругу мечты имѣть
Добродѣтель лишъ въ предмѣтѣ.
Въ совѣсти спокойной тотъ
Тьму прямыхъ отрадъ найдiотъ.

* * *

Кладъ свой Крезъ напрасно множитъ;
День надъ нимъ не спитъ, ни ночь:
Какъ его себѣ ни прочь,
Злый случай похитить можетъ.
Въ свѣтѣ всѣхъ богаче тотъ
Кто лишь правдою живiотъ.

* * *

Хоть весь мiръ кто завоюетъ
Щастливыхъ не сыщетъ дней:
Средь побѣды звукъ цѣпей
Безъ покойный духъ волнуетъ.

Щастливъ истинно лишъ тотъ
Съ правдой кто въ міру живіотъ.

Судьи всѣ.

Помути Господь народъ,
Да накорми воеводъ.

Софья.

Щастливъ истинно лишъ тотъ,
Съ правдой кто въ міру живіотъ.

Судьи всѣ.

Помути Господь народъ.
Да накорми воеводъ.

Софья съ арфой уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣ жъ безъ Софіи.

Кривосудовъ.

Что жъ пуншу?...

Дѣйствіе I, явленіе 3, сравн. стр. 34.

Софія, Прямиковъ, Анна и Добровъ.

Прямиковъ.

Щастливая минута!
Я вижу васъ опять, съ восторгомъ вижу васъ [1])

Софія.

Ай [2]) да отъ куда вы?

---

1) Эта строка вся зачеркнута. Сверху: Съ какою радостью я вижу васъ опять!—П. безъ поправки: Я вижу... васъ.

2) «Ай», переправлено на «Ахъ!»—П. безъ поправки: Ахъ.

Прямиковъ.

Я въ городъ лишъ сейчасъ [1])
Пріѣхалъ, и мое желаніе сердечно...

Софія.

Вы позабыли насъ!

Прямиковъ.

Ахъ! нѣтъ; я помнилъ вѣчно,
И вѣчно и въ умѣ и въ сердцѣ васъ носилъ [2])
Но вамъ я?...[3]).

Софія.

Признаюсь, ты мнѣ всегда былъ милъ...
Ай [4]), что сказала я?

Прямиковъ.

Что вдругъ всѣ тѣ печали,
Которыя мой духъ доселѣ отягчали,
Разбили и меня въ мигъ драгоцѣнный сей
Щастливѣйшимъ изъ всѣхъ содѣлало людей.

Цѣлуетъ ее руки.

Софія.

Гдѣ былъ ты долго такъ? ай сколько тѣмъ теряешъ!
И всѣхъ твоихъ еще несчастій ты не знаешъ [5]).

---

1) Слова Прямикова зачеркнуты. Поверхъ: могу ль себя ласкать надеждой, что моей вы къ вамъ любви сердечной...—П. Этой послѣдней поправки нѣтъ.

2) Зачеркнута эта строка. Сверху: и вѣчно образъ вашъ въ душѣ моей... П. Нѣтъ этой поправки.

3) Эта строка зачеркнута, какъ и всѣ другія строки до словъ Анны къ Софіи, въ концѣ явленія 3-го. (См. ниже, стр. 47). На лѣвой сторонѣ знакъ исключенія, противъ «но вамъ я?»

4) «Ай» зачеркнуто; было переправлено на «Ахъ», которое тоже зачеркнуто.—П. безъ поправки: Ахъ!

5) Сверху: «ай сколько тѣмъ теряешъ... не знаешъ» было:

Ахъ! другъ ахъ! ты не знаешъ
Нещастья нашего: всего что ты теряешъ.—

Прямиковъ.

Охъ! нѣтъ ужъ я узналъ, что нѣжну нашу страсть
Стремится разорвать родительская власть;
Но льщусь надеждою, когда они узнаютъ,
Что горесть вамъ одну они [1]) приготовляютъ,
То перемѣнятъ мысль и отдадутъ тому,
Кого вы избрали по сердцу своему.

Софія.

Желаю, чтобы ты тѣмъ не напрасно льстился.

Прямиковъ.

Открыться имъ во всемъ теперь же я рѣшился;
О дѣлѣ разговоръ подастъ къ тому мнѣ слѣдъ.
Но кто щастливой тотъ? [2])

Анна къ Софіи [3]).

Но вотъ
Сюда вашъ батюшка сударыня! идіотъ [4]).

.П. Гдѣ былъ ты долго такъ? ахъ! другъ мой! ты не знаешъ
Нещастья нашего: всего что ты теряешъ.

Эти стихи тоже зачеркнуты.

1) Послѣ «они» было добавлено сверху: лишъ тѣмъ. — П. по выскобленному: лишъ тѣмъ. Но тоже зачеркнуто.

2) Слѣва знакъ исключенія.—П. Поверхъ зачеркнутыхъ словъ Прямикова не зачеркнуто:

Ахъ! Боже мой! поди жъ скажи ей что открыться
Отцу ея хочу; и что надеждой льститься
Могу, что онъ меня другому предпочтетъ.
Но кто жъ ее женихъ.

Анна.

Вотъ баринъ нашъ идетъ.

—Вмѣсто «Анна» сначала было:

Софія.

Вотъ батюшка идетъ.

3) «Анна....идіотъ» добавлено.

4) «сударыня идіотъ» добавлено по выскобленному.

Дѣйствіе IV, явленіе 1 и 2 [1]), см. стр. 87—88.

Софія.

Ай! глазъ я не могла всю ночь сомкнуть съ печали [2]).
Несносный Праволовъ всю ночь мечтался мнѣ.
Покою отъ него мнѣ нѣтъ ужъ и во снѣ!
Что дѣлать съ матушкой, что такъ она жестока? [3])
Что такъ не винную страсть....

Анна.

Ета страсть безъ прока,
Когда позволите мнѣ правду говорить.

Софія.

Ай![4]) что же дѣлать мнѣ, и чемъ тутъ пособить?

Анна.

Какъ чемъ? или умомъ или упрямствомъ вашимъ.
Во первыхъ предложить родителямъ дражайшимъ
Что естьли Праволовъ, съ которой стороны
Имъ милъ; когда они въ него такъ [5]) влюблены,
То могутъ счастливо они на немъ жениться;
И что скорѣе вы согласны утопиться,
Чемъ быть когда нибудь драгой его женой;
Вотъ вамъ, сударыня! совѣтъ послѣдній мой.

Софія.

Ай! [6]) въ вѣкъ етого сказать я не посмѣю.
Къ родителямъ любовь, почтеніе имѣю.

---

1) Въ академической рукописи П. зачеркнуто все сначала (что и въ печатномъ изданіи есть) до включительно:...да вотъ они сами идутъ. См. ниже стр. 51.

2) «Ай... ночь» зачеркнуто; сверху: Я не могла всю ночь очей.

3) Эта строка и все послѣдующее, до дѣйствія 2-го, зачеркнуто. (См. ниже, стр. 49, пр. 3). Слѣва знакъ исключенія, противъ «Что дѣлать».

4) Было переправлено на: да.—П. Да.

5) «к» переправлено изъ «м»: было «тамъ».—П. такъ.

6) Было переправлено на «ахъ».—П. Ахъ!

Хотя они меня и могутъ погубить,
Но я противу ихъ не смѣю согрубить.

Анна.

Инъ такъ... извольте ихъ повиноваться волѣ.
Я не могу ни чемъ вамъ пособить ужъ болѣ;
И радуюсь въ передъ вообразя себѣ,
Какъ съ Праволовымъ вы въ завидной всѣмъ судьбѣ
Жить будете весь вѣкъ; какъ съ нимъ, съ его друзьями,
Съ писцами, стряпчими, или секретарями,
Обратаетесь вы; и тутъ ужъ безъ препонъ
Увидите со всѣхъ, сударыня! сторонъ
Чужое въ руки къ вамъ текущее богатство [1]).
Какое для души раздолье и пріятство!
Вдовъ видѣть, стариковъ и нищенькихъ сиротъ
Отъ васъ свой бѣдный хлѣбъ просящихъ у воротъ.

Софія.

Ай! [2]) не терзай меня и такъ ужъ я терзаюсь.
Но что жъ, нещастная! куда ни обращаюсь,
Отрады ни отколь и помощи мнѣ нѣтъ!

Анна *видя входящаго Прямикова.*

Однако нѣкто вотъ на помощь вамъ идетъ [3]).
. . . .

Софія *въ сторону.*

Ай! [4]) естьли бъ слезъ моихъ онъ не успѣлъ примѣтить.
. . . .

Софія.

Ай! [4]) нѣтъ: такъ [5]); ничего.

1) Эта и слѣдующія двѣ строки написаны по выскобленному.
2) Было переправлено на «ахъ».—П. Ахъ!
3) До сихъ поръ все зачеркнуто. См. выше стр. 48, пр. 3.
4) Переправлено на «ахъ».
5) Сверху добавлено еще: такъ. — П. Нѣтъ: такъ, такъ; ни чего.

Прямиковъ.

А слезы на глазахъ!
О чемъ грустите вы? Сударыня! хоть взгляньте... [1])

Анна Прямикову.

Вотъ баринъ съ бариней къ намъ идутъ: перестаньте,
Сударь. —

Софія [2]).

Ай! [3]) не терзай меня;
Не думай чтобъ когда тебѣ я измѣнила,
И клятвы позабывъ другаго полюбила.
Но ахъ! судьба меня не въ мѣру отягчила.
Мнѣ матушка велитъ на вѣкъ тебя забыть,
А кто не сносенъ такъ, того женою быть,
И угрожаетъ мнѣ всей строгостью своею;
Когда противиться я въ етомъ ей посмѣю.
Что дѣлать?

Прямиковъ.

Что тебѣ любовь твоя велитъ:
Знай, что мнѣ смерть съ твоей разлукой предстоитъ.
Коль любишь ты меня, возможешъ ли рѣшиться
Убить меня; съ моимъ врагомъ соединиться?—
Пусть все имѣніе отниметъ; передъ нимъ:
Но сердце пусть твое оставитъ; имъ однимъ
Я щастливъ буду; съ нимъ напасти всѣ забуду.
Люби меня, вотъ все.

Цѣлуетъ ее руку.

---

1) Эта строка и слѣдующія четыре до «сударь» включительно по выскобленному. — П. Скрыть ваши отъ меня хотите вы печали!
Я вижу вы меня любить ужъ перестали;
Друзей щастливыхъ...

2) Едва замѣтно: подскоблено. Все слѣдующее зачеркнуто до явленія 3-го.

3) Переправлено на «ахъ».—П. Ахъ.

Софія.

Люблю тебя, и буду
Любить; пріятно мнѣ то повторять сто разъ [1]),
Но чтожъ въ томъ, ежели они разлучатъ [2]) насъ?

Прямиковъ.

О мысль несносная!—Но нѣтъ! Позволь мнѣ льститься,
Что сердце можетъ ихъ еще перемѣниться.
Я въ силахъ оказать услугу важну имъ;
И съ тѣмъ пришелъ. Не льзя чтобъ я поступкомъ симъ
Не пріобрѣлъ себѣ хоть малой ихъ пріязни;
Я свѣдалъ, что межъ тѣмъ какъ во вся безъ боязни
И безъ опасности отъ всѣхъ они живутъ,
Въ Сенатѣ имъ враги нещастіе куютъ;

Софія.

Ахъ! Боже мой! такъ мнѣ теперь же надо съ вами
Поговорить. Пойдіомъ. Да вотъ они и сами.
Идутъ [3]).

Изъ другихъ измѣненій текста обращаютъ на себя вниманіе помарки при имени Кривосудова. Его званіе, повидимому, было не предсѣдатель гражданской палаты, а какое-то другое; какое именно, трудно сказать, такъ какъ первоначальное званіе весьма тщательно вездѣ зачеркнуто. «Намѣстникъ» тоже поставлено сверхъ какого-то другого слова, которое также очень старательно зачеркнуто.

Не нашелъ возможнымъ цензоръ пропустить и слѣдующій конецъ перваго дѣйствія (сравн. «Дешевой библіотеки» стр. 47):

---

1) Это слово по выскобленному.
2) «луч» по выскобленному.
3) До сихъ поръ все зачеркнуто. См. выше стр. 50, пр. 2.

Фекла.

Ну! такъ оставивши пустые ети [1]) бредни,
Пойдемъ; что бъ етакъ [2]) намъ не проболтать обѣдни.
Давно молебенъ ужъ я приказала пѣть [3]). *Уходятъ* [4]).

Кривосудовъ.

У чудотворной что ль?

Фекла.

Туда нельзя поспѣть:
Тамъ барынь тьма старухъ, и дорого платящихъ.
Велѣла Филькѣ я отпѣть у всескорбящихъ.

Кривосудовъ.

Да какъ то вѣсть Господь и тамъ успѣть ему:
Я челобитчиковъ всегда видалъ тамъ тьму. *Уходятъ.*

Конецъ перваго дѣйствія.

Я не буду приводить еще примѣровъ измѣненія текста, чтобы не увеличивать объема статьи; да и указаннаго, думается, достаточно, чтобы имѣть нѣкоторое представленіе, какъ пострадала «Ябеда».

Тяжело пришлись цензурныя измѣненія автору: иныя мѣста исправлены два, три раза, разными чернилами и — все-таки зачеркнуты. Это не плодъ авторской обработки, это была уступка цензору: самый смыслъ мѣстъ служитъ подтвержденіемъ горькой необходимости. Особенно, повидимому, хотѣлось Капнисту сохранить пѣснь Софьи подъ аккомпанементъ арфы и съ судей-

---

1) Зачеркнуто; сверху черными чернилами: вздорны.

2) Переправлено черными чернилами: едакъ.

3) Начиная съ этой строки зачеркнуто все до «Конца перваго дѣйствія» включительно.

4) «Уходятъ» прибавлено справа, черными чернилами. Послѣ этой строки, черными же чернилами, было проведено двѣ параллельныя черныя линіи.

скимъ припѣвомъ. Въ цензурномъ экземплярѣ Имп. Публичной библіотеки пѣснь вся перечеркнута, съ начала и до конца, горизонтальными и вертикальными линіями. Капнистъ измѣняетъ ее совершенно, кромѣ судейской припѣвки, и вноситъ въ экземпляръ, назначенный для поднесенія императору, но — все опять зачеркнуто[1]).

Кто былъ цензоромъ назначеннаго къ поднесенію экземпляра—М. Туманскій, разрѣшеніе котораго есть на л. 1 въ Ц., или кто другой, сказать точно не можемъ, хотя выраженіе Капниста «одобренное уже цензурою»[2]) и фраза рукописи П «Съ одобреніемъ Санктпетербургской Императорской Цензуры» какъ будто даютъ поводъ думать о Туманскомъ. Какъ бы тамъ ни было, но въ экземплярѣ, назначенномъ для поднесенія императору, цензоръ зачеркнулъ нѣкоторыя и изъ такихъ мѣстъ, которыя были пропущены раньше цензурой, напримѣръ: зачеркнуты 1-е и 2-е явленіе дѣйствія IV[3]), зачеркнуты слова Софьи, Ѳеклы и Анны въ явленіи 3-емъ дѣйствія IV[4]), зачеркнуты слова Ѳеклы къ Софіи въ явленіи 6-омъ дѣйствія II, слова Архипа въ явленіи 1-омъ дѣйствія IV.

Но нѣкоторыя мѣста комедіи, зачеркнутыя въ цензурномъ экземплярѣ (Ц.), пропущены въ академической рукописи: слова Прямикова въ явленіи 2-омъ дѣйствія I[5]); слова Праволова о Радбынѣ, въ дѣйствіи II явленіи 1-омъ; слова Анны въ дѣйствіи III, явленіи 2-омъ[6]).

Цензорскія измѣненія въ академической рукописи не оказали никакого вліянія на печатный текстъ 1798 года, который былъ изданъ по цензурному экземпляру (Ц.), «одобренному къ напечатанію» 19-го февраля 1798 года.

1) См. выше, стр. 43—45.
2) См. выше, стр. 34.
3) См. выше, стр. 48, пр. 1.
4) См. печ. стр. 90—91: отъ «Софья. Ахъ, нѣтъ, не клеветать...» до включительно: «Анна уходитъ бѣгомъ».
5) Сравн. печ. стр. 33; выше стр. 47, пр. 2.
6) Сравн. печ. стр. 67; выше стр. 39, пр. 1.

Сличая текстъ изданія 1798 года съ цензурной рукописью, мы находимъ въ изданіи много измѣненій текста [1]). Такъ въ дѣйствіи I, явленіи 8-омъ—«Наумычъ Феклѣ.—Фунтъ горчицы» [2]). Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ: «Тутъ колбасы».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ — «Атуевъ. Вотъ темна пароли» [3]). Въ цензурномъ экземплярѣ: «Вотъ те-на пароли». Въ академической рукописи: «Вотъ те*мно* пароли»,—«мно» по подскобленному.

Въ дѣйствіи IV, явленіи 6-омъ — «Фекла. Да что! ты трусъ!» [4]). Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ: «Да что ты! трусъ такой!»

Въ дѣйствіи I, явленіи 1-омъ [5]).

«Тутъ верхни мѣльницы, всѣ нижни потопили»;

Въ цензурномъ экземплярѣ:

«Тутъ верхни мельницы всѣ нижни подтопили»;

Въ дѣйствіи I, явленіи 6-омъ — Кривосудовъ «кладетъ бумаги на столъ» [6]). Въ цензурномъ экземплярѣ) и академическомъ «кладетъ бумаги на стулъ». Въ концѣ этого же явленія—Кривосудовъ «вырываетъ бумаги, бьетъ объ столъ и бросаетъ». . . . . . «Добровъ, поднявши бумаги».... Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ въ обоихъ случаяхъ стоитъ «бумагу».

Въ дѣйствіи V, явленіи 1-омъ — «Добровъ ставитъ съ нею (Анною) столъ по срединѣ» [7]). Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ: . . . . . «къ сцѣнѣ».

---

1) Сравн. выше, стр. 19, пр. 1.
2) Изданіе 1798 года, стр. 25; «Дешевой библіотеки» стр. 42.
3) Изданіе 1798 года, стр. 82; «Дешевой библіотеки» стр. 81.
4) Изданіе 1798 года, стр. 107; «Дешевой библіотеки» стр. 100.
5) Изданіе 1798 года, стр. 4; «Дешевой библіотеки» стр. 25.
6) Изданіе 1798 года, стр. 20; «Дешевой библіотеки» стр. 38.
7) Изданіе 1798 года, стр. 110; «Дешевой библіотеки» стр. 103.

Въ дѣйствіи I, явленіи 8-омъ—«Фекла Архипу» [1]). Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ: «Фекла слугѣ».

Въ дѣйствіи II, явленіи 2-омъ [2]) — «Праволовъ даетъ синюю Ассигнацію», «Праволовъ даетъ еще синюю Ассигнацію», «Праволовъ даетъ еще синюю Ассигнацію». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «Праволовъ даетъ денегъ», «Праволовъ даетъ еще денегъ», «Праволовъ даетъ еще денегъ».

Въ дѣйствіи III, явленіе 6-омъ, послѣ пѣсни Хватайки: «*Всѣ повторяютъ:* брать, брать, брать. *Софья, заткнувъ уши, уходитъ*» [3]). Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «*Всѣ повторяютъ:* брать, брать, брать
и Наумычъ . . . . и драть».
О Софіи ничего нѣтъ.

Тамъ же [4]): «Наумычъ по знаку Праволова дѣлаетъ талію фосъ». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «по знаку Праволова забрасываетъ карту».

Въ дѣйствіи II, явленіи 5-омъ [5]): «Кривосудовъ *встаетъ*. Я-жъ вамъ росписочку...» Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «Кривосудовъ *подымаясь*. Я вамъ росписочку...»

Въ дѣйствіи II, явленіи 6-омъ [6]): «Атуевъ къ Праволову. Что? здорово-ль?» Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «Что! здорово».

Въ дѣйствіи III, явленіи 4-омъ [7]): «Праволовъ раздаетъ карты»; «даетъ ему Ассигнаціи». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ, послѣ слова «рокамболь»: «Беретъ и раздаетъ карты» . . . «даетъ ему деньги».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ [8]): «Наумычъ подошедъ къ

---

1) Изданіе 1798 года, стр. 24; «Дешевой библіотеки» стр. 41.
2) Изданіе 1798 года, стр. 42; «Дешевой библіотеки» стр. 53—54.
3) Изданіе 1798 года, стр. 84; «Дешевой библіотеки» стр. 82.
4) Изданіе 1798 года, стр. 86; «Дешевой библіотеки» стр. 83.
5) Изданіе 1798 года, стр. 54; «Дешевой библіотеки» стр. 61.
6) Изданіе 1798 года, стр. 56; «Дешевой библіотеки» стр. 63.
7) Изданіе 1798 года, стр. 66; «Дешевой библіотеки» стр. 70.
8) Изданіе 1798 года, стр. 79; «Дешевой библіотеки» стр. 79.

Аннѣ». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «вставши къ Аннѣ».

Тамъ же [1]): «Встаютъ и они»; «платя Бульбулькину, въ полголоса». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «Встаетъ» . . . . . «Къ Бульбулькину платя».

Тамъ же [2]): «Атуевъ насилу стоя на ногахъ»; «Паролькинъ обливъ руку пуншемъ». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «Атуевъ почти падая съ пьянства» . . . «Паролькинъ держа стаканъ и обливъ руку пуншемъ».

Тамъ же [3]): «Кохтинъ подставляя карманъ кафтанной». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «подставливая карманъ».

Въ дѣйствіи IV, явленіи 3-емъ [4]): «Фекла отпихивая Кривосудова». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «показывая ему шишъ».

Въ дѣйствіи IV, явленіи 5-омъ [5]): «Кривосудовъ Кохтину (Подите . . .)». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «Кривосудовъ Наумычу».

Въ дѣйствіи V, явленіи 2-омъ [6]): «Между тѣмъ Члены нашедъ бутылки подъ столомъ, одну ногами повалили». Эта замѣтка помѣщена противъ: Добровъ читаетъ:

Хотя-жъ тогда проситель этотъ споръ
Разрушилъ, доказавъ что Прямиковъ Маіоръ
Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына...»

Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ вышеуказанная замѣтка о членахъ отнесена къ словамъ того же «подробнаго экстракта», но немного выше:

И истцу оныхъ всѣхъ имѣній не давалъ...

---

1) Изданіе 1798 года, стр. 87—8; «Дешевой библіотеки» стр. 84—85.
2) Изданіе 1798 года, стр. 88—9; «Дешевой библіотеки» стр. 85.
3) Изданіе 1798 года, стр. 90; «Дешевой библіотеки» стр. 86.
4) Изданіе 1798 года, стр. 94; «Дешевой библіотеки» стр. 90.
5) Изданіе 1798 года, стр. 103; «Дешевой библіотеки» стр. 96.
6) Изданіе 1798 года, стр. 116; «Дешевой библіотеки» стр. 107.

Въ дѣйствіи V, явленіи 6-омъ [1]): «Распечатываетъ и отдаетъ Хватайку одинъ пакетъ»; «бѣжитъ за нимъ» (Хватайко). Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «Распечатываетъ и отдавая Хватайкову» . . . . . . «бѣжа за нимъ».

Въ дѣйствіи V, явленіи 7-омъ: «роняетъ изъ рукъ бумагу и падаетъ въ крѣслы». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «роняетъ изъ рукъ бумагу и падаетъ въ стуло».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ [2]): «Бери большой тутъ нѣтъ науки, *и прочая*».

Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «и прочая» нѣтъ: многоточіе.

Въ дѣйствіи I, явленіи 5-омъ [3]): «Кривосудовъ.

. . . .

Прошу за честь сі*ю* спасибо васъ принять...»

Въ цензурномъ экземплярѣ:

«Прошу за честь сі*е* спасибо васъ принять».

Очень много въ изданіи 1798 года добавленій къ тексту, сравнительно съ цензурнымъ экземпляромъ. Добавленія сценическаго характера и это даетъ поводъ думать, что они принадлежатъ владѣльцу изданія Крутицкому.

Добавлено:

дѣйствіе I, явленіе 1, стр. 29 [4]); изданіе 1798 года, стр. 7: Добровъ «*непринимая*»;

тамъ же, стр. 30—31; изданіе 1798 года, стр. 10, въ двухъ мѣстахъ: (Добровъ) «*свищетъ*»;

тамъ же, стр. 31; изданіе 1798 года, стр. 10: Добровъ «*закрывая ротъ рукой*»;

---

1) Изданіе 1798 года, стр. 127—128; «Дешевой библіотеки» стр. 116—117.
2) Изданіе 1798 года, стр. 85; «Дешевой библіотеки» стр. 83.
3) Изданіе 1798 года, стр. 18; «Дешевой библіотеки» стр. 36.
4) По 4-му изданію въ «Дешевой библіотекѣ».

дѣйствіе I, явленіе 5-ое, стр. 37; изданіе 1798 года, стр. 19: «*Прямиковъ уходитъ*»;

дѣйствіе I, явленіе 6-ое, стр. 39; изданіе 1798 года, стр. 22: Добровъ «*въ слухъ*»;

дѣйствіе I, явленіе 7-ое, стр. 41; изданіе 1798 года, стр. 23: «*дѣлая будто жуетъ*»;

дѣйствіе I, явленіе 8-ое, стр. 41; изданіе 1798 года стр. 24: «*въ корзинахъ*» (Архипъ съ подарками въ корзинахъ);

тамь же, стр. 42; изданіе 1798 года, стр. 25: «*Кривосудову*» «*и раскладывающей*». (Фекла. Мы будемъ дорогова ждать гостя. Наумычъ. Я скажу. — О дѣлѣ я два слова хотѣлъ промолвить вамъ. Соперникъ прибылъ нашъ... Наумычъ Феклѣ, разсматривающей и раскладывающей подарки).

дѣйствіе II, явленіе 2-ое, стр. 53; изданіе 1798 года, стр. 41: «*обнимая его*»;

тамъ же, стр. 55; изданіе 1798 года, стр. 45: «*Потряхаетъ камзольнымъ карманомъ*»;

дѣйствіе II, явленіе 3-е, стр. 56; изданіе 1798 года, стр. 46: «*кафтанной*»; «*непринимая*» (Кохтинъ представляя будто что суетъ въ карманъ кафтанной.... Анна непринимая);

дѣйствіе II, явленіе 5-ое, стр. 61; изданіе 1798 года, стр. 54: «*Цалуетъ его*»;

тамъ, стр. 62; изданіе 1798 года, стр. 54: «*Дѣлая будто считаетъ деньги*»;

дѣйствіе II, явленіе 6-ое, стр. 62; изданіе 1768 года, стр. 55: «*въ среднюю дверь*». (Члены входятъ въ среднюю дверь, а Фекла съ дочерью съ другой стороны). Въ цензурномъ экземплярѣ: Члены входятъ—и Фекла съ дочерью съ другой стороны. Въ академической рукописи: «Члены входятъ—и Фекла и Анна съ другой стороны».

тамъ же, стр. 63; изданіе 1798 года, стр. 56: «*къ Праволову*» (Атуевъ); «*всѣ садятся*»;

тамъ же, стр. 63; изданіе 1798 года, стр. 57: «*Подойдя*» (Праволовъ подойдя къ Бульбулькину тихо);

дѣйствіе III, явленіе 2-ое, стр. 67; изданіе 1798 года, стр. 62: «*увидя вино и корзину*»;

дѣйствіе III, явленіе 5-ое, стр. 74; изданіе 1798 года, стр. 72: «*Кривосудову*»;

дѣйствіе III, явленіе 6-ое, стр. 80; изданіе 1798 года, стр. 80: «*показывая на Наумыча*»;

тамъ же, стр. 82; изданіе 1798 года, стр. 85: «*размахивая руками*»;

тамъ же, стр. 84; изданіе 1798 года, стр. 87: «*смѣется*»;

тамъ же, стр. 85; изданіе 1798 года, стр. 89: «*выпиваетъ стаканъ*» (Радбынъ); «*и выпиваетъ*» (Бульбулькинъ);

тамъ же, стр. 86; изданіе 1798 года, стр. 90: «*Ласково*», «*Дѣлаетъ въ сторону знакъ неудовольствія*», «*Дѣлаетъ будто деньги считаетъ*»;

дѣйствіе IV, явленіе 3-е, стр. 88; изданіе 1798 года, стр. 92: «*отпихивая Кривосудова*»;

тамъ же, стр. 89—90; изданіе 1798 года, стр. 93—95: «*Размахнувъ руками*»; «*становясь между ею и Прямиковымъ*»; «*отпихивая Кривосудова*», «*становясь между Феклою и Прямиковымъ*». (Это послѣднее дважды);

дѣйствіе IV, явленіе 4-е, стр. 93; изданіе 1798 года, стр. 99: «*Съ жаромъ*»;

дѣйствіе IV, явленіе 5-ое, стр. 95—96, изданіе 1798 года, стр. 101—102: «*подавая бумагу*», «*Дѣлаетъ будто деньги считаетъ*», «*беретъ бумагу*», «*а Наумычъ между тѣмъ подаетъ ему украдкою Ассигнаціи*»;

дѣйствіе IV, явленіе 6-ое, стр. 100; изданіе 1798 года, стр. 107—108: «*Кривосудову*», «*Кохтину*»;

дѣйствіе V, явленіе 2-ое, стр. 110—112, изданіе 1798 года, стр. 118—120: «*невнятно читаетъ кашляя, останавливаясь, и проч.*», «*Во время сего чтенія, Радбынъ тотчасъ задремлетъ;*

потомъ Бульбулькинъ, Атуевъ и Паролькинъ встаютъ и выходятъ на авансцену» [1]; *«Тутъ останавливается, харкаетъ, сморкаетъ носъ»; «Останавливается, нюхаетъ табакъ, Кривосудовъ беретъ табакъ изъ его табакерки, — а онъ за то ему кланяется, — продолжаетъ читать и возвыся немного голосъ бормочетъ»; «Тутъ останавливается, оборачиваетъ листы, чешетъ голову, оправляетъ камзолъ»; «Останавливается пока окончатъ Члены разговоръ свой, а тогда оканчиваетъ чтеніе возвыся голосъ при самомъ концѣ»; «Садятся»;*

дѣйствіе V, явленіе 5-ое, стр. 116, изданіе 1798 года, стр. 127: «*одинъ пакетъ*»;

дѣйствіе V, явленіе 6-ое, стр. 116—117; изданіе 1798 года, стр. 127—128: «*развернувъ бумагу*», «*читаетъ*» (дважды), «*и поднявъ въ верхъ обѣ руки, между коихъ записная книжка видна*»;

дѣйствіе V, явленіе 7-ое, стр. 118; изданіе 1798 года, стр. 129: «*Беретъ другой пакетъ*»; «*Читаетъ въ слухъ*»;

дѣйствіе V, явленіе 9-ое, стр. 120; изданіе 1798 года, стр. 132—133: «*Бросается къ нему*»; «*Софіи*».

Наконецъ, нужно отмѣтить, что въ изданіи 1798 года исправлена одна очевидная описка цензурнаго экземпляра: дѣйствіе I, явленіе 5-ое [2]: «Кривосудовъ.

Я былъ бы очень радъ,
Когдабъ въ крестьянску чернь, чтобъ носа не взносили,
Всѣхъ мѣлко-травчатыхъ дворянъ перекрестили».

Въ цензурномъ экземплярѣ: «когда...»

Отмѣтимъ также и одну опечатку изданія 1798 года, вошедшую въ послѣдующія изданія. Дѣйствіе II, явленіе 6-ое [3]:

«Во всяку входитъ дрянь; чтобъ съ прозьбой не втесался».

---

1) Вмѣсто этой замѣтки и слѣдующаго «Бульбулькинъ въ полголоса» въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «Бульбулькинъ вышедъ на авансцену въ полголоса съ Атуевымъ и Паролькинымъ».

2) Изданіе 1798 года, стр. 21; «Дешевой библіотеки» стр. 39.

3) Изданіе 1798 года, стр. 58; «Дешевой библіотеки» стр. 64.

Въ цензурномъ экземплярѣ: «*к*то бъ».

Въ изданіи 1798 года въ нѣсколькихъ мѣстахъ поставлены не тѣ знаки препинанія, какія стоятъ въ цензурномъ экземплярѣ, напримѣръ:

Дѣйствіе II, явленіе 6-ое [1]):

«Бульбулькинъ.

А и другъ
Нашъ Праволовъ здѣсь.

Атуевъ къ Праволову.

Что? здорово-ль?»

Въ цензурномъ экземплярѣ послѣ «здѣсь» и «что» знакъ восклицательный; послѣ «здорово ль» точка.

Дѣйствіе III, явленіе 2-ое [2]):

«Наумычъ.

За чемъ, не спрашивай; а съ чемъ?»

Въ цензурномъ экземплярѣ послѣ «а съ чѣмъ» знакъ восклицательный.

Дѣйствіе III, явленіе 6-ое [2]):

«Кривосудовъ.

Я чаю въ уложеньи?..»

Въ цензурномъ экземплярѣ: «Я чаю въ уложеньи....».

Дѣйствіе IV, явленіе 5-ое [3]):

«Кривосудовъ.

А что же? вѣдь на сей хотѣли мы недѣлѣ...»

---

1) Изданіе 1798 года, стр. 56; «Дешевой библіотеки» стр. 62—63.
2) Изданіе 1798 года, стр. 62; «Дешевой библіотеки» стр. 67.
2) Изданіе 1798 года, стр. 81; «Дешевой библіотеки» стр. 80.
3) Изданіе 1798 года, стр. 100; «Дешевой библіотеки» стр. 94.

Въ цензурномъ экземплярѣ послѣ «недѣлѣ» знакъ вопросительный; многоточія нѣтъ.

Этимъ я заканчиваю свою статью о «Ябедѣ». Сто слишкомъ лѣтъ прошло со времени появленія комедіи въ печати и до сихъ поръ нѣтъ полнаго, точнаго изданія знаменитаго произведенія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ «бумагахъ В. В. Капниста», хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, между прочимъ находятся слѣдующія, относящіяся къ «Ябедѣ».

I.

Копія.

Между дѣлами въ Канцелярію мою отъ бывшаго Статсъ Секретаря Неплюева [1]) поступившими имѣются экземпляры печатной Комедіи подъ названіемъ: Ябеда сочиненія Капниста, отобранные въ 1798 году по Высочайшему повелѣнію отъ Актера Крутицкаго изъ числа напечатанныхъ его иждивеніемъ [2]) 1211

---

1) См. выше, стр. 16, пр. 2.

2) А. М. Крутицкій игралъ, при первомъ представленіи «Ябеды», Кривосудова. Въ признательность за мастерское исполненіе роли Капнистъ далъ право артисту на «напечатаніе въ свою пользу» комедіи. П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, 140. «Ябеда», изд. 1798. Стр. 138: письмо Капниста къ Крутицкому, *30* сентября 1798 года. Сравн. 140: у Арапова, день запрещенія продажи изданія *20 сентября.* — «Антонъ Михайловичъ (Крутицкій) родился въ Москвѣ въ 1754 года отъ отставнаго гарнизоннаго сержанта. На 6 году отъ роду, отданъ былъ онъ въ Сиропитательный Домъ, гдѣ, обучавшись съ успѣхомъ разнымъ наукамъ, оказалъ великія способности къ театру. Склонность его къ оному открылъ въ немъ бывшій первый Московскій Актеръ *Г. Калиграфъ*, который наконецъ взялъ его на свои руки и имѣлъ о немъ отеческія попеченія. Образованный имъ, явился онъ въ первый разъ въ С.П.бургѣ на вольномъ театрѣ *Книпера*, въ ролѣ *Мельника*, котораго сыгралъ въ совер-

экземпляровъ и доставленные тогда же отъ бывшаго военнаго Губернатора Фонъ деръ Палена.

Представляя о семъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше осмѣливаюсь испрашивать куда повелѣно будетъ ихъ обратить.

шенствѣ..... *Г-нъ Крутицкій* почти не имѣлъ внѣшнихъ достоинствъ; ибо былъ малаго росту, имѣлъ малое, рябое лицо съ небольшими глазами..... Въ 783 году былъ онъ взятъ на придворный театръ, на коемъ уже усовершенствовалъ свои способности. Покойная Императрица Екатерина Великая..., увидѣвъ въ первый разъ Крутицкаго въ ролѣ *Мельника*, такъ плѣнилась его игрою, что по окончаніи Оперы изволила приказать ему явиться къ себѣ въ одеждѣ *Мельника*, удостоила его поцѣловать Свою руку и пожаловала часы; а за нѣсколько лѣтъ передъ симъ еще на *Книперовомъ* театрѣ, во время представленія сей же Оперы, одинъ вельможа Л. А. Н. бросилъ на сцену кошелекъ наполненный золотомъ и серебромъ, съ бумажкой къ нему приколотой, на коей написано было: *Мельнику*...... Мольерова *Скупаго* онъ представлялъ съ большимъ совершенствомъ...Сказываютъ, что покойный Императоръ Павелъ Петровичъ, бывъ еще Великимъ Княземъ, никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы *Крутицкій* не былъ обладаемъ сей страстью (т. е. скупостью), и неоднократно его о томъ спрашивалъ. Въ 1797 году, по окончаніи Комедіи *Скупаго*, сей же Императоръ призвалъ *Крутицкаго* въ Свой кабинетъ, разговаривалъ съ нимъ около получаса, и при отходѣ его пожаловалъ ему собственные Свои часы..... Онъ былъ душею общества.... Одинъ страстный любитель театра, Г. С.... бывъ въ одномъ домѣ съ *Крутицкимъ*, плѣненный пріятностію его разговора, растроганный краснорѣчіемъ сего любимца Таліи, въ такой вошелъ энтузіазмъ, что въ жару удивленія, кинулся предъ нимъ на колѣни, и ловилъ его руку, чтобы поцѣловать. Я самъ былъ тому свидѣтелемъ... Нѣмецкій и Французскій языки зналъ не хуже своего природнаго; рисовалъ изрядно, а на скрыпкѣ игралъ очень хорошо; и могъ бы даже быть превосходнымъ музыкантомъ, если бы правая рука его съ самаго младенчества не была одержима золотучною болѣзнію. Онъ былъ переводчикъ, или лучше сказать, подражатель нѣкоторыхъ театральныхъ піесъ, изъ коихъ я помню только названія двухъ Комедій: *Медимнъ и Лука* и *Обмѣнъ шляпъ*, которыя всегда съ похвалою были играны». Умеръ Крутицкій 21 іюля 1803 года, въ Ревелѣ, куда пріѣхалъ лѣчиться. Александръ I, «во уваженіе отличныхъ талантовъ» К—го велѣлъ выдавать малолѣтнимъ дѣтямъ К—го пенсію по 1000 р. въ годъ, до совершеннолѣтія. *Сѣверный вѣстникъ*. Спб. 1804, ч. I, 216—223: С. З — нъ. Нѣчто о Крутицкомъ, придворномъ россійскомъ актерѣ. Изъ этой статьи, современника Крутицкаго и любителя театра, заимствовали свѣдѣнія: Н. И. Гречъ, Историческій взглядъ на русскій театръ до начала XIX столѣтія: *Русская Талія* 1825 г. (ред. Ѳ. Булгарина), стр. 44—46. В. Н. Савинковъ. Русскій комикъ конца XVIII: *Пантеонъ* и *Репертуаръ* русской сцены, издаваемый подъ ред. Ѳ. Кони. 1851, томъ III, «май—книжка пятая».

Резолюція:

Велѣно возвратить Крутицкому Экземпляры Комедіи, которая при покойномъ Императорѣ была играна.

II.

Въ листъ, на которомъ написана напечатанная выше «Копія», вложена четвертушка съ слѣдующимъ черновымъ письмомъ В. В. Капниста, собственноручно исправленнымъ. (Самый текстъ писанъ, повидимому, не Капнистомъ).

Милостивый Государь мой Дмитрій Прокофьевичъ![1]).

По докладу Вашего Высокопревосходительства благоугодно было Его Императорскому Величеству дать повелѣніе о возвра-

---

1) Трощинскій Д. П. (1754—1829). Фамилія Трощинскихъ принадлежитъ малороссійскому дворянству; предки ихъ, еще въ XVI в., перешли въ Запорожскую Сѣчь, а затѣмъ состояли въ гетманскомъ казачествѣ. Д. П. Т—ій окончилъ курсъ наукъ кіевской духовной академіи и поступилъ на гражданскую службу. Въ 1793 году Т. былъ назначенъ членомъ главнаго почтоваго управленія и возведенъ въ званіе статсъ-секретаря. Т. сопровождалъ Павла въ Москву на коронацію и «былъ наименованъ» сенаторомъ и присутствующимъ въ совѣтахъ, учрежденныхъ при воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училищъ св. Екатерины. Александръ I, вступивъ на престолъ, назначилъ Т. членомъ государственнаго совѣта и главнымъ директоромъ почтъ, а 15 сентября 1801 г. произвелъ въ д. т. с. (см. титулъ въ письмѣ Капниста) и, черезъ годъ, «наименовалъ» министромъ удѣловъ (1802—1806). Въ началѣ царствованія Александра I, Т. предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, разрабатывавшемъ проектъ инструкціи для межеванія малороссійскихъ губерній. Членами этого комитета были сенаторы: Алексѣевъ, Неплюевъ, Козодавлевъ. Проектъ былъ оконченъ къ лѣту 1804 г. и заслужилъ одобреніе государя (рескриптъ на имя Т. 24 іюня 1804 г.). Современники называли Т. «бичемъ справедливости» и «покровителемъ бѣдныхъ». *Русская старина* 1882, іюнь, 641—682: Дмитрій Прокофьевичъ Т. (Въ этой книжкѣ впереди и портретъ Т.). Державинъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ: «Какъ, при самомъ восшествіи новаго Императора, генералъ-прокуроръ Обольяниновъ смѣненъ и опредѣленъ на мѣсто его г. Бек-

щеніи актеру Крутицкому [1]) запрещенныхъ экземпляровъ комедіи Ябеды, игранной нѣсколько разъ на каменномъ театрѣ [2]). По смерти Крутицкаго, занимающій нынѣ мѣсто его актеръ Рыкаловъ [3]) проситъ о позволеніи [4]) играть пьесу сію для своего бенефиса. Но какъ неизвѣстно мнѣ, разрѣшено ли съ свободною [5]) продажею сей комедіи и представленіе оной, для того покорно прошу Ваше Высокопревосходительство сообщить мнѣ на сіе Высочайшую волю. Съ моей стороны нахожу я что таковое разрѣшеніе не токмо послужитъ важною по прибытку наградою актеру Рыкалову, но что принесетъ оно и театральной дирекціи великую пользу [6]), доказанную [7]) весьма знат-

---

лешовъ, Трощинскій же занималъ мѣсто перваго статсъ-секретаря, и всѣ дѣла шли черезъ него: то и обладали они Императоромъ по ихъ волѣ». Я. Гротъ. Сочиненія Державина. Изд. 2-е. Томъ VI, 722. Ср. *Сочиненія А. С. Пушкина*, т. V (Спб. 1887). Стр. 210. — Капнистъ былъ знакомъ съ Т., землякомъ и почти сосѣдомъ по имѣнію. Обуховка Капниста и Кибинцы, любимое село Т., были въ одномъ уѣздѣ (Миргородскомъ). Сочиненія Державина, VI, 292.

1) Послѣ этого было, но зачеркнуто: «для продажи въ пользу его».

2) «на каменномъ театрѣ» добавлено Капнистомъ сверху.

3) Василій Ѳедотовичъ Р., изъ провинціальныхъ актеровъ, поступилъ на службу дирекціи Имп. театровъ въ 1793 г., 1 іюля. Вслѣдствіе малаго успѣха «рычанія» и настоятельныхъ указаній кн. Шаховскаго, Р., по смерти Крутицкаго, перешелъ на комическія роли, которыя исполнялъ съ блестящимъ успѣхомъ. *Русскій архивъ:* А. Н. Сиротининъ. Артистическая семья. Къ исторіи русскаго театра. (Рыкаловы). Стр. 371—380. *Репертуаръ* русскаго театра 1840, ч. II. А. Шаховской. Лѣтопись русскаго театра. Стр. 16—17. *Пантеонъ* русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ, ч. I. Спб. 1840: Ѳ. Булгаринъ. Театральныя воспоминанія моей юности. Стр. 81—82. *Отечественныя записки* 1855, т. CII: «Дневникъ чиновника», стр. 139—140; 356. П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, 200 (состояніе труппы въ 1810 и 1811 годахъ). Комическіе старики. Василій Рыкаловъ. Начало службы при дирекціи: 1793, іюля 1. Получаемое жалованіе: 1700, прибавочныхъ 300; квартирныхъ 300. Ежегодно бенефисъ, расходы Дирекціи.—Умеръ Р. въ концѣ 1812 или въ самомъ началѣ 1813 года.

4) Это слово сверху добавлено. Сначало было: «проситъ о играніи піесы сея».

5) Это сверху написано Капнистомъ; было, но зачеркнуто: «позволеніемъ о рас», т. е. о распродажи.

6) Сверху Капнистомъ. Было, но исправлено и зачеркнуто: «великую прибыль», «великій доходъ». Это послѣднее слово сверху.

7) Въ соотвѣтствіи съ предыдущими словами было «доказанный», но исправлено.

нымъ доходомъ[1]), полученнымъ изъ четырехъ прежнихъ ея представленій сея комедіи[2]).—Имѣю честь пребыть съ отличнымъ[3]) почтеніемъ и совершенною[4]) преданностью,

Милостивый Государь мой!
Вашего Высокопревосходительства
(всепокорнѣйшимъ)[5]) слугою.

1805. года.
мая. 8. дня.

III.

На отдѣльной четвертушкѣ собственноручно В. В. Капнистомъ:

«Чувствительно благодарю незнакомаго мнѣ господина рецензента моей комедіи Ябеды. — Мнѣ[6]) весьма пріятно заслужить одобреніе столь разборчивымъ вкусомъ отличающагося любителя словесности нашей.

Къ возраженіямъ его на заключенія тѣхъ кои думаютъ, что ежели бы въ самомъ дѣлѣ судьи (и) секретарь были таковы, какъ они въ комедіи моей представлены, то надлежало бы всѣ гражданскія палаты уничтожить, и что въ сочиненіи моемъ мало справедливаго, осмѣлюсь присовокупить, что предполагаемое уничтоженіе уже[7]) послѣдовало[8]), ибо палаты суда и рас-

---

1) Сначала это слово было зачеркнуто и сверху Капнистомъ написано: «зборомъ»; потомъ «зборомъ» зачеркнуто и оставлено «доходомъ».

2) «сея комедіи» сверху Капнистомъ, на оборотѣ четвертушки. Поэтому, вѣроятно, осталось не зачеркнутымъ «ея».

3) Сверху Капнистомъ. Было, но зачеркнуто: «совершеннымъ».

4) Сверху Капнистомъ добавлено.

5) Зачеркнуто.

6) Передъ этимъ было, но зачеркнуто: «признаюсь что».

7) Добавлено сверху.

8) Послѣ этого было, но зачеркнуто: «прежде изданія піесы моей на театръ».

правы[1]) учреждены, и весьма отличены какъ новымъ составомъ ихъ въ опредѣленіи и избраніи членовъ». — Здѣсь кончается замѣтка.

Рецензія, о которой говоритъ Капнистъ, находится въ *Сѣверномъ вѣстникѣ*[2]). Такъ какъ *Сѣверный вѣстникъ* журналъ сравнительно малодоступный, то для поясненія замѣтки Капниста, позволяю себѣ привести почти всю рецензію.

«Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Сія піеса вновь появилась на театрѣ и уже нѣсколько разъ сыграна. Всѣмъ извѣстно, что запрещено было играть ее послѣ перваго ея представленія; нынѣ она опять позволена. — Содержаніе ея можно сказать въ короткихъ словахъ...... — Ничего не упущено въ ней, чтобъ выставить злоупотребленія, могущія быть въ присутственныхъ мѣстахъ. Сожалѣютъ нѣкоторые, что въ ней такъ очерчены Судьи и Секретарь, что если бы это было на самомъ дѣлѣ надлежало бы всѣ Гражданскія Палаты уничтожить. Къ чему такія опустошенія? Не ужели Комикъ и вообще всякой писатель театральной долженъ списывать съ натуры? Говорятъ, тутъ мало справедливаго? На что и искать справедливаго? Довольно, когда очень много вѣроятнаго, ежели не во всей цѣлости, то по крайней мѣрѣ, въ частяхъ. Кажется, что Комедія *Ябеда* не есть одинъ только забавной идеалъ, и очень вѣрить можно злоупотребленіямъ, въ ней представленнымъ; это зеркало, въ которомъ увидятъ себя многіе, какъ скоро только захотятъ въ него посмотрѣться. Но принесетъ ли сіе какую пользу для нихъ? Это уже совсѣмъ другой вопросъ. Если бы всѣ театральныя наставленія исправляли наши нравы, то бы мы вовсе были безгрѣшны. Къ сожалѣнію, мы столько просвѣщенны, что весьма легко умѣемъ отличать театральныя бредни отъ того, что намъ дѣлать должно въ свѣтѣ. Каковъ бы тотъ былъ Секретарь, который вышедши изъ *Ябеды*, сжалъ свою руку на другой день, когда придутъ къ нему челобитчики? Каковыбъ были Судьи, когда бы почли за правду, что жены ихъ частехонько

---

1) Послѣ этого было, но зачеркнуто: «были уже тогда».

2) 1805 годъ, часть VI, іюнь, стр. 373—375.

играютъ роли *Феклы*? Добрые Судьи и Секретари не должны брать такой Сатиры на свой счетъ; а дурнымъ она должна быть горькою, но здоровой пилюлею. Отсылаю читателей къ самой пiесѣ, чтобы видѣть искусство Комика въ расположенiи оной, въ обрисовкѣ характеровъ и въ гладкости стиховъ; ибо много бы заняли здѣсь мѣста стихи, которые привести слѣдовало бы.

Г-да Актеры разыгрываютъ эту пiэсу, по моему мнѣнiю, удачно. Г-жа Рахманова и г-нъ Пономаревъ наиболѣе въ ней отличаются».

Г. Кунцевичъ.

Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в.

Памяти Александра Николаевича Пыпина.

Введеніе.

(Предварительная замѣтка по поводу слова «Карпаторусскій». Мнѣнія карпаторусскихъ изслѣдователей періода возрожденія объ этихъ сношеніяхъ. Мнѣнія русскихъ ученыхъ. Односторонность и неполнота нѣкоторыхъ мнѣній. Наша задача).

Подъ словомъ «Карпаторусскій» будемъ подразумѣвать все относящееся къ австро-угорской, т. е. галицкой, буковинской и угорской Руси, раскинувшейся по обѣ стороны Карпатъ. Этотъ terminus technicus, хотя и чисто географическаго происхожденія, кажется намъ правильнѣе нерѣдко встрѣчаемаго въ русской журналистической, а даже ученой печати — варваризма «русинскій». Послѣдній терминъ образованъ такъ же неправильно и произвольно, какъ и никѣмъ не употребляемые: болгар-ин-скій, славян-ин-скій, поль-ак-скій и другіе имъ подобные.

Уже дѣятели главнаго момента галицко-русскаго возрожденія, какъ подписавшіе «Запрошенье ученыхъ рускихъ на зъѣздъ

до Львова»[1]), такъ и участвовавшіе въ «Съѣздѣ», І. Жуковскій— въ своей привѣтственной рѣчи[2]) и Н. Устіановичъ — въ «Воспоминаніяхъ»[3]), ясно указали на зависимость галицко-русскаго возрожденія отъ предшествовавшаго и современнаго умственнаго движенія чеховъ, хорватовъ и сербовъ. Историки же карпаторусскаго возрожденія, какъ — Я. Головацкій[4]), В. Коцовскій[5]), Ом. Огоновскій[6]), И. Франко[7]) и Ф. И. Свистунъ[8]), развивая эту мысль, пришли къ слѣдующимъ выводамъ: Карпаторусское возрожденіе было послѣдствіемъ благосклоннаго отношенія австрійскихъ императоровъ—Маріи Терезы, Іосифа II и Фердинанда, къ своимъ русскимъ подданнымъ — съ одной стороны, и проснувшейся народной души подъ благотворнымъ вліяніемъ польскихъ, чешско-словацкихъ и сербо-хорватскихъ дѣятелей—съ другой стороны.

О вліяніи русской науки и жизни на карпаторусское возрожденіе было сказано мѣстными изслѣдователями очень немного.— Я. Головацкій ограничился только своими личными воспоминаніями. Другіе же оперли свои выводы— отчасти на его воспоминанія, отчасти же на переписку карпаторусовъ съ М. П. Погодинымъ[9]).

---

1) Зоря Галицка, Льв. 1848, № 17: «Историч. очеркъ основанія гал.-рус. Матицѣ» XXI стр.

2) Истор. очеркъ... 49 стр.

3) Науковый Сборникъ, Льв. 1885, стр. 42.

4) Истор. очеркъ основ. г.-рус. Мат., Льв. 1850 г.; Три вступительни преподаванія о рускôй словесности, Льв. 1849 г.; О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи. — Наук. Сбор. 1865, II; Воспоминанія и Автобіографія въ Наук. Сбор. 1885 г. 10—41 стр. и 1886 г. 198—9 стр.

5) «Передне слово» въ И. Онишкевича — Руску библіотеку т. III. Льв. 1884 г. и «Жите и значене Маркіяна Шашкевича», Льв. 1886 г. 1—6, 23—86 стр.

6) Исторія литературы рускои, II¹—1889 г. и IV—1894 г. 60—150 стр.

7) Zarysy ruchu literackiego Rusinów въ Ateneum 1885 г. II стр. 491 и сл. III стр. 339 и сл.; Szkice z dziejów literatury rusińskiej w Galicyi въ Głosie 1888 г. статьи II и III; Южнорусская литература въ 41-омъ т. Энциклопедич. Словаря, 307—313 стр.

8) Прикарпатская Русь, Льв. 1895 г. I.

9) Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель, М—ва. 1879 г. вып. III т., 533—666 стр.: 2 письма Компаневича, 28 писемъ Зубрицкаго, 11 писемъ Вагилевича, 2 письма Я. Головацкаго и 5 писемъ Шеховича.

Въ изложеніи вліянія Россіи на карпаторусское возрожденіе наблюдаемъ у мѣстныхъ изслѣдователей три направленія. Итакъ: Я. Головацкій видѣлъ въ посѣщеніи русскими учеными—Погодиномъ, Кирѣевскимъ, Лукашевичемъ и Срезневскимъ — Галичины въ 1835—1842 гг. событіе большой важности (Н. Сбор. 1885 г., 35 стр.), ссылаясь при этомъ на одну только посылку русскихъ книгъ изъ Россіи галицкорусскимъ дѣятелямъ. Болѣе вѣскими явились его выводы, относящіеся къ исторіи книжно-литературной общности юго-западной и сѣверо-восточной Руси XVII — XVIII вв. (О перв. умств. движ. 21—2 стр.).—Проф. Огоновскій утверждалъ, что Погодинъ и «московскѝ панслависты — только — морочили духа кôлькохъ галицко-рускихъ письменникôвъ» (II, 42 стр.). Это повторилъ и И. Франко въ Ateneum (1885 г., III, 339 стр.): «historyk D. Zubricki zaznajomił się z panslawistami z Moskwy, z Pogodinem i wielu innymi. Zubrickiego i Iwana Hołowackiego, brata Jakóba, panslawiści nawrócili na swoje idee o jedności narodu i języka wielkorossyjskiego z halickim, i doradzali dążenie do przyswojenia sobie literackiego języka rosyjskiego. Rady te zapewne nie sięgały tak daleko, żeby rusini musieli zaraz chwytać się języka rossyjskiego; zapewne pisarze rusińscy musieli pierwiej sami nauczyć się tego języka o którym nie mieli zgoła pojęcia. Ale w pierwszym popędzie nie dobrze zrozumiano rady panslawistów i zaczęto uszlachetniać język ludowy, czyli pisać tak dziwacznie, że najzacieklejsi panslawiści z oburzeniem tylko mogli to czytać».— Высказывая почти то же мнѣніе, В. Коцовскій старался въ біографіи Шашкевича доказать, что карпаторусскія симпатіи къ Россіи и къ славянороссійскому языку имѣли свои причины въ литературной традиціи XVIII в. и въ книжно-литературныхъ, церковныхъ и политически-національныхъ взаимоснощеніяхъ обѣихъ Русей. Въ виду чего В. Коцовскій и отличаетъ «россійскія симпатіи и россійщину» первыхъ карпаторусскихъ дѣятелей — Захарьясевича, Лодія и Могильницкаго — отъ объединительныхъ стремленій второй половины XIX в. (op. cit.

68 стр.). Мнѣніе Огоновскаго о Погодинѣ повторилъ и проф. Студинскій [1]).

Разбирая самыя крайнія воззрѣнія А. Барвинскаго [2]) насчетъ вредности и тенденціозности объединительныхъ идей Погодина и другихъ панславистовъ въ Карпатской Руси, М. Драгомановъ указалъ [3]) на то, что какъ Погодинъ, такъ и первые славянофилы относились дружественно къ украинской литературѣ; что исторія Галицкаго Княжества Зубрицкаго появилась въ русскомъ переводѣ только благодаря Погодину, который равнымъ образомъ содѣйствовалъ появленію народныхъ пѣсенъ Головацкаго; что наконецъ Погодинъ спасъ десятки драгоцѣнныхъ галицкорусскихъ рукописей. — Ф. И. Свистунъ объединилъ выводы Головацкаго и Драгоманова, прибавивъ отъ себя, что Погодинъ «далъ галичанамъ толчекъ къ изученію своей старины и помогъ имъ вступити на поприще исторической науки. Доставляя... имъ книги и научныи пособія, подавая имъ указанія, якъ поступати въ историческихъ изслѣдованіяхъ — положилъ онъ основаніе современной исторической науцѣ у галичанъ. Онъ поступалъ благоразумно, не мѣшался въ языкословныи споры, а настаивалъ лишь, щобы галичане предались серіозному труду и научились мыслити». (Прикарп. Русь I, 218 стр.).

Русскіе историки-слависты отвели въ своихъ работахъ [4]) не-

1) См. З кореспонденциі Д. Зубрицкаго, Льв. 1901 г. и «Передмову» в «Кореспонденцию Я. Головацького» XVI стр.

2) Виимки з народноі літератури украіньско-рускоі XIX в., Льв. 1893 г. Вступ. XXXIX—XLI стр., въ изданіи же 1898 г. LXVI—LXIX.

3) Въ газетѣ «Народ», Льв. 1894 г. 127—134 стр.

4) Обзоръ журнальныхъ статей о Карпатской Руси въ 1-ую полов. XIX в. см. въ нашихъ «Матеріалахъ по исторіи возрожденія К. Р.» 16—22 стр.; здѣсь укажемъ только на болѣе важныя статьи 2-ой пол. XIX в. *Русскій Вѣстникъ*: 1859 г. 23 ч.—Замѣтки о современномъ настроеніи русиновъ; 1872, I.—Эпизодъ изъ Галицкихъ смутъ 1846 г., IV—Посольство угорскихъ русскихъ 1849 г. въ

много мѣста разслѣдованію сношеній Карпатской Руси съ Россіей, обративъ главное вниманіе лишь на вопросъ о состоятельности или несостоятельности стремленій одной части карпаторусскаго общества къ культурно-національному, или политическому объединенію.

Къ самымъ важнымъ статьямъ-изслѣдованіямъ, обнимаю-

Вѣнѣ; 1886, XI—Замѣтки и дополненія къ статьѣ (Пыпина) «Обзоръ малорусской этнографіи» — Я. Головацкаго; 1887 г. его же — Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ; (обѣ статьи были изданы Я. Головацкимъ отдѣльно подъ первымъ заголовкомъ въ Вильнѣ 1888 г.). *Отечественныя Записки:* 1865, IV—Австрія и славянскія земли; 1867, XI и XII—въ Слав. обозр. «О русскихъ галичанахъ и борьбѣ съ поляками и австрійскимъ правительствомъ»; 1871, VI—VII.—Вопросъ о національностяхъ въ Австріи (о Гал.-рус. возрожденіи и о значеніи политики Бейста для Гал. Руси говорится въ 7-ой главѣ VI кн.). *Вѣстникъ Европы:* 1873, I, II и IX, X.—Русскіе въ Галиціи и литературное движеніе въ Галиціи—статьи М. Т—ова (Драгоманова); 1879, IV.—Австрійскіе славяне 1848—9 г. О. Первольфа; 1882, X. — Львовскій процессъ; 1883, IV.—Годы возстанія въ Венгріи—де Воллана; 1886, I, IX. — Буковина и Русины, Галичина и Русины. *Древняя и новая Россія:* 1878, II. — Воспоминаніе о Галичѣ—проф. Иловайскаго. *Русская Рѣчь:* 1879, VIII.—Славянское движеніе въ Австріи 1800—1848, О. Первольфа. *Русская Мысль:* 1880, III. — Голосъ изъ Угорской Руси; 1890—Просвѣщеніе въ Галицкой Руси, А. Конискаго. *Историческій Вѣстникъ*: 1881, V — Забытый уголъ, И. Филевича; 1884, XI стр. 885—6. Отрывокъ изъ воспоминаній В. И. Модестова; 1888, VII—Некрологъ Я. Головацкаго. *Наблюдатель:* 1882, VIII — Австрійскіе русскіе и львовскій процесъ, В. Модестова (это статья вошла и въ книгу Модестова «Статьи для публики» 167—188 стр.). *Дѣло*: 1882, X.—Литературно-общественное движеніе въ Галиціи, Туриста (Драгоманова). *Энциклопедическій Словарь*: т. VII, стр. 913—22: К. Арабажина—Галицкорусское литерат.-общественное движеніе—см. разборъ статьи Драгомановымъ въ «Народѣ» 1893 № 9 и 10. — Статьи новѣйшихъ путешественниковъ по Гал. Руси—А. С. Будиловича, А. П. Лопухина, И. С. Пальмова и Русскаго (А. П. Соловьевича) не представляютъ для насъ интереса.

Цѣльный обзоръ Карпаторусскаго возрожденія находимъ у *А. Н. Пыпина* въ: Обзорѣ истор. славян. литературъ 1865 г. 232—241 стр.; Исторіи слав. литературъ, 1879 г. I стр. 405—447 и Исторіи рус. этногр. III, стр. 134—8, 223—258 и 413—419. *А. Кочубинскаго* — Начальные годы рус. славяновѣдѣнія, Од. 1888 г. стр. 199—200 о посѣщеніи Кеппеномъ Галичины, 220—2 стр. о дороговизнѣ русской книги въ Австріи въ 30-ые гг., 228—9 стр. о сношеніяхъ Новосильцова съ карпаторусами, 261—2 стр. о планѣ минист. народ. просвѣщенія вызвать профессоровъ для Казанскаго университета въ 1827 году изъ карпат. Руси. *Н. Дашкевича*—въ Отчетѣ о 29-омъ присужд. наградъ гр. Уварова въ 59-омъ т. Зап. имп. Акад. Наукъ стр. 123—132 и *В. А. Францева*—Обзоръ главнѣйшихъ изученій Угорской Руси, въ Рус. Фил. Вѣстн. 1901 г.

щимъ и нашъ вопросъ о взаимосношеніяхъ, принадлежатъ работы А. Н. Пыпина, статьи М. Т—ова (М. П. Драгоманова), проф. Филевича и проф. Дашкевича. Первенство цѣльнаго изложенія Карпаторусскаго возрожденія въ русской литературной исторіографіи принадлежитъ А. Н. Пыпину. Заслуга же его заключается въ томъ, что онъ изложилъ Карпаторусское возрожденіе объективно-критически, чѣмъ и содѣйствовалъ уясненію многихъ вопросовъ, освѣщаемыхъ нѣкоторыми мѣстными историками слишкомъ субъективно-односторонне, подчасъ и невѣрно. Возвращаясь нѣсколько разъ къ изложенію исторіи Карпаторусскаго возрожденія, Пыпинъ указалъ на несомнѣнную зависимость его отъ первыхъ польскихъ этнографовъ и представителей такъ называемой «украинской школы»; что̀ опять Я. Головацкій, со времени перехода въ Россію въ 1867 г., отрицалъ или же недооцѣнивалъ, видя въ этомъ вліяніи «хитрую интригу поляковъ и австрійскаго правительства» [1]). Такъ же строго критически отнесся Пыпинъ и къ язычно-литературному вопросу, волнующему и по нынѣ умы карпаторусскихъ дѣятелей и являющемуся одной изъ крупныхъ причинъ раздѣленія карпаторусскаго общества на два враждебныхъ лагеря. Пыпинъ посмотрѣлъ на этотъ вопросъ съ очень вѣрной точки зрѣнія, соединивъ его съ вопросомъ объ отношеніи карпаторусскихъ партій къ русскимъ партіямъ— западниковъ и славянофиловъ, прогрессистовъ и консерваторовъ и къ русской литературѣ вообще.—М. Т—овъ затронулъ этотъ вопросъ постольку, поскольку онъ занимался разборомъ противорѣчія дѣлъ и стремленій такъ называемой старорусской партіи въ 60—70-ые гг.—Изслѣдуя тотъ же періодъ галицкорусской жизни въ статьѣ «Забытый уголъ», проф. Филевичъ оцѣнилъ дѣятельность русскихъ галичанъ въ Холмщинѣ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и представилъ этихъ дѣятелей «уніи — возсоединенія-располяченія» безъ ореола отечественныхъ, т. е. га-

1) См. его—Замѣтки и дополненія, 2-ая ч. и въ сборникѣ Гербеля «Поэзія славянъ» статью Г—аго «Червонорусскіе поэты» 197—204 стр.

лицкихъ старорусскихъ похвалъ, въ свѣтѣ нагой фактической правды.

Послѣ этихъ работъ самый полный обзоръ условій и причинъ Карпаторусскаго возрожденія принадлежитъ проф. Н. П. Дашкевичу. По мнѣнію профессора, карпаторусское движеніе 30-ыхъ гг. явилось однимъ изъ главныхъ источниковъ надлежащаго пониманія современнаго украинскаго движенія (op. cit. 133 стр.); поэтому авторъ и разсмотрѣлъ условія и причины возрожденія. На основаніи тщательнаго разбора, онъ пришелъ къ выводу, что Карпаторусское возрожденіе было послѣдствіемъ— не только пробужденія идеи народности, вліянія со стороны зарождавшейся новой украинской литературы и западнославянскаго движенія, но и послѣдствіемъ знакомства карпаторусскихъ дѣятелей возрожденія съ русской литературой, преимущественно научной (op. cit. 132 стр.).

Уже бѣглое сравненіе мнѣній нѣкоторыхъ галицкорусскихъ изслѣдователей отечественнаго возрожденія съ мнѣніями русскихъ изслѣдователей приводитъ насъ къ выводу, что русскіе ученые отнеслись къ вопросу о значеніи Россіи для этого возрожденія болѣе объективно. Упрекъ въ односторонности относится, какъ къ Головацкому, такъ и къ Огоновскому и къ ихъ послѣдователямъ.

По мѣрѣ того, однако, какъ накопляется новый матеріалъ по исторіи взаимосношеній Карпатской Руси и Россіи, мы убѣждаемся, что большинство мнѣній и сужденій о Карпаторусскомъ возрожденіи страдаетъ неполнотой, такъ какъ не обращаетъ надлежащаго вниманія на продолжительность и характеръ этихъ взаимосношеній. Итакъ: принято утверждать, что Карпатская Русь вошла въ болѣе близкія сношенія съ Россіей только чрезъ М. П. Погодина. Сношенія съ Кеппеномъ и Срезневскимъ, и болѣе ранняя дѣятельность угрорусскихъ выходцевъ въ Россіи не

находили себѣ въ этихъ мнѣніяхъ никакого мѣста. О непрерывности же этихъ сношеній, начавшихся чуть ли не тремя столѣтіями раньше, нигдѣ и не упоминается. А между тѣмъ намъ нельзя предположить, что эти старинныя сношенія прошли безслѣдно, что они не повліяли на сложеніе извѣстнаго культурно-общественнаго міросозерцанія у Карпаторусовъ—съ одной стороны, и на отношеніе къ нимъ россійскаго правительства и русскаго общества—съ другой стороны.—Не меньше важнымъ будетъ для насъ прослѣдить аналогическія явленія у другихъ славянскихъ народовъ, и такимъ образомъ подойти поближе къ возможно точному опредѣленію связи между взаимосношеніями и взаимоотношеніями обѣихъ сторонъ. Думаемъ здѣсь объ эволюціи такъ называемаго русофильства Карпатской Руси, которое несомнѣнно будетъ послѣдствіемъ сношеній ея, какъ съ Россіей, такъ и съ юго-западными славянскими племенами.

Основой предлежащаго «Очерка» и являются прежде всего собранные нами «Матеріалы по исторіи сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в.» [1]). Правда, эти «Матеріалы» должны бы вызвать рядъ монографическихъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ, послѣ чего можно было бы приступить къ окончательному изложенію вліянія Россіи на Карпаторусское возрожденіе. Внутренняя идейная связь отдѣльныхъ фазисовъ этихъ взаимосношеній заставляетъ насъ, однако, попытаться набросать основной рисунокъ-скицъ, по которому—послѣ исправленія и дополненія въ деталяхъ—можно было бы написать цѣльную картину вліянія Россіи на умственную жизнь Карпатской Руси въ періодъ возрожденія.

---

1) См. Научно-литерат. Сборникъ Гал.-рус. Матицы 1905, кн. III—1906 кн. I и отдѣльно—Львовъ, 1906 г., 212 стр., 8-ка.

ГЛАВА I.

Источники взаимныхъ свѣдѣній и эволюція взаимоотношеній Карпатской Руси и Россіи.

1.

Случайныя сношенія—монастырскіе и общественные челобитчики, просители-жалобщики изъ Карпатской Руси въ Московской. Походы русскихъ армій черезъ Карпатскую Русь и воспоминанія военныхъ. Торговыя сношенія. Надежды народа на московскихъ государей и россійскихъ царей. Отношеніе правительственныхъ россійскихъ круговъ къ Галичинѣ.

Москва—«третій Римъ», единственное свободное православное государство XVI — XVIII в., привлекала ежегодно многочисленныхъ представителей юго-восточнаго, азіатскаго и европейскаго православія. Самыхъ численныхъ представителей посылали въ Москву Константинопольскіе патріархи и греческіе монастыри; за ними же шли представители сербскаго и румынскаго, а наконецъ и югозападнорусскаго православія[1]). Цѣль этихъ странствованій заключалась въ испрошеніи милостыни для монастырей и строющихся церквей, а также въ изложеніи жалобъ на притѣснителей православнаго благочестія — на невѣрныхъ турокъ, римскихъ католиковъ и поляковъ[2]).

Югозападно-русское православіе—Литвы, Бѣлой Руси, Волыни и Украины посылало своихъ просителей и жалобщиковъ, начиная съ 1581 г., Карпатская же Русь стала посылать ихъ съ 1625 г. спорадически, а съ 1650 г. черезъ каждые три года—въ среднемъ[3]).

---

1) См. «Греческія дѣла» 1509—1798 г. въ Главномъ архивѣ минист. иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

2) *Ставропигіальное Братство* во Львовѣ отправляетъ въ 1608 г. окружное посланіе *ко всѣмъ* православнымъ людямъ съ извѣщеніемъ о претерпѣваемыхъ гоненіяхъ отъ поляковъ и съ просьбой о матерьяльной помощи. См. Архивъ Ю.-Зап. Россіи ч. I, т. XII, 526—9 стр.

3) См. въ *Глав. Арх. Мин. Ин. дѣлъ «Греческія дѣла:* 7133 (1626) января 30. Пріѣздъ въ Москву малороссійскихъ монастырей настоятелей, присланныхъ *отъ* находившагося тамо (въ Малороссіи) *перемышльскаго епископа Исаіи Копин-*

Карпаторусскіе просители и жалобщики отъ православныхъ монастырей, церквей и епископовъ подвергались, какъ на границахъ государства и отдѣльныхъ воеводствъ, такъ и въ самой Москвѣ подробнымъ допросамъ.—Это была общая участь всѣхъ путешественниковъ по Московскому государству.—Вотъ и первый источникъ знакомства московскихъ приказныхъ людей съ положеніемъ зарубежныхъ единовѣрцевъ. — Попутно, однако, карпаторусскіе странники собираютъ — по жалованнымъ государевымъ грамотамъ — милостыню для своихъ монастырей и церквей. Понятно, что отдѣльные благочестивые благодѣтели не преминули распросить странниковъ о всемъ, чтó только и представляло какой-либо интересъ любопытства: «откуда? для кого? много ли васъ? какъ вамъ живется? и т. д.». Странники явля-

---

скаго о дачѣ милостыни; того же года іюня 22. Отписки изъ Путивля о недозволеніи ѣхать въ Москву прибывшихъ изъ Львовской области *монастыря Унева іеромон. Митрофану съ іеродіак. Германомъ*... по причинѣ бывшей тогда въ Польшѣ и Литвѣ моровой язвы. 7134 (1626) г. окт. 27 № 4. Пріѣздъ въ Путивль *польскаго города Галица строителя Спиридона съ листомъ къ Государю отъ Львовскаго епископа Іереміи съ жалобою на поляковъ*, угнетающихъ греческую вѣру, а 7134 (1627) февр. 25. вторичный пріѣздъ того же строителя съ вѣстями. 7136 (1628) мар. 1. (Картонъ 9).—Пріѣздъ въ Москву изъ *Галича скицкого монастыря Келара Іоанникія* съ прошеніемъ о милостыни. 7165 (1657) въ мартѣ (К. 51).—пріѣздъ въ Москву *Львовскаго уѣзда Креховской пустыни строителя Вассіана* за милостынею; іюня 8. *гор. Львова соборной* а) *Успенской церкви игумена Иларіона*, б) *Георгіевской церкви протопопа Михаила*, присланныхъ за милостынею *отъ Львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго:* Получили Соборникъ (Моск. 1648), о чемъ свидѣтельствуетъ вкладная 1657 г. на экземплярѣ Львов. епарх. Музея. [—Сія книга сочетася книгам бѣблиѡтеки ясне превел. Гн҃а Ѡпа Арсенія Желиборскаго прав: Епископа Львов.:. . . влѣто сп҃сенія мира ҂ахнз҃. Ѿ царскаго величества пресвѣтлаго Алеѯія Михайловича великаго самодержца московскаго со иннымъ дарованїемъ препосланная.—]. Въ 1676 г. Кор. пол. Янъ III, даетъ гал. Скитскимъ монахамъ грамоту на свободный проходъ въ Московское государство—см. Целевичъ, Скитъ Ман. XXVI стр.—7182 (1674) г. нояб. 14. (К. 72). Дѣло о пріѣздѣ изъ Кіева *Львовскаго монастыря церкви св. Іоанна Богослова игумена Іосифа Творинскаго и* съ нимъ *мѣщанъ двухъ* человѣкъ для испрошенія милостыни на постройку церкви Николая чудотворца. 7187 (1679) г. декаб. 10. (К. 75).—Пріѣздъ въ Москву *архимандрита* Деражицкаго *Иннокентія съ просительными къ Государю листами отъ Православныхъ въ Польшѣ духовныхъ особъ защитить ихъ отъ утѣсненія Поляковъ*. 7187 (1680) г. іюня 20. (К. 85).—Пріѣздъ въ Москву *Львовской области Креховской пустыни іеромон. Вассіана Радзкѣвича* за милостынею, а іюля 23. той же пустыни *игумена Діонисія* за милосты-

ются опять сѣятелями свѣдѣній о «благочестивыя вѣры греко-россійскія людяхъ, обрѣтающихся въ Польшѣ», но уже среди широкихъ народныхъ массъ московскаго государства. Такой именно ходъ дѣла, а не другой, обусловленъ еще тѣмъ, что разсказы о «безчинствахъ и неистовствахъ католиковъ-ляховъ и нехристей-жидовъ» вызывали въ сердцахъ православнаго народа кромѣ нравственнаго и матеріальное состраданіе съ притѣсняемыми.

Такова въ общихъ чертахъ картина отношенія Московской Руси къ Карпатской въ XVII и XVIII вв. Эти отношенія не шли дальше сознанія о единовѣрьѣ и связанной съ нимъ матерьяльной поддержки. Въ періодъ мнимаго преобладанія интересовъ одной вѣры въ жизни народовъ—другихъ сношеній и быть не

нею по жалованной грамотѣ и *архидіак. Пароенія отъ Львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго,* присланнаго съ грамотами къ государямъ; въ 1689 г. іюля 20, архидіаконъ Пароеній является въ Москву съ просительнымъ письмомъ о заступленіи къ польскому королю за благочестивые греко-россійскіе въ Польшѣ и Литвѣ обрѣтающіеся люди (Польскаго двора дѣла, св. 243); [в «Чиновнику» Моск. 1677 г. Львов. архиепарх. Музея находимъ слѣдующую запись:—«Лѣта ҂зрчи҃ ѡктября нѕ҃ по указу великаго Гдна ст҃ѣйшаго Киръ Іѡакіма Московскаго і всеа россіи і всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха данъ сей чиновникъ изъ ево стѣйшаго патріарха домовые казны Іѡсифѹ Шѹмлянскому еппу львовскому галицкому. во ст҃ѹю соборную цр҃ков великом҃чника георгия».]; 7188 (1681) февраля 14. (К. 75), пріѣздъ въ Москву пустыннаго скитскаго Крестовоздвиженскаго монастыря старцовъ Вареоломея и Веніамина за милостынею и за жалованными на собираніе милостыни грамотами, а 7195 (1688) г. февраля 9 (К. 82) явился за тѣмъ же игуменъ Іовъ; 7202 (1695) г. іюля 7 (К. 92) пріѣздъ въ Москву львовскаго креховскаго монастыря игумена Полихронія за милостынею по жалованнымъ государевымъ грамотамъ; 7205 (1698) въ январѣ (К. 94), пріѣздъ въ Москву венгерской земли гор. Брашева протопопа Василія Хобона за милостынею; 1705 янв. 31. (К. 99), пріѣздъ изъ Польши Креховской обители намѣстника Іова за милостынею—и т. д. до 1761 г.—Въ архивѣ Свят. Синода находится тоже не мало актовъ, указывающихъ намъ на эти древнія сношенія Карпатской Руси съ Россіей, см. Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода:—т. II, ч. I-ая. Послы Петра Вел. въ Венецію и Польшу по дѣлу православныхъ единовѣрцевъ и Архивъ зап.-рус. уніатскихъ митрополитовъ I—II (пользовался корректурными листами, за что искренне благодарю г. Рункевича).—Кромѣ этихъ извѣстій можно найти еще немало матеріала по данному вопросу въ «Сводной гал.-рус. лѣтописи» Канон. А. С. Петрушевича и въ архивѣ Львовск. архиепарх. Музея.

могло.—Отношеніе же карпаторусскаго православія къ Москвѣ и Россіи опредѣляется не только сознаніемъ объ единовѣрьѣ, но и надеждой на могущество своихъ сѣверныхъ единовѣрцевъ. Не будь у Карпаторусовъ того времени этой надежды, галицкіе и угорскіе епископы навѣрно не жаловались бы московскимъ государямъ на притѣсненія и обиды, «чинимыя греко-россійской церкви людямъ» католической латынью. Эти жалобы зарубежныхъ православныхъ единовѣрцевъ и были предметомъ дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ Польшей. Въ городскихъ актахъ г. Галича имѣется даже спеціальное заявленіе Скитскаго монастыря, внесенное туда отъ имени игумена и братіи о томъ, что — въ силу договора Россіи съ Польшей 1768 г.—ктиторы ихъ монастыря, скрывавшіе до сихъ поръ свое православное вѣроисповѣданіе, станутъ явно исповѣдывать его [1]).

Предпріятія и дальнія странствованія отдѣльныхъ духовныхъ лицъ и просителей отъ монастырей и церковныхъ общинъ не оставались, навѣрно, тайной и для народныхъ массъ духовной паствы; тѣмъ болѣе, что народъ находился въ то отдаленное время въ довольно тѣсной связи съ низшей церковной и монастырской іерархіей. Странники, возвращаясь изъ дальняго путешествія на родину, разсказывали землякамъ о видѣнномъ въ земляхъ «православнаго царя», восхваляли его щедрость, богатство, силу и значеніе—а главное, превозносили его благочестіе и преданность православной греческой вѣрѣ. Въ итогѣ получилось то, что въ Карпаторусскомъ народѣ Польши и Угорщины усилилось сознаніе единовѣрія съ далекимъ московскимъ православнымъ государствомъ, отъ котораго и слѣдовало ему надѣяться на сильную помощь.

Это сознаніе единовѣрія и соединенной съ нимъ надежды на православныхъ царей не исчезло и съ окончательной побѣдой уніи въ Карпатской Руси: старинное преданіе и тяжелое состоя-

---

1) См. Ю. Целевичъ.—Скитъ Манявскій, Львовъ 1887, стр. LXV, док. отъ 6 Февр. 1768.

ніе простонародной массы заставили ее опять подумать о могущественномъ россійскомъ царѣ, какъ о сильномъ защитникѣ угнетенныхъ [1]). Событія времени только поддерживали эти надежды. Такъ: Польша пала—значительная же часть ея досталась въ удѣлъ Россіи; появился Наполеонъ, наполнившій собой чуть ли не четверть столѣтія европейской исторіи — и вдругъ онъ палъ подъ ударами той же Россіи; а тамъ турецкая война, польское возстаніе, усмиреніе угорскаго возстанія. Вездѣ Россія и Россія!—Какъ же тутъ народной массѣ не проникнуться вѣрой въ силу россійскаго царя? Какъ не вообразить себѣ его защитникомъ угнетенныхъ и побѣдителемъ притѣснителей? Вѣдь Наполеонъ воевалъ и съ Австріей, разбилъ и уничтожилъ не одинъ карпаторусскій полкъ австрійской арміи и увеличилъ рекрутскіе наборы — этого довольно, чтобы его считать общенароднымъ врагомъ; турки же—басурмане; польскіе ксендзы притѣсняли и продолжаютъ притѣснять крѣпостной народъ, а мадьяры бунтовали противъ «нашого цѣсаря»—вотъ и логика и пси-

1) Для характеристики отношеній Карпаторусскаго духовенства и народа къ Россіи укажемъ на два случая. Такъ офиціалъ львовскаго уніат. капитула во Львовѣ *Антоній Левинскій* писалъ 21 апр. 1773 г. своему брату архидіакону нунціатуры въ Варшавѣ слѣдующее: если бы Западная Русь была православной, то «iesli by się nam były sprzykrzyły Panszczyzny y podwody, to iako prostacy Schizmatycy łatwo mogli byśmy byli znaleść Protekcyą u Moskwy, teraz w całey Europie apprehensią maiącey. I pewnie prędzey byśmy ią byli tam znalezli, iak teraz w Rzymie... Że propter fidem opprimimur a Moschis, opprimimur według ich zdania sprawiedliwie, iako od nich odszczepieni, y to nam iest gloriosum et meritorium».—Галичанинъ 1862 г. I, стр. 141.

Данилевскій, *А. М.* говоритъ въ «Журналѣ путешествія изъ Вѣны въ Венгрію въ 1814 г.». (Сынъ Отечества 1816 г. 34-ая кн. 207 стр.), что его въ Пештѣ «окружилъ народъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на русскаго: особенно подходили ко мнѣ сербы и *славяне*; нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ говорили мнѣ: «мы пріѣхали въ Офенъ издалека, нарочно, чтобы увидѣть монарха славянскаго поколѣнія». «Все, что́ мы о немъ слышали—прервалъ одинъ изъ нихъ—увѣряетъ насъ, что онъ есть печать Царей». Выраженіе поэтическое, показывающее чувства единоплеменниковъ нашихъ! Они разсказывали мнѣ о восхищеніи своемъ, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. Мы радовались, что Бонапарте нашелъ преграду завоеваніямъ своимъ посреди славянскаго рода». См. еще «Матеріалы» I, воспоминанія Броневскаго и Глаголева и примѣчаніе о вел. княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, 6 стр.

хологія народныхъ симпатій вся тутъ. Если же прибавить къ тому, что этому народу въ теченіе 1-ой половины XIX в. пришлось встрѣчаться съ русскимъ солдатомъ довольно часто, какъ во время походовъ русскихъ черезъ Галичину и Угорщину 1799, 1813—1814 и 1846—1849 гг., такъ и во время владычества русскихъ въ Тернопольскомъ округѣ 1809—1815 г., мы убѣдимся въ слишкомъ достаточной наличности причинъ, вызвавшихъ среди Карпаторусскаго народа живыя симпатіи къ Россіи, какъ къ могущественной державѣ, покоряющей «бунтарей», «невѣрныхъ» и угнетателей.

Наконецъ нельзя оставлять въ сторонѣ и торговыя сношенія Россіи съ Карпатской Русью. Такъ — торговый путь изъ Варшавы въ Каменецъ-Подольскъ шелъ на Люблинъ—Львовъ—Глиняны — Золочевъ—Теребовлю—Гусятинъ; другой же путь, соединявшій Южную Россію съ Силезіей шелъ на Радивиловъ—Гродно — Золочевъ — Глиняны — Львовъ — Перемышль — Краковъ [1]). Объ оживленности этой транзитной торговли свидѣтельствуетъ 26-ая статья торговаго договора Россіи съ Австріей 1785 г., на основаніи которой дома россійскихъ купцовъ во Львовѣ и Бродахъ освобождались отъ всякаго постоя военныхъ людей. Кромѣ транзитной торговли существовала почти до половины XVIII в. и мелкая книжная торговля Галичины съ Южной Россіей, куда Львовская Ставропигія посылала своихъ агентовъ съ книгами; сѣвернорусскіе же торговцы навѣщали Угорщину до 1728 г. [2]). Эти торговыя сношенія слѣдуетъ опять счи-

1) См. Броневскій. — Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга, ч. II. Броды (въ «Матеріалахъ» 8—11 стр.); М. Чулковъ—Истор. опис. россійск. коммерціи, т. VI. Кн. 4, стр. 547—548, Почтовый путь отъ Варшавы до Каменецъ-Подольска и т. VII, кн. 1, стр. 216, статья договора 26.

2) О торговцахъ Ставропигійской печатни во Львовѣ находимъ извѣстіе въ актахъ Кіево-печерской Лавры (Арх.-тип. 1730 г. 22 ноябр. № 9): въ копіи челобитной Лавры въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ о запрещеніи ввоза книгъ «изъ-за рубежа Польской границы разныхъ печатей» въ Малую Россію на ярмарки и торги; на что́ и послѣдовалъ запретительный указъ (Глав. арх. мин. иностр. дѣлъ—Малорос. дѣла нов. лѣтъ, св. 66, № 21, 1730 г.). Львовская Ставропигія посылала своихъ книжныхъ агентовъ въ украинскіе города на осно-

тать однимъ изъ источниковъ непосредственнаго знакомства обѣихъ Русей.

Симпатіи Карпатской Руси къ Россіи нашли себѣ лучшее выраженіе въ немногочисленныхъ, появившихся въ печати народныхъ пѣсняхъ, разсказахъ и лѣтописныхъ записяхъ. Такъ: взятіе Хотина русскими 1739 г. было воспѣто народомъ въ пѣснѣ— «Въ славномъ мѣстѣ подъ Хотиномъ, гей, гей у потоку — Бьеся турокъ изъ москалемъ больше якъ пôвъ року» (Головацкій — Пѣсни I, 21 стр.); военные успѣхи и походы русскихъ армій XVIII в. заносились карпаторусскими грамотѣями въ лѣтописныя записи на поляхъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ [1]); солдатская пѣсня о легендарномъ Суворовѣ плѣнила, повидимому, воображеніе галицкаго крестьянина и вошла въ составъ его пѣсеннаго репертуара (Головацкій III² стр. 11—13 и двѣ пѣсни 13—14 стр.); помощь русской арміи, оказанная Австріи противъ Угорщины, явилась сюжетомъ для угрорусской народной пѣсни — «Та бо чей насъ поратуе сила Москалева» и надежды, что «Русскій Богъ поможе» (Г. А. де-Волланъ — Угрорусскія народ. пѣсни 161—162 стр.). — Анекдоты о могуществѣ русскаго царя, о скоромъ пришествіи его войскъ для занятія Галичины, о заботахъ его о благосостояніи земледѣльца и объ его ненависти къ «панамъ и жидамъ» въ большомъ ходу еще и нынѣ среди галицкаго, мазурскаго и русскаго населенія [2]). Наряду съ

ваніи грамоты Петра Великаго 1707 г. (Арх. юго-западной Россіи, ч. I, т. XII, стр. 614).—О русскихъ торговцахъ книгами въ Австрійской Сербіи и о запретѣ имъ являться въ угро-нѣмецкія границы 1728 г. см. Опис. дѣлъ и документы Архива св. Син. т. II, ч. I. Прилож. 355 стр. и П. А. Кулаковскаго — Начало русской школы у Сербовъ 101 и 139 стр.

1) См. А. С. Петрушевича—Гал.-русская сводная лѣтопись 1701—1772—1800, съ дополненіемъ и *наши*—Описи рукописей Народнаго Дома и Митрополичьей библіотеки во Львовѣ. Въ нихъ есть довольно много выписокъ, свидѣтельствующихъ объ интересѣ Карпатской Руси для событій въ Россіи.

2) См. М. Павлика — Moskalofilstwo między ludem ruskim Galicyi i Bukowiny, статьи въ газетѣ Kurjer Lwowski 1884 г., №№ 311, 312, 321, 322, 324, 326 и 329; Громадський Голос 1906 г.; тѣ-же статьи дополненныя и исправленныя и отдѣльно, п. з. Москвофільство та украінофільство серед австро-руського народу. Льв. 1906.

этими политически-общественными анекдотами народъ разсказываетъ много интересныхъ вещей о проворности, хитрости и плутовствѣ «москалів і российских салдатів» [1]).

Отношеніе народной массы къ Россіи отразилось и на карпаторусской интеллигенціи, которая, поддаваясь — какъ народнымъ симпатіямъ, такъ и руссофильству своихъ славянскихъ сосѣдей чеховъ, словаковъ и сербовъ, привѣтствовала восторженными одами главнѣйшія событія русской жизни. Укажемъ только на оды по случаю смерти Александры Павловны, супруги угорскаго палатина 1804 г. («Матеріалы» 8 стр.); А. Духновича «Оду на тріумфъ Ніколая царя Россіи, егда на турковъ воевавъ, напрасно чрезъ Дунай устроеннымъ мостомъ, въ Болгарію съ всею силою перейшолъ Ісаакчу и Ісмаилъ и прочія крѣпости взялъ 1 октоврія 1829» и «Стихи на взятіе Варны 12 октоврія 1829 [2])» и И. Головацкаго — Пѣніе радостнаго голоса... Николаю I... при высочайшемъ выѣздѣ до города Вѣдня 1845 (изд. 1848 г. и въ «Русской книгѣ для чтенія» 1860).

Словомъ — «москали, русская сила, русскій Богъ» не были, повидимому, противны Карпатской Руси и пользовались у нея значительными симпатіями.

Говоря о сношеніяхъ карпаторусскихъ монастырскихъ и церковныхъ просителей и жалобщиковъ съ Московской Русью XVII и нач. XVIII вв., мы отмѣтили образъ ознакомленія Россіи съ Карпатской Русью. Такъ какъ въ то время экономически-пра-

1) См. В. Гнатюка — Гал.-руські анекдоти 187—197 стр.; 29 анекдотовъ, собранныхъ случайно въ трехъ мѣстностяхъ бучацкаго, дрогобыцкаго и стрыйскаго повѣтовъ. Здѣсь слѣдуетъ указать еще на интересную лемковскую легенду о томъ «Коли московский цар став християнином», содержащую смѣсь сказаній о посольствахъ Владимира и о крестѣ, видѣнномъ во снѣ царемъ Константиномъ (того же—Гал. руські народні легенди 185 стр.).

2) Библ. Народ. Дома во Львовѣ—ркп. «Забавки»—А. Духновича № 176, стр. 1 и сл..

вовое положеніе простонародья заключалось въ естественномъ служеніи боярину-пану, нѣтъ ничего удивительнаго, что имъ не интересовались московскіе благодѣтели карпаторусскаго благочестія, а монахи-карпаторусы не обращали ихъ вниманія на него. Съ той же точки зрѣнія посмотрѣлъ на судьбу карпаторусскаго народа и русскій путешественникъ, Пѣшеходецъ Василій Григоровичъ-Барскій, изложившій свои впечатлѣнія о Карпатской Руси (1723—1724 г.) въ запискахъ [1]). Если вѣрить первому издателю «Путешествія», В. Рубану, такъ эту книгу «тридцать лѣтъ... списываютъ съ превеликою жадностью всѣ тѣ, до коихъ о ней хотя малѣйшее дошло свѣдѣніе. Въ Малой Россіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ нѣтъ ни одного знатнаго мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ Россійскихъ семинаріяхъ, для Епархіальныхъ Архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали; благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірскихъ состояній, за великія деньги доставали оную» — что́ даетъ намъ полное право заключить, что русское общество, послѣ прекра-

1) *Пѣшеходца Василія Григоровича-Барскаго Плаки Албова*, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго *Путешествіе къ святымъ мѣстамъ* въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, препринятое въ 1723 и оконченное 1747 году имъ самимъ писанное. Спб. 1778 г. 1-ое изданіе В. Рубана; мы пользуемся изданіемъ 1819 г. Критическое изданіе появилось въ «Трудахъ Православ. Палестинскаго общества 1885—1889 г.» съ литературно-біографическимъ очеркомъ Пѣшеходца пера Н. П. Барсукова.

Василій Григоровичъ, сынъ Кіевскаго купца, родился 1701 г., учился въ Кіевской Академіи, а 1723 г. отправился во Львовъ для лѣченія, гдѣ вмѣстѣ съ своимъ кіевскимъ товарищемъ вписался 1724 г., подъ вымышленнымъ именемъ Барскаго, въ іезуитскую коллегію. — Онъ былъ, однако, уличенъ своими товарищами уніатами въ обманѣ, и какъ схизматикъ исключенъ изъ училища. Правда, благодаря благосклонности львовскаго уніатскаго епископа Аѳанасія Шептицкаго, его приняли обратно въ коллегію, но онъ уже не захотѣлъ продолжать ученіе и рѣшился отправиться въ Римъ. Это ему и удалось исполнить, благодаря тому же Шептицкому, львовскому католическому бискупу и монахамъ Василіанамъ изъ Львова и Крехова. — Все это, какъ и свое путешествіе отъ Львова, на Самборъ, Угорцы въ Грушевъ и Бачку до Будапешта, Григоровичъ-Барскій излагаетъ въ указанномъ «Путешествіи» 3—17 ст. — Григоровичъ-Барскій умеръ въ Кіевѣ 1747 г. и былъ похороненъ подъ восточной стѣной академической свято-троицкой церкви на Подолѣ.

щенія непосредственныхъ сношеній съ Карпаторусскими монахами-просителями и жалобщиками, имѣло возможность знакомиться съ церковно-общественной жизнью Карпатской Руси по запискамъ Григоровича-Барскаго.

Съ экономически-гражданской жизнью Карпатской Руси русское общество стало знакомиться только послѣ отечественной войны по запискамъ и воспоминаніямъ русскихъ офицеровъ, а затѣмъ частныхъ путешественниковъ [1]).

Прочитывая нынѣ извѣстія русскихъ офицеровъ и путешественниковъ о Карпатской Руси и сравнивая ихъ съ современными имъ записками-воспоминаніями Краттера [2]), Карпинскаго [3]), Завадскаго [4]) и другихъ [5])—мы убѣждаемся, что русское общество получило сразу совсѣмъ новыя, очень вѣрныя, хотя далеко не полныя, свѣдѣнія о покореніи австрійской Руси. Мало того, эти случайные русскіе бытописатели Прикарпатья, оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ единовѣрьи, стали чаще обращать вниманіе на единоплеменность Карпатской Руси съ Малой и Великой

---

1) См. Ѳ. Глинка—Письма русскаго офицера, ч. I. Москва 1815 г.; А. М. Данилевскій — Журналъ путешествія изъ Вѣны въ Венгрію, (Сынъ Отеч. 1816 г. 34-ая кн.); В. Броневскій—Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга въ 1810 г., Москва 1828 г.; А. Глаголевъ — Записки русскаго путешественника, Спб. 1837 г. и 1845 г.; *Суворовскій-ратникъ* — Записки о походѣ въ Италію 1799 г. въ Москвитянинѣ 1844 г. № 1 и Журн. Мин. Народн. Просв. 43 кн. и М. Д. Лихутинъ — Записки о походѣ въ Венгрію 1849 г. Москва 1874 г.— все относящееся къ Карпатской Руси было извлечено нами и пересказано въ «*Матеріалахъ*» 4—15 стр.

2) Ср. Briefe über jetzigen Zustand von Galizien, Leipzig 1786, I—147, 151—153, 217—230 стр. о галицкомъ крестьянствѣ и 154—188 стр. о шляхтѣ.

3) Fr. Karpińskiego — Pamiętniki, Lwów 1849 г. 103 стр. — положеніе угорскихъ крестьянъ; 109 стр.—своеволіе магнатовъ и 145 стр. — судьба крѣпостныхъ.

4) Wł. Zawadzki—Literatura w Galicyi 1772—1848, Lwów 1878 г. I cz. o германизаціи; о томъ же см. у Z. Kaczkowskiego—Mój pamiętnik z lat 1833—1848. Lwów, 1899 г. 23 стр. и сл.

5) См. Meciszewski—Listy Galicyjskie. Supraśl 1843 и пересказъ—дополненіе Listów въ брошюрѣ Obecny stan Galicyi. Paryż 1843 г. 53 стр. 16⁰.—Литература вопроса, впрочемъ очень богата; это преимущественно воспоминанія и записки польскихъ дѣятелей 1-ой половины XIX в.

Русью и такимъ образомъ вызывать въ русскомъ обществѣ новыя чувства симпатіи къ единоплеменникамъ, а быть можетъ и класть основанія позднѣйшимъ мечтамъ о культурномъ и политическомъ объединеніи.

Причину неполноты воспоминаній и записокъ русскихъ военныхъ путешественниковъ о Карпатской Руси слѣдуетъ видѣть въ условіяхъ военнаго времени, забросившаго туда случайно одного и другого мемуариста и давшаго имъ возможность такъ же случайныхъ наблюденій. Нельзя тоже забывать о томъ, что эти военные мемуаристы смотрѣли на Карпатскую Русь глазами современнаго русскаго передового общества. Такъ, оставаясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ тяжелаго положенія крестьянъ въ Россіи, офицеры—путешественники Глинка, Броневскій, Глаголевъ, Суворовскій Ратникъ и Лихутинъ—обращаютъ главное вниманіе на бѣдность, темноту и пьянство Карпаторусскаго крестьянства. Они находятъ, однако, возможнымъ поправить судьбу этого крестьянства съ помощью насажденія ремесла и художества на мѣсто устраненной винной продажи (Глинка 182 стр.). Свобода, по мнѣнію того же автора, погубила бы галицкое крестьянство, такъ какъ оно еще не созрѣло для нея (180 стр.), тѣмъ болѣе, что хорошій помѣщикъ долженъ видѣть въ благоденствіи крестьянъ и собственное преуспѣяніе (183 стр.).—Броневскій опять обратилъ вниманіе на непомѣрные оброки, панщизняныя работы, панское своеволіе и большіе налоги, немилосердно давившіе народъ (56 стр.)—не забывъ, однако, кольнуть современное россійское правительство указаніемъ на кроткое отношеніе австрійскаго правительства къ крестьянству и на его заботы объ ограниченіи шляхетскаго буйства (57 и сл.). На то же своеволіе панства и рабство мужицтва обратилъ вниманіе и Суворовскій Ратникъ (156—157 стр.).

Что̀ болѣло въ свое время на душѣ россійскаго подданнаго дома, на это онъ обращалъ вниманіе и за границами Россіи и, говоря позже о томъ въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ, онъ—хотя косвенно—обличалъ свои домашніе «порядки». Лучше другихъ

опредѣлилъ всю тяжесть домашнихъ порядковъ въ Россіи Лихутинъ — указаніемъ на отвѣтъ галицкихъ мужиковъ, не желавшихъ якобы присоединенія къ Россіи изъ-за пановъ и исправниковъ, которымъ въ Россіи слишкомъ много воли дано (23 стр.). Тотъ же авторъ говоритъ съ умиленіемъ о сознательно гордомъ отношеніи свободнаго крестьянина къ своему бывшему властелину-пану и радуется благоустроенности галицкихъ селъ и мѣстечекъ, чего онъ въ сосѣднихъ россійскихъ губерніяхъ не замѣчалъ (19 стр.).

Глинка (120 стр.), Броневскій (192 стр.) и Глаголевъ (149 стр.) обрадовались находкѣ единоплеменныхъ карпатскихъ славянъ, но они и не подумали о возможности или желательности присоединенія ихъ къ Россіи. Мысль о присоединеніи Галичины къ Россіи не была чуждой, однако, россійскому правительству [1]). Такъ — правительство Екатерины II сопротивлялось передачѣ гор. Львова Австріи въ 1772 г. Послѣ окончательнаго присоединенія Галичины къ Австріи въ правительственныхъ сферахъ Россіи появляется мысль о необходимости ревиндикаціи Галичины, такъ какъ посредствомъ ея легче было бы рѣшить восточный вопросъ. Александръ I, мечтая о соединеніи польскихъ земель подъ своей рукой, предлагалъ Австріи шлезско-баварское княжество въ замѣнъ за западную Галичину (1805 г.). Когда же Россія получила въ 1809 г. Тернопольскій округъ, Александръ I далъ генер. Голицыну тайную инструкцію: привлекать къ Россіи населеніе Галичины, утверждая въ немъ убѣжденіе, что Россія — дѣйствуя противъ Австріи, считаетъ ихъ благо своимъ собственнымъ; Галицкая милиція должна быть авангардомъ русской арміи; стремиться перейти и Вислу, такъ какъ интересъ Россіи требуетъ самаго широкаго распространенія въ Галичинѣ [2]). Россій-

1) Резюмируемъ выводы проф. С. Аскенази въ предисловіи къ J. Leszczyńskiego—Rządy rosyjskie w Kraju Tarnopolskim 1809—1815. Lwów 1904 г. VI—XII и XXI—XXXIII стр.

2) Проф. Аскенази ссылается на Михайловскаго-Данилевскаго: Война Россіи съ Австріей 1809 г., ркп. въ Архивѣ Генер. Штаба въ Спб.

скій же комиссаръ генералъ Дохтуровъ получилъ тоже инструкцію отъ императора Александра I, въ которой возлагается ему въ обязанность увѣрить австрійскихъ комиссаровъ, передававшихъ часть восточной Галичины Россіи, что «я никогда не переставалъ пещись, чтобы она (Австрія) сохранилась въ цѣлости и настоялъ въ томъ, чтобы она понесла ущербу сколько можно менѣе» 1).

Кратковременное правленіе Россіи въ Тернопольскомъ краѣ осталось вѣрнымъ инструкціямъ Александра I. Губернаторъ Тейльсъ сумѣлъ снискать себѣ симпатіи польской шляхты—своимъ великосвѣтскимъ салономъ и привлеченіемъ ея къ участію въ псевдоавтономномъ правленіи, а народа—плательщика податей облегченіемъ и распредѣленіемъ податнаго бремени и ограниченіемъ рекрутскаго набора. Народъ, стонавшій до сихъ поръ подъ непосильнымъ бременемъ военныхъ податей—наличными, провизіей и рекрутами—долженъ былъ съ радостью встрѣтить россійскія облегченія и надолго запомнить ихъ себѣ. Въ виду чего донесеніе россійскаго посланника графа Татищева изъ Вѣны 1828 г. императору Николаю I о томъ, что жители тернопольской и залѣщицкой земли благословляютъ годы, проведенные

---

1) См. *Румянцевскій музей*.—Бумаги генерала-отъ-инфантеріи Д. С. Дохтурова № 113. Этотъ номеръ состоитъ изъ десяти дѣлъ, изъ которыхъ самыя важныя бумаги и акты по размежеванію части старой Галиціи, 2 окт. 1809 г. уступленной Австріей Россіи: 1) Инструкція ген. Дохтурову, коею онъ уполномочивается избрать тѣ округи, «коихъ присоединеніе по Вашему усмотрѣнію наивыгоднѣйшимъ вы признаете»; 2) письмо статсъ-секретаря гр. Румянцева отъ 18 янв. 1810 г. къ ген. Дохтурову о возстановленіи картеля съ Австріей насчетъ взаимной выдачи бѣглецовъ; 3) письмо уполномоченнаго россійскаго двора д'Анштетта отъ 10 февр. 1810 г. изъ Львова къ Дохтурову опредѣлить точно граничную линію, которой безъ россійскаго пропуска нельзя переходить «aucun individu d'une classe inférieure», такъ какъ «d'après des notions particulières, mais sûres, il commence à y avoir des émigrations furtives des paysans de la partie de la Galicie, destinée a être réunie au sceptre de la Russie»—и 4) отношеніе графа Румянцева отъ 20 мар. 1810 г., которымъ Дохтуровъ извѣщается о принятіи императоромъ заключеннаго имъ договора съ австрійскими комиссарами и о подаркахъ для нихъ—по золотой табакеркѣ съ изображеніемъ императора и 2000 червонцевъ для министерской канцеляріи.

подъ россійскимъ скипетромъ, и плачутъ о быломъ счастьѣ, являются не пустымъ патетическимъ восклицаніемъ, а близкимъ къ истинѣ положеніемъ [1]).

Послѣ окончательной передачи всей восточной Галичины Австріи, на основаніи рѣшеній Вѣнскаго конгресса 1815 г., правительственные круги Россіи продолжали заниматься вопросомъ

---

1) См. Leszczynski — op. cit. 68—69 стр. M. Harasiewicz въ Annales ecclesiae ruthenicae, p. 871 nota, изображаетъ, однако, положеніе крестьянства немножечко иначе: «Occupatio provinciae Tarnopoliensis per Russos exinde perennat in memoria Ruthenorum, ibidem habitantium, quod nobilitas polonica cum officialistis russicis mox intimam amicitiam ad hoc iniverit, ut contra organisationem regiminis austriaci eriperet agricolis ruthenis agros, et abrogeret scholas pro agricolis introductas, quod indigat nota officii circularis ad Consistorium Metropolitanum ruthenum Leopoliense de dato 16 Julii 1818 № 5631, postquam haec provincia Austriae restituta fuerat, sequentibus verbis: «In diesem unter der russischen Regierung in allen Zweigen der inneren Verwaltung und Kultur vernachlässigten Kreise...»—Это мнѣніе Гарасевича оказывается очень одностороннимъ и основаннымъ на невѣрныхъ сообщеніяхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ *донесеніе надворной австрійской Коммисіи* отъ 25 декабря 1809 г. императору Францу I, въ которомъ—между прочимъ говорится: «Diesen letzteren Befehl (eine neue Konskription des abzutretenden Districtes zu verlangen) scheint man den von einzelnen galizischen Insassen dem Fürsten Galitzin und selbst auch unmittelbar dem Petersburger Hofe übergebenen Anzeigen, dass nämlich aus den an Russland wahrscheinlich abzutretenden Gegenden sowohl von österreichischer als von warschauer Seite viele Menschen unter die Waffen genommen worden seien, zuschreiben zu müssen, und dieses verrätherische Andringen an Russland, gegen welches der Hass der Nationalen im Allgemeinen noch weit mehr als gegen Österreich entbrannt ist, giebt einen neuen Beleg von dem werthlosen und unkonsequenten Karakter dieses Volkes»—см. Leszczyński op. cit. 23 стр. и приложеніе 169 стр. Болѣе подробное опредѣленіе «des werthlosen und unkonsequenten Karakters dieses Volkes» находимъ въ донесеніи австр. комиссара Дике отъ 11 февр. 1810 г.: «Die Stutzigkeit der Insassen gegen die Kreisämter vorzüglich im Zaleszczyker Kreise, war gleich anfänglich bei Wiedereintretung in ihre Wirkung sehr gross. Kein Befehl wurde befolgt, keine Steuer entrichtet, kein ausgeschriebenes Naturale geliefert... Die Beamten wurden einer Menge Insolenzen von Seiten der Insassen ausgesetzt... General Suworow... den Landesinsassen sehr hold, unterstützt sie... Suworow erklärte, keine Exekution geben zu wollen... das russ. Kaiserl. Militair, theils mit unserer Executions—Verfassung unbekannt, theils in seinem gewöhnlichen Mistrauen durch die Vorspiegelungen der Insassen, «dass diese Ausschreibungen nur von den Deutschen erfunden seien um die Insassen vor ihrem Abzug noch recht zu schinden, stützig gemacht, verweigerte nicht nur die Executionen, sondern vereinigte sich mit den Intriguen, vielleicht auch durch andere Mittel gewonnen...» *ibidem* 30—31 стр. и 172 стр.

о присоединеніи Галичины. Такъ—въ 1829 г. варшавскій генеральный штабъ разсматривалъ планъ вооруженнаго вступленія въ Галичину, а императоръ Николай I былъ даже готовъ въ 1846 году мирнымъ путемъ пріобрѣсти отъ Австріи Галичину—древнюю русскую землю, взамѣнъ за Польшу до Бзуры и Вислы. Генералъ Паскевичъ считалъ это настоящей мѣрой, такъ какъ легче управлять краемъ со смѣшаннымъ населеніемъ, пребывающимъ въ постоянныхъ спорахъ другъ съ другомъ, чѣмъ страной со сплошнымъ польскимъ населеніемъ. Впрочемъ, «Галичина была и раньше русскимъ краемъ, и нынѣ живутъ въ ней православные и униты»,—докладывалъ тотъ же генералъ.—Таково было отношеніе россійскаго правительства къ Галичинѣ[1]).

Выразителемъ правительственнаго мнѣнія въ мемуарахъ, относящихся и къ Галичинѣ, является адъютантъ ген. К. Паскевича—Д. П. Сонцовъ[2]). Самыми важными являются заключительныя положенія «Записки о Галиціи 1846 года», указывающія на «приверженность къ русскимъ по всей Галиціи. Краковъ желалъ и просилъ о присоединеніи его къ русско-польскимъ владѣніямъ. Польская шляхта послѣ страшныхъ избіеній въ прошлую зиму сообразила разницу между правительствами Австрійскимъ и Русскимъ. Они ясно стали сознавать безопасность и спокойствіе въ будущемъ подъ могущественнымъ правленіемъ Россіи, смуты и неувѣренность въ достояніи и жизни подъ властію Австріи. Народъ племени Славянскаго, нѣкогда сильнаго Галицкаго княжества — достояніе древней Руси — большею частію вѣры греческой — уніаты, всегда желалъ и жаждалъ быть при-

1) Очень подробно изложенныя причины необходимости и обязанности Россіи занять Карпатскую Русь находимъ въ копіи записки графа М. Н. Муравьева—«Взглядъ на Австрію», составленной около 1840 г., послѣ путешествія графа изъ Курска черезъ Галичину въ Карловы Вары. (Имп. Публичн. Библ., рукоп. F. II. № 244, л. 19 об.—25 об. «Взглядъ на положеніе православія и уніи въ Австр. провинціяхъ»). Эта копія была изготовлена въ 1869 г. на 25 лл., поступила же въ Библіот. въ 1900 г., см. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1900—1 г. стр. 234, 11).

2) См. *Матеріалы* 15—16 стр.

соединеннымъ къ Россіи. Слабое невоинственное австрійское войско, такъ убито морально, особенно со времени его постыднаго бѣгства изъ Кракова (въ 1815 г.—см. I гл. Записки), что достаточно одного слова и нѣсколько баталіоновъ — и Галиція наша». То же самое выходитъ и у Муравьева.

Такъ же стали думать о Галичинѣ и славянофилы 60—80-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, что́ — пока не входитъ въ кругъ нашей работы.

2.

Учебно-ученыя сношенія съ Карпатской Русью. Вызовъ угрорусовъ—Балудьянскаго, Кукольника, Лодія и другихъ. Дѣятельность Орлая и Венелина.

Выдающіяся реформы учебнаго дѣла въ Россіи послѣднихъ двухъ столѣтій, XVIII и XIX, какъ учрежденіе архіерейскихъ школъ и семинарій для кандидатовъ священства — послѣ 1721 г., организація среднихъ училищъ и университетовъ при Александрѣ I и введеніе классическаго образованія при министрѣ Толстомъ — привлекали каждый разъ и Карпатскую Русь къ участію въ нихъ.

Такъ, когда, послѣ изданія «Духовнаго Регламента» 1721 г., предписывавшаго архіереямъ учреждать школы для малограмотныхъ кандидатовъ въ священство [1]), потребовались въ новооткрытыхъ духовныхъ семинаріяхъ учителя съ высшимъ образованіемъ, ихъ стала поставлять — на ряду съ Кіевской и Московской академіями — и Карпатская Русь. Укажемъ за проф. Н. И. Петровымъ [2]) на нѣсколькихъ учителей изъ карпаторусовъ въ архіерейскихъ училищахъ: «*Василій Ивановъ сынъ Ли-*

---

1) См. Регламе́нтъ д҃хо́вной, статья «ѽ епіскопахъ», пунктъ ѳ҃: «Вельми́ ко исправленію Ц҃ркви полезно есть сіе, чтобъ всякъ Епіскопъ имѣлъ въ домѣ или при домѣ своемъ школу для дѣтей сщ҃енническихъ...» і҃ и аі҃. п-ты.

2) См. Значеніе Кіевской Академіи, Кіевъ 1904 г.

щинскій родомъ изъ Перемышля польскаго, что за Львовомъ» училъ въ инфимѣ и фарѣ Вятской семинаріи съ 1735 до 1738 г. (op. cit. 76—77 стр.); *Зѣмнѣцкій Софроній Ивановъ сынъ, родомъ изъ Золочева*, монахъ, а затѣмъ іеромонахъ, преподавалъ въ Черниговской коллегіи 1737 г.—піитику, 1738 г.—былъ префектомъ семинаріи и преподавалъ реторику, а въ 1739 г. онъ преподавалъ реторику уже въ Московской академіи (ibid. 33—34 стр.); въ той же Черниговской коллегіи преподавалъ въ 1737 г. — грамматику и синтаксисъ іеромонахъ *Пафнутій Захаржевскій изъ Львова* (ibid. 34 стр.). Въ 1740 г. доноситъ нижегородскій епископъ Іоаннъ Дубинскій въ Святѣйшій Синодъ, что «отъ преосвященнаго Рафаила, архіепископа Кіевскаго, по просительнымъ моимъ письмамъ чрезъ нарочно посланныхъ на моемъ коштѣ для такогожъ латинскаго діалекта обрѣтающихся при домѣ моемъ учениковъ обученія присланы два человѣка польской націи—*воеводства русскаго города Львова шляхетскія дѣти греческаго исповѣданія Василій Ѳеодоровъ сынъ Кунашевичъ, Никита Алексѣевъ сынъ Долганевской»*, учившіе въ его семинаріи грамматикѣ, риторикѣ и другимъ высшимъ наукамъ (op. cit. 46 стр.). Кромѣ этихъ исторически-личныхъ свидѣтельствъ объ участіи русскихъ Карпатянъ въ учебномъ дѣлѣ Россіи XVIII в. имѣются еще и вещественныя свидѣтельства — это наличность рукописныхъ латинскихъ конспектовъ богословія и богословско-схоластической философіи, составленныхъ львовскими, креховскими и лавровскими василіанами, обрѣтаемыхъ въ монастырскихъ библіотекахъ Югозападной Руси[1]). Эти рукописи, повиди-

1) См. Лилеева М. И. — Описаніе рукописей Черниговской духовной семинаріи, ркп. № 14; Лаврская библіотека въ Почаевѣ и библіотека Волын. духов. семинаріи въ Житомірѣ имѣютъ каждая по нѣсколько номеровъ такихъ конспектовъ... Укажемъ для примѣра по «Систематическ. каталогу» И. Тихомирова номера латинскихъ богословскихъ рукописныхъ конспектовъ, составленныхъ во Львовѣ, Креховѣ, Добромилѣ и Лавровѣ, обрѣтающихся въ Волынской духовной семинаріи: 1854—8, 1861—4, 1866—70, 1877, 1885, 1888, 1890, 1894, 1900, 1921, 1937, 1938, 1948, 1949, 1951 и 1955. — Въ той же библіотекѣ находятся еще рукописи того же содержанія и происхожденія изъ Загоровскаго монастыря. Это №№ 58, 59, 62—4, 140 и 340.

мому, были занесены въ югозападнорусскіе василіанскіе монастыри карпаторусскими монахами, или же списаны уже въ монастырскихъ лицеяхъ съ подлинниковъ и ихъ копій.

Дальше константированія факта, что карпаторусскіе учителя дѣйствовали въ архіерейскихъ и духовныхъ училищахъ Россіи XVIII в. намъ, пока, нельзя пойти. Зато дѣятельность карпаторусскихъ ученыхъ въ эпоху Александра I и Николая I, если и не особенно богата подагогическими успѣхами, все таки ознаменовалась рядомъ выдающихся событій. Такъ — карпаторусскіе ученые явились, наряду съ другими, одними изъ первыхъ піонеровъ высшаго образованія въ Россіи; они стояли за свободу изслѣдованія и ученія въ то время, когда эта свобода подвергалась свирѣпому гоненію со стороны необразованной и грубой бюрократіи; наконецъ они были первыми карпаторусами, старавшимися обратить вниманіе русскаго общества на его зарубежныхъ соплеменниковъ. Займемся обстоятельнѣе этимъ вопросомъ.

Желая имѣть въ новоучрежденныхъ училищахъ, Педагогическомъ институтѣ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ, опытныхъ педагоговъ съ высшимъ образованіемъ и владѣющихъ, хотя бы только отчасти, русскимъ литературнымъ языкомъ, организаторы высшаго образованія въ Россіи начала XIX в. (мин. народ. просвѣщ. Завадовскій, гр. Потоцкій, Новосильцевъ) обратили свое вниманіе — между прочимъ — и на Карпатскую Русь, для которой русскій языкъ не былъ чуждъ. Офиціальный вызовъ педагоговъ послѣдовалъ подъ конецъ 1803 г. Со стороны правительства дѣйствовали гр. Потоцкій и Новосильцовъ; на достойныхъ же приглашенія угрорусовъ указывалъ угрорусинъ, штабслѣкарь и гофхирургъ И. С. Орлай [1]). Для

1) См. «Матеріалы», письмо Орлая къ Виліе отъ 1 февр. 1873 г. и изданіе «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ» изд. 2-ое 1881 г. 183 стр., статью Н. В. Кукольника, и 202—205 стр., статью Н. Лавровскаго.

анятія мѣстъ въ новооткрытомъ с.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и учительской гимназіи были призваны Михаилъ Андреевичъ Балудьянскій[1]), Василій Григорьевичъ Кукольникъ[2]) и Петръ Дмитріевичъ Лодій[3]). Юристъ Балудьян-

---

1) Русскіе изслѣдователи историки, передавая мадьярское правописаніе Balugyanski, пишутъ Балугьянскій, забывая о томъ, что слово magyar, они передаютъ русскимъ, фонетически вѣрнымъ, *мадьяръ*.

Балудьянскій, Мих. Андр. (1769—1847 г.) уроженецъ Карпатской Руси (см. Русская Мысль 1880 г. мартъ ст. «Голосъ изъ Угорской Руси»), проходилъ гимназію и философію въ Уйгели и Кошицахъ, а университетъ кончилъ въ Вѣнѣ. Съ 1789—1796 г. онъ состоялъ учителемъ великоварадинской академіи, а 1796—1803 г. преподавалъ государственное право въ пештскомъ университетѣ. Съ осени 1803 г. онъ читалъ право въ педагогическомъ Институтѣ и работалъ въ комисіи Сперанскаго по составленіи свода законовъ. Продолжая свою педагогическую дѣятельность, онъ состоялъ 1809—1816 г. директоромъ законодательной комисіи и далъ цѣлый рядъ проектовъ; 1813—1817 г. преподавалъ политическія науки Николаю и Михаилу Павловичамъ, 1816—1819 года состоялъ деканомъ философски-юридическаго факультета педагогическаго института, а съ 1819—1821 г. былъ первымъ ректоромъ с.-петербургскаго университета. Съ 1826 г. онъ издавалъ вмѣстѣ со Сперанскимъ Сводъ Законовъ, выпустивъ раньше сочиненіе подъ загл. «*Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ*», которымъ положилъ основаніе русской политико-экономической терминологіи (см. Сухомлиновъ — Изслѣд. и статьи I, стр. 246). Послѣ изданія Свода Законовъ, Балудьянскій былъ назначенъ сенаторомъ и статсъ-секретаремъ. — См. статью П. Баранова — М. А. Балугьянскій... (біографическій очеркъ), Спб 1882 г. 44 стр. 8⁰.

2) Кукольникъ, Вас. Григ. (1765—1821 г.), происходилъ изъ окрестностей Мукачева, учился въ Львовской академіи и затѣмъ занялся изученіемъ агрономіи, плодомъ чего явились «Dzieło ekonomiczne» въ 5-ти частяхъ и 12 номеровъ журнала «Dziennik ekonomiczny». Впослѣдствіи принялъ мѣсто преподавателя математико-естественныхъ наукъ въ замостьскомъ лицеѣ, а съ осени 1803—1820 г. читалъ физику, а затѣмъ право въ Спб. педагогическомъ институтѣ. Въ это время онъ издалъ: Курсъ хозяйственныхъ свѣдѣній 1805 г., Экономическій Журналъ, 3 части — 1807 г., Начальныя основанія римскаго гражданскаго права и Начальныя основ. сельскаго домоводства 1810 г., Нач. основ. россійскаго частнаго гражданскаго права 1813 г., Частное гражданское право 2 части — 1816 г. и 2 части Руководства къ преподаванію римскаго права 1821 г. — Илья Андр. Безбородко ученикъ Кукольника, рѣшившись учредить высшее учебное заведеніе въ Малороссіи, поручилъ ему организацію своей гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, куда Кукольникъ и переѣхалъ въ августѣ 1820 г., какъ первый директоръ. — См. статью Н. Кукольника въ изданіи «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко» 2-ое изданіе 1881 г., 181—189 стр.

3) Лодій, Петръ Дмитр. (1764—1829 г.), угрорусинъ по происхожденію, преподавалъ 1787—1801 г. логику и метафизику во Львовскомъ университетѣ

скій и математикъ-философъ Лодій, состояли въ это время профессорами, первый—пештскаго, второй—краковскаго университетовъ и заявили себя солидными работниками науки. Кукольникъ же, занимавшійся первоначально теоретической агрономіей, преподавалъ въ это время математико-естественныя науки въ Замостьскомъ лицеѣ. Всѣ три угрорусина владѣли однимъ изъ русскихъ нарѣчій; по воспитанію же своему и образованію въ духѣ славяно-россійской школы—они знали и литературный славяно-россійскій языкъ, на которомъ профессоръ Лодій читалъ даже лекціи во львовскомъ университетѣ 1787—1801 г. и далъ переводъ философіи Баумейстера. Они и явились такимъ образомъ подходящими въ данное время людьми.

Примѣру С.-Петербургскаго педагогическаго института послѣдовалъ и Харьковскій университетъ, нуждавшійся въ 1805 г. сильно въ профессорахъ. Въ виду чего университетскій совѣтъ послалъ въ Угорщину своего члена Филиповича для совершенствованія въ наукахъ и найма учителей. Проф. Филиповичъ и нашелъ для Харькова 9 лицъ учителей изъ угорскихъ славянъ [1]),

---

на славяно-русскомъ и латинскомъ языкахъ; 1790 г. издалъ «Наставленія любомудрія» Хр. Баумейстера; 1801—1803 г. состоялъ профессоромъ философіи и математики въ Краковскомъ университетѣ. Перейдя въ Россію онъ читалъ логику, метафизику и нравственную философію въ педагогическомъ институтѣ 1803—1819 г, а право—естественное и частное, публичное и государственное въ высшемъ училищѣ правовѣдѣнія. Въ это время онъ далъ переводъ «Естественнаго права» Цейлера 1809 г., I-ю ч. «Уголовнаго права» Фейербаха 1810 г., «Логическія наставленія» 1815 г. и «Теорію общихъ правъ». Съ 1819 г. до смерти онъ состоялъ профессоромъ права и философіи въ Спб. университетѣ. См. Сухомлинова—Изсл. и статьи I, стр. 249 и сл; В. Григорьевъ—Импер. Спб. университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія, Примѣчаніе № 20.—«*Логическія наставленія, руководствующія къ назначенію и различію истиннаго отъ ложнаго*» профессора Спб. университ. Лодія признаны въ 1820 г. Ученымъ Комитетомъ «опаснѣйшими по нечестію и разрушительнымъ началамъ». Въ доносѣ въ Ученый Комитетъ, въ которомъ засѣдали Руничъ и Магницкій, было упомянуто и о томъ, что Лодій, превосходя открытостью нечестія и Куницына (автора «Права естественнаго») и Галича (професс. философіи въ Спб. унив. 1820 г.), занимаетъ въ университетѣ мѣсто декана и преподаетъ естественное право.—См. Скабичевскій: Очерки исторіи русск. цензуры, 1892 г. 132 стр.

1) См. Г. П. Данилевскій, Украинская старина, 306 стр.

между ними угрорусовъ: Павловича [1]), Дудровича [2]) и Билевичей [3]).—Дѣятельность этихъ лицъ, однако, была болѣе скромной, чѣмъ Балудьянскаго, Кукольника и Лодія. Это объясняется, какъ степенью ихъ образованія — на родинѣ они были обыкновенными учителями гимназіи, какъ Дудровичъ и М. В. Билевичъ, или же только кончили университетъ, какъ Павловичъ, а И. В. Билевичъ былъ только директоромъ народнаго училища— такъ и личнымъ характеромъ, сказавшимся особенно у М. В. Билевича въ охотѣ наживы и доносительства. Впрочемъ, по свидѣтельству Г. П. Данилевскаго (op. cit. 307 стр.) ректоръ Харьковскаго университета, И. Рижскій, предложилъ еще въ 1805 г., чтобы «стараться въ округѣ имѣть учителей изъ великороссіянъ, для избѣжанія того, дабы учащіеся не навыкли

1) Павловичъ, Конст. Павл., угорскій дворянинъ, род. 1782 г., окончилъ университетъ въ Пештѣ со степенью доктора свободныхъ художествъ и философіи 1805 г., а годъ спустя былъ вызванъ Филиповичемъ въ Россію и опредѣленъ учителемъ естественныхъ наукъ въ земли войска Донскаго, а затѣмъ въ харьковскую гимназію. Въ 1811 г. онъ читалъ въ харьковскомъ университетѣ, въ качествѣ адъюнкта, римское право. — См. Д. Багалѣй—Опытъ ист. харьков. университета, I, стр. 508.

2) Дудровичъ, Андр. Иван., родился около 1780 г., учился въ гимназіи въ Будѣ, а университетъ кончилъ въ Пештѣ, прослушавъ математику, физику, естественную исторію, технологію, философію, всемірную исторію, латинскую словесность, нумизматику, дипломатику и право. Затѣмъ онъ изучалъ угорское право и политическія науки въ Кошицахъ и сталъ присяжнымъ нотаріусомъ въ Пештѣ. Послѣ перехода въ Россію онъ преподавалъ въ Черниговской гимназіи (подлежавшей вѣдѣнію Харьковскаго университета) естественныя науки, технологію и коммерцію, въ Харьковъ же перевелся только въ 1811 г., какъ преподаватель вышеупомянутыхъ предметовъ и латинскаго языка въ высшихъ классахъ. Выдержавъ въ 1814 г. предписанный экзаменъ, онъ былъ избранъ адъюнктомъ по философіи, которую преподавалъ въ университетѣ уже съ 1812 г. — Багалѣй, op. cit. 509.

3) Билевичъ, Мих. Вас. проходилъ такъ называемую философію (высшую гимназію) во Львовѣ и Пряшевѣ 1799—1802 г., университетъ же прошелъ въ Пештѣ по юридическому факультету 1802—1806 г. Вызванный Харьковскимъ университетомъ въ Россію, онъ былъ назначенъ учителемъ философіи и латинскаго языка въ Новгородъ-сѣвер. гимназію, въ которой онъ впослѣдствіи преподавалъ и нѣмецкій языкъ и естественныя науки, «получая за усердіе въ службѣ повышеніе въ чинѣ». Благодаря содѣйствію И. С. Орлая, директора Гимназіи высшихъ наукъ, онъ былъ переведенъ въ Нѣжинъ учителемъ нѣмецкаго языка 1821 г. Выдержавъ экзаменъ на профессора политическихъ

неправильному произношенію россійскаго языка», — а «славянороссійскій» языкъ карпаторусовъ былъ навѣрно, не очень бѣденъ неправильностями произношенія. Въ виду чего и въ виду увеличенія мѣстныхъ культурныхъ силъ — приливъ карпаторусскихъ учебныхъ силъ въ Россію естественно долженъ былъ прекратиться. Къ тому же сама карпатская Русь перестала производить болѣе выдающіяся педагогическія силы—объ чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ исторія Казанскаго университета.

Послѣ разгрома Казанскаго университета «попечителемъ» Магницкимъ 1819—1820 гг., послѣдовало высочайшее повелѣніе: «для пополненія отыскать способныхъ профессоровъ и въ другихъ учебныхъ округахъ, предпочтительно же изъ русскихъ, а въ случаѣ недостатка выписать и изъ чужихъ краевъ, но токмо

наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, онъ сталъ старшимъ профессоромъ этого предмета въ той же гимназіи. (См. Архивъ Гимн. Высш. наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ 1823 г., Дѣло о чиновникахъ 146 л. и Дѣла 1820—1821 г. 292 л. и 315 л., Послужной списокъ Билевича).—Лекціи свои читалъ Билевичъ по сочиненіямъ де-Мартини, Кукольника (римск. и русск. гражд. право) и А. Смита (полит. эком.). Какъ общественный дѣятель, онъ былъ ретроградомъ въ родѣ Рунича и Магницкаго; на своихъ товарищей по гимназіи онъ доносилъ, что они распространяютъ вредныя идеи Канта и Шада (1827 г.).—См. Гимн. высш. наукъ и Лиц. кн. Безбородко, 1881 г., статью Н. Лавровскаго, стр. 70, 84 и сл.

Билевичъ, Ив. Вас. родился 1774 г. Окончивъ педагогическіе курсы во Львовѣ въ 1793 г., онъ учительствовалъ въ народномъ училищѣ въ Садагорѣ и Вашковцахъ, а затѣмъ служилъ повытчикомъ и переводчикомъ во Львовской губерніи. Съ 1798—1808 г. онъ былъ директоромъ главнаго народнаго нѣмецкаго и волошскаго училищъ въ Сочавѣ, откуда и переселился—по приглашенію Филиповича—въ Россію учителемъ нѣмецкаго и французскаго языка въ Курскую гимназію. Узнавъ отъ брата Мих. Вас., что съ его переходомъ на каѳедру политическихъ наукъ освободится каѳедра нѣмецкаго языка, Иван. Вас. проситъ Орлая о назначеніи его на это мѣсто. Мѣсто получилъ галицкій нѣмецъ, львовянинъ Зингеръ. Желая чѣмъ-нибудь наградить себя за потерю хорошаго мѣста И. В. Билевичъ проситъ Орлая въ 1824 г. о принятіи его сына казеннокоштнымъ пансіонеромъ гимназіи — въ чемъ тоже отказано. — [См. Архивъ Гимназ. высшихъ наукъ кн. Безбородко 1822 г. № 1, Дѣло о чиновникахъ 81 л., 84—87 л. послужной списокъ; 1823 г. Дѣло о чиновн. — прошеніе Билевича о каѳедрѣ нѣм. яз. 87 л.; 1824 г. Текущія дѣла 94—95 л. — письмо Билевича къ Орлаю о сынѣ. Журналъ конференціи 1824 г. 134 л. — отказъ; 1824 г. Исходящія бумаги, 6 л. и Дѣло о чиновн. 27—36 лл. и 74—75 л. дѣла Зингера].

не иначе, какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ» [1]). Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ, исполняя этотъ указъ, явился со слѣдующей докладной запиской: «для замѣщенія каѳедръ я обращался въ прочіе университеты наши, но въ оныхъ не нашлось желающихъ занять упомянутыя вакансіи [полит. экон., нат. ист., химіи и метал., теор. и опыт. физ., технол., анат., физіол. и судеб. врачебн. науки, врачебн. веществословія и фармаціи, хирург., повивальн. искуст., скотолеч., греч. словесн., древности и лат. словес.]. За симъ слѣдовало бы обратиться, какъ доселѣ бывало, къ Германіи, но въ настоящее время, по существующему тамъ духу, не предвидится въ томъ пользы. *Одинъ народъ, отъ котораго можно намъ желать ученыхъ, есть карпато-россы, говорящіе однимъ съ нами языкомъ и сохраняющіе вѣру предковъ нашихъ, которая защищаетъ доселѣ племена Славянскія отъ духа философизма.* Но извѣстно, что правительство Австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ Карпато-Россовъ съ нами. Профессоры, кои изъ сей націи занимаютъ въ здѣшнемъ университетѣ [С.-Петербургскомъ] каѳедры, не могли по сей причинѣ сохранить связей съ своимъ отечествомъ и опасаются даже перезывать изъ него сюда людей. Одинъ слѣдовательно остается для сего способъ — непосредственное сношеніе правительствъ. По сему пріемлю смѣлость испрашивать, не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, дабы Министерство наше Иностранныхъ Дѣлъ вошло въ сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ, для пріобрѣтенія ученыхъ изъ Карпато-Россовъ къ занятію въ Казанскомъ университетѣ праздныхъ каѳедръ». Было соизволено [2]) — впослѣдствіи, однако, профессоровъ изъ карпаторусовъ въ Казанскомъ университетѣ не оказалось.

---

1) См. Н. П. Загоскинъ—Исторія импер. Казанскаго универ., Каз. 1904 г. III т., 311 стр.

2) Сборникъ постановленій по Министерству Народн. Просвѣщенія, т. I, стр. 1357—1358, № 469.

Новые выходцы изъ Карпатской Руси не появлялись въ Россіи, продолжали дѣйствовать только раньше вызванные, Балудьянскій и Лодій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи. Послѣ смерти В. Г. Кукольника 1821 г. мѣсто директора Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ получилъ придворный докторъ И. С. Орлай[1]). Мы и остановимся на дѣятельности этихъ лицъ.

Правительство Александра I, отличавшееся большимъ либерализмомъ въ первое десятилѣтіе его царствованія, стало постепенно — подъ вліяніемъ западноевропейскихъ событій — переходить къ реакціи, которая послѣ отечественной войны и событій 1813—1815 гг. окончательно и воцарилась на русскомъ дворѣ.

---

1) Иванъ Семеновичъ Орлай родился въ Угорской Руси 1770 г., оставивъ мѣсто учителя гимназіи въ Вел. Карловцахъ въ Угорщинѣ, весной 1791 г. прибылъ въ Россію, гдѣ и учился въ Спб. медико-хирургическомъ училищѣ до 1793 г. (Проф. Кочубинскій въ соч. «Начальные годы русск. славяновѣдѣнія» 228—229 стр. ошибочно утверждаетъ, что Орлай былъ вызванъ въ Россію Новосильцевымъ въ 1804 г.). Послѣ окончанія мед.-хирур. училища Орлай состоялъ военно-больничнымъ врачемъ, а затѣмъ помощникомъ ученаго секретаря Медицинской коллегіи. Получивъ правительственную стипендію, Орлай изучаетъ медицину въ вѣнскомъ университетѣ 1794—1797 г. Возвратившись въ С.-Петербургъ, онъ прошелъ всю учено-чиновничью лѣстницу, отъ больничнаго врача до директорства въ Нѣжинской гимназіи 1821—1826 г. и въ одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ 1826—1829 г., онъ былъ: штабсъ-лѣкаремъ, помощникомъ лейбъ-медика, ученымъ секретаремъ Мед.-хирур. Академіи, гофмедикомъ, сотрудникомъ придворнаго доктора бар. Виліе по изданію «Полевой Фармакопеи», членомъ многихъ ученыхъ обществъ въ Россіи и Германіи, почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и дѣйствительнымъ членомъ Общества ист. и древн. россійскихъ — За границу онъ ѣздилъ 1806 г. для полученія степени магистра словесныхъ наукъ и доктора философіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ, а затѣмъ 1810 г. и около 1820 г. — До полученія мѣста директора въ Нѣжинѣ онъ думалъ о каѳедрѣ медицины въ Московскомъ университетѣ, что, однако, бар. Виліе отсовѣтовалъ ему.—(См. Арх. Гимн. высш. наукъ въ Нѣжинѣ: 1820 г. 265 л. Копія указа министру А. Н. Голицыну отъ 16 сент. 1821 г. о назначеніи Орлая директоромъ гимназіи; 1822 г. дѣло «О чиновникахъ» № 1, л. 63 и сл. Послужной списокъ Орлая; 1824 г. «Текущія бумаги» 83—84 л. и 86 л. Вопросъ о каѳедрѣ въ Моск. университетѣ. — Эти матеріалы были использованы Н. Лавровскимъ и Н. В. Кукольникомъ въ изданіи «Гимназія высш. наукъ и Лицейки-Безбородко», Спб. 1881 г. 40—53, 61—63, 183, 202—205 стр.—Объ Орлаѣ — директорѣ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ говоритъ Н. Н. Мурзакевичъ въ своей «Автобіографіи». Спб. 1886 г. 79—81 стр.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ послѣдствій этой реакціи явились разгромъ Казанскаго университета и судъ надъ профессорами С.-Петербургскаго университета—Раупахомъ, Германомъ, Галичемъ и Арсеньевымъ. Эти профессора обвинялись въ распространеніи безбожія, противогосударственныхъ началъ, словомъ въ порчѣ молодежи [1]). Профессорскій судъ, въ присутствіи попечителя университета Рунича, состоялся въ 1821 г. Ректоромъ университета былъ въ то время проф. Балудьянскій, въ судѣ же принималъ участіе и деканъ — юридическаго факультета проф. философіи Лодій. Оба профессора угрорусина выступаютъ, вмѣстѣ съ остальнымъ незначительнымъ большинствомъ профессоровъ нѣмцевъ и нѣсколькихъ русскихъ, въ защитѣ обвиненныхъ, т. е. въ защитѣ попранной свободы университетскаго преподаванія и научнаго изслѣдованія [2]). Это выступленіе Балудьянскаго и Лодія является нынѣ шагомъ большого значенія, такъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ, что австро-угорская Русь начала XIX в., хотя и была уже заражена духомъ рабскаго лоялизма и фанатическаго клерикализма, все же таки — подъ вліяніемъ нѣмецкаго философскаго критицизма (Балудьянскій учился въ Вѣнѣ, Лодій же былъ поклонникомъ философіи Вольфа) успѣла дать выдающихся защитниковъ свободы человѣческаго духа. Если же вспомнимъ, какія надежды возлагалъ министръ Голицынъ въ своей докладной запискѣ государю на карпаторусовъ, чуждыхъ «духа философизма», такъ мы и убѣдимся, что Балудьянскій и Лодій, не оправдавъ надеждъ реакціоннаго правительства, явились лучшими представителями прогрессивныхъ элементовъ своей родины.

Не лишнимъ будетъ упомянуть, что Балудьянскій, Кукольникъ, Лодій и Орлай оставались въ довольно близкихъ сноше-

---

1) См. Сухомлиновъ—Изслѣдованія и статьи I, 307—337 стр. Истор. записка проф. Паисова.

2) Ibidem, объ участіи Балудьянскаго въ дѣлѣ профессоровъ Спб. университета 303—305, 311, 313, 315, 319, 323, 331—332 стр.; объ участіи Лодія 311, 315, 319—320 стр.

ніяхъ со Сперанскимъ, принимая вмѣстѣ съ нимъ живое участіе въ дѣятельности Библейскаго Общества, масонской с.-птб. ложи и либеральныхъ кружковъ. — Лодій же посовѣтовалъ Сперанскому вызвать изъ Львова масона Фесслера и былъ свидѣтелемъ принятія Сперанскаго въ ложу 1810 г.[1]).

Къ характеристикѣ дѣятельности Лодія слѣдуетъ прибавить еще то, что онъ, по свидѣтельству намѣстника львовскаго василіанскаго монастыря — В. Компаневича, обогатилъ монастырскую библіотеку цѣнными пожертвованіями въ книгахъ[2]). Оба же дѣятеля вмѣстѣ съ Кукольникомъ и Орлаемъ, оставались въ сношеніяхъ съ василіанскимъ игуменомъ во Львовѣ Модестомъ Гриневецкимъ[3]).

Самую живую, однако, дѣятельность направленную преимущественно къ тому, чтобы познакомить русское общество съ положеніемъ своей родины, проявилъ угрорусинъ И. С. Орлай. Онъ былъ причастенъ къ вызову карпаторусскихъ ученыхъ— Балудьянскаго, Кукольника и Лодія—въ Россію; а самое главное—онъ далъ двѣ статьи по исторіи Карпатской Руси и вошелъ въ сношенія съ современными учеными этнографами, Ходаковскимъ и Кеппеномъ, и такимъ образомъ содѣйствовалъ пробужденію интереса у русскихъ ученыхъ къ Карпатской Руси.

Во II-ой книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» 1804 г. появилась статья «Исторія о Карпато-Россахъ, или о переселеніи Россіянъ въ Карпатскія горы и о приключеніяхъ, съ ними случившихся». Редакція журнала, помѣщая статью, напечатала слѣдующее заявленіе: «Сію статью получили мы отъ надворнаго совѣтника Орлая, одного изъ карпатороссіянъ, служащихъ нынѣ при вы-

---

1) См. А. Н. Пыпинъ.—Общественное движеніе... [1] стр. 303—311.

2) См. письмо В. Компаневича къ М. П. Погодину отъ 23 февр. 1837 г. въ «Письмахъ изъ слав. земель» 533 стр.

3) Ibidem.

сочайшемъ дворѣ штабъ-лѣкаремъ. Сообщаемъ оную нашимъ читателямъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что они конечно не равнодушно читать будутъ извѣстія о своихъ единоплеменникахъ, о коихъ наши историки весьма мало упоминаютъ».—Оставляя пока въ сторонѣ «филологическія» разсужденія Орлая, въ которыхъ онъ старается, на основаніи звукового сходства отдѣльныхъ словъ, опредѣлить происхожденіе названій «Русь — Варяги — Угры», мы остановимся только на его историко-общественныхъ выводахъ. Итакъ—Орлай утверждаетъ, что предками Угорской Руси являются кіевскіе русичи, вызвавшіеся провожать мадьяръ въ Паннонію черезъ Волынь и Галичину за Карпаты, поселившіеся въ окрестностяхъ Оросъ-Варъ. Это произошло подъ конецъ IX в. Впослѣдствіе переселенія русскихъ въ Угорщину происходили еще въ 1113 г. (Оросъ-Фалва), 1285 г. въ Шаришскую землю, 1299 г. въ Мукачевское княжество и въ 1339 г. подъ начальствомъ князя Ѳеод. Коріатовича [1]). Русскіе переселенцы, однако, пользовались наравнѣ съ мадьярами и куманами одинаковыми правами завоевателей земли [2]), а только со временемъ мадьяры «не признали ихъ за своихъ союзниковъ и лишили ихъ тѣхъ правъ, на коихъ основывался общій договоръ для пріобрѣтенія земель» [3]). На основаніи этихъ посылокъ, Орлай приходитъ къ слѣдующему выводу [4]). «Карпатороссіяне, лишась отечества, закона прародительскаго, свободы славянскому благородству свойственной, платятъ нынѣ за неосновательныя предпріятія праотцевъ своихъ, переселившихся изъ Россіи въ вольную Паннонію, кажется, только для того, чтобы невиннымъ образомъ отторгнутые отъ тѣла своего, служили по слабости своей посмѣяніемъ сильному другому народу. Сколь непостояненъ жребій народовъ, и что переселенія не были полезны потомкамъ,

1) См. «Сѣверный Вѣстникъ» 1804 г., кн. II, стр. 158—172 и кн. III, стр. 263 и сл. и перепечатка въ «Матеріалахъ». стр. 56—83.

2) Ibidem II, 171 стр.

3) Ibidem II, 172 стр.

4) Ibidem III, стр. 281—293.

еще и теперь намъ доказываетъ Молдавія и Валахія, населенныя повелителями міра римлянами, подпавшими нынѣ подъ иго тѣхъ народовъ, коихъ они называли варварами. Сего жребія должны ожидать и Американскіе переселенцы, кои съ хорошимъ намѣреніемъ переселены; но кто можетъ отвѣчать за непостоянство сего благоденствія и за всегдашнюю ихъ связь съ Метрополіею? Такъ отдѣлялись отъ своего тѣла и другіе народы, и *погибоша яко Обри* (какъ говоритъ Несторъ). *Чѣмъ народъ единоплеменнѣе и болѣе сосредоточенъ, тѣмъ онъ единомысленнѣе, сильнѣе и важнѣе; чѣмъ болѣе находится между имъ иноплеменныхъ, тѣмъ болѣе несогласій, неудачи въ предпріятіяхъ, какъ въ Турціи, въ Австріи. Потому то гораздо полезнѣе народъ одного племени усредоточить, нежели часть его переселять; выгоднѣе смежныхъ единоплеменниковъ соединять, нежели искать владѣній въ отдаленности*... Я же съ моей стороны надѣюсь, что сіе краткое начертаніе подастъ поводъ Русскимъ Писателямъ подробнѣе войти въ сіе столь по моему мнѣнію достопамятное происшествіе переселенія Карпато-Россіянъ, для пополненія Россійской исторіи, не отрекаясь и далѣе любезнымъ моимъ соотечественникамъ съ моей стороны служить въ открытіяхъ путей сокровенныхъ по части сей, если дойду только до прямого источника».

Свое обѣщаніе Орлай сдержалъ вполнѣ. Будучи избраннымъ въ члены соревнователи Имп. Общества исторіи и древностей россійскихъ въ 1815 г., онъ послалъ въ Общество статью «на польскомъ языкѣ касательно жителей Малой Россіи, сирѣчь бѣлой, червонной и черной Россіи — которую — опредѣлено разсмотрѣть въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій» [1]). Съ этого времени начиная, частыя сношенія Орлая съ Обществомъ ист. и древ. рос. не прекращаются. Онъ направлялъ въ Общество записки, рукописи и книги, относящіяся преимущественно къ

1) См. Записки Общества ист. и древ. росс. засѣд. 1-ое отъ 9 Февр. 1815 г. 12 стр.

исторіи Югозападной Руси[1]), а въ 1824 г. письмо-статью «*О Югозападной Русіи*», напечатанную въ «Трудахъ и запискахъ Общества ист. и древн. росс.» 1826 г. I, стр. 220—228[2]).

Эта статья оказывается болѣе широко задуманной и болѣе живой, чѣмъ первая въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Орлай старался въ ней обратить вниманіе русскаго общества, въ первомъ же ряду — членовъ историческаго Общества, на нѣкоторыя неправильности въ сочиненіяхъ русскихъ историковъ относительно судебъ Южной Руси. Къ этимъ неправильностямъ принадлежатъ: употребленіе названія «венгры» — съ польскаго węgorz (!) —

1) Укажемъ на главнѣйшіе предметы сношеній: въ 3-мъ засѣданіи Общества отъ 16 іюня 1815 г. было читано отношеніе Орлая съ приложеніемъ латинской книжки, содержавшей нѣкоторые законы Силезскихъ славянъ и 10-ти латинскихъ и нѣмецкихъ сочиненій 1590—1798 гг. Въ 7-омъ засѣданіи отъ 29 Февр. 1824 г. было «читано письмо д-ра И. С. Орлая къ г. секретарю Общества, въ коемъ помѣщены любопытныя свѣдѣнія о нашихъ однородцахъ карпатороссахъ, говорящихъ Кіевскимъ Русскимъ нарѣчіемъ, къ сему письму присоединены: 1) Проектъ князя Сапеги (копія на польскомъ съ переводомъ) объ уничтоженіи греко-росс. исповѣданія, 2) Образчикъ Чермнорусскаго Галичскаго нарѣчія [это письмо З. Д. Ходаковскаго къ Орлаю отъ 15 стычня 1820 г.— было напечатано какъ приложеніе Б.) въ протоколахъ 7 засѣданія Общества за 1824 г.], отдѣльно же—Хроника, писанная 1670 г. [это Кройника густынскаго монастыря, см. Полн. собр. русск. лѣтоп.], 2) Замѣчанія о Малороссіи съ 25-ью раскраш. изображеніями сословныхъ представителей отъ гетмана до крестьянина, 3) три статьи касательно запорожскихъ казаковъ [2)—3) опредѣлено отдать д. ч. Д. Н. Бантышъ-Каменскому на разсмотрѣніе: замѣчанія Бантышъ-Каменскаго были напечатаны, какъ приложеніе А) къ протоколамъ за 1824 г.], 4) Славинская миѳологія по нѣмецки Кайсарова и 5) указы конца XVII в. о собираніи травъ и доставленіи ихъ въ Аптекарскій магазинъ.— Въ 11-мъ засѣданіи того же года была получена отъ Орлая рукопись Ригельмана о Донскихъ казакахъ, о казакахъ малороссійскихъ и 8 грамотъ малоросс. гетмановъ. — Въ 1826 г. въ засѣданіи отъ 28 янв. разсматривается рукопись «Поученія митрополита Фотія» (жившаго въ XV в.), подаренная Орлаемъ; въ засѣд. же отъ 26 марта поспѣваетъ отъ Орлая «Краткое описаніе православ. монастыря на горѣ Чернекъ близъ Мункача», а въ засѣд. отъ 17 мая было получено Обществомъ сочиненіе «Scriptores rerum Moscovitarum».—См. «Записки» и «Лѣтописи Общества» за указанные годы.—Въ изданіи же Строева—«Библіотека Имп. Общества ист. и древ. росс.» М. 1845 г. I, № 200 «Исторія... о листрійскомъ... ферарскомъ соборѣ» и книга «Трактъ или путь изъ Цареграда до Іерусалиму и до иныхъ святыхъ мѣстъ» 123 стр. значатся подаренными Орлаемъ въ библіотеку Общества.

2) См. «*Матеріалы*» 41—46 стр.

вмѣсто русскаго «угры». Карпатская Русь не Польша, въ виду чего русскіе ошибаются, наполняя эту Русь въ своихъ географическихъ, статистическихъ и описательныхъ сочиненіяхъ «болѣе поляками, нежели природными ея жителями русскими» (op. cit. 223 стр.). Такъ же неестественнымъ является и то, что «самые писатели русскіе галицкіе и поднесь еще не приняты въ число русскихъ писателей, каковыми они въ самомъ дѣлѣ были, а причислены къ литературѣ польской: я здѣсь говорю о Зиморовичѣ, котораго рукопись хранится въ Львовскомъ монастырѣ [1]); объ Окшичѣ Ореховскомъ . . . о Хоткевичѣ [2]) и многихъ другихъ . . .» (224 стр.). Не менѣе важно заняться русскимъ историкамъ разборомъ богатаго архивнаго матеріала, хранимаго въ галицкихъ городскихъ архивахъ, такъ какъ съ его помощью можно будетъ пролить много свѣта на исторію Руси вообще. Обративъ наконецъ вниманіе на сродство карпаторусовъ съ малорусами (225 стр.), Орлай излагаетъ судьбы своей родины — Угорской Руси, сохранившей по его мнѣнію—древнерусское нарѣчіе «гораздо чище нынѣшняго кіевскаго» и кончаетъ свое письмо слѣдующими знаменательными словами: «Всѣ сіи обстоятельства, будучи достойны вниманія всякаго благонамѣреннаго русина и истиннаго сына отечества своего, доказываютъ необходимость вникать въ дѣла Южной Россіи со всевозможнымъ тщаніемъ, что найпаче предлежитъ сдѣлать гг. членамъ Историческаго Общества, и дабы можно было достигнуть въ преднамѣреваемомъ успѣха, должно имѣть непосредственныя сношенія съ вышеозначенными мѣстами».

Необходимость познакомиться сѣвернорусамъ съ историческими судьбами Карпатской Руси была, повидимому, любимой мечтой Орлая, такъ какъ изложенные выше выводы находимъ и въ его отвѣтѣ попечителю Харьковскаго учебнаго округа,

---

1) Хроника г. Львова.

2) Должно быть Ходикевичѣ Климентѣ, бывшемъ профессоромъ богословія во Львовѣ издавшемъ около 1747 г. «Dissertationes historico-criticae de episcopatu Leopoliensi ritus graeci».

предложившему основать историческое общество при Нѣжинской гимназіи [1]).

Совѣтуя сѣвернорусскимъ историкамъ знакомиться съ Карпатской Русью, самъ Орлай сохранилъ тѣсныя сношенія съ своей родиной до конца жизни: онъ посѣщалъ неоднократно Австрію, снабжалъ пряшевскую семинарію книгами, переписывался съ старшими угрорусами и принималъ близкое участіе въ развитіи младшихъ земляковъ. О послѣднемъ свидѣтельствуютъ лучше всего письмо къ Орлаю угрорусина Ляцкова и статья о Карпатской Руси И. Бережанина [2]), полученная Орлаемъ въ Вѣнѣ 1827 г. и переданная П. И. Кеппену въ 1828 г.

Дѣятельность Орлая въ Россіи можно опредѣлить—на основаніи вышеизложеннаго—какъ одно изъ самыхъ живыхъ культурныхъ звеньевъ, соединявшихъ въ 1-ую треть XIX в. Карпатскую Русь съ Россіей. Балудьянскій и Лодій явились только представителями науки, за свободное развитіе которой они достойно ратовали. Въ общественной же дѣятельности они были довольно робки. Лодій подарилъ, правда, библіотекѣ львовскаго святоонуфріевскаго монастыря собраніе историческихъ книгъ, но вмѣстѣ съ Балудьянскимъ не совѣтовалъ министру Голицыну входить въ непосредственныя сношенія съ Карпатской Русью, боясь навлечь на своихъ земляковъ преслѣдованія со стороны австрійскаго правительства. Не такъ отнесся къ этому вопросу Орлай. Непосредственное знакомство съ Карпатской Русью онъ считалъ необходимымъ источникомъ надлежащаго развитія русской исторіи, чему и посвятилъ лучшія страницы своей дѣятельности.

Продолжателемъ дѣятельности Орлая въ Москвѣ явился его землякъ Юрій Ивановичъ Гуца-Венелинъ. Венелинъ, подобно

1) См. Матеріалы, 36—41 стр.

2) См. Матеріалы, 46 стр. и слѣд.

Орлаю, кончилъ гимназію и такъ называемую философію на Угорщинѣ—въ Ужгородѣ и Сатмарѣ. Вписавшись во Львовскій университетъ 1822 г., онъ занимался древней исторіей и источниками по исторіи славянъ. Въ 1823 г. онъ оставилъ Львовъ и отправился въ Россію. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Кишиневѣ онъ перебрался въ Москву, гдѣ поступилъ на медицинскій факультетъ и окончилъ его въ теченіе четырехъ лѣтъ со степенью врача 1829 г. Въ это время, однако, онъ продолжалъ заниматься древнѣйшей исторіей славянъ, особенно же болгаръ и, благодаря этимъ занятіямъ, вошелъ въ очень близкія сношенія съ Погодинымъ и кружкомъ московскихъ историковъ. Разносторонняя ученая дѣятельность Венелина, какъ историка и граматика болгаръ, знатока славянской этнографіи и археологіи и кандидата на профессора славистики въ Московскомъ университетѣ, не входитъ въ кругъ предлежащей работы. Для насъ важна роль Венелина въ сношеніяхъ Карпатской Руси съ Россіей. Этимъ и займемся.

Въ 15-мъ номерѣ «Московскаго Вѣстника» 1828 г. появилась слѣдующая замѣтка Погодина: «Венелинъ... природный карпатороссъ, коротко знающій Венгрію, Трансильванію, Галицію, Болгарію, обѣщалъ намъ доставлять свѣдѣнія обо всемъ, относящемся до сихъ странъ» (278 стр.). Напечатанное при жизни Венелина († 1839 г.), не содержало почти ничего болѣе важнаго, что̀ относилось бы непосредственно къ Карпатской Руси. Несмотря, однако, на это, мы вправѣ — на основаніи сохранившагося рукописнаго матеріала—заключить, что Венелинъ навѣрно въ значительной степени содѣйствовалъ знакомству московскихъ учено-литературныхъ круговъ съ Карпатской Русью. Больше же всего, кажется, воздѣйствовалъ онъ въ этомъ отношеніи на своихъ сверстниковъ—молодежь, которая—по свидѣтельству Погодина—очень его любила [1]). — Въ бумагахъ Венелина, хра-

---

1) См. Барсуковъ—Жизнь и труды Погодина, V, стр. 36.

нящихся въ библіотекѣ «Общества ист. и древ. росс.» [1]) и въ Румянцевскомъ Музеѣ, находимъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ Южной и Карпатской Руси. Къ послѣднимъ принадлежатъ: № 38. Нѣсколько словъ о Россіянахъ Венгерскихъ и также одно словцо историческое о православной греко-восточной церкви въ Венгріи, 10 л. F⁰, составлено въ Кишиневѣ около 1823—24 г.; № 15. Мадьярскія слова, взятыя изъ русскаго языка, 1 л. F⁰ и № 98. Пословицы карпаторусскія 1 л. F⁰ [2]).

Главныя мысли, высказанныя Венелиномъ въ этихъ статьяхъ, сводятся къ слѣдующему: Угорская Русь одного происхожденія съ Кіевской, Волынской и Галицкой частями древней Руси. Такъ какъ она отошла отъ общерусскаго центра — она и пала: часть можетъ существовать только въ цѣломъ, но никакъ не самостоятельно (№ 38).—Хотя южане и сѣверяне отличаются другъ отъ друга многими чертами, все-жъ-таки ни сѣверяне, ни южане сами себѣ источникомъ быть не могутъ, ибо сколько они не войдутъ въ самихъ себя, все выйдетъ одно и то же. Само собою разумѣется, что источникомъ многаго хорошаго, многаго поэтическаго для Сѣверной Руси есть Южная, источникомъ для Южной— Сѣверная. Одна безъ другой много бы потеряла; одна другою только и можетъ улучшиться, существовать: ибо ни та, ни другая не составляетъ цѣльнаго народа, а часть его. Такимъ образомъ и народная поэзія южанъ весьма много хорошаго можетъ сообщить Сѣверу, можетъ сообщить свою теплоту чувствъ, свою жизненность, свою драматургію. Обоюдный источникъ богатый, двадцати-милліонный! Какъ не порадоваться! — пишетъ Венелинъ въ книжкѣ «Объ источникѣ народной поэзіи вообще, и о южнорусской въ особенности» (Москва 1834 г. 55—56 стр.). Одно изъ лучшихъ звеньевъ, соединяющихъ отдѣльныя части

---

1) См. Е. И. Соколовъ—Библіотека Общества ист. и древн. россійскихъ, Москва, 1905 г. стр. 567—596: Бумаги Ю. И. Венелина, и отдѣльный оттискъ изъ «Чтеній» 1899 г.

2) Эти статьи напечатаны нами въ «Матеріалахъ» 86—120 ст. вмѣстѣ со статьей № 10 Объ украинскомъ правописаніи 7 стр. F⁰.

русскаго народа находитъ Венелинъ въ правописаніи, которое «должно быть постоянно: писать какъ уже разъ принято и повсемѣстно писать одинаково — тѣмъ болѣе, что — правописаніе, принятое русскою литературою принадлежитъ не одной Сѣверной Руси, но и Южной: поэтому оно русское не по преимуществу, но общерусское». — Не то говоритъ Венелинъ о великорусскомъ нарѣчіи, какъ о литературномъ общерусскомъ: оно литературное общерусское par exellence, подобно какъ французскій langue d'oïl, завладѣвшій наукой, литературой и образованнымъ обществомъ вмѣсто langue d'oc. И народъ понималъ это громадное значеніе единаго литературнаго языка, стремясь инстинктивно къ объединенію. «Бѣда—заключаетъ онъ—когда мѣлкій языкъ раздробленъ на нарѣчія; тамъ тогда на всякой почти десятой верстѣ находятся карантины и таможни, препятствующія обмѣну мыслей и ощущеній. Такой народъ не можетъ развиваться и ознаменовать свое бытіе на поприщѣ историко-политическомъ» (№ 10).

Если Венелинъ знакомилъ московскихъ ученыхъ и литераторовъ съ Карпатской Русью, то выводы объ единоплеменности и о культурно-литературныхъ связяхъ играли въ этомъ знакомленіи не ничтожную роль. Въ этомъ отношеніи Венелинъ не только продолжалъ начатое своимъ землякомъ Орлаемъ дѣло, но и превзошелъ его, такъ какъ расширилъ и старался обосновать вопросъ объ единствѣ русскихъ племенъ, что̀ и должно было только усилить ученый интересъ сѣвернорусовъ — непосредственно познакомиться съ Карпатской Русью.

Сравнивая начала, на какихъ происходили сношенія Карпатской Руси съ Россіей кон. XVIII и въ нач. XIX в., мы убѣждаемся, что на смѣну первоначальному древнему единовѣрію появились новыя начала: народъ, несшій непосильное иго панщины и австрійско-мадьярскаго бюрократизма, мечталъ о льготахъ и свободѣ и сталъ надѣяться на могущественнаго россійскаго импе-

ратора, какъ на своего освободителя. «Заступались вѣдь московскіе государи за вѣру благочестивую православныхъ подданныхъ тогдашней Польши, отчего-жъ бы и россійскимъ царямъ не заступиться за бѣдный народъ?» — На мѣсто древнихъ монаховъ—просителей и жалобщиковъ, радѣвшихъ только о благочестивой вѣрѣ, въ Россіи появились карпаторусы, ученые и образованные люди новаго вѣка. Они и принесли новое начало, одушевлявшее уже съ конца XVIII в. лучшую часть Западной Европы. Этимъ началомъ были племенное самосознаніе, любовь родины—ея свѣтлаго прошлаго и будущаго, желаніе возвратить родинѣ прошедшую славу и мощь. Вотъ причины, почему на смѣну единовѣрью появились толки и доказательства объ единоплеменности.

Источникъ идеи объ единоплеменности, выдвинутой въ Россіи столь опредѣленно угрорусскими дѣятелями, слѣдуетъ искать въ современномъ умственномъ движеніи среди югозападнаго славянства. Угорскіе сербы, проживавшіе и учившіеся подъ конецъ XVIII и въ началѣ XIX в. въ Пештѣ и другихъ городахъ Угорщины, были вѣдь проникнуты и воодушевлялись симпатіями къ Россіи, какъ единственной независимой славянской державѣ. Тѣ же симпатіи были у словаковъ и чеховъ, посѣщавшихъ пештскій и вѣнскій университеты. Понятно, что эти симпатіи не могли не отразиться въ міровоззрѣніи горстки угрорусскихъ студентовъ, выступавшихъ впослѣдствіи первыми сознательными народными дѣятелями. Не безъ значенія, навѣрно, остались и симпатіи къ Россіи народной массы, изъ которой вышли эти дѣятели.

Съ другой же стороны нельзя обойти молчаніемъ усиленныя изслѣдованія по исторіи, этнографіи и языку народа, вызвавшія—какъ среди славянъ, такъ и неславянъ — на границѣ XVIII и XIX вв. болѣе или менѣе ясное сознаніе о племенномъ родствѣ отдѣльныхъ племенныхъ группъ и сознаніе о необходимости національнаго и племенного единенія. Укажемъ только на чешско-словацкое возрожденіе, зарожденіе южнославянскаго иллиризма и наконецъ на славянскую взаимность. Въ томъ же самомъ слѣ-

дуетъ намъ искать источникъ идей и выводовъ о племенномъ единствѣ Карпатской Руси — кромѣ Южной — и съ Сѣверной. Вѣдь изученіе древней Руси указывало на общее историческое начало, на общіе литературные памятники, на одинъ литературный языкъ — на сѣверѣ до половины XVIII в., въ Карпатской же Руси и понынѣ (нач. XIX в.). — Вотъ все то, что̀ угрорусамъ давало право выступить съ положеніемъ о племенномъ единствѣ ихъ родины съ Россіей. И хотя уже тогда нѣкоторые сѣверно-русскіе современники, а тѣмъ болѣе ученые южнорусы, возставали противъ этого, замѣчая: «Вишь, какихъ русаковъ открылъ намъ!», такъ угрорусы вполнѣ спокойно отвѣчали имъ: «Да, русаковъ по ихъ родинѣ, по ихъ происхожденію, по ихъ крови, а не по нынѣшнему ихъ языку, вѣрѣ и чувствованіямъ [1])».

Одушевленные этимъ открытіемъ, сознательные угрорусы стремились интегрировать то, что̀ историческая жизнь разбила на частицы, желая такимъ способомъ сообщить своему мелкому, прибитому народу прежнее значеніе и новыя силы культурной жизни. Нареканія и жалобы на раздѣленность и на происшедшій отъ нея для Карпатскаго племени вредъ — съ одной стороны, указанія же на величіе и мощь древней княжеской Руси и нынѣшней Россіи — съ другой, внушали невольно мысль о причинно-послѣдовательной связи народнаго преуспѣянія и его политически-государственной независимости. Угрорусы не дошли, правда, до тѣхъ выводовъ, такъ какъ интересовались преимущественно вопросами исторіи, литературы и языка — поэтому они и заговорили только о племенномъ единствѣ. Это единство должно было — по ихъ мнѣнію — найти себѣ главное выраженіе въ общемъ литературномъ языкѣ и культурномъ развитіи. Замѣтить однако слѣдуетъ, что угрорусы, говоря о племенномъ единствѣ — родствѣ, были далеки отъ мысли подчинять свою Карпатскую или Южную Русь — Сѣверной, какъ «самой старѣйшей»

1) См. Ю. И. Венелинъ — О спорѣ между Южанами и Сѣверянами на счетъ ихъ Россизма. Москва 1848 г. 9 стр.

или «настоящей» Руси. Русскія племена — по ихъ выводамъ — равноправные наслѣдники древней Руси.

ГЛАВА II.

(Интересъ къ славянству въ Россіи. Кеппенъ, Погодинъ и Срезневскій въ Карпатской Руси. Журнальныя статьи. Переписка и сношенія карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными. Чисто-научный характеръ этихъ сношеній въ первую половину XIX в. Значеніе русской науки въ умственномъ движеніи Галицкой Руси).

Уже дѣятельность угрорусовъ Орлая и Венелина могла явиться достаточной, чтобы вызвать въ русскихъ ученыхъ кругахъ историковъ и этнографовъ живой интересъ къ судьбамъ Карпатской Руси. Кромѣ нея, однако, въ 1-ую треть XIX в. появилось довольно много другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, заставившихъ русскихъ историковъ, этнографовъ и языковѣдовъ обратить вниманіе и на Карпатскую Русь. Итакъ: первоисточники русской старины — лѣтописи и литературные памятники знакомили сѣвернорусскихъ ученыхъ съ Южной Русью, колыбелью русской державы и культуры. Тѣ же памятники посвящали не мало упоминаній и самой отдаленной части Русской земли—Карпатской Руси. Изученіе народной словесности опять указывало сѣвернорусамъ на Южную Русь, какъ на колыбель народнаго творчества; оно же приносило съ собой отзвуки галицкой колядки и бытовой пѣсни [1]). Однимъ словомъ — русская наука, географія, исторія, этнографія филологія были уже немыслимы безъ основного изученія, какъ отдѣльныхъ частей русской земли, такъ и славянства. Это прекрасно поняли русскіе ученые и радѣтели отечественной науки—гр. Н. П. Румянцевъ, митрополитъ Евгеній, Карамзинъ, А. И. Тургеневъ, кн. Церте-

---

1) См. «Матеріалы» 14—15 стр.

левъ, Павловскій, Калайдовичъ, Кеппенъ и другіе современники, старавшіеся пополнить этотъ пробѣлъ зарождавшейся русской науки изученіемъ быта, языка и исторіи Югозападной Руси и Славянства. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ стремленій явились путешествія русскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, а между ними и по Карпатской Руси.

Первымъ русскимъ ученымъ, посѣтившимъ въ научныхъ цѣляхъ Карпатскую Русь былъ *Петръ Ивановичъ Кеппенъ*.— Уроженецъ и воспитанникъ умственнаго центра Южной Руси— Харькова, Кеппенъ уже въ дѣтствѣ изучилъ, какъ южнорусское нарѣчіе, такъ и его словесность. Судя по библіографическимъ запискамъ Кеппена, источниками его знакомства съ Карпатской Русью были: вопросы, предложенные Россійской Академіей въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» (1763, I, стр. 382 и 478), относившіеся къ «Бѣлой, Малой и *Чермной* Русіи» и требовавшіе отвѣта «Отъ чего Галиція названа?»; статья Орлая въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1804 г.; исторія Карамзина I и VIII томы; замѣтка о галицкорусскихъ пѣсняхъ въ «Вѣстникѣ Европы» (102 ч. 47 стр.) и проектъ Ходаковскаго въ «Сынѣ Отечества» 1820 г.[1]).

Цѣли своего пребыванія въ Карпатской Руси Кеппенъ опредѣлилъ очень ясно: собрать матеріалы о нарѣчіяхъ руснякскихъ[2]), и опредѣлить границы карпато(чермно)русскаго нарѣчія въ Западной Галичинѣ[3]).

О томъ, какъ Кеппенъ исполнилъ задуманный планъ узнаемъ изъ его путевыхъ записокъ и нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ имъ въ русскихъ журналахъ послѣ возвращенія въ Россію.

---

1) См. въ Библ. Акад. Н. ркп. отд.—П. И. Кеппена: Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ I, н-ра листочковъ 603—607.

2) См. письмо К—на къ Калайдовичу въ Сѣвер. Арх. 1823 г. V, стр. 18.

3) См. Bulletin de l'Acad. Impér. des Sciences de S.-Pétersb. 1861. III, стр. 508 донесеніе К—на академику Кунику.

Первое, что поразило Кеппена въ граничномъ городѣ Галицкой Руси—Бродахъ, былъ языкъ народа, значительно отличающійся отъ южнорусскаго. — Прибывши подъ конецъ января 1822 г. во Львовъ, Кеппенъ первымъ дѣломъ посѣтилъ архивы и библіотеки. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказалъ ему ректоръ университета и прокураторъ галицкихъ Василіанъ, д-ръ Модестъ Гриневецкій. Немногочисленныя славянскія рукописи университетской и василіанской библіотекъ, ровно какъ и старопечатныя книги послѣдней заинтересовали Кеппена больше всего. Затѣмъ онъ списалъ для Калайдовича надгробную надпись Ивана Ѳедорова и занялся библіографіей исторіи Львова, галицкой митрополіи и Галичины. Въ разговорахъ съ Гриневецкимъ онъ затронулъ вопросъ — о подложности учредительныхъ грамотъ кн. Льва, о западной границѣ Галицкой Руси и объ ея культурномъ прошломъ, причемъ не оставилъ безъ вниманія и нынѣшняго ея развитія. Однимъ изъ образчиковъ послѣдняго былъ «славено-россійскій» языкъ самого Гриневецкаго[1]).

Осмотрѣвши въ четыре дня всѣ достопримѣчательности Львова, Кеппенъ отправился вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ Березинымъ въ Перемышль. Здѣсь онъ познакомился съ каноникомъ Лавровскимъ, съ помощью котораго опредѣлилъ границы западныхъ галицко-русскихъ діалектовъ и мимоходомъ коснулся до статистики Галицкой Руси. Предметами разговоровъ съ Лавровскимъ были — малорусская литература, работы Котляревскаго, Павловскаго, Цертелева и труды митр. Евгенія. — Съ гр. Н. П. Румянцевымъ—Лавровскій оказался уже знакомымъ, списавъ по его порученію лѣтопись XVI в. [2]), находившуюся въ то время въ его рукахъ. Съ каноникомъ Могильницкимъ Кеппенъ не успѣлъ познакомиться, хотя очень желалъ свидѣться съ первымъ галицкорусскимъ грамматикомъ[3]).

1) См. «Путевыя записки П. И. Кеппена» въ «Матеріалахъ» 128—9 ст.

2) Этотъ списокъ находится нынѣ въ Библіот. Народ. Дома во Львовѣ № 217; см. наше «Описаніе 2» 27 стр.

3) I. Могильницкій работалъ въ то время надъ гал.-рус. грамматикой; ркп. хранится во Львовской митрополичьей библіотекѣ.

Въ Угорщинѣ Кеппенъ посвятилъ довольно много вниманія русскому островку въ Трансильваніи и семейству Балудянскихъ.— На обратномъ же пути въ Варшавѣ онъ возвратился еще разъ къ вопросу о западной границѣ Галицкой Руси, провѣривъ свои наблюденія съ помощью гр. Тарнавскаго изъ Дзикова [1]).

Непосредственное знакомство Кеппена съ Карпатской Русью дало нѣсколько хорошихъ информаціонныхъ статей. Такъ — въ «*Запискѣ о путешествіи по Словенскимъ землямъ и Архивамъ*» (Библіограф. Листы 1825, № 33) находимъ цѣльную картину значенія Карпатской Руси для русской діалектологіи, географіи и исторіи. Въ 22-омъ номерѣ «Вѣстника Европы» 1828 г. появилась замѣтка Кеппена по статистикѣ Галичины, а съ 1836 г. небольшія замѣтки о литературномъ движеніи въ Галичинѣ стали появляться и въ Ж. М. Н. Пр.

Все это только содѣйствовало ознакомленію русскаго ученаго міра съ Карпатской Русью. Этимъ, однако, не исчерпывался интересъ Кеппена къ ней. Оставаясь подъ впечатлѣніемъ недавнихъ занятій карпаторусской діалектологіей, Кеппенъ пишетъ Добровскому въ августѣ 1823 г. о томъ, что нельзя смѣшивать карпаторусское съ бѣлорусскимъ, такъ какъ первое принадлежитъ нераздѣльно къ малорусскому; хотя возможно, что между бѣлорусскимъ и руснякскимъ (карпаторусскимъ) слѣдовало бы внести среднее — литовскорусское нарѣчіе [2]). — Еще важнѣе являются заботы Кеппена объ изученіи карпаторусскаго нарѣчія. Руководимый этимъ желаніемъ, онъ обратился къ Орлаю съ просьбой прислать ему образцы угрорусскаго нарѣчія—тогда онъ и получилъ статью И. Бережанина («Матер.» 46—56 стр.). Пользуясь приглашеніемъ славистовъ Шафарика и Челаковскаго въ книгохранители Академіи Наукъ, Кеппенъ обратился 15 января 1830 г. къ секретарю Академіи, П. И. Соколову, съ пред-

---

1) См. въ «Матеріалахъ» выдержки изъ «Путевыхъ записокъ К—на».

2) См. И. В. Ягича — Источники для слав. филологіи, II, стр. 135 (Сборн. Ак. Н. 62 т.).

ложеніемъ: «весьма полезно бы было для языкознанія, если бы одинъ изъ призываемыхъ филологовъ на пути въ Россію побывалъ въ странѣ, обитаемой карпатороссами, которые обыкновенно именуются русняками... всего полезнѣе бы было поручить г. Челаковскому, чтобы онъ на пути своемъ въ С.-Петербургъ провелъ нѣсколько времени въ сѣверновосточной Венгріи и въ восточной Галиціи, а потомъ во Львовѣ [1])». Объ этомъ предложеніи извѣстилъ Кеппенъ того же дня Ганку [1]), который опять передалъ все Челаковскому. Челаковскій откликнулся немедленно на эту вѣсть въ письмѣ къ Кеппену, пиша: «es kam mir vor, als wenn Sie diesen Gedanken in meiner Seele gelesen hätten... Dieser nach dem Russischen zunächst am meisten ausgebreiteter slavische Volksstamm ist in der That einer vorzüglichen Beachtung werth, und Nachforschungen über seine Sprache etc. sind an Art und Stelle um so nothwendiger, als die Litteraturschätze und Hilfsquellen so ganz unbedeutend sind, dass sie nicht einmal jenen der Lausitzer Slaven die Wage halten können» [2]).

---

1) Ibidem 401—402 стр.

2) Ibidem 414 стр.

Для оцѣнки глубокаго пониманія К—номъ значенія южнорусскаго языка вообще укажемъ еще на слѣдующее: въ «Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ» Кеппена (т. I, 246—283 стр.; ркп. въ I Отд. Библ. Акад. Н. въ Спб.), въ «Малороссійскихъ» находимъ А. Павловскаго — Опытъ словаря Малороссійскаго нарѣчія 1826 г., содержащій «Предъизвѣщеніе» (2 л.) и буквы А—Б (16 л.) f⁰, со слѣдующей припиской К—на на обложкѣ: «Сей опытъ малор. словаря составленъ по просьбѣ моей г. надв. совѣт. Алексѣемъ Павлов. Павловскимъ въ маѣ или іюнѣ 1826 г. Авторъ для соображеній заимствовался отъ меня Словаремъ Россійской Академіи — Рјечником Српским Вука Стефан. Караджича. По полученіи отъ г. Павл. сего опыта я представилъ оный его впревсх. А. С. Шишкову, надѣясь, что можетъ быть Росс. Акад. поощритъ составителя къ продолженію сего полезнаго труда. Г. Министръ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что уже одинъ небольшой Словарь Малоросс. нарѣчья былъ купленъ Академіей, которая изданіе онаго поручила Н. И. Гнѣдичу, Г. Капнисту и кн. Цертелеву. Рукописный словарь сей былъ раздѣленъ на три части, изъ коихъ одна уже затеряна. По совѣту моему Г. Павловскій самъ явился къ А. С. Шишкову и получилъ отъ него обратно свой опытъ. Симъ, на первый случай, дѣло кончилось. Дабы однако трудъ не пропалъ, я просилъ г. Павл. дозволить мнѣ оставить у себя сію рукопись, сообщивъ ему съ оной точную копію, на что онъ и

Наконецъ, важно еще и то, что Кеппенъ вызвалъ у каноника Лавровскаго цѣлый рядъ научныхъ интересовъ, послѣдствіемъ которыхъ явилась кратковременная переписка галицкаго ученаго съ Кеппеномъ и Востоковымъ («Матер.» 138—141). Предметы трехъ писемъ Лавровскаго (1822—1823 г.) и отвѣта Кеппена 1825 г. чисто-научные: годъ написанія Остромирова Евангелія, его мѣсяцесловъ и полное факсимильное изданіе, списокъ лѣтописи для гр. Румянцева, историческій очеркъ и граматика галицкорусскаго языка, руснякъ—русинъ—русскій, списокъ Волынской лѣтописи — вотъ и все, что̀ занимало Лавровскаго, о чемъ онъ переписывался съ русскими учеными. Не за другимъ обращались къ нему и послѣдніе: списать лѣтопись для гр. Румянцева, помочь составить полный списокъ славянскихъ инкунабуловъ, принять въ даръ одно-другое изданіе, прислать статью для «Библіографическихъ Листовъ»—и конецъ непродолжительной перепискѣ.

Несмотря, однако, на эту непродолжительность переписки, каноникъ Лавровскій и его ближайшій современникъ Могильницкій получили возможность не только расширить свои познанія по древнерусской письменности, но и вникнуть глубже въ нее и принять дѣятельное участіе въ зарождавшейся русской наукѣ.

Съ судьбами Карпатской Руси М. П. Погодинъ сталъ знакомиться довольно рано по тѣмъ немногочисленнымъ статьямъ, которыя появлялись въ отдѣльныхъ книжкахъ русскихъ журналовъ, по «Письмамъ русскаго офицера» Ѳ. Глинки и по исторіи Карамзина, вошедшимъ въ разрядъ его юношеской и студенческой лектуры [1]). Познакомившись въ 1824 г. съ членами Румян-

---

согласился, обѣщая мнѣ (8 окт. 1826 г.) въ послѣдствіи продолжать начатое имъ составленіе словаря, коего польза очевидна для каждаго просвѣщеннаго филолога, занимающагося словенскими языками.—П. Кеппенъ».

1) См. Н. Барсуковъ—Жизнь и труды М. П. Погодина, I, стр. 4—9.

цевскаго Кружка, Общества исторіи и древностей россійскихъ, а 1826 г. съ Кеппеномъ и Ходаковскимъ, Погодинъ могъ легко расширить свое знакомство съ этой частицей Русской Земли. Въ 1828 г. Погодинъ былъ уже настолько заинтересованъ нероссійской Русью, что передалъ своему другу угрорусину Венелину отдѣлъ о Карпатской Руси въ «Московскомъ Наблюдателѣ».

Характеръ отношеній Погодина къ Карпатской Руси, до путешествія 1835 г., можно лучше всего опредѣлить его украинскими симпатіями, которыхъ онъ вовсе не скрывалъ. Такъ — въ 1829 г. Погодинъ посѣтилъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ Котляревскаго въ Полтавѣ, Квитку и Артемовскаго въ Харьковѣ [1]). Затѣмъ онъ вошелъ въ дружескія сношенія съ Максимовичемъ, Бодянскимъ и Срезневскимъ, лучшими представителями тогдашней Украины—Малороссіи. Малороссіей же, какъ сейчасъ увидимъ, Погодинъ считалъ и Галицкую Русь. Наконецъ нельзя забывать, что Погодинъ принадлежалъ уже въ то время къ историкамъ — патріотамъ школы Карамзина, преклонявшимся передъ древностью и величіемъ русской земли и мечтавшимъ о необходимости объединенія разъединенныхъ частей. Подобные объединительные планы — насчетъ славянскихъ племенъ — находимъ, независимо отъ русской исторической школы, и у дѣятелей славянскаго возрожденія, особенно чеховъ, словаковъ и сербовъ. Преданность официально провозглашеннымъ началамъ русской государственности — самодержавію, православію, народности — дополняетъ намъ эту бѣглую характеристику міровоззрѣнія Погодина въ періодъ его перваго путешествія по славянскимъ землямъ, т. е. въ періодъ практическаго изученія славянства.

Галицкую Русь Погодинъ посѣтилъ впервые осенью 1835 г. на обратномъ пути отъ чеховъ въ Россію. Съѣхавшись во Львовѣ съ русскими путешественниками Д. М. Княжевичемъ, Н. И. Надеждинымъ, П. В. Киреевскимъ и кн. Крапоткинымъ [2]), онъ

---

1) Ibidem II, стр. 315—325.
2) См. «Матеріалы» (ст. 142, вып. 2).

посѣтилъ съ ними Василіанскій монастырь и познакомился съ игуменомъ Компаневичемъ, который обѣщался ему доставить нѣкоторыя старопечатныя книги и древнія рукописи. Такъ какъ проф. Завадскій былъ главнымъ руководителемъ Погодина по обозрѣнію Львова, Погодинъ перезнакомился въ этотъ разъ съ одними польскими учеными—Я. Н. Каминскимъ, Ю. Росцишевскимъ и К. Туровскимъ. И къ нимъ обратился Погодинъ съ просьбой доставлять ему древніе славянскіе памятники, рукописные и печатные, на что даже оставилъ у проф. Завадскаго извѣстную сумму дукатовъ [1]). Наконецъ въ Бродахъ Погодинъ завязалъ сношенія съ коммисіонеромъ Гартенштейномъ.

Общее впечатлѣніе, вынесенное Погодинымъ изъ Галичины, было то, что «въ Галиціи есть множество любопытнаго и важнаго для русской исторіи» [2]). Это «любопытное и важное» Погодинъ старался впослѣдствіе получить въ свое древнехранилище, какъ въ обмѣнъ за русскія книги, такъ и за деньги. Письма Завадскаго, Компаневича и Зубрицкаго, равно же случайно дошедшія до насъ письма Погодина къ Компаневичу и Вагилевичу даютъ намъ довольно цѣльную картину того, что перешло въ руки Погодина изъ Галичины. Такъ: сборникъ пѣсенъ Жеготы Паули (Завад.), Слова Ефрема Сирина XIII в., Іоанна Дамаскина — О священствѣ 1614 г. (?) [Комп.—Зубр.], Служебникъ 1702 г., Псалтирь 1704 г., Катавасія 1723 г., Апостолъ 1706 г., Евхологіонъ 1720 г., Служебникъ Стрят. 1604 г. (?), Купчая 1421 г., Собраніе автографовъ южнорусскихъ и польскихъ дѣятелей XVII в., письмо патр. Мелетія, Требникъ Сурят. 1606 г. (?) [Зубр.] — вотъ все то, что было послано или предположено послать (отмѣчено—?) Погодину изъ Львова. Изъ книгъ, посланныхъ Погодинымъ во Львовъ, слѣдуетъ отмѣтить: Исторію Карамзина въ 2-хъ экземплярахъ (Василіанской библіотекѣ и Зубриц.), Сводъ законовъ, русскія лѣтописи и цѣлый рядъ изда-

1) См. «Письма къ М. П. Погодину» 531—532 стр. (письмо А. Завадскаго).
2) См. Барсуковъ, IV, стр. 329.

ній по русской исторіи и литературѣ — Зубрицкому, коробъ книгъ через Княжевича на руки Компаневичу въ Василіанскую библіотеку и К. Туровскому.

Судя по довольно пренебрежительному отношенію Компаневича и его наслѣдника Терлецкаго, библіотекарей монастырской библіотеки, къ старопечатной книгѣ [1]), и по естественному стремленію — какъ Зубрицкаго, такъ и его младшихъ современниковъ получить многосодержательную новую русскую книгу, этотъ обмѣнъ былъ совершенно цѣлесоотвѣтствующимъ. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ насъ еще болѣе то, что русская книга вызывала въ Галичинѣ оживленное умственное движеніе, древняя же книга, посланная Погодину, не только сохранилась до нашихъ дней и стала доступной широкимъ кругамъ ученыхъ, но и явилась живой связью культурныхъ интересовъ Карпатской Руси и Россіи.

Кромѣ полученія древней книги, Погодинъ желалъ еще познакомиться поближе съ умственной жизнью страны. Исполняя это желаніе, Вагилевичъ, Зубрицкій, Головацкій и кто-то изъ знакомыхъ поляковъ [2]), доносятъ Погодину очень пространно о современномъ литературномъ движеніи въ Галичинѣ и сообщаютъ ему одну-другую статью по исторіи Карпатской Руси для напечатанія въ русскихъ ученыхъ изданіяхъ. Погодинъ пользуется этими культурными услугами своихъ незнакомыхъ корреспондентовъ и печатаетъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Москвитянинѣ», «Чтеніяхъ» и Ж. М. Н. Пр. отрывки писемъ, статьи-пересказы и оригинальныя статьи русскихъ галичанъ [3]), вводя ихъ такимъ способомъ въ ряды тружениковъ русской науки, и знакомя русское общество съ далекой частицей Руси. Участіе

1) См. Hawryło Rusyn — Zustände der Russinen.

2) «Матеріалы» стр. 142.

3) Вагилевича письма въ Ж. М. Н. Пр. 1836 г., ч. 9 и 1839 г. ч. 19; Моск. Наблюд. 1836 г., VII; Головацкаго Я.—«Вел. Хорватія» въ Москвитян. 1841; Зубрицкаго—«О типографіяхъ» въ Ж. М. Н. П. 1839 г., ч. 19 и 1846 г. ч. 58; «Крит.-истор. повѣсть» въ Чтеніяхъ 1845 и др.—см. «Матеріалы» 15—20 стр.

галичанъ въ русскихъ изданіяхъ принесло имъ, кажется, чуть-ли не первый гонораръ деньгами [1]) и книгами. Наконецъ, Погодинъ не забывалъ освѣдомлять своихъ галицкихъ корреспондентовъ объ умственной жизни въ Россіи, что опять переходило на страницы львовскихъ «Rozmaitości» [2]).

Важнѣе всего, однако, явились заботы Погодина объ изученіи карпаторусскаго нарѣчія. Погодинъ, подобно Кеппену, обратилъ вниманіе Академіи на необходимость изученія этого нарѣчія. Благодаря Академію за избраніе въ члены, Погодинъ писалъ Д. И. Языкову: «Познакомясь коротко во время своего путешествія со многими славянскими учеными и находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ ними, я могу быть посредникомъ между ими и Академіей, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, кои по какимъ бы то ни было причинамъ не могутъ быть ведены сначала оффиціально. — 2) Славянскія нарѣчія, родныя намъ, столь мелкія къ изученію, и совершенно у насъ неизвѣстныя, даже между писателями, представляютъ обильную, непочатую еще руду для обогащенія языка русскаго. Если Академія пожелаетъ содѣйствовать распространенію ихъ въ Россіи, то я могу найти людей, которые возьмутся перевести разныя грамматики и словари по указаніямъ и совѣтамъ туземцевъ. — 3) *Нѣкоторыя нарѣчія не имѣютъ еще совершенно словарей или грамматикъ, напримѣръ малороссійское у насъ и русское въ Галиціи. Я получилъ недавно извѣстіе изъ Лемберга, что г. Вагилевичъ занимается давно составленіемъ Словаря Послѣдняго нарѣчія* [3]), *а для перваго готовъ посвятить труды свои г. Бодянскій, собравшій уже нѣсколько тысячъ словъ. Не благоугодно ли Академіи, чтобъ я вошелъ въ переговоры съ сими учеными, вытребовалъ у нихъ планы ихъ трудовъ, и свѣдѣнія, не нуждаются ли они въ какомъ пособіи, чтобъ ускорить*

1) Головацкому — 40 гульд., «Письма» 564 и 8 стр.; Вагилевичу — за колядки 60 гульд. «Пис.» 648 стр.; Зубрицкому—100 руб., «Пис.» 596 стр.

2) Rozmaitości 1836 г., № 38 и 1837 г. №№ 28 и 41.

3) П—нъ говоритъ здѣсь, повидимому, о письмѣ Вагилевича отъ 8 березня 1836 г. (Моск. Наблюд. 1836 г., кн. VII и «Матер.» 145—152 ст.).

окончаніе ихъ столько нужныхъ сочиненій».—Академія приняла «съ благодарностью» это предложеніе Погодина и отвѣтила ему, что «будетъ ожидать отношеній, въ особенности по составленію г. Вагилевичемъ Словаря Русско-Галиційскаго» [1]).

Не станемъ входить въ мотивы заботъ Погодина-историка о грамматикахъ и словаряхъ славянскихъ нарѣчій. Помимо преемственности требованій современныхъ славяновѣдовъ (Кеппенъ, Бодянскій), одну изъ причинъ слѣдуетъ видѣть въ извѣстномъ приключеніи Погодина, когда онъ — на вопросъ Шафарика о русскихъ нарѣчьяхъ долженъ былъ сознаться, что не имѣетъ понятія о нихъ. Къ тому же самъ Вагилевичъ первый обратилъ вниманіе Погодина на свой словарь еще въ мартовскомъ письмѣ 1836 г. Поощренный Академіей, Погодинъ переписывался съ Вагилевичемъ болѣе трехъ лѣтъ объ этомъ словарѣ. Словарь, однако не появился [2]), такъ какъ Вагилевичъ задумалъ его слишкомъ широко, собирая матеріалы для «южнорусскаго словаря» вообще, не имѣя для этого ни подготовки, ни источниковъ, ни времени [3]). Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть, что Погодинъ просилъ Вагилевича «послать извѣстіе къ Шафарику въ Прагу о карпатскихъ племенахъ и о нарѣчьи» [4]), что̀ Василевичъ исполнилъ къ величайшей радости Шафарика [5]). — Не безполезно будетъ прибавить, что Погодинъ хлопоталъ такъ же усердно и о славянскомъ словарѣ Линде, равно такъ же безъ особеннаго успѣха. (Р.Ф. Вѣст. 1905, III ст. 70—73, 78—79 статья В. А. Францева).

Во второе путешествіе по славянскимъ землямъ 1839 г. Погодинъ не былъ въ Галичинѣ, хотя первоначально думалъ заѣхать во Львовъ изъ Маріенбада. Возвратившись въ Москву,

---

1) См. Бумаги и дѣла импер. Акад. Наукъ 1835 г., № 85, л. 36—38: письмо М. П. Погодина отъ 2 іюля 1836 г. (Ркп. отдѣл. Библ. Ак. Наукъ).

2) Отдѣльныя тетради этого словаря были посланы кан. А. С. Петрушевичемъ въ библіотеку Академіи Наукъ вмѣстѣ съ его «Славянскимъ корнесловомъ».

3) См. «Письма» 628 и 630 стр.

4) Письмо Погодина къ Василевичу отъ 27 мая 1836 г. въ «Матеріалахъ».

5) См. «Письма» 624 и 627 стр.

Погодинъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уварову съ донесеніемъ о своемъ путешествіи, въ которомъ коснулся и до Карпатской Руси. Матеріаломъ для этого донесенія послужили 6 писемъ Вагилевича 1836—9 г. и первое письмо Зубрицкаго 1839 г., которыя Погодинъ соединилъ въ одну общую картину умственной жизни Галицкой Руси [1]), украсивъ ее рядомъ патетическихъ положеній, продиктованныхъ ему россійскимъ патріотизмомъ. Вотъ главнѣйшія мѣста этого донесенія: «самые Русины, которые до сихъ поръ какъ будто не существовали, которыхъ имени не было слышно, особенно у насъ—Русины, угнетенные болѣе всѣхъ, потому что ближе къ намъ, подъ тройнымъ игомъ австрійцевъ, поляковъ, католицизма, провозглашаютъ теперь свое имя, занимаются своей исторіей, т. е. русской исторіей, записываютъ свои преданія, печатаютъ памятники, собираютъ пѣсни, изслѣдуютъ нарѣчіе, словомъ начинаютъ свою собственную, особенную литературу»... «Во всѣхъ главныхъ славянскихъ городахъ есть корифеи. Кто внимательно изучалъ исторію, тотъ знаетъ безъ сомнѣнія, что такое движеніе бываетъ только предъ великими явленіями въ исторіи гражданскихъ обществъ, и славянамъ, кажется, настаетъ эпоха возрожденія, и Австрійская имперія, еще болѣе Турецкой, должна трепетать за свое существованіе.... Австрія, при пламенной ненависти 25-ти милліоновъ противъ 5-ти, какъ мозаическое цѣлое не можетъ удержаться долго. Она разорвется на составныя свои части въ первую войну. Австрія боится болѣе всего Россіи, которой безъ ея вѣдома симпатизируютъ всѣ славяне, вплоть до Адріатическаго моря. Славяне смотрятъ на Россію, какъ волхвы смотрѣли на звѣзду съ востока. Туда летятъ ихъ сердца. Туда устремлены ихъ мысли и желанія. Тамъ витаютъ ихъ надежды. Отъ нея чаютъ они себѣ спасенія... и ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда ударитъ желанный часъ... Она избавитъ насъ отъ нашихъ враговъ, чтобъ и мы явились нако-

---

1) См. Погодина—Истор. политич. письма и записки, М. 1874 г.

нецъ въ мірѣ и исполнили свое предназначеніе...» (20—22 ст.). Такъ-де говорили и о томъ-де мечтали австрійскіе славяне.

Перешедши затѣмъ къ изложенію возможности осуществленія этого плана, Погодинъ писалъ, что «возможность самая вожделѣнная для народа, самая пріятная, самая легкая для исполненія, какъ думаютъ славяне, подъ покровительствомъ Россіи, которой почти принадлежитъ уже по праву Галиція, какъ населенная чистыми русскими, исповѣдниками греческими, которые привержены къ православію еще болѣе настоящихъ, теперь уже прошедшихъ, русскихъ уніатовъ; за ними послѣдуютъ русины въ сѣверовосточной Венгріи, потомъ словаки, сербы австрійскіе, чехи и т. д. Тогда, говорятъ славяне, образуется славянское федеративное государство, Россія во главѣ, отъ восточнаго океана до Адріатическаго моря, государство, которому исторія не представляетъ подобнаго, которое будетъ повелѣвать всѣмъ остальнымъ міромъ» (24 стр.). Указавъ затѣмъ на священную обязанность и христіанскій долгъ русскаго государства «пособить своимъ злополучнымъ единоплеменникамъ, пособить, сколько позволяютъ на то политическія отношенія, пособить для религіи, для науки, для просвѣщенія, съ мирной цѣлью. Такъ младшій разбогатѣвшій братъ обязанъ помогать старшимъ разореннымъ братьямъ, быть покровителемъ и главою цѣлаго семейства, какъ бы по опредѣленію Божію» (25 стр.), Погодинъ предлагалъ открыть двери училищъ, университетовъ и духовныхъ академій для болгаръ и сербовъ, чтобы они послѣ разносили «русскій духъ». Но «второе, или лучше, другое первое право на русскую помощь принадлежитъ русинамъ. Другое первое, говорю я, ибо эти русины, жители Галиціи и сѣверовосточной Венгріи, нашего древняго, знаменитѣйшаго Галицкаго княженія, суть чистые русскіе, такіе же русскіе какихъ мы видимъ въ Полтавѣ или Черниговѣ, наши родные братья, которые носятъ наше имя, говорятъ нашимъ языкомъ, исповѣдуютъ нашу вѣру, имѣютъ одну исторію съ нами, чистые русскіе, которые стонутъ подлѣ насъ подъ тройнымъ-четвернымъ игомъ нѣмцевъ, поляковъ, жидовъ

католицизма, и горько жалуются на наше невниманіе. Въ ожиданіи благопріятныхъ случаевъ необходимо поддерживать ихъ возникающую литературу, частнымъ образомъ, чрезъ вторыя, третьи руки: доставлять пособіе авторамъ, печатать книги, назначать преміи на заданныя темы объ исторіи, языкѣ, посылать въ библіотеки русскія книги, содѣйствовать сочиненію лексикона, грамматики, собранію преданій, пѣсенъ (27 — 28 стр.) ...назначить академическія, небольшія преміи за сочиненіе грамматикъ для тѣхъ нарѣчій, кои не имѣютъ еще оныхъ, какъ то: нашего малороссійскаго, галицкаго (39 стр.) ...словари малороссійскій и галицкій (40 стр.) ...снабдить русскими книгами по филологіи и исторіи главныя нѣмецкія библіотеки въ Австріи—въ Вѣнѣ, Прагѣ, Пестѣ, Пресбургѣ, Аграмѣ, Брюннѣ, Львовѣ» (41 стр.).

Сравнивая предложенія Погодина съ требованіями Вагилевича и Зубрицкаго, бывшими въ то время въ перепискѣ съ нимъ, убѣждаемся, что Погодинъ правильно указалъ министру Уварову на необходимость русской книги во Львовѣ, на важность печатанья галицкорусскихъ сочиненій, прежде же всего словаря и грамматики, о чемъ хлопоталъ преимущественно Вагилевичъ. Остальное же, какъ — пособія авторамъ черезъ вторыя-третьи руки, повсемѣстныя сознательныя племенно-религіозныя симпатіи широкихъ массъ карпаторусскаго населенія къ Россіи, мечты о распаденіи Австріи среди образованнаго общества — является уже исключительною собственностью самого Погодина. Объ этомъ не писали ему ни Вагилевичъ, письма котораго къ Погодину за время 1836 — 9 г. всѣ сохранились, ни Зубрицкій. Правда, Вагилевичъ называетъ Погодина «побратимомъ далекостороннимъ» (Письма, 627 и 633 стр.) и обратился къ нему съ первымъ письмомъ, какъ къ собрату сѣверно-русину, интересующемуся галицко-русской словесностью, а Зубрицкій писалъ къ нему, какъ къ знатоку русской исторіи: но на основаніи этого еще нельзя было говорить объ общенародномъ чувствѣ. Чувство любви и, какъ мы выше убѣдились, даже надежда на

могущество Россіи были въ народѣ, только на другихъ основаніяхъ: желаніе платить меньше налоговъ, освободиться отъ непосильнаго рекрутскаго набора, уйти отъ панщинянаго произвола не имѣло и не имѣетъ ничего общаго съ племенными самосознаніемъ и симпатіями, на которыя Погодинъ возложилъ столь много надеждъ.

Если же обратить вниманіе на содержаніе карпаторусской литературы, особенно же на *гонимую* «Русалку Днѣстрову», такъ приходится недоумѣвать, на основаніи чего Погодинъ доносилъ гр. Уварову о столь яркой вѣрѣ карпаторусскихъ дѣятелей въ близкое распаденіе Австріи? Самихъ дѣятелей и литераторовъ Погодинъ не зналъ, исключая игумена Компаневича, который какъ по возрасту, такъ и по своимъ литературноисторическимъ работамъ вовсе не принадлежалъ къ живымъ дѣятелямъ-организаторамъ. Въ средѣ же самыхъ живыхъ дѣятелей возрожденія, І. Левицкаго, Лозинскаго, Зубрицкаго, Головацкаго, Шашкевича и Вагилевича созрѣвали совершенно другія идеи, въ родѣ созданія народной литературы русско-польскихъ отношеній, —*рѣшаемыхъ и поддерживаемыхъ австрійскимъ правительствомъ!* Галицкорусское движеніе 1848 г. — лучшее доказательство несостоятельности добавочныхъ заявленій Погодина насчетъ Галицкой Руси 1839 г.

Больше всего однако приходится недоумѣвать историку карпаторусскаго возрожденія по поводу «приверженности къ православію еще болѣе настоящихъ, теперь уже прошедшихъ, русскихъ уніатовъ», которою Погодинъ старается обосновать право Россіи на Галичину. Историческіе факты говорятъ о совершенно противоположномъ, происходившемъ въ средѣ карпаторусской церковной іерархіи. Укажемъ только на сочиненіе угрорусина Базиловича (О фундаціи Коріатовичей), на заботы Львовской капитулы и ея представителей при папскомъ нунціѣ въ Варшавѣ (Widok przemocy, дѣятельность Левинскаго), направленныя къ сохраненію уніи на всемъ пространствѣ бывшей Польской Рѣчи Посполитой и наконецъ на дѣятельность митрополита

Левицкаго, стремившихся какъ разъ къ усиленію своей церкви и власти, что ни въ коемъ случаѣ не могло содѣйствовать «приверженности къ православію». Этой приверженности въ данное время не было и среди галицкорусскаго духовенства: стоитъ только вспомнить сѣтованія передъ Кеппеномъ 1822 г. профессора богословія въ Львовскомъ университетѣ д-ра Модеста Гриневецкаго, по поводу слишкомъ пристрастнаго (!) отношенія къ уніи историка Каменскаго[1]), и безпристрастные (?) выводы его современника каноника Гарасевича въ ркп. Annales ecclesiae ruthenicae, чтобы убѣдиться въ томъ, что и воспитанному ими простому духовенству православіе было не меньше чуждо, чѣмъ самимъ учителямъ. Вопросъ же объ обрядной сторонѣ, выступавшій въ то время на дневную очередь (Якимовича-Пасхалія), былъ слишкомъ зачаточнымъ явленіемъ, чтобы на его основаніи дѣлать какіе-нибудь болѣе серьезные выводы.

Мы нарочно отвели столько мѣста разсмотрѣнію донесенія Погодина и его отношеній къ галицкорусскимъ литераторамъ, чтобы хотя отчасти уловить «настоящую истину» и отдѣлить ее отъ легендарныхъ слуховъ, потревожившихъ первоначально нѣмецкую, а за ней и польскую печать 60-хъ годовъ XIX в. Раньше чѣмъ перейдемъ къ этимъ слухамъ, разсмотримъ еще сношенія Зубрицкаго и Вагилевича съ Погодинымъ въ періодъ 1840—2 гг. и остановимся вкратцѣ на второмъ донесеніи Погодина 1842 г.[2]).

Двойное ходатайство — передъ Академіей и министромъ — о литературно-денежной поддержкѣ ученыхъ предпріятій русскихъ галичанъ, особенно по составленію грамматики и словаря, кажется, внушило Погодину надежду на осуществленіе этихъ плановъ, о чемъ онъ и сообщилъ Вагилевичу. Послѣдній, сообщая Погодину въ октябрѣ 1840 г. о своихъ литературныхъ трудахъ, напомнилъ ему объ этомъ: «Вы минѣ также обѣщалися придбати

1) См. Матеріалы 131 ст.
2) См. Истор-полит. письма.

деяке пособіе до совершенія моіхъ трудівъ. Ци е надѣжа?»[1]). Къ этому вопросу возвратился Вагилевичъ еще разъ въ январьскомъ письмѣ 1842 г., говоря: «Вы бысте мене дуже утѣшили, слыбысте мѣнѣ прислали пособіе на изданіе переводівъ на южнорусскій языкъ тай на Символику—котри я би хотѣвъ печатати. Рівно якъ на гостину въ цѣли ученѣй»[2]). Когда же Вагилевичу было отказано въ священіи, онъ обратился къ Погодину съ запросомъ, нельзя ли ему получить мѣсто въ одной изъ библіотекъ или даже профессуру, «до которой я съ хѣтью и учитися буду що потрѣбне». Въ тѣхъ же письмахъ Вагилевичъ просилъ и о присылкѣ украинскихъ изданій — Квитки, Котляревскаго, Илюмовскаго, Сенельникова, Артемовскаго, Шпигоцкаго (Пис. 614 стр.), Шевченка и Довгоносенка (ibid. 643 стр.).

Письма Зубрицкаго этого времени содержатъ еще меньше интереснаго: извѣстія о книгахъ, обмѣнъ книгами, информаціи объ умственномъ движеніи и объ ученыхъ заведеніяхъ во Львовѣ, статьи для «Чтеній» и «Москвитянина», посредничество между Погодинымъ и львовскими литераторами вообще,—вотъ все то, о чемъ писалъ старикъ. Предположивъ же, что онъ оставилъ самое главное до личнаго свиданія съ Погодинымъ, то и въ такомъ случаѣ намъ легко возстановить содержаніе предполагаемаго разговора. Первое письмо Зубрицкаго послѣ свиданія съ Погодинымъ, отъ 17 августа 1842 г. содержитъ довольно пространное повтореніе этого разговора между обоими историками, учениками Карамзина и горячими поклонниками Древней Руси. Національный характеръ государства, православная вѣра, сильная власть князя — въ былое время, вотъ главныя основы ихъ міровоззрѣнія и поклоненія; пришлые элементы, наѣздники, угнетеніе православной вѣры и ея перемѣна, національный гнетъ — вотъ болѣе новыя явленія русской, особенно же югозападно-

1) Письма ст. 637.

2) «Письма» 639 стр.; Вагилевичъ говорилъ здѣсь о Несторовой лѣтописи и о Словѣ о полку.

русской исторіи, а тѣмъ самымъ самыя жизненныя темы разговора. О такомъ характерѣ разговора свидѣтельствуютъ намъ путевыя воспоминанія Погодина изъ Малороссіи и Галичины 1842, его второе донесеніе министру и письма Зубрицкаго 1842—3 г. О Малороссіи Погодинъ писалъ въ «Москвитянинѣ» 1843 г.: «Поляки и жиды оказали на ней все свое вліяніе... Замѣчательно, что русскіе крестьяне укрѣпились вполнѣ здѣсь за своими господами, т. е. поляками, только тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи». Проѣздомъ черезъ Галичину Погодинъ занесъ въ свой дневникъ: «Поляки нахлынули потокомъ на Галицію въ XIV ст. и разорвали ее на части. Какія полаты выстроили они на трудахъ несчастныхъ малороссіянъ, подвергнувшихся сперва двойному игу католиковъ и жидовъ, а потомъ тройному съ придачею австрійцевъ! Народъ начинаетъ теперь сознавать свое происхожденіе, и сердце его обращается невольно къ Сѣверу. Духовные, купцы, ремесленники, не только поселяне, говорятъ: мы русскіе! Да они настоящіе русскіе, какъ въ Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ; говорятъ тѣмъ же языкомъ, исповѣдуютъ ту же вѣру. Объ этомъ въ Европѣ не имѣютъ понятія, да и у насъ мало!»[1]).

На этотъ разъ Погодинъ пробылъ во Львовѣ всего 2—3 дня въ исключительномъ обществѣ Зубрицкаго: первый день въ гостинницѣ, такъ какъ ему нездоровилось, остальное же время, осматривая Львовъ. Православная церковь и ея небольшой архивъ, Ставропигійскій Институтъ и Василіанскій монастырь— вотъ то, что̀ привлекло къ себѣ вниманіе путешественника. Затѣмъ Погодину не хотѣлось оставаться во Львовѣ и дѣлать знакомства, «чтобы не возбудить попусту подозрѣній у мнительнаго мѣстнаго правительства, которое слѣдитъ за всякимъ шагомъ путешественниковъ, особенно русскихъ». (Барсуковъ, VII, стр. 19).

Послѣ этого посѣщенія Галичины Погодину больше уже не

---

1) См. Барсуковъ, VII стр. 15—17.

пришлось сноситься лично съ русскими галичанами въ Австріи, исключая 1853 г., когда онъ видѣлъ И. Ф. Головацкаго въ Вѣнѣ («Письма» 654 стр.). Одни письменныя сношенія не прекратились, обнявъ по 1850 г. 9 писемъ Зубрицкаго и 4 письма Вагилевича 1843—5 г. Предметы переписки остались прежнія—донесенія о ходѣ литературныхъ работъ, просьбы о присылкѣ книгъ, извѣстія о посылаемыхъ книгахъ, совѣтъ Зубрицкаго использовать и галицкорусскій словарь при составленіи русскаго (Пис. 570 стр.), его же радость по поводу предстоящихъ крестьянскихъ реформъ въ Галичинѣ (ibid. 581 стр.) и библіографическіе вопросы.

Со вторымъ посѣщеніемъ Галичины соединено и донесеніе Погодина министру народнаго просвѣщенія отъ 1842 г.; такъ какъ это донесеніе явилось почти исключительною собственностью славянофильскихъ теорій Погодина, то нѣтъ ничего удивительнаго, что оно не заключаетъ въ себѣ ровно ничего изъ переписки Зубрицкаго и Вагилевича съ Погодинымъ. Правда, личное свиданіе съ Зубрицкимъ могло повліять на «донесеніе» Погодина. Если, однако, обратимъ вниманіе на то, что все донесеніе проникнуто однимъ духомъ и одной мыслью — славяне-де любятъ Россію и православіе и видятъ въ Россіи единственную опору и надежду себѣ — такъ будетъ ближе къ правдѣ предположить, что мнѣнія Зубрицкаго сыграли въ немъ такую же незначительную роль, какъ и мнѣнія многихъ, несимпатизировавшихъ Россіи славянскихъ дѣятелей. Вотъ главнѣйшія мѣста этого донесенія: «Обстоятельства въ нашей несчастной Галиціи еще тяжеле. Словаки и иллиры находятъ еще какое-нибудь спасеніе подъ покровомъ венгерской конституціи, а русины въ Галиціи беззащитны и въ отношеніи къ Полякамъ. Прибавлю еще то, что они для австрійцевъ ненавистнѣе даже всѣхъ прочихъ славянъ, потому что ближе всѣхъ къ Россіи по своему родству, вѣрѣ, языку и исторіи. Каково же имъ жить несчастнымъ! Ненависть поляковъ подаетъ австрійцамъ самыя удобныя средства и благовидные предлоги угнетать ихъ и душить всякое націо-

нальное, т. е. русское движеніе, въ самомъ зародышѣ. Не смотря на то, оно есть и усиливается безпрестанно. Духовные, адвокаты, купцы сознаютъ живѣе и живѣе свое русское происхожденіе и влекутся сердцемъ къ Россіи. Извѣстіе объ уничтоженіи уніи ихъ обрадовало, и они готовы обратиться къ нашему православію, которое держалось у нихъ, какъ извѣстно, долѣе, чѣмъ у насъ, и только недавно, въ прошедшемъ столѣтіи, уничтожено. «Скоро ли вы насъ возьмете къ себѣ», говорятъ они всякому русскому путешественнику. «Вотъ эту церковь обратимъ мы въ православный соборъ», сказалъ мнѣ одинъ старецъ, когда вы придете къ намъ во Львовъ. Хоть бы вы промѣнили насъ на Польшу! Ну, что вамъ въ Польшѣ? тамъ васъ не любятъ, а мы вамъ преданы душою и тѣломъ». Русины совѣтуютъ выводить польскій духъ изъ возвращенныхъ губерній, волынской, подольской и пр., скупая имѣнія хоть понемногу отъ польскихъ помѣщиковъ, что очень легко бываетъ на кіевскихъ контрактахъ, возвышая и освѣщая Кіевъ пребываніемъ царской фамиліи, привлекая туда русскихъ капиталистовъ, которые могутъ легко и выгодно пріобрѣтать земли, обращая большее вниманіе на благосостояніе крестьянъ, которые стонутъ тамъ подъ игомъ польскихъ помѣщиковъ, католиковъ, жидовъ. Австрійское правительство трепещетъ за Галицію и принимаетъ строжайшія мѣры противъ патріотовъ. Многіе духовные лишились мѣстъ своихъ, студенты выгнаны, граждане изъ средняго сословія отданы подъ строжайшій присмотръ. Извѣстный почтенный адвокатъ [1]) просилъ позволенія брать для прочтенія сводъ русскихъ законовъ, подаренный нашимъ правительствомъ публичной библіотекѣ, полиція отказала, несмотря на поруки и залоги...» (52—53 стр.). Дальнѣйшая часть донесенія содержитъ изложеніе замысловъ австрійцевъ о Малороссіи: «Недавно получили они темное понятіе о томъ, что русское народонаселеніе Галиціи, вмѣстѣ со всею Малороссіею, отличается отъ жителей Москвы

1) Зубрицкій.

и прочихъ сѣвернорусскихъ губерній, и бросилось съ жадностью на эту мысль, старается ее подтвердить, распространить въ народѣ, нанимаетъ ученыхъ писать диссертаціи (?), надѣясь посредствомъ ихъ охладить приверженность галичанъ къ Россіи. Виды его простираются слишкомъ далеко, и оно намѣревается содѣйствовать раздѣленію даже самой Россіи и привлекать малороссіянъ къ себѣ, не говорю уже о польскихъ помѣщикахъ, ненавидящихъ Малороссію. Съ этою цѣлью оно хочетъ устроить центръ малороссійской литературы у себя и препоручить съ значительными выгодами издавать по своимъ видамъ журналъ на малороссійскомъ языкѣ въ Вѣнѣ!... Вотъ какъ дѣйствуетъ австрійское правительство!... Австрія слаба и при первой войнѣ разлетится на части, тѣмъ болѣе, что славяне уже созрѣли... Австрія поддерживаетъ римскую церковь въ неистовствахъ противъ уничтоженія уніи, распространеніемъ между католическими славянами нелѣпыхъ сочиненій и статей о притѣсненіи католичества въ Россіи, возстановленіемъ духовенства противъ насъ... русиновъ отвращаетъ извѣстіями о состояніи крестьянъ въ Волыни, Подоліи и проч. Для распространенія слуховъ есть, кажется, особенные чиновники» (54—5 стр.).

Сравнивая оба донесенія Погодина министру, мы приходимъ къ двумъ выводамъ: Погодину желательно, чтобы славянская наука и умственная жизнь безпрепятственно развивалась во благо самихъ славянъ, освобождая ихъ отъ гнета иноплеменныхъ правительствъ. Такъ какъ славяне дѣйствительно проявляли въ этомъ отношеніи много успѣшной энергіи, несмотря на большіе недостатки въ средствахъ культурныхъ и матеріальныхъ — Погодину казалось естественнымъ поддержать это славянское движеніе. Эту мысль продиктовали ему славянофильское мировоззрѣніе и патріотическая гордость, твердившая патріотамъ-славянофиламъ о спеціальномъ призваніи Россіи пособлять не-россійскимъ славянамъ. Когда, однако, зашла рѣчь объ осуществленіи этихъ плановъ, т. е. о дѣятельной помощи, оказалось, что русскіе славянофилы располагали очень незначительными сред-

ствами, какъ книги и небольшіе гонорары за журнальныя статьи, чѣмъ не очень-то можно было пособить славянскому дѣлу. — И предъ нами второе явленіе. Россійское правительство провозгласило еще въ началѣ 30-хъ гг. извѣстное заявленіе о «самодержавіи—православіи—народности», что̀ вѣдь и составляло основаніе погодинскаго славянофильства: отсюда выводъ — правительство должно исполнить то, что̀ является патріотической обязанностью нашей, слѣдовательно и его. Чтобы достичь этого, нужно было представить славянское движеніе въ самомъ привлекательномъ для правительства видѣ. Это Погодинъ и сдѣлалъ, объединивъ, въ своемъ воображеніи все то, что̀ подходило подъ его мѣрку и отвѣчало его желаніямъ.

Въ виду этого мы не въ состояніи понять, на какомъ основаніи многіе польскіе и галицкорусскіе изслѣдователи и обозрѣватели этого періода карпаторусскаго возрожденія утверждаютъ, что Погодинъ явился въ Галичину *съ цѣлью*—доказать русскимъ галичанамъ, что они «настоящіе москали», т. е. великорусы [1]). Мы уже выше указывали на украинскія симпатіи Погодина — онѣ не перемѣнились и въ 40 годы. Онъ по прежнему былъ въ дружбѣ въ украинцами Максимовичемъ и Бодянскимъ; не отрицалъ отличности южнорусовъ отъ сѣвернорусовъ и въ приведенномъ выше отрывкѣ донесенія; продолжалъ въ «Москвитянинѣ» высказывать свои симпатіи къ украинской литературѣ — къ Квиткѣ, «Молодику» Бецкаго и къ Кулишу [2]), въ своихъ же историческихъ трудахъ отводилъ надлежащее мѣсто «малороссіянизму» Кіевской Руси [3]). Считая же Карпатскую Русь частью Малороссіи, какъ могъ онъ примѣнять къ ней другія мѣры? И намъ кажется, что до 1856 г., т. е. до появленія его «Записки о древнемъ русскомъ языкѣ», Погодинъ нигдѣ и не выступалъ съ мнѣніемъ о сѣвернорусскомъ характерѣ древней Кіевской

1) См. «Матеріалы» стр. 155 выдержки изъ «Pamiętnika» Г. Богданскаго стр. 155 и выше «Введеніе».

2) См. Барсуковъ VII, главы 22 и 23.

3) См. Погодина — Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи 1846, III стр. 357.

Руси; да и въ этой «Запискѣ» Карпатская Русь явилась колыбелью малорусовъ! Въ виду этого у насъ и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы Погодинъ доказывалъ карпаторусамъ ихъ тожественность съ сѣверорусами. Не менѣе невѣрнымъ оказывается мнѣніе, будто бы Погодинъ насаждалъ среди карпаторусовъ «москвофильство - русофильство» посредствомъ книги. Онъ посылалъ имъ новыя историческія изданія, о которыхъ галичане его просили; своимъ же «Москвитяниномъ» освѣдомлялъ ихъ объ украинской литературѣ: Вагилевичъ обращался даже два раза къ нему съ просьбой о присылкѣ цѣлаго ряда украинскихъ изданій!

Наконецъ, еще нѣсколько словъ о специальной миссіи Погодина, привлекать славянъ на сторону россійскаго правительства, что̀ опять для многихъ является предметомъ «вѣры». У Погодина не было такой миссіи, только онъ создалъ себѣ планъ, что россійское правительство обязано поддержать стремленія славянъ, въ этомъ направленіи онъ и старался повлиять на правительство. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій, далеко не полный, хронологическій перечень, какъ мнѣній правительственныхъ и частныхъ лицъ, такъ и нѣкоторыхъ дѣяній самого правительства. Такъ: Александръ I не разрѣшилъ Шишкову въ 1817 г. употребить въ рескриптѣ на имя гр. Остермана, выраженіе «соплеменные намъ славянскіе народы», чтобы подозрительные нѣмцы не подумали, что мы, сближаясь съ богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе-нибудь виды[1]). — Еще строже относился къ славянофильству Николай I. На слѣдственномъ дѣлѣ объ И. С. Аксаковѣ онъ поставилъ слѣдующую резолюцію: «Подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію словенскихъ племенъ въ другихъ государствахъ таится преступная мысль соединенія съ сими племенами, несмотря на подданство ихъ сосѣднимъ и частію союзнымъ государствамъ; а достиженія сего ожидали не отъ Божьяго опредѣленія, а отъ возмутительныхъ

---

1) См. Порфирьевъ—Ист. рус. словес. II^3, изд. 2-е, стр. 80.

покушеній на гибель самой Россіи» [1]). Этотъ принципъ нашелъ себѣ лучшее выраженіе въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія отъ 30 мая 1847 г., въ которомъ — между прочимъ — было сказано, что мысль западныхъ славянъ (особенно богемцевъ) о будущемъ политическомъ сліяніи всѣхъ славянъ въ одно государство можетъ увлечь людей пылкихъ и не прозрѣвающихъ опасности своихъ мечтаній. Въ виду же того, что Русь развивалась одна безъ посторонней помощи — слѣдовательно, все что̀ она имѣетъ, принадлежитъ ей одной, безъ участія другихъ славянскихъ народовъ, нынѣ простирающихъ къ ней руки и молящихся о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по разсчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма, московскому университету влагается въ обязанность: истребить вліяніемъ своимъ необдуманные порывы «нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его питомцевъ, отдѣлившихъ себя отъ общихъ историческихъ мнѣній не столько по убѣжденію, сколько по легкомыслію и добродушной мечтательности. Не славнѣе-ли для насъ имя русскаго, то знаменитое наше имя, которое съ основанія государства нашего повторялось и повторяется милліонами народа въ жизни общественной? Да слышится въ университетахъ имя русскаго, какъ слышится оно въ Русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго словенства, сохранилъ вѣру отцевъ нашихъ, языкъ, нравы, обычаи, всю народность!» [2]). — Еще рѣзче отзывался о славянахъ фельдмаршалъ Паскевичъ: «Вы вѣрите этимъ словенскимъ движеніямъ?—говорилъ онъ А. О. Смирновой — это все возмутители, бунтовщики; я этимъ всѣмъ воли не даю; у меня въ Варшавѣ не смѣютъ объ этомъ говорить: всѣхъ ихъ подальше!» — Какъ, и богемцы у васъ не въ милости? — спросила Смирнова. «Бунтуютъ противъ Австріи, все это непокорность!» отвѣтилъ генералъ [3]). То же мнѣ-

1) См. Сухомлиновъ—Изслѣд. и статьи II, 505 и Францевъ—Очерки по ист. чешск. возрожд. 385 стр.

2) См. Барсуковъ IX, стр. 235—237.

3) См. Дневникъ А. О. Смирновой отъ 12 мар. 1845 г.—У Барсукова VIII, 425 стр.

ніе, что русское правительство не могло сочувствовать славянскому движенію, разъ чехи затѣяли революцію и оказались вѣроломными зачинщиками козней—повторилъ въ 1848 г. Давыдовъ въ письмахъ къ Погодину [1]).

Если прибавимъ къ тому большую оппозицію, проявленную многими современниками—Н. А. Полевымъ (Библ. для чт.), А. Д. Галаховымъ (Отеч. Зап. 1844, авг.), Н. А. Мельгуновымъ—порицавшими направленіе и исключительность погодинскаго патріотизма—то убѣдимся, что Погодину не такъ легко было получить «офиціальную миссію» проповѣдать русофильство. Да и что русофильство не было такъ повсемѣстно, какъ многимъ кажется—объ этомъ свидѣтельствуютъ Надеждинъ и Княжевичъ. «Вчера обѣдалъ у Д. М. Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ-за границы—заноситъ Никитенко въ свой «Дневникъ» 24 окт. 1841 г.—Съ нимъ ѣздилъ и Надеждинъ. Разговоръ шелъ о словенахъ Австріи. Я не ошибся, я всегда думалъ, что словенскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи Словенскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарика, Ганки, Погодина, но что народы Словенскіе вообще живутъ себѣ преспокойно подъ Австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключеніе составляютъ только Венгерскіе Словене и Русины, которые очень угнетены магнатами. Все это подтвердилъ Надеждинъ, который однако самъ не изъ послѣднихъ словенофиловъ»[2]).

Славянофильство русскаго правительства совпадало всегда съ чисто политическими вопросами, какъ русско-турецкимъ и русско-польскимъ, и нерѣдко не было чуждо «разсчетовъ не всегда безкорыстнаго эгоизма». Интереснѣе же всего, что впослѣдствіи уже явно «славянофильствующее» правительство сочло возможнымъ предпринять множество глубоко антиславянскихъ

1) См. Барсуковъ, ibidem.
2) См. Русская Старина 1889, XI, стр. 331—2.

мѣръ по отношенію къ полякамъ, западнорусскимъ уніатамъ и южнорусамъ.

Осенью 1837 г. Галицкую Русь собирался посѣтить Бодянскій—въ Бродахъ, однако, онъ былъ остановленъ для двухнедѣльнаго карантина — по причинѣ чумы въ Одессѣ, въ виду чего онъ отправился на Варшаву въ Прагу [1]). Впослѣдствіи онъ думалъ побывать въ Галичинѣ вмѣстѣ съ Срезневскимъ, подъ конецъ своей командировки 1842 г., но этотъ планъ ему не удалось исполнить. Не смотря на это, Бодянскій, какъ секретарь московскаго общества исторіи и древностей, вошелъ въ очень живыя сношенія съ Д. И. Зубрицкимъ и Я. Ѳ. Головацкимъ. Сношенія Бодянскаго съ Зубрицкимъ начались въ 1845 г. по дѣлу «Критико-историч. повѣсти Черв. Руси», переведенной Бодянскимъ съ польскаго на русскій языкъ для «Чтеній». Какъ долго продолжалась переписка Зубрицкаго съ Бодянскимъ, пока неизвѣстно [2]), во всякомъ случаѣ можно предположить, что она совпадала съ участіемъ Зубрицкаго въ «Чтеніяхъ» 1845—8 г. Сношенія съ Головацкимъ начались около 1847 г., когда Бодянскій получилъ для «Чтеній» его «Народныя гал. рус. пѣсни», а затѣмъ не прекращались все время печатанія 1863—1878 г. Въ обоихъ случаяхъ — характеръ этихъ сношеній былъ информаціонно-научный [3]).

Изъ другихъ славистовъ и ученыхъ путешественниковъ Карпатскую Русь посѣтили: М. М. Кирьяковъ 1835 г. [4]), А. Тере-

---

1) См. «Письма» 4 стр.

2) Письма Зубрицкаго и Головацкаго къ Бодянскому находятся въ собраніи А. А. Титова №№ 1482 и 1502.

3) Въ бумагахъ Я. Ѳ. Головацкаго въ Библ. Народнаго Дома во Львовѣ хранится много писемъ Бодянскаго по поводу изданія «Народ. пѣсенъ».

4) См. Е. И. Соколовъ—Библ. о—ва истор. и древн. рос. Бумаги Бодянскаго №№ 234—6.

щенко 1840 г.[1]), Н. И. Надеждинъ вторично 1845 г.[2]), бар. Шодуаръ 1842 г.[3]), И. И. Срезневскій лѣтомъ 1842 г. и историкъ М. М. Лунинъ 1844[4]). Изъ нихъ только Срезневскій вошелъ въ болѣе близкія сношенія съ Головацкими и Вагилевичемъ и проявилъ много живого интереса къ карпаторусскому умственному движенію.

Послѣдній мѣсяцъ своего трехлѣтняго пребыванія въ славянскихъ земляхъ И. И. Срезневскій посвятилъ изученію Карпатской Руси[5]). Въ іюлѣ 1842 г. онъ прибылъ въ Ужгородъ, гдѣ познакомился съ епископомъ Василіемъ Поповичемъ и «настоящимъ хохломъ», издателемъ славянорусской грамматики, М. Лучкаемъ. По пути въ Галичину онъ остановился въ Мукачевѣ и Верецку по одному дню, а затѣмъ на Сколе и Стрый прибылъ во Львовъ 19 іюля, гдѣ прожилъ 19 дней. К. В. Запъ познакомилъ его съ Я. Головацкимъ, Вагилевичемъ, Зубрицкимъ, І. Левицкимъ («плохой грамотѣй, хотя и написалъ грамматику»); а изъ поляковъ—съ Каминскимъ, Бѣлевскимъ и Залѣскимъ. Послѣдній, по наблюденію Срезневскаго, «сдѣлался совершеннымъ чиновникомъ, и о пѣсняхъ и литературѣ, о славянизмѣ и народности и слушать не хочетъ». Старикъ Росцишевскій посѣтилъ самъ Срезневскаго и навѣщалъ его почти ежедневно, что наконецъ путешественнику въ тяготу стало.

Личное знакомство съ молодыми галицкорусскими литераторами и общіе южнорусскіе литературные интересы явились удобной почвой для нѣсколько лѣтней переписки галичанъ съ Срезнев-

---

1) См. «Сѣверная Пчела» 1840 г. 1072 стр., гдѣ Т—ко въ «Очеркѣ путешествія» говоритъ о любви львовскихъ семинаристовъ къ русской книгѣ и о дороговизнѣ оной. Замѣтка же его на 1075 стр. о симпатіяхъ славянъ къ Россіи вызвала негодованіе старика Зубрицкаго въ письмѣ къ Погодину противъ «Вертопраховъ» (Письма 562 стр.).

2) Надеждинъ посѣтилъ Львовъ въ первый разъ вмѣстѣ съ Княжевичемъ 1835 г., см. «Матеріалы». 142 ст.

3) См. д-ра Студинскаго—З кореспонд. Зубр. 35 стр.

4) См. письмо Запа къ Срезневскому 21 сент. 1844 г.—«Матеріалы» 162 ст.

5) См. Путевыя письма И. И. Срезневскаго, Спб. 1895, стр. 317—323.

скимъ[1]). Изъ этой переписки узнаемъ, что Срезневскій явился однимъ изъ лучшихъ литературныхъ руководителей для Головацкихъ и Вагилевича. Возрастомъ—ровесникъ, по убѣжденіямъ украинскій патріотъ, ученый славистъ не могъ не произвести самого живого и хорошаго впечатлѣнія на молодыхъ галицкорусскихъ патріотовъ-писателей.

Я. Головацкій и Вагилевичъ опредѣлили свое отношеніе къ Срезневскому въ стишкахъ на память и запискахъ, называя его братомъ, и раскрывая предъ нимъ свою вѣру въ будущее (Гол.) и горькую тоску наболѣвшей души (Вагил.).—И. Головацкій былъ не менѣе плѣненъ личностью Срезневскаго, пославъ ему въ Словачину изъ Вѣны 1842 г. письмо, исполненное одной любви и благодарности за задушевныя рѣчи собрата о «русинах и словенах». Вторично благодарилъ И. Головацкій Срезневскаго въ письмѣ 1846 г., посланномъ съ «Вѣнкомъ», за всѣ науки, которыя «глубоко вкопались, вросли въ душу и незабутными неодступными товарищами и руководителями останутъ въ (его) стремленію; они бо возбудили (его) дѣятельность, они одушевили идею славянства».

Такимъ же руководителемъ можно назвать Срезневскаго и по отношенію къ Я. Головацкому и Вагилевичу. Переписываясь съ ними, онъ давалъ имъ рядъ порученій, чѣмъ и направлялъ на надлежащій путь ихъ занятія. Такъ — онъ обратился черезъ Вагилевича къ Я. Головацкому за пословицами, матеріалами о Хмельницкомъ, грамотами, пѣснями и библіографическими указаніями. Я. Головацкій снабдилъ его кое-чѣмъ: лично передалъ сборникъ колядокъ Бѣрецкаго, использованный въ 1843 г. Костомаровымъ[2]); черезъ Запа послалъ приповѣдки, а съ Гавличкомъ грамоты и пѣсни для Бодянскаго въ Москву.—Занятія же Вагилевича галицкорусской этнографіей Срезневскій использовалъ для статей Сементовскаго («Молодикъ» 1843 г.). Самого же

1) «Матеріалы» 163—185 стр. 2 письма И. Головацкаго 1842 и 1846 годовъ, 1 письмо Я. Головацкаго 1844 г. и 3 письма И. Вагилевича 1842—44 г.

2) См. «Матеріалы» 192—193 стр.

Вагилевича поощрялъ дать обзоръ умственной жизни Галицкой Руси.

Въ благодарность за литературную помощь, оказанную ему галичанами, Срезневскій послалъ: Бѣрецкому за колядки — по экземпляру всѣхъ малорусскихъ изданій; Я. Головацкому — Запорожскую Старину, Украинскія Баллады Галки, Думки Могилы, Наталку Полтавку и Марусю. Получилъ-ли Вагилевичъ какія-либо книги отъ Срезневскаго не знаемъ, хотя онъ просилъ о многихъ русскихъ и украинскихъ изданіяхъ взамѣнъ за свою грамматику. Кстати укажемъ на то, что Вагилевичъ, посылая свою грамматику Срезневскому, просилъ его передать по одному экземпляру Максимовичу, Костомарову и Метлинскому «для побратимства», а Востокову и Гречу, «яко учителямъ».

Эти кратковременныя сношенія русскихъ галичанъ съ Срезневскимъ прекратились послѣ 1844 г. Я Головацкій оставилъ Львовъ, Вагилевичъ поступилъ въ библіотеку Оссолинскихъ и былъ занятъ въ Czasopismie, а И. Головацкаго поглотили заботы о хлѣбѣ и по изданіи «Вѣнка». Да, и у Срезневскаго не оказалось столько времени, чтобы слѣдить за тихой галицкорусской жизнью.

Срезневскій, подобно Кеппену и Погодину, не пропускалъ удобнаго случая, чтобы знакомить Россію съ Карпатской Русью: въ «Донесеніи министру», напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр. 1843 г. 37 ч., онъ далъ сжатую, но очень вѣрную картину карпаторусской умственной жизни, а на другомъ мѣстѣ извѣстіе о приповѣдкахъ Илькевича; въ «Вѣстникѣ русскаго географическаго общества», 1852, I, обстоятельную статью «Русь Угорская». — Въ бумагахъ же Срезневскаго находимъ рядъ изданныхъ и неизданныхъ произведеній карпаторусскихъ литераторовъ 40-выхъ годовъ, какъ Вагилевича, обоихъ Головацкихъ, Духновича и Шашкевича [1]).

---

1) Матеріалы 194—199 ст.

Для полноты обзора сношеній галицкихъ писателей съ русскими учеными укажемъ еще на (2) письма Вагилевича къ Лукашевичу, письмо къ Кирѣевскому 1838 г. о колядкахъ и украинскихъ поднарѣчіяхъ [1]) и письмо къ Востокову [2]), отправленное вмѣстѣ съ грамматикой 1845 г. — Зубрицкій же и Я. Головацкій переписывались съ Максимовичемъ [3]).

Подводя общій итогъ сношеніямъ карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными въ 1-ую половину XIX в., мы вправѣ опредѣлить ихъ общимъ названіемъ—племенно-научныя. Источникомъ этихъ сношеній, какъ мы убѣдились, были обосторонніе научные интересы, проявившіеся съ особенной силой въ періодъ 1835—1848 г., т. е. въ періодъ практическаго изученія славянства начинающими русскими славяновѣдами и изученія родины и славянства львовскимъ кружкомъ галичанъ.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ однородныхъ научныхъ интересовъ, впослѣдствіи же и личнаго знакомства русскихъ галичанъ съ сѣверянами, явилась довольно оживленная, хотя и непродолжительная переписка. Предметомъ переписки были вопросы научно-информативнаго характера и обмѣнъ книгами. Книги получались во Львовѣ русскія историческія и украинскія беллетристическія. Съ помощью этихъ книгъ львовскій кружокъ получилъ возможность познакомиться — по ученымъ изданіямъ лѣтописей и литературныхъ памятниковъ—съ древнерусской исторіей вообще и съ южнорусской въ частности. Литературныя же украинскія произведенія являлись для львовской молодежи лучшими образцами зарождавшейся мѣстной литературы.

Въ виду того, однако, что во Львовѣ среди университетской

---

1) См. «Письма» 641 и 646 стр. «Матеріалы»—письмо Вагилевича къ Срезневскому, 28 іюня 1844 г. стр. 179.

2) См. Переписка А. Х. Востокова, Спб. 1873 г. 376 стр. № 295.

3) См. д-ра Студинскаго—З кореспонд. Зубр., 25—36 стр. 5 писемъ Максимовича къ Зубрицкому 1840—43 г.

молодежи и младшихъ писателей оказалось немного живого и способнаго къ литературно-ученому труду матеріала, нѣтъ ничего удивительнаго, что эти сношенія съ русскими учеными были довольно спорадически и непродолжительны. Кратковременность сношеній была обусловлена еще тѣмъ, что львовскіе литераторы — Зубрицкій, Головацкій и Вагилевичъ были все автодидакты, безъ надлежащей основной школы, слѣдовательно могли только пойти въ ученіе къ своимъ русскимъ знакомымъ, а никакъ не въ ихъ товарищи. Эту сторону своего автодидактизма и отмѣтили — Зубрицкій въ письмѣ къ Погодину, И. Головацкій въ обоихъ письмахъ къ Срезневскому. Я. Головацкій и Вагилевичъ не сдѣлали этого. Послѣдній же, создавши себѣ обширный планъ филологическихъ, историческихъ и этнографическихъ работъ и, не успѣвши сосредоточиться ни на одной изъ нихъ, старался готовые научные выводы другихъ примѣнить къ отдѣльнымъ случайнымъ явленіямъ (Розгорецкія надписи, Мечъ Бужскій), хотя для этого и не было основанія. Совершенно естественно, что въ такихъ условіяхъ переписка съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ и Лукашевичемъ не могла продолжаться; подобно тому, какъ и переписка каноника Лавровскаго съ Кеппеномъ и Востоковымъ должна была прекратиться уже вскорѣ послѣ того, какъ началась.

Итакъ, научные интересы сблизили обѣ стороны, но они же и отчуждали ихъ взаимно: одна сторона оказалась недостаточно подготовленной, чтобы вникнуть и вглубиться въ нихъ; другая же проникала и вглублялась въ нихъ все больше и больше, въ виду чего и удалялась отъ отставшихъ. Если одну изъ причинъ этого явленія видимъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ находилась зарождавшаяся галицкорусская умственная и научная жизнь, такъ другую слѣдуетъ искать въ самихъ дѣятеляхъ. Отсутствіе соотвѣтствующей научной подготовки, недостатокъ мѣстныхъ научныхъ изданій и умственныхъ средоточій, недоступность первоисточниковъ и естественная малочисленность интересующихся наукой въ Карпатской Руси не могли ни содѣйство-

вать развитію науки, ни дать выдающихся ученыхъ. Къ этимъ обстоятельствамъ присоединилось пылкое увлеченіе младшихъ галицкорусскихъ писателей, помимо массы научно-литературныхъ вопросовъ, и злободневной политикой. Это увлеченіе отразилось очень вредно на Вагилевичѣ и Головацкомъ, давшихъ до 1848 г. довольно незначительный вкладъ въ русскую науку, а затѣмъ смѣшавшихъ злобу дня съ наукой, что́ опять не повысило сто́имости ихъ литературныхъ занятій. Старикъ Зубрицкій, вошедши всецѣло въ исторію, далъ значительно тяжелѣе вкладъ въ научную сокровишницу Руси. То же замѣчаемъ и у русскихъ: ученая дѣятельность Погодина прерывается подъ конецъ 40-выхъ гг., когда онъ занялся исключительно политикой; Срезневскій же, Бодянскій и Кеппенъ, удалившись отъ политики, продолжали разъяснять горизонты русской науки. — Вслѣдствіе всего этого карпато-русская наука и литература оказалась очень неглубокой, неполной, отсталой и мало интересной, между тѣмъ, какъ русская наука и литература, основываясь на незыблемыхъ, а малообразованнымъ карпаторусамъ недоступныхъ общечеловѣческихъ началахъ, развивалась все больше и выше. Вотъ причины, отчуждившія родоначальниковъ карпаторусской умственной жизни отъ лучшихъ представителей современной имъ Россіи.

Другой знаменательной чертой этихъ сношеній явились племенныя симпатіи, проявленныя особенно галичанами при встрѣчѣ съ русскими, сѣверяниномъ Погодинымъ и южаниномъ Срезневскимъ. Оба имъ братья, только Срезневскій ближе и дороже. Эти симпатіи замѣчаемъ у обѣихъ сторонъ, у русскихъ путешественниковъ даже глубже, такъ какъ у нихъ онѣ были соединены съ чувствомъ состраданія къ притѣсняемымъ мадьярами угрорусамъ (Кеппенъ, Надеждинъ) и эксплуатируемымъ нѣмцами галичанамъ (Кеппенъ, Погодинъ). Сознаніе племенного родства не соединялось, однако — въ этотъ періодъ сношеній, съ вопросомъ о политическомъ объединеніи, или же съ мыслью о превосходствѣ сѣвернорусскаго племени надъ южнорусскимъ.

Племенной разновидности и равноправности не отрицали и

сѣвернорусы. Кеппенъ, Надеждинъ и Погодинъ смотрѣли на зарождавшуюся карпаторусскую литературу, какъ на естественное и очень отрадное проявленіе умственной жизни отдаленной частицы русскаго народа. Мало того, принимая близко къ сердцу интересы русской науки, они старались обратить вниманіе, какъ ученыхъ учрежденій, такъ и вѣдающихъ дѣлами русскаго просвѣщенія правительственныхъ сферъ, на важность всесторонняго изученія Карпатской Руси и на необходимость всесторонней поддержки ученыхъ предпріятій первыхъ галицкорусскихъ писателей. Кромѣ этого они же, посредствомъ своихъ статей и книжныхъ посылокъ, немало содѣйстовали ознакомленію галичанъ съ украинской литературой.

Послѣдствіемъ этихъ заботъ явилось то, что въ широкіе круги русскаго читающаго общества проникли довольно обстоятельныя свѣдѣнія о Карпатской Руси и что ученые спеціалисты занесли изученіе этой страны въ кругъ своихъ занятій. Даже Министерство Народнаго Просвѣщенія сочло необходимымъ поставить въ виду П. И. Прейсу, командированному 1839 г. с.-петербургскимъ университетомъ въ славянскія земли, что «въ числѣ другихъ предметовъ нарѣчіе Русиновъ, столь важное по отношенію къ малороссійскому должно обратить особенное его—славянскаго ученаго—вниманіе» [1]). О подобной же командировкѣ въ Галицкую Русь, съ цѣлью обогатить ея словарнымъ матеріаломъ свой малороссійскій словарь, хлопоталъ въ 1839 г. передъ Академіей Наукъ и А. Метлинскій [2]).

Указанное нами выше прекращеніе сношеній галичанъ съ русскими учеными явилось источникомъ новыхъ знакомствъ, связей и симпатій во 2-ую половину XIX в.—Дѣятели карпаторусскаго возрожденія, подъ вліяніемъ современнаго всеславянскаго

---

1) См. В. А. Францевъ.—Обзоръ изученій Угорской Руси, 156 стр.

2) См. *Бумаги и дѣла Имп. Акад. Наукъ* 1839 г. № 3, л. 22—23. Академія отвѣтила, что выдастъ пособіе послѣ напечатанія словаря.

умственнаго движенія, принялись за всестороннее изученіе родины и за посильный трудъ въ пользу родной литературы и національнаго самосознанія. Получивъ смутное понятіе о національной духовной жизни, они старались опредѣлить понятіе «сознательный народный дѣятель-патріотъ». До этого опредѣленія они дошли путемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ соображеній—о географическомъ расположеніи и объ политической независимости Карпатской Руси въ старину, о вѣрѣ, объ языкѣ и о всѣхъ свѣтлыхъ явленіяхъ давно прошедшей бывальщины. Нынѣ оказалось не то: много земли было утеряно, и страна давнымъ давно подчинена власти другихъ, и вѣра другая, и языкъ перемѣнился, и свѣтлаго ничего нѣтъ. Это и вызвало у нихъ любовь къ старинѣ, мечты объ ея возвращеніи съ политическимъ и литературнымъ объединеніемъ отдѣльныхъ частей Руси. Съ другой же стороны они вознегодовали на настоящее и почувствовали горечь нерасположенія къ виновникамъ паденія родины. Въ то же время нужно было случиться тому, что потомки древнихъ наѣздниковъ на родину стали выступать съ цѣлымъ рядомъ предложеній и даже нововведеній — какъ съ польскимъ абецадломъ на мѣсто кирилицы и гражданки, съ притязаніями на участіе галицкорусскаго народа въ возсозданіи польскаго королевства въ историческихъ предѣлахъ, съ объединеніемъ календарей, съ польскимъ происхожденіемъ южнорусовъ, словомъ съ желаніемъ обезличить Галицкую Русь. Неудивительно, что затаенная горечь все усиливалась, пока въ 1848 г. не вызвала въ Галичинѣ русско-польской ненависти, вражды и братоубійственной борьбы.

Мечты о свѣтлой старинѣ, любовь внѣшняго блеска и строя государства, національная нетерпимость и самомнѣніе — вотъ общія черты міровоззрѣнія одной части карпаторусскаго общества и русскихъ славянофиловъ во 2-ую половину XIX в. Близкое родство міровоззрѣній и вызвало—сближеніе, первоначально идейное, а тамъ дружбу и взаимную поддержку обѣихъ сторонъ, и всю роковую цѣпь самыхъ непредвидѣнныхъ и нерѣдко очень вредныхъ для умственнаго развитія Карпатской и Юго-Запад-

ной Руси событій, составившихъ впослѣдствіе исторію такъ называемой старорусской партіи.

ГЛАВА III.

(Идеи о литературномъ и племенномъ единствѣ у угрорусскихъ писателей. Отношеніе галицкорусскихъ писателей къ этому вопросу. Знакомство Карпатской Руси съ русской литературой. Заключеніе—связь разсмотрѣннаго періода съ послѣдовавшимъ).

Карпатская Русь была соединена, какъ съ Россіей, такъ и съ православнымъ югославянствомъ, помимо самой церковной книги еще и вышедшимъ отъ нея книжнымъ славянскимъ языкомъ. Правда, этотъ «книжный языкъ» не отличался однообразной стройностью, такъ какъ основывался, несмотря на общепринятую славянами грамматику Смотрицкаго, на отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Но всетаки эти «книжные языки» были столь близки другъ къ другу, что Ломоносовъ могъ правильно заключить въ статьѣ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» (1757 г.), что задунайскіе славяне, «хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія Славенскихъ книгъ церьковныхъ говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской». Внутреннее же развитіе такого «книжнаго языка» было того рода, что книжники конца XVIII и начала XIX вв. могли повторять за Ломоносовымъ: «По времени же рассуждая, видимъ, что Россійской языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было» [1]).

Традиція и современная карпаторусская письменность подтверждаютъ, что помянутые выводы Ломоносова были именно

1) Сочиненія М. В. Ломоносова, изд. Акад. Наукъ, т. IV, стр. 229.

такъ, а не иначе поняты карпаторусами. Традиція передала карпаторусскимъ грамотеямъ славенскій языкъ съ букваремъ, по которому они научились проходить часословецъ и псалтырь, а за симъ апостолъ и библію; грамотеи же получше проходили послѣ псалтыри и «словенскую граматику»—какъ этого требовалъ Смотрицкій. Итакъ грамотеи знакомились по церковнымъ книгамъ и по словенскимъ граматикамъ съ «книжнымъ» языкомъ, а не получая въ руки книги небожественной на народномъ языкѣ, за ея рѣдкостью, привыкали думать и другимъ передавать, что книгу слѣдуетъ составлять только «книжнымъ словенскимъ» языкомъ. Тоже предписывала имъ и высшая «грамматическія науки»—риторика, положившая ясно очерченные предѣлы «низкому — tenui, посредственному—mediocri и превыспреннему—sublimi» стилямъ [1]).

Слѣдуя этой традиціи, карпаторусская письменность сохранила почти до 30-тыхъ гг. XIX в. преимущественный характеръ славенороссійскаго грамотейства, какъ въ языкѣ, такъ и въ содержаніи. Можно бы, правда, указать на рядъ рукописныхъ поучительныхъ евангелій, церковныхъ пѣсенниковъ, на Катихизисъ еп. Винницкаго 1685 г. и на нѣкоторыя почаевскія изданія (Полѣтика свѣцка, Науки парохіальнія з'славенско-рускаго на простый и посполитый языкъ рускій преложенія), составленныхъ на болѣе или менѣе чистомъ народномъ языкѣ и содержавшихъ кромѣ нравственно-богословскихъ элементовъ и гражданскіе. Но эти изданія, согласно духу времени, не должны были появляться въ другомъ «стилѣ», какъ «низкомъ»: они вѣдь предназначались для простонародныхъ массъ, къ которымъ по законамъ риторики на другомъ языкѣ нельзя было обращаться. Письменность для «высшихъ» круговъ и цер-

---

1) А. Мразовича — Руководство къ славенскому краснорѣчію, Будинъ 1821 г. 176—181 стр. — Среди карпаторусовъ было въ обращеніи 400 экз. Руководства: митр. Левицкій выписалъ для львовской митрополіи 200, а епископъ Поповичъ для мукачевской епархіи 200 экз. — См. въ «Руководствѣ» — «Пренумеранти».

ковная продолжала оставаться славенороссійской или же польской, а даже латинской, или нѣмецкой (языкъ дѣловодства консисторій, Ставропигійскаго института — на границѣ XVIII и XIX вв.).

Мало того, школьная традиція, столь рьяно оберегавшая права́ «книжнаго» языка въ книгѣ, внушала исподволь и поддерживала среди карпаторусскаго «панскаго», т. е. чиновнаго и духовнаго сословій, идею о непригожести «хлопскаго» языка даже въ обиходномъ употребленіи, послѣдствіемъ чего явилось то, что многіе выдающіеся карпаторусы не знали родного языка и волей-неволей были принуждены употреблять въ своихъ сочиненіяхъ языки общества и школы — польскій, нѣмецкій и латинскій [1]) и вводить въ богослужебныя книги надстрочныя транскрипціи латинкою.

Такое отношеніе къ книжному и простонародному языкамъ нашло себѣ, уже подъ конецъ XVIII в., лучшее выраженіе въ предисловіяхъ къ переводамъ Захарьясевича и Лодія [2]). По мнѣнію обоихъ переводчиковъ, ихъ славенорусскій языкъ и есть «матерній народный языкъ россійскаго народа» (понятно — Галичины, Лод.), или же «русскій языкъ русскаго народа Галиціи» (Зах.). Несмотря, однако, на это заявленіе о «матернемъ языкѣ», оба профессора-переводчика считали умѣстнымъ извиниться, что въ книгахъ, предназначенныхъ «къ пользѣ юношества Рускаго Галиціанскаго» (Зах.), или же «для пользы учащаго ея юношества Галлиційскаго» (Лод.), употребили «выраженій простыхъ».

---

1) Укажемъ для примѣра на еписк. Бѣлянскаго, Ангеловича, Скородинскаго, каноника М. Гарасевича, д-ра Филиповича, Зубрицкаго (до 1836 г.); о состояніи карпаторусской письменности см. Головацкаго—Дополненіе къ библіографіи Ундольскаго и И. Е. Левицкаго—Гал. русскую библіографію 1772—1800 (Зап. наук. т-ва им. Шевченка 52 т.) и 1800—1861 г. отдѣльнымъ изданіемъ.

2) Ѳ. Захаріасіевичъ—М. Данненмаѵра Наставленія історіи церковныя, Львовъ 1790 г. II-ая ч; П. Лодій — Х. Баумейстера Наставленія любомудрія, Львовъ 1790 г.

Болѣе подробно высказались по вопросу о соотношеніи «книжнаго» и «простонароднаго» языковъ угрорусскіе писатели, занимавшіеся исторіей и языкомъ родины. Хотя только одинъ Лучкай, высказался печатно, выводы же Венелина и Бережанина дошли до насъ въ рукописяхъ [1]), мы все таки считаемъ возможнымъ объединить эти выводы, какъ по времени (1827—1836 г.), такъ и по ихъ внутреннему родству.

Раньше другихъ опредѣлилъ свое отношеніе къ народному языку въ литературѣ и общественной жизни, Иванъ Бережанинъ въ статьѣ, посланной 1827 г. изъ Вѣны въ Одессу Орлаю. Предпославъ своей статьѣ «Въ обще о различіи Славянскихъ нарѣчій, собственно же о мало и҆ Карпато или Угрорусскихъ» краткій обзоръ историческихъ судебъ языка вообще, Бережанинъ говоритъ: «так и҆ славянскій съ в'веденіем христіанства и҆ обрядов церковных изобразиваем, и҆ до той цвѣтущей степени приведен есть, въ которой въ большой странѣ Европы еще и҆ нынѣ снаходится» (Мат. 47 стр.). Славянскій языкъ однако, подобно другимъ, распадается на цѣлый рядъ нарѣчій, въ виду чего «инако велико и҆ малороссіан говорить, инако гадаеть и мовить лях.... ихъ же всѣх нарѣчія, на колико едино от другаго, и на колико от церковнаго и҆ русскаго яко основанія и҆ корене своего отдаленны и отличны суть?» Этимъ занимались различные ученые отъ Богорича (1584) до Геркеля (1826), онъ же «для показанія и доведенія того: которое съ нынѣйшних славянских нарѣчій паче иных лучшим и изряднѣйшим есть? Слѣдующая ради основанія — полагаетъ — и҆ убо: въ 1-ых того славянскаго народа бесѣда или нарѣчіе паче иных совершеннѣйшим, лучшим и изряднѣйшим, и церковному яко корени и основанію своему сходнѣйшим сказат можно, его же бесѣда: въ церкви или богопочитаніи, въ гражданском и҆ военском Правительствѣ, и҆ въ пре-

1) М. Лучкая — Slavo-ruthena grammatica, Budae 1830 (1), Praefatio; Бережанина статья въ «Матеріалахъ» 46—56 стр.; Венелина статьи въ «Матеріалахъ» 86—120 стр.

поданіи наук въ общих училищах народных въ употребленіи, слѣдовательно: егоже язык дипломатическій есть. По 2-ое паки егоже нарѣчіем или бесѣдою богопочитаніе цѣлое гражданское правительство и̓ науки хотяй сочасти только отправляются. По 3-ое того егоже нарѣчіем хотяй сѣчасти набоженство только и̓ науки отправляются. Прочія паки вся таковая нарѣчія имиже ниже набоженство отправляются, ниже гражданство управляется, ниже науки преподаются, нуждно суть простая, грубая, и̓ на-только погубленная, что слышащему я едва порозумить возможно; славянскія ли она, или паче: турско и̓ нѣмецько таліанская суть?»

Предоставивъ затѣмъ отдѣльнымъ славянскимъ народамъ испытать по указанному шаблону свои нарѣчія, авторъ «съ любви и ревности къ своему роду, вѣкратцѣ о мало и карпато или угрорусском нарѣчіи (слѣдующая) преподать» спѣшится. Слѣдуетъ краткій обзоръ отличительныхъ чертъ малорусскаго отъ церковнаго и великорусскаго языковъ и отдѣльныхъ малорусскихъ говоровъ, образовавшихся подъ вліяніемъ польскимъ и румынскимъ (Мат. 48—52). Въ виду того, что у славянъ столько разныхъ нарѣчій, произшедшихъ «съ рознаго ползованія и произношенія само и иногласных писмен ради соединенія или хотяй толко болшаго подобія и поразумѣнія, очень ползовало бы писать славянам тако под сократительными знаками, какъ тое в церковных книгах изобрѣтается, которым способом сталося бы, да тыяжде имена и слова кійлибо ровно пишеть, произносить же по своему нарѣчію, напримѣръ Бг҃ъ: Богъ, Бігъ, Бѣгъ, Бугъ, Беугъ» и пр. (Мат. 51 стр.). Представивъ затѣмъ образцы угрорусскаго нарѣчія, авторъ статьи говоритъ, что «въ Угроросси ученна и просвѣщенна его часть, юже чинъ духовный, благородны земляне (немешѣ) дяки и учителіе составляють пишеть и говорить чистым старинным славянским или руським языком, так совершенно и чисто, какъ и самые великороссіане» (Мат. 54 стр.). На томъ же языкѣ отбывались до 1809 г. всѣ преподаванія во Львовѣ и Ужгородѣ, нынѣ же только нѣкоторыхъ

предметовъ. Въ виду чего «по помянутых нарѣчіях (яко напримѣръ сербы по своему) новѣ издавать грамматики, только бы значило, какъ тыя еще болѣе единаго отъ другаго и кореннаго славянскаго или чистаго русскаго языка отдалять, и ктому поспѣшествовать да русскія народы взаим себѣ еще мнѣе какъ днесь розумѣють, пишуть же тако глаю̄ще; ниже русски, ниже славянски, по французько янгельски, нѣмецко китайски, татаро козатьки (!), полско и угорско цигански» (Мат. 55 стр.). Принимая же наконецъ во вниманіе, что русскій языкъ распадается на множество нарѣчій, слѣдуетъ составить нарѣчевой корнесловъ, который и облегчилъ бы взаимопониманіе, какъ русскимъ, такъ и славянскимъ народамъ.

Не мѣсто здѣсь входить въ генезисъ выводовъ Бережанина, на которыхъ отразились, какъ современныя общеграмматическія правила, такъ и попытки славянскихъ грамматиковъ создать общеславянскій языкъ. Для насъ важно одно содержаніе ихъ, которое сводится къ слѣдующему: Славянскій (книжный) языкъ, образовавшійся со временъ введенія христіанства, достигъ нынѣ полнаго расцвѣта. Такъ какъ онъ раздѣлился — подобно другимъ языкамъ, на рядъ нарѣчій, слѣдуетъ опредѣлить, который изъ славянскихъ языковъ самый лучшій и развитой. Понятно, что такимъ языкомъ окажется тотъ, который употребляется во всей культурно-общественной жизни народа. Нужно, слѣдовательно, подвергнуть надлежащей критикѣ состояніе отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Авторъ, какъ угроруссинъ, разсматриваетъ только русскія нарѣчія, не забывая объ отдѣльности простонароднаго малорусскаго отъ великорусскаго и церковнаго языковъ, и приходитъ къ выводу, что нарѣчевыя особенности можно устранить путемъ графическихъ сокращеній, которыя внѣшнимъ образомъ и объединятъ русскія нарѣчія. Ввиду же того, что довольно многочисленное угрорусское ученое и просвѣщенное сословіе употребляетъ въ письмѣ и словѣ чистый старинный славянскій, т. е. русскій языкъ, слѣдуетъ позаботиться о сохраненіи этого чистаго русскаго языка — не изданіемъ нарѣчевыхъ грамматикъ,

что́ только удалитъ племена отъ настоящаго славянскаго (русскаго) языка, лишь изданіемъ полныхъ корнеслововъ.

Выводы Бережанина страдаютъ, повидимому, неполнотой, такъ какъ намъ приходится только изъ контекста заключать о томъ, что языкъ, которому Бережанинъ отдаетъ всякое предпочтеніе, и есть славенорусскій языкъ его статьи и сочиненій славенорусскихъ писателей. Ровнымъ образомъ только вскользь упоминаетъ онъ о томъ, что нарѣчія и говоры славянскихъ, особенно же русскихъ племенъ, являются подраздѣленіями этого книжнаго славенорусскаго языка. Указаніе же на гражданство славенорусскаго языка среди «ученаго и образованнаго» угрорусскаго сословія содержетъ косвенное предписаніе сохранять этотъ языкъ въ письменности. Ясно высказалъ Бережанинъ только требованіе господства одного книжнаго языка у всѣхъ русскихъ племенъ.

У автора славянорусской граматики, М. Лучкая находимъ болѣе законченную картину соотношенія книжнаго и простонароднаго языковъ. Принявъ, что старославянскій языкъ является матерью славянскихъ языковъ вообще (Praef. VII), Лучкай пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: отдѣльныя нарѣчія, выбившись изъ общей массы родственныхъ («сестеръ») нарѣчій и вытѣснивъ ихъ, проникнули въ науку и общественную жизнь. Это наблюдаемъ въ Россіи, Франціи, Италіи и другихъ странахъ, съ различными нарѣчіями въ народѣ и однимъ господствующимъ нарѣчіемъ въ наукѣ и въ приговорахъ суда. Такое явленіе совершенно естественно: такъ какъ невозможно всѣмъ нарѣчіямъ быть совершенными; если бы, однако, кто-либо пожелалъ сдѣлать ихъ такими, то наконецъ не имѣлъ бы ни одного, или же вскрѣпилъ бы чужія. Подобное произошло у древнихъ славянъ, которые — не будучи литературно объединены — распались на глаголитовъ, уже въ XII в., и поляковъ, чеховъ, русскихъ, сербовъ и хорватовъ, старавшихся образовать свои нарѣчія, — вмѣсто того, чтобы развивать древнеславянскій языкъ. Нынѣ же дошло до того, что даже

незначительныя провинціи, какъ Моравія, Лужица, Каринтія и Карніолія думаютъ о своихъ особыхъ языкахъ. Ввиду этого можно опасаться, что такое отдѣленіе (separatio) создастъ много нарѣчій, которыя и будутъ поглощены другими. Вѣдь во многихъ мѣстахъ, гдѣ раньше процвѣталъ славянскій языкъ, нынѣ старшіе едва знаютъ родной языкъ.

Зато какимъ исполиномъ среди языковъ явился бы прародитель всѣхъ (славянскихъ) языковъ, древнеславянскій, если бы только онъ одинъ сохранился въ качествѣ книжнаго. Это легко исправимо и достижимо: вѣдь нигдѣ нѣтъ образованнаго книжнаго языка, тожественнаго съ простонароднымъ (cum plebe communis—VII). Будь это такъ, тогда слѣдовало бы заключить, что поселянину врождены тѣ же понятія и идеи, какія достались образованнымъ путемъ ученія и чтенія. Вездѣ нужно литературному языку учиться, только славяне одни стремятся слить литературный языкъ съ простымъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать этотъ языкъ понятнымъ и доступнымъ массѣ.

Авторъ и стоитъ за старославянскій языкъ, какъ литературный, тѣмъ болѣе, что онъ понятенъ его народу и употребляется образованными, ввиду чего онъ даетъ грамматику этого языка. Желая же показать, насколько карпаторусскій языкъ уклонился отъ старославянскаго, съ которымъ его нѣкоторые смѣшиваютъ, онъ обратилъ вниманіе и на карпаторусскія нарѣчевыя особенности. Слѣдуетъ добавить еще и то, что по мнѣнію Лучкая—карпаторусскій (ruthenica) языкъ не тожественъ съ русскимъ (russica—XII).

Дальше обоихъ земляковъ, Бережанина и Лучкая, пошелъ Венелинъ. И по его мнѣнію южнорусскій языкъ, къ которому принадлежитъ и карпаторусскій, отличается отъ сѣвернорусскаго, будучи съ нимъ равноправнымъ нарѣчіемъ русскаго (идеальнаго, кажется, а никакъ не нынѣшняго литературнаго). И ему не нравилась раздробленность «коренного» народа на племена и нарѣчія,

создающія карантины мысли и образованности, ввиду чего онъ и не одобрялъ такъ называемаго украинскаго правописанія и стоялъ за одинъ литературный языкъ для всей Руси.

Дальнѣйшіе выводы Венелина отдѣлили его, однако, отъ Бережанина и Лучкая громадною пропастью. Послѣдніе стояли за литературное объединеніе на почвѣ давно отжившаго и видоизмѣнившагося старославянскаго искусственнаго языка, чѣмъ и присоединились къ школѣ славенороссійскихъ грамотеевъ, съ ихъ лучшимъ представителемъ А. С. Шишковымъ[1]) во главѣ. Венелинъ же, на основаніи хорошаго знакомства съ историческимъ развитіемъ русской литературы, понялъ сразу безуспѣшность и мертвенность подобнаго направленія и сталъ въ защиту живого литературнаго языка и правописанія. Но и здѣсь сказался въ немъ тонкій знатокъ: нынѣшній русскій литературный языкъ принадлежитъ особенно сѣвернорусамъ, ввиду чего и справедливо назвать его «русскимъ языкомъ par excellence. Но правописаніе принятое русскою литературою принадлежитъ не одной Сѣверной Руси, но и Южной: поэтому оно Русское не *по преимуществу*, но общерусское» (Мат. 111), будучи созданнымъ преимущественно южнорусскими писателями XVII—XVIII в. А такъ какъ правописанію предстоитъ сцѣплять отдѣльныя нарѣчія и племена въ одно цѣлое, оно и должно быть постоянно и повсемѣстно. Это поняли разные народы, которые, хотя «по нещастью разбиты на нарѣчія, но по щастью стремятся обобщить

---

1) См. его — *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка.* Спб. 1803 г. Вліяніе Шишкова можно замѣтить у Лучкая и Бережанина, выводы которыхъ напоминаютъ намъ слѣдующее мѣсто статьи Шишкова: «Древній славенскій языкъ, повелитель многихъ народовъ, есть корень и начало россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами заимствованными отъ сроднаго ему еллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѳены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники» 2 стр. Очень можетъ быть, что въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло съ общимъ вліяніемъ статьи Ломоносова—«О пользѣ книгъ церьковныхъ».

сплавить однимъ нарѣчіемъ свои разросшіеся члены и вѣтви. А это стремленіе происходитъ изъ чувства самосохраненія, усиленія себя, упроченія своей независимости, своего щастья». Въ подтвержденіе этого положенія Венелинъ ссылается на высокую степень культурнаго развитія Французовъ съ однимъ литературнымъ языкомъ (7-ми милліоннымъ нарѣчіемъ) для всего народа (32 мил.) и на некультурность немногочисленныхъ чухонцевъ, разбитыхъ на нѣсколько нарѣчій. Сопоставивъ же цифры населенія съ цифрами нарѣчій отдѣльныхъ народовъ, Венелинъ пришелъ къ выводу, что «самый развитый есть Русскій народъ, который заключаетъ въ себѣ болѣе 42 милліоновъ и только два нарѣчія», легко понятныя обоимъ племенамъ (Мат. 118).

Считалъ ли Венелинъ это требованіе литературнаго единенія южанъ съ сѣверянами обязательнымъ и для карпаторусовъ, трудно опредѣлить, такъ какъ въ относящихся сюда статьяхъ рѣчь идетъ преимущественно о Кіевской и Московской Руси, объединенныхъ и политически уже съ пол. XVII в., чему онъ придавалъ большое значеніе. Въ случаѣ, однако, если бы Венелинъ, несмотря на вѣковую политическую и культурно-общественную обособленность и исключительность Карпатской Руси, предписывалъ и ей — еще въ самомъ началѣ умственнаго движенія — примкнуть къ живой сѣвернорусской литературѣ и наукѣ, какъ къ общерусской, то это слѣдовало бы считать — по крайней мѣрѣ — естественнѣе, цѣлесоотвѣтственнѣе и легче осуществимымъ, чѣмъ уродливыя теоріи его земляковъ — современниковъ о «древнеславянскомъ» и «славенороссійскомъ» языкахъ.

Между тѣмъ послѣднія теоріи плѣнили многихъ карпаторусскихъ грамотеевъ начала XIX в. и поработили на долгое время свободную мысль, живое слово и умственное движеніе страны. И понятно, что иначе не могло быть, разъ часть трудоспособныхъ и одаренныхъ писателей замкнула умственную жизнь народа въ узенькія границы отжившаго и изуродованнаго «старославянскаго» языка и его письменности, вмѣсто того, чтобы пре-

доставить самой жизни законное право охватывать все болѣе и болѣе широкіе предѣлы[1]).

Среди галицкорусскихъ писателей первой полов. XIX в. не было двухъ мнѣній о соотношеніи галицкорусскаго — вмѣстѣ съ южнорусскимъ языкомъ — къ сѣвернорусскому. Всѣ они соглашались въ томъ, что это два отличныхъ народныхъ языка, объединенныхъ до XV в. общей письменностью, до настоящаго же времени однимъ письмомъ; вообще же сродненныхъ общимъ происхожденіемъ. О подчиненности одного языка другому въ то время и помину не было. Наоборотъ — мнѣніе Шевырева о галицкорусскомъ языкѣ, какъ «польско-русскомъ нарѣчіи» (Москвит. 1841 г. 507 стр.), вызвало со стороны Іос. Левицкаго рѣшительное опроверженіе въ Jahrbücher Іордана 1844 г. (183 стр.). Къ извѣстной же теоріи Погодина о кіевскихъ великорусахъ И. Я. Головацкій, несмотря на свое русофильство, отнесся въ письмахъ къ брату Якову довольно иронически[2]).

Это единомысліе галицкихъ писателей насчетъ взаимоотношенія обоихъ русскихъ нарѣчій не объединило, однако, ихъ мнѣнія о значеніи народнаго языка въ культурномъ развитіи страны. Одна часть, о которой было выше упомянуто, стояла за строгое

---

1) Лучшую характеристику этихъ галицкорусскихъ «славенскихъ писаній» далъ Максимовичъ въ «Кіевлянинѣ» 1841 г. 134—141 стр.

2) Обращая вниманіе брата Якова на статью Погодина во 2-омъ вып. «Извѣстій Акад. Наукъ» 1856 г., И. Головацкій писалъ ему: «тотъ москвичъ дерзнулъ утверждать, будто до пришествія татаръ не было малороссіянъ въ Кіевѣ, и что нѣтъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія въ Несторовой и проч. лѣтописяхъ!! Но зато нашъ старикъ Максимовичъ розписался въ «Русской Бесѣдѣ» III кн. и рѣшительно опровергнулъ это литературное заблужденіе ... Досталось тамъ Погодину хорошо на его долю, за его Ultrапатріотизмъ».—См. Студинскій— Кореспонд. Я. Головацького, 350—1 стр. Письмо И. Г—аго отъ 26 апр. 1857 г.— На 354 стр. въ письмѣ отъ 4 мая 1857 г. И. Г—ій доноситъ брату: «Погодинъ написалъ въ IV книгѣ (Рус. Бес. 1856 г.—авт.) реплику—но такъ слабо и ничтожно доводитъ свою догадку, что невольно вспомнишь пословицу: Не мавъ волкъ чимъ, та лыкомъ».

отдѣленіе книжнаго отъ простонароднаго—мужицкаго и, по вѣковой традиціи, предлагала въ качествѣ перваго доморощенный славенскій языкъ. Къ нимъ принадлежали такіе строгіе послѣдователи возвышеннаго стиля, какъ Семашъ, Лѣсенецкій, Іос. Левицкій въ переводахъ, цензоръ Вен. Левицкій и церковная іерархія.

Причина этому преклоненію предъ искусственнымъ «книжнымъ языкомъ» слѣдуетъ искать въ школьнической традиціи, своеобразномъ аристократизмѣ галицкорусскаго общества и въ подобострастномъ почитаніи языка и буквы священныхъ церковныхъ книгъ. Школьническая традиція и почитаніе церковной книги поддерживали дольшее время господство «книжнаго языка», а своеобразный аристократизмъ вложилъ въ уста галицкорусскому мелкому обществу польскую рѣчь шляхты, нѣмецкую чиновничества и латинскую богословія. Искусственность зарождавшейся галицкорусской письменности была обусловлена еще тѣмъ, что она образовалась преимущественно семинарской молодежью, находившейся—во всѣхъ отношеніяхъ—подъ бдительнымъ надзоромъ духовнаго начальства. Послѣднее же—въ силу присущихъ ему понятій — считало указаннымъ отнестись опекунски ко всякимъ «новымъ» начинаніямъ. Оно не одобряло и участія семинаристовъ въ тайныхъ галицкопольскихъ кружкахъ; возстало черезъ своего цензора В. Левицкаго и противъ задуманнаго Шашкевичемъ и товарищами 1835 г. альманаха «Зоря» за гражданку, народный языкъ и полуфонетическое правописаніе; конфисковало въ 1839 г. «Оду архикн. Францу Карлу», напечатанную А. Могильницкимъ гражданкою и запретило въ 1844 г. перепечатанье «Маруси» Основяненка по причинѣ «правописанія та украинскихъ словъ галичанамъ, якобы, непонятныхъ [1])».

1) См. письмо Я. Головацкаго къ И. Срезневскому отъ 8 авг. 1844 г. въ «Матеріалахъ» 174 стр.; его же воспоминанія въ «Наук. Сбор.» 1886 г.; Іос. Левицкаго — das Schicksal d. gal.-ruthenischen Sprache въ Jahrbücher Іордана 1844 г. и статью *Hawryła Rusyna* (Я. Г—аго) — Zustände der Russinen in Galizien, тамъ же 1846 г.

Мало того, то же духовное начальство, вмѣстѣ со старшимъ духовенствомъ конца XVIII и начала XIX в., не очень то одобряло употребленіе простого слова на мѣсто польскаго въ церковной проповѣди, несмотря на то, что піитическія и риторическія предписанія XVIII в. ясно допускали «деревенскій мужицкій слогъ» въ комедію, низшій родъ литературы и въ рѣчи къ простонародью. Если же это неодобрительное отношеніе церковной іерархіи къ простонародному языку продолжалось и послѣ 1850 г., то одну изъ главныхъ причинъ этого явленія слѣдуетъ видѣть въ нежеланіи наивысшей церковной власти вводить въ церковь «plebeum sermonem» [1]). Вотъ почему капеланъ митрополита Левицкаго — А. Петрушевичъ обратился, по его же порученію, къ Я. Головацкому въ апрѣлѣ 1855 г. съ предложеніемъ: перевести папскую буллу «нашею рѣчею, т. е. *благородною книжною*, но никакъ *мужиковскою*, чему сопротивляется уже сама важность предмета; подъ свободнымъ переводомъ надо понимать приличное соблюденіе отличительныхъ свойствъ русскаго языка и его словосочетанія, для избѣжанія латинизмовъ» [2]).

Ничего нѣтъ удивительнаго, что среди такихъ обстоятельствъ — у большинства защитниковъ правъ простонароднаго языка въ зарождавшейся галицкорусской литературѣ не могло появиться достаточно силъ, чтобы окончательно отвести ему надлежащее мѣсто. Вдобавокъ и познанія по языку были у начинавшихъ галицкорусскихъ писателей слишкомъ незначительны и случайны, чтобы можно было — на ихъ основаніи — заняться болѣе успѣшной литературно-филологической работой. Вотъ причины, почему Могильницкій, Левицкій, Вагилевичъ, Лозинскій и Головацкій [3]) не успѣли дать своимъ современникамъ хорошую гра-

1) См. Die ruthenische Schrift—und Sprachfrage, Львовъ 1861 г. 50—1 стр. Письмо кардинала Франсони 1851 г. отъ имени папы Пія IX къ митрополиту Левицкому.

2) См. Студинскій—кореcп. Я. Голов. 194 стр.

3) I. Могильницкаго—возраженіе львовской губерніи 1818 г. на замѣчаніе, будто въ гал.-русскихъ приходскихъ школахъ учатъ великорусскому (russisch) языку, и доказательства, что гал.-рус. и малороссійскій языки независимы отъ

матику народнаго языка и надлежащее понятіе объ его значеніи въ новомъ умственномъ движеніи.

Такъ Могильницкій говорилъ въ одной и той же статьѣ о самобытности галицкорусскаго языка по отношенію къ старославянскому и сѣвернорусскому, но одновременно указывалъ на отличіе книжнаго языка отъ простонароднаго, считая южнорусскій книжный языкъ XVI—XVIII вв. почти тожественнымъ съ нынѣшнимъ живымъ. — По мнѣнію Левицкаго (Gram. X) литература южнорусовъ была обща и сѣвернорусамъ до XV в.; тогда то оба племени употребляли одинъ церковно-славянскій языкъ, какъ въ переводахъ съ греческаго, такъ и въ оригинальныхъ сочиненіяхъ — преимущественно религіознаго содержанія. Тотъ же граматикъ стоялъ за употребленіе книжныхъ формъ, общихъ церковно-славянскому и славяно-русскому языкамъ; за Максимовичемъ же онъ защищалъ одно общее правописаніе для обѣихъ вѣтвей русскаго народа.

Отношеніе Вагилевича къ сѣвернорусскому языку опредѣляется лучше всего его общерусскими симпатіями и идеями. Считая южанъ и сѣверянъ «синами святой Руси» (Письма 627 стр.), галичанъ даже «внѣ Руси обитающими» (Переписка Восток. 376 стр.) и, видя въ трудѣ «про величие прежних віт-

---

церк.-слав. и великорусскаго языковъ—въ М. Harasiewicz: Annales ecclesiae ruthenae 998 стр.; тѣ же выводы относительно самобытности гал.-русскаго языка были повторены Могильницкимъ въ отношеніи въ губернію по дѣлу слав.-русскаго посланія 1821 г. (ibid. 1000—1006 стр.) и въ Rozprawie o języku ruskim (Czasopism nauk. 1829 г., Ж. М. Н. Пр. 1838 г. I и отдѣльной брошюрой во Львовѣ 1848 г.).

Іос. Левицкаго — Grammatik der kleinrussischen Sprache 1834 г.; Доля галицкорусскаго языка въ «Денницѣ» 1843 г. 45 стр. и въ Jahrbücher Іордана 1844 г.

И. Вагилевичъ—Gramatyka języka małoruskiego w Galicyi, 1845 г.

І. Лозинскаго—Gramatyka języka ruskiego, 1846 г. и брошюра «О образованю языка руского», 1849 г.—См. объ этихъ граматикахъ работу д-ра О. Маковея — Три галицькі граматики, Льв. 1903 г. изъ 51-аго т. Записок наук. т—ва ім. Шевченка.

Я. Головацкаго — Zustände der Russinen, 1846 г. и Розправа о языцѣ южнорускôмъ и его нарѣчіяхъ, Льв. 1849 г.

цѣв и своѣх сокраян» (Пис. 627) и на пользу «для русскихъ вообще» (Перепис. 376) — цѣль жизни, ввиду чего труды «Русина... тамъ (scil. Россія) появлятися повинни и хосенъ приносити» (Пис. 641), Вагилевичъ повидимому относился къ обоимъ русскимъ нарѣчіямъ, какъ равноправнымъ дѣтищамъ Руси. На основаніи этого онъ и оперъ свою малорусскую граматику на великорусскія Греча и Востокова (Gram. XXII), позаимствовавъ у нихъ много формъ склоненія и спряженія.

Хотя Лозинскій стоялъ за чистый народный языкъ въ галицкорусской литературѣ и устранялъ такимъ способомъ пеструю искусственность флексійныхъ формъ, замѣчаемую у Левицкаго и Вагилевича, онъ не могъ, однако, не признать за великорусскимъ языкомъ извѣстныхъ преимуществъ въ отношеніи къ южнорусскому. Итакъ — онъ ясно сознавалъ, что «самая большая часть Руси находится подъ вліяніемъ великорусскаго языка, какъ государственнаго. Въ силу чего этотъ языкъ со временемъ больше другихъ повліяетъ на южнорусскій» (Gram. XXI), что̀, впрочемъ отчасти уже и сказалось въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей и въ нарѣчьѣ самыхъ восточныхъ малорусовъ, освободившихся отъ полонизмовъ (ibid. 126). Въ виду же того, что простонародный языкъ не изобилуетъ большимъ запасомъ словъ, писателю приходится создавать новыя слова изъ народнаго корня, или изъ самыхъ близкихъ южнорусамъ нарѣчій, великорусскаго и польскаго, болѣе близкихъ имъ, чѣмъ церковно-славянскій (ibid. XXXIV—V). Наконецъ, по мнѣнію Лозинскаго, южнорусамъ слѣдуетъ употреблять этимологическое правописаніе, дѣлающее «намъ великорусское письмо болѣе понятнымъ, чѣмъ ихъ языкъ, особенно окрестностей Москвы» (ibid. XL, выноска). — Такое отношеніе Лозинскаго къ сѣвернорусскому языку подсказало ему въ статьѣ «О образованю языка руского» слѣдующее положеніе: «Кто вѣдразу з нашого языка радбы образованый мати, той подобный тому, щобы хотѣв овощи перед цвѣтем щибати... Едныи чипаются російского языка, но тим прислуги свому народови не дѣлают. Наша лѣтература про то е

зубожила, же рускіи таланте в польским, российским або нѣмецким писали и пишут языцѣ, а не в своим власным. Другіи берут и слова и формы будь з церковного, будь з российского нарѣчія и без всякого примѣреня творят якійсь язык новый, которым еще никто не говорив и мабуть никто говорити не буде. Така мѣшанина не пріймеся в народѣ, и не поможе до образованя языка, ено затамуе поступ его» (5 стр.).

Мнѣніе Я. Головацкаго въ этомъ отношеніи было еще болѣе опредѣленнымъ и категоричнымъ. Въ статьѣ «Zustände der Russinen» онъ говоритъ, что сѣвернорусскій книжный языкъ понятенъ каждому образованному южнорусину постольку, поскольку опирается на церковно-славянскій и малорусскій языки; только разговорный славяно-русскій языкъ слѣдуетъ раньше изучить, чтобы его понимать (4 стр.). Пренебрежительное же, а подчасъ и враждебное отношеніе Россіи къ возникающей малорусской литературѣ, подвергнутой уже безъ этого слишкомъ сильному вліянію великорусской литературы (3 и 21 стр.) послужило Головацкому доказательствомъ тому, что Галицкая Русь не можетъ тяготѣть къ Россіи (20 стр.). Съ другой же стороны, Головацкій указалъ Австріи на ея прямую обязанность и выгоду поддерживать возникающую малорусскую литературу. Съ защитой полной самобытности южнорусскаго языка Головацкій выступилъ въ «Росправѣ».—Тѣ же политически-литературныя соображенія въ пользу самобытнаго развитія малорусскаго, относительно же галицкорусскаго языка, подъ покровительствомъ Австріи высказали въ 1859 г. и члены азбучно-языковой комисіи Я. Головацкій, Куземскій, Литвиновичъ, Малиновскій и Яновскій [1]).

Чтобы уже разъ пресѣчь эту язычную путаницу, ознамено-

---

1) См. Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage, Льв. 1861 г.—Выводы этой книжки очень интересны: во-первыхъ, какъ свидѣтельство филологическихъ познаній у виднѣйшихъ представителей «Галицко-русской Матицы»; во-вторыхъ же, какъ сводъ ясно сложившейся въ то время программы, такъ называемой старорусской партіи.

вавшую новое умственное движеніе Галицкой Руси, созывавшіе «Зъѣздъ ученыхъ рускихъ во Львовѣ» (12—26 окт. 1848 г.) вмѣнили ему въ главную задачу — «высвѣтити рôжицю мовы нашои ôдъ языка старославяньского, такоже ôдъ россійского и ôдъ польского» [1]). Филологическая комисія «Зъѣзда», исполняя это требованіе, поручила Я. Головацкому прочитать въ полномъ собраніи «Зъѣзда» извѣстную «Росправу», доказывавшую полную самостоятельность южнорусскаго народа и языка. — Несмотря однако на это мнѣніе о самобытности, «Зъѣздъ ученыхъ рускихъ» не отрицалъ и родства обоихъ русскихъ племенъ. Предсѣдатель исторической секціи А. С. Петрушевичъ указалъ на то, что «нельзя никогда пренебрегати тую тѣсную связь, которая насъ до половины XIV в. получала съ однокровными и одновѣрными нашими братьями, нельзя пренебрегати тое ôтношеніе, въ якôмъ Русь наша стояла до цѣлои еще самобытнои Руси . . . а черезъ все наше Ляхолѣтіе. Конечно намъ есть неустанно передъ очима имѣти постепенное наше ôтчужденіеся сперва политическое, послѣ же и религійное ôтъ прочей Руси . . . Такимъ то только образомъ розкрыется передъ нами все наше прошедшее и мы легко понимати станемъ положеніе наше теперешное и ôтгадаемъ будущую нашу судьбу» [2]). — На необходимость культурной связи съ Россіей указала и философски-естественная секція «Зъѣзда», когда рѣшила выписать нужныя книги и сочиненія по своимъ предметамъ изъ Россіи [3]). — Наконецъ, училищная комисія, опредѣливъ ввести преподаваніе «великорускoго нарѣчія» во 2-ой классъ гимназіи [4]), этимъ самымъ отмѣтила громадное значеніе этого языка для Галицкой Руси.

---

1) Зоря Галицка, 1848 г. № 17: «Запрошенье ученыхъ рускихъ на зъѣздъ до Львова».

2) Я. Головацкаго — Историч. очеркъ основанія гал.-рус. Матицѣ, Льв 1850 г., LXXIV стр.

3) Ibidem LXVIII стр., 3 пунктъ.

4) Ibidem XCIV—V стр.

Умственное движеніе отдѣльныхъ славянскихъ племенъ начала XIX в., создавшее—въ силу племенного родства, культурно-исторической традиціи и общихъ культурно-національныхъ интересовъ—мощную струю славянскаго возрожденія, могло бы получить то же общее названіе и на основаніи однихъ внѣшнихъ чертъ. Думаемъ здѣсь о томъ: какъ многіе выдающіеся славянскіе дѣятели конца XVIII и начала XIX в., несмотря на свою горячую любовь къ народу, не вѣрили въ возможность созданія такъ называемой національной литературы, въ модерномъ значеніи; какъ тѣ же дѣятели своими славеносербскими, нѣмецкими и латинскими (Раичъ, Добровскій) сочиненіями клали прочныя основанія подъ величественное зданіе какъ разъ національныхъ литературъ; какъ другіе—въ заботѣ о свѣтломъ будущемъ родины—старались найти опору и вѣрный залогъ этому будущему въ славянофильствѣ, особенно же русофильствѣ, политическомъ и культурно-языковомъ. Послѣднее и было причиной, что вопросъ объ одномъ языкѣ, особенно же общеславянскомъ письмѣ (кирильскомъ, кирильско-латинскомъ и латинскомъ), волновалъ чуть-ли не до послѣднихъ дней славянскія земли. Съ другой опять стороны, почти одновременно съ этими центро-стремительными усиленіями славянъ, начинаютъ проявляться и центробѣжныя силы, стремившіяся создать независимую самостоятельную культуру не только цѣльныхъ народностей, но и ихъ мелкихъ разновидностей (словенцы, хорваты, сербы, словаки, чехи, обѣ Руси). Всѣ указанныя черты славянскаго возрожденія замѣчаемъ и у карпаторусовъ.

Такъ — Гарасевичъ, историкъ уніатской церкви и Зубрицкій, первый историкъ Карпатской Руси, писали, первый — по латыни, другой — по польски и нѣмецки; первый галицкій языковѣдъ Могильницкій писалъ по польски и нѣмецки. Всѣ карпаторусскія граматики до 1846 г. появились не на народномъ языкѣ. Сами же граматики народнаго языка, Лучкай и Левицкій, относились очень скептически къ его будущей роли въ литературѣ. Желая же сохранить вѣковую внѣшнюю связь юговосточныхъ

славянскихъ письменностей, они—вмѣстѣ съ рядомъ другихъ—выступили съ защитой церковно-славянскаго языка, какъ письменнаго.

Если мечты объ искусственномъ славенорусскомъ языкѣ въ литературѣ, несмотря даже на ихъ прозябаніе и по нынѣшній день, явились неосуществимыми и мало привлекательными, то движеніе въ пользу живого сѣвернорусскаго литературнаго языка, какъ одно изъ проявленій русской центростремительной силы, должно было завладѣть на дольшее время умами многихъ карпаторусскихъ дѣятелей. Въ обоихъ случаяхъ все дѣло заключалось въ желаніи найти прочную опору и основу культурному развитію небольшого уголка русской земли—Карпатской Руси. Выводы угрорусовъ, вся дѣятельность Зубрицкаго и его одномышленниковъ (обоихъ Головацкихъ послѣ 1850 г., Гушалевича, свщ. Синеводскаго, Сокульскаго, Раковскаго, Петрушевича [1]) свидѣтельствуютъ лучше всего о такомъ, а не другомъ зарожденіи общерусскихъ идей въ Карпатской Руси.

Идея объединенія русскихъ племенъ не была чуждой и защитникамъ полной самобытности южнорусовъ. Лозинскій, Вагилевичъ, члены «Зъѣзда ученыхъ рускихъ во Львовѣ» не отри-

1) См. Кореспонденцію Я. Головацкаго, изъ которой слѣдуетъ, что одна часть галицкорусскаго общества оставалась подъ мощнымъ впечатлѣніемъ быстраго развитія русской литературы, науки и государственности.

Д. И. Зубрицкаго считаютъ многіе главнымъ врагомъ народнаго языка въ литературѣ. Судя по письмамъ З—аго къ Погодину, начиная съ 1851 г., это казалось бы доказаннымъ, такъ какъ онъ выступалъ противъ «хохлацко-польскаго» языка галицкорусской литературы (Письма 586, 608 стр.) и былъ противникомъ раздвоенія русскаго языка (idib. 612—14, 659—60 стр.). Здѣсь З—ій явился выразителемъ той центростремительной силы, о которой мы и говоримъ. Врагомъ языка родного народа онъ, однако, не былъ: въ письмѣ къ Я. Головацкому отъ 22 іюня 1847 г. онъ поощрялъ его заняться «составленіемъ идіотикона словъ и изреченій малорусскаго языка, не употребляемыхъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ ... Это очень важный трудъ и славу сочинителю сулитъ». Въ письмѣ же отъ 2 марта 1848 г. старикъ писалъ, что согласенъ стать редакторомъ «журнала Галицкой Пчелы на нашемъ діалектѣ ... хотя едва двѣ или три строки писалъ на малорусскомъ нарѣчіи» и принесетъ свое спокойствіе и старческое здоровье въ народную пользу.—См. Я. Головацкаго: Замѣтки и дополненія, 71—72 стр.

цали, ни родства и близости южанъ и сѣверянъ, и не сопротивлялись культурно-научной общности обоихъ племенъ, стояли за внѣшнее ороографическое единеніе южнорусской литературы съ сѣвернорусской и даже находили позволительнымъ и правильнымъ кое-чѣмъ позаимствоваться у сѣверянъ.

Однимъ словомъ—старославянщина, общерусскость и народничество, столкнувшіяся въ періодъ карпаторусскаго возрожденія и вошедшія въ основанія культурно-національной жизни страны, явились не только глухимъ отзвукомъ современнаго славянскаго возрожденія, но и естественнымъ послѣдствіемъ всей предыдущей жизни страны. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ и желаніе первыхъ галицкорусскихъ писателей освободить родную рѣчь отъ полонизмовъ, вошедшихъ и входящихъ въ нее. А такъ какъ, по современнымъ филологическимъ выводамъ Ломоносова, Греча и Шевырева, южнорусскій языкъ подвергся особенно сильной полонизаціи, ввиду чего Гречъ и Шевыревъ считали его польско-русской смѣсью, нечему удивляться—что одни галичане (Зубрицкій) высказались за «чистый» русскій языкъ, другіе же за болѣе свободный отъ полонизмовъ языкъ украинскихъ писателей (Лозинскій). Если же прибавить къ этому общее всѣмъ галицкорусскимъ возродителямъ желаніе, оказать извѣстный отпоръ польскимъ притязаніямъ на южнорусовъ, какъ на польское племя, мы убѣдимся, что у нихъ было слишкомъ много причинъ мечтать о славянскомъ литературномъ единеніи, думать и пытаться создать одну русскую культуру и стремиться къ южнорусскому единству. О политическомъ объединеніи не могло быть и рѣчи, такъ какъ австрійское правительство слѣдило слишкомъ зорко за политическимъ славянофильствомъ, да и въ Россіи оно не пользовалось довѣріемъ правительства. Литературно-языковое единеніе было единственно возможнымъ и естественнымъ проявленіемъ общерусскихъ стремленій у галичанъ.

Наконецъ—восторженное преклоненіе первыхъ чешско-славянскихъ писателей, Добровскаго, Пухмаера, Юнгмана и Ганки передъ русскими языкомъ, литературой и письмомъ; изобиліе

русскихъ историческихъ, этнографическихъ и филологическихъ трудовъ первостепенной важности и для южнорусовъ; участіе такихъ выдающихся украинцевъ, какъ Максимовичъ, Гоголь, (Срезневскій), Бодянскій и (Костомаровъ) въ русской наукѣ— были для карпаторусскихъ поклонниковъ славяно-русскаго языка лишнимъ стимуломъ, стоять за его права и въ карпаторусской литературѣ. Что и эти стремленія насадить въ Карпатской Руси славяно-русскій языкъ въ качествѣ общерусскаго литературнаго, не увѣнчались успѣхомъ — неудивительно, такъ какъ семья, школа, общество, политическая и вся культурно-національная жизнь не поддержали ихъ [1]).

Какъ ни мало доступна была русская книга австрійскимъ славянамъ [2]), еще же менѣе галичанамъ [3]), она все-таки попадала въ Карпатскую Русь и дѣлала свое дѣло.

Первоисточникомъ знакомства Карпатской Руси съ русской книгой нужно считать труды Добровскаго [4]), содержавшіе луч-

1) Судьбы этого движенія послѣ 1848 г. до 1862 г. изобразилъ очень рельефно проф. К. Студинскій въ предисловіи къ «Кореспонденції Я. Головацького»; общую характеристику галицкой азбучно-языковой распри находимъ въ сочиненіи О. Терлецкаго — Галицько-руське письменство 1848—1865 р., стр. 47—78.

2) См. А. Кочубинскаго—Нач. годы рус. слав. 220—2 стр.; кромѣ этого жалобы на громадныя затрудненія при полученіи и на дороговизну русской книги въ письмахъ Шафарика къ Бодянскому и Погодину, Колара къ Кеппену (Časop. 1904 г. III—IV, стр. 245—6).

3) О торговлѣ русскими книгами въ Австріи и Галичинѣ сообщилъ очень интересныя данныя Ф. И. Свистунъ въ «Вѣстникѣ Народ. Дома» 1904 г. № 255—6, 1783—7 г. письма П. Княжевича «іллирическаго и валахійскаго книжнаго лиферанта и города Землина Бургера» къ ректору львовской семинаріи Щавницкому; № 257—8 сношенія Я. Головацкаго съ книготорговцами Кіева и Спб. послѣ 1848 г.

Денница Дубровскаго 1842 г. 256 стр.—жалобы І. Левицкаго; *Литератур. Сборникъ г.-р. Мат.* 1885 г.—въ воспоминаніяхъ Я. Головацкаго и въ автобіографіи І. Лозинскаго.

4) Literarische Nachricht... 1796 г. 100—115 стр., Slavin 1808 г., Slovanka 1814 и 1815 г., Предисловіе въ Пухмаера—Lehrgebäude der russischen Sprache, 1820 г.

шіе своды русскаго научнаго движенія. Затѣмъ — переводы, нѣмецкій исторіи Карамзина и польскій литературы Греча, Исторія славянскихъ литературъ Шафарика и довольно подробные обзоры русскаго ученаго движенія въ Pamiętniku Warszawskim и львовскихъ Rozmaitościach, что все было легко доступно первымъ представителямъ галицкорусскаго возрожденія, Лавровскому, Гарасевичу и Могильницкому.

Первыми русскими книгами, обратившими на себя ихъ вниманіе были труды митр. Евгенія, Бантышъ-Каменскаго, Карамзина, Сопикова и Калайдовича. Когда же стали появляться Časopis (1831), Денница Дубровскаго (1842), Jahrbücher Іордана и Кіевлянинъ Максимовича — источниковъ знакомства галичанъ съ русской книгой оказалось очень много. Такъ какъ цѣна на русскую книгу оказалась слишкомъ дорогой, галицкорусскіе писатели стали получать ее въ обмѣнъ на старинную славянскую и новую галицкую книгу, или же въ подарокъ отъ русскихъ ученыхъ — Погодина, Бодянскаго, Срезневскаго и Максимовича; пріобрѣтать пришлось имъ сначала очень немногое. И свои помнили о родинѣ—Орлай и Лодій снабдили русскими книгами львовскую и пряшевскую монастырскія библіотеки.

Русская книга шла во Львовъ по почтѣ; со времени же посѣщенія Погодинымъ Галичины черезъ бродскаго комиссіонера Гартенштейна, черезъ проѣзжихъ русскихъ и на Прагу черезъ Шафарика [1]) и Ганку; наконецъ же — по свидѣтельству свщ. І. Яновича — и контрабанднымъ путемъ на Почаевъ [2]).

Первое свидѣтельство о знакомствѣ галичанъ съ русской

---

1) Отъ Бодянскаго—см. *Письма Шафарика* 62, 70, 74—6 стр.

2) См. д-ра К. Студинскаго — Кореспонд. Я. Головац. 257 стр. письмо свщ. Яновича изъ Бродовъ отъ 24 февр. 1856 г., въ которомъ читаемъ: «мои Парохіани которіи зпровадзеніемъ книжокъ Почаевскихъ трудилися, одъ року правѣ осѣли и боятся тамже удатися и премицтвомъ заниматися, а притомъ єстъ родзаи Лудеи горшъ Іеѵреіовъ, же собѣ цѣну поднесли за свои труды, бо теперь въ Россіи дуже остро берутъ; въ стичности будучи зъ Надзирателями мусятъ Імъ платити, и такъ жаденъ не хочетъ затруднити ся, аби спровадити желаеміи книжки».

книгой находимъ въ «Запискахъ» Кеппена (см. Матеріалы). Изъ нихъ узнаемъ, что намѣстникъ львовскихъ Василіанъ Гриневецкій и каноникъ Гарасевичъ знали трудъ объ уніи Бантышъ-Каменскаго и исторію Карамзина, а перемышльскій каноникъ Лавровскій зналъ Калайдовича — Іоанна экзарха болгарскаго и Сопикова — Опытъ библіографіи.

Непосредственныя свидѣтельства этого знакомства раскинуты по немногочисленнымъ трудамъ галичанъ. Такъ — въ Rozprawie Могильницкаго находимъ ссылки на Ломоносова, Карамзина и Греча, съ послѣднимъ даже полемику. — Лучкай упоминаетъ въ предисловіи къ Slavo-Ruthen. Grammatica (IX стр.) невѣрное мнѣніе «Сына Отечества» отъ 1828 г., будто хорватскій языкъ есть церковнославянскій, и полемизируетъ съ Карамзинымъ по поводу разселенія угрорусовъ (XIII стр.). — Антоній Добрянскій, по свидѣтельству его біографа Б. А. Дѣдицкаго, прочелъ Карамзина и Бантышъ-Каменскаго въ 30-тые годы въ Вѣнской императорской библіотекѣ. — І. Левицкій напечаталъ отрывки нѣкоторыхъ стихотвореній Карамзина въ своей граматикѣ 1834 г., какъ образцы литературнаго языка. — Интересно, что молодой семинаристъ Н. Устіановичъ, получивши впервые 1841 г. русскую книжку — «Кіевлянина» въ руки, призналъ ея языкъ почти малорусскимъ [1]), что̀ однако не препятствовало ему выступить въ 1848—9 г. лучшимъ защитникомъ народнаго галицко-русскаго языка въ мѣстной литературѣ [2]). — Знакомство Головацкаго съ русской книгой относится къ 1835—6 г., когда онъ прошелъ русскую граматику Геймъ-Гродзицкаго, прочиталъ нѣсколько одъ Державина въ польскомъ переводѣ и пріобрѣлъ за 29 флориновъ Исторію Малороссіи Бантышъ-Каменскаго и Энеиду Котляревскаго (см. Наук. Сбор. 1885 г. 31 стр.). — По словамъ К. Горбаля (1836—1904 г.) у тысменицкаго священника І. Недѣльскаго были въ 40-выхъ гг. «россійскіи» книги, изъ

1) См. *Наук. Сборникъ* 1885 г., Воспоминанія Н. Устіановича 43 стр.
2) См. *Галичо-рускій Вѣстникъ* 1849 г. статьи Устіановича.

которыхъ онъ мальчикомъ читалъ по складамъ «Увѣщаніе уповающихъ на свою правду» [1]); самъ же Недѣльскій сталъ за принятіе готовой «россійской» литературы.

Изъ русскихъ поэтовъ первое мѣсто, по времени и распространеніи въ Карпатской Руси, принадлежитъ Державину. Его ода «Богъ» появилась впервые въ изданіи Д. Зубрицкаго вмѣстѣ съ польскимъ и нѣмецкимъ переводами 1830 и 1846 г., а затѣмъ въ «Поздравленіи русинамъ на 1852 г.» съ одой «Безсмертіе души». — Отдѣльныя строфы изъ Державина, какъ мотто, появлялись цѣлый рядъ лѣтъ въ началѣ галицкорусскихъ одъ и гимновъ [2]).

Мотто изъ Ломоносова находимъ въ «Звукѣ радостотворнаго гласа» М. Левицкому 1838 г.; изъ Пушкина [3]) и Богдановича въ «Вѣнцѣ благодарной милости» митрополиту Левицкому» и въ «Мотилѣ» Рудольфа Моха 1841 г.; изъ Воейкова въ «Вѣнцѣ во честь Яхимовича» 1851 г., изъ Жуковскаго же въ сборникѣ стихотвореній И. Гушалевича п. з. «Цвѣты изъ надднѣстрянской левады» 1852 г.

Изъ прозаиковъ въ галицкорусскомъ переводѣ появились: Даля «Изъ солдатскихъ досуговъ» (Я. Голов.) въ «Вѣнку» 1847 г. 317—331 стр. и двѣ «Казки» въ «Галичо-рускомъ Вѣстникѣ» 1849 г.; въ немъ же появился разсказъ Соллогуба «Нечистая сила».—Петръ Головацкій перевелъ въ 1850 г. «Тараса Бульбу» Гоголя; свщ. І. Сокульскій цитируетъ въ письмѣ къ Головац-

1) См. Руслан 1904 г. № 233, воспоминанія К. Горбаля; В. Коцовскій указываетъ въ трудѣ «Житє и значенє М. Шашкевича» Льв. 1886 г. 47 стр.— выноска, на воспитанника вѣнской семинаріи І Недѣльскаго, какъ любителя ст.-русской книги, имѣвшаго нѣсколько номеровъ «Сѣвернаго Вѣстника» 1805 г.

2) Укажемъ только на нѣкоторыя: І. Левицкаго — Стихъ во честь М. Левицкаго 1837 и 1838 г., Стихъ во честь В. Поповича 1838 г.; С. Лисенецкаго— Воззрѣніе страшилища 1838 г.; І. Левицкаго — Стихъ во честь Г. Яхимовича 1849 г.; и въ «Слезѣ горести на могилѣ Яхимовича» (отъ львовскихъ гимназистовъ) 1864 г.

3) Пушкина читалъ свщ. І. Левицкій 1854 г.— см. Студ.—Кoресп. 111 стр.; за то львовскій чиновникъ Блаймъ (не русинъ) просилъ Погодина уже 1838 г. о присылкѣ Пушкина (Письма 536 стр.).

кому 1854 г. одно мѣсто изъ разсказа Гоголя — «Какъ поссорились. . .» (см. Кoресп. Я. Гол. 118 стр.). — Басни Крылова сыграли, кажется, довольно важную роль у галицкорусскихъ баснописцевъ; этотъ вопросъ, однако, пока еще не изслѣдованъ. Только М. Козановичъ напечаталъ въ «Зорѣ Галицкой» 1852 г. (46 №) басню «Волкъ и лисица» — «на подобіе Криловой»; очень возможно, что его же басни въ «Отечеств. Сборникѣ» 1854 г. (27—8 №) будутъ тоже «на подобіе Криловыхъ».

Для полноты этого краткаго обзора, особенно же для иллюстраціи вкуса галичанъ и ихъ знакомства съ русской литературой, приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ, по 1-ому тому «галицко-русской библіографіи» И. Е. Левицкаго всѣ названія переводовъ изъ русскаго, появившихся въ галицко-русскихъ изданіяхъ. Итакъ: Бенедиктова — «Могила» (Поздрав. рус. па 1852 г.), Глинки — «Горе и благодать, Судъ закона, Утѣшитель» (Зоря Гал. 1853 г.), Гребенки — «Мачиха и Панночка, Такъ иногда люди женятся, Чайковскій, Факторъ» (ibid. 1853—1854 г.), а «Записки студента» въ передѣлкѣ Б. Дѣдицкаго въ «Семейной библіотекѣ» 1855 г.; Щербины—«Зеркало души» въ переводѣ Н. Устіановича (Отеч. Сбор. 1853); Хомякова — «На сонъ грядущій, Ночь» (Сем. библ. 1855—6 г.), «Гордыня и смиреніе» въ «Церковной Газетѣ» 1856 г.; Батюшкова—«Надежда» (ibid. 1856); о Лермонтовѣ упомянулъ Гушалевичъ 1856 г. въ письмѣ къ Я. Головацкому (Кoресп. 260 стр.); Рылѣева—«Войнаровскій, повѣсть изъ часовъ Петра Вел.» (Отеч. Сбор. 1857 г.) и Жуковскаго—«Сонетъ св. Терезы» (Церк. Газ. 1857 г.).

Если прибавить къ этому перечню Костомарова — «Символичныи значеня цвѣтовъ деревъ и птыщь въ поезіи народной русской» (Перемышлянинъ 1850), Біографію кн. Меншикова (Зоря Гал. 1855 г.), Устрялова — «О переводахъ сочиненій св. Іоанна Златоуста на русскій языкъ» (Церк. газ. 1856 г.) и многочисленныя ссылки на исторію Карамзина у Зубрицкаго, І. Могильницкаго, Малиновскаго и Петрушевича — то больше намъ не найти до 1861 г. включительно.

Просматривая же первыя галицкорусскія газеты — Зорю Галицку 1848—1850 г., Галичо-рускій Вѣстникъ 1849 г., Пчелу и Новины Гушалевича, намъ приходится прямо недоумѣвать по поводу отсутствія хотя бы одного мало-мальски важнаго репортерскаго извѣстія о культурной и литературной жизни Россіи. Между тѣмъ совсѣмъ другое наблюдаемъ во львовскихъ Rozmaitościach, начиная съ 1820 г. и Czasopismie zakładu Ossolińskiego. Эти изданія не пропускали ни одного болѣе выдающагося явленія въ области литературы, науки и культурной жизни Россіи, чтобы не увѣдомить о немъ своего читателя. Еще больше интереса къ русской литературѣ проявила россійская Польша, давшая своимъ землякамъ цѣлый рядъ переводовъ и информаціонныхъ статей по русской духовной жизни.

Въ чемъ же причина этому странному явленію? Отчего карпаторусы, толковавшіе и мечтавшіе столь усердно о славянскомъ единеніи и племенномъ родствѣ съ сѣвернорусами, и думавшіе даже о необходимости принять готовую славяно-русскую литературу, проявили къ ней столь мало интереса? Отвѣтъ даютъ намъ выше приведенные статистическіе перечни.

Русской наукой интересовались въ Галичинѣ немногія единицы: Гарасевичъ, Гриневецкій, Лавровскій, Могильницкій, Зубрицкій, Левицкій и Лозинскій — изъ старшихъ, Вагилевичъ и Головацкій — изъ младшихъ. Они и были знакомы съ главнѣйшими произведеніями этой науки.

Литературой занимались только младшіе, преимущественно семинаристы — имъ же не были доступны изданія современныхъ русскихъ писателей, лишь старшихъ XVIII в. І. Левицкій поставилъ даже ихъ произведенія въ разрядъ образцовыхъ стихотвореній и для галичанъ. Къ тому же старшіе писатели приходились имъ по вкусу, какъ содержаніемъ и направленіемъ, такъ формой и языкомъ своихъ стихотвореній. Вопросы религіи, восхваленіе властелиновъ міра сего, преклоненіе предъ властью—

ода и гимнъ на книжномъ «россійскомъ» языкѣ, представляли для большинства семинаристовъ и священниковъ — писателей, составителей «благодарственныхъ», «радостотворныхъ» и «слезныхъ» стиховъ лучшее чтеніе и лучшіе образцы.

Когда же въ Галицкой Руси стало усиливаться національное сознаніе, когда здѣсь заговорили о русскомъ имени, русской славѣ и вѣрѣ, о русскомъ языкѣ и народѣ, объ его врагахъ отвѣчныхъ — то естественно: для галичанъ не были занятны и понятны ни Пушкинъ, ни Гоголь, кромѣ Тараса Бульбы, а также ни Тургеневъ, ни Некрасовъ, ни Достоевскій, ни Толстой, не пѣвшіе пеановъ древней и самодержавной Руси. Зато куда интереснѣе были статьи Шевырева о гніеніи запада (Москвит. 1841 г. № 1) и о превосходствѣ древнерусской письменности и исторіи, содержащихъ якобы всѣ идеалы нравственнаго развитія (Чтенія по ист. рус. словес. 1—2); патріотическія и религіозныя пѣнія славянофиловъ въ духѣ триединаго начала «русскаго міровоззрѣнія» — самодержавіе, православіе и народность! Вѣдь самобытность и древность русскаго востока и его культуры — въ сравненіи съ гнилымъ западомъ — являлись лучшей основой національной гордости для русскихъ галичанъ; тѣмъ болѣе, что они служили имъ доказательствами необоснованныхъ притязаній «ляховъ» на культурное первенство въ Галичинѣ. Славянофильскія же начала стóило галичанамъ только переиначить на — «цѣсарь, вѣра — обрядъ, нашъ народъ», чтобы увидѣть въ статьяхъ московскихъ славянофиловъ собственныя мысли и убѣжденія. Романтическое увлеченіе идеей народности, преклоненіе передъ давнопрошедшимъ, традиціонный консерватизмъ и клерикализмъ — были слишкомъ благодатной почвой, чтобы не воспринять столь родственнаго галичанамъ московскаго славянофильства и не осѣнить впослѣдствіи Карпатскую Русь выросшимъ «горушечнымъ кустомъ». Словомъ, въ Карпатской Руси было довольно подготовленной почвы для воспріятія славянофильски-националистическаго движенія 50-тыхъ и 60-тыхъ годовъ.

Наконецъ, нельзя забывать, что младшее галицкорусское поколѣніе, выступившее съ общественной дѣятельностью въ началѣ 50-тыхъ годовъ, знакомилось съ русской литературой по тѣмъ немногочисленнымъ изданіямъ русскихъ славянофиловъ, которыя — время отъ времени — попадали во Львовъ изъ Россіи, или же на Вѣну. Выписывать какія-либо русскія изданія никто не выписывалъ, исключая Я. Головацкаго, продолжавшаго довольно внимательно слѣдить за русской литературой. А такъ какъ русскіе галичане видѣли лучшее проявленіе своего патріотизма въ совершенномъ очищеніи своего національнаго облика отъ «всѣхъ» польскихъ наносныхъ элементовъ, замѣченныхъ ими и въ уніатскомъ обрядѣ, и въ языкѣ, нечему удивляться, что они стали жадно прислушиваться къ случайно доходившимъ до нихъ кличамъ московскаго славянофильства. Въ этомъ отношеніи письма И. Головацкаго, Гушалевича, Дѣдицкаго, свщ. Сокульскаго, Синеводскаго и Раевскаго къ Я. Головацкому содержатъ обильнѣйшій матеріалъ, свидѣтельствующій намъ о медленной эволюціи ихъ міровоззрѣнія въ сторону славянофильства, которое и вызвало въ 60-тые годы полный расцвѣтъ старорусской партіи въ Карпатской Руси. Въ то время именно были выдвинуты вопросы — объ очищеніи обряда отъ «латино-польскихъ» примѣсей, о племенномъ единствѣ русскаго народа отъ Карпатъ до Камчатки, объ языковомъ сближеніи, о политическомъ объединеніи Карпатской Руси съ Россіей, словомъ объ интеграціи всего русскаго міра подъ знаменемъ офиціальной Россіи.

Историку сношеній Карпатской Руси съ Россіей во 2-ую половину XIX в. придется ввиду этого говорить о совершенно другихъ предметахъ, чѣмъ до 1850 г. Мѣсто научныхъ вопросовъ заняли партійный интересъ съ его злобой дня — нареканіемъ на польско-іезуитскій гнетъ и на непригожесть конституціи, обрядомъ, языкомъ, правописаніемъ, гоненіями за патріотизмъ,

и т. п. Галичане не будутъ интересоваться русской литературой, только славянофильской журналистикой Аксакова, Хомякова, Погодина, Каткова и Данилевскаго. Они не будутъ обращать вниманія на русскій народъ и его нужды, только станутъ заниматься интересами россійскаго правительства и православной іерархіи съ ихъ сословно-бюрократическими стремленіями. Въ итогѣ получится то, что значительная часть карпаторусскаго общества выступитъ самымъ враждебнымъ образомъ противъ культурно-національнаго развитія родной страны, видя въ украинской и мѣстной литературѣ и южнорусскомъ умственномъ движеніи польскую интригу, направленную на раздробленіе и уничтоженіе понятія «одна великая и недѣлимая Русь». Формализмъ славянофиловъ и ихъ карпаторусскихъ единомышленниковъ не могъ дать другого результата, какъ борьбу въ защитѣ формъ и понятій на мѣсто живого народнаго труда.—Итакъ это міровоззрѣніе и стремленіе одной части карпаторусскаго общества не только не увѣнчается какимъ-либо выдающимся успѣхомъ, но и не явится даже прочнымъ звеномъ, которое соединило бы культурно-національныя стремленія обѣихъ Русей. Мало того, оно вызоветъ въ народной молодорусской, или такъ называемой украинофильской, партіи 60-тыхъ годовъ общую ненависть, какъ къ старорусамъ, такъ и къ Россіи вообще. Такимъ образомъ случится то, что «объединители» на дѣлѣ явятся рьянѣйшими «разъединителями» культурныхъ стремленій и интересовъ русскихъ племенъ.

Характеръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в. можно опредѣлить информаціонно-научными интересами обѣихъ сторонъ. Угрорусы попадаютъ въ Россію въ началѣ XIX в. въ качествѣ профессоровъ, владѣющихъ славено-россійскимъ языкомъ; ихъ земляки устремляются въ Россію для учительскихъ занятій и дальнѣйшаго русскаго образованія.

Русскіе путешественники посѣщаютъ Карпатскую Русь,

чтобы познакомиться съ самой западной частью Южной Руси. Галицкая Русь принимаетъ сѣверныхъ братьевъ очень охотно, такъ какъ ей интересно познакомиться съ сѣвернорусской наукой, обнявшей въ то время и Южную Русь. Благодаря сѣвернорусскимъ трудамъ по русской исторіи, этнографіи, древней письменности и филологіи, Карпатская Русь знакомится съ прошлымъ Южной Руси и принимается за аналогическій трудъ надъ своей бывальщиной. Карамзинъ — Погодинъ, Шишковъ — Востоковъ, Гречъ — Шевыревъ, этнографы южане и сѣверяне, играютъ не ничтожную роль въ трудахъ Головацкаго, Вагилевича, Левицкаго и Могильницкаго, являясь для нихъ учителями и образцами въ ихъ историческихъ, граматическихъ и этнографическихъ занятіяхъ.

Государственное же и культурно-литературное величіе Россіи, съ одной стороны, и смутное сознаніе племенного родства— съ другой, вызываютъ у отдѣльныхъ карпаторусовъ мысль о необходимости единенія ихъ слабой родины — если не политическаго, такъ литературно-языкового — съ Россіей. Это и есть первое проявленіе подлиннаго панрусизма на Карпатской Руси. Тѣ же сношенія, однако, даютъ возможность карпаторусамъ глубже изучить и украинское умственное движеніе и впослѣдствіи примкнуть къ нему.

Стеченіе обстоятельствъ прекратило эти оживленныя сношенія около 1848 г.; они возобновились только въ 50-тые годы спорадически, съ 60-тыхъ же годовъ непрерывно. Въ этотъ періодъ сносятся уже не только ученые съ учеными, но и общественныя партіи съ партіями.

Такое отношеніе Карпатской Руси къ Россіи не принадлежитъ только ей одной: аналогическія явленія встрѣчаемъ, какъ у чеховъ и словаковъ, такъ и у сербовъ и болгаръ, у которыхъ сознаніе собственнаго слабосилія вызвало первоначально мысль объ одномъ славянскомъ языкѣ, а затѣмъ явное политическое русофильство. Разъ же литературное и политическое русофильство могло появиться у отдаленныхъ соплеменниковъ Великой

Руси, то тѣмъ болѣе оно должно быть оправдано у родныхъ братьевъ ея — карпаторусовъ.

Принимая все это во вниманіе, мы вправѣ заключить, что сношенія Карпатской Руси съ Россіей до 1850 г. явились однимъ изъ важныхъ рычаговъ возрожденія первой.

И. С. Свѣнцицкій.

Львовъ.

Древне-кіевскій говоръ.

I.

Въ I выпускѣ «Извѣстій» за 1905 годъ г. Соболевскій выступилъ со статьей: «Древне-кіевскій говоръ» (стр. 308—323), въ которой онъ старается увѣрить читателей, будто древне-кіевскій говоръ ближе стоялъ къ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ.

Я имѣю въ виду остановиться только на нѣкоторыхъ, именно—на болѣе новыхъ, частяхъ этой статьи, а не на всей, и на то есть причины. Оспаривать статью г. Соболевскаго въ цѣломъ была бы работа совершенно излишняя, совершенно ненужная и совершенно безполезная, потому что г. Соболевскій почти сплошь повторяетъ въ ней все тѣ же соображенія, которыя онъ выставилъ 20 лѣтъ тому назадъ. Неосновательность всѣхъ тогда имъ выставленныхъ соображеній была ужъ всесторонне обнаружена и выдающимися историками и филологами, причемъ среди именъ филологовъ, отвергшихъ мысль г. Соболевскаго, можно назвать два такихъ глубоко-авторитетныхъ имени въ дѣлѣ изученія славянорусской филологіи, какъ акад. Шахматовъ и акад. Ягичъ (патріархъ-глава всѣхъ современныхъ славяновѣдовъ). Г. Соболевскій, повторяя теперь въ «Извѣстіяхъ» свои старыя, ясно опровергнутыя наукою, соображенія, не только не постарался опровергнуть сперва доводы своихъ обличителей, — уче-

ныхъ, авторитетныхъ историковъ и филологовъ;—но напротивъ: онъ вновь повторяетъ все тѣ же старыя свои соображенія съ такимъ видомъ, какъ будто и не знаетъ, что они давно опровергнуты. Вотъ почему нѣтъ необходимости вторично ихъ оспаривать: лучше прямо отослать читателя къ литературѣ предмета [1]).

Замѣчу развѣ, что г. Соболевскій по прежнему предлагаетъ изучать старо-кіевскій говоръ не по подлиннымъ кіевскимъ памятникамъ, а по такимъ недостовѣрнымъ, какъ Мстиславова грамота ок. 1130 г., которую въ другомъ случаѣ самъ же г. Соболевскій признавалъ за «*несомнѣнно* писанную *въ Новгородѣ*» [2]), или какъ Юрьевское Евангеліе, написанное *въ Новгородѣ* между 1119—1128 г. монахомъ *Новгородскаго* Юрьевскаго монастыря для монастырскаго употребленія, или какъ Тріодь *новгородца* Моисея Кіянина XII—XIII в., полная явныхъ особенностей мѣстнаго *новгородскаго* нарѣчія, и т. п., и т. п. Включивши такую Тріодь новгородца Моисея Кіянина въ число кіевскихъ памятниковъ, г. Соболевскій нарушилъ въ данномъ случаѣ даже свое собственное правило: «Для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которыя не имѣютъ въ своемъ правописаніи *ни новгородскихъ*, ни галицко-волынскихъ особенностей» [3]). Впрочемъ и самое правило возбуждаетъ недоумѣнія: въ силу того шаткаго принципа, который выставленъ здѣсь г. Соболевскимъ, предоставляется искать кіевскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, утверждать, что старо-кіевскій говоръ былъ не малорусскій!

Правда, г. Соболевскій въ «Извѣстіяхъ» касается и подлин-

---

1) Она указана у Пыпина въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ его «Исторіи русской литературы». Въ своей «Филологіи и Погодинской гипотезѣ» (Кіевъ, 1904, гл. I) я тоже далъ обзоръ главнѣйшихъ работъ по этому вопросу.

2) А. Соболевскій: Изслѣдованія въ области русской грамматики (Варш. 1881), стр. 4.

3) Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, февр., стр. 356.

ныхъ старо-кіевскихъ памятниковъ, каковы Изборники Святослава 1073 и 1076 г.; но въ этомъ случаѣ онъ скрываетъ ихъ наиболѣе оригинальныя, типично-малорусскія особенности (сюда относится смѣшеніе ѣ съ і, параллельное со смѣшеніемъ прежняго и съ ы) [1]), а вмѣсто того онъ останавливается лишь на одной менѣе характерной ихъ особенности, причемъ голословно, мимоходомъ, пытается отвергнуть ея малорусскость, не называя даже именъ тѣхъ ученыхъ изслѣдователей, которые эту особенность указали какъ малоруссизмъ. Такою особенностью является смѣшеніе *в* съ *у*; по ея поводу г. Соболевскій заявляетъ небрежно, даже не въ текстѣ, а въ петитной сноскѣ: «Видѣть замѣну *у* черезъ в и наоборотъ въ такихъ обычныхъ ц.-слав. словахъ, какъ *въ*годьнъ, *у*селеная, *у*селити,—можно только при незнакомствѣ съ церк.-слав. языкомъ» (стр. 317). Это пренебрежительно произнесенное обвиненіе въ незнакомствѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ направлено противъ кого же?—противъ акад. Ламанскаго [2]), противъ акад. Срезневскаго [3]) и

1) Само по себѣ смѣшеніе звука ѣ съ і не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе, и въ новгородскихъ рукописяхъ смѣшиваются буквы ѣ и и); но для кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года характерно то, что смѣшеніе звука ѣ съ і (т. е. буквъ ѣ и и) проявляется въ нихъ параллельно со смѣшеніемъ и съ ы. Вѣдь ясно, что, какъ-только предки малоруссовъ начали смѣшивать звукъ ѣ съ і, то звукъ и одновременно долженъ былъ у нихъ звучать потверже, чтобы отличаться отъ і, а не быть съ нимъ тождествену. Предположить же, что звуки ѣ и и могли въ какой-нибудь періодъ оказаться у малоруссовъ тождественны, нельзя потому, что въ такомъ случаѣ послѣ XIV-го вѣка, когда у малоруссовъ звуки и и ы окончательно слились въ одинъ твердый звукъ, тогда старинный звукъ ѣ тоже долженъ былъ бы обратиться въ такой же твердый звукъ, и малоруссы теперь говорили бы не «лiто» (=лѣто), а «лыто». Вотъ почему, если писцомъ какой-нибудь рукописи, смѣшивающей букву ѣ съ и, мы предполагаемъ малорусса, то мы естественно можемъ ждать, что гдѣ-нибудь этотъ писецъ смѣшаетъ также буквы и и ы. Кіевскіе Изборники Святослава 1073 и 1076 года какъ-разъ принадлежатъ къ памятникамъ такого типа.

2) В. Ламанскій: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ съ филологическими и историческими примѣчаніями, Спб. 1864, стр. 92 (=Приложеніе къ VI тому «Записокъ Императорской Акад. Наукъ»).

3) И. Срезневскій: Славяно-русская палеографія, Спб. 1885, стр. 115.

противъ акад. Ягича [1]), т. е. какъ-разъ противъ главныхъ столповъ славяновѣдѣнія! Такой способъ г. Соболевскаго отвергать нежелательное ему утвержденіе можетъ ли считаться опроверженіемъ?—отвѣтъ на это легко дастъ даже малоосвѣдомленный читатель. А болѣе освѣдомленный вспомнитъ, что провозглашенные г. Соболевскимъ за невѣждъ славяновѣды-авторитеты признавали старо-кіевское «вътодьникъ» и «ѹселеная» за звуковое смѣшеніе съ «ѹгодьникъ» и «въселеная» вовсе не по своему личному произволу и не по незнакомству съ церк.-славянскимъ языкомъ, но напротивъ — въ силу *чрезвычайно близкаго* своего знакомства съ церк.-слав. языкомъ. Они, разумѣется, очень и очень хорошо знали, что написаніе «вътодьникъ» и «уселеная» встрѣчается наряду съ «оугодьникъ» и «въселеная» не только въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава, но и въ церковно-славянскихъ памятникахъ; — однако почему они не могли отнестись къ нему иначе, какъ къ результату смѣшенія *въ* и *у*? Да потому, что и въ церк.-славянскихъ памятникахъ вообще констатируются случаи несомнѣннаго смѣшенія звуковъ *въ* и *у*, такого же, какое было и у старыхъ кіевлянъ-малоруссовъ. Тѣмъ авторитетнымъ славяновѣдамъ, которыхъ свысока третируетъ г. Соболевскій, были очень хорошо извѣстны написанія «вътодьникъ» и «ѹселеная» напримѣръ въ Супрасльской рукописи,—извѣстны значительно раньше, чѣмъ ихъ узналъ г. Соболевскій [2]); но они знали также, что въ Супрасльской рукописи есть и написаніе «ѹостатъкы (321[15]), а потому понимали, что Супрасльское «вътодьникъ» есть результатъ звукового смѣшенія *въ* и *у*[3]). Оттого встрѣ-

1) И. Ягичъ: Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, Спб. 1889, стр. 84 (изъ «Сборн. Акад. Н.»).

2) Срв. у В. Ламанскаго: О слав. рукоп., стр. 92 (1864 г.).

3) По этой же причинѣ и многіе другіе очень заслуженные слависты приходили къ такому же заключенію. Такъ, и А. Будиловичъ призналъ формы «*у*селеная» и «*въ*годникъ» за результатъ звукового смѣшенія *в* и *у* («Изслѣд. языка XIII словъ Григ. Богослова по рукоп. XI вѣка», стр. 24), потому что въ томъ памятникѣ, который имъ изданъ, констатируются и другіе случаи смѣшенія въ и ѹ (Напр., на л. 143-мъ словá Пилата: «еже *у*писалъ есмь, *въ*писахъ», quod scripsi, scipsi).

чая аналогичныя написанія въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., чередующіяся рядомъ въ двухъ сосѣднихъ строкахъ, эти авторитетные славяновѣды не колебались видѣть въ нихъ проявленіе того самого звукового смѣшенія *в* и *у*, какое свойственно, между прочимъ, и малорусской рѣчи. И это — тѣмъ правильнѣе, что въ Изборникахъ Святослава эти славяновѣды несомнѣнно знали и другіе случаи проявляющейся наклонности смѣшивать звуки ѹ и въ, — случаи, о которыхъ г. Соболевскій совсѣмъ умалчиваетъ [1]). Это во-первыхъ. А во-вторыхъ г. Соболевскій своей постановкой вопроса о старокіевскомъ смѣшеніи или несмѣшеніи звуковъ *в* и *у* извратилъ основную мысль тѣхъ изслѣдователей старо-кіевскаго говора, которые за старо-кіевскимъ говоромъ признавали такое смѣшеніе. Вѣдь главную и характерную черту малорусскости кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 филологи видятъ вовсе *не* въ фактѣ смѣшенія звуковъ *в* и *у*: для нихъ это одна изъ *побочныхъ* малорусскихъ чертъ [2]); *главный* же признакъ старокіевской малорусскости XI вѣка—это тотъ, о которомъ, какъ я выше отмѣтилъ, г. Соболевскій совершенно умалчиваетъ въ своей статьѣ. Этотъ признакъ, повторяю, есть смѣшеніе буквъ ѣ и и (т. е. звуковъ ѣ и і), одновременное со смѣшеніемъ и и ы. Упомянутая особенность есть тотъ maximum спеціально-малорусской фонетики, какого мы смѣемъ ждать отъ малорусской рѣчи XI вѣка; и разъ она проявляется въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., то надо признать,

1) Имя царя Навуходоносора является въ Изборникѣ 1073 г. то въ видѣ «Наѹходоносоря» (напр. л. 144), то тутъ же рядомъ въ видѣ «Навъходоносора» (л. 143 об., два раза; см. еще л. 97, л. 146). Можно указать подобное явленіе и въ нѣкоторыхъ другихъ начертаніяхъ этого Изборника. См. мою «Украинскую грамматику», § 13, г.

2) Про себя лично могу напомнить, что я назвалъ эту черту въ старо-кіевскомъ говорѣ даже лишь «зачаточной». См. «Филологія и Погодинская гипотеза» (Кіевъ 1904), стр. 60; «Украинская грамматика», § 13, г. Она и не могла быть иною, чѣмъ зачаточною, въ виду почти полной сохранности глухихъ звуковъ XI в.

что эти памятники *вполнѣ* отразили тогдашнюю типичнѣйшую кіевскую малорусскость XI вѣка [1]). Что касается самой важной

1) Отразились въ Изборникахъ Святослава, конечно, и другія черты тогдашней малорусской фонетики, но тѣ черты уже не такъ характерны, — хотя, разумѣется, въ своей совокупности онѣ важны тѣмъ, что рельефнѣе очерчиваютъ старо-кіевскую малорусскость. Сверхъ оспариваемаго г. Соболевскимъ смѣшенія звуковъ ѣ и *у*, старые кіевляне знали растяженіе звука *е* въ *я* передъ мягкими слогами;—какъ нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ: «кришаник», «ямлю» и пр., такъ и въ Изборникѣ 1073 пишется: «кажаника» 262, «поямлються» 212, «Елисавять» 254 об. и пр. Замѣчалась у старыхъ кіевлянъ XI вѣка наклонность къ усиленію корня *зъл* въ *зол*; нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ «дозолити комусь», дозоляти комусь» (=досаждать), «золо́к» (=самый больной пунктъ раны, опухоли и т. п.), а въ Изборникѣ 1073 встрѣчаемъ: «золоба» 94, 105, 113 и пр. Послѣ шипящихъ и йоты передъ твердыми слогами звукъ е обращался въ Кіевѣ XI вѣка въ о;—какъ нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ «чоловік», «жона», «з Млі́йова», такъ и кіевскіе Изборники писали: «чоловѣка» (Изборн. 1073 г., л. 179 д), «жона» (Изборн. 1076 г., л. 181 б), «Василиово», «Еуномиову» (Изб. 1073, л. 124 об., л. 243 об.). Неударное о по сосѣдству съ *у* уподоблялось ему; — какъ теперь подъ Кіевомъ мы слышимъ «з до́брую дівчиную», такъ и въ Изборникѣ 1073 г. находимъ: «съ женою язычьною и которивоую» (л. 170), «божьскоую силою» (л. 245), «умьноую мыслью» (л. 132); по этому же закону неударный суффиксъ *ов* (или *йов*) обращался въ *ув* (или *юв*), какъ и теперь въ Кіевщинѣ: срв. въ Изб. 1073 г. «по Арию́ву» (л. 243 об.); по тому же закону Августинъ обращенъ въ Изб. 1073 въ «Оугустина (л. 127). Способность нынѣшней Кіевщины XX вѣка пропускать звукъ г въ глаголахъ «розгні́вати», «згнити», «грі́шити» датируется и въ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка, гдѣ мы находимъ: «разнѣвавъся (1073 г. л. 145 об., срв. еще л. 99), «изниеть» (Изб. 1076, л. 237), «сърѣшу» (л. 1 об., по чтенію Буслаева). Звукъ г кіевской рѣчи XI в. могъ служить придыхательнымъ призвукомъ, который способенъ былъ опять отпадать и, по аналогіи, увлекать за собою даже коренное начальное г и способенъ былъ также чередоваться съ призвуками *й* и *в* (см. мою «Украинскую грамматику», § 14, б). О чередованіи задненебныхъ *г* и *к* съ зубными *д* и *т*, типичномъ какъ для кіевскаго нарѣчія XI в., такъ и для нынѣшняго нарѣчія Кіевщины, будетъ у насъ рѣчь ниже (гл. III); сюда же относится и спеціально-малорусская лѣтописная форма имени «Дюрдій» вмѣсто «Георгій». Въ строѣ губныхъ звуковъ мы по Изборникамъ Святослава уже видимъ въ Кіевѣ XI вѣка нынѣшнее чередованіе звукосочетаній *мн* и *вн* и рядъ другихъ современныхъ кіевско-малорусскихъ явленій (см. «Украинск. грамм.», § 13). Видимъ мы по кіевскимъ Изборникамъ XI в. огромное совпаденіе съ фактами нынѣшней кіевской рѣчи такъ же въ строѣ плавныхъ («Украинск. грамм.», § 11), включая сюда восточно-малорусское отвердѣніе звука р въ однихъ случаяхъ и умягченіе его въ другихъ случаяхъ, причемъ и Навуходоносоръ (какъ и теперь въ Кіевщинѣ) обращается по Изборникамъ Святослава въ «Науходоносоря» (срв. Изб. 1073, л. 144). Можно бы

особенности нынѣшней малорусской рѣчи, а именно — замѣстительнаго удлиненія звуковъ о и е передъ слогами съ потерянными глухими и обращенія ихъ въ дифтонги или въ і (срв. кінь, шіст), то въ XI вѣкѣ этой малорусской черты еще быть не могло по той существенной причинѣ, что глухіе звуки ъ и ь были тогда, какъ извѣстно, почти въ полной сохранности и еще не пали [1]); слѣдовательно слова́ конь и шесть произносились тогда у кіевлянъ, въ XI вѣкѣ, не съ удлиненными гласными звуками о и е, а съ обыкновенными, и искать намъ въ кіевскихъ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка какіе-нибудь признаки существованія замѣстительной долготы, возникшей *позже* XI вѣка, было бы, по меньшей мѣрѣ, странно.

Сдѣлавши оговорку по поводу способа обращенія г. Соболевскаго съ кіевскими Изборниками Святослава 1073 и 1076 г. я вновь долженъ заявить, что *всѣхъ* тѣхъ старыхъ, избитыхъ пріемовъ г. Соболевскаго, которыми онъ опять желалъ бы поддержать свою гипотезу о немалорусскости древняго Кіева, я разсматривать здѣсь не буду, разъ они уже всецѣло опровер-

---

и еще указать здѣсь огромный рядъ звуковыхъ діалектическихъ совпаденій кіевской рѣчи XI в. съ нынѣшней кіевской, но по недостатку мѣста я отсылаю читателя къ своей «Украинской грамматикѣ», особенно къ главамъ III—IV («Очеркъ звуковой системы лѣтописнаго кіевско-черниговско-переяславскаго нарѣчія XI вѣка»). Дополнительный матеріалъ ко всему этому, со множествомъ примѣровъ и со ссылками, см. у меня въ «Филологіи и Погодинской гипотезѣ», стр. 51—61, 68 и XV—XVI. Туда добавить можно тѣ печатные примѣры на употребленіе глагола «дозоляти» (внесеннаго, впрочемъ, и въ словарь Желеховскаго), которые можно прочитать, напр., въ кіевскомъ юбилейномъ сборникѣ въ честь столѣтія Энеиды Котляревскаго (стр. 117) и въ кіевскомъ журналѣ «Шершень» (1906, № 3, стр. 7). Повторяю однако, что все это черты мелкія, побочныя, не исключительно даже малорусскія; интересны онѣ только въ своей совокупности, какъ иллюстрація совпаденія нынѣшней фонетики Кіевщины съ фонетикой XI вѣка.

1) Съ особой обстоятельностью эта сохранность глухихъ XI вѣка показана въ статьѣ Н. Волкова: «Къ исторіи русскаго языка» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1894, янв., стр. 214—221). Изученіе ритмики «Слова о полку Игоревѣ», произведенное акад. Ѳ. Е. Коршемъ (лучшимъ авторитетомъ въ этой области), показываетъ, что даже въ концѣ XII-го вѣка глухіе гласные вост.-мр. нарѣчія были еще очень сохранны, и лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ они ужъ пали.

гнуты многими солидными учеными. Въ нынѣшней статьѣ я имѣю въ виду одно: разсмотрѣть только тѣ соображенія г. Соболевскаго о мнимомъ великоруссизмѣ древнихъ кіевлянъ, которыя онъ считаетъ возможнымъ почерпнуть изъ языка Начальной и Кіевской лѣтописи, потому что эти доводы могутъ въ большей или меньшей степени считаться еще новыми, неразсмотрѣнными. Мы увидимъ, что и новые эти доводы г. Соболевскаго столь же малоцѣнны и фактически ложны, какъ и предыдущіе.

II.

Останавливаясь на языкѣ «Начальной Лѣтописи», г. Соболевскій говоритъ: «Прежде всего въ Начальной и Кіевской лѣтописяхъ, при обиліи уменьшительныхъ собственныхъ именъ разнаго рода, мы замѣчаемъ отсутствіе уменьшительныхъ [*NB.* болѣе поздняго. *А. Кр.*] типа Сте*ц*[ь]ко, Я*ц*[ь]ко, Гри*ц*[ь]ко, Гри*цъ*, которыя обычны въ галицкихъ грамотахъ XIV — XV вв. (на русскомъ и на латинскомъ языкахъ) и въ современныхъ малорусскихъ говорахъ» [1]).

Въ отвѣтъ на это надо сказать: такихъ уменьшительныхъ не было также и въ Галичинѣ до XIV—XV вѣка,—напримѣръ, ихъ нѣтъ въ Галицко-Волынской лѣтописи. И вполнѣ понятно, почему это такъ: потому что малорусскія имена на *цько* появились у малороссовъ лишь подъ польскимъ вліяніемъ, а польскаго вліянія не зналъ не только старый Кіевъ, но и старая Галичина. Когда же Галичина попала во власть къ полякамъ, въ ней тогда и завелись имена вродѣ «Стецько», «Яцько» и т. п.: они представляютъ собою уменьшительныя польскаго (вѣрнѣе— вообще западно-славянскаго) типа «Сте*цъ*», «Я*цъ*» и пр. съ при-

---

1) Извѣстія, 1905, кн. I, стр. 319.

бавленіемъ обычнаго малорусскаго (и общерусскаго) окончанія *ко* [1]). Только съ XIV — XV вѣка они и появляются въ галицкихъ грамотахъ,—гдѣ, какъ мы видѣли, ихъ и нашелъ г. Соболевскій [2]).

III.

Далѣе г. Соболевскій продолжаетъ: «Затѣмъ въ Кіевской лѣтописи (какъ по Ипатскому, такъ и по другимъ спискамъ) собственное имя звучитъ *Дюрдь*, *Дюрдий*, *Дюргь*, изъ *Гюргь*, *Гюргий*, со смягченіемъ *г* въ *д* (рядомъ книжная форма *Георгий* и старая народная *Гюргий*).... Ни галицко-волынскіе памятники XII—XIV вѣка, ни галицкія грамоты XIV—XV вѣковъ, ни современные малорусскіе говоры [будто бы?! *А. Кр.*] не знаютъ смягченія *г* въ *д*, какъ и *к* въ *т*, ни въ этомъ, ни въ однородныхъ словахъ. Новгородскіе, средне-русскіе, западно-русскіе памятники всѣхъ временъ не знаютъ имени *Георгій* ни въ одномъ изъ его варіантовъ со звукомъ *д*. То же можно сказать о современныхъ русскихъ говорахъ» [3]).

---

1) Процессъ соединенія малороссами какого-нибудь чужого заимствованнаго уменьшительнаго имени со своимъ роднымъ малорусскимъ суффиксомъ *ко* всякій можетъ и сейчасъ свободно наблюдать. Каждому, конечно, случалось слышать, ка́къ разбогатѣвшій простой малоруссъ начинаетъ титуловать своего сына, положимъ Георгія: «Жорж*ко*»,—на томъ основаніи, что въ сосѣдней панской семьѣ паничъ-Георгій назывался уменьшительно «Жоржъ».

2) Имена польскаго типа «*Яцъ*», «*Стецъ*» могли безъ всякаго труда привиться у галичанъ, а затѣмъ въ большей или меньшей степени и у всѣхъ прочихъ малороссовъ (кіевлянъ и др.) потому, что отъ стариннѣйшихъ временъ у южноруссовъ ужъ имѣлась *своя собственная* наклонность образовывать уменьшительныя именныя формы довольно сходнаго съ этимъ типа: на ь. Такъ, въ старомъ Кіевѣ вмѣсто «Михаилъ» говорилось «Миха́ль» (см. Лаврент. списокъ, стр. 185, 301; Ипат. сп., 134), вм. «Иванъ»—«Янь» (Лавр. 171; Ипат. 123; Лавр. 205, Ипат. 148).—Кстати будетъ вспомнить г. Соболевскому, что старо-кіевскіе «Михаль» и «Янь» сами по себѣ ужъ сравнительно типичныя малорусскія формы.

3) «Извѣстія», указ. м., стр. 319.

Въ дополненіе къ этой цитатѣ изъ статьи г. Соболевскаго мы приведемъ также одно мѣсто изъ его «Лекцій», гдѣ онъ, отмѣтивши между прочимъ въ описаніи Кіевскаго замка XVI вѣка форму «Овду*т*ья» (вм. «Овдо*к*ья» [1]), произноситъ слѣдующее совсѣмъ невѣрное утвержденіе: «Изъ современныхъ русскихъ говоровъ лишь великорусскіе имѣютъ собственныя имена съ переходнымъ смягченіемъ гортаннымъ: Овдо*т*ья, Мар*т*ьянъ (=Мар*к*іанъ)» и т. д. [2]).

Какъ я при самомъ цитированіи отмѣтилъ, всѣ эти утвержденія г. Соболевскаго сплошь не вѣрны. Въ отвѣтъ на его смѣлое заявленіе, будто «современные малорусскіе говоры не знаютъ смягченія *г* въ *д* ни въ «Дюрдий», ни въ однородныхъ словахъ», я ему укажу, что не далѣе какъ въ той же Кіевской губерніи, гдѣ лѣтописцы писали «Дюрдий», особый родъ ожерелья и теперь называется: или «ґерданки́» (слово персидское), или «*дь*орданки́»; это же слово, кстати сказать, извѣстно и въ Галичинѣ въ видѣ двухъ чередующихся фонемъ: «ґерда́н» и «*дь*ордя́н» [3]). Что касается появленія звука *д* спеціально въ имени «Георгій», то сверхъ Кіева мы это имя со звукомъ *д* находимъ какъ разъ лишь *въ Галичинѣ*, и оно тамъ сохранялось никакъ не меньше, чѣмъ до конца XV-го столѣтія. По крайней мѣрѣ въ буковинской грамотѣ 1471 г. мы еще встрѣчаемъ: «*Д*иорь*д*ия» [4]).— Равнымъ образомъ, если г. Соболевскій полагаетъ, будто «Овду*т*ья» и «Мар*т*ьянъ» — это не по-малорусски, то я ему могу сообщить, что эти имена, со звукомъ *т*, и сейчасъ продолжаютъ существовать какъ въ Кіевщинѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ малорусской территоріи, къ западу ли, къ востоку ли отъ Кіевщины. Про имя «Овдо*т*ія» мы знаемъ, что въ XV вѣкѣ

---

1) Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, I.

2) «Лекціи» (изд. 1903), стр. 131.

3) Отмѣчено и словаремъ Желеховскаго; см. т. I, стр. 198, б. См. еще I, 168, со ссылкою на «Pokucie» Кольберга I, 38, 40.

4) Грамота 1471 г. издана А. Кочубинскимъ въ 32-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова (СПБ. 1892), стр. 249.

оно было въ семьѣ волынско-подольскаго князя Андрея Владиміровича (Ольгердова внука) [1]; въ южно-русскомъ Дубенскомъ (т. е. волынскомъ) Евангеліи XVI в. Румянц. музея есть, какъ случайно проговорился самъ г. Соболевскій [2], начертаніе: «Оудо*ті*и»; галичанинъ, чуждый всякаго русскаго вліянія, проф. Ом. Огоновскій, до такой степени свыкся съ малорусскимъ именемъ «Авдо*тя*», что считáлъ его даже *исключительно* малорусскимъ (!), а не общерусскимъ [3]; укажу также, что пятнистая болотная рыбка, называемая въ южной Украинѣ «явдошкою», въ сѣверной Кіевщинѣ называется «овдюткa» или «овдо*т*ка» (у галичанъ «авдо*т*ка») [4]. Также и по поводу имени «Мар*ть*янъ» сообщу г. Соболевскому, что имя «Мар*тя́*н» (равно какъ и имя «Маркія́н») онъ можетъ услышать на всемъ пространствѣ малорусской территоріи, — такъ же какъ и происходящую отсюда фамилію «Мартяненко».

Да и кáкъ можетъ быть иначе! Все это вѣдь — частичныя проявленія *общаго* фонетическаго малорусскаго закона, по которому мягкіе *т* и *д* (теперь во многихъ случаяхъ успѣвшіе у малороссовъ ужъ и отвердѣть) смѣшиваются съ *к* и *г* [5]. Заслуженный славяновѣдъ В. И. Ламанскій еще сорокъ лѣтъ тому назадъ подчеркнулъ эту малорусскую фонетическую особенность и обратилъ вниманіе на такія малорусскія фонемы, какъ «*кі*ло» (=тѣло),

1) Въ 1446 году онъ пріѣзжалъ на богомолье въ Кіевъ и составилъ тамъ свою духовную, которую издалъ и Я. Головацкій въ своихъ «Памятн. диплом. и судебно-дѣлов. яз. рус.» (Львовъ 1867), стр. 60—62. См. тамъ стр. 61: «дочьцѣ своей княжнѣ Овдотїи». Подлинникъ—въ Румянцевскомъ музеѣ.

2) «Лекціи» (1903), стр. 131.

3) Em. Ogonowski: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Львовъ 1880), стр. 65.

4) По крайней мѣрѣ въ такой формѣ (съ начальнымъ *а*) это названіе сообщено у Желеховскаго («Словарь», т. I, стр. 1).

5) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» § 14, в. Въ силу, быть можетъ, нефонетическихъ аналогій чередоваться могутъ и *твердые* зубные съ твердыми задненебными, по сосѣдству съ плавными. Срв. еще въ Изборникѣ Святослава 1076 г.: «гъргыи» (л. 90), гдѣ впрочемъ сочетаніе гы могло быть и полумягкимъ, и въ Супрасльской рукописи: «кogратъ» (89,7). Срв. еще въ полабскомъ языкѣ: donďa (=джгд).

«*к*істо» (=тѣсто), «*к*'яжко» (=тяжко) [1]), — и, дѣйствительно, у многихъ малоруссовъ (не исключительно въ предѣлахъ Кіевщины, но и въ другихъ мѣстахъ) эта особенность до того сильно внѣдрилась въ произношеніе, что у нихъ, передъ мягкими гласными, совсѣмъ стерлась разница между *к* и *т*; даже когда нарочно просишь ихъ произнести появственнѣе, напримѣръ, «тїсний», «тїсто» и т. п., они невольно произносятъ только «*к*існий», «*к*істо» [2]). Заимствовавши отъ турокъ слово «тебійет» (=природныя способности; арабск. طبيعة), они его передѣлали въ «*к*ебета» (что мы находимъ и у Шевченка). Въ Полтавщинѣ смѣшеніе задненебныхъ и зубныхъ распространено до того сильно, что авторъ новѣйшей полтавской «Короткої граматики української мови» счелъ нужнымъ предостеречь своихъ читателей отъ употребленія такихъ «покручених» словъ, кахъ «*к*істо» (=тїсто), «*к*існий» (=тїсний), «*кг*ля» (=для) [3]). Полтавская пословица гласитъ: «Голова знає, та руки не *к*ягнуть (=тягнуть)» [4]). Городокъ Константиноградъ выговаривается полтавцами за «Кось*к*янтиноградъ». «Гаківни́ця» (родъ пушки) произносится ими за «га*т*івниця» [5]). Деревянный стулъ называется въ Полтавщинѣ, Черни-

1) Ламанскій: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, стр. 89.

2) Явленіе это наблюдалъ, между прочимъ, В. Н. Доманицкій (современный малорусскій писатель) въ произношеніи жителей села Каврай (по новому оно же—Троицкое) возлѣ м. Ирклѣева Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи. Это ужъ было мною своевременно указано въ «Филологіи и Погодинской гипотезѣ», стр. XIX. Извѣстный малорусскій писатель Б. Д. Гринченко сообщалъ мнѣ, что въ Богодуховскомъ и въ Харьковскомъ уѣздахъ Харьковщины онъ до того свыкся съ мѣстнымъ произношеніемъ «кіло», «кісто» и т. п. (вм. «тїло», «тїсто» и т. п.), что приходилось для контроля слѣдить *и* за своимъ собственнымъ произношеніемъ. Въ очень интересныхъ письмахъ крестьянъ къ нему, которыя онъ обнародовалъ недавно въ журналѣ «Нова Громада» 1906, VII, мы встрѣчаемся съ такими написаніями, какъ «запорожцї пре*к*ісьняли» (стр. 56;= притѣсняли).

3) П. Залозний: Кор. грам. укр. мови, Полтава 1906, стр. 15.

4) Записана въ с. Грунь Зѣньковскаго уѣзда. См. В. Василенко: «Опытъ толков. словаря народн. технич. терминологіи по Полт. губ.», Харьк. 1902 (отт. изъ 13-го т. «Сборн. Ист.-Филол. Общ.»), стр. 77.

5) Срв. начертаніе «га*ты*вныця» изъ полтавской Переяславщины—«Кіевск. Стар.» 1906, май—іюнь, стр. 200. Твердость звука *т* (вѣдь слогъ «*ты*» надо читать здѣсь, какъ твердоватое *тї*) объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мо-

говщинѣ и сѣв. Кіевщинѣ «дзи́ґлик» (польск. ze*d*lik, ze*d*el = скамья, срв. нѣм. Siedel). Въ этомъ словѣ всегда слышится мгновенно-звонкое ґ, но въ другихъ словахъ можетъ вмѣсто *д* одинаково слышаться какъ звукъ ґ (лат. g), такъ и звукъ *г* (=*h*); напр. предлогъ «для» обращается въ Кіевщинѣ и въ другихъ мѣстахъ Украины безразлично то въ «ґля», то въ «*h*ля», даже въ устахъ одного и того же лица. Подъ Звенигородкой Кіевской губ. неграмотные люди выражаютъ понятіе «жалостный» черезъ «ґраматичний» (=драматичный)[1], произнося это слово только со звукомъ g; но мѣстныя фамиліи «*Г*і*г*енко» и «Гор*г*іенко» [2]), внесенныя съ буквою *г* даже въ оффиціальные документы и, слѣдовательно, получившіе такой свой звуковой видъ давно уже, произносятся только съ *h*; обыкновенная же малорусская форма этихъ фамилій—«*Д*і*д*енко» и «*Г*ор*д*іенко». Тамъ же въ Звенигородкѣ Кіев. губ. очень извѣстная фамилія, пишущаяся «Ма́г-

---

нофтонгъ *і* (изъ удлинившагося о) выработался въ Переяславщинѣ очень недавно, а до того времени здѣсь произносили твердый дифтонгъ *уи*. По свидѣтельству Шафонскаго 1786 г. въ его «Топографич. описаніи Черниг. намѣстничества» (изд. въ Кіевѣ 1857, см. § 12 и § 5) оказывается, что даже въ концѣ XVIII вѣка переяславцы еще не успѣли выработать звука *і*, а произносили удлиненное о близко къ *у*. (Западные же малорусы, какъ извѣстно изъ памятниковъ, успѣли переработать дифтонгъ $\widehat{уо}$, $\widehat{уи}$ въ монофтонгическое *і* еще въ XVI в. Кстати сказать,—въ противность утвержденію г. Соболевскаго, высказанному на стр. 313-ой «Извѣстій»,—всякій, кто знаетъ малорусскую діалектологію и исторію малорусскаго языка, *обязанъ* признать, что звукъ *і* вырабатывался въ западномъ и въ восточномъ малорусскомъ нарѣчіи (въ Львовѣ и въ Кіевѣ) самостоятельно, независимо другъ отъ друга (поскольку можно говорить о полной взаимной независимости при постоянныхъ сношеніяхъ Львова съ Кіевомъ) и въ разное время въ разныхъ говорахъ. Правда, филологовъ, которые подумаютъ такъ, г. Соболевскій заранѣе исключаетъ изъ числа «сколько-нибудь образованныхъ лингвистовъ-діалектологовъ» (стр. 313, сноска);—но я съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ *спѣшу* войти въ разрядъ этихъ (по г. Соболевскому) «совсѣмъ необразованныхъ лингвистовъ-діалектологовъ», что уже нахожу въ ихъ числѣ незабвеннаго акад. Потебню, создателя исторіи русскаго языка, и акад. Ѳ. Е. Корша, всемірное свѣтило лингвистики.

1) Записано мною между прочимъ отъ пастушки Свистілничихи, живущей въ предмѣстьи «Червоной». Однако «граматка» она произноситъ съ *h*, а не съ *g*. По ея объясненію: «ґраматичний—жалісливий».

2) Родомъ онѣ изъ средней Кіевщины.

денко», сплошь да рядомъ произносится за «Ма́дьдэнко» (съ такимъ дь, которое приближается къ *й*, но не есть *й*). Въ сѣверной и средней Украинѣ особая сумка называется какъ «*к*айстра» (=лат. canistrum), такъ и «*т*айстра», — въ особенности на Полѣсьи. Вообще на Полѣсьи это явленіе—одно изъ самыхъ обычныхъ [1]). Тамъ же на Полѣсьи вмѣсто «ковтни», «ковтнїть» выговариваютъ «ков*к*ни», «ков*к*нїть» (= повел. н-ніе отъ глагола «ковтнути»—«проглотить») [2]). Тамъ же на Полѣсьи, да и вообще во всей сѣверо-восточной Волыни, спутались по этой причинѣ энклитическія частицы (союзы) «*-ке*» и «*-те*»; а такъ какъ онѣ, кстати сказать, часто произносятся тамъ съ расширеніемъ (*кä* и *тä*), то съ ними смѣшался еще и соединительный неэнклитическій союзъ *та* (= да, и) [3]). Имя одного мѣстечка въ Черниговщинѣ подъ Нѣжиномъ выговаривается и «Вер*т*іївка» и «Вер*к*іївка [4]). Очень распространены и въ Кіевщинѣ и въ Черниговщинѣ формы «дя*к*іл» и «я́*к*іл» вм. «дя́тїл» (=дятелъ) и уменьшительныя «дя́*к*лик»

1) Извѣстная украинская литературная семья Косачей (Леся Українка, Олена Пчілка и др.) обратила мое вниманіе на то, что произношеніе типа «кіло», «кісто» слышится и у нихъ въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ,—напр., въ ихъ родномъ селѣ Колодяжномъ возлѣ мѣстечка Мирополье.

2) См., между прочимъ, и въ такомъ характерномъ по языку произведеніи, какъ «Сплiотни» полѣшука М. Семенюка (Житомиръ, 1872), стр. 29: «ковкни слинку».

3) Тамъ, напримѣръ, вмѣсто «йдіть і ви-ке додому» говорятъ: «йдіть і ви-те додому», чему, конечно, содѣйствуетъ и вліяніе глагольной аналогіи. (См. много примѣровъ на такое *те* въ разсказѣ Леси Украинки: «Приязнь» — въ «Кіевской Старинѣ» 1905, окт., стр. 13, 14, 15 и т. д.). Вмѣсто обычнаго «я та він» можно на Волыни услышать: «я ке він» (черезъ промежуточную стадію: «я тä він»),—явленіе, которое было отмѣчено (помнится, г. Коробкою) въ одномъ изъ первыхъ томовъ «Живой Старины».— Замѣчу мимоходомъ, что общемалорусское чередованіе эвфемизма для penis virilis: «*к*абака» и «*т*абака» обязано своимъ появленіемъ повидимому не столько вліяніямъ семасіологическимъ, сколько фонетическому чередованію *кä* и *тä*. (Срв. и въ великорусскомъ нарѣчіи произношеніе этого слова со звукомъ *е*, а не только со звукомъ *а*. Даль: «Толковый словарь», т. IV, М. 1866, стр. 361).

4) См. корреспонденцію въ кіевской малорусской газетѣ «Громадська Думка», 1906, № 86, стр. 4, гдѣ оказываются параллельно обѣ формы. Еще ср. форму «Вер*т*іївка» (съ *т*) въ «Громадській Думцї» 1906, № 108 и № 159, и «Вер*к*іївка» (съ *к*)—въ ней же, № 190 и въ «Шершенї» 1906, № 24.

и «я́клик» вм. «дя́тлик»; а глаголъ, означающій «назойливо канючить», «долбить», произносится сплошь да рядомъ «якли́ти» (вм. «ятлити», «дятлити») [1]). Да и начальный слогъ этихъ существительныхъ и этого глагола (*ја* вм. *дя*) выразительно говоритъ о существованіи, прежде, промежуточной стадіи: *гя*. Чередующаяся форма имени «*К*елимон» и «*Т*елимон» (Пантелеймонъ) извѣстна, съ обычной перегласовкой *е* на *а*, отъ Кіевщины до крайняго сѣверо-востока Слободской Украины (срв. какъ «*К*алимон», такъ и «*Т*алимон» — у Квитки). Другой такой общеизвѣстный примѣръ чередованія *т* и *к*—«*ст*ирта» и «*ск*ирта». Въ Кіевщинѣ существуетъ ругательство: «лю*к*ре!» (въ смыслѣ «безбожный», «безсовѣстный»), которому соотвѣтствуетъ западно-малорусское лю*т*ре» [2]). — Въ судьбѣ звука *д*, обращающагося у малоруссовъ въ звукъ ґ, можно отмѣтить даже кое-какое дальнѣйшее развитіе, а именно: въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевщины (и вообще восточной Украины) звукъ ґ произносится уже съ трудомъ, тамъ мы для замѣны звука *д* не разъ слышимъ уже не звукъ ґ, а близкій къ нему звукъ *к*; такъ, въ Кіевщинѣ вмѣсто «на-Дми́тра» (т. е. «въ день св. Димитрія»=«на-Дьми́тра») говорятъ теперь: «на-*К*митра», а вмѣсто «маю на пре*д*меті» (mam na prze*d*miecie) произносятъ: «маю на пре*к*меті» [3]). — Что этотъ законъ о смѣшеніи мягкихъ *т* и *д* съ *к* и *г* есть вполнѣ малорусская черта, не навѣянная изъ Великороссіи, это лучше всего доказывается рѣчью галицкихъ горцевъ-гуцуловъ, никогда

---

1) Фонема «якіл» печатно засвидѣтельствована черниговскими «Этнографическими матеріалами» Б. Д. Гринченка, на что онъ самъ любезно обратилъ мое вниманіе. Глаголъ «яклити» употребленъ черниговцемъ Номисомъ при объясненіи къ пословицѣ № 12.153 его сборника: «Українські приказки, прислівъя і таке инше» (Спб. 1864, стр. 238).

2) Это есть, собственно, звательный падежъ отъ «лютор» (р. п. «лютра»), первоначальный смыслъ котораго — «лютеранинъ» (срв. зап.-мр. «перейти на лютра» = перейти въ лютеранство).

3) Такъ какъ параллельно съ этимъ выраженіемъ имѣется равносильное ему другое: «маю на приміті» (=на примѣтѣ), то взаимодѣйствіе обоихъ выраженій привело къ образованію новаго существительнаго женск. р.: «прекмѣ́та» (или «прикмѣ́та»), со значеніемъ «примѣта». Это новое существительное ж. р. вошло даже въ литературную рѣчь.

не знавшихъ великорусскаго вліянія. Такъ наз. «покутскій» галицкій говоръ систематически замѣняетъ каждое мягкое *д* на ґ (ґід, ґівка=дѣдъ, дѣвка), а каждое мягкое *т* на *к* (*к*істо, в ха*к*і=тѣсто, въ хатѣ)[1].

Относительно звука т въ имени «Мартьянъ» надо впрочемъ оговориться, что онъ (въ противность категорическому утвержденію г. Соболевскаго) можетъ объясняться вовсе не чередованіемъ звуковъ *к* и *т*. У насъ нѣтъ твердыхъ основаній думать, что имя «Мар*т*ьянъ» равносильно имени «Мар*к*іанъ», а напротивъ есть основанія думать, что «Мартьянъ» есть сокращеніе имени «Мар*тин*іанъ». По крайней мѣрѣ, въ февральской минеѣ XV вѣка (хранящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи № 584) подъ 13-мъ февраля (л. 130) оказывается житіе преподобнаго «Мартиана черноризьца», въ этотъ день празднуется память св. Мартиніана, не Маркіана, и все помѣщенное тамъ житіе есть житіе именно св. Мартиніана.

IV.

«Затѣмъ», продолжаетъ г. Соболевскій свою статью, «въ Начальной лѣтописи (по западно-русскимъ Радзивиловскому и Академическому спискамъ) названіе рѣки въ Переяславской области, хорошо извѣстное въ Кіевѣ, звучитъ «*О*льто», несомнѣнно изъ «Льто» (что̀ сохранено Лаврентьевскимъ и Ипатскимъ списками). Въ немъ мы имѣемъ неорганическое *о*, появляющееся въ подобныхъ случаяхъ въ великорусскихъ и отчасти въ бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и не встрѣчающееся въ малорусскомъ [это неправда. *А. Кр.*]. Оно могло войти въ старшіе списки лѣто-

---

1) Огоновскій: Studien, стр. 77. Множество примѣровъ можно найти въ матеріалахъ, издаваемыхъ Ученымъ Обществомъ имени Шевченка въ его «Етноґрафічному Збірнику».

писи, кіевскіе, лишь подъ вліяніемъ живого произношенія, также кіевскаго, и изъ нихъ уже перейти въ списки не кіевскаго происхожденія» [1]).

Что «*О*льто», съ призвукомъ *о*, есть очевидная черта старокіевскаго говора, въ этомъ г. Соболевскій, конечно, правъ. Но только ничего противомалорусскаго въ этой чертѣ нѣтъ. Г. Соболевскій долженъ былъ бы вспомнить, что и Волынь, малорусcизмъ которой онъ ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній, тоже передѣлала свой лѣтописный городъ «Вручий» (подъ 6485—977 г. и сл.) на «*О*вручъ» [2]). Дѣло въ томъ, что неорганическій призвукъ *о* вполнѣ свойственъ малорусской рѣчи, что должно быть извѣстно каждому великоруссу, читавшему Гоголя и встрѣчавшему тамъ имена «*О*кса́на» (= Ксенія) и «*О*дарка» (= Дарья). Объ этомъ г. Соболевскій могъ бы справиться въ популярной школьной грамматикѣ малорусскаго языка проф. Ом. Огоновскаго, гдѣ нашелъ бы приведенное, въ видѣ примѣра, «*олжа́*» (=лжа, ложь) [3]), а кромѣ того г. Соболевскій нашелъ бы объ этомъ свѣдѣнія въ общеизвѣстной книгѣ того же проф. Огоновскаго, знакомство съ которой безусловно обязательно для всякаго, кто поднимаетъ діалектологическіе вопросы: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Львовъ 1880). Въ этой книгѣ малорусскій при-

---

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 319—320.

2) Теперь употребляется только форма «Овруч» (съ призвукомъ). Но еще къ началу XVI вѣка свободно чередовались обѣ формы: съ призвукомъ *О*, и безъ призвука. Такъ, въ жалов. грам. 1496 г. великаго князя Александра намѣстникамъ Овручскому и Звягольскому мы параллельно находимъ: «намѣстнику *В*руцкому», «*В*ручей»—и «в *О*вруцкомъ повѣте». То же въ спискѣ грамоты его же 1498 г., входящемъ въ кіевскую книгу кгродскую 1736 г. (№ 47, л. 308): «земенынъ *В*руцкий» — и «въ *О*вруцкомъ месте». Польская копія съ жалованной грамоты Александра 1503 г., внесенная въ Овручскую книгу кгродскую 1717 г. (№ 3224, л. 93), содержитъ въ себѣ: «starcu *W*ruckemu»—и «pod miastem *O*wruczym».

3) Ом. Огоновскій: Граматика [мало]-руского языка для шкôлъ середнихъ (Львôвъ 1889), стр. 25, § 72. Слово «*олжа*» вовсе не специально-галицкое: оно очень обычно у Кулиша. Глаголъ «*олгати*» (несов. вида, вм. «лгати») фигурируетъ и въ думѣ про Азовскихъ братьевъ: «А будемо ми, брате, перед отцем, перед маткою *о*лгати» (Антоновичъ и Драгомановъ, т. I, стр. 119).

звукъ *О* отмѣченъ въ рубрикѣ: Vorschlag von Vocalen (стр. 54—55, § 14), причемъ приведены и кое-какія свидѣтельства памятниковъ (напр., ѻвшейкы=вшейкы, укр. всенькі, — изъ галицк. грамоты 1457 г.), и подчеркнуты также такіе малорусскіе примѣры, какъ «*о*боріг» (=польск. bróg), «*о́*желедь, *о*желедиця» (=жлѣдица), «*о*селедець» (śledź) и др. Кромѣ того, стоило бы г. Соболевскому лишь слегка перелистать общедоступный «Малоруско-німецкий словарь» Желеховскаго (Львовъ 1886) въ отдѣлѣ буквы *О*, — и передъ нимъ воочію предсталъ бы длинный рядъ такихъ типичныхъ малорусскихъ формъ (типа «*о*лжа»), какъ «*о*ртуть» (=ртуть); горно-гал. «*о*бирва» (=брва, брова; бровь); гал. «*о*рів (=рів; очевидно при родительномъ «орва», украин. «рóва»); «*о*мша́р» (=мшар; мѣсто, поросшее мхомъ); «*о*рханції» (особыя желѣзныя колечки, — тоже, что «р^иханції», «рихванції»); «*о*ждиґан» (кій; = персидско-тюрк. джиґан, джуґан, چوكان); «*о*кпило» (=кпило; насмѣшливый обманщикъ); «*о*грашка» (иронич. названіе для лихорадки; =грашка, играшка), «*о*реля» (качель=реля) и множ. др.; заслуживаютъ вниманія названія двухъ горъ: «*О*пчи́на» (=бъчина, бочка) и «*О*стих» (=нѣм. Stich; у Желех. «Гостих») [1]). Полагаю, что всѣ эти выписки изъ школьныхъ руководствъ и настольнаго словаря [2]) избавляютъ меня отъ необхо-

---

1) Придыханіе h есть, какъ извѣстно, вещь въ малорусскомъ языкѣ обычная, и она свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что неорганическій гласный призвукъ *о* въ томъ или другомъ словѣ появился давно. Срв. примѣры изъ Кіевщины: «У пана він *го*пра́ва рука» (=правая рука), и тамъ же, въ извѣстной купальской пѣснѣ: «...Іванко лежить, в *го*правій руції Марійку держить» (=въ правой рукѣ). Иногда вмѣсто h призвукъ *о* снабжается призвукомъ *в*, какъ, напр., въ словѣ «*во*рвіль» (нарывъ), которое отмѣчено и у Желеховскаго.

2) Предлагаю также раскрыть какой-нибудь номеръ кіевской малорусской газеты, чтобы найти соотвѣтствующіе примѣры. Напр. въ одномъ изъ послѣднихъ №-овъ «Громадської Думки» (№ 69, стр. 3, столб. 3) находимъ вмѣсто «блискавку» (=молнію) форму съ призвукомъ: «*о*блискавку», а въ другомъ номерѣ три раза находимъ «*о*тру́нок» вм. «трунок» (=животъ). См. № 90, стр. 2. Вмѣсто обычнаго «блакить» (=синева, польск. błękit) мы тамъ читаемъ «*о*блакить» (№ 153, стр. 1, въ фельетонѣ). Въ одной изъ послѣднихъ книгъ журнала «Нова Громада» встрѣчаемъ, локально-полтавское «*о*поро́к» вм. «поро́к» (въ пословицѣ: «Бідність не *о*поро́к», 1906, іюль, стр. 72). И т. п., и т. п.

димости засыпать г. Соболевскаго тою *массою* примѣровъ на малорусскій призвукъ *о*, которые я могъ бы предложить ему изъ своихъ личныхъ записей, собранныхъ въ Кіевщинѣ [3]).

V.

Покончивши съ якобы-великорусскими фонетическими особенностями Кіевской лѣтописи (сплошь и сугубо малорусскими, какъ мы видѣли!), г. Соболевскій рѣшается усмотрѣть великоруссизмы въ словарномъ запасѣ Кіевской лѣтописи. Такихъ будто бы немалорусскихъ словъ онъ находитъ три. Онъ говоритъ:

«Начальная и Кіевская лѣтописи пользуются: словомъ *старѣйшина* съ позднѣйшимъ значеніемъ одного человѣка, между тѣмъ какъ малорусскіе говоры [въ видѣ «старшина»] употребляютъ его лишь въ древнѣйшемъ значеніи собирательномъ [это не такъ. *А. Кр.*]; — *зоря* въ значеніи: заря, между тѣмъ какъ малорусскіе говоры знаютъ его только [нѣтъ! *А. Кр.*] въ значеніи: звѣзда;—словомъ *лошадь*, чуждымъ [и это не такъ. *А. Кр.*] малорусскому нарѣчію» [1]).

Изъ помѣтокъ, сдѣланныхъ мною въ скобкахъ, читатель уже видитъ, что утвержденія г. Соболевскаго не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Они свидѣтельствуютъ только о практическомъ незнакомствѣ г. Соболевскаго съ самыми обыденными и частыми словами малорусскаго языка, а кромѣ того заставляютъ пожалѣть, что филологъ способенъ съ необыкновенной смѣлостью компрометтировать себя фактически-невѣрными утвержденіями, тогда какъ двѣ-три минуты справокъ, хотя бы просто по сло-

---

3) Въ моей «Украинской грамматикѣ» о неорганическомъ призвукѣ *о*, см. отдѣльную рубрику въ главѣ: «Пріемы малорусскаго благозвучія», § 42 и слѣд.

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 320.

варю, могли бы его избавить отъ непріятности компрометтировать себя.

Всякій малоруссъ знаетъ, что малорусское слово «старшина» *всецѣло* соотвѣтствуетъ кіевскому лѣтописному «старѣйшина», во *всѣхъ* его значеніяхъ. Подобно тому, какъ въ языкѣ Кіевской лѣтописи слово «старѣйшина» значитъ: и начальство въ собирательномъ смыслѣ (срв. Лавр. сп., стр. 16: «рѣша старѣйшина»), и *одинъ* начальникъ (срв. Лавр. сп., стр. 38: «призва старейшину конюхомъ, — онъ же рече»), — такъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ всѣхъ мѣстностей слово «старшина» имѣетъ и собирательный смыслъ («уся старшина», — въ этомъ случаѣ оно ж. р.) и *единичный* смыслъ [1]). Беремъ, для примѣра, малорускій переводъ ветхозавѣтной Библіи [2]), раскрываемъ его гдѣ-нибудь наудачу въ тѣхъ частяхъ, которыя переведены уроженцемъ коренной Кіевщины, извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ и великимъ сторонникомъ своего родного среднекіевскаго говора Ив. Сем. Левицкимъ, — ну, хоть «Другу книгу Паралипоменон» на стр. 415-ой, — и сейчасъ же найдемъ: «зібрав Соломон старшин*и* Ізрайлев*ї*» (V, 2), «прийшли *всї* старшин*и* Ізрайлев*ї*» (V, 4). Посмотримъ книгу Эзры, въ переводѣ опять-таки Ив. Сем. Левицкаго, на стр. 455—456: «приступи*ли* до мене старшин*и*» (IX, 1), «і встав Ездра й звелів старшин*ам* поклястись» (X, 5), «присудом старши*н* та начальників» (X, 8), «наш*ї* старшин*и* (X, 14), «нехай приход*ять* з ними старшин*и* з кожного міста» (ibid.). Посмотримъ переводъ Евангелія — черниговца Кулиша, — и тамъ то же: «Ось приходить *один* із школьн*их* старш*ин*, на йи́мя Яір» (отъ Марка, V, 22), «приходять від школьн*ого* старшин*и*» (ib., V, 35), «школьн*ому* старшин*ї*» (ib., V, 36), «до школьн*ого* старшин*и*» (V, 38), «*сей був* старшин*ою*» (Луки, VIII, 41), «від шкільн*ого* старшин*и*» (ib.,

---

1) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» главу: «Родъ именъ существительныхъ», рубр. 8-ую.

2) Пользуюсь Вѣнскимъ изданіемъ 1903 г.

VIII, 49). Совершенно то же найдемъ и въ переводѣ волынянки Леси Украинки: «дочку *одного* старшини» [1]). У полтавца Гр. Коваленка въ его «Оповіданнях з української старовини» мы множество разъ встрѣчаемъ: «козацьк*і* старшин*и*» (= им. множ.), «козацьк*ий* старшин*а*» (ед. ч. для *одного* лица), «обрати нов*их* старш*ин*», «на новий рік вибіра*лися* наново старшин*и*, а стар*их* судили, а як вон*и* бул*и* винн*і*, то й карали», — наряду, конечно, съ «козацька старшина» (= собират.) [2]). Итакъ ясно, что «старшина» можетъ означать по-малорусски и одного человѣка. Да достаточно было бы г. Соболевскому раскрыть «Малоруско-німецкий словар» галичанина Желеховскаго, т. II, стр. 916, и прочитать: «Старшина́ — der Aelteste, Senior».

И слово *«зоря»*, въ противоположность утвержденію г. Соболевскаго, значитъ по-малорусски не только «звѣзда», но и «заря». Примѣровъ на это могъ бы найти г. Соболевскій сколько угодно, въ области ли народной думы («Безпечно спать полягали— сьвітової зорі дожидали; став божий сьвіт сьвітати—стали вони на коні сідати»—въ думѣ о побѣгѣ трехъ Азовскихъ братьевъ) [3]), въ области ли народной пѣсни («Вийшли в поле косарі — косить рано до зорі́»), въ области ли народной поговорки («ні сьвіт, ні зоря́»), въ области ли стихотворной литературной рѣчи (срв. «Блиснула зоря́—біліють поля»—у Кулиша въ «Досьвіткахъ») [4]), въ области ли беллетристики («А стала зоря розсьвітати... Катря й каже: Вже сонце, день»—у Марка-Вовчка въ «Трьох долях») [5]); наконецъ г. Соболевскій могъ бы узнать, что́ значитъ по-малорусски «зоря» просто даже изъ нагляднаго разсмотрѣнія заглавной виньетки съ *восходящимъ солнцемъ* на извѣстномъ львовскомъ

---

1) Моріс Верн: Евангеліє, переклала з французького Л. У. (Львів 1905), стр. 8,—въ серіи «Літературно-Наукова Бібліотека», ч. 111.

2) См. журналъ «Рідний Край», 1906, № 29 (стр. 4—5) и слѣд.

3) Антоновичъ и Драгомановъ: Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. I (Кіевъ 1874), стр. 119.

4) См. по изданію 1876 г. (въ Кіевѣ), стр. 196, въ поэмѣ «Великі проводи», пѣсня 5-я, I.

5) По петербургскому изданію 1862 г., см. т. II, стр. 149.

журналѣ «Зоря» [1]), который издавался «Науковим Товариством імени Шевченка» и довольно долго былъ литературнымъ средоточіемъ всей малорусской литературы, или изъ виньетки тоже съ восходящимъ солнцемъ на журналѣ «Зоря», который сталъ издаваться въ Россіи съ 1906 года послѣ отмѣны тридцатилѣтнихъ неслыханныхъ стѣсненій, давившихъ малорусскую литературу. Интересно, что виньетка на галицкомъ журналѣ «Зоря», согласно двойному значенію слова «зоря» въ малорусскомъ языкѣ, чередовалась: иногда это было восходящее солнце, иногда яркая звѣзда. Въ Львовѣ существуетъ ассоціація малорусскихъ ремесленниковъ, подъ наименованіемъ «Зоря»; по нѣмецки имя этой ассоціаціи переводится «die Morgendämmerung». Въ словарѣ Желеховскаго «зоря» переведено (сверхъ Stern): «Morgenröthe, Tagesanbruch, Aurora» (т. I, стр. 314).

Что касается третьяго слова: *лошадь*, употребленнаго въ Кіевской лѣтописи, то и здѣсь г. Соболевскій не имѣлъ бы ни малѣйшаго основанія видѣть великоруссизмъ, если бы зналъ оттѣнки малорусской синонимики. Какъ разъ вѣдь дѣло стоитъ наоборотъ утвержденію г. Соболевскаго, и именно въ способѣ употребленія *этого* слова проявляется тонкая малорусскость Кіевской лѣтописи. Дѣло въ томъ, что для обозначенія тѣхъ животныхъ, которыя у великоруссовъ огульно называются общимъ именемъ «лошадей», есть въ Кіевской лѣтописи не одно, а *два* слова: славянское «кони» и монгольское «лошади» (это послѣднее слово вложено въ уста Владиміру Мономаху подъ 6611—1103 г. на Долобскомъ съѣздѣ по поводу лошадей смердовъ), причемъ оба слова означаютъ въ кіевской лѣтописи неодинаковыя понятія. Разница между кіевско-лѣтописнымъ «конь» и кіевско-лѣтописнымъ «лошадь»—какъ разъ такая, которой нѣтъ у великоруссовъ и которая, напротивъ, и теперь сохраняется въ живой рѣчи той же сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины, гдѣ совершались лѣтописныя событія. Вѣдь въ великорусскомъ

1) Онъ былъ иллюстрированъ съ 1891 года.

нарѣчіи лошадьми могутъ называться всѣ equi, всякаго достоинства, — отъ жалкой клячи до молодцоватой кавалерійской лошади, до породистыхъ заводскихъ арабскихъ и англійскихъ лошадей. Не то въ Кіевской лѣтописи. Хорошія и обыкновенныя лошади называются тамъ исключительно «кони», «конѣ» (какъ и у современныхъ малоруссовъ «коні»), а вотъ заморенная лошадь *смерда* называется монгольскимъ терминомъ «*лошадь*». Это жъ и есть малоруссизмъ, потому-что и рѣчь современныхъ малоруссовъ строго сохранила упомянутую лѣтописную разницу между славянскимъ и монгольскимъ словомъ. Примѣняя терминъ монгольскій, современный малоруссъ, подобно Владиміру Мономаху, влагаетъ въ него извѣстный оттѣнокъ пренебреженія или снисхожденія, указывающій на нѣчто мелкорослое, слабое. Въ виду представленія о мелкорослости и слабости, включеннаго въ смыслъ этого слова, оно (т. е. монгольское «лошадь» съ родительнымъ «лоша*ди*») успѣло пріурочиться у малоруссовъ къ формѣ уменьшительныхъ именъ съ суффиксомъ «ят»: жеребенокъ называется по-малорусски всюду «лоша» (род. п. «лоша*ти*»), — лучшее доказательство малорусской исконности этого слова! Тотъ же оттѣнокъ мелкорослости и слабосильности вложенъ и въ смыслъ другихъ родственныхъ малорусскихъ словъ этого корня: «лошу́н», «лоши́ця» (=лошаденка) и т. п. [1]). Въ Полтавщинѣ слово «лоши́ця» есть даже спеціальный terminus technicus: такъ называютъ полтавцы кобылу по второму и третьему году, т. е. не совсѣмъ еще окрѣпшую. Въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Кіевщинѣ и на Волыни) слово «лошиця», «лошичка» значитъ (сколько я наблюдалъ) просто лишь «лошаденка» [2]). Замѣтимъ, что эти слова употребляются и въ Австрійской Украинѣ, въ закоулкахъ Карпатскихъ горъ [3]), свидѣтельствуя этимъ фак-

1) См. перечень въ словарѣ Желеховскаго, т. I, стр. 414.

2) Срв., между прочимъ, употребленіе словъ «лошиця» и «лошичка» въ недавнемъ разсказѣ «Зажинки» Ворона-Вильчинскаго, изъ пограничья Волыни и Подоліи (Громад. Думка» 1906, № 155).

3) Сверхъ Желеховскаго см. буковинскій словарь О. Поповича (Чернівці, 1904), стр. 130.

томъ о своей глубокой малорусской архаичности. Въ архаичныхъ говорахъ нынѣшнихъ «смердовъ» Черниговщины, «лошади» которой попали благодаря рѣчи Владиміра Мономаха въ лѣтопись, можно услышать и ласкательно-увеличительное слово: «лошадюга».

Сверхъ этихъ трехъ словъ: «старѣйшина» (м. р.), «зоря» и «лошадь», г. Соболевскій не указываетъ больше ни одного якобы «великоруссизма» въ Начальной и Кіевской лѣтописи, но зато дѣлаетъ голословное подстрочное замѣчаніе: «Читающій Начальную и Кіевскую лѣтописи поражается близостью ихъ синтаксиса и словаря къ великорусскому матеріалу» [1]).

О какомъ «читающемъ» идетъ рѣчь? О такомъ ли, который подобно г. Соболевскому знаетъ только великорусское нарѣчіе, а малорусскаго *не знаетъ*?.. Или о такомъ, который основательно знаетъ *оба* нарѣчія? — Если рѣчь идетъ о второмъ, то я (природный малоруссъ изъ Кіевщины, безукоризненно знающій свою родную рѣчь, и притомъ филологъ, кропотливо изучившій исторію малорусскаго языка) могу заявить, что близость кіевско-лѣтописнаго синтаксиса и кіевско-лѣтописнаго словарнаго запаса къ великорусскому матеріалу можетъ быть усмотрѣна *лишь* такая, какая вообще можетъ существовать между малорусскимъ и великорусскимъ синтаксисомъ и словаремъ.

Въ особенности поразительна первая половина утвержденія г. Соболевскаго: про синтаксисъ. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы г. Соболевскій хотѣлъ своими словами сказать, будто въ кіевской лѣтописи онъ нашелъ *спеціально-великорусскій* синтаксисъ. Такое заявленіе никогда не могло бы быть поддержано со стороны г. Соболевскаго реальными доказательствами. Повторяю, что, зная очень твердо, какъ современный, такъ и старый малорусскій языкъ, а въ частности рѣчь моей родной Кіевщины, я рѣшительно заявляю г. Соболевскому въ этомъ органѣ Академіи Наукъ, передъ лицомъ всего ученаго славянскаго міра, что

---

1) Извѣстія, указ. мѣсто, стр. 320.

г. Соболевскій не въ состояніи будетъ указать во всей Начальной и Кіевской лѣтописи *ни одного* синтактическаго оборота, который былъ бы *спеціально* великорусскимъ и отсутствовалъ бы или въ современной или въ старинной малорусской рѣчи. А кто не помнитъ замѣчательной характеристики *стиля* кіевской лѣтописи великорусса Соловьева, который такъ рельефно отличаетъ живой малорусско-сангвиническій стиль кіевской лѣтописи отъ сухого, дѣловитаго стиля великорусскихъ лѣтописей?!

Точно также, что касается словарнаго запаса старокіевской лѣтописи, то, какъ мы видѣли, г. Соболевскій могъ выудить въ лѣтописи только три якобы великорусскихъ слова, и тѣ при провѣркѣ оказались сугубо-малорусскими. Если же онъ ощущаетъ сходство отдѣльныхъ (малорусскихъ) словъ кіевской лѣтописи съ отдѣльными словами, выхваченными въ раздробь изъ того или другого великорусскаго нарѣчія, то не мѣшало бы г. Соболевскому имѣть въ виду, что *нѣтъ* такого великорусскаго нарѣчія, въ которомъ кіевско-лѣтописныя слова констатированы были бы въ большей или меньшей *совокупности*. Я же, малороссъ, наоборотъ поражаюсь замѣчательной *совокупной* близостью старокіевской рѣчи къ современной рѣчи сѣверной и средней Кіевщины. Множество предметовъ и понятій въ нынѣшней сѣверной и средней Кіевщинѣ XX вѣка до сихъ поръ сохранили огромной массой то же свое старинное названіе, какое они имѣли въ кіевской лѣтописи XI—XIII вѣка, — тогда какъ въ Великороссіи эти же слова (да и то далеко не всѣ) если и можно разыскать, то развѣ по одиночкѣ, въ раздробь: одно слово найдется въ одномъ великорусскомъ говорѣ, другое — въ другомъ; найдутся они въ говорахъ разнаго типа, въ отдаленныхъ другъ отъ друга говорахъ и употребляются въ совсѣмъ разныхъ концахъ Великороссіи, а никакъ не суммарно и цѣльно въ одномъ какомъ-нибудь великорусскомъ говорѣ[1]). И вполнѣ очевидно для всякаго

1) При помощи *сборнаго* «Толковаго словаря живого великорусскаго языка (со включеніемъ бѣлорусскаго!)» Даля, очень не трудно натаскать изъ разныхъ великорусскихъ закоулковъ великорусскія (+ бѣлорусскія!) слова, сходныя не

безсторонняго судьи, что близость между лѣтописно-кіевскимъ словаремъ и тою великорусскою агломератною словарной кучкой, которая *мозаично и разрозненно* будетъ надергана изъ совершенно неблизкихъ другъ къ другу разныхъ великорусскихъ говоровъ, не можетъ быть равной по цѣнѣ съ *массовою* близостью малорусскаго словарнаго матеріала современно-кіевскаго (сѣверной и средней Кіевщины) со словарнымъ матеріаломъ кіевско-лѣтописнымъ. Это надо сказать даже про категорію словъ, наиболѣе склонныхъ къ измѣненію: про названія домашнихъ предметовъ, названія животныхъ, растеній, цвѣтовъ и т. п., которыя такъ поразительно сходны въ домонгольской Кіевщинѣ лѣтописной и въ малорусской Кіевщинѣ нынѣшней [1]). И я сомнѣваюсь, чтобы *непредупрежденный* великоруссъ, видя съ одной стороны—*суммарную* близость старо-кіевскую и *нынѣшне-кіевскую* (поразительную суммарную словарную близость!), а съ другой стороны—видя лишь *искусственно составленную* близость съ *великорусскимъ* словаремъ, достигнутую при помощи *мозаичныхъ* надергиваній изъ Даля или изъ старорусскихъ «Матеріаловъ» Срезневскаго, согласился признать въ старо-кіевскомъ словарѣ свое великорусское достояніе. Я убѣжденъ, что, въ виду такого положенія дѣлъ, какая-нибудь кіевско-лѣтописная «*котъка*», сидящая на «*присѣпѣ*» и умильно глядящая на «*голубьникъ*», пока не будетъ облита *укропомъ* изъ *гълька*, или вспугнута «*хъртъ*»'-омъ, покажется для безтенденціознаго великорусса не великорусской кошкой, а предкомъ нынѣшней кіевской «кітки», сидящей на

только съ малорусскими, но и съ другими славянскими, — скажемъ, даже болгарскими. Гдѣ-нибудь на холодномъ сѣверѣ можно выудить даже такое, казалось бы, типично-болгарское слово, какъ «голѣмъ» (=большой); срв. вятское «голя́мый» (=высокорослый, верзило).

1) Я имѣю въ виду главнымъ образомъ только то пространство нынѣшней Кіевской губерніи, которое тянется лишь до р. Роси, служившей и въ старину южнымъ предѣломъ Кіевскаго Полянскаго княжества. Южнѣе же р. Роси нынѣшнее малорусское населеніе — ужъ пришлое, происходящее не только изъ средней и сѣверной Кіевщины, но и съ запада. Самое нарѣчіе къ югу отъ р. Роси кое-въ-чемъ ужъ отличается отъ нарѣчія средней и сѣверной Кіевщины, являющагося чистымъ потомкомъ стараго полянскаго.

«присьпі» и глядящей на «голубник» (=голубятникъ). «Гълькъ»[1]) окажется современнымъ кіевскимъ «глеком» (= кувшиномъ) и «укропъ»—не огороднымъ растеніемъ (какъ прежде всего склоненъ былъ бы подумать нынѣшній великоруссъ), но просто кипяткомъ (что легко можетъ разъяснить любая сельская баба изъ Кіевщины); а кіевско-лѣтописный «хъртъ» будетъ для безтенденціознаго великорусса несомнѣннымъ предкомъ нынѣшнихъ кіевскихъ «хортів» (= охотничьихъ собакъ), который и въ X—XII вѣкѣ, какъ и его малорусскій потомокъ-«хорт» теперь, устраивалъ «*ловы*» (=мр. «лóви», т. е. охоту) на «погану котъку» (=мр. «погану кітку»), словно на «*вѣверицю*» (=мр. «вивірицю», т. е. бѣлку). Пусть великоруссъ посмотритъ и на внѣшній обликъ «*господаря*» (мр. «господар» = хозяинъ) этого лѣтописнаго «хорта»: пусть посмотритъ на старокіевскаго княжескаго «*меченошу*» (мр. «меченóша»=меченосецъ), въ роскошной «*лудѣ*» (мр. «луда» = Deckmantel, или мр. «луда́н» = mit Gold reich gesticktes Unterkleid); у такого «меченоши» за спиной или у бока найдется, пожалуй, и «*топоръ*» (мр. «топір» — особое оружіе), оплетенный у рукояти для удобства «*паворозами*» (мр. «павороза», «повороза»=шнурокъ)[2]). А чтó это за лѣтописный «топоръ», объ этомъ могутъ разсказать даже нынѣшніе обезоруженные малоруссы «козацкаго сословія» съ сѣверной стороны Кіева, но еще лучше будетъ справиться у горца-гуцула, который вамъ съ полной точностью и наглядностью объяснитъ, какое это оружіе—лѣтописный «топоръ» и нынѣшній малорусскій «топір» (персид. تبر): какъ ни какъ, его надо всежъ отличать отъ дровосѣцкаго оружія «сокири» (лѣтоп. «сѣкыра», «секыра»), которой *тялися* лѣтописныя «*трѣскы*» и рубятся (мр. «тнуться») соврем. малорусскія «тріски» (= щепки). Про послѣднія (лѣтописныя «трѣскы») можно было бы навѣрное справиться вонъ-тамъ за кіевской лѣтописной

1) Беру это слово изъ Несторова «Житія Θеодосія Печерскаго».

2) Интересно, что и по-малорусски и по лѣтописно-кіевски слово «павороза» есть женскаго рода, тогда какъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ оно попадается, сколько извѣстно по словарямъ, лишь въ мужескомъ родѣ.

«рѣнью» (мр. «рінь» = отмель), возлѣ лѣтописной *«гати»* (мр. «гать»=плотина, запруда), гдѣ и въ лѣтописный періодъ работаютъ съ «сѣкырами» и *«лыскарями»* (мр. «лискар, рискаль»= заступъ) кіевско-лѣтописные *«паробъкы»*, предки нынѣшнихъ кіевскихъ «паробків», одѣтые такъ же, какъ и нынѣшніе «паробки», зимою въ *«кожухы»* (мр. «кожух»=тулупъ), а лѣтомъ— въ свои типичныя *«свиты»* (мр. «свита»=сермяга) изъ *«вълны»* (мр. «з вовни»=шерстяныя)...

Сколькихъ нынѣшнихъ великоруссовъ изъ разъединенныхъ провинціальныхъ захолустій, изъ-за три-девяти земель отъ Кіевщины, пришлось бы вмѣстѣ собрать для того, чтобы они совмѣстными силами съумѣли объяснить на основаніи живого великорусскаго языка если не всѣ, то хоть нѣкоторыя изъ этихъ кіевскихъ лѣтописныхъ словъ, свободно объясняемыхъ изъ нынѣшней кіевской малорусской рѣчи! А подобныхъ словъ можно набрать изъ Кіевской лѣтописи цѣлую гору, — и нефилологи-великоруссы, обыкновенная публика, будутъ чувствовать себя передъ этимъ старо-кіевскимъ словаремъ, выражаясь по лѣтописному, *«невѣгласами»* (мр. «невiглас» = невѣжда). Только по капелькамъ, одно по одному, эти слова (и то не всѣ) могутъ быть выисканы въ разрозненныхъ великорусскихъ говорахъ или въ старыхъ великорусскихъ рукописяхъ, — да и тамъ часто подъ сомнѣніемъ, не заимствованы ли они изъ южнорусскихъ оригиналовъ. И все же въ концѣ концовъ окажутся и въ Кіевской лѣтописи, и въ другихъ спискахъ кіевскихъ памятниковъ *исключительно-малорусскія* слова и обороты, извѣстные *только* у малоруссовъ [1]), совершенно чуждые великоруссамъ. Да ужъ передъ однимъ союзомъ тл (въ смыслѣ «и»), который мы знаемъ въ лѣтописной рѣчи Бориса и Глѣба и Владиміра Мономаха и въ рѣчи нынѣшихъ малоруссовъ, великоруссъ, остановится въ

---

1) Въ лучшемъ случаѣ—и у бѣлоруссовъ, потому-что бѣлорусскій словарный запасъ близокъ къ малорусскому. Извѣстно, что Миклошичъ и другіе считаютъ бѣлорусское нарѣчіе вѣтвью малорусскаго, а не великорусскаго.

недоумѣніи; и старые великорусскіе памятники не знаютъ союза **та** въ смыслѣ «и»[1]), въ противность старымъ памятникамъ малорусскимъ, въ томъ числѣ и западнымъ, исконную малорусскость которыхъ признаетъ и г. Соболевскій[2]). Гдѣ, кромѣ Малороссіи, «горсть» называется «пригорща»? А вѣдь такъ («*пригръща*») оно называется въ Несторовомъ «Житіи Θеодосія»[3]). Можетъ ли какой-нибудь великорусскій говоръ похвалиться, что «*ничить трава жалощами*» въ Словѣ о полку Игоревѣ (оно составлено или въ Кіевѣ, или въ Черниговѣ) есть для него буквально-родная великорусская фраза? А современный малоруссъ Кіевщины и Черниговщины и сейчасъ буквально такъ скажетъ[4]). Но особенно интересно посмотрѣть на кіевско-лѣтописное слово «*лѣпокъ*» и связанное съ нимъ сказаніе.

Дѣло происходитъ въ новооснованномъ Печерскомъ «манастырѣ» (=манастирі), гдѣ святые подвижники, набожно спасаясь каждый въ своей «печерѣ» (=печері) и съѣдая въ день лишь по скудной «єдиной проскурцѣ» (=по єдиній проскурці), приготовленной часто даже изъ «жита» (=із жита, т. е. изо ржи), а не изъ бѣлаго «борошьна» (= мр. «борошна», т. е. муки́), достигали дара чудесъ. Старецъ Матвѣй получилъ тамъ даръ прозорливости. И одинъ разъ, стоя на всенощномъ богослуженіи въ церкви «предъ зорями» (=перед зорями), старецъ увидѣлъ, ка́къ по церкви ходитъ бѣсъ-служитель въ образѣ разряженнаго ляха, «въ лудѣ» (=в луді, — или быть можетъ, = в жупані-лудані), и онъ носитъ «въ приполѣ» (=в при́полі) цвѣтки, «иже глаголется *лѣпокъ*». На кого изъ молящейся братіи бѣсъ-ляхъ броситъ цвѣтокъ-«лѣпокъ» и къ кому этотъ цвѣтокъ при-

---

1) См. матеріалъ, сопоставленный въ древне-русскомъ словарѣ Срезневскаго, III, стр. 909.

2) Между прочимъ укажемъ употребленіе та (въ смыслѣ «и») въ буковинскихъ грамотахъ XV в. (см. Уляницк. № 95, № 105 и др.).

3) По изд. Поповымъ списку XII—XIII в., л. 29 б. См. у меня «Филологія и Погодинская гипотеза», стр. 66—69. Ср. еще словарь Срезневскаго, т. II, стр. 1397.

4) Срв. у Кулиша въ «Досьвітках» (по изд. 1876 г.), стр. 20 (=Кумейки, VI).

станетъ, тотъ сейчасъ начинаетъ дремать и уходитъ изъ церкви въ келью. Этотъ лѣтописный разсказъ [1]) общеизвѣстенъ, но никто до сихъ поръ изъ русскихъ ученыхъ не далъ разъясненія, чтó это за «лѣпокъ» [2]), потому-что никакой цвѣтокъ нигдѣ въ Великороссіи, ни въ одномъ великорусскомъ нарѣчіи, не называется «лѣпкомъ», а къ рѣчи современныхъ кіевскихъ малоруссовъ обратиться не догадались. Въ современной же Кіевщинѣ (какъ впрочемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Украины) «ліпóк»— это Asperula (растеніе изъ семьи Rubiaceae, научно переводимое по русской книжной ботанической терминологіи словомъ «шерошница»). «Ліпком» въ Кіевщинѣ называется — какъ грубая Asperula Aparīne (по-великорусски «сеплюга», по-польски ostrzyca), такъ и пріятная Asperula odorata (по-великорусски «ясменникъ», или «есмяникъ», по-польски marzanka wonna) [3]). Судя по лѣтописному контексту, обаятельный «ліпок», находившійся у бѣсовскаго ляха «в приполї», былъ Asperula odorata, т. е. ясменникъ.

---

1) См. въ Лаврент. сп. стр. 184—185 (подъ 6582 г. = 1074); въ Ипат. сп., стр. 134. Въ Печерскомъ Патерикѣ, по изданію В. Яковлева (1872), см. стр. 77—78.

2) Такъ, словарный указатель предметовъ, приложенный къ археологическому изданію Лаврентьевскаго списка (подъ ред. акад. Бычкова), объясняетъ: «Лѣпки—приворотное зелье» (стр. 53).—Такой же указатель къ изданному той же Археографической коммиссіей Ипатьевскому списку гласитъ: «лѣпокъ— цвѣтокъ» (стр. 6). — Неподписанное московское переизданіе: «Лѣтопись преп. Нестора по Лаврентьевскому списку съ приложеніемъ словаря древнихъ русскихъ словъ» (М. 1864) совсѣмъ пропускаетъ въ словарѣ (на стр. 168) слово «лѣпокъ», какъ неподдающееся точному разъясненію. — Очевидно по той же причинѣ не вошло оно и въ «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка» А. Дювернуа (М. 1894), срв. стр. 92. Въ «Матеріалахъ для словаря древнерусскаго языка» И. Срезневскаго находимъ то же недоумѣніе: «Лѣпъкъ—названіе цвѣтка... можетъ быть, репей»; т. II (Спб. 1902), стр. 74.

3) Въ «Малоруско-нїмецкім словарі» галичанина Желеховскаго слово «ліпок» переведено только: Asperula odorata. Но я изъ личнаго опыта знаю, что въ Кіевщинѣ «ліпком» называется не только Asperula odorata, но и Asperula Aparine, въ особенности чѣмъ дальше къ югу, къ степямъ. (А начиная съ границы Херсонской губерніи и далѣе по южной степи душистая Asperula odorata перестаетъ даже называться «ліпок», и называется тамъ она ужъ «остудник» (такъ же «смілка»); подъ «ліпком» тамъ понимаютъ ужъ одну грубую Asperula Aparine).

VI.

Свои замѣтки о мнимой немалорусскости Начальной и Кіевской лѣтописей г. Соболевскій заканчиваетъ заявленіемъ, что имъ «чужды обычныя малорусскія слова, какъ *кохати*, *гай*, *кѣтъ* (съ *к*)».

Но вѣдь словъ *кохати* и *кѣтъ* нѣтъ также ни въ галицко-волынской лѣтописи, ни въ галицкихъ и волынскихъ грамотахъ и ни въ одномъ удостовѣренномъ старо-галицкомъ или старо-волынскомъ памятникѣ, — и однако даже г. Соболевскій не рѣшается сдѣлать отсюда выводъ о непринадлежности старыхъ галичанъ и волынянъ къ малоруссамъ. Надо, конечно, полагать, что и *кохати* и *кѣтъ* издавна существовали какъ въ старомъ Кіевѣ, такъ и на Волыни съ Галичиною, но они не попали въ лѣтописи, въ грамоты и вообще на письмо въ силу чисто случайныхъ причинъ. Вѣдь не весь словарный домонгольскій матеріалъ старой Кіевщины съ Черниговщиною, Волыни и Червонной Руси переданъ намъ тѣми немногочисленными письменными памятниками, которые до насъ дошли.

Намекъ на слово *кохати*, отсутствующее въ подлинныхъ галицкихъ и волынскихъ памятникахъ, г. Соболевскій видитъ въ собственномъ имени *Коханъ* писца «Житія Савы Освященнаго» XIII в. и произвольно называетъ рукопись этого житія «галицко-волынской». Если мы даже согласимся съ г. Соболевскимъ, что собственное имя писца есть въ самомъ дѣлѣ, страдательное причастіе отъ «кохати» [2]) и притомъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ именъ, которыя усвоены отъ поляковъ, то и тогда г. Соболевскій долженъ будетъ сперва доказать, что переписчикъ «Житія Савы Освященнаго» былъ галичанинъ или волынянинъ. Ру-

---

1) «Извѣстія», 1905, кн. 1, стр. 320.

2) Это имя легко можетъ быть простой передѣлкой общеизвѣстнаго тюрко-хазарскаго خاقان или قاغان, извѣстнаго еще въ орхонскихъ надписяхъ.

копись эта найдена въ Палестинѣ, и въ ней ни слова не сказано о томъ, ктó и откуда былъ ея писецъ. Всѣ филологи, кому приходилось имѣть дѣло съ нею, въ одинъ голосъ заявляютъ, что это не можетъ быть памятникъ ни галицкій, ни волынскій [1]). Пока г. Соболевскій не докажетъ противнаго, ссылаться на этотъ спорный памятникъ для рѣшенія какого бы то ни было спеціальнаго вопроса о рѣчи галичанъ и волынянъ—не приходится.

Но если для слова «кохати» г. Соболевскій съумѣлъ предложить ссылку хоть на какой-нибудь сомнительный документъ, представляющій хоть нѣкое отдаленное подобіе аргумента, то по отношенію къ слову *квѣтъ* онъ даже и этого сдѣлать не могъ: нѣтъ такихъ старыхъ галицкихъ или волынскихъ памятниковъ, гдѣ бы попадалось это слово съ буквою *к*. Мы впрочемъ не понимаемъ, почему слово *квѣтъ*, присущее и нарѣчію бѣлорусскому [2]) и великорусскому (псковск., тульск., смоленск., курск., воронеж.) [3]), въ данномъ случаѣ снисходительно признается г. Соболевскимъ за достаточную мѣрку для установленія немалорусскости той рѣчи (= кіевской), въ памятникахъ которой это слово *не* окажется (хотя бы случайно). Когда дѣло касается наличныхъ малоруссизмовъ стараго Кіева, г. Соболевскій не бываетъ такимъ уступчивымъ. Или, быть можетъ, онъ не зналъ, что слово *квѣтъ* существуетъ въ великорусскихъ говорахъ?

Еще большее недоумѣніе возникаетъ у насъ по поводу той рѣшающе-діалектологической роли, которую г. Соболевскій придаетъ слову *гай*. Оно извѣстно всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ, и великорусскому въ томъ числѣ [4]). Микло-

---

1) Они готовы отнести его къ Кіеву, но это невозможно, потому что «Житіе Савы Освященнаго» содержитъ въ себѣ черты, рѣзко противорѣчащія языку безспорныхъ кіевскихъ памятниковъ—Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 г. Тщательное изученіе «Житія Савы» не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшихъ сомнѣній, что переписчикъ былъ бѣлоруссъ.

2) Старѣйшій бѣлорусскій документальный примѣръ—вѣроятно, тотъ, который имѣется въ спискѣ «Привилея 1499 г. мѣсту Менскому». (=№ 68 въ Мухановскомъ сборникѣ, М. 1836): «квѣтъ мушкатовыи» (стр. 96).

3) Толковый словарь Даля, 1865, т. II, стр. 719.

4) Словарь Даля, т. I, стр. 301 (1863 г.).

шичъ въ своемъ этимологическомъ словарѣ съ полнымъ основаніемъ называетъ это слово старо-славянскимъ [1]). Къ нему есть параллель и въ литовскомъ gojus, и во многихъ европейскихъ языкахъ, и въ средневѣковой латыни [2]). Не можетъ быть сомнѣнія, что это праславянское слово, донынѣ распространенное отъ Адріатическаго моря до Тамбова, было извѣстно и старому Кіеву. Но, только, какую же рѣшающую силу для выясненія этнологіи древняго Кіева можетъ оно имѣть?

VII.

Собственно вотъ и все, что я долженъ былъ указать г. Соболевскому по поводу его сомнѣній на счетъ малорусскости старокіевскаго *домонгольскаго* говора. Но въ статьѣ г. Соболевскаго есть еще одна, небольшая глава, посвященная двумъ кіевскимъ монастырскимъ помянникамъ періода ужъ не домонгольскаго, а гораздо болѣе поздняго: конца XVI вѣка. Суть этой главы—въ томъ, что на спорадическихъ формахъ нѣсколькихъ именъ какъ-бы великорусскаго и бѣлорусскаго типа, внесенныхъ въ помянники какимъ-то монахомъ или богомольцами, которые могли приходить въ Кіевъ на поклонъ отовсюду и которые, въ томъ числѣ, могли конечно приходить и изъ Бѣлоруссіи и изъ Великоруссіи, г. Соболевскій хочетъ построить доказательство, будто даже въ концѣ XVI вѣка Кіевъ не былъ еще малорусскимъ. Между тѣмъ общій фонъ кіевскихъ помянниковъ — рѣзко малорусскій, и кишатъ они спеціально малорусскими именами.

Ужъ просто съ методологической стороны этотъ пріемъ г. Соболевскаго не выдерживаетъ критики. Мало ли вѣдь изъ

---

1) Etymologisches Wörterbuch, стр. 59.

2) Срв. Leges Langobard., Bothar. CCCXXV: «Si quis accipitres de silva alterius tulerit, excepto de g a j o regis, habet sibi». См. у Срезневскаго: «Матеріалы для древне-русс. слов.», т. I, стр. 508.

какихъ концовъ православнаго міра могли приходить богомольцы на поклонъ славнымъ кіевскимъ святынямъ и даже поступать въ монастыри[1])! И можно ли по именамъ пришлыхъ богомольцевъ, записывающихся въ помянникъ или по записямъ монаховъ «зъ Москви» (какъ они титулуются въ кіевскихъ помянникахъ) заключать объ этнографической принадлежности коренного кіевскаго населенія? А на какомъ языкѣ говорило тогдашнее коренное кіевское населеніе, объ этомъ мы легко можемъ судить по подлиннымъ тогдашнимъ памятникамъ изъ Кіевщины: они—малорусскаго характера. Достаточно вспомнить грамоту кіевскаго князя Семена Олельковича, писанную въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ 1459 году[2]). Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для «зоставленья» его при «всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его», «которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и заживали». Грамота эта полна типичныхъ малоруссизмовъ, такихъ какъ замѣстительная долгота («при всюи», «при томъ всюмъ», «ѹнъ» (=онъ), смѣшеніе ы и и («оними», «малими», «дидизни» = дѣдизны), смѣшеніе ѣ и и («дидизнѣ», «завишенъемъ»), смѣшеніе в и оу («оупадаеть» вмѣсто «впадаеть»), протетическій призвукъ и («изъ лѣсомъ», «изъ головою», «изъ стѣпъками»), такія формы, какъ «боудетъ хотѣвъ», «ознаймуемо», «дали есмо», «съ обудвухъ», «зо всѣмъ тымъ» и т. п. Какъ видимъ, вокругъ Кіева жили тогда чистѣйшіе малоруссы.

Располагая такими достовѣрными памятниками, какъ грамоты, которыя свидѣтельствуютъ о малорусскости тогдашней Кіевщины[3]), мы могли бы не придавать ни малѣйшаго значенія

1) Мы очень часто находимъ въ этихъ кіевскихъ помянникахъ совершенно ясныя обозначенія: «Анисіи *з Москвы*», «Агрипины *Московки*», «Евдоксіи, иноки *з Москвы*, з столицы», «Соѳіи инокини *з Москвы*», «Аѳанасіи, иноки *з Москвы*», Семиона *Москаля*», «іеромонаха Аѳанасія (Лексей *Московский*)» и пр., и пр.

2) Срв. о ней у меня въ «Филологіи и погодинской гипотезѣ», стр. 82.

3) Перечень ихъ см. въ моей «Украинской грамматикѣ», § 7, в и слѣд., въ главѣ: «Источники».

богомольческимъ помянникамъ XVI вѣка, содержи они въ себѣ даже наполовину имена немалорусскія. На самомъ дѣлѣ однако помянники вовсе не изобилуютъ антималоруссизмами. Самъ г. Соболевскій не оспариваетъ того, что *общій* фонъ кіевскихъ помянниковъ есть малорусскій. И даже тотъ коротенькій перечень именъ, который выуженъ изъ него г. Соболевскимъ въ качествѣ именъ типа великорусскаго или бѣлорусскаго, составленъ имъ ошибочно: плохо зная малорусскую рѣчь и ея фонетику, г. Соболевскій отнесъ къ немалорусскимъ имена, являющіяся вполнѣ обычными вообще у малоруссовъ, а въ частности — очень употребительныя и въ Галичинѣ (съ Подоліей), исконную малорусскость которой никогда и г. Соболевскій не рѣшался оспаривать. Такими вполнѣ малорусскими именами (а не бѣлорусскими и не великорусскими, какъ того желалъ бы г. Соболевскій) оказываются:

а) Алекс*е*й — со звукомъ *е*. Прошу взять любую галицкую малорусскую газету — и убѣдиться, до чего имя «Алекс*е*й» обычно у галицкихъ малоруссовъ. Для примѣра беремъ какіе-нибудь номера газеты «Руслан» за нынѣшній 1906 годъ; въ № 31-омъ читаемъ: «Алекс*е*й Лебедович — в с. Манастирі, Ярославского деканату» (стр. 4); въ № 58-омъ: «Ходить чутка, що Алекс*е*й тяжко занедужав» (стр. 4). Объ аналогичномъ малорусскомъ имени «Мак*е*й» (=Мокій) мы скажемъ ниже. То же легко найти въ «галицко-волынскихъ» рукописяхъ. Напр., въ волынской записи 1740 г. изъ-подъ Острога, типично-простонародной малорусской (*ô* изображается черезъ ѣ!), сдѣланной на Язловецкомъ евангеліи Волынскаго епарх. музея, мы читаемъ: «при Алекс*е*ю Мандзюкови» (л. 113 об.).

б) Имена со звукомъ *л* вмѣсто *в*, — такія, какъ «Е*л*тухъ» вмѣсто «Е*в*тухъ» и «Е*л*химъ» вмѣсто «Е*в*химъ». Въ кіевскомъ помянникѣ XVI в. оказываются записи: «Е*л*туфій», «Е*л*химъ» и «Е*л*фимія»,—и г. Соболевскій вспоминаетъ при этомъ, что «это *л* изъ *в* нерѣдкость въ южно-великорусскихъ говорахъ Орловской

и Курской губерніи, гдѣ говорятъ: А*л*дотья, А*л*дакея, А*л*дакимъ»[1]). Не къ чему вспоминать *аналогичныя* великорусскія имена со звукомъ *л*, если мы находимъ у малоруссовъ со звукомъ *л тѣ самыя* имена, которыя приведены въ кіевскомъ помянникѣ. Достаточно было бы г. Соболевскому вспомнить мѣстечко «Я*л*тушків» Подольской губерніи недалеко отъ г. Бара, чтобы убѣдиться въ полной малорусскости именъ со звукомъ *л* изъ *в*. По грамотамъ имя «Е*л*тухъ» можно констатировать впервые въ перемышльской (галицкой) жалованной граматѣ якобы кн. Льва 1302 г., поддѣланной въ Перемышлѣ не позже XV вѣка (когда эта грамота была оффиціально подтверждена польскимъ правительствомъ): «до Ю*л*ътуховы росохы», «отъ Ю*л*ътуховы». Имя «Е*л*химъ» впервые попадается (сколько помню) въ малорусской Кобринской грамотѣ 1465 г.[2]). Появленіе у малоруссовъ XV—XVI в. звука *л* вм. *в* мы по документамъ можемъ констатировать не только въ этихъ двухъ именахъ собственныхъ, но и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ Луцкомъ (=зап.-волынск.) актѣ 1583 года[3]) вторникъ названъ «во*л*торокъ» (= соврем. «вівторок»). Мы ужъ и не говоримъ о нефонетическихъ случаяхъ появленія звука *л* въ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ прош. вр. въ малорусскихъ памятникахъ XVI вѣка. Такъ, въ Четвероевангеліи XVI в. изъ м. Язловца (въ Галичинѣ), которое теперь хранится въ Волынскомъ епарх. музеѣ, очень нерѣдки написанія вродѣ слѣдующихъ: «послѣди же приступи*л*ше два лъжасвѣдитель рѣша», «приступи*л*ше стоящіи рѣша», «они же приступи*л*ъше», «и остави*л*ъша его отидоша», «тогда ученици остави*л*ъше его бѣжаше», «многым лъжесвѣдителямъ приступи*л*ъшимъ» и пр., и пр.

в) Имя «Мала*ф*ей», или «Малофей» (= Малахія), съ написаніемъ *ф* вмѣсто *х*. По мнѣнію г. Соболевскаго, это—великорус-

1) «Извѣстія», стр. 321.

2) Кобринская грамота 1465 г. изд. въ «Актахъ, относ. до исторіи Южн. и Зап. Росс.», т. I, № 226, въ копіи XVI вѣка.

3) «Русская Бесѣда», 1857, т. III, 37.

сизмъ и антималоруссизмъ. Но вѣдь такую же орѳографію мы находимъ и въ галицкихъ грамотахъ: «Мало*ф*ьй»—въ запродажной грамотѣ 1409 г., «Мало*ф*ѣй»—въ Зудечовской грамотѣ 1421—1430 г. Обѣ грамоты изданы печатно [1]), и познакомиться съ ними было бы не трудно. Вообще малоруссы, какъ въ старину, такъ и теперь—часто пишутъ въ иностранныхъ словахъ букву *ф* вмѣсто *х* въ силу стремленія писать якобы этимологично и изъ страха впасть въ вульгаризмъ. Писецъ-священникъ Галицкаго Евангелія 1266—1301 г. обратилъ на письмѣ г. Іерихонъ въ «Ери*ф*онъ» (л. 66, л. 101 об.) и Амфилохія—въ «Амфило*ф*ья» (л. 156). Въ рукописи XVII вѣка кіевскаго Софійскаго собора (№ 130) боязнь вульгаризма заставила писца написать *ф* даже въ своемъ родномъ корнѣ «страхъ»: «велми грозно стра*ф*овалъ» (л. 158; = запугивалъ).

г) «Са*ла*монъ» и «Са*ла*мія». Звукъ *а* (вмѣсто *о*) въ этихъ именахъ чрезвычайно употребителенъ въ малорусскомъ произношеніи въ силу уподобленія предыдущему слогу, а вовсе не есть признакъ аканья, какъ думаетъ г. Соболевскій. Срв. въ рукописномъ галицкомъ сборникѣ виршей около 1780-го года, принадлежащемъ Ив. Франку: «Са*ла*мона-князя» [2]). До настоящаго времени въ Галичинѣ преобладаетъ въ этомъ имени употребленіе звука *а*, а не *о*. Извѣстенъ недавній галицкій церковный дѣятель Са*ла*монъ Щасный. — Не есть результатъ аканья также присутствіе буквы *а* въ записи помянника: «Евд*а*кимъ» и «Евд*а*кѣя», потому что въ самыхъ чистыхъ малорусскихъ говорахъ мы можемъ донынѣ услышать не только «Явд*о*ки́м», но и «Явд*а*ки́м» (по ассимиляціи второго слога съ начальнымъ слогомъ), причемъ имѣется также уменьшительная форма съ ударнымъ звукомъ *а* (Евд*а́*к, Явд*а́*к) [3]), устраняющая всякую мысль объ аканьи.

---

1) См. по изд. Головацкаго № 30 и № 40.
2) См. «Житє і Слово» 1894, кн. I, стр. 47.
3) См. «Рідний Край», 1906, № 44, стр. 14.

д) «Са*фонъ», «Ма*кей», «Ра*дионъ», «Фа*тіанъ». Буква *а*, написанная помянниками въ этихъ именахъ, тоже не есть признакъ аканья, въ противность мнѣнію г. Соболевскаго. Первое имя сближено съ «Іоасафъ», второе—пріурочено къ словамъ «макъ» и «Маковей», третье —къ словамъ «радъ», «радіти», четвертое—къ корню «хватъ», — и въ нихъ самые чистые малоруссы донынѣ произносятъ *а*. Отъ «Макей» существуетъ даже особая типичная уменьшительная форма «Макейша» и, извѣстная на Подольи, фамилія «Макейшенко»; срв. документъ крестьянина-собственника Брацлавскаго уѣзда Подольской губерніи Ковалёвской волости — Ивана Ма*кейшенко [1]); звукъ *е* въ этомъ имени, представляющійся г. Соболевскому немалорусскимъ, какъ видимъ, оказывается тоже вполнѣ малорусскимъ [2]). Написаніе «Фатіянъ» съ буквою а можемъ указать въ галицкомъ сборникѣ апокрифовъ XVII вѣка изъ коллекціи И. Франка [3]). Въ имени «Ра*дивон» употребленіе малоруссами звука *а* можетъ считаться даже всецѣло господствующей нормою, и, напримѣръ, село Чигиринскаго уѣзда, оффиціально пишущееся «Ро*діоновка», называется жителями «Ра*дивонівка». Со звукомъ *а*, а не съ *о*, это имя фигурируетъ ужъ и въ наиболѣе старыхъ дошедшихъ до насъ галицкихъ грамотахъ. Такъ, въ Перемышльской купчей грамотѣ 1359 года читаемъ: «Купилъ панъ Петрашъ дѣдицтво панъны Ра*дивонъковоѣ» [4]). — Что звукъ *а* въ этомъ имени (и въ

---

1) Изданъ П. Чубинскимъ въ VI томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», Спб. 1872 г., стр. 312—313.

2) Да и вообще многія малорусскія имена (и слова) обладаютъ двумя параллельными формами: на *ій* и *ей*. Сверхъ упомянутыхъ здѣсь «Мак*ей*» и «Олекс*ей*» напомнимъ такія общеизвѣстныя имена, какъ «Андр*ій*» (род. «Андр*ія*» параллельно съ «Андр*ей*» (род. «Андр*ея*»), «Маков*ій*» (род. «Маков*ія*») параллельно съ «Маковей» (род. «Маков*ея*») и пр.

3) См. по изданію И. Франка: «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 276.

4) Грамота и печатно издана,—плоховато впрочемъ,—у Як. Головацкаго: Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго (Львовъ 1867), № II, стр. 5, и у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кіевъ 1876), стр. 353.

аналогичныхъ) не есть результатъ аканья, видно также изъ памятниковъ óкающихъ нарѣчій великорусскихъ; «*Ра*дивонъ» и прочія подобныя имена встрѣчаются въ Новгородскихъ и Двинскихъ грамотахъ XIV вѣка[1]).

е) Ничего противомалорусскаго не содержатъ въ себѣ также имена кіевскихъ помянниковъ, начинающіяся на *А*: *А*ксенья (или *А*ксинья), *А*вдотья, *А*лиферій (и спеціальнѣе — «*А*леѳерь зъ Остря»), *А*нофрей, *А*нисимъ, *А*нисифоръ и тому подобныя имена, въ которыхъ начальный звукъ *А* или оказывается эвфоническимъ протезисомъ (срв. *А*ксенія — Ξενία), или соотвѣтствуетъ греческимъ Е и О (срв. *А*леѳерь —'Ελευθέριος, *А*нисимъ—'Ονήσιμος). Г. Соболевскій многократно повторяетъ[2]), будто бы начальное *А* этихъ именъ есть результатъ великорусскаго áканья. Аканьемъ это не могло бы быть ужъ просто потому, что áканье, какъ признаетъ самъ г. Соболевскій[3]), возникло лишь въ XIV вѣкѣ,— между тѣмъ вышеотмѣченное появленіе начальнаго *А* мы можемъ наблюдать еще въ памятникахъ XI вѣка. Такъ, въ «Словахъ Григорія Богослова» XI вѣка греческое 'Ολύμπιος передано черезъ «*А*люмпьскъи» (л. 284, об.), а греческое Ναδάβ — черезъ «*А*надавъ» (л. 256)[3]), затѣмъ имя «*А*лимпій», «*А*лимпіада» часто попадается въ галицкихъ памятникахъ, — между прочимъ въ недавно изданномъ апокрифическомъ сборникѣ XVII вѣка[5]), почти одновременномъ съ кіевскими помянниками. Имя «*А*лиферій» (съ *А*) укажемъ въ галицкомъ апокрифѣ XVIII вѣка Ивана Кузикевича[6]). Галицкое начертаніе «*А*нуфрий» встрѣчается въ т. н.

---

1) См. напр. тотъ матеріалъ, который представляетъ собою коллекція Румянцевскаго музея № 67.

2) Извѣстія, стр. 323; Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, май, стр. 49; Лекціи, 1903, стр. 79.

3) Лекціи, 1903, стр. 75.

4) «Слова Григорія Богослова» XI в., кстати сказать, почти навѣрное писаны въ Червоной Руси. Срв. мою «Украинскую грамматику», § 6.

5) «Пам'ятки українсько-руськоï мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 275, 285.

6) «Пам'ятки», т. IV, стр. 84.

грамотѣ князя Льва Галицкаго Лавровскому монастырю якобы ҂sѿ года, поддѣланной не позже 1448 года [1]). Буква *А* въ имени «*А*нисимъ» (и притомъ въ специально-малорусской формѣ «Г*á*нус», съ несомнѣннымъ *удареніемъ* на *А*) есть естественное общемалорусское начертаніе и встрѣчается по памятникамъ очень часто, будутъ ли это памятники кіевскіе (срв. купчую грамоту Станислава Г*а*нусовича ок. 1467 г., бывшаго ок. 1471 года кіевскимъ воеводой) [2]), или будутъ ли это памятники западно-малорусскіе (срв. пана Шимка Г*а*нусовича въ ровенской волынской грамотѣ 1488 г., внесенной въ Луцкую кгродскую книгу 1569 г. № 2043, л. 81). Что касается XVI вѣка, то букву *А* въ этихъ именахъ мы легко можемъ найти не только въ помянникахъ кіевскихъ монастырей, но и въ помянникахъ западно-малорусскихъ. Срв. начертаніе «*А*ксенія» на первомъ же листѣ помянника при галицкомъ Язловецкомъ Евангеліи XVI вѣка, хранящемся теперь въ Волынскомъ епарх. музеѣ [3]). Ту же особенность этихъ именъ мы наблюдаемъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ всѣхъ нарѣчій: и теперь эти имена начинаются то съ *О*, то съ *А*. Всегда ли преобладаетъ въ нихъ *О*, сказать трудно. Конечно, форму «*О*нисько» мы встрѣчаемъ несравненно чаще, чѣмъ торжественное «*А*нисим», и даже, чаще, чѣмъ простое неторжественное «Г*а*нус», но «*А*рехвір» не болѣе рѣдко, чѣмъ и «*О*лехвір»; «*А*вдотя» едва ли можетъ считаться болѣе рѣдкимъ именемъ, чѣмъ «Вівдя» (изъ «*О*вьдя»); если «*А*ксенія» не столь обычно, какъ «*О*ксана», то производная фамилія «*А*ксюк» (=сынъ Ксеніи) слы-

---

1) Въ 1448 году эта грамота была ужъ подтверждена королемъ Казиміромъ. Списокъ имѣется въ Румянцовскомъ музеѣ, № 68 л. 5.

2) См. коллекцію Румянцовскаго музея, № 68, л. 5.

3) Какъ этотъ галицкій Язловецкій помянникъ, такъ и другіе старинные зап.-мр. помянники вообще изобилуютъ и другими тѣми же формами личныхъ именъ, которыя г. Соболевскій отмѣчаетъ въ помянникахъ кіевскихъ въ качествѣ, яко бы, великоруссизмовъ. Тутъ же на 1-ой стр. Язловецкаго помянника г. Соболевскій могъ бы найти и «Параскювію» (а въ дарственной записи послѣ л. 15 даже «Парасковею»), и «Еремѣя» и т. п. формы, которыя онъ считаетъ антималорусскими. Послѣднее имя (Еремей) встрѣчается, кстати сказать, и въ буковинской грамотѣ 1442 и 1444 года. (=Улян. № 56 и № 58).

шится теперь вездѣ только съ *А*, поскольку я могъ это прослѣдить[1]); фамилія «*О*ксаненко» чередуется съ «*А*ксаненко» (срв. газету «Рада» 1906, №. 66, стр. 3; №. 67, стр. 3.

Итакъ о немалорусскости этихъ именъ (съ начальнымъ *А*) не можетъ быть и рѣчи. Но для исторіи малорусскаго языка вообще, и кіевскаго нарѣчія въ частности, можетъ быть не лишнимъ обсужденіе причинъ, вызвавшихъ здѣсь появленіе звука *А*. Фонетически или не фонетически онъ здѣсь развился?

Быть можетъ, отчасти дѣйствовали тутъ и нѣкоторые законы фонетическіе. По поводу возникновенія формы «*А*ксенія» вмѣсто «Ксенія» можно вспомнить, что малорусскому языку вѣдь присущъ эвфоническій протезисъ *А*,—положимъ, гораздо менѣе обычный, чѣмъ протезисъ *О* и *И*, но все же констатируемый; срв. галицк. «*а*врýкати» (=томно ворковать) вмѣсто «врýкати». Въ параллель къ старинной передѣлкѣ «Элевѳерія» въ «*А*лиферия» и въ «*А*рехвіра» и «Онисима» въ «*А*нисúма» и «*Гá*нуса» можно вспомнить нынѣшнее малорусское вульгарное произношеніе «*а*гоїзм» (чит. «ahojizm) вмѣсто «эгоизмъ» и систематическое произношеніе «*А*дéс» вмѣсто «Одесса».

Повидимому, однако, главной причиной появленія звука *А* въ именахъ вышеотмѣченнаго типа были вліянія нефонетическія: аналогія другихъ именъ. Мы знаемъ, что греческія имена, начинавшіяся съ *А* (напр. Ἀλέξανδρος), переходили на Русь какъ въ книжно-церковной формѣ «*А*лександръ», такъ и въ болѣе народной формѣ «*О*лександръ»; срв. въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 г.: «*О*лькcандръ Македонъ» (л. 258 α, наряду съ «Александръ»). Обѣ формы такихъ именъ одинаково усвоивались древними русинами, и тѣ пріучались къ мысли, что каждое подобное имя можетъ одновременно имѣть *два* вида: и болѣе «про-

---

1) Въ фамиліи «*О*ксенович», напротивъ, повидимому, всецѣло возобладалъ звукъ *О*. Съ буквою *О* пишется эта фамилія и въ кіевскихъ памятникахъ XVII в. (извѣстенъ ректоръ кіевской Могилянской коллегіи Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, ученикъ Петра Могилы).

стую» форму—съ начальнымъ *О*, и болѣе торжественную, болѣе «правильную» форму—съ начальнымъ *А*. Такое свое воззрѣніе о «правильности» начальнаго *А* и о вульгарности начальнаго *О* они невольно примѣняли и ко всѣмъ прочимъ именамъ съ начальнымъ *О*, каково бы ужъ ни было происхожденіе того зачиннаго *О*. Этимъ проще всего и объясняется то обстоятельство, что «Ксенія» (Ξενία), обратившись на древнерусской почвѣ сперва въ «*О*ксенію» (съ эвфоническимъ протезисомъ *О*), немедленно пріобрѣла себѣ и параллельную, якобы «правильную» форму: «*А*ксенія»; по той же причинѣ къ формѣ «*О*в[в]дотья» (Εὐδοκία) была создана параллельная мнимо-правильная форма «*А*вдотья». Въ особенности трудно было устоять отъ образованія подобной лжеправильной «а́кающей» формы тогда, когда святцы содержали въ себѣ сверхъ какого-нибудь имени, писавшагося съ *О*, подобозвучное другое имя, писавшееся (вполнѣ этимологически) съ *А*. Такъ, въ женскомъ имени «*А*нисія» начальное *А*—этимологически вполнѣ правильно (происходитъ оно отъ греческаго глагола ἀνύω, = «совершаю» откуда существительное ἄνυσις), а между тѣмъ это имя въ высшей степени напрашивается на то, чтобы его сочли за женскій родъ отъ «Онисимъ» (греч. Ὀνήσιμος, отъ глагола ὀνίνημι) и чтобы Онисима обратили въ *А*нисима,—равно какъ Онисифора въ *А*нисифора. Возможно даже, что звукъ *А* въ имени *А*нисимъ появился еще на почвѣ греческой, гдѣ нарицательныя прилагательныя разныхъ корней, но одинаковаго значенія,—«ὀνήσιμος» и «ἀνύσιμος» (=пригодный),—смѣшались въ живомъ словоупотребленіи грековъ [1]).—Къ тому же звукъ *А* въ имени «*А*нисимъ» (оно же «Г*а́*нус», съ удареніемъ на *Га́*) долженъ былъ укрѣпиться у малоруссовъ не безъ вліянія имени пряного растенія *А*nysum stellatum, которое по-русски называется «анисъ», по-малорусски «г*а́*нус», и изъ котораго до-

1) Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой догадки можетъ служить довольно обычная православно-арабская форма انيسموس (чит. «Анîсîмос») этого имени, усвоеннаго арабами отъ православныхъ грековъ. Другая арабская форма—اونيسيموس (чит. Онîсîмôс).

нынѣ приготовляется знаменитая «ганускóва горілка» (=анисовка).—Въ имени «*А*нисифоръ» (по-простонародному «*А*нци́пер») звукъ *А* могъ у малоруссовъ укрѣпиться еще по одной добавочной причинѣ. Въ вульгарномъ произношеніи первоначально-правильная форма имени «Онисифоръ» изстари обратилась въ «Он*ц*ипоръ» (срв., напр., въ Скиргайловой грамотѣ 1390 года) [1],—и вотъ эту начальную половину имени: «*Онци* . . . .» малоруссы смѣшали съ тѣмъ начальнымъ «Анци», которое у нихъ звучало и звучитъ въ цѣломъ рядѣ словъ (срв. «анци́христ»=антихристъ, «анци́болот»=болотный духъ).—Имя «*А*рехві́р» (обратимъ вниманіе на присутствіе звука *р* послѣ *А*), параллельное съ «Орехві́р» и съ «Олехві́р», возникло, надо полагать, не безъ вліянія имени «Ареѳа» (Ἀρέθας), слишкомъ достопамятнаго для южноруссовъ по Печерскому Патерику [2]). А ужъ и подавно могъ вспомнить чернеца Ареѳу и букву *А* въ его имени тотъ кіевскій *чернецъ* XVI вѣка, который внесъ въ помянникъ имя «*А*леѳеря зъ Остря». Разумѣется, однако, что онъ могъ бы это сдѣлать и помимо вліянія аналогіи имени «Ареѳа»: просто, привыкнувши обращать на письмѣ каждаго просто «*О*лексу» въ торжественнаго «*А*лексѣя» и каждаго простого «*О*лександра» въ торжественнаго «*А*лександра», могъ онъ и «*О*лехвіра» записать въ священный помянникъ «*А*леѳеремъ», или «*А*леѳеріемъ», даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ въ началѣ этого имени произносилъ не звукъ *А* (какъ другіе малоруссы), но звукъ *О*.

Впрочемъ, какъ бы ни объяснять, фонетически или нефонетически, присутствіе звука *А* въ именахъ «*А*вдотья», «*А*ксенія» и пр.,—остается непоколебимымъ тотъ фактъ, что ихъ зачинное *А* не стоитъ ни въ какой связи съ великорусскимъ или бѣлорусскимъ «а́каньемъ» и вполнѣ присуще малорусскому языку, въ томъ числѣ галицкимъ и волынскимъ говорамъ.

---

1) Изд. въ «Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи» (СПБ. 1863), т. I, стр. 2.

2) См. Кіево-Печ. Патерикъ по изд. Яковлева, стр. 107 и слѣд.

VIII.

Мы разсмотрѣли всѣ аргументы г. Соболевскаго, сколько-нибудь носящіе характеръ новизны. Это разсмотрѣніе лишній разъ подтвердило, что старо-кіевскій говоръ есть прямой предокъ нынѣшней малорусской рѣчи сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины съ прилегающими частями Полѣсья.

А. Крымскій.

Звенигородка, Кіевской губерніи
27 апрѣля 1906 года.

Помѣщая статью А. Е. Крымскаго, касающуюся одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи русской народности, мы надѣемся, что почтенный товарищъ нашъ А. И. Соболевскій, своими «Очерками изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884) пролившій яркій свѣтъ на исторію языка малорусскаго, дастъ намъ возможность напечатать тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ настоящее время относительно говоровъ тѣхъ древнерусскихъ племенъ, которыя жили въ предѣлахъ нынѣшней малорусской территоріи. *Ред.*

Отрывокъ слова митр. Иларіона „О законѣ и благодати“ въ спискѣ XII—XIII в.

Печатаемый отрывокъ приписываемаго митр. Иларіону слова «О законѣ и благодати» находится въ № 37 Финляндскихъ отрывковъ (хранящихся въ Библіотекѣ Академіи Наукъ) и занимаетъ 2-й его листъ. Въ описаніи И. И. Срезневскаго[1]) онъ названъ словомъ «о богочеловѣкѣ». Нѣсколько строкъ изъ него напечатано И. И. Срезневскимъ[2]) вслѣдъ за отрывкомъ изъ слова «О твари и о дни рекомѣмъ недѣля», безъ отмѣтки, что это — часть слова «О законѣ и благодати». Послѣднее обстоятельство до сихъ поръ никѣмъ, повидимому, не было отмѣчено.

Изъ существующихъ списковъ слова «О законѣ и благодати» отрывокъ этотъ самый древній. Относя его къ XIII вѣку, И. И. Срезневскій говоритъ[3]): «По начертанію нѣкоторыхъ буквъ, между прочимъ ж, з, ч, это письмо можетъ быть отнесено и къ XII в. Оно любопытно особенно тѣмъ, что, какъ кажется, сдѣлано не перомъ, а тростію».

Весь отрывокъ № 37 состоитъ изъ 2-хъ пергаменныхъ листовъ, представляющихъ одинъ, сложенный на двое, кусокъ пер-

1) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ, LXVI — LXXX, стр. 14.

2) Тамъ же, стр. 32.

3) Тамъ же, стр. 6.

гамена. Кусокъ этотъ — не средній въ тетради; изъ сколькихъ листовъ состояла послѣдняя, — не видно, такъ что неизвѣстно, сколько листовъ въ срединѣ утрачено. На первомъ листѣ находятся: конецъ неизвѣстнаго слова о воскресеніи Хр. и начало слова «О твари и о дни рекомѣмъ недѣля». Рукопись писана въ 2 столбца по 33 строки. Заглавныя буквы писаны киноварью. На нижнемъ полѣ л. 2-го шведская надпись.

Отрывокъ печатается столбецъ въ столбецъ, строка въ строку. Смытыя буквы поставлены по списку копіи Мусинъ-Пушкинскаго сборника 1414 г. и заключены въ скобки. Варіанты указаны по Мусинъ-Пушкинскому списку [1]) и по изданному Бодянскимъ [2]) списку сборника № 362 XV в. биб. Царскаго.

---

1) Вс. И. Срезневскій. Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г. въ копіи начала XIX в. Спб. 1893 г.

2) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1848 г., № 7.

и ꙗко бъ ꙁапрѣти вѣ
тромъ и[1] морю и послоу
шаша[2] его. Ꙗко чл҃вкъ
по лаꙁори[3] прослъꙁиса.
и ꙗко бъ въскрси и ѿ[4] мь
ртвыхъ. Ꙗко чл҃вкъ
на ослѧ въсѣде. и ꙗко
боу ꙁвахоу блнъ градъı
и[5] во имѧ гне. Ꙗко чло
вѣкъ распѧтъ бъı. и ꙗ
ко бъ своею властию. съ
распѧтаго[6] с нимь въ
поусти в рай. Ꙗко члкъ
оцта[7] въкоуси. и испоу
сти дхъ. и ꙗко бъ слнце
помрачи. и ꙁемлею[8] по
трѧсе. Ꙗко члвкъ въ
гробѣ положенъ бъı. и
ꙗко бъ ада раꙁдроуши.
и дша свободи. Ꙗко
члвка печатлѣша въ
гробѣ. и ꙗко бъ иꙁиде[9]
печати цѣлы съхрань.[10 а])
Ꙗко члвка тщахоуса[11] ию
деи. оутаити въскрние. б)
мьꙁдѧще стража.[12] нъ ꙗ
ко бъ[13] оувѣдѣсѧ. и поꙁна
нъ бъı всеми конци[14] ꙁе
млѧ. По истинѣ кто
бъ[15] велий. ꙗко бъ нашь. в)
ты еси[16] бъ творѧй чюса.
сдѣла спсение[17] посредѣ
ꙁемлѧ. кртмь[18] и моуко

ю своею.[1] на мѣстѣ лъ
бнѣмь.[2] въкоусивъ (о)
цта[3] и ꙁолчи.[4] да иже[5] ѿ
древа престоупленн(е).[6]
и грѣхы. грехы же[7] в(ку)
шениемь горести ѿже
неть. Сии[8] же ст(воршеи)
емоу претък(ноуша)сѧ.
аки[9] о камень. и с(кр)оу
шишасѧ. ꙗкоже (гь) глше.[10]
падъıи на камени семь[11]
скроушитсѧ. а на немь
же падеть сътрети и[12] ⁖
Приде[13] бо к нимъ исполнѧ
ѧ прр҃чства прореченаѧ
о немь.[14] ꙗкоже и глше.[15]
несмь посланъ. токмо
къ овчамъ[16] погыбшимъ[17]
домꙋ иꙁлва. и пакы не
придохъ[18] раꙁоритъ[19] ꙁако
на нъ исполнитъ.[20] И къ
хананѣи иноѧꙁычни
цѣ.[21] просѧщи ицѣлениꙗ[22]
дщери своеи. глше[23] нѣ до
бро отѧти хлѣба ѿ чад[24] и
поврѣщи его[25] псомъ. они
же[26] нарекоша и льстьца.
и[27] ѿ блоуда рожена.[28] и о ве
льꙁаоулѣ бѣсы иꙁгона
ща. г) Хсъ[29] слѣпыꙗ ихъ
просвѣти. прокаженъı
ꙗ оцѣсти.[30] слоукыꙗ.[31]
исправи. бѣсныꙗ ицѣ[32]
ли ⁖

расслабленыꙗ оукрѣ
пи. мьртвыꙗ въскрс.[1]
они же ꙗко злодѣꙗ му
чивше[2] на крⷭ҇тѣ пригво
здиша.[3] сего ради приде
на нꙗ[4] гнѣвъ бж҃ии конь
чнии.[5] ꙗкоже и сами[6] по
слоушьствоваша[7] своѥ
и погыбѣли. Рекшю[8]
(сп҃)оу притчю о виногра
дѣ и о дѣлательхъ.[9] что
(оу)бо створить[10] дѣлате
лемъ тѣмъ.[11] и ѿвѣща
ша злыꙗ злѣ погоуби
ть ꙗ. и[12] виноградъ инѣ
мъ дѣлателемъ прѣ
дасть.[13] иже въздадꙗть
ѥмоу плоды въ врѣмꙗ
своѥ.[д]) И сами[14] своѥи по
гыбели[15] прⷪ҇рци быша.
приде[16] на землю посѣти
тъ ихъ. и не приꙗша е
го. понеже дѣла ихъ ть
мна бѣша.[17] не възлюби
ша свѣ҃. да не ꙗвꙗтсꙗ
дѣла ихъ ꙗко тьмна[18] су
ть. сего ради приходꙗ
іс҃ъ къ иерⷭ҇лмоу. И[19] ви
дѣвъ гра҃ просльзисꙗ[20] о
немь гл҃ꙗ. ꙗко аще бы
разоумѣлъ ты въ дн҃ь
твой сь. ꙗже[21] къ миру
твоѥмоу. нынꙗ[22] скры

сꙗ[1] ѿ очию твоѥю.[2] ꙗ
ко придоуть на тꙗ дн҃ь
ѥ.[3] и обложать врази тво
и о тебе острогъ. и оби
доуть[4] тꙗ всюдоу. и разъ
биють тꙗ. и чада тво
ꙗ въ тебе.[5] понеже не ра
зоумѣ посѣщениꙗ[6] тво
ѥго. И пакы иерⷭ҇лме и
иерⷭ҇лме.[7] избивъıи[8] прⷪ҇ркы
и камениѥмь[9] побива
ꙗ[10] посланыꙗ к тебе. ко
лишⷦ҇[11] въсхотѣхъ собра
ти ча҃[12] твоꙗ. ꙗкоже ко
кошь събираѥть птень
ца своꙗ по крилѣ[13] свои
и не въсхотѣсте. Се о
ставлꙗѥтсꙗ[14] домъ вашь
поустъ. ꙗкоже и бы҃. при
шедше[15] во римлꙗне. по
лониша[16] иерⷭ҇лмъ. и разби
ша и до основаниꙗ ѥго.
и[17] июдѣиство ѿтолѣ по
гыбе. и законъ посемь.[18]
ꙗко вечернꙗꙗ зорꙗ[19] погасе.
и расѣꙗни[20] быша по стра
намъ июдѣи.[21] да не вьку
пь [пре]боудоуть.[22] приде[23] во
спс҃ъ и не приꙗтъ бысть
ѿ изл҃ꙗ. и по ѥу҃альскому
словоу. Въ своꙗ приде[24] и
свои[25] ѥго не приꙗша. Ѿ
ꙗзыкъ же приꙗ҃ бысть ⁘

Примѣчанія.

а) Срав. въ житіи Варлаама и Іоасафа рѣчь Іоасафа къ Февдѣ: ꙗкоже оубо чл҃вкъ распинаѥтсѧ. и ꙗко бг҃ помрачаѥть слн҃це и трѧсе землю. и многа оусопшиⷯ въскршаѥ телеса. паⷦ ꙗко чл҃къ оумираѥ. и ꙗкоже бг҃ встаѥ. испровергъ ада... встаѥ оубо ꙗко бг҃. и въсходи на нбс҃а (пергам. рукоп. к. XIV в. Соф. биб. Петерб. дух. Акад. № 1365, л. 115). б) ни *лигатура.* в) По истинѣ... нашь *напечатано въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ.* г) *Далѣе, кончая словами* послоушьствоваша своѥи погыбели, *было напечатано въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ.* д) *Далѣе, кончая словами* не ꙗвѧтсѧ дѣла ихъ, *напечатано въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ.*

Варіанты.

Столб. 1. 1. и въ МП. *вставлено.* 2. послушаше Ц. 3. лазорѣ МП; лазари Ц. 4. его *(вставка) вм.* и МП; въскрни и из Ц. 5. грѧды Ц. 6. распятаго МП; спропѧтаго Ц. 7. очта МП. 8. землю МП. 9. изыде Ц. 10. схранивъ МП. 11. тъщахутся МП; тшаахусѧ Ц. 12. и стражеи Ц. 13. бг҃ *вставлено въ* МП. 14. всимиконьци МП; *далѣе, послѣ слова* землѧ *въ МП вставлено Пророчество изъ рѣчи философа.* 15. бг҃ *опущено* въ Ц. 16. то ѥ Ц. 17. спн҃ье МП. 18. кртомъ МП.

Столб. 2. 1. своѥю *опущено въ* МП. Ц. 2. лобнемъ МП; лобнѣе Ц. 3. очта МП. 4. золчи МП; жлъчи Ц. 5. еже Ц. 6) преступленье МП. 7. грѣхъ же *опущено въ* Ц. 8. ты МП. 9. акъ МП. 10. гл҃лаше Ц. 11. семъ МП. 12. и скрушить и МП; скруши и Ц. 13. прии Ц. 14. немъ МП. 15. и *вставлено въ* МП; якоже гл҃лаше Ц. 16. ко овца Ц. 17. погибшимъ МП; заблужши Ц. 18. изл҃ву и паки не приидо Ц. 19. разорить *съ поправкою на* ъ въ МП; разорити Ц. 20. исполнить(ъ) МП. 21. иноязычницы МП; инoꙗзычници Ц. 22. просящои исцѣленьꙗ Ц. 23. гл҃ше *опущено въ* Ц. 24. чада(ъ) МП. 25. ѥго *опущено въ* МП. Ц. 26. *вставлено* и; *далѣе* лесца МП. 27. и *въ* МП.—*вставка.* 28. рожена Ц. 29. іс҃ъ МП. 30. очисті МП; очти Ц. 31. сълоукыꙗ Ц. 32. исцѣли Ц.

Столб. 3. 1. въскрси МП; воскри Ц. 2. мучивши МП. 3. пригвоздише(а) МП. 4. на ня приде МП; приіде на нѧ Ц. 5. конечнии МП; конечный Ц. 6. самѣ МП. 7. *вставлено* о *въ* МП. 8. рекшу Ц. 9. дѣлательхъ МП. 10. створи МП; твори Ц. 11. тѣмь Ц. 12. погибнуть(я)а МП. 13. виноградъ предасть дѣлателемъ инѣмъ МП; виноградъ преда дѣлателе Ц. 14. самѣ МП. 15. погибели Ц. 16. *вставлено* бо *въ* МП; приіде бо Ц. 17. понеже темна бяху дѣла ихъ МП; бѣаху Ц. 18. темна МП. 19. і *опущено въ* Ц. 20. прослезисѧ МП. 21. якоже МП. 22. нынѣ (же) МП; нн҃ѣ же Ц.

Столб. 4. 1. скрьюся МП. 2. моѥю Ц. 3. дн҃ье на тя МП; приидудн҃ьѥ на тѧ Ц. 4. острогъ о тебѣ и обииду Ц. 5. тобѣ МП. Ц. 6. посѣщенья МП. 7. іерлмъ іерлмъ Ц. 8. избивая МП; избиваꙗи Ц.

9. каменьемь МП. 10. побиваѩй; *далѣе* посланꙑꙗ *опущено въ* Ц. 11. колиждꙑ МП; кълижꙑ Ц. 12. чада МП. 13. ꙗкоже събираеть кокошь птенца подъ крилѣ МП; сбираѥть кокошь птеньца своꙗ по крилѣ Ц. 14. оставлꙗе Ц. 15. пришедши (ѥ) МП; пришѣ Ц. 16. плѣниша МП. Ц. 17. і *въ* МП.—*вставка.* 18. и по семъ законъ МП. 19. зарѧ МП. Ц. 20. росѣяне МП; разсѣꙗни Ц. 21. июдеи по странамъ МП; июдеи по странā Ц. 22. (злое) пребываю(ѥ)тъ МП; злое пребывае Ц. 24 и 24. прийде Ц. 25. своя(и) МП.

Ѳ. Покровскій.

Редакціи Толковой Палеи*).

IV.

Общіе выводы.

Какимъ же матеріаломъ обладалъ авторъ полной Палеи, составляя послѣднюю? Задавая этотъ вопросъ, я долженъ отрѣшиться отъ мысли, что это есть, дѣйствительно, Толковая Палея, какъ таковая, только лишь распространенная. Въ началѣ первой главы я сказалъ, что по нѣкоторымъ основаніямъ мы можемъ оставить за ней названіе Толковой Палеи, но что это не будетъ являться ея специфическимъ свойствомъ, какъ напр. въ Коломенской Палеѣ. Это былъ своеобразный историческій сборникъ, въ которомъ Толковая Палея являлась лишь одной изъ составныхъ частей. Если я въ своемъ изслѣдованіи первой ея части исходилъ изъ Коломенской Палеи, то просто потому, что надо же было изъ чего нибудь исходить, Коломенская же Палея являлась въ данномъ случаѣ наиболѣе удобнымъ исходнымъ пунктомъ. Поэтому, теперь, приводя къ итогу всѣ источники полной Палеи, я во избѣжаніе неправильнаго толкованія со стороны иныхъ изслѣдователей, долженъ сказать, что я вовсе не намѣренъ представлять дѣло такъ, что въ основаніи полной Палеи положена авторомъ Коломенская (первая редакція) Палея, а все остальное было лишь къ ней дополненіемъ. Палея первоначальной редакціи была однимъ изъ источниковъ для первой части обширнаго труда, хотя и самымъ главнымъ; вторымъ по количеству выписокъ былъ библейскій текстъ.

---

*) См. Извѣстія, т. XI, кн. 2, стр. 20—61.

Если бы взять за основаніе первоначальную (Коломенскую) Палею, то, конечно, полную редакцію слѣдовало бы раздѣлить на двѣ части, и первая часть могла бы разсматриваться какъ переработанная редакція Толковой Палеи, вторая — какъ ея продолженіе. Но это было бы нѣсколько искусственно, и мы раздѣлимъ Палею такъ, какъ ее раздѣлилъ самъ авторъ указаніемъ новаго своего источника, т. е. «Хронографа по великому изложенію». Это будетъ тѣмъ естественнѣе, что тѣ источники, которые шли параллельно съ Коломенской Палеей, продолжаются и по окончаніи ея, и только лишь спустя нѣкоторое время, къ концу книги Царствъ является на сцену новый источникъ, который и будетъ уже доминирующимъ до конца.

Итакъ, источниками полной редакціи Палеи въ предѣлахъ до «Хронографа по великому изложенію» будутъ:

I. Первая редакція Толковой Палеи въ спискѣ, близкомъ къ списку Кирилло-Бѣлозерскому.

II. Библейскія книги: 1) Бытіе, 2) Исходъ, 3) Числа, 4) Второзаконіе, 5) кн. Судей, 6) Іисуса Навина, 7) Руѳь, 8) четыре книги Царствъ.

III. Ефрема Сирина исторія объ Іосифѣ Прекрасномъ.

IV. Особая исторія Моисея.

V. Историческія статьи (хроники): 1) «Невротова Повѣсть», 2) Малала.

VI. Апокрифы: 1) Мельхиседекъ, 2) Аѳанасія о Мельхиседекѣ, 3) Загадка къ Лоту, 4) Откровеніе Авраама, 5) Смерть Авраама, 6) Лѣствица Іакова, 7) Іаковъ и Исавъ, 8) Завѣтъ патріарховъ, 9) Житіе Моисея, 10) Давидъ и Наѳанъ, 11) «Дробное Житіе», 12) Суды Соломона, 13) Откровеніе Меѳодія Патарскаго [1]).

1) Изъ Откровенія заимствованы имена дочерей Адама, упоминаемыя въ Синодальн. Румянц. Палеѣ (Каломана и Девера), послѣ Колом. 195,20; такъ надо исправить сказанное выше въ I главѣ.

Здѣсь можетъ быть вопросъ, въ какомъ видѣ были всѣ эти источники у автора Палеи—въ видѣ ли сборника или въ отдѣльномъ видѣ. Этотъ вопросъ, правда, касается только нѣкоторыхъ апокрифовъ, такъ какъ напр. библейскія книги существовали, конечно, отдѣльно отъ послѣднихъ. Относительно Судовъ Соломона нужно сказать то же самое, имѣя въ виду ихъ отдѣльное существованіе при Палеѣ Кирилло-Бѣлозерской; то же и о такихъ апокрифахъ, какъ Сказаніе о Мельхиседекѣ, Лѣствица, Откровеніе, Завѣты Патріарховъ и, наконецъ, «Дробное Житіе». Остальные могли существовать и въ какихъ-нибудь компиляціяхъ. Ихъ могъ содержать тотъ хронографъ, который былъ у автора при составленіи имъ второй части. Выше было указано, что въ исторіи Моисея встрѣчается тотъ же отрывокъ изъ хроники Малалы, что и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ первой редакціи. Очень возможно, что данный отрывокъ читался въ возстановляемомъ хронографѣ.

Источникомъ второй части Палеи служилъ, прежде всего, «Хронографъ по великому изложенію». Кромѣ его, таковыми были библейскія книги, именно, книги пророковъ Іереміи и Даніила и нѣкоторые разсказы церковнаго, историческаго и апокрифическаго характера, а именно:

1. Апокрифы: 1) Мученіе Даніила, 2) Сказаніе объ Авимелехѣ.
2. Сказаніе о пророкахъ.
3. Александрія второй редакціи.
4. Сказаніе Епифанія о пророкѣ Іереміи.
5. Переписка Пилата съ Тиверіемъ.
6. Столкновеніе Юліана съ Василіемъ Великимъ.
7. Сказаніе о Петрѣ Гугнивомъ.
8. Хроники Іоанна Малалы и Амартола.

И здѣсь также возможенъ вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ находились всѣ эти источники—въ отдѣльномъ или уже въ компиляціяхъ. Апокрифы, какъ Мученіе Даніила, Сказаніе объ Ави-

мелехѣ, существовали отдѣльно, въ такомъ видѣ могъ пользоваться ими и авторъ Палеи. Александрія также существовала въ отдѣльномъ видѣ и послѣ лишь соединилась съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ второй редакціи, а всѣ предшествующія разсужденія привели, конечно, къ тому выводу, что авторъ второй редакціи Палеи не могъ взять Александрію изъ Еллинскаго Лѣтописца. Переписка Тиверія съ Пилатомъ существуетъ также въ отдѣльномъ видѣ. Что же касается хроникъ Малалы и Амартола, то возможно, что выдержки изъ нихъ взяты изъ раньше составленныхъ хронографовъ; по крайней мѣрѣ, это можно утверждать относительно заимствованій изъ Малалы—въ исторіи Моисея, въ сказаніи о созданіи Рима и др., что отмѣчено и выше. Если это была хронографическая компиляція, то очевидно такая, которой пользовался въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ и Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи.

Что касается хроники Амартола, то она перешла въ полную Палею, главнымъ образомъ, чрезъ посредство «Хронографа по великому изложенію». Въ разныхъ мѣстахъ, въ зависимости отъ матеріала, мнѣ приходилось останавливаться на составѣ этого Хронографа и возстановлять его то при помощи краткой, то при помощи полной Палеи. Указанные въ большомъ количествѣ случаи совпаденія полной и краткой Палей, дающіе намъ возможность возстановлять составъ Хронографа, даютъ намъ основаніе возстановлять его и тамъ, гдѣ такого совпаденія обѣихъ Палей не встрѣчается. Такъ напр., въ полной Палеѣ царствованія Азаріи, Осіи, Іосіи разсказаны, главнымъ образомъ, по четвертой книгѣ Царствъ и выдержкамъ изъ хроники Амартола (см. выше). Анализъ царствованія Манассіи въ обѣихъ Палеяхъ въ достаточной степени показалъ, что источникомъ его былъ «Хронографъ по великому изложенію». Несомнѣнно, и въ указанныхъ трехъ царствованіяхъ, отъ которыхъ въ краткой Палеѣ не сохранилось ничего, Амартолъ взятъ изъ того же «Хронографа по вел. излож.», чтò вполнѣ соотвѣтствуетъ общему представленію о способѣ составленія второй части Палеи: библейскія книги и Хро-

нографъ. Самое состоянiе выдержекъ изъ Амартола вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что̀ выводится изъ анализа текста, несомнѣнно, взятаго изъ Хронографа. Мы и въ данныхъ случаяхъ видимъ нѣкоторую, хотя и небольшую, обработку текста Амартола. Такъ, къ выдержкѣ о царствованiи Озiи (Боор. 221, 4—16, Мур. 157, 15—27) прибавлено нѣсколько вступительныхъ строкъ, причемъ какъ въ послѣднихъ такъ и въ текстѣ Амартола имя Озiи перемѣнено на Азарiя. То же должно сказать и о выдержкахъ въ царствованiи Осiи, царя Израильскаго (Бооръ 263,23—264,16, Мур. 191,1—16), гдѣ, какъ указано, противъ оригинала допущено не мало отмѣнъ. То же самое мы видимъ и въ выдержкѣ въ царствованiи Iосiи, сына Амоса, которая, хотя сама по себѣ и даетъ буквальный текстъ славянскаго Амартола (Бооръ 241, 21—242,12, Мур. 172,15—173,2), однако имѣетъ вступленiе и заключенiе; см. выше.

Отсюда мы съ полнымъ правомъ можемъ заключать, что все, что въ полной Палеѣ является въ исторiи царей заимствованнымъ изъ хроники Амартола до царствованiя Iоакима, взято непосредственно изъ «Хронографа по великому изложенiю».

Я уже отмѣтилъ выше, что передъ царствованiемъ Iоакима, сына Iосiи, авторъ полной Палеи дѣлаетъ отъ себя замѣчанiе, которое находится въ соотвѣтствiи съ тѣмъ фактомъ, что съ этого же царствованiя авторъ начинаетъ пользоваться еще новыми источниками, кромѣ доселѣ у него бывшихъ — библейскихъ книгъ и «Хронографа по вел. изложенiю». Собственно, библейскiя книги могутъ въ счетъ и не идти, такъ какъ доселѣ разумѣлись подъ ними историческiя книги (по указанiю самого автора)—Тетравасилiонъ, и на смѣну ихъ являются книги пророческiя—Данiила и Iеремiи. Но выше изъ анализа царствованiя Навуходоносора видно было, что «Хронографъ по вел. изл.» и теперь продолжаетъ оставаться источникомъ и изъ него взято все то, что относится къ Амартолу.

Слѣдовательно, мы можемъ сдѣлать слѣдующiя заключенiя: 1) въ исторiи еврейскихъ царствъ текстъ Амартола перешелъ

въ полную Палею изъ «Хронографа по великому изложенію»; 2) краткая Палея сильно сократила единственный свой источникъ—«Хронографъ по вел. изл.», оставивъ только лишь указанія на царствованія и 3) «Хронографъ по вел. изл.» едва ли содержалъ въ себѣ текстъ Амартола въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ мы имѣемъ въ только что указанныхъ случаяхъ въ полной Палеѣ.

Затруднительнѣе рѣшить, откуда вошли въ полную Палею выдержки изъ Малалы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «Хронографъ по вел. изл.» не заключалъ въ себѣ изъ нея выдержекъ; съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ соединеніи съ разными источниками встрѣчаются выдержки изъ Малалы, мы замѣчаемъ большую близость съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ второй редакціи. Но мы можемъ уже изъ настоящаго изслѣдованія видѣть, что извѣстный намъ типъ второй ред. Еллинскаго Лѣтописца не могъ быть источникомъ для полной Палеи. Остается пока остановиться на напрашивающемся само собой заключеніи, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оба автора — и полной Палеи и Еллинскаго Лѣтописца — имѣли въ рукахъ, кромѣ «Хронографа по вел. изл.» еще по какому-то одинаковому сборнику, которымъ и воспользовались. Детальное разрѣшеніе этого вопроса я оставляю на будущее время до разработки редакцій Еллинскаго Лѣтописца.

Время происхожденія второй (полной) редакціи Палеи Тихонравовымъ пріурочивалось къ ереси жидовствующихъ. Съ его словъ держалось мнѣніе, что ересь жидовствующихъ оказала вліяніе на составленіе второй редакціи въ томъ именно смыслѣ, что Палея пополнилась талмудическими легендами, но что первоначальная идея Палеи — представить ветхій завѣтъ какъ прообразъ новаго и обличить тѣмъ евреевъ—уже затемнилась, вслѣдствіе чего Палея и распространена была нѣкоторыми вставками, нисколько не отвѣчающими первоначальной идеѣ. Затѣмъ, по мнѣнію Тихонравова, Палея окончательно потеряла свое первоначальное значеніе и была присоединена къ хронографу, обратившись тѣмъ самымъ въ обыкновенный хронографическій сборникъ.

Мы видимъ теперь, что необходимо внести поправку въ такую исторію Палеи въ томъ смыслѣ, что мы не имѣемъ основаній различать двѣ стадіи второй редакціи Палеи — талмудическую и хронографическую. Вторая редакція и есть въ одно и то же время и талмудическая и хронографическая: кто наполнялъ ее талмудическими легендами, тотъ преобразовывалъ ее и въ хронографъ.

Остается вопросъ о талмудическомъ элементѣ, который давалъ Тихонравову основаніе связывать Палею съ ересью жидовствующихъ. Вѣроятно, Тихонравовъ разумѣлъ здѣсь Суды Соломона, отзывающіеся, дѣйствительно, Талмудомъ, такъ какъ всѣ остальные апокрифы и легенды не выходятъ изъ круга обычной славянорусской литературы. Но и тутъ возникаетъ сомнѣніе, безусловно ли необходимо связывать составленіе второй редакціи Палеи съ ересью жидовствующихъ. Во всякомъ случаѣ, было бы желательно точнѣе опредѣлить вліяніе ереси на вторую редакцію Палеи. Составилась ли она благодаря вспыхнувшему интересу къ жидовству, или мы имѣемъ дѣло съ простымъ совпаденіемъ по времени, когда, благодаря ереси жидовствующихъ, распространились и талмудическія легенды, попавшія, поэтому, и въ Палею. Но я затруднился бы, прежде всего, видѣть въ появленіи Судовъ Соломона вліяніе ереси жидовствующихъ; развѣ только это понимать въ томъ смыслѣ, что въ данный періодъ они были болѣе распространены, чѣмъ прежде. Но ихъ содержаніе таково, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы жидовствующіе могли пользоваться ими для своихъ цѣлей; произведенія послѣдняго характера совершенно отличаются отъ Судовъ Соломона. Не менѣе проблематичнымъ является признаніе связи второй редакціи Палеи съ ересью жидовствующихъ и по духу, въ смыслѣ, конечно, полемики съ еврействомъ. Основаніемъ къ тому могло бы служить обширное пользованіе со стороны автора второй редакціи толковательнымъ элементомъ Палеи въ противоположность напр. краткой Палеѣ. Но не будемъ ли мы въ данномъ случаѣ имѣть дѣло съ манерой автора и—только? Анализъ

второй редакціи достаточно свидѣтельствуетъ, что ея авторъ относился къ своимъ источникамъ довольно механически, и потому, взявъ въ первой части источникомъ, между прочимъ, Толковую Палею, онъ выписывалъ изъ нея все, что читалось, т. е. и исторію и толкованія. Къ тому же, Толковая Палея была лишь однимъ изъ источниковъ. Можемъ ли мы при такихъ условіяхъ утверждать, что авторъ имѣлъ въ виду полемику съ евреями? Конечно, нѣтъ, какъ это отчасти признавалъ и Тихонравовъ. А если такъ, то указанныхъ основаній еще недостаточно, чтобы приводить вторую редакцію въ связь съ ересью жидовствующихъ по духу или направленію.

Но можетъ быть, мы имѣемъ, во всякомъ случаѣ, совпаденіе второй редакціи съ ересью хотя бы по времени?

Большинство списковъ полной Палеи принадлежитъ приблизительно къ одному времени, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ опредѣленныя даты. Такъ Палея Синодальная № 211 имѣетъ такую запись: **В лѣто ҂ѕ҃ѡпв (1473) мц҃а септевриꙗ к҃в на пам҃ѧ ст҃го сщ҃енномчника Фокы кончена бы҃с книга сиꙗ нарицаемаꙗ Палеꙗ при княженьи великы҃х кнѧзеи Московскы҃х Иване Васильевичи и Иване Ивановичи при митрополите Московскомь Героньтеи всеꙗ Роуси, при архиеп҃спе Новгоро҃дскомъ, при Ѳеѡфилѣ и при кн҃зи Псковскомъ Васильи Васильеви҃ч...** Палея писана въ Псковѣ: идетъ нѣсколько извѣстій о Псковскихъ событіяхъ того года, и заключеніе: **А писалъ сию книгꙋ хоужїи в дїацѣ҃х Нестерь Дьꙗкь ст҃го бл҃голѣпнаго рж҃тва г҃а нш҃го і҃с х҃а.**—Румянцевская Палея написана въ 1494 г. Остальные списки относятся уже къ болѣе позднему времени. Отмѣченные годами списки суть самые ранніе, и по времени написанія, дѣйствительно, совпадаютъ съ ересью жидовствующихъ. Конечно, этого недостаточно, чтобы видѣть здѣсь что либо положительное въ смыслѣ указанія времени составленія памятника. Но обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

Во-первыхъ, въ рукописяхъ разсматриваемый памятникъ называется «Палеей», но безъ прибавленія слова «толковая». Зна-

читъ, самъ авторъ, отъ котораго и идетъ, конечно, это названіе, съ одной стороны, приравнивалъ свой трудъ къ извѣстной Толковой Палеѣ, съ другой — отдѣлялъ его отъ нея: составленный имъ памятникъ былъ для него тоже «Палеей», но уже не — «толковой». Дѣйствительно, толкованія для него уже не играли никакой самостоятельной роли: кромѣ тѣхъ толкованій, которыя онъ переписывалъ изъ одного своего источника — Палеи Коломенскаго типа — онъ не вставилъ уже ни одного толкованія. Но въ то же время этотъ трудъ былъ для него не хронографомъ, а именно Палеей, т. е. исторіей ветхаго завѣта или иначе — исторіей еврейскаго народа. Это не можетъ быть безъ значенія, такъ какъ ни одинъ хронографъ—Еллинскій ли Лѣтописецъ или хронографъ въ собственномъ смыслѣ — никогда въ рукописяхъ не называется Палеей, ни Палея — хронографомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно обратить вниманіе на объемъ различныхъ частей полной Палеи. Напр. Румянцевскій списокъ на 405 листахъ содержитъ ветхозавѣтную исторію и только на 40 — всю новозавѣтную. Мы и видимъ, дѣйствительно, что послѣдняя состоитъ изъ ничтожныхъ выписокъ изъ Амартола съ прибавленіемъ также немногихъ добавочныхъ свѣдѣній. Очевидно, новозавѣтная исторія для автора не играла уже существенной роли, и онъ охотно воспользовался «Хронографомъ по великому изложенію» именно потому, что послѣдній какъ разъ соотвѣтствовалъ его цѣлямъ: было гораздо легче его переписать, нежели самому дѣлать выборку. Если мы поставимъ рядомъ Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи, то увидимъ рѣзкую разницу: въ послѣднемъ новозавѣтная часть занимаетъ почти $^2/_3$ памятника; слѣдовательно, онъ есть въ полномъ смыслѣ «Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ». Вышеизложенныя особенности заставляютъ отдѣлять вторую редакцію (полную) Палеи отъ Еллинскаго Лѣтописца и скорѣе приравнивать ее къ Архивскому хронографу, названному мною на основаніи характерныхъ его особенностей «Іудейскимъ хронографомъ».

Итакъ, вторая редакція Палеи есть въ собственномъ смыслѣ

исторія ветхаго завѣта, т. е. исторія еврейскаго похода. Составленіе такой довольно своеобразной исторіи съ этой точки зрѣнія можетъ, конечно, соединяться съ ересью жидовствующихъ, когда интересъ къ еврейству долженъ былъ оживиться.

Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ, спрашивается, нужно было автору пробѣгать, хотя и кратко, новозавѣтную исторію? Кажется, на нѣкоторыя соображенія можетъ навести послѣдняя статья второй редакціи, которая, будучи навѣяна старыми еще памятниками, содержитъ прославленіе и русской земли, и русскаго языка, и князя Владиміра, послѣдняго за то, что онъ просвѣтилъ святымъ крещеніемъ русскую землю. Съ одной стороны, къ концу XV вѣка теорія третьяго Рима имѣла уже большое значеніе, а съ другой—еретики жидовствующіе выставляли свое еврейство какъ нѣчто высшее сравнительно съ христіанствомъ. Но христіанство въ концѣ XV вѣка воплощалось въ русской землѣ. Авторъ, разсказавъ подробно исторію евреевъ и зная, быть можетъ, лично образъ дѣйствій еретиковъ и переписывая Толковую Палею, волей-неволей проникался и самъ полемикой, которая сводилась у него къ сознанію значенія русскаго языка и русской вѣры. Нужно было возвеличить того, кто ввелъ христіанскую вѣру на Руси, но чтобы имѣть право назвать Владиміра вторымъ Константиномъ, какъ это дѣлаетъ онъ въ заключеніи, нужно было, хотя бы кратко, дать обзоръ византійской исторіи и связать послѣднюю съ русской исторіей. Авторъ такъ и сдѣлалъ.

Крайній предѣлъ, глубже котораго полная Палея не можетъ восходить, опредѣляется второй редакціей Александріи, бывшей въ пользованіи автора. Такъ какъ вторая редакція Александріи составлена въ первой половинѣ XIII вѣка (ранѣе самого конца XII она не могла быть составлена уже потому, что въ ней читается Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ), то отсюда выводъ тотъ, что полная Палея составлена не ранѣе половины XIII вѣка.

Что касается взаимоотношенія списковъ полной Палеи, то всѣ они составляютъ одну редакцію, и никакого подраздѣленія

между ними сдѣлать нельзя. Однако, они не являются безусловно тождественными между собой, и можно усмотрѣть между ними нѣкоторую градацію. Мною выше были указаны случаи отдѣльныхъ особенностей отдѣльныхъ списковъ; не мало отличій Синодального списка отъ Погодинскаго указалъ г. Истоминъ, хотя и объяснилъ ихъ неправильно, исходя изъ неправильной точки зрѣнія. Наиболѣе полно и лучше представляетъ полную Палею списокъ Погодинскій, съ которымъ сходится списокъ Соловецкій. Списки же Синодальный и Румянцевскій составляютъ, какъ выше указано, одну группу, хотя Синодальный сравнительно съ Румянцевскимъ представляетъ уже дальнѣйшій видъ. Разумѣется, все это относится къ незначительнымъ отдѣльнымъ мѣстамъ, если не считать исторіи Авраама, гдѣ Синодальный списокъ является очень сокращеннымъ. Рядомъ съ сокращеніями, однако, въ Синод. встрѣчаются и дополненія. Указанные мною и г. Истоминымъ отдѣльные случаи даютъ основаніе представить слѣдующую схему, если обозначимъ чрезъ α дополненія противъ оригинала (протографа, обозначаемаго чрезъ x), а чрезъ β — измѣненія:

Подведемъ теперь итоги анализу краткой Палеи. Источники опредѣлились въ достаточной степени. Это, во-первыхъ, первоначальная редакція Палеи Коломенскаго типа въ первой части и хроники Амартола — во второй. Вмѣстѣ съ первоначальной Палеей авторъ имѣлъ еще и другіе источники, именно:

1) Библейскія книги, изъ которыхъ онъ воспользовался книгой Бытія.

2) Нѣкоторыя библейскія сказанія, имѣющія характеръ частію апокрифическій, но главнымъ образомъ напоминающій характеръ такихъ же сказаній, внесенныхъ въ разнообразныя греческія хроники, какъ сказаніе объ Измаилѣ, о столкновеніи Исава и Іакова, о пророкѣ Наѳанѣ, о Моисеѣ.

3) Апокрифы въ собственномъ смыслѣ; сюда принадлежитъ Откровеніе Авраама.

4) Хроники: 1) Георгія Амартола, 2) соотвѣтствующая греческой Парижской 1436, которую можно называть хроникой Синкелла и 3) особая какая-то хроника.

Во второй части источникомъ была почти исключительно хроники Амартола, перешедшая изъ «Хронографа по великому изложенію», гдѣ она была соединена съ нѣкоторыми дополненіями. Къ этому источнику авторъ почти ничего не прибавилъ, но коегдѣ замѣнялъ его другимъ. Такъ, несомнѣнно, онъ поступилъ съ Амартоломъ въ исторіи третьяго собора, замѣнивъ Бооръ 606,5—21 другимъ источникомъ; см. выше. Доказательствомъ служитъ то, что отъ выкинутаго отрывка Амартола удержалась послѣдняя фраза — **Несторіи же ѡземъствованъ въ Ѡнсин** = Бр. 606,22.

Разсматривая вторую часть, мы видимъ, что она начинается собственно съ исторіи Ровоама, т. е. именно тамъ, гдѣ кончается первоначальная редакція Палеи (Коломенскій списокъ); отсюда источникомъ является, какъ видѣли, почти исключительно хроника Амартола въ краткихъ выдержкахъ. Слѣдовательно, авторъ поступилъ иначе, чѣмъ авторъ полной Палеи (второй редакціи): послѣдній за окончаніемъ первоначальной редакціи Палеи продолжалъ пользоваться тѣми же источниками, какіе были у него и во время пользованія Палеей и среди которыхъ не было хроники Амартола, и только лишь чрезъ нѣкоторое время приступилъ къ пользованію и послѣдней чрезъ посредство «Хронографа по великому изложенію». Авторъ же краткой Палеи тотчасъ же послѣ окончанія Палеи продолжаетъ свой трудъ по Амартолу,

не пользуясь ни однимъ изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ черпалъ авторъ Палеи полной. Нельзя, конечно, думать, что этихъ источниковъ у него не было: если не Суды Соломона, то библейскія книги у него, конечно, могли быть. Стало быть, авторъ просто не хотѣлъ ими пользоваться, находя достаточнымъ для своего труда хроники Амартола. Дѣйствительно, характеръ обѣихъ частей краткой редакціи Палеи совершенно одинаковъ: особенность той и другой—краткость. Авторъ, слѣд. составлялъ свой трудъ сознательно, съ опредѣленной цѣлью. Сравнивая, теперь, выдержки изъ хроники Амартола вслѣдъ за царствованіемъ Соломона съ тѣми, которые мы можемъ уже возводить къ «Хронографу по великому изложенію», мы видимъ, что характеръ тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же. Отсюда мы уже съ полнымъ правомъ можемъ говорить, что «Хронографъ по великому изложенію» начинался не тамъ, гдѣ онъ указывается въ полной Палеѣ, т. е. не съ царствованія Асафа сына Осіи, но раньше, во всякомъ случаѣ—съ царствованія Ровоама. Но какъ онъ простирался еще? раньше? На это отвѣтить трудно, но есть основаніе думать, что и царствованіе Соломона было составлено по Амартолу. Я указалъ выше, что въ краткой Палеѣ есть заимствованія изъ Амартола въ исторіи Соломона, причемъ въ Палеѣ сравнительно съ полнымъ переводомъ Амартола нѣтъ нѣсколькихъ строкъ, а мы видѣли, что выдержки изъ послѣдняго въ «Хронографѣ по вел. изл.» характеризуются именно пропусками по нѣскольку фразъ. Вести дальше у насъ нѣтъ прямыхъ документальныхъ данныхъ.

Однако, вопросъ о составѣ Хронографа въ первой его части возникаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивается, какъ пользовался авторъ краткой Палеи своими непалейными источниками въ первой части своего труда — имѣлъ ли онъ ихъ всѣ въ отдѣльномъ видѣ, или нашелъ ихъ всѣ соединенными въ одномъ памятникѣ, откуда и выписывалъ, что ему было нужно. Я не стану утверждать, что, такъ какъ «Хронографъ по великому изложенію» послужилъ источникомъ для второй части Палеи, то онъ служилъ

источникомъ и для первой; не стану такъ утверждать на только-что приведенномъ основаніи потому, что такое утвержденіе, будучи только предположеніемъ, не давало бы никакихъ новыхъ научныхъ данныхъ, и потому нисколько бы не увеличивало суммы нашихъ знаній. Но я обращу вниманіе на одно обстоятельство. Я выше пришелъ къ заключенію, что у авторовъ трехъ памятниковъ—полной и краткой Палей и Тихонравовскаго хронографа была въ рукахъ составная исторія Моисея, которой каждый изъ нихъ воспользовался по своему, и что эта составная исторія была въ рукахъ и того, кто составлялъ соотвѣтствующую часть Рѣчи Философа въ нашей Лѣтописи. Эта часть рѣчи Философа принадлежитъ, очевидно, тому, который преподалъ Владиміру свѣдѣнія и по византійской исторіи, а мы видѣли, что послѣднія взяты или изъ самого «Хронографа по великому изложенію», какъ онъ выясняется намъ изъ анализа краткой и полной Палей и Еллинскаго Лѣтописца второй редакціи, или изъ хронографа, близко къ нему стоящаго. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, съ большею возможностью можно заключать, что разсмотрѣнная выше исторія Моисея была въ томъ же «Хронографѣ по великому изложенію» или тожественномъ съ нимъ, и изъ него же взята авторомъ Рѣчи.

Но какъ теперь смотрѣть на выдержки краткой Палеи изъ хроники, соотвѣтствующей греческой Парижской? Изъ нея взяты свѣдѣнія въ исторіи Моисея, Давида и Соломона, и конечно, не было бы нисколько удивительнымъ, если бы эти выдержки оказались соединенными съ хроникой Амартола и съ другими свѣдѣніями, какъ напр. эпизодъ съ Нафаномъ, въ томъ же «Хронографѣ по великому изложенію». На основаніи только что сдѣланнаго вывода, а именно, что исторія Моисея въ Рѣчи Философа могла быть взята изъ «Хронографа по вел. изл.», — съ одной стороны, и на основаніи того, что эта исторія соприкасается съ той, которая читается въ греческой Парижской хроникѣ Синкелла — съ другой, на основаніи этого можно думать, что исторія Моисея, составленная, между прочимъ, по греческому Па-

рижскому тексту Синкелла и сохранившая послѣдній частію въ Лѣтописцѣ и почти весь въ краткой Палеѣ, читалась въ такомъ же видѣ въ «Хронографѣ по велик. излож.», куда она попала, пройдя уже нѣсколько стадій, по крайней мѣрѣ стадію соединенія хроники Синкелла съ нѣкоторыми другими свѣдѣніями, подобно хроникѣ Амартола. Если бы это было такъ, то отсюда естественно было бы заключать, что и въ исторіи Давида и Соломона выдержки изъ хроники Синкелла взяты изъ того же Хронографа [1]). Такимъ образомъ, послѣдній представлялся бы намъ какъ компиляція изъ двухъ хроникъ: Синкелла (разумѣя подъ этимъ греческій Парижскій текстъ) и Амартола, въ небольшихъ выдержкахъ изъ нихъ и въ соединеніи той и другой съ небольшими добавленіями изъ другихъ источниковъ. Болѣе полное возстановленіе «Хронографа по великому изложенію» принадлежитъ, конечно, будущему. Въ силу же высказанныхъ мною соображеній, краткая Палея представлялась бы составленной пока на основаніи двухъ памятниковъ: первоначальной Палеи и «Хронографа по великому изложенію».

Способъ пользованія со стороны автора обоими памятниками даетъ возможность опредѣлить общій характеръ разсматриваемаго памятника и рѣшить, въ какомъ смыслѣ можно его называть Палеей извѣстной редакціи. Въ свое время я высказалъ, что въ славянорусской письменности Толковой Палеей называлось собраніе толкованій Феодорита на библейскія книги. Настаиваю на этомъ и теперь, ибо этому можно привести и подтвержденія. Наша извѣстная Толковая Палея получила свое названіе отъ этого именно сборника толкованій какъ потому, что она давала тѣ же толкованія на библейскія книги, такъ и потому, что она пользовалась, между прочимъ, данными толкованіями.

1) За то же можетъ говорить и тотъ фактъ, что въ заимствованномъ текстѣ изъ Амартола въ исторіи Соломона (Booръ 189,6—190,2) пропущены строки 7—11, читающіяся въ полномъ славянскомъ переводѣ, а это соотвѣтствуетъ общему способу пользованія Амартоломъ. Не безъ значенія можетъ быть и то, что описаніе построекъ Соломона, взятое изъ Парижской хроники, также короче послѣдней; см. выше, II гл.

Но она была направлена противъ Іудеевъ, поэтому, авторъ ея и далъ ей заглавіе «Толковая Палея яже на Іудея». Если мы будемъ исходить изъ этой точки зрѣнія, то разсматриваемый нами памятникъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названъ Толковой Палеей извѣстной редакціи. Какъ разъ именно толкованія-то и выпускались авторомъ. Отъ старой Толковой Палеи осталась одна лишь историческая часть, къ которой были присоединены хронографическіе источники. Нашъ памятникъ не можетъ быть названъ и просто Палеей, такъ какъ послѣднимъ именемъ назывались только библейскія книги. Слѣдовательно, нашъ памятникъ представляетъ собой въ чистѣйшемъ видѣ историческій сборникъ, въ родѣ любого Еллинскаго Лѣтописца, только лишь очень сокращенный сравнительно съ послѣднимъ. Если же мы называемъ его Палеей, то, конечно, условно.

Вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что авторъ нашей редакціи, составляя свой въ собственномъ смыслѣ историческій трудъ, производитъ, собственно говоря, странную и непонятную для насъ работу. Вмѣсто того, чтобы просто на-просто взять библейскій текстъ и сдѣлать изъ него соотвѣтствующія выписки, авторъ беретъ Толковую Палею и продѣлываетъ надъ ней внимательную работу, получая съ трудомъ то, чего онъ могъ бы достичь безъ труда. Я не хочу входить въ объясненіе такого факта, ибо всѣ догадки будутъ безплодны. Я указываю не него только для того, чтобы обратить на него вниманіе изслѣдователей, которые склонны бываютъ слишкомъ преувеличивать свою прозорливость и способность читать въ сердцѣ древнерусскаго книжника. Разумѣется, безъ послѣдняго элемента нельзя обойтись совершенно, какъ нельзя обойтись безъ гипотезъ: но изучая способы составленія славянорусскихъ памятниковъ, мы нерѣдко становимся втупикъ передъ вопросомъ: почему и зачѣмъ авторъ поступалъ въ своей работѣ такъ, что только лишь непроизводительно затруднялъ свое дѣло? Поэтому, не отрицая безусловно возможности догадокъ, полагаю все таки, что слѣдуетъ въ этомъ отношеніи быть очень осторожнымъ.

Пользованіе со стороны автора краткой Палеи первой редакціей Палеи достаточно свидѣтельствуетъ, что въ «Хронографѣ по вел. изл.» первая часть была для автора слишкомъ неудовлетворительна. Мы замѣчаемъ во многихъ памятникахъ историческаго характера пользованіе для ветхозавѣтной исторіи библейскими книгами, какъ напр. въ томъ же Еллинскомъ Лѣтописцѣ разныхъ видовъ. Очевидно, составители различныхъ историческихъ сборниковъ не рѣшались передавать ветхозавѣтную исторію на основаніи лишь хроникъ, особенно древнѣйшую, и пользовались для этой цѣли библейскими книгами, или помѣщая ихъ цѣликомъ, безъ примѣси постороннихъ источниковъ, или распространяя ихъ послѣдними. Исходя изъ этого, можно думать, что «Хронографъ по великому изложенію» древнѣйшую ветхозавѣтную исторію излагалъ также по Амартолу и также кратко, почему авторъ краткой Палеи и замѣнилъ его палейнымъ текстомъ. Но, конечно, это высказывается только предположительно.

Часть еврейской исторіи въ краткой Палеѣ передана очень кратко, въ однихъ указаніяхъ на царствованіе того или другого царя: но на основаніи соотвѣтствующаго изложенія въ Полной Палеѣ нужно признать, что въ данныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ сокращеніемъ Амартоловскаго текста «Хронографа по великому изложенію», текста, удержавшагося безъ сокращенія въ полной Палеѣ; см. объ этомъ выше.

Опредѣлить точно время составленія краткой Палеи у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Древнѣйшіе списки ея относятся къ концу XV или къ началу XVI вѣка. Признавая, что первоначальная редакція Палеи составлена въ первой половинѣ XIII вѣка[1]), мы можемъ опредѣлить время появленія краткой Па-

1) А. И. Соболевскій въ критической статьѣ по поводу моихъ «Изслѣдованій въ области др. русской литературы» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1906 г., іюль), указывая на то, что въ Коломенской Палеѣ идетъ рѣчь, между прочимъ, о нашихъ сѣверныхъ свѣтлыхъ ночахъ (Кол., стр. 14), заключаетъ, что «редакторъ жилъ или въ Новгородѣ, или вообще въ сѣверовосточной Россіи». Послѣднее опредѣленіе не вполнѣ ясно: что нужно разумѣть подъ сѣверовосточной Россіей? Но помимо этого, указанная А. И. Соболевскимъ вставка не

леи промежуткомъ отъ второй половины XIII вѣка по XV вѣкъ включительно.

Выводы изъ изслѣдованія редакцій Толковой Палеи будутъ слѣдующіе[1]):

1. Толковая Палея, представляемая списками Коломенскимъ и сходными съ нимъ, есть первоначальная редакція.

2. Первоначальная редакція Толковой Палеи имѣла издавна тотъ объемъ, какой она имѣетъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ, хотя у автора ея и былъ замыселъ продолжить ее далѣе, т. е. довести ее, по крайней мѣрѣ, до новозавѣтныхъ событій.

3. Никакой не дошедшей до насъ хронографической Палеи не существовало, и Палея сп. Срезневскаго и Погод. 1434 не можетъ считаться сокращеніемъ этой недошедшей до насъ хронографической Палеи.

4. Палея, представляемая списками Синодальнымъ и другими, есть редакція позднѣйшая.

5. Эта позднѣйшая редакція Палеи не должна бы называться «Толковой Палеей» въ собственномъ смыслѣ: это есть историческій сборникъ, и первоначальная редакція Толковой Палеи была лишь однимъ изъ многихъ источниковъ сборника.

6. Другимъ главнымъ источникомъ въ первой части этого сборника (второй редакціи Палеи) были библейскія книги—историческія и пророческія; вмѣстѣ съ тѣмъ, источниками служили многіе апокрифы, изъ которыхъ нѣкоторые были тѣми же самыми, какими пользовался и авторъ первой редакціи Палеи. Поэтому, во второй ред. Палеи нужно различать двоякое пользованіе одними и тѣми же источниками: болѣе древнее, перешедшее

можетъ служить указаніемъ на мѣсто возникновенія Палеи первой редакціи: редакторъ могъ быть родомъ, дѣйствительно, изъ Новгорода или вообще изъ сѣверовосточной Россіи, но трудъ свой съ одинаковымъ правомъ могъ написать хотя бы въ той же Коломнѣ.

1) Эти выводы уже напечатаны въ моихъ «Изслѣдованіяхъ въ области древней русской литературы».

во вторую редакцію Палеи чрезъ посредство первоначальной редакціи (типъ Коломенской), и болѣе новое, принадлежащее уже самому автору второй редакціи.

7. Отношеніе авторовъ обѣихъ редакцій Палеи къ своимъ источникамъ было различное. Авторъ первой редакціи перерабатывалъ свои источники, авторъ же второй редакціи выписывалъ ихъ буквально. Поэтому, наслоенія во второй редакціи легко отличить: различныя части одной и той же статьи, вошедшія во вторую редакцію различнымъ путемъ, различаются и по отношенію своему къ первоначальному оригиналу данной статьи.

8. Дошедшіе до насъ списки второй редакціи въ общемъ довольно точно передаютъ оригиналъ, хотя и можно замѣтить среди нихъ нѣкоторую послѣдовательность: нѣкоторые списки представляютъ уже легкое послѣдующее уклоненіе отъ своего оригинала; таковы списки Синодальный и Румянцевскій.

9. Списокъ первоначальной редакціи Палеи, которымъ пользовался авторъ второй редакціи, принадлежалъ къ разряду, обозначаемому въ варіантахъ къ Коломенской Палеѣ буквами А. К. С. Я, т. е. къ спискамъ Александро-Невскому, Кирилло-Бѣлозерскому, Силинскому и Якушкинскому; изъ нихъ же непосредственно былъ у автора списокъ, тождественный съ Кир. Бѣлозерскимъ.

10. Съ окончаніемъ первоначальной редакціи Палеи у автора оказалось однимъ источникомъ меньше; но онъ продолжалъ пользоваться оставшимися такимъ же способомъ, какъ и раньше.

11. Вскорѣ послѣ окончанія первоначальной редакціи Палеи у автора является новый источникъ, который онъ называетъ «Хронографомъ по великому изложенію» и которымъ онъ начинаетъ пользоваться вмѣстѣ съ другими источниками, бывшими у него подъ руками.

12. Въ виду того, что авторъ рѣзко указываетъ на «Хронографъ по великому изложенію» какъ на новый источникъ, нужно думать, что тѣ хронографическія сказанія, которыя встрѣчаются

во второй редакціи въ ветхозавѣтной части, заимствованы изъ другого какого-то источника.

13. Въ ветхозавѣтной исторіи «Хронографъ по великому изложенію», какъ источникъ, игралъ ту же роль, что и другіе памятники, какъ напр. библейскія пророческія книги, Видѣнія Даніила и пр.; въ новозавѣтной же исторіи «Хронографъ по великому изложенію» являлся для автора второй редакціи Палеи уже главнымъ источникомъ.

14. Пользуясь въ изложеніи новозавѣтной исторіи «Хронографомъ по великому изложенію», авторъ частію его сокращалъ (впрочемъ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ), частію распространялъ его посторонними вставками изъ другихъ источниковъ; но таковыми не были ни хроника Малалы ни хроника Амартола.

15. Повидимому, въ распоряженіи автора второй ред. (полной) Палеи была еще какая-то хронографическая компиляція, чрезъ посредство которой перешли выдержки изъ хроники Малалы; эта же компиляція была въ рукахъ и автора второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца.

16. Независимо отъ второй редакціи Палеи, образовалась третья редакція, краткая, представленная списками — Срезневскаго и Погодинскимъ 1434. Въ собственномъ смыслѣ и эта редакція должна бы называться не Палеей, но историческимъ сборникомъ: Толковая Палея была и здѣсь лишь однимъ изъ источниковъ.

17. Въ первой части третьей редакціи основаніемъ была первоначальная редакція Палеи (Коломенскаго типа).

18. Пользованіе первоначальной редакціей Палеи было своеобразное: выписывались только историческія мѣста, толковательныя же тщательно выпускались и удержались въ ничтожныхъ случаяхъ лишь по ошибкѣ автора.

19. Кромѣ первоначальной редакціи Палеи, въ распоряженіи автора были и другіе матеріалы (въ первой части), изъ которыхъ иные совпадали съ тѣми, которыми пользовался авторъ второй редакціи.

20. Съ половины ветхозавѣтной исторіи источникомъ является тотъ же «Хронографъ по великому изложенію»; послѣдній авторомъ переписывался почти безъ перемѣнъ: лишь въ очень немногихъ случаяхъ сокращался и еще менѣе—дополнялся. Наибольшія сокращенія имѣли мѣсто въ изложеніи исторіи еврейскихъ царствованій.

21. Третья редакція Палеи не можетъ считаться сокращеніемъ какой-либо болѣе древней редакціи Палеи; она дошла до насъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была составлена. Ея краткій видъ объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны, авторъ ея самъ сокращалъ свои главные источники — въ первой части первоначальную Палею, во второй — «Хронографъ по великому изложенію»; а съ другой — авторъ второй редакціи распространялъ свой источникъ во второй части (библейскія книги и «Хронографъ по великому изложенію»).

22. Благодаря пользованію авторами второй и третьей (полной и краткой) редакцій Палеи одними источниками (Палея въ первоначальной редакціи и Хронографъ по великому изложенію, а также кое-что иное), получается кажущаяся связь ихъ въ генетическомъ отношеніи. Но непосредственнаго соприкосновенія между ними не было.

23. «Хронографъ по великому изложенію» можетъ быть возстановленъ болѣе или менѣе точно только начиная съ конца ветхозавѣтной исторіи. Средствами для возстановленія служитъ вторая и третья редакціи Палеи и извѣстная намъ вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца.

24. Начальная часть «Хронографа по великому изложенію» пока не можетъ быть возстановлена съ достовѣрностью. Предположительно выдержки изъ Амартола начинались съ исторіи Моисея, но съ хроникой Амартола была соединена въ выдержкахъ другая хроника, оригиналъ которой находится въ части Парижской греческой хроники № 1336.

25. Главное содержаніе «Хронографа по вел. изл.» состояло въ выдержкахъ изъ хроники Амартола; послѣдній взятъ въ ста-

ромъ обычномъ переводѣ; текстъ взятыхъ отрывковъ подвергся частію сокращенію и переработкѣ; Хронографъ былъ снабженъ хронологіей отъ сотворенія міра.

26. Къ тексту Амартола были присоединены въ небольшомъ количествѣ и другіе источники — церковноисторическаго содержанія, напр. перечисленія мучениковъ.

27. Названіе «Хронографа по великому изложенію» надо понимать въ томъ смыслѣ, что онъ составленъ на основаніи «великаго» изложенія, т. е. — хроники Амартола.

28. Этотъ Хронографъ былъ переписанъ авторомъ третьей редакціи безъ большихъ измѣненій; сообразно общей манерѣ, введены были въ текстъ однообразныя хронологическія указанія.

29. Большимъ сравнительно измѣненіямъ подвергся Хронографъ въ рукахъ автора второй редакціи, хотя текстъ внутренней переработкѣ не подвергался; авторъ соединялъ Хронографъ съ другими источниками и дѣлалъ нѣкоторыя сокращенія.

30. Тѣмъ же «Хронографомъ по великому изложенію» воспользовался и авторъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца; но при составленіи послѣдняго Хронографъ былъ однимъ изъ второстепенныхъ источниковъ: главными источниками были хроники Малалы и Амартола. Авторъ Еллинскаго Лѣтописца по большей части замѣнялъ сокращенный текстъ Амартола, бывшій въ «Хронографѣ по велик. излож.», полными выписками изъ хроникъ Малалы и Амартола, оставляя тѣ прибавленія, которыя были сдѣланы въ Хронографѣ къ Амартолу.

31. Лѣтопись—будетъ ли то Начальный сводъ или Повѣсть временныхъ лѣтъ—брала свои свѣдѣнія по византійской исторіи (въ Рѣчи философа) не изъ Толковой Палеи въ той или другой ея редакціи, но изъ «Хронографа по великому изложенію»; пока можно утверждать лишь то, что редакція послѣдняго была очень близка къ тому, который легъ въ основаніе полной и краткой (второй и третьей ред.) Палеи. Кромѣ того, въ распоряженіи автора лѣтописнаго разсказа были и другіе источники, которыми,

въ свою очередь, воспользовался авторъ полной Палеи (второй ред. Вѣроятно, что и другія свѣдѣнія, какъ напр. по ветхозавѣтной исторіи брались также изъ того же Хронографа.

32. Ни хронографическія редакціи Палеи (вторая и третья), ни «Хронографъ по великому изложенію» ни Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи съ одной стороны, и ни Архивскій Хронографъ, ни Софійскій 1454, ни ихъ общій протографъ, съ другой, не находятся между собой въ генетической связи: первая и вторая группы памятниковъ составлены совершенно независимо другъ отъ друга.

33. Вторая редакція Палеи составлена, во всякомъ случаѣ, не раньше второй половины XIII вѣка.

34. Документальныхъ основаній для приведенія составленія второй редакціи Палеи въ связь съ ересью жидовствующихъ нѣтъ, хотя ея распространеніе и совпадало съ появленіемъ послѣдней. Однако, ея составъ, подборъ матеріала и направленіе не противорѣчатъ такому сопоставленію.

35. По своему составу вторая редакція Палеи есть исторія еврейскаго народа (ветхаго завѣта), но она имѣетъ тенденцію поставить русскую исторію (вѣру и пр.) выше всѣхъ другихъ.

36. Относительно «Хронографа по великому изложенію» можно сказать лишь только то, что въ половинѣ XIII вѣка онъ существовалъ.

V.

ТАБЛИЦЫ.

I.

Текстъ Коломенской Палеи, вошедшій въ Палею полную (Синод. Румянц. и др.).

1 —127,11	340,22—342,22	484,24—486,4	577, 5—580, 4
128,24—194, 3	342,23—343,5; 8—11	491,16—25	580, 5—587,25
194, 3—195,20	343,12—14	494,16—495,3	587,26—638,23
195,20—196,17	343, 5—8; 14—19	495,23—496,3	638,24—647,21
196,17—198,22	343,19—28	496, 5—25	648, 5—9
198,22—259,22	344, 2—10	496,26—497, 5	648,28—649,21
259,22—262, 2	344,11—16	497, 6—498,17	650, 9—20
263, 9—272, 9	344,17—20	499, 8—15	652, 9—654,17
273, 3—275,14	344,23—346,7	502,18—28	655, 8—656, 6
276, 8—278,27	348,10—13	510,27—511,8	656,13—659,26
279, 2—288,23	350, 4—356, 2	511,11—516,6	660,26—662, 8
288,24—289,23	357,15—21	516, 6—15	662,25—663,24
290, 9—14	358,20—359,18	516,20—518,1	664, 9—15
290,27—291,17	359,18—360,26	518, 1—2	668,14—669,12
291,18—306,14	361, 1—22	518, 2—9	672,24—673,19
306,14—307,28	361,23—362, 3	518, 9—19	674, 2—677,16
307,28—309,24	364,20—366, 7	518,24—521,24	678, 5—679, 4
309,26—310,16	367,12—368, 7	522, 9—524,4; 6	679,19—680,21
310,16—22	366, 8—367,12	524,22—530,12	680,23—681,20
314, 8—332,13	368, 8—9; 26—369,7	530,13—542, 3	683, 7—686, 7
332,14—333,20	368, 9—26	542, 3—545, 1	686,10—688, 4
333,21—334, 7	369, 7—385,14	545, 3—557, 2	688,15—689,24
334, 7—9	386,13—389,27	557, 3—562,17	690,22—693,10
334,12—14	389,27—475,26	562,22—563,10	693,10—14
334,14—25	475,26—476, 8	563,17—24	693,23—697, 2
334,26—335,2	477,11—25	564, 2—573, 6	697,15—699,19
335, 2—17	478, 5—7	573,14—16	700,25—28
335,17—26	478, 8—480,22	573,16—21	703,25—705,18
335,26—28	480,26—481, 5	574, 2—16	720,26—27
336, 1—340,9	481, 5—15	574,20—575,26	722,16—22
340,10—11	481,15—482,24	576, 6—577, 3	722,27—723, 9

724,10—11
729, 5—20
734, 6—24
737, 1—19
737,26—738,14
738,14—18
739, 1—745, 2
747,19—749, 9
749, 9—750,9
753, 1—754,2
754, 3—4
754, 5
754,10—11
762, 8—13
762,14—18
766, 6—770,2
772,26—806,11
806,11—19
806,25—807, 5
808,21—809, 6
810,17—26
810,27—813,25
813,25—814,11
814,12—18
814,15—27
814,27—815,13
815,13—16
815,22—822,17
823,14—829, 7
829, 7—20

II.

Текстъ Коломенской Палеи, пропущенный въ полной Палеѣ.

127,11—128,24
262, 3—263, 9
272, 9—273, 3
275,14—276, 8
278,27—279, 2
289,23—290, 9
290,14—27
309,25 (чит. *иначе*)
310,23—314, 7
334, 9—12
340,14—22
344,20—345, 6
346, 8—348,10
348,14—350, 4
356, 2—357, 1
357,22—358,19
362, 4—364,19
385,15—386,12
476, 9—477,10
477,26—478, 4
480,23—25
482,25—484,23
486, 5—491,15
491,26—494,15
495, 4—22
498,16—499, 7
499,16—502,17
503, 1—510,26
511, 9—10
516,16—19
518,20—23
521,25—522, 8
524, 7—21
562,18—22
563,11—16
463,25—564, 1
573, 7—13
573,22—574, 1
574,17—19
675,27—576, 5
577, 3—5
649,22—650, 8
650,21—652, 8
654,18—655, 9
656, 7—12
659,27—660,25
662, 9—662,24
663,25—664, 8
664,16—668,13
669,12—672,24
673,20—674, 1
647,22—648, 4
648,10—27
677,17—678, 4
679, 5—18
681,21—683, 6
686, 8—9
688, 5—14
689,25—690,21
693,15—22
697, 3—14
699,20—700,24
701, 1—703,24
705,19—720,25
720,28—722,15
722,23—26
723,10—724, 9
737,20—25
738,19—28
745, 3—747,18
750,10—753,28
754, 6—9
754,12—762, 7
762,19—766, 5
770, 2—772,25
806,20—24
807, 6—808,20
809, 7—810,16
814,12—14
815,17—21
822,18—823,13

III.

Библейскій текстъ, вошедшій въ полную Палею (въ замѣну Коломенскаго текста и независимо отъ послѣдняго).

Бытіе:
16, 1—17,23
19, 1—33
20, 1—18
21, 1—13
21,14—34

Бытіе:
23, 2— 9
24, 2—67
32, 9—12
32,14—24
32,26—32

Бытіе:
33, 1—15
37, 2—30
38, 1—30
39,19—23
40, 1—23

Бытіе:
41, 1—57
42, 1—38
43, 1—32
43,34—44,34
45, 2—24

Бытіе:

45,26—28
46, 1—7
46,28—32
47, 2— 6
47, 8—27
47, 5—48,22

Исходъ:

3, 7— 8; 10
3,13—15; 18—22
4, 1— 2; 4— 5
7,20—12,36
13,17—18
13,20—14, 2
16, 4—10
16,12—14
16,16—18; 22
16,22—26
16,28—30; 32—36
17, 1
17, 5— 6
17,12
17,14—18,27
19, 2
19,11—25
20,18—21
32, 1— 6
34,10—17
34,34

Числа:

22, 9—22
22,23—26
22,28—32
22,36—38
23,13—16
23,27—30
24,18—25
26, 1

Второзак.:

13, 1— 5
19,16—20
21,18—21
22,28—29
27,15—26

I. Навинъ:

1, 1— 9
1,10— 2, 3
2, 6— 4,18
4,19— 5, 8
5, 9—12
5,16
6, 5—19
6,19—25
6,26— 7,15
7,16—10,16
10,20—19,51
20, 1— 6
20, 7—21,27
22, 1—34
23,14—24,21
24,22—29

Судьи:

1, 9—36
3, 1— 4
3,20—30
4, 9—34
5, 6—31
6, 1— 6
6,11; 16
6,21—32
7, 1—22
7,23—11,40
12, 1—14,20
15, 1—19
16, 1
16, 2— 3
16, 5—21
16,24—31
17, 1—21,25

I Царствъ:

1, 3—10
1,14—16
1,18—27
2,11— 8,22
9, 1—15,35
16, 1—13
16,15—23
17, 1—10; 32—52
17,53

I Царствъ:

17,54
18, 6— 7
18, 8—16
18,20—31,13

II Царствъ:

1, 1—10,19
11, 1— 2; 4
11, 4—27
12, 1—12
12,15—23
12,24—31
13, 1—23,7
23, 8—23
23,24—39
24, 1—25

III Царствъ:

1, 1—53
2, 5— 9
2,13—35
2,35—46 }
3,20—26 }
4, 2— 5 }
3, 4
3, 8
3, 9
5,12—13
5,13—28
4, 1—19; 27—34 }
5,12 }
5,13—17
6, 1—7,51
8, 1—53
9,11—14; 26—28
10, 1—10
10,11—12; 16—22
10,23—29
11, 1— 3
11, 4— 6
11, 7—43
12, 1—11
12,11—16
12,12—24
12,25—13,34
14,21—26; 30—31

III Царствъ:

15, 1— 8; 9—25; 25—31
15,33—16,10
16,15—30
22,42—50
16,30—33
17, 1—19,21
21, 1—29
20, 1—43
22, 1—40

IV Царствъ:

1, 1—18
3, 1— 3
2, 1—25
3, 1—27
3, 1—10,36
11, 1—21
12, 1—21
14, 1— 7
13, 1— 9
13,10—14,2; 8—20
14,23—28
15, 1—38
16, 1—20
17, 1—41
18, 1—12
18,13—37
19, 1—20,21
21, 1—26
22, 1—23,28
23,31—34
25, 8—21

Кн. Іеремія:

26, 1—24
35, 1—19
36, 1—24
36,26—32
27, 1— 3
27, 4—20
28, 1—17
29, 1—13
29,21—24
29,25—32

Кн. Іереміи:	Кн. Іереміи:	Кн. Іереміи:	Кн. Даніила:
34, 2— 9	40, 2— 8	43, 1— 7	13, 1—63
34,12—17	40,13—14	44,11—17	7, 1—28
37, 4—38,28	41, 1— 3		5, 1—29; 5,30
39, 1— 7	41,10	**Кн. Даніила:**	6,15—24
39,14	41,16—18	1, 3	14, 2—42
22,24—30	42, 1—22	1, 4—16	

IV.

а)

Текстъ Коломенской Палеи, замѣненный въ полной Палеѣ другимъ какимъ-либо текстомъ.

Коломенская Палея.		Полная Палея.
262, 3—263, 9	Бытія	16, 1—17,23
272, 9—273, 3		19, 1—38
275,14—276, 8		21, 1—13
278,27—279, 2		21,14—34
289,23—290, 9		24, 2—67
334, 9—12		1) 32,14—16, 2) вставка, 3) 32,17—24
340,14—22		37, 2—28
344,20—345, 6		38, 1—30
346, 8—348,10		1) вставка, 2) Б. 39,19—23; 40,1—19, 3) вставка; 4) Б. 40,20—23; 41,1—8; 5) вставка, 6) Б. 41,9—45, 7) вставка, 8) Б. 41,46—57.
348,14—350, 4		42, 1—38; 43,1—15; 43,16—32; 43—44,13; 44,14—34
356, 2—357, 1		45, 2— 3
357,22—358,19		45, 4—24
362, 4—364,19		46,31—32; 47,2—6; 46,8—27; 47,5—48,22
476, 9—477,10		Апокриф. Житіе Моисея.
480,23—25		1) Исх. 3,7—8, 10, 2) Апокриф. Житіе.
482,25—484,23		Апокриф. Житіе.
486, 5—491,15		Апокриф. Житіе.
491,26—494,15		1) Апокриф. Житіе, 2) Исх. 7,20—12,36
495, 4—22		Малала.
516,16—19	Исх.	16,12—14
518,20—23		17, 5— 6
521,25—522, 8		17,14—18,27
524, 7—21		19,11—25; 20,18—21
573, 7—13	Числа	22, 9—22
573,22—574, 1		22,28—32
574,17—19		22,36—38
575,27—576, 5		23,13—16
577, 3— 5		23,27—30

Коломенская Палея.		Полная Палея.
648,10—27	I. Навина	1, 1—9
649,22—650, 8		1,10—2, 3
650,21—652, 8		2, 6—4,18
654,18—655, 9		4,19—5, 8
656, 7—12		5, 9—12
659,27—660,25		6, 5—19
662, 9—662,24		6,19—25
663,25—664, 8		6,26—7,15
664,16—668,13		7,16—10,16
669,12—672,24		10,20—20,6
673,20—674, 1		20, 7—21; 27; 22,1—34
677,17—678, 4		23,14—24,21
679, 5—18		24,22—29
681,21—683, 6	Судей	1,17—36
686, 8— 9		3, 1— 4
688, 5—14		3,20—30
689,25—690,21		4, 9—34
693,15—22		6, 1— 6
697, 3—14		6,21—32
699,20—700,24		7, 1—22
701, 1—703,24		7,23—11,40
705,19—720,25		12, 1—13, 1
720,28—722,15		15, 1—19; 16,2—3
722,23—26		16, 5—21
723,10—724, 9		16,24—31
737,20—25	I Царствъ	1, 3—10
738,19—28		1,18—27
745, 3—747,18		2,11—8,22; 16,1—13
750,10—753,28		17, 1—10; 32—52
754, 6— 9		18, 6— 7
754,12—762, 7		18, 8—16; 18,20—31,13; II Цар. 1,1—11,2
762,19—766, 5		1) Нафанъ; 2) II Ц., 1—12; 3) Нафанъ; 4) II Ц. 12,14—23
770, 2—772,25	II Царствъ	12,24—23,7
807, 6—808,20		23,24—39
809, 7—810,16		24, 1—25
814,12—14	III Царствъ	2,13—46; 4,20—26; 4,2—5
815,17—21		3,11—19
822,18—823,13		3,15—18; 4,1—19; 27—34; 5,1—12; 5,13—17
		6, 1—7,51; 8,1—53

b)

Коломенскій текстъ, оставшійся въ полной Палеѣ незамѣненнымъ.

127,11—128,24	385,15—386,12
310,23—314, 7	477,26—478, 4

498,16—499, 7	562,18—22
499,16—502,17	563,11—16
503, 1—510,26	563,25—564,1
511, 9—10	806,20—24

c)

Библейскій текстъ, вошедшій въ полную Палею не въ замѣну Коломенскаго (см. то же выше):

Бытіе:	20, 1—18	Исходъ:	3,13—15
	23, 2—20		3,18—22
	24, 2— 9		4, 1— 2
	32, 9—12		4, 4— 5
	32,26—32		13,17—18
	33, 1— 3		13,30—14,2
	33, 4—15		16, 4—10
	37,29—30		16,16—18
	45,26—28		16,22—26
	46, 1— 7; 28		16,28—30
	46,28—30		16,32—36
Числа:	22,23—26		17, 1
	24,18—25		19, 2
	27, 1—11		32, 1— 6
Второзак.:	13, 1— 5		34,10—17
	19,16—20		35,13—16, 23
	21,18—21	Іис. Нав.	5,16
	22,28—29	Судей:	5, 6—31
	27,15—26		13, 1—14,20
I Царствъ:	1,14—16	III Царствъ:	1, 1—53
	16,15—23		2, 5— 9
II Царствъ:	23, 8—23		

V.

Сравнительная таблица взятаго въ полную Палею текста Амартола по изданіямъ Муральта и Боора:

Муральтъ.	Booръ.	Муральтъ.	Booръ.
14, 2—11	19,18—20, 5	191, 1—16	263,23—264,16
18,10—22,30	25,16—32,13	167,26—168,3	235,14—21
23,13—17	33, 6—12	168,17—22	236,13—19
24,27—29	35, 6— 7	172,15—173,2	241,21—242,12
25,2	35,12—13	174,24—175,1	245, 1— 3
25,14—26,20	36, 1—37,22	175, 1— 3	245, 3— 5
157,15—27	221, 4—16	175, 3— 8	245, 5—10

Муральтъ.	Бооръ.	Муральтъ.	Бооръ.
175,13–22	245,17–246, 1	347, 9–16	454,20–455, 5
195, 1– 5	269,16–21	347,23–348, 4	455,12–22
175,23–25	246, 2– 4	348,17–349, 4	456,15–457, 6
176, 1– 3	246,10–13	359,22–23; 360,12–17	466,21–467, 2
176, 7–19	246,15–247, 2	362, 6–14	467,20–468, 7
177, 4– 5	247,16–17	362,16–29	468,11–469, 3
177,18–27	248,10–16	363,13–19	469,11–18
179, 3– 5	250, 9–12	364, 5– 8	470,10–14
179,14–26	250,19–251, 9	364,16–26	470,21–471, 8
191,19–193,3	264,19–266,12	365,17–18	471,25–26
194,22–24	269, 8–10	366, 1– 2	472,11–12
195, 4	269,19	366,14–17	472,24–473, 3
195,10–13	270, 4– 7	371,14–18; 372,13–15	477,10–17
196,22–24	271,29–272, 3	376, 6– 9	481,12–15
197, 8–11	272,17–273, 3	382, 2– 6	485, 3– 7
14, 2–11	19,18– 20, 5	387,16–23	487,18–488, 5
198,12–199,28	273, 6–274,17	388, 8–13	488,18–489, 3
200, 4–201, 9	276,16–278, 2	389, 5– 9	489,23–490, 3
201, 9–205, 8	278, 2–284, 4	389,13–390, 1	490, 5– 9
206,17–28	285,15–286, 7	390, 5–13	490,14–17
207,23–28	287,10–15	398,19–400,13	499, 8–500,16
208, 1–212,12	287,15–292,26	400,17–401, 2; 8–13	501, 1–10
214,16–17	294, 3– 4	401,13–404, 9	501,10–503, 8
215, 6– 8	294,15–17	404,11–408, 8	503, 9–507,15
215,11–14	294,20–23	408,15–16	507,22
219, 5–221,22	300, 2–301,20	408,19–20	508, 1– 3
227,14–229,14	308, 9–311,13	408,22–409,11	508, 4–15
229,16, 18–19	311,15–16, 18	409,13–17	508,20–509, 5
242, 8– 9	327,10–11	414,12–415,12	509,15–510,13
281, 1–282,13	379,11–380,22	415,15–16	510,16–17
283, 3–14	381,19–382, 5	428, 3–429, 6	525,11–19
285, 9–14	383, 2– 5	429,17–430, 3	526, 7–11
285,16–288,21	383, 5–387, 6	436,15–437,11	533,23–534,20
325, 5– 9	433,22–27	437,13–438,16	535, 1–536,11
327,18–328, 6	437, 4– 9, 11, 13–18	438,19–21	536,13–16
	438, 5–12	439, 1– 5	537, 1– 5
333, 1–15	443,18–444, 5, 12–13	443, 5	539,11–12
335,26–336, 3	447, 2– 4; 5–6	443,15–18	539,14–17
338,21–339, 2	450, 6–14	444, 7–14	540, 2– 8
340, 6–20	450,16–451, 5	445, 4–11	540,19–541, 7
341,16	451,10	445,17–24	541,12–19
342,13; 18–19; 343,2–4	451,17–19	447,11–448, 8	543,15–544,14
343,20–23	452, 2– 4	448,14–449, 7	544,20–545,20
344, 14; 17	452, 8– 9	451,18	548,14
344,21–22	452,12–14	452,22–23	550, 4– 5
345, 7–9: 20–347,3	452,16–454,13	453, 7– 9	550, 7–10

Муральтъ.	Бооръ.	Муральтъ.	Бооръ.
474,11—18	575, 8—15	599,28—600,19	709,19—710,18
474,19—475, 2	575,15—576, 2	611, 1—21	725,13—726,21
481, 6—18	582,15—583, 4	629, 4—5	735,13—14
489, 7	592,21	630, 7—631,14	736,20—738, 4
489,13—14	593, 1—2	631,23—632, 1	738,10—14
498,10—13	604, 9—11	633, 9—20	740,16—741, 7
498,18—499,10	604,14—605, 6	633,29—634, 3	741,16—20
499, 2—500,26	605,16—606,22	635, 2—636, 2	743, 4—744, 4
504,14—22	610, 8—16	636, 3—15	744, 5—18
506,22—23	611,17—18	643, 2—3	750,15—16
507, 5—25	612, 5—24	643, 8—9	750,19—20
510, 1—2	616, 5	643,15—21	751, 3—10
511, 6—7	616, 6—7	652, 3—12	758,11—759, 3
511,11—13	616,10—13	652,18—21	759, 8—11
514,18—515, 2	618,10—21	653, 6—9	759,19—22
524,23—525,10	626, 7—18	653,12	760, 1
526,19—24	627, 2—628, 8	653,16—20	760, 5—9
527, 9—26	527, 7—528, 8	658,26—27	765, 7—10
528,17—529,15	629, 1—630, 5	661,16—20; 662,8—13	766,13—20
538, 2—549, 7	641, 1—643,16	665,17—666, 7	769,10—770, 9
550,12—16	654,16—19	670,22	771, 9—10
551, 3	655,12	672,10	772, 6
554,21—556,16	656,17—658,15	694,15—16	792, 7—8
591, 6—594,10	697,12—702, 4	699,27—670, 2	797,17—20
597,21—598, 8	706,21—707,14	717,12—14	801, 5—7
599,14—18	709, 4—7		

VI.

Текстъ Амартола въ полной Палеѣ, находящій соотвѣтствіе только у Муральта.

345,10
345,18—19
351,22—23
352,13—15
353, 2—6
353,11
353,14—15
353,19—21
354,11—12 и прим. 6 и 10.
355, 1—4
358 прим. 3.
358,11—12
358,22—23
359, 8—9
361, 5—9
361,20—21
362, 6
369,11—19
378,10—13
381,13—17
717,18
718, 5—9
736, 4—737, 8
841,12—842, 7
848, 4—15

VII.

Текстъ хроники Малалы, вошедшій въ полную Палею.

III 65,13– 66, 8 376,20
VII 178,17–180,12; 171,1–2; 171,8–10
172, 1–173, 6; 175,18-22
174, 4–14
176,18–177, 3
214, 1– 5

VII 215,23
217, 5–17
218, 8–220,16
224,14–18
225,12–17
226, 1– 6

VIII.

Текстъ Коломенской Палеи, взятый въ краткую Палею (Погодин., Срезневск.).

199,25–200,21	296,24–297, 2	346,13–15	392,15–27
201,19–202, 8	297, 6–300, 7	346,24–347, 2	395, 9–15
206,21–	305,21–306,24	347,18-19	395,20–21
228,16–229,22	307, 2– 4	347,22–23	395,25–27
229,28–230,27	307,24-308, 2	348, 1– 3	475,14–18
231–243	308, 7–309, 2	348,10–13	475,19–24
243,22–26	332,15–20	348,17–19	476, 8– 9
245,10–246,19	333,20–25	348,25–26	476,12–20
258, 3–22	333,26–334, 7	349, 3– 7	476,23–477,11
259,22–260, 3	334, 7–10	349, 9–10	477,26–28
260, 3–17	334,10–335, 4	349,16–19	478, 2– 4
262,14–23	336, 1–28	350, 2–351, 9	478, 5– 7
263, 5– 9	337,11–13	351,15–16	478, 8–17
264, 2– 6	337,17–20	351,26–352,12	478,27–479,10
264, 6–17	338, 8–11	353, 1– 5	479,22–25
264,21–265,24	338,15–24	353,14–355,18	480, 3– 6
266, 9–23	339, 7–14	355,27–357,16	480,12–16
269,23–26	340,10–11	357,21–358,19	480,23–481,15
270,16–271,18	340,14–22	358,26–359,27	482, 7–18
275,14–276, 6	341,22	360,26–361,19	484,14
278,27–281, 6	342, 4– 9	362, 5– 9	485,13
283,28–285, 6	342,23–343, 5	363, 6– 8	491, 2–16
286,26–287,13	343, 8–344,20	363,10–15	491,27–28
287,28–288, 6	344,20–22	363,15–364,10	492,11–12
288,12–13	344,26–28	364,15–20	492,28–493, 2
288,20–23	345, 3– 5	364,20–365,23	493,26–494,15
289,15–290, 9	345,15–19	366, 8–13	495, 3– 5
290, 9–14	345,25–27	367, 5– 7	495, 9
290,27–291,17	346, 3– 4	368, 8–26	495,12–496, 5
293,21–294,16	346, 5– 7	389,27–392, 7	497, 3–498,17

499, 8–15
502,18–503, 5
510,27–511, 8
511,11–513,13
515,21–517, 2
517,15–518,24
519,21–520,11
520,26–521,18
521,25–522, 8
522,17–523,25
524, 4–525,16
526,12–527,18
527,21–531,13
533,20–534,21
535, 3–20
536,18–537, 4
541,15–542,19
543,18–556, 7
559, 1–560,16
561, 4–15
561,26–562, 5
562, 9–16
562,23–563,10
563,17–21
564, 2– 9
565,10–566, 1
566,11–567, 6
567,16–568,27
569, 5–571,17
572,14–573, 1
573,13–574, 7
574,17–578, 7
579, 3–580, 5
581,18–582,16
582,23–583,28
585,12–588,21
590, 1–22
592,23–593, 1
593,28–594,26
595, 6–597, 8
606,26–609,14
609,21–28
610, 5–618,12
619, 3–620, 4
620,19–621,17
621,21–622,21
638,24–646,12
646,15–648, 9
651,10–656,11
657, 1–15
658,11–28
659,15–660,26
662, 8–664, 8
664,14–668,14
669, 1–672,24
673,20–674,10
674,20–678, 4
678,28–680,14
680,23–684, 4
684,10–687,22
693,24–694,26
695,28–698, 6
698,21–28
699,12–701,14
719,13–759,24
761,21–774,25
805,19–809, 6
809, 6–810,14
810,27–812,13
812,25–813, 3
814,12–17

В. Истринъ.

Библіографія.

Новѣйшіе нѣмецкіе труды по исторіи русской литературы.

(Критико-библіографическія замѣтки).

I.

Труды Laixner'a, Norrenberg'a и Karpeles'a.

Изъ всѣхъ проявленій русскаго духа, кажется, наибольшимъ признаніемъ и уваженіемъ пользуется на Западѣ русская литература; какъ художественная, такъ особенно идейная сторона послѣдней, ея общественно-реалистическое самобытное направленіе въ XIX в. обращали на себя вниманіе французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, западно- и южно-славянскихъ критиковъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія отзывы западно-европейской критики касались обыкновенно отдѣльныхъ явленій русской литературы, отдѣльныхъ ея представителей, и были разсѣяны, преимущественно, по періодическимъ изданіямъ. Опыта систематическаго обозрѣнія русской литературы на Западѣ не было, насколько намъ извѣстно, вплоть до появленія на русскомъ языкѣ въ 1822 г. «Опыта исторіи русской литературы» Н. Греча. Появленіе этой далекой отъ совершенства, но важной для своего времени книги дало толчекъ къ возникновенію обзоровъ русской литературы прежде всего у нѣмцевъ, а затѣмъ и другихъ народовъ Европы. Что касается нѣмцевъ, о которыхъ исключительно и будетъ идти рѣчь въ настоящихъ нашихъ замѣткахъ, то у нихъ старѣйшимъ опытомъ историческаго обозрѣнія русской литературы долженъ быть признанъ трудъ König, Literarische Bilder aus Russland, Stutgardt, 1837. Не задаваясь въ своихъ настоящихъ замѣткахъ цѣлью обозрѣнія всѣхъ старѣйшихъ нѣмецкихъ трудовъ по исторіи русской литературы, такъ какъ

рѣчь объ этомъ идетъ у насъ въ другомъ мѣстѣ [1]), мы ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ, подготовлявшихъ почву для появленія спеціально разсматриваемыхъ нами новѣйшихъ нѣмецкихъ трудовъ по исторіи русской литературы. Упомянутый трудъ Кенига появился на нѣмецкой почвѣ не безъ русскаго участія: въ немъ, какъ видно изъ предисловія, принималъ дѣятельное участіе г. Мельгуновъ, который въ свою очередь, какъ показываетъ весьма интересная полемика Греча и Мельгунова, исходилъ въ своей работѣ изъ труда Греча. Правда направленіе, подборъ и группировка фактовъ и самый способъ изложенія у Греча и у Кенига-Мельгунова сильно расходились между собой, но о самостоятельности перваго нѣмецкаго обозрѣнія русской литературы, конечно, не можетъ быть рѣчи. Книга Кенига была не только сочувственно принята въ Германіи, но и въ Англіи, Франціи и Голландіи, на языки которыхъ она была переведена.

Трудъ Кенига не долго остается одинокимъ и у себя на родинѣ; вскорѣ за нимъ появляется на нѣмецкомъ языкѣ «I. Iordan. Geschichte der russischen Literatur, Leipzig, 1846 г.», трудъ, по словамъ автора, «обработанный по русскимъ источникамъ», но въ сущности представляющій частью переводъ, частью пересказъ критико-литературныхъ статей Отечественныхъ Записокъ за 1843 г. Послѣ появленія указанныхъ трудовъ Кенига и Іордана нѣмецкое общество долгое время должно было довольствоваться ими: вниманіе знатоковъ русской литературы среди нѣмцевъ сосредоточивалось главнымъ образомъ на переводахъ съ русскаго, восполняемыхъ порой не только вполнѣ удачно, но и въ системѣ, напр. у «Minzloff'a» въ его «Beiträge zur Kenntniss der poetischen und wissenschaftlichen Litteratur Russlands, Berl. 1854», у извѣстнаго Боденштедта, переводившаго Пушкина (1854 — 5), Лермонтова (1852), Тургенева (1864) и др. Подвергались серьезному и часто самостоятельному изслѣдованію различныя явленія и общій укладъ русской жизни и русской исторіи въ трудахъ преемниковъ въ этомъ отношеніи знаменитаго Гердера, какъ напр. у «Haxthausen, Studien über die innere zustände, das Volksleben und inbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands (1846—52), у того же Боденштедта «Russ. Fragmente» и др. Явленія русской литературы оцѣнивались порой и са-

1) Въ статьяхъ изъ «Отчета о заграничной командировкѣ», предназначенныхъ къ печатанію въ Ж. М. Н. Пр.

мостоятельно, и мастерски, но не въ системѣ Варнгагеномъ-фонъ-Энзе, Минцлофомъ, Боденштедтомъ, Вольфсономъ и др. Въ общемъ изложеніи исторіи всемірной литературы І. Шерра отводится русской литературѣ сжатый и мало оригинальный очеркъ, да въ 80 годахъ появляются два спеціальныхъ, но не заслуживающихъ серьезнаго вниманія труда, именно: «Honegger, Russische Literatur und Kultur, Leipz. 1880» и «Haller, Geschichte der Russischen Literatur, Riga 1882». Первый съ большими претензіями и съ крайне легковѣснымъ содержаніемъ трудъ возымѣлъ однако успѣхъ у своихъ соотечественниковъ и не мало содѣйствовалъ развитію отрицательныхъ взглядовъ на Россію какъ бы въ противовѣсъ взглядамъ Гердера, Варнгагена, Гакстхаузена, Боденштедта и др. Второй трудъ, составленный русскимъ нѣмцемъ, представляетъ собою извлеченіе и отчасти обработку изъ «Курса исторіи русской литературы Петрова», достоинства и недостатки котораго раздѣляетъ и онъ.

Крупнымъ и первымъ цѣннымъ, а потому и пользующимся у насъ достаточною извѣстностью нѣмецкимъ трудомъ по исторіи русской литературы является «Reinholdt, Geschichte der russische Litteratur, Leipz. 1886». Основательное знакомство съ русской научной литературой, широкое знакомство съ нѣмецкими пособіями, серьезность тона и обстоятельность изложенія являются неотъемлемыми достоинствами этого уже не разъ рецензированнаго труда. Въ настоящее время онъ, конечно, является недостаточнымъ, такъ какъ доведенъ лишь до 80 годовъ. Что дали нѣмецкіе труды по исторіи русской литературы въ позднѣйшее время, постараемся рѣшить путемъ ихъ разсмотрѣнія.

Въ послѣдніе годы XIX столѣтія появилось два новыхъ нѣмецкихъ труда по исторіи всеобщей литературы, на страницахъ которыхъ отведено мѣсто и литературамъ славянства и главнымъ образомъ русской; это — труды «*Otto Laixner,* Geschichte der fremden Literaturen», Leipz. 1898 г. и «*Norrenberg,* Allgemeine Literaturgeschichte», Münster, 1899. Въ первомъ изъ указанныхъ трудовъ спеціально русской литературѣ посвящены стр. 437—477 во II томѣ, но и при общихъ замѣчаніяхъ о славянствѣ и славянской народной поэзіи (стр. 421—37) мы встрѣчаемся съ упоминаніями о Россіи.

Такъ, изложивъ не безъ тенденціознаго сгущенія красокъ первоначальную исторію всѣхъ славянскихъ племенъ, вышедшихъ на арену исторіи раньше русскихъ, авторъ говоритъ объ основаніи въ 864 г. пришельцами-варягами русско-славянскаго государства

при чемъ, по его словамъ, германскіе побѣдители «лишь мало-помалу приняли языкъ и нравы побѣжденныхъ славянъ». Послѣ сообщенія свѣдѣній о религіозныхъ воззрѣніяхъ древнихъ славянъ по Прокопію и общихъ замѣчаній о славянскихъ языкахъ, которые въ силу обилія особенностей «не могли выработать общаго языка письменности», начинается характеристика славянской лирической и эпической поэзіи, и не безынтересной является фраза, сопровождающая сужденіе о пѣвучести славянъ «an Singenlust können sich die Slaven mit jedem Volke des Erde, *selbst mit uns* messen». Даже съ нѣмцами допускается въ данномъ случаѣ сравненіе славянъ! Мало того, авторъ не забываетъ отмѣтить жизненность народной лирической пѣсни у славянъ и до сихъ поръ, указывая на сербовъ, но забывая упомянуть русскихъ; указывается и преимущество славянской народной поэзіи передъ французской и нѣмецкой, о чемъ говорится слѣдующими словами: ihre (слав. пѣсни) Erothik, nur selten derb, kennt nicht jene Obscönitäten, die das französische und das deutsche so oft entstellen». Правда, еслибы авторъ ознакомился съ характеромъ эротики народной русской пѣсни по полному изданію Кирши Данилова или по народнымъ картинкамъ въ изданіи Ровинскаго, то, быть можетъ, увидѣлъ бы, что эротика остается эротикой.

При разсмотрѣніи эпической поэзіи славянъ, начатомъ съ Чешскихъ Зеленогорской и Краледворской рукописей, отмѣчается и русскій памятникъ XII вѣка «Слово о полку Игоревѣ», о которомъ однако говорится: «нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и здѣсь (какъ съ чешскими рукописями) дѣло не обошлось безъ благочестиваго обмана (ein frommer Betrug).

Русскія былины, названныя «Historische Romanzen der Russen», сопоставляются съ нѣмецкими пѣснями объ Артурѣ и Карлѣ, и какъ изъ «Слова о Полку Игоревѣ», такъ и изъ нихъ приводятся образцы въ переводѣ; даются и образцы лирическихъ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ въ переводахъ Боденштедта, Венцига и Гетце, но объ остальныхъ видахъ народно поэтическаго творчества, какъ то историческихъ пѣсняхъ, духовныхъ стихахъ, легендахъ, сказкахъ, загадкахъ, пословицахъ и т. д. упоминаній не находимъ.

Приступая къ обозрѣнію русской литературы, авторъ опровергаетъ ходячее мнѣніе о духовномъ мракѣ на Руси до XVIII в. и начинаетъ съ разсмотрѣнія древнерусскихъ языка, литературы и культуры. Уже въ этомъ признаніи наличности корней у русскаго культурнаго развитія нельзя не видѣть преимущества автора пе-

редъ многими позднѣйшими нѣмецкими историками русской литературы, отрицавшими всю духовную работу до-Петровской Руси частью въ силу тенденціозности, частью въ силу неосвѣдомленности въ этой области. Основательно выяснивъ значеніе христіанства, славянскаго богослуженія и просвѣщенія въ до-Монгольской Руси, отмѣтивши роль духовенства въ дѣлѣ просвѣщенія, поднятія нравственности, въ проповѣдничествѣ, исторіографіи и т. д., авторъ допускаетъ однако странный промахъ, говоря объ окончаніи указанной эпохи слѣдующими словами: «Mit Konstantin am Anfange des XIII Jahrhundertes endete diese erste Epoche». Кого разумѣетъ онъ подъ этимъ Константиномъ? Если нѣтъ особаго труда разобраться въ такихъ искаженіяхъ именъ, какъ Luka *Idi*ata вм. Лука Жидята и т. п., съ которыми мы встрѣчаемся въ книгѣ О. Лейкснера, то разрѣшить, кто скрывается подъ этимъ Константиномъ XIII вѣка, не такъ то легко.

Озаглавивъ слѣдующій отдѣлъ «Tataren- und Mongolen Herrschaft», авторъ допускаетъ странность уже въ самомъ заглавіи, а затѣмъ и содержаніе этого отдѣла не соотвѣтствуетъ заглавію, такъ какъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ идетъ рѣчь о періодѣ отъ XIII в. до самаго Петра I.

Отмѣтивши печальныя послѣдствія монгольскаго ига, задержавшаго культурное развитіе народа и привившаго русскимъ несвойственныя имъ раньше черты, авторъ вполнѣ научно слѣдитъ постепенное развитіе западной струи въ русской жизни и литературѣ, начиная съ половины XVI в. и до Петра Великаго. Пробѣломъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ долженъ быть признанъ пропускъ авторомъ такихъ далеко не безразличныхъ съ культурно-исторической и литературной точекъ зрѣнія произведеній, какъ, проповѣди Серапіона, сочиненія Ив. Грознаго и кн. Курбскаго, Стоглавъ, Домострой и «Записки» Котошихина, коль скоро съ достаточною подробностью идетъ рѣчь о школьной драмѣ, польскомъ вліяніи, духовныхъ писателяхъ и т. д.

Литература Петровской и послѣдующей эпохъ разсматривается авторомъ достаточно подробно; такъ, характеризуются Ѳ. Прокоповичъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Фонвизинъ, Державинъ, Капнистъ изъ писателей XVIII в. и дается общая характеристика ложноклассическаго направленія въ русской литературѣ; приводятся попутно съ изложеніемъ и образцы изъ произведеній упоминаемыхъ поэтовъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Нѣсколько словъ посвящается и вопросу о возникновеніи русскаго театра. Встрѣ-

чается однако при обозрѣніи литературы XVIII в. и рядъ крупныхъ недочетовъ: такъ, при характеристикѣ ложноклассицизма въ русской литературѣ совершенно оставлены безъ вниманія попытки созданія ложноклассическаго эпоса; не отмѣчена литературная дѣятельность Озерова и классиковъ съ Муравьевымъ во главѣ, и совершенно упущены изъ виду такія крупныя явленія, какъ дѣятельность Новикова, Радищева и сатирическая литература XVIII в. Не мало и обычныхъ въ нѣмецкихъ трудахъ ошибокъ при передачѣ русскихъ фамилій и собственныхъ именъ, такъ напр. Фонвизинъ называется «Iwanowitsch von Wizin», Аблесимовъ — Ablosinow и т. д.

При характеристикѣ сентиментализма и романтизма разсматривается дѣятельность Карамзина и Жуковскаго съ достаточной полнотой и удовлетворительностью; не забывается споръ карамзинистовъ и шишковистовъ, и путемъ изображенія борьбы старшаго и младшаго поколѣній дѣлается переходъ къ характеристикѣ литературной дѣятельности Грибоѣдова и его «Горе отъ ума» (Verstand schafft Leiden), которое разсматривается, какъ «eine lebendige Gegenerklärung den herrschenden Gewalten gegenüber». Изъ пробѣловъ при характеристикѣ дѣятельности указанныхъ писателей наиболѣе бросаются въ глаза: отсутствіе упоминаній о «Свѣтланѣ» Жуковскаго при обозрѣніи его оригинальныхъ произведеній, недостаточная отчетливость въ характеристикѣ «Арзамаса», неполнота характеристики героевъ «Горе отъ ума» и т. д. Литературная дѣятельность А. С. Пушкина разсматривается въ связи съ его біографіей довольно обстоятельно. «Русланъ и Людмила» признается однако «первымъ міровымъ произведеніемъ русской литературы» (das erste weltlitterarische Werk der russischen Poesie»), произведеніемъ національнымъ и по матеріалу, и по изображенію. Упоминаются сатирическія, политическія, эпиграмматическія произведенія Пушкина, за которыя ему пришлось поплатиться; отмѣчаются основныя черты его творчества и разсматриваются «Борисъ Годуновъ», сравниваемый съ Гетевскимъ «Götz von Berlichingen», лирика и эпосъ, Евгеній Онѣгинъ, сопоставляемый съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона, но признаваемый совершенно оригинальнымъ произведеніемъ «памятникомъ въ изображеніи нравовъ (sittengeschichtliches Denkmal)». Въ особенную заслугу автору слѣдуетъ поставить обстоятельность въ указаніи переводовъ Пушкинскихъ произведеній на нѣмецкій языкъ, а равно и обиліе удачно переведенныхъ образцовъ Пушкинской поэзіи.

На основаніи писемъ и лирическихъ произведеній характери-

зуется далѣе личность Лермонтова и разсматриваются его «Демонъ», «Пѣснь о царѣ Иванѣ Васильевичѣ» и «Герой нашего времени», при чемъ особенно высоко ставятся его «полный силы и жизни языкъ» и произведенія на темы, навѣянныя Кавказомъ.

Нельзя далѣе не отмѣтить пробѣла въ обрисовкѣ Пушкинской школы поэтовъ и слѣдуетъ признать одной изъ наиболѣе слабыхъ частей разсматриваемаго труда характеристику Гоголя; правда, авторъ признаетъ глубину Гоголевскаго изображенія русской жизни, отдаетъ должное его юмору, реализму и общественному направленію, ярко выразившемуся въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ»; не можетъ вызывать возраженій и установленіе связи Гоголя съ школой романтической, съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, а равно сопоставленіе его первыхъ произведеній съ произведеніями Гофмана, но недостаточное знакомство автора съ біографическими данными о Гоголѣ, незнаніе постепеннаго развитія Гоголевскаго міровоззрѣнія вызываютъ у автора цѣлый рядъ совершенно неосновательныхъ сужденій о личности Гоголя и объ его литературной дѣятельности послѣдняго періода. Гоголевскій поворотъ съ пути обличенія общественныхъ пороковъ къ проповѣди нравственнаго усовершенствованія, а равно стремленіе Гоголя отыскать въ русской жизни свѣтлыя стороны авторъ наивно приписываетъ желанію угодить императору Николаю I и выпросить у него пенсію. Всякій серьезно изучавшій творчество и переписку Гоголя можетъ, конечно, по достоинству оцѣнить подобныя сужденія, равно какъ приписываніе Гоголю идеи объ «образованіи изъ Россіи всемірной православной монархіи» или сообщенія въ родѣ такихъ, что «Гоголь былъ найденъ въ своей комнатѣ умершимъ отъ голода, вѣроятно, какъ сообщаютъ, отъ продолжительнаго поста» и т. п. Но если у знакомыхъ съ Гоголевскимъ вопросомъ, да и вообще у большинства русскихъ читателей часто будетъ появляться или улыбка, или выраженіе недоумѣнія при чтеніи сообщеній о Гоголѣ въ книгѣ Лайкснера, то западно-европейскіе читатели, для которыхъ, собственно, и предназначена книга легко могутъ быть введены въ заблужденіе и составить себѣ превратное представленіе о виднѣйшемъ представителѣ художественнаго реализма и общественнаго направленія въ русской литературѣ.

Значительно удачнѣе характеризуетъ авторъ личность и творчество критика Гоголевскаго періода В. Г. Бѣлинскаго, какъ «пророка реализма» и какъ горячаго общественнаго борца, «который, говоритъ авторъ, познакомился бы съ Сибирью, еслибы смерть не

унесла его въ преждевременную могилу». Послѣ сопоставленія реализма въ русской литературѣ съ реализмомъ въ творчествѣ Диккенса, Теккерея и Ж. Зандъ, авторъ приступаетъ къ характеристикѣ личности и творчества Тургенева; отмѣчается важное значеніе Записокъ Охотника и производится оцѣнка общественныхъ романовъ Тургенева; выясненіемъ причинъ разлада Тургенева съ русскимъ обществомъ и характеристикой Тургенева, какъ типичнаго «русскаго славянина, который легко воспламеняется, но и быстро устаетъ, какъ почти всѣ славяне» заканчивается посвященный Тургеневу отдѣлъ. Врядъ ли однако могутъ быть оправданы и подтверждены фактами многія изъ высказываемыхъ авторомъ взглядовъ и изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о Тургеневѣ. Неизвѣстно, напр., откуда почерпнулъ авторъ свѣдѣнія о необыкновенномъ вниманіи къ Тургеневу имп. Николая («Väterchen Nikolaus», какъ называетъ его авторъ) и о намѣреніи при первомъ же удобномъ случаѣ его засадить въ тюрьму; если тутъ имѣется въ виду заключеніе Тургенева за статью по поводу смерти Гоголя, то было бы слишкомъ смѣло приписывать это подозрительному вниманію къ начинающему писателю самого императора Николая. Не достаточно основательными являются и разсужденія автора объ отличительныхъ чертахъ русской натуры вообще при характеристикѣ личности и творчества Тургенева.

Послѣ выясненія тѣсной связи русской литературы съ общественною жизнью и указанія безуспѣшности въ Россіи теоріи искусства для искусства, авторомъ разсматривается развитіе русскаго романа подъ перомъ Гончарова, Писемскаго, Достоевскаго и гр. Л. Толстого, при чемъ дѣятельность указанныхъ писателей выясняется удовлетворительно; цѣнными должны быть признаны указанія вліянія Достоевскаго на молодыхъ писателей Германіи, Франціи, Скандинавіи и Голландіи, а равно выясненіе міроваго значенія творчества «великаго писателя земли русской». Внимательно относится авторъ и къ философіи, и къ педагогической дѣятельности гр. Л. Толстого. Помимо указанныхъ корифеевъ русскаго романа, характеризуются гр. А. Толстой, какъ авторъ историческаго романа «Князь Серебряный», и В. М. Гаршинъ, какъ даровитый послѣдователь Достоевскаго; вліяніе французскаго натурализма усматривается авторомъ въ творчествѣ Боборыкина.

Послѣдніе отдѣлы своего труда авторъ посвящаетъ вопросамъ о развитіи русской драмы и лирики. По отношенію къ первой онъ высказываетъ мнѣніе, что драматическое творчество менѣе свой-

ственно русскому духу, чѣмъ романо-повѣствовательное; какъ авторъ трагедій упоминается лишь гр. А. Толстой, при чемъ объ освѣдомленности автора въ трактуемомъ имъ вопросѣ можетъ свидѣтельствовать хотя бы то, что извѣстная трилогія гр. А. Толстого подраздѣляется въ его изложеніи на такія части: 1) Joann. IV Tod, 2) *Don Jouan*, 3) Czar Boris. При характеристикѣ сатирической комедіи, послѣ бѣглаго упоминанія о Грибоѣдовѣ и Гоголѣ, подробнѣе разсматривается комедія Островскаго. Драматическія произведенія современниковъ и преемниковъ Островскаго оставляются безъ вниманія.

При разсмотрѣніи вопроса о русской лирической поэзіи авторъ останавливается на творчествѣ Кольцова и Никитина, какъ народныхъ поэтовъ, Некрасова, какъ поэта реалиста и сатирика, борца за бѣдныхъ и обиженныхъ, Ив. Аксакова, какъ вождя панславистовъ, отличающагося серьезностью (Ernst der Gesinnung), Фета, какъ поэта чистаго искусства, и А. Майкова, какъ поэта «тенденціознаго и представителя узкаго руссизма» (?) (tendenziose Dichtung, engste Russentum). Оставляя безъ вниманія творчество такихъ далеко не безразличныхъ въ идейномъ или же художественномъ отношеніи поэтовъ, какъ Плещеевъ, Надсонъ, Полонскій, Жемчужниковъ, К. Р., Голенищевъ-Кутузовъ, авторъ неудачно съ точки зрѣнія послѣдовательности заканчиваетъ свой трудъ о русской литературѣ краткимъ упоминаніемъ о литературной дѣятельности баснописца И. А. Крылова и сатирика Салтыкова-Щедрина. Школа народническая съ такими представителями, какъ Г. Успенскій, Златоврацкій, Рѣшетниковъ, крупная по своему значенію, хотя и не продолжительная литературная дѣятельность Помяловскаго, творчество важныхъ съ исторической и этнографической точекъ зрѣнія писателей, какъ Данилевскій, Лѣсковъ, Мельниковъ, Максимовъ, Мордовцевъ и др. все это оставлено авторомъ безъ упоминанія; крупный пробѣлъ наблюдается и въ сообщеніяхъ о русскихъ критикахъ, изъ которыхъ отмѣчаются лишь Бѣлинскій и Чернышевскій, но напр. ни о Добролюбовѣ, ни о Писаревѣ, не говоря уже о болѣе новыхъ, не сказано ни слова.

Новѣйшей русской литературы авторъ не касается, объясняя это слѣдующимъ образомъ: «Не стоитъ называть именъ изъ новѣйшаго времени. Духовная жизнь Россіи стоитъ на поворотѣ. Приведетъ ли онъ творчество къ новому разсвѣту, опредѣлить едва ли можно». Такими довольно странными словами заканчивается въ книгѣ О. Лайкснера отдѣлъ о русской литературѣ,

давшей въ новѣйшее время А. П. Чехова, Короленко, Горькаго и др.

Не мало, какъ мы видѣли, и крупныхъ пробѣловъ и мелкихъ недочетовъ въ трудѣ О. Лайкснера. Но безусловно придется признать, что трудъ г. Лайкснера, поскольку въ немъ идетъ рѣчь о русской литературѣ, стоитъ неизмѣримо выше второго изъ упомянутыхъ нами трудовъ и по обстоятельности, и по освѣдомленности автора въ трактуемомъ имъ вопросѣ, а равно по отсутствію тѣхъ явныхъ нелѣпостей, съ которыми мы встрѣчаемся у г. Норренберга.

Въ этомъ долженствующемъ быть ученымъ трудѣ рѣчь о русской литературѣ идетъ въ III томѣ (стр. 492 и слѣд.).

Закончивши въ отдѣлѣ о славянскихъ литературахъ свой болѣе чѣмъ поверхностный обзоръ чешской литературы, авторъ говоритъ, переходя къ обозрѣнію русской литературы:

«Если мы назвали чеховъ авангардомъ панславизма, то русскіе—сильная, желѣзная опора славянства (der gewaltige, eiserne Bestand des Slaventhums).

Послѣ общихъ неосновательныхъ, какъ мы увидимъ дальше, разсужденій *о грубомъ*, но якобы *неизбѣжномъ и единственно возможномъ и пригодномъ для Россіи ея строѣ*, авторъ посвящаетъ по нѣскольку словъ вопросамъ о русскомъ языкѣ, о народной поэзіи, о Словѣ о Полку Игоревѣ, изъ котораго дѣлается небольшое извлеченіе въ нѣмецкомъ переводѣ, говорится затѣмъ нѣсколько словъ о церковной литературѣ и лѣтописяхъ и отмѣчается: «за исключеніемъ народныхъ пѣсенъ и цикла эпическихъ сказаній, русская литература имѣла въ себѣ мало славянскаго; она является чисто иноземнымъ растеніемъ — да и не могло быть, чтобы подъ кнутомъ и цензурой возникла болѣе или менѣе свободная отечественная литература, въ особенности при томъ глубокомъ погруженіи въ варварство, которое имѣло мѣсто у большаго числа самодержцевъ, какъ и у самого Петра Великаго, съ царствованія котораго возникаетъ русская литература и великорусскій діалектъ одерживаетъ побѣду». Какая масса неправильностей, чтобы не сказать больше, и противорѣчій заключается въ этомъ приговорѣ, ясно само собою. Но это еще пока, какъ говорится, цвѣточки, а ягодки впереди: послѣ двухъ-трехъ словъ о Кантемирѣ, какъ писателѣ, и разсказа о встрѣчѣ его съ Ст. Конарскимъ въ французскомъ салонѣ, строгій къ національной варварской русской литературѣ авторъ находитъ національнаго поэта; это — В. Тредіаковскій, который, по

словамъ автора, «nur der einzige betonte das Nationale und suchte die altslavische Sprache zur Herrschaft bringen». Послѣ нагроможденія именъ Ломоносова, Поповскаго, Сумарокова, Княжнина, Фонвизина, Державина, «автора «Felicia», писавшаго въ стилѣ Руссо», Карамзина, Димитріева, Жуковскаго, Батюшкова, доходимъ мы до «наслѣдника Державина, Жуковскаго и Батюшкова *графа А. С. Мусинъ-Пушкина* (Al. S. Graf Musin-Puschkin, der Erbe Derschavins, Schukowskij's, Batjuskow's). Изложеніе жизни и литературной дѣятельности этого «графа» начинается съ описанія «встрѣчи поэта-якобинца на пути при вступленіи на престолъ Николая» (bei der Thronbesteigung Nikolaus) съ зайцемъ, старой женщиной и собакой и о возвращеніи суевѣрнаго якобинца домой изъ боязни несчастія.

Узнаемъ затѣмъ о ссылкѣ Пушкина послѣ появленія его оды «Къ свободѣ» въ Бессарабію, гдѣ онъ «въ 1820 г. пишетъ свой эпосъ Русланъ и Людмила и другія произведенія въ романтическомъ духѣ». Сообщается затѣмъ, какъ, «по полученіи въ 1825 г. благоволенія царя» и по назначеніи «государственнымъ исторіографомъ», Пушкинъ возвращается въ Петербургъ и «съ тѣхъ поръ творчество Пушкина было подъ Байроновскимъ вліяніемъ» (seitdem war Puschkins Dichtung von Byron beeinflusst)... Нарочно приводимъ и нѣмецкій текстъ, такъ какъ съ трудомъ вѣрится, чтобы можно было писать такія нелѣпости, какъ вышеприведенныя. Врядъ ли стоитъ распространяться о научныхъ достоинствахъ разсматриваемаго труда и объ основательности того знакомства съ русской литературой, которое можетъ вынести нѣмецкій читатель изъ чтенія труда Норренберга. Для примѣра освѣдомленности автора въ тѣхъ вопросахъ, рѣшать которые онъ берется, приведемъ еще хотя бы слѣдующее мѣсто его произведенія: «къ славянофиламъ принадлежатъ Ив. Аксаковъ, Ив. Никитинъ и Н. Некрасовъ, самый ярый нигилистическій поэтъ самаго реалистическаго — да простятъ мнѣ «суфоническій суперлативъ» — направленія, девизомъ котораго было: «кусокъ сыра цѣннѣе всего Пушкина» (N. Nekrasow, ein verbitterster nihilistischer Dichter realistischster — man verzeihe den euphonischen Superlativ—Richtung, dessen Credo in dem Bekentniss gipfelt «Ein Stück Käse ist mehr wert, als der ganze Puschkin»).

Послѣ далекихъ отъ обстоятельности и серьезности характеристикъ русскихъ писателей 40 и 60 годовъ, авторъ замѣчаетъ: «болѣе свободнаго поэтическаго духа не могло развиться на святой Руси, въ чемъ виноваты извѣстныя отношенія и старыя традиціи,

которыя въ краткихъ словахъ можно выразить «Петропавловская крѣпость» и «Сибирь».

Неоднократно характеризуя самыми мрачными красками политическій и общественный строй Россіи, авторъ допускаетъ сплошь и рядомъ смѣшеніе понятій, нелогичность и тому подобные промахи. Какъ одинъ изъ образцовъ приведемъ его характеристику единодержавія въ Россіи и разсужденія о неспособности русскаго народа къ политической свободѣ. Вотъ что читаемъ мы у г. Норренберга:

«Единая воля властвуетъ надъ этимъ насильственнымъ деспотическимъ государствомъ отъ Балтійскаго моря до восточно-азійскихъ береговъ, отъ Крыма до Ледовитаго океана, и этотъ насильственный колоссъ все еще помышляетъ о дальнѣйшемъ распространеніи. Напрасно бы мы искали на святой Руси государственной жизни, въ которой бы принималъ участіе народъ, участвовавшій въ строеніи этого колоссальнаго государства; воля царя — все (der Wille des Zaren ist Eins und Alles).... И вѣдь это для русскаго государства, при доброй волѣ его правителей, единственная возможная форма правленія, такъ какъ народы его не созрѣли даже для ограниченной свободы. Свою культурную миссію Россія можетъ выполнять только такимъ образомъ, какъ она есть, или ей нужно отъ этой миссіи отказаться».

Говоря безпрестанно о томъ, что въ Россіи «мысль связана, скована» и т. д., что «плата за свободную мысль — свобода», не стѣсняясь сгущать краски до nec plus ultra, г. Норренбергъ въ то же время признаетъ, что лишь при такихъ условіяхъ и возможна «культурная миссія Россіи».

Непонятно послѣ всѣхъ подобныхъ разсужденій, о какомъ же «Auferstehung» онъ говоритъ, заканчивая свой обзоръ русской литературы. При этомъ заключеніи своего произведенія г. Норренбергъ говоритъ объ отсутствіи у русскихъ религіозной поэзіи, обнаруживая какъ свою неосвѣдомленность въ дѣлѣ, о которомъ судитъ, такъ и неосновательность причинъ, которыя приводитъ, когда заявляетъ: «Въ закостенѣлой русской церковщинѣ, въ кругахъ поповъ, не могло, конечно, развиться никакой религіозной поэзіи — а какая полнота поэзіи дремлетъ въ русскомъ народѣ! быть можетъ воскреснетъ она въ будущія времена».....

Такъ полонъ различныхъ недостатковъ одинъ изъ новыхъ нѣмецкихъ трудовъ, по которому заграничное общество знакомится съ Россіей!

Проходитъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія вышеуказанныхъ нѣмецкихъ трудовъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о русской литературѣ, и появляется въ 1901 г. новый трудъ «*Karpeles.* Algemeine Geschichte der Litteratur, Berlin».

Въ этомъ трудѣ, отличающемся отъ раньше упомянутыхъ между прочимъ тѣмъ, что онъ является иллюстрированнымъ, русской литературѣ отведены стр. 789—811 во 2-мъ отдѣлѣ второго тома.

Авторъ этого труда начинаетъ обзоръ русской литературы съ указанія, что «первое мѣсто среди всѣхъ славянскихъ племенъ занимаетъ, какъ по своей величинѣ, такъ и по политическому значенію русскій народъ».

Обрисовавши обширность границъ русскаго племени, вдохновлявшую, какъ извѣстно, многихъ славянскихъ и русскихъ поэтовъ, авторъ говоритъ, что «русскій народъ, вступивши въ исторію послѣднимъ изъ славянскихъ народовъ, далеко превзошелъ всѣ славянскія племена благодаря своему развитію со времени Петра Великаго до нашихъ дней».

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній дѣлается характеристика 3 вѣтвей русскаго языка: великорусской, которой суждено было, по не совсѣмъ правильному мнѣнію автора, сдѣлаться «литературнымъ языкомъ всей страны», малорусской и бѣлорусской. О малорусской вѣтви русскаго языка авторъ замѣчаетъ, что ученые до сихъ поръ еще не пришли къ заключенію, считать ли малорусскій языкъ особымъ языкомъ или нарѣчіемъ (Mundart) общерусскаго языка; бѣлорусское нарѣчіе признается «правительственнымъ языкомъ Литвы». Въ борьбѣ народной стихіи языка съ языкомъ церковно-славянскимъ и въ выработкѣ на почвѣ этой борьбы литературнаго языка г. Карпелесъ видитъ главнѣйшій смыслъ древняго періода русской литературы и отдаетъ полную справедливость достигнутымъ въ концѣ концовъ результатамъ. «Русскій языкъ, говоритъ онъ, является однимъ изъ благозвучнѣйшихъ славянскихъ языковъ. Онъ мягокъ, гибокъ и сглаживаетъ гласными звуками жесткость согласныхъ. Трудами новѣйшихъ русскихъ писателей русскій языкъ возстановилъ свои древнія жизненныя силы».

Вслѣдъ за сочувственной характеристикой русскаго языка идетъ довольно обстоятельный обзоръ русской народной поэзіи; съ бо́льшей подробностью и серьезностью, чѣмъ у Лайкснера и Норенберга, оцѣниваются различные виды народно-поэтическаго творчества, при чемъ у автора наблюдается страсть къ сопоставленіямъ, такъ напр. кн. Владиміръ русскихъ былинъ сопоставляется съ Артуромъ

и Карломъ нѣмецкихъ сагъ, циклъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ сопоставляется съ Иліадой и т. д.

Вполнѣ удовлетворительной является характеристика древнерусской письменности; подробности, мало интересныя нѣмецкому читателю, конечно, опущены, но все наиболѣе существенное отмѣчено; страннымъ является только нагроможденіе подъ общее названіе «kirchliche Schriftwerke» и «Моленіе Даніила Заточника», и «Хожденіе игумена Даніила» и «Поученіе Владимира Мономаха».

Отъ Петра Великаго ведетъ авторъ начало современной національной русской литературы. Изложеніе новой русской литературы страдаетъ калейдоскопичностью, объясняемой, вѣроятно, желаніемъ автора упомянуть имена всѣхъ не только виднѣйшихъ, но и второстепенныхъ ея дѣятелей въ ущербъ обстоятельности при характеристикѣ творчества главныхъ представителей русской литературы. Правда, у г. Карпелеса читатель встрѣчаетъ цѣлый рядъ совершенно упущенныхъ изъ виду гг. Лайкснеромъ и Норенбергомъ видныхъ дѣятелей русской литературы и мысли, каковы Новиковъ, Радищевъ, кн. Дашкова, В. Майковъ, Огаревъ, Языковъ, Хомяковъ и др. но, къ сожалѣнію, упоминанія о русскихъ писателяхъ XVIII—XIX в. настолько сжаты и кратки, что разсматриваемый отдѣлъ труда г. Карпелеса имѣетъ скорѣе библіографическо-справочную, чѣмъ историко-литературную цѣнность.

Не обходится, конечно, дѣло и безъ болѣе или менѣе крупныхъ недостатковъ въ характеристикѣ дѣятелей новой русской литературы.

Князь А. Д. Кантемиръ называется «A. Kantemir aus Konstantinopel»; при характеристикѣ поэтической дѣятельности Ломоносова авторъ называетъ его стихи «klangvolle»; Княжнинъ, нѣсколько смѣло, именуется «русскимъ Расиномъ»; отсутствуетъ характеристика литературныхъ направленій XVIII в. и не выясняется связь историко-литературныхъ явленій съ историко-культурными. Особенно неудачной, какъ и въ изложеніи г. Норренберга, является характеристика Н. А. Некрасова, признаваемаго представителемъ нигилизма въ русской поэзіи, ставящимъ «кусокъ сыра выше всего Пушкина, чуждымъ понятій о красотѣ формы» и т. д.

Наиболѣе удачными въ изложеніи г. Карпелеса являются: 1) характеристика славянофильской школы русскихъ поэтовъ, которой, вопреки мнѣніямъ многихъ заграничныхъ и русскихъ изслѣдователей, авторъ отдаетъ справедливость за ея горячій патріотическій тонъ, за ея нравственную энергію, юношескій пылъ, отсутствіе

страха даже передъ Сибирью при высказываніи своихъ убѣжденій и правды народу и абсолютному царю. Славянофильская поэзія, по мнѣнію автора, была «harte Warheiten in poetischen Form». Интересно, что съ мнѣніемъ г. Карпелеса вполнѣ сходятся относительно русскихъ славянофиловъ старшаго поколѣнія такіе солидные знатоки русской жизни и литературы изъ нѣмцевъ, какъ Haxthausen, Bodenstedt и др., лично знавшіе Аксаковыхъ, Хомякова и т. д.; 2) удачно выясняется роль русскихъ поэтовъ изъ евреевъ въ общемъ ходѣ литературы, при чемъ отмѣчаются заслуги Минскаго, Фруга и относимаго также къ евреямъ-поэтамъ С. Я. Надсона. Признавая русскую новѣйшую литературу «зеркаломъ жизни и времени» и признавая задачею будущаго ея развитія «сглаженіе романтическаго идеализма и нигилистическаго пессимизма», г. Карпелесъ слѣдующими не чуждыми напыщенности словами заканчиваетъ разсмотрѣніе русской литературы: «Русалка (?), муза русскаго Парнаса, подаритъ еще безъ числа пламенныхъ поцѣлуевъ и взмахи крыльевъ вѣчной поэзіи обвѣютъ степь такъ же хорошо, какъ прославленную страну красоты».

Послѣ разсмотрѣнія вышеуказанныхъ нѣмецкихъ трудовъ, въ которыхъ русской литературѣ отводится мѣсто между прочимъ, нашей ближайшей задачей явится болѣе подробное разсмотрѣніе нѣмецкихъ трудовъ, которые разсматриваютъ исторію русской литературы не между прочимъ, какъ это дѣлается въ трудахъ Leixner'а, Norrenberg'а и Karpeles'а, а спеціально на ней сосредоточиваютъ свое вниманіе. Такими трудами являются увидѣвшій уже свѣтъ трудъ д-ра Полонскаго: G. Polonskij. «Geschichte der russischen Literatur, Leipzig, 1902» и готовящійся [1]) къ изданію трудъ извѣстнаго профессора Берлинскаго университета, д-ра А. Брикнера, выпустившаго уже одинъ изъ лучшихъ въ настоящее время трудовъ по исторіи польской литературы «Geschichte der polnischen Literatur».

---

1) Въ настоящее время этотъ трудъ уже вышелъ и рецензія о немъ помѣщена въ Извѣст. русск. яз. и словесн. Акад. Наукъ, 1906 г.

II.

G. Polonskij. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1902. (Sammlung Göschen).

Къ новѣйшимъ нѣмецкимъ руководствамъ по исторіи русской литературы относится «Geschichte der russischen Literatur von D-r Georg Polonskij».

Представляя собою 166 выпускъ извѣстнаго научно-популярнаго изданія «Göschen'a», работа д-ра Полонскаго должна была бы удовлетворять слѣдующимъ главнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ изданіямъ такого рода: 1) предметъ, хорошо и всесторонне извѣстный автору, долженъ излагаться съ научною объективностью; 2) при возможно бо́льшей сжатости и вмѣстѣ съ тѣмъ ясности изложенія должна быть дана полная картина обрисовываемаго явленія. Кромѣ этихъ основныхъ, на нашъ взглядъ, требованій, къ разсматриваемому труду, какъ части цѣлаго собранія научно-популярныхъ изслѣдованій, должно быть предъявлено и требованіе соотвѣтствія общаго характера труда г. Полонскаго съ характеромъ трудовъ его коллегъ, составителей руководствъ по исторіи иныхъ европейскихъ литературъ, какъ-то нѣмецкой, французской, англійской и т. д.

Отвѣчаетъ ли работа г. Полонскаго указаннымъ требованіямъ, покажетъ разсмотрѣніе его труда.

Всѣхъ главъ въ разсматриваемомъ трудѣ 34 и изъ нихъ 27 посвящены обзору литературы XIX вѣка, а остальныя 7 главъ должны познакомить читателя съ вопросами и о русскомъ языкѣ, и о народной поэзіи, и о древнемъ и среднихъ періодахъ русской литературы и о литературѣ XVIII вѣка, и вотъ на 45 страницахъ авторъ старается разсмотрѣть всѣ эти вопросы.

Не предпосылая изложенію никакого предисловія, составитель руководства помѣщаетъ однако въ началѣ «обзоръ литературы» (Literatur-Verzeichnis), но изъ чтенія его труда остается недостаточно яснымъ, пользовался ли авторъ всѣми указанными пособіями или просто привелъ перечень руководствъ, такъ какъ это принято дѣлать; упоминаетъ онъ въ перечнѣ и исторію литературы Гала-

хова, Пыпина, Тихонравова (очевидно, имѣется въ виду собраніе сочиненій проф. Тихонравова, названное «Geschichte der russischen Literatur»), Скабичевскаго, и труды Буслаева, Ал. Веселовскаго, Венгерова, Волконскаго, Милюкова и Рейнхольдта, но, судя по изложенію «исторіи русской литературы» г. Полонскимъ, можно съ большой долей увѣренности сказать, что авторъ ограничился по крайней мѣрѣ для настоящаго труда лишь трудомъ Рейнгольдта, сильно урѣзаннымъ и разбавленнымъ въ иныхъ мѣстахъ выдержками изъ русскихъ руководствъ. Того знакомства съ литературой каждаго отдѣльнаго вопроса изъ исторіи русской литературы и той обстоятельности, которая сразу бросается въ глаза читателю при чтеніи труда Рейнхольдта, мы отнюдь не найдемъ у г. Полонскаго; обильный фактическій матеріалъ, заключающійся въ работѣ Рейнхольдта, имѣлъ, вѣроятно, не малое вліяніе на разсматриваемое руководство, но о вліяніи духа перваго труда на духъ второго, говорить врядъ-ли приходится.

Двѣ первыхъ странички работы г. Полонскаго или иначе говоря 1-я глава посвящена вопросу о русскомъ языкѣ (Die russische Sprache).

Авторъ держится мнѣнія объ единствѣ русскаго языка, какъ восточной вѣтви славянскихъ языковъ, имѣющей свои типичныя, ей одной присущія особенности, и указываетъ на народную поэзію, какъ хранительницу этихъ основныхъ древнихъ чертъ (ostslavische Idiom, das in der traditionellen Volkspoesie erhalten geblieben und als die natürliche Grundlage der eigentlichen russischen Sprache zu betrachten ist). Отнюдь не оспаривая мнѣнія объ единствѣ русскаго языка, мы должны однако признать, что доказательство, приводимое авторомъ, далеко не убѣдительно, такъ какъ народная поэзія и съ точки зрѣнія языка, и съ точки зрѣнія содержанія не можетъ быть разсматриваема, какъ прямое достояніе сѣдой старины. Доказательства, добытыя изслѣдователями исторіи русскаго языка, были бы несомнѣнно убѣдительнѣе, и искусно подобранныя изъ изслѣдованій такихъ ученыхъ, какъ академики Соболевскій, Шахматовъ и др. данныя могли бы, при умѣломъ пользованіи ими, не помѣшать и популярности изложенія; во всякомъ же случаѣ приносить научность изложенія въ жертву популярности—недопустимая вещь и въ популярно-научномъ трудѣ.

Говоря о созданіи русскаго литературнаго языка, г. Полонскій отмѣчаетъ роль «староболгарскаго», какъ онъ называетъ, языка, и къ XI—XII в. относитъ начало дифференціаціи русскаго языка, а

до того времени, по мнѣнію автора, «народный праязыкъ (естественная основа русскаго языка), равно какъ старо-болгарскій (языкъ образованности и письма) оставались общимъ достояніемъ восточныхъ славянъ». [Bis zum 11—12 Jahrhundert blieb die volkstümliche Ursprache (die natürliche Grundlage der russischen Sprache), ebenso wie das Altbulgarische (die Sprache der Bildung und Schrift) das gemeinsame Eigentum der Ostslaven]. Доказательствъ своего положенія авторъ не приводитъ никакихъ, а сразу переходитъ къ указанію причинъ дифференціаціи, какъ-то колонизація, климатическія условія, политическія и историческія событія, новые сосѣди — какъ будто бы этихъ причинъ для дифференціаціи не могло быть до XI—XII вѣка!

Сохраненіе чертъ русскаго праязыка авторъ отмѣчаетъ у той части русскаго народа, которая осталась вдали отъ исторической жизни, тогда какъ тѣ русскія племена, которыя стояли въ центрѣ исторической жизни, измѣнили, по мнѣнію автора, до неузнаваемости традиціонныя формы языка. Этотъ взглядъ автора, конечно, является послѣдовательнымъ въ связи съ признаніемъ имъ за народной поэзіей, сохранившейся вдали отъ культурныхъ центровъ, первобытности языка и содержанія.

Упомянувши затѣмъ лишь названіе 3 главныхъ вѣтвей русскаго языка и не указавши ни мѣста ихъ распространенія (что для нѣмецкаго читателя было бы не безполезно), ни самыхъ хотя бы основныхъ чертъ различія, г. Полонскій заканчиваетъ 1-ю главу слѣдующими словами: «Господствующую роль получило великорусское нарѣчіе. Развитіе русскаго духа и русской литературы можно прослѣдить только по произведеніямъ этого нарѣчія». Не упомянувши, что русскій литературный языкъ не есть исключительно продуктъ великорусскаго племени, не отмѣтивши, что помимо старославянской и великорусской стихій въ созданіи этого языка приняли, кромѣ восточныхъ, долю участія и стихіи малороссійская, польская, нѣмецкая и французская, авторъ при своей чрезмѣрной сжатости изложенія рискуетъ вызвать у читателей неправильное представленіе о вещахъ.

Вторая, довольно обширная глава (9—24 стр.), посвящена вопросу о народной поэзіи. Отличительной чертой русской народной поэзіи вообще авторъ считаетъ сохраненіе ею своего первоначальнаго вида и отсутствіе у русскихъ такого стремленія къ объединенію народно-поэтическаго матеріала, каковое отличаетъ поэзію греческую, индусскую, нѣмецкую, скандинавскую. Корни русской на-

родной поэзіи усматриваются въ общеславянскихъ сказаніяхъ, которыя, получивши спеціально русскую окраску, вылились въ различныя формы народно-поэтическаго творчества. Такихъ формъ авторъ насчитываетъ четыре: 1) пѣсни миѳологическаго происхожденія, 2) сказочный эпосъ (Märchen, die sich auf die Natur beziehen-Ueberreste eines Tiereроs), 3) народныя пѣсни, пословицы, поговорки, загадки, касающіяся семейной жизни, нравовъ и жизненной судьбы и 4) героическія сказанія или былины. Насколько безпринципна и не полна подобная классификація ясно, конечно, само собой.

Отводя болѣе чѣмъ достаточное (по сравненію съ общимъ объемомъ книжки) мѣсто разсужденіямъ на тему объ отраженіи въ народной поэзіи идеи борьбы свѣта съ тьмою, зимы съ лѣтомъ, г. Полонскій приступаетъ къ объясненію такъ называемыхъ обрядовыхъ пѣсенъ съ точки зрѣнія отраженія въ нихъ указанной идеи; упоминаются при этомъ колядки, веснянки, семицкія пѣсни, купальскія и отмѣчается видоизмѣненіе ихъ подъ вліяніемъ христіанства. Странно только, почему, трактуя о народной поэзіи, въ которой можно видѣть отголоски языческой старины, авторъ ни словомъ не упоминаетъ о заговорахъ, литература о которыхъ не можетъ быть признана у насъ бѣдной. Говоря о животномъ эпосѣ, авторъ отмѣчаетъ 3 ступени въ его развитіи: страхъ передъ животнымъ міромъ, спокойное созерцаніе животнаго міра и наконецъ насмѣшливое, комическое отношеніе къ нему; отраженіе всѣхъ этихъ ступеней видитъ авторъ и въ нашемъ животномъ эпосѣ, но доказательствъ правильности своего мнѣнія путемъ ссылки на тѣ или иныя произведенія не приводитъ. При характеристикѣ народно-поэтическихъ произведеній 3-ей изъ указанныхъ выше группъ мы имѣемъ дѣло съ обрисовкой авторомъ основныхъ чертъ русской народной души, каковы: исканіе правды (der instinktive Hang an eine allumfassende Gerechtigkeit, an die «Prawda»), наивность въ пониманіи жизни (träumerische Naivität der Lebensweisheit) и вытекающія изъ этихъ чертъ горькія жалобы на судьбу. Отраженіе всѣхъ этихъ чертъ и старается усмотрѣть авторъ въ пѣсняхъ свадебныхъ (другія пѣсни бытового характера игнорируются), въ сказкахъ, пословицахъ и загадкахъ, при чемъ послѣднія (пословицы и загадки) дѣлятся на «языческія», «бытовыя» и «историческія». Опять нарушеніе системы въ классификаціи и стремленіе идти не отъ фактовъ къ выводамъ, а отъ извѣстной теоріи къ подтасовкѣ фактовъ невыгодно отличаютъ научные пріемы автора.

Говоря о былинахъ, г. Полонскій подчеркиваетъ именно по отно-

шенію къ нимъ то отсутствіе объединенія въ эпическую пѣснь, подобную Иліадѣ, Нибелунгамъ и т. д., о которомъ уже была рѣчь. Разсмотрѣніе былинъ ведется по цикламъ: богатыри старшіе, богатыри кіевскіе, богатыри новгородскіе, и надо признать, что эту часть главы г. Полонскій выполнилъ съ достаточною тщательностью и полнотой. «Народный героическій эпосъ, заканчиваетъ онъ 2-ую главу, въ связи съ историческими легендами, которыя создала народная фантазія по поводу историческихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ былъ народъ, являются въ высшей степени характерной неписанной исторіей русской народной души» [1]).

Имѣя въ виду, что второй главой исчерпывается весь вопросъ о русской народной поэзіи, необходимо отмѣтить, что составитель нѣмецкаго руководства по исторіи русской литературы совсѣмъ пропустилъ цѣлые отдѣлы народной поэзіи, какъ то историческія пѣсни, въ томъ числѣ и украинскія думы; легенды и апокрифы, а также, какъ упомянуто выше, заговоры. Нельзя однако не признать, что всѣ эти позабытые авторомъ виды народно-поэтическаго творчества имѣютъ видное значеніе и для характеристики народныхъ воззрѣній, и для полноты рисуемой авторомъ картины; наконецъ, безъ знанія и даже безъ упоминанія указанныхъ отдѣловъ народной поэзіи трудно понять многія явленія искусственной литературы, къ которой авторъ переходитъ въ III главѣ. Не лишнимъ считаемъ отмѣтить и полное отсутствіе у автора упоминаній о носителяхъ и хранителяхъ народно-поэтическаго творчества на Руси. Ознакомленіе съ этимъ вопросомъ нѣмецкихъ читателей научно-популярной Гешеновской библіотеки представлялось бы намъ и не безынтереснымъ, и не безполезнымъ.

«Начала русской образованности и литература домонгольскаго періода, IX—XIV вв.» таково заглавіе 3 главы, въ началѣ которой отмѣчается византійское, болгарское и сербское вліянія при первыхъ шагахъ русскаго просвѣщенія; указывается церковно-религіозный по преимуществу характеръ литературы разсматриваемаго періода и упоминаются «Остромирово Евангеліе и переводные съ греческаго и болгарскаго языка поученія, житія святыхъ, книги для чтенія смѣшаннаго содержанія, церковныя легенды, книги таинственнаго содержанія (Geheimbücher-Taubenbuch) и пѣсни о кончинѣ міра.

---

1) Стр. 24.

Опять, какъ мы видимъ, перечень литературныхъ произведеній совершенно безсистемный и очень далекій отъ полноты. Отсутствіе знакомства автора съ старо-русской литературой во всемъ ея объемѣ, поскольку онъ выясненъ въ настоящее время цѣнными изслѣдованіями А. Н. Пыпина, И. В. Ягича А. Н. Веселовскаго, М. Н. Сперанскаго, М. И. Соколова, В. М. Истрина, Е. В. Пѣтухова и т. д., и т. д., заставляетъ г. Полонскаго придти къ недостаточно основательному выводу: «въ историческомъ отношеніи всѣ эти произведенія имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они представляютъ основу старо-русской учености, прежде же всего съ точки зрѣнія языка» [1]).

Историко-культурное значеніе поученій напр. Кирилла, Серапіона и др., значеніе «хожденій», особенно «Хожденія Даніила» съ точки зрѣнія топографіи Палестины, съ точки зрѣнія исторіи легенды и апокрифа и т. д. все это игнорируется авторомъ.

Правда, далѣе авторъ, упоминая о «Хожденіи Даніила», употребляетъ такое осторожное выраженіе: «по свидѣтельству новѣйшихъ изслѣдованій это описаніе занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди средневѣковыхъ произведеній, посвященныхъ св. мѣстамъ» [2]). Впрочемъ, освѣдомленность автора относительно упомянутаго произведенія лучше всего видна изъ фразъ: «zur selben Zeit (Ende des 16 Jahrh. ?) lebte und wirkte der Abt Daniel». Безъ всякой системы нагромождается дальше перечень произведеній, какъ «Поученіе Владимира Мономаха», «Русская Правда», «Слово о Полку Игоревѣ» и «Лѣтопись Нестора».

Интересно и то, что, вопреки не только мнѣнію серьезныхъ русскихъ ученыхъ, но и вопреки мнѣнію серьезныхъ ученыхъ иностранцевъ, авторъ признаетъ за 2 послѣдними вышеперечисленными произведеніями исключительно мѣстное значеніе (von ganz autochtoner Bedeutung). Извѣстно, что при высокомъ мнѣніи о такихъ произведеніяхъ, какъ «Лѣтопись Нестора», «Слово о полку Игоревѣ», «Русская Правда» и «Хожденіе Даніила» русскіе и заграничные безпристрастные ученые стояли на сравнительной точкѣ зрѣнія, оцѣнивая всѣ эти произведенія съ точки зрѣнія ихъ эпохи и по сравненію съ хрониками, хожденіями, «правдами» Запада. Г-ну же Полонскому эта точка зрѣнія совершенно чужда; впрочемъ, быть можетъ, въ хронологіи произведеній русской литературы онъ вообще такъ же силенъ, какъ по отношенію къ игум. Даніилу, а о точности

---

1) Стр. 25.
2) Стр. 27.

вообще заботится такъ серьезно, что называетъ Игоря Святославича Igorj Serjatoslawowitsch», половцевъ «Die Plowzer» и т. д.

Сочиненія полемическія, какъ Георгія, Іоанна II, Леонтія, Өеодосія, Никифора, «Даніила Заточника моленіе», какъ первый русскій сатирическій памятникъ, «Слово о погибели земли русской» не упоминаются авторомъ совершенно.

Посвящая слѣдующую главу «Первому московскому періоду древне-русской литературы», обнимающему XIV—XVI вѣка, авторъ отмѣчаетъ паденіе образованности подъ вліяніемъ татарскаго ига и сосредоточеніе ея исключительно въ рукахъ духовенства, при чемъ послѣднее положительно чернится авторомъ. Забывая съ одной стороны высокую культурную миссію и важное историческое значеніе русскихъ монастырей, не упоминая ни словомъ ни о Сергіи, ни о Стефанѣ, ни о Петрѣ, ни объ Алексіи, забывая Кирилла Бѣлозерскаго, Кипріана и др., авторъ ограничивается лишь такими фразами: «чтобы подъ властью хана сохранить власть надъ русскимъ народомъ, духовенство примѣнялось къ воззрѣніямъ и произволу восточнаго варварства и въ концѣ концовъ должно было оварвариться»... «татарскіе элементы привели церковь и церковные нравы къ полному паденію»... «лицемѣры, которые подъ маской благочестія обманывали народъ, монастыри, которые сдѣлались гнѣздомъ безчинія и порока,—типическія явленія этого времени» [1]). Такими красками рисуетъ разсматриваемую эпоху изслѣдователь, не упоминающій ни словомъ о работахъ надъ сводомъ библіи, о нравственномъ и патріотическомъ вліяніи проповѣдниковъ, подвижниковъ, распространителей христіанства въ тяжелую татарскую эпоху; забывается авторомъ и стремленіе къ основанію школъ, и къ реформамъ въ церкви; не думаетъ онъ стать и на сравнительную точку зрѣнія съ ролью духовенства и монастырей въ средніе вѣка на Западѣ, когда костры не погасали отъ сожженія произведеній и тѣлъ еретиковъ. Обрисовавши всю глубину паденія русской церкви въ XIV—XVI вв., авторъ представляетъ на этомъ фонѣ развитіе сектъ стригольниковъ, жидовствующихъ и т. д., объясняя ихъ успѣхъ не исканіями пытливаго человѣческаго духа, а «варварскими нравами монашества», «епидемическимъ невѣріемъ» и т. д.

Въ качествѣ исключенія изъ общаго правила, г. Полонскій упоминаетъ лишь Геннадія Новгородскаго и Іосифа Волоцкаго, но объ

---

1) Стр. 31.

ихъ дѣятельности говоритъ въ самыхъ общихъ чертахъ и, посвятивши нѣсколько словъ «Стоглаву», «Домострою» и «Перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ», переходитъ къ вопросу «о вліяніи польской культуры и подготовленіи второго московскаго періода русской литературы въ XVI—XVII вѣкахъ».

Двѣ послѣдующихъ коротенькихъ, но далеко не ясныхъ и не основательныхъ главы имѣютъ цѣлью обрисовать подготовленіе и наступленіе второго московскаго періода древне-русской литературы; сгущая, какъ и раньше, краски при обрисовкѣ московской грубости, невѣжества, безнравственности, застоя, авторъ говоритъ, что «безъ прилива образовательныхъ элементовъ и образовательныхъ средствъ извнѣ московская литература пала бы жертвой собственнаго безплодія и ужаснаго смятенія, которое развилось во всѣхъ областяхъ тогдашней русской жизни» [1]).

Такимъ то свѣтлымъ вліяніемъ извнѣ, спасшимъ Россію, явилось, по мнѣнію автора, то теченіе, которое развилось въ юго-западной Руси подъ вліяніемъ борьбы южно-руссовъ съ поляками въ сферѣ школы, образованности и главнымъ образомъ въ сферѣ религіозной. Упомянувши южно-русскихъ проповѣдниковъ Голятовскаго, Радзивилловскаго и Барановича, авторъ отмѣчаетъ притокъ легендъ, мистерій, романовъ и т. п. произведеній съ Запада въ Россію и замѣчаетъ, что «на Западѣ, гдѣ было въ разгарѣ время реформаціи вся эта литература и схоластика являлись анахронизмомъ, но въ Россіи XVII в. онѣ дѣйствовали, какъ откровеніе» [2]). Предвзятость автора, манера замалчиванія съ одной стороны и сгущенія красокъ съ другой слишкомъ ясно бросаются въ глаза читателю. Замолчавши развивавшееся въ московской средѣ самостоятельное стремленіе къ реформированію своей жизни, сказавшееся въ заботахъ о школахъ, объ исправности церковныхъ книгъ, о нормировкѣ языка, не упомянувши о непрерывномъ развитіи въ народной средѣ какъ своей родной поэзіи, такъ и занесенной паломниками, скоморохами и т. д. поэзіи Востока, поставивши однимъ взмахомъ пера крестъ надъ всей политической и духовной жизнью Руси въ эпохи Іоанновъ, Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича, авторъ не упомянулъ ни имени, ни работы Максима Грека, митр. Макарія, замолчалъ развитіе русскаго театра и далъ крайне мрачную и одностороннюю картину эпохи. Прибѣгнувши къ

1) Стр. 34.
2) Стр. 36.

сопоставленію Руси съ Западомъ, г. Полонскій опять-таки поступилъ односторонне, взявши лишь передовое реформаціонное теченіе и замолчавши то, чѣмъ жили и питались народныя массы и что̀ преподносилось массамъ въ школахъ и церквахъ католическихъ земель; надо было сопоставлять вещи сопоставимыя и протестантское движеніе на Западѣ сопоставлять съ реформаціоннымъ же движеніемъ въ Россіи, сказавшимся и въ политической, и въ религіозной, и въ литературной средѣ совсѣмъ не въ той формѣ, какъ думаетъ авторъ; надо бы только ему повнимательнѣе почитать приводимыя имъ въ перечнѣ пособія и, разъ онъ взялся писать серьезную, а не предвзято-диллетантскую книгу, не оставлять безъ вниманія трудовъ по исторіи русскаго сектантства, по исторіи легендъ, апокрифовъ, романовъ и повѣстей, а также и по исторіи театра.

Но стоило ли для «исторіи русской литературы» серьезно и тщательно изучать предметъ, о которомъ надо было написать книжку для поученія широкихъ массъ нѣмецкой публики, да, пожалуй, и не только нѣмецкой? Стоило ли заниматься изученіемъ того періода, когда, по рѣшительному утвержденію автора, «смятеніе въ средѣ православной церкви, обскурантизмъ массъ и невѣжество духовенства были причинами духовной отсталости Московіи»? [1]) Заявленія автора о полной разобщенности духовенства и народа въ эпоху Палицына, Гермогена и т. д., его полное незнакомство какъ съ духомъ, такъ и съ исторіей русской церкви, съ которыми онъ легко бы могъ познакомиться хотя бы по такому солидному и безпристрастному труду, какъ проф. Голубинскаго, наконецъ всѣ разсужденія автора о роли легендарно-апокрифической литературы, обнаруживающія незнакомство съ изслѣдованіями цѣлой школы ученыхъ, какъ И. В. Ягича, Н. С. Тихонравова, А. Н. Веселовскаго, А. Н. Пыпина, М. И. Сперанскаго, проф. Владимирова и др., а равно и отрицательный приговоръ, подписываемый имъ съ поразительной легкостью всей византійской культурѣ, которой однако занимались же и занимаются еще такіе ученые, какъ Крумбахеръ, Васильевскій, Покровскій, Успенскій, Станоевичъ, Радоничъ и др. — всѣхъ этихъ данныхъ достаточно для опредѣленія научной цѣнности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для характеристики тенденціи труда д-ра Полонскаго по отношенію къ древне-русской литературѣ.

Съ седьмой главы начинается уже обзоръ литературы XVIII в.,

---

1) Стр. 36.

которой посвящается однако всего одна глава: «Время Петра Великаго и вѣкъ Екатерины. XVIII вѣкъ».

На реформу Петра Великаго авторъ смотритъ, какъ на «насильственное европеизированіе старой Россіи», какъ на «революцію съ трона», выдвинувшую начала, «діаметрально противоположныя византійскому духу и преобладанію церкви надъ государствомъ» [1]). Крайность и односторонность такого взгляда ясна всякому, знакомому съ историческимъ ходомъ русской жизни, съ подготовленіемъ Петровской эпохи эпохами Іоанновъ, Бориса Годунова, Алексѣя Михаиловича. Тотъ же трудъ покойнаго А. Н. Пыпина, который упоминается авторомъ въ его перечнѣ, могъ при внимательномъ и серьезномъ чтеніи дать ему иное представленіе о связи Петровской эпохи съ предшествующими. Признавая, что русская жизнь при Петрѣ Великомъ и послѣ него приняла по преимуществу практическое направленіе, авторъ за всей литературной дѣятельностью XVIII в. признаетъ лишь одну заслугу — выработку литературнаго языка; идейная же сторона дѣятельности Ломоносова и Державина, Фонвизина и сатирической литературы, Новикова и типографской компаніи, Радищева и др. остается недоступной автору.

Говоря о созданіи литературнаго языка, онъ видитъ въ немъ 3 элемента: 1) церковно-славянскій, который по совершенно неправильному мнѣнію автора, «совершенно чуждъ и изолированъ отъ народнаго языка», 2) канцелярскій языкъ и 3) народный языкъ, «который независимо отъ первыхъ двухъ развивался исключительно на почвѣ опыта» [2]). Къ этимъ элементамъ присоединились съ эпохи Петра Великаго галлицизмы и германизмы, и изъ этого то конгломерата и вырабатывался литературный языкъ въ XVIII в.

Держась своей основной точки зрѣнія, авторъ разсматриваетъ литературу XVIII в. не съ историко-культурной, не съ идейно-общественной, а исключительно съ формальной точки зрѣнія, дробя ее по формамъ творчества на: 1) сатиру, 2) лирику, 3) драму, 4) комедію, 5) трагедію, 6) искусственный эпосъ, 6) басню, 7) романъ. Невыдержанность классификаціи сопровождается такими странностями, какъ слѣдующія: въ отдѣлѣ «сатира» упоминаются лишь Кантемиръ и Тредіаковскій (?); въ отдѣлѣ «лирика» говорится лишь объ одномъ Ломоносовѣ, а Державинъ почему то помѣщенъ между рубриками «Tragödie» и «Kunstepos»; произведенія Сумарокова носятъ заглавія

1) Стр. 39.
2) Стр. 40.

«Sineus und Truwor», «Semira und Mastislav» и отнесены къ отдѣлу «драма», тогда какъ произведенія Княжнина, однако не поименованныя, отнесены къ рубрикѣ «Трагедія»; оригинально и признаніе Княжнина предшественникомъ Гоголя, изобразившимъ въ своихъ комедіяхъ типы, впослѣдствіи лишь «углубленные» Гоголемъ. Сатирическіе журналы и «Ябеда» Капниста не упоминаются совсѣмъ. Развитіе и характеръ ложноклассицизма и сентиментализма на русской почвѣ являются совершенно не выясненными.

Что касается литературы XIX вѣка, то относительно нея авторъ является значительно болѣе освѣдомленнымъ, чѣмъ о литературѣ предыдущихъ эпохъ; въ рядѣ главъ 8—13 говоритъ онъ о литературѣ 20-хъ годовъ, какъ предшественницѣ романтизма, съ Карамзинымъ и его школой во главѣ (VIII), о русскомъ романтизмѣ и Жуковскомъ, какъ его представителѣ (IX), о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, какъ соединившихъ въ своемъ творчествѣ романтизмъ, байронизмъ и реализмъ (X), о Гоголѣ, какъ представителѣ реализма (XI), о критикѣ Бѣлинскаго, славянофильствѣ и западничествѣ (XII). Этимъ онъ заканчиваетъ отдѣлъ новой и съ 13 главы переходитъ къ обзору новѣйшей русской литературы.

Отношеніе автора къ дѣятельности Карамзина, является болѣе или менѣе безпристрастнымъ и справедливымъ, хотя, къ сожалѣнію, г. Полонскій слишкомъ мало удѣлилъ мѣста характеристикѣ идейной сторонѣ его работы, остановившись преимущественно на его заслугахъ, какъ создателя литературнаго языка и создателя читающей публики; его журнальной дѣятельности, его политическимъ, этическимъ и литературнымъ воззрѣніямъ не удѣляется вниманія. Послѣ перечисленія писателей Карамзинской школы авторъ подчеркиваетъ дѣятельность И. А. Крылова, какъ закрѣпителя Карамзинской реформы въ области языка и какъ баснописца, внесшаго народный духъ въ свое творчество. Стоящимъ изолированно отъ современныхъ ему литературныхъ теченій признаетъ авторъ Грибоѣдова, о произведеніи котораго онъ отзывается восторженно. Жаль, что, не слѣдя за идейнымъ развитіемъ русской литературы въ связи съ культурно-историческимъ развитіемъ русскаго народа, авторъ принужденъ то того, то другого писателя ставить изолировано, тогда какъ при иномъ методѣ изложенія никакого бы изолированія не получилось. Надо замѣтить, что біографической части, а тѣмъ болѣе характеристикѣ эпохи авторъ отводитъ очень мало мѣста, а потому, естественно многія упоминаемыя имъ явленія останутся мало понятными читателю, не спе-

ціалисту. Въ главѣ о русской романтикѣ г. Полонскій отмѣчаетъ, что въ сущности русской романтики не было, а была заносная, выразителемъ которой явился В. А. Жуковскій, больше переводчикъ, чѣмъ оригинальный поэтъ. Дальше однако авторъ впадаетъ въ противорѣчіе, говоря о романтизмѣ Пушкина, носящемъ уже чисто русскія черты. Интереснымъ является объясненіе авторомъ вліянія идей романтизма на измѣненіе взглядовъ на поэзію, а равно на выработку у поэтовъ разочарованія и недовольства; врядъ ли однако возможно признать состоятельнымъ объясненіе указаннаго явленія исключительно вліяніемъ идей романтизма, а не общимъ подъемомъ самосознанія подъ вліяніемъ историческихъ условій европейской и спеціально русской жизни въ разсматриваемую эпоху. Говоря о Пушкинѣ, г. Полонскій отмѣчаетъ 3 періода въ его дѣятельности: романтическій, байроническій и реалистическій, но характеризуетъ подробнѣе лишь послѣдній; отмѣчая универсальность Пушкина, самъ авторъ поступаетъ однако одностороннѣе, становясь исключительно на точку зрѣнія теоріи поэзіи и отмѣчая лишь наличность у Пушкина образцовъ всѣхъ формъ поэтическаго творчества; здѣсь авторъ впадаетъ и въ нѣкоторое преувеличеніе, говоря, что въ лирикѣ, эпикѣ, драмѣ и новеллистикѣ Пушкинъ остался до сихъ поръ не превзойденнымъ [1]); что касается новеллистики, то здѣсь преувеличеніе слишкомъ ужъ очевидно. Съ особой похвалой отзывается г. Полонскій о «Полтавѣ» и «Евгеніи Онѣгинѣ», видя въ послѣднемъ «энциклопедію русской жизни» и «чистѣйшую поэзію» [2]). Болѣе одностороннимъ и субъективнымъ считаетъ авторъ Лермонтова и старается объяснить его личный характеръ и направленіе поэзіи реакціонной эпохой 30 годовъ, но надо признать, что какъ характеристика эпохи, такъ и выясненіе вліянія ея на Лермонтова заставляютъ желать многаго въ смыслѣ полноты и ясности. Разсмотрѣніе литературной дѣятельности Лермонтова ведется отчасти по видамъ поэтическаго творчества, отчасти по мѣсту пріуроченія его произведеній. Съ большей похвалой отзывается авторъ о «Демонѣ», въ которомъ «проявляется инстинктивное тяготѣніе поэта ко всему мощному, великому, сильному, богатство красокъ, стальная мощь музыкально-благороднаго стиха» [3]). Послѣ нѣсколькихъ словъ о Кольцовѣ, какъ поэтѣ-лирикѣ изъ народа, слѣдуетъ

---

1) Стр. 52.
2) Стр. 53.
3) Стр. 55.

характеристика Гоголя, какъ типичнаго представителя реализма и какъ писателя-малоросса, внесшаго въ русскую литературу типичныя черты малороссійскія, юморъ и лиризмъ. Отмѣчается и общественное значеніе Гоголевскаго творчества и дѣлается попытка, но односторонняя, объясненія Гоголевскаго мистицизма. Отсутствіе біографической и историко-культурной подкладки даетъ себя особенно сильно чувствовать при объясненіи Гоголевскаго творчества. Выясненіемъ заслуги «неистоваго Виссаріона», «русскаго Лессинга» заканчиваетъ авторъ отдѣлъ о новой русской литературѣ, при чемъ, характеризуя 3 стадіи въ развитіи міровоззрѣнія Бѣлинскаго, кратко и поверхностно затрогиваетъ вопросъ о «западничествѣ» и «славянофильствѣ» въ русской литературѣ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своего труда авторъ даетъ характеристики литературной дѣятельности Тургенева (14 гл.), Гончарова (15), гр. Л. Толстова (16), Достоевскаго (17), Аксакова, Григоровича и Писемскаго (18), Щедрина (19), Островскаго (20), Рѣшетникова и Левитова (22), Гл. Успенскаго и Златовратскаго (23), Чехова и Горькаго (34). Промежуточныя главы посвящены общей характеристикѣ школъ и направленій въ разсматриваемыя эпохи.

Посвящая 13-ю главу общей характеристикѣ новѣйшей русской литературы, начало которой авторъ относитъ къ половинѣ 40 годовъ, г. Полонскій между прочимъ говоритъ, что «въ новѣйшей литературѣ соединились гармонично-художественная объективность Пушкина, реализмъ и смѣлость отрицанія Гоголя, нравственная строгость и идеализмъ Бѣлинскаго, космополитизмъ и народничество западниковъ и славянофиловъ съ тѣмъ богатымъ соціальнымъ и психологическимъ матеріаломъ, который представляетъ русская исторія новаго времени, и такимъ образомъ создался новый типъ литературы» [1]). Разсмотрѣніе новѣйшей русской литературы авторъ считаетъ возможнымъ лишь въ связи съ исторіей русской жизни.

Вполнѣ соглашаясь съ этими его воззрѣніями, мы признаемъ ихъ правильность въ такой же степени и по отношенію къ старѣйшимъ періодамъ литературы, чего однако у автора не наблюдается. Послѣ обрисовки культурнаго состоянія крѣпостной Руси, авторъ вполнѣ удачно выясняетъ роль литературы въ борьбѣ съ крѣпостничествомъ, и, имѣя въ виду затѣмъ имѣющій универсальное значеніе русскій романъ, дѣлитъ представителей литера-

1) Стр. 66.

туры на 2 группы: изобразители культурнаго человѣка и изобразители простого народа.

Въ главѣ о Тургеневѣ г. Полонскій отмѣчаетъ, что этотъ писатель произвелъ цѣлую эпоху своими «Записками Охотника»; за исключеніемъ Григоровича, написавшаго въ 1848 г. «Антона Горемыку», Тургеневъ первый обратился къ изображенію простого народа. Своимъ гуманнымъ образомъ мыслей и теплымъ человѣчнымъ чувствомъ по отношенію къ мужику, своими изображеніями крестьянскихъ типовъ авторъ, по словамъ г. Полонскаго «произвелъ переворотъ во взглядахъ общества на крестьянъ, считаемыхъ раньше «черною костью» (schwarzes Knochen) [1]). Соглашаясь, что, дѣйствительно, Тургеневъ очень много содѣйствовалъ измѣненію взглядовъ общества на крестьянъ и считая его однимъ изъ виднѣйшихъ подготовителей великой реформы 1861 г., мы далеки однако отъ преувеличеній г. Полонскаго. Разбирая произведенія, въ которыхъ Тургеневъ изображаетъ «культурнаго человѣка», авторъ останавливается съ одной стороны на произведеніяхъ, рисующихъ «лишняго человѣка», съ другой стороны на романахъ, изображающихъ «центральные типы различныхъ эпохъ русской жизни», какъ то «Рудина, типъ культурнаго человѣка конца 40 и начала 50 годовъ; Лаврецкаго, типъ благороднаго отпрыска лучшей части помѣщичьяго общества въ эпоху паденія крѣпостного права; Елену, типъ дѣвушки переходной эпохи; Кирсанова и Базарова, представители двухъ поколѣній въ по-реформенную эпоху и т. д. [2]). Относительно романовъ «Дымъ» и «Новь», имѣющихъ, по мнѣнію автора, цѣль изобразить различныя фазы революціоннаго теченія въ Россіи, высказывается мнѣніе, что эти романы дали изображеніе лишь случайныхъ эпизодовъ и случайныхъ характеровъ; потому, говоритъ г. Полонскій, «слава Тургенева, какъ изобразителя различныхъ фазъ развитія русскаго культурнаго человѣка должна быть ограничена исключеніемъ двухъ вышеуказанныхъ произведеній» [3]). Соглашаясь съ общимъ взглядомъ г. Полонскаго при его постановкѣ вопроса, мы считаемъ однако же, что въ примѣненіи особенно къ «Дыму» вопросъ постановленъ авторомъ неправильно. Необходимо бы было, на нашъ взглядъ, остановиться въ книжкѣ, написанной для иностранцевъ, и на вопросахъ объ языкѣ Турге-

1) Стр. 70.
2) Стр. 71.
3) Стр. 73.

нева и объ отношенiяхъ къ нему западныхъ писателей и критиковъ; не говоримъ уже о сторонѣ бiографической, которая у г. Полонскаго всюду оставляется безъ вниманiя.

Противопоставляя «пластически-объективнаго Гончарова субъективнорефлективному Тургеневу», авторъ отмѣчаетъ поразительную у Гончарова обработку деталей и, останавливаясь на романахъ «Обыкновенная исторiя», «Обломовъ» и «Обрывъ», характеризуетъ первый романъ, какъ изображающiй «лишняго человѣка», второй, какъ «важнѣйшее и лучшее Гончаровское произведенiе, въ которомъ, помимо главнаго, ярко изображеннаго и типичнаго характера, дается «цѣлая картина крѣпостной Руси съ небывалой еще до сихъ поръ законченностью и живостью. Поэзiя смерти, тлѣнiя, глубокаго сна вѣетъ отъ каждой строки генiальнаго творенiя» [1]); самымъ слабымъ произведенiемъ считаетъ авторъ 3-й романъ Гончарова, страдающiй, по его мнѣнiю, каррикатурностью и обнаруживающiй «консервативную привязанность поэта къ старо-русскимъ традицiямъ». Вообще, ненависть автора ко всему старо-русскому и нежеланiе видѣть въ немъ хоть что-либо хорошее, чего требуетъ восхваляемая самимъ же г. Полонскимъ объективность, видны на каждомъ шагу. Высоко ставя формальныя достоинства произведенiй Гончарова, проявившiяся особенно въ «Фрегатъ Паллада», авторъ заканчиваетъ главу о Гончаровѣ указанiемъ отличительныхъ чертъ его творчества, каковы «объективная наблюдательность, удивительная пластика и пышное богатство красокъ языка» [2]). Тѣмъ болѣе является страннымъ, что авторъ умолчалъ о внѣшнихъ достоинствахъ и объ языкѣ произведенiй Тургенева.

Въ главѣ о «великомъ писателѣ земли русской» авторъ говоритъ, какъ, начавши съ изображенiя культурнаго человѣка и культурнаго общества 50 и 60 годовъ, Л. Н. Толстой перешелъ къ «раскрытiю психическихъ, моральныхъ, духовныхъ и физическихъ основъ существованiя культурнаго человѣчества вообще». «И никто, говоритъ г. Полонскiй, не выполнилъ этой задачи такъ универсально, никто не наточилъ такъ операцiоннаго ножа анализа и никто не пришелъ такъ рѣшительно къ радикальнымъ результатамъ, во всей ихъ потрясающей истинѣ и безутѣшности, какъ Толстой» [3]). Сказано сильно, но не достаточно ясно и не вполнѣ справедливо,

1) Стр. 75.
2) Стр. 76.
3) Стр. 75.

такъ какъ говорить о «Trostlosigkeit» у Толстого врядъ ли возможно. Изъ произведеній Толстого разсматриваются, но очень бѣгло, «Дѣтство, отрочество, юность», «Казаки», «Война и миръ» и «Анна Каренина»; остальныя произведенія повѣствовательнаго характера лишь упоминаются. О драматическихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого мы находимъ упоминаніе въ гл. 20 (драма), о философско-религіозной и педагогической его дѣятельности совсѣмъ не говорится, несмотря на ихъ тѣсную связь съ міровоззрѣніемъ и дѣятельностью его вообще. Въ заключеніе главы о гр. Толстомъ авторъ говоритъ объ его неизмѣримомъ значеніи для русской литературы и необыкновенной широтѣ захвата при изображеніи имъ русской жизни.

Съ значеніемъ гр. Л. Н. Толстого, какъ изобразителя и аналитика индивидуальныхъ и соціальныхъ явленій, сопоставляется въ 17 главѣ значеніе Ѳ. М. Достоевскаго, какъ аналитика явленій психологическихъ и патологическихъ. Изобразивши начало писательской дѣятельности Достоевскаго, какъ поэта униженныхъ и оскорбленныхъ, авторъ даетъ оцѣнку «его значительныхъ произведеній «Записки изъ мертваго дома» и «Преступленіе и наказаніе», въ которыхъ писатель проникаетъ въ интимнѣйшіе уголки человѣческой души, изображая однако частныхъ лицъ въ органической связи съ психикой окружающаго общества» [1]). Охарактеризовавши затѣмъ романы «Идіотъ», «Бѣсы» и «Подростокъ», какъ памфлеты на нелюбимую Достоевскимъ интеллигенцію его времени, г. Полонскій считаетъ главною мыслью всѣхъ этихъ произведеній «мистическую вѣру въ міровую искупительную роль панславизма». «Братья Карамазовы» разсматриваются, какъ романъ, въ 4 герояхъ котораго изъ семьи Карамазовыхъ должны были воплотиться главнѣйшія особенности русскаго народа. Основная мысль этого произведенія, говоритъ г. Полонскій, та, что «культурная задача русскаго народа заключается въ необходимости проникновенія духомъ первоначальнаго христіанства всѣхъ отношеній индивидуальной и соціальной жизни» [2]). Въ окончательномъ своемъ мнѣніи о Достоевскомъ авторъ признаетъ Достоевскаго и гр. Л. Толстого «величайшими писателями своего народа, поднявшимися въ высшихъ областяхъ своего творчества надъ временными отношеніями своей эпохи» [3]).

---

1) Стр. 79.
2) Стр. 80.
3) Тамъ же.

Дѣятельностью С. Аксакова, Григоровича и Писемскаго заканчивается, говоритъ авторъ въ 18 главѣ, замѣчательнѣйшая эпоха русскаго романа. Изъ произведеній Аксакова упоминаются и характеризуются въ самыхъ общихъ чертахъ «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова внука», какъ историческіе документы своей эпохи; главная же заслуга Аксакова усматривается въ жанровыхъ картинкахъ и въ созданіи несуществующаго въ другихъ литературахъ искусственнаго животнаго эпоса. Григоровичу посвящено лишь нѣсколько словъ, въ которыхъ отмѣчается его заслуга, какъ перваго изобразителя крестьянскаго быта въ довольно оригинально называемомъ г. Полонскимъ сочиненіи «Anton Unglücksvogel»; въ остальныхъ произведеніяхъ Григоровича авторъ находитъ лишь формальныя достоинства, не придавая имъ серьезнаго значенія. Писемскій разсматривается, какъ натуралистъ своей эпохи, который въ произведеніяхъ «1000 душъ», «Взбаламученное море», и драмѣ «Горькая судьба» достигъ художественнаго величія. Высоко ставя реализмъ Писемскаго, авторъ, совершенно невнимательный вообще къ біографическому элементу, отмѣчаетъ въ данномъ случаѣ противорѣчіе, въ которое сталъ Писемскій съ лучшею частью своихъ современниковъ.

Въ главѣ, посвященной характеристикѣ литературной дѣятельности Салтыкова, авторъ говоритъ о наклонности къ сатирѣ, какъ отличительной чертѣ русскихъ людей и русскихъ писателей и отмѣчаетъ благопріятную почву для сатиры въ эпоху Салтыкова. Раздѣляя литературную дѣятельность Салтыкова на 3 періода: 1) до освобожденія крестьянъ; 2) въ эпоху реформъ; 3) въ пореформенную эпоху, авторъ разсматриваетъ произведенія этихъ 3 группъ, относя къ первой группѣ «Талантливыя натуры» и «Губернскіе очерки», гдѣ дается общая картина русской провинціальной жизни въ до-реформенную эпоху и гдѣ рисуется рядъ жестокихъ и смѣшныхъ фигуръ изъ помѣщичьяго класса и народное терпѣніе. Ко второй группѣ причисляются: «Сатиры въ прозѣ», «Современныя идилліи», «Исторія одного города», «Въ средѣ умѣренности и аккуратности» и др., въ которыхъ авторъ изображаетъ отсутствіе проникновенія въ общественное сознаніе духа реформъ и порицаетъ отсутствіе у простыхъ массъ стремленія къ выходу изъ угнетеннаго, приниженнаго состоянія. Наконецъ въ 3 группѣ пріурочиваются «Господа Ташкентцы», «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ», «Господа Головлевы» и др. сатиры, въ которыхъ выводятся типы людей, изыскивающихъ новыя средства продолжать

свой паразитизмъ, которому нанесла ударъ реформа, но духа котораго искоренить не могла. Такія произведенія, какъ «Мелочи жизни» и «Сказки» признаются авторомъ имѣющими не спеціально-русское значеніе, но всеобщую цѣнность. Въ «Пошехонскихъ разсказахъ» съ эпическимъ спокойствіемъ рисуетъ Салтыковъ старую Русь. Въ общемъ, г. Полонскій даетъ очень сочувственную характеристику Салтыкова, какъ знатока человѣческаго сердца, какъ передового и гуманнаго человѣка, какъ писателя-сатирика, «въ произведеніяхъ котораго есть и шутка, и гнѣвъ, и ненависть, и любовь» [1]).

Блестящую плеяду писателей 40-хъ годовъ завершаетъ, какъ говоритъ авторъ, Островскій—настоящій основатель русскаго театра и русской драмы.

Отдавая должное достоинствамъ драматическихъ произведеній Фонвизина, Гоголя, Грибоѣдова и Пушкина, г. Полонскій отмѣчаетъ случайность ихъ драматическихъ произведеній, тогда какъ драматическія произведенія Островскаго идутъ сплошной непрерывной струей. Характеризуя творчество Островскаго, авторъ высоко ставитъ реализмъ и поразительную простоту его произведеній, производящихъ однако въ концѣ концовъ потрясающее дѣйствіе; съ похвалой отмѣчается необыкновенная способность поэта проникать въ суть русской жизни прошлаго и настоящаго и поразительная широта захвата при изображеніи самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Особенно выдающимися признаетъ критикъ комедіи «Бѣдность—не порокъ», «Доходное мѣсто», «Гроза», «Лѣсъ» и «Безъ вины виноватые» и изъ историческихъ драмъ: «Воевода», «Димитрій Самозванецъ» и «Василиса Мелентьева».

Высоко ставится г. Полонскимъ и поразительное богатство народнаго и картиннаго языка Островскаго. Изъ драматическихъ произведеній другихъ русскихъ писателей отмѣчаются авторомъ «Власть тьмы» и «Плоды просвѣщенія» гр. Л. Толстого, «Горькая доля» Писемскаго, драматическіе опыты Тургенева (изъ которыхъ однако ни одинъ не называется), трилогія гр. А. Толстого; говорится затѣмъ о Потѣхинѣ и Соловьевѣ, какъ преемникахъ Островскаго, и упоминаніемъ о драматическихъ произведеніяхъ Чехова и Горькаго заканчивается 20-я глава.

Одной изъ болѣе удачныхъ, по нашему мнѣнію главъ является 21-я, посвященная общей характеристикѣ возникновенія въ писа-

1) Стр. 85.

тельской средѣ со времени паденія крѣпостного права народническаго направленія, результатомъ котораго явилась русская народническая беллетристика писателей-разночинцевъ, при чемъ авторъ говоритъ: «die russische Volksbelletristik konnte sich zu einem wahren Schatz des individuellen und socialen Lebens, der in der Weltliteratur seinesgleichen sucht, gestalten» [1]). Въ направленіи, которое приняла эта беллетристика, различается цѣлый рядъ теченій; во главѣ сентиментально-народническаго ставится Марко-Вовчокъ; представителями народничества, имѣющаго цѣлью заинтересовать народомъ и склонить на его сторону администрацію и бюрократію, признаются Максимовъ, Данилевскій и Мельниковъ; въ главѣ народниковъ, преслѣдовавшихъ, помимо художественныхъ, и научныя цѣли, стоитъ Якушкинъ; народниками въ «собственномъ смыслѣ» признаетъ авторъ Н. Успенскаго и Слѣпцова; представителями народническаго реализма являются Рѣшетниковъ и Левитовъ, литературной дѣятельности которыхъ посвящена 22 глава, и представителями народнической беллетристики, граничащей съ публицистикой, признаются Г. Успенскій и Златовратскій, о которыхъ подробно говорится въ 23 гл. Существованіе хорошей монографіи Скабичевскаго «Беллетристы-народники», несомнѣнно, могло облегчить автору трудъ надъ этими главами, хотя упоминанія указанной монографіи въ перечнѣ мы не находимъ.

Въ 5 слѣдующихъ главахъ г. Полонскій говоритъ о развѣтвленіи русской беллетристики въ эпоху по-реформенную, отмѣчаетъ появленіе новыхъ типовъ, созданныхъ измѣнившейся житейской обстановкой, каковы типы разночинцевъ, «передовыхъ людей», «кающихся дворянъ» и т. д. Останавливаясь сначала на писателяхъ, рѣшившихся изображать разночинцевъ и передовыхъ людей, авторъ устанавливаетъ 2 группы: писателей, не сочувствующихъ указанному типу и сочувствующихъ; къ первому разряду писателей причисляются Клюшниковъ и Лѣсковъ, ко второму—Шеллеръ (Михайловъ), Засодимскій, Башинъ и Федоровъ, литературная дѣятельность которыхъ характеризуется въ 24 главѣ.

Въ зависимости отъ отношеній къ реформамъ 60-хъ годовъ и къ изображенію идеаловъ старой и новой Руси авторъ намѣчаетъ также 2 группы писателей: представители либеральной тенденціозной беллетристики и представители реакціонной. Къ первому лагерю причисляются Боборыкинъ, характеризуемый какъ писатель плодо-

1) Стр. 91.

витый, склонный къ фотографическому изображенію дѣйствительности и дающій въ своихъ произведеніяхъ какъ бы документъ соціальнаго и духовнаго развитія русскаго народа; Терпигоревъ, оцѣниваемый, какъ изобразитель русскаго дворянства и безпомощности послѣдняго въ по-реформенную эпоху, когда нельзя уже стало жить трудами чужихъ рукъ; Станюковичъ, какъ изобразитель морской жизни; Немировичъ-Данченко, какъ авторъ путеописаній и Саловъ, какъ знатокъ сельской жизни. Надо замѣтить однако, что изъ изложенія г. Полонскаго не ясно, почему онъ отнесъ всѣхъ перечисленныхъ писателей, кромѣ Терпигорева (о немъ ясно), къ указанной группѣ.

Характеризуя реакціонную беллетристику, авторъ рисуетъ тотъ шаблонный типъ добродѣтельнаго дворянина и типъ неистоваго нигилиста, а равно и обычныя фабулы, къ которымъ обращались, обыкновенно, представители указаннаго рода беллетристики; таковыми онъ считаетъ Крестовскаго и Авсѣенко, при чемъ относительно перваго, какъ и естественно, считаетъ нужнымъ сдѣлать оговорку.

Не выдерживая далѣе принципа принятаго дѣленія, г. Полонскій говоритъ объ историческомъ романѣ; намѣтивъ 3 группы, авторъ относитъ къ первой писателей историческихъ романовъ 30-хъ годовъ Лажечникова, Загоскина и Кукольника, писателей-романтиковъ; ко второй группѣ, писателей, исходившихъ изъ научной почвы, онъ причисляетъ Костомарова, оцѣнивая при случаѣ и его историческіе труды; къ 2-й группѣ относятся и историческія повѣсти и романы Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого; къ группѣ, изображающей извѣстныя историческія эпохи, относятся авторомъ историческіе романы А. Толстого, Мордовцева и Данилевскаго и къ группѣ писателей тенденціозныхъ въ духѣ реакціонномъ причисляется гр. Саліасъ. Какой у автора въ данной 27 главѣ принципъ дѣленія, гдѣ здѣсь 3 фазы развитія, о которыхъ онъ говоритъ въ началѣ главы, наконецъ почему напр. пропущены П. Кулишъ (разъ говорится о Костомаровѣ), В. Соловьевъ — все это совершенно неясно.

Внѣ систематической классификаціи стоитъ и 28-я глава, посвященная характеристикѣ школы, называемой у автора: «isolierte belletristische Schule» и занимающейся изображеніемъ типа «кающагося интеллигента»; характеристика причисляемыхъ къ этой группѣ писателей, Новодворскаго и Гаршина, сдѣлана довольно подробно и удачно.

Послѣднія главы разсматриваемаго труда г. Полонскаго посвящены характеристикѣ русской поэзіи и беллетристики послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка и оцѣнкѣ литературной дѣятельности Чехова и Горькаго, литература о которыхъ на нѣмецкомъ языкѣ является, какъ извѣстно, довольно обширной. Главы 28—34 «Исторіи русской литературы» д-ра Полонскаго отличаются сжатостью изложенія, но обнаруживаютъ, что новѣйшая русская литература извѣстна автору болѣе или менѣе основательно, и сужденія о ней не безынтересны и для русскаго читателя, которому, по нашему мнѣнію, лишь эти послѣднія главы и можно рекомендовать для чтенія.

Общее прогрессивное направленіе автора, сказывающееся во всемъ его трудѣ, является, несомнѣнно, выгодной стороной его работы, но, конечно, лишь постольку, поскольку не нарушается объективная научная истина: намѣренное или вытекающее изъ незнанія замалчиваніе важныхъ литературныхъ явленій особенно въ древнемъ и среднемъ періодахъ русской литературы, сгущеніе красокъ и подтасовка фактовъ при оцѣнкѣ новой литературы оправданы быть не могутъ.

Что касается главной своей цѣли, т. е. ознакомленія нѣмецкаго общества съ русской литературой, то въ данномъ случаѣ цѣль достигается авторомъ лишь отчасти: его трудъ можетъ заинтересовать читателя тѣми или иными явленіями русской литературы, познакомить съ общимъ характеромъ дѣятельности отдѣльныхъ писателей главнымъ образомъ XIX в., но ни прочныхъ фактическихъ знаній, ни общей вѣрной картины развитія русской литературы въ связи съ развитіемъ историко-культурной жизни трудъ г. Полонскаго не даетъ.

Особенно же неудовлетворительность труда г. Полонскаго сказывается при сравненіи его работы съ обстоятельными, серьезно задуманными и тщательно выполненными работами его коллегъ по обрисовкѣ историческаго развитія литературъ другихъ европейскихъ народовъ въ научно-популярныхъ изданіяхъ «Göschen'a», какъ-то:

Prof. Koch, Deutsche Literaturgeschichte (№ 31).

Prof. Weitbrecht, Deutsche Literaturgeschichte der Klassikerzeit (161).

Его же, Deutsche Literaturgeschichte des XIX Jahrhund. (134, 135).

D-r K. Weiser, Englische Literaturgeschichte (№ 69).

D-r R. Beer, Spanische Literaturgeschichte (№№ 167, 168).

D-r J. Karásek. Slavische Literaturgeschichte (277, 278).

Не безынтересно отмѣтить и то, что тогда какъ напр. на обрисовку развитія испанской литературы г-ну Беєру оказалось необходимо 2 томика, а историкамъ нѣмецкой литературы 4 томика, г. Полонскій умѣстилъ всю русскую литературу въ одномъ томикѣ. Правда, дѣло не въ количествѣ страницъ и томовъ, а въ качествѣ написаннаго, но и послѣднее у г. Полонскаго не особенно высокой пробы.

Отсутствіе цитатъ изъ произведеній, полное невниманіе къ біографическому элементу и пренебреженіе библіографическими указаніями если не русскихъ изданій, пособій, изслѣдованій, монографій и т. д., то по крайней мѣрѣ имѣющихся на нѣмецкомъ языкѣ, все это—не можетъ быть не поставлено въ вину автору, разсмотрѣнный трудъ котораго долженъ быть признанъ стоящимъ гораздо ниже труда «Reinholdt, Geschichte der russischen Litteratur».

П. Заболотскій.

Лейпцигъ.

Цонев Б. Общославянски език.

Авторъ статьи касается вопроса о томъ языкѣ, который можетъ быть принятъ всѣми славянами въ качествѣ объединяющаго органа междуславянскихъ сношеній научныхъ, торговыхъ, общественныхъ. На такомъ языкѣ должны были бы вестись всѣ славянскіе конгрессы и конференціи, на которые собираются представители разныхъ славянскихъ народностей. Такой языкъ долженъ быть общимъ научнымъ органомъ, на которомъ всѣ славянскіе ученые обнародовали бы свои ученые труды, чтобы ими могли пользоваться не только братья славяне, но и иностранные ученые вмѣсто того, чтобы изучать нѣсколько отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Но, разумѣется, такой языкъ не мѣшалъ бы развитію другихъ славянскихъ языковъ, ихъ мѣстной литературы. Авторъ напоминаетъ, что такую роль непродолжительное время игралъ древне-болгарскій языкъ, какъ языкъ славянскаго богослуженія и славянской церкви у всѣхъ славянъ, не только восточныхъ, но и западныхъ. У русскихъ, болгаръ и сербовъ онъ сохраняетъ это значеніе какъ языкъ богослужебный и до сихъ поръ съ видоизмѣненіемъ, разумѣется,

редакціи и въ зависимости отъ вліянія живого языка каждаго изъ этихъ народовъ въ отдѣльности.

Отстаивая ту мысль, что такой языкъ не можетъ быть ни языкомъ мертвымъ, ни искусственнымъ, г. Цоневъ находитъ, что эту роль долженъ будетъ играть непремѣнно живой языкъ того славянскаго племени, которое могло бы импонировать другимъ славянскимъ народамъ своимъ культурнымъ перевѣсомъ.

Оглядываясь назадъ авторъ статьи указываетъ, что въ исторіи славянской бывали времена, когда отдѣльные славянскіе языки распространялись за предѣлами своей территоріи и такіе моменты совпадали обычно съ моментами высшаго культурнаго и политическаго развитія отдѣльныхъ народовъ.

Такъ въ XIV—XV в. сербскій языкъ употреблялся не только въ Сербіи, но и въ Македоніи, Албаніи, Западной Болгаріи, Боснѣ, Далмаціи, Хорватіи, соперничалъ съ болгарскимъ въ Валахіи.

Чешскій языкъ послѣ гуситскихъ войнъ былъ литературнымъ языкомъ не только у словаковъ и лужичанъ, но и въ Польшѣ и даже въ югозападной Руси оставилъ слѣды своего вліянія въ XV—XVI вв.

Съ конца XVI в. и въ XVII в. польскій языкъ получилъ широкое распространеніе не только въ Силезіи, западной Руси, Буковинѣ и Моравіи, но и въ Литвѣ.

Съ возвышеніемъ московскаго государства въ связи съ войнами русскихъ противъ турокъ, взоры южныхъ славянъ стали обращаться на сѣверъ, почерпая здѣсь не только духовную пищу, но и сладкія надежды на освобожденіе отъ Полумѣсяца съ русскою помощью. Болгарскіе и сербскіе монахи, приходившіе въ Россію за сборомъ милостыни, возвращались съ русскими церковными книгами.

Съ того времени русско-славянскій языкъ проникъ къ южнымъ славянамъ, удержавшись у нихъ и до сихъ поръ. А съ развитіемъ русской литературы русскій языкъ на славянскомъ югѣ занялъ не только первое мѣсто сравнительно съ другими славянскими, но даже и сравнительно съ другими европейскими языками.

Вспоминая опытъ Крижанича, г. Цоневъ находитъ, что созданный имъ искусственный литературный языкъ не имѣлъ бы успѣха и въ томъ случаѣ, если бы политическія условія для дѣятельности Крижанича были вполнѣ благопріятны.

Не имѣли успѣха и попытки Геркеля, который думалъ, что общеславянскій языкъ можетъ заимствовать по немногу изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, или Маяра-Зильскаго, который предлагалъ

каждому славянскому писателю приближать свой родной языкъ къ другимъ славянскимъ языкамъ. Геркель для такого языка предлагалъ латинскій алфавитъ, дополненный кирилловскими буквами, Маяръ-Зильскій—кириллицу. Колларъ допускалъ смѣшанный языкъ изъ 4-хъ языковъ русскаго, югославянскаго, чешскаго и польскаго, что Цоневъ справедливо считаетъ непріемлемымъ.

Но были и предложенія принять одинъ изъ живыхъ славянскихъ языковъ.

Пухмайеръ и Юнгманъ предлагали для этого русскій языкъ, Гаттала сербско-хорватскій.

Всѣ эти попытки не привели до сихъ поръ къ желанному результату и общеславянскій языкъ и до сихъ поръ остается сладкой мечтой славянскихъ патріотовъ; но болгарскій профессоръ вѣритъ, что настанетъ время, когда эта мечта осуществится. Чѣмъ болѣе растетъ у славянъ сознаніе племеннаго единства, тѣмъ болѣе развиваются между ними взаимныя сношенія, тѣмъ очевиднѣе сказывается необходимость въ общемъ славянскомъ языкѣ. Нельзя утверждать, что славяне могутъ обойтись безъ такого языка благодаря близости своихъ языковъ. Правда славянскіе языки ближе другъ къ другу, чѣмъ языки германскіе, или романскіе, но, не учась, всетаки одинъ славянинъ не пойметъ другого. Пожалуй съ грѣхомъ пополамъ еще могли бы понимать другъ друга ближайшіе сосѣди, напр. русскіе и болгары, болгары и сербы, сербы и словинцы, чехи и поляки, но уже не такъ легко это напр. болгарамъ и чехамъ, или сербамъ и полякамъ. Изучать нѣсколько славянскихъ языковъ вмѣсто одного непрактично. Искусственные языки не имѣли успѣха, принять какой-либо изъ иностранныхъ языковъ французскій, нѣмецкій или англійскій, было бы по мнѣнію г. Цонева несоотвѣтственно достоинству славянъ. Остается одинъ выходъ принять какъ общеславянскій языкъ одинъ изъ живыхъ славянскихъ языковъ. Какой же въ такомъ случаѣ?

Съ формальной стороны трудно отдать предпочтеніе одному языку передъ другимъ.

Единственно, съ чѣмъ нельзя не считаться, это съ численностью отдѣльнаго народа и въ связи съ тѣмъ съ ожидаемымъ его будущимъ и культурнымъ значеніемъ въ настоящемъ и будущемъ.

«Исходя изъ этой точки зрѣнія, едва ли можно сомнѣваться, которому изъ славянскихъ народовъ отдать предпочтеніе. Сколько бы мы ни признавали славное прошлое и еще болѣе славное будущее всѣхъ славянскихъ народовъ, всетаки есть одинъ славянскій на-

родъ, который можетъ гордиться и блестящимъ прошлымъ и которому все предвѣщаетъ еще болѣе блестящее будущее, какъ самому многочисленному славянскому народу, какъ обладателю обширнѣйшей территоріи. Этотъ народъ русскій, народъ въ русскомъ царствѣ, ему предстоитъ играть роль солнца между мелкими планетами, другими славянскими народами».

Очевидность этого преимущества подтверждается по взгляду профессора Цонева слѣдующими пунктами:

1) Русскихъ всѣхъ вмѣстѣ, великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ 70 милліоновъ. Такая масса имѣетъ право и силу свой языкъ распространить и на другихъ славянъ, если только другіе славяне не откажутся отъ своего славянства.

2) Русскіе располагаютъ и въ настоящее время огромной литературой, которая постепенно получаетъ міровое значеніе на ряду со старшими европейскими литературами. Не вполнѣ ли естественно, чтобы эта литература, которая оказываетъ вліяніе даже на неславянскихъ писателей, была принята и славянами, которые по этому самому могутъ интересоваться и ея языкомъ.

3) Современный русскій литературный языкъ по своему историческому развитію стоитъ очень близко къ древне-болгарскому, потому что у него заимствовалъ много элементовъ и благодаря этому является продолженіемъ того языка, который тысячу лѣтъ назадъ былъ на пути, чтобы стать общеславянскимъ.

4) Съ болгарской точки зрѣнія ни одинъ славянскій языкъ не пользуется такимъ знакомствомъ и такими симпатіями болгарскихъ писателей, какъ русскій, который уже цѣлый вѣкъ питаетъ нашъ языкъ какъ свое дитя и наиболѣе приближаетъ его къ себѣ. Русская книга была и будетъ обильнымъ источникомъ для болгарскихъ писателей. Не трудно убѣдиться, что начиная съ Паисія и оканчивая любымъ изъ современныхъ писателей всѣ черпаютъ науку и поэзію изъ русской литературы. И бѣда тому нашему писателю, который пройдетъ мимо этого животворнаго источника.

5) Русское народное государственное могущество неотразимо дѣйствуетъ на другихъ славянъ и они съ благоговѣніемъ смотрятъ на все русское; русская литература распространяется по славянскимъ землямъ не только въ переводѣ, но и въ оригиналѣ, а русскій языкъ является учебнымъ предметомъ во многихъ славянскихъ школахъ, во многихъ славянскихъ обществахъ и клубахъ.

Между славянской интеллигенціей обнаруживается движеніе въ пользу русскаго языка и не долго остается ждать того времени,

когда вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ будетъ рѣшенъ именно въ указанномъ смыслѣ.

Изъ послѣднихъ строкъ разбираемой статьи, которыя мы приведемъ вполнѣ, видно, что въ душѣ автора остается непоколебимой вѣра въ ожидающее русскій народъ міровое предназначеніе: «Я пишу эти строки какъ разъ въ тѣ дни, когда по всей братской намъ русской землѣ разыгрываются многознаменательныя событія. Я и теперь пишу такъ, какъ писалъ бы и прежде, потому что твердо вѣрю въ будущее величіе русскаго народа. Переживаемыя имъ соціальныя потрясенія, какъ бы страшны они ни были, не нанесутъ ущерба цѣлости русскаго государства, не сокрушатъ единство русскаго народа, не погубятъ его культурныхъ пріобрѣтеній, добытыхъ въ теченіе столькихъ вѣковъ. Послѣ бури настанетъ снова миръ, еще яснѣе засвѣтитъ солнце, и русскій народъ все равно при томъ или другомъ правленіи пойдетъ еще смѣлѣе впередъ по пути къ своему міровому предназначенію».

Пусть одушевляющія болгарина чувства къ русскому языку и народу заставятъ призадуматься прежде всего тѣхъ, которые, судя по всему, недостаточно дорожатъ до сихъ поръ всѣхъ русскихъ скрѣплявшимъ единствомъ литературнаго языка.

Мы привѣтствуемъ полную свободу литературнаго развитія малорусскаго нарѣчія. Вполнѣ допустимо начальное обученіе на родномъ языкѣ, имъ могутъ пользоваться поэты и писатели, твореніямъ которыхъ родной языкъ даетъ чарующую силу, намъ лично доставляло наслажденіе слушать на сценѣ малорусскія бытовыя пьесы, было прискорбно запрещеніе изданія на малорусскомъ нарѣчіи новаго завѣта. Но съ другой стороны нельзя желать въ интересѣ нашего общаго прогресса отдѣленія малороссовъ въ ученой и политической литературѣ. И намъ думается, что устраненіе обидныхъ стѣсненій мѣстныхъ языковъ въ нашей новой политической и культурной жизни не ослабитъ въ русскихъ гражданахъ уваженія и любви къ русскому литературному языку, который болѣе, чѣмъ другія русскія нарѣчія, обогащенный наслѣдіемъ славянскаго языка, благодаря непрерывному многовѣковому и разностороннему развитію, занялъ между ними господствующее мѣсто.

Такія предпріятія послѣдняго времени, какъ задуманное нашей Академіей изданіе славянской энциклопедіи, языкомъ которой будетъ русскій и осуществленію которой уже положено начало, благодаря энергичному участію проф. Ягича, являются прекраснымъ опытомъ объединенія все-славянскихъ интересовъ. Да совпадутъ же

они съ грядущимъ обновленіемъ русской, а съ ней вмѣстѣ и всеславянской жизни.

Мы могли бы кончить нашу замѣтку, если бы не было важно обратить вниманіе на тѣ заявленія, которыя г. Цоневъ обращаетъ къ русскимъ въ интересѣ скорѣйшаго успѣха въ осуществленіи защищаемой имъ мысли объ общеславянской роли русскаго языка.

Прежде всего, по его мнѣнію, должно быть упрощено русское правописаніе. На первомъ мѣстѣ поставлено исключеніе совсѣмъ лишнихъ буквъ, каковы *ѣ* и *ъ*; далѣе предлагается замѣна я и ю начертаніями јa, јy, или же по крайней мѣрѣ іа, іу. Вполнѣ справедливо г. Цоневъ считаетъ букву ј, которую имѣютъ всѣ славяне, исключая русскихъ и болгаръ, необходимой для ясности письма при помощи ј, написаніе которой указываетъ, что въ я и ю скрываются два звука согласный ј и гласные а и у. Что касается выбора между ј и і, то по нашему мнѣнію предпочтеніе въ этомъ случаѣ слѣдовало бы отдать ј. Съ і у насъ соединяется представленіе о гласной и оно могло бы мѣшать принятію этой буквы въ значеніи ј. У болгаръ дѣлались попытки замѣнять, і ј но только при изданіи образцовъ народной словесности. Нужно вообще замѣтить, что болгаре, какъ и русскіе, оказались весьма консервативны въ вопросѣ объ алфавитѣ. Попытка измѣненій въ немъ, предложенная болгарскими филологами, какъ извѣстно, потерпѣла фіаско. И у насъ даже незначительныя измѣненія въ правописаніи, предложенныя такимъ авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ Академія Наукъ, не вошли еще въ жизнь, задержаны стеченіемъ быть можетъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ нашей жизни за послѣднее время.

Затронутый проф. Цоневымъ вопросъ быть можетъ дастъ толчекъ въ этомъ дѣлѣ, которое и само по себѣ заслуживаетъ вниманія и въ возможномъ, хотя и не близкомъ еще будущемъ можетъ сыграть важную роль въ интересахъ общеславянскаго сближенія.

Другимъ условіемъ, при которомъ, по мнѣнію проф. Цонева, можетъ быть осуществлена идея общеславянскаго языка, должно быть согласіе всѣхъ славянъ принять одинъ алфавитъ. Иначе всякая мысль объ общеславянскомъ языкѣ будетъ праздной мечтой.

Къ сожалѣнію г. Цоневъ не высказался по этому пункту болѣе подробно и опредѣленно.

Разумѣется, признаніе русскаго языка общеславянскимъ само собою должно предполагать и принятіе кирилловскаго письма западными славянами съ измѣненіями въ смыслѣ указаннаго упрощенія русскаго правописанія.

Намъ думается, что при этомъ кирилловскимъ алфавитомъ и можно было бы ограничиться на первое время лишь для тѣхъ нуждъ, которымъ будетъ удовлетворять общеславянскій языкъ. Вся остальная литература могла бы пользоваться привычнымъ письмомъ. Это будетъ такъ, какъ латинскій алфавитъ ученыхъ изданій у нѣмцевъ уживается съ готическимъ. Нельзя скрывать, что перемѣна алфавита дѣло не легкое и оттого трудно разсчитывать, чтобы широкая публика каждой отдѣльной народности поступилась своимъ письмомъ. Достаточно привести примѣръ сербовъ и хорватовъ. При одномъ литературномъ языкѣ книги, напечатанныя латинскими буквами, не читаются въ Бѣлградѣ, а печатаемыя кириллицей Вука Караджича не читаются въ Загребѣ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Предполагаемое г. Цоневымъ осуществленіе идеи о принятіи всѣми славянами русскаго языка какъ общеславянскаго сразу бы выиграло, если бы по крайней мѣрѣ южные славяне—болгаре и сербы пришли къ согласному рѣшенію. Югославянскіе языки вмѣстѣ съ русскимъ пользуются однимъ алфавитомъ, русскій языкъ ближе къ югославянскимъ, чѣмъ къ западнославянскимъ, онъ болѣе распространенъ на славянскомъ югѣ. Въ силу этого южнымъ славянамъ легче сдѣлать починъ, результатомъ котораго по всей вѣроятности будетъ присоединеніе Чеховъ и Поляковъ.

П. Лавровъ.

Н. Поповъ. Рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) библіотеки. Вып. I. Новоспасское собраніе. Москва, s. a. (1905). VII + 189, 8°, съ тремя снимками. Ц. 2 р.

Предметомъ настоящаго описанія является небольшая (всего 18 №№) коллекція рукописей Новоспасскаго монастыря (въ Москвѣ), поступившая въ 1903 году въ Московскую Синодальную библіотеку. Хронологически это первое описаніе синодальныхъ славянскихъ рукописей, появляющееся въ печати послѣ 1869 года, когда вышелъ послѣдній томъ неоконченнаго труда А. В. Горскаго и К. И. Невоструева.

Н. П. Поповъ, авторъ настоящаго описанія, отнесся къ своему дѣлу весьма внимательно, воспользовавшись почти всѣмъ, что

только могло служить къ уясненію состава Новоспасскаго собранія. Но онъ не увлекся примѣромъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ по весьма понятной причинѣ: цѣлью его была работа прежде всего библіографическая, долженствующая служить лишь пособіемъ для спеціалистовъ; онъ не желалъ въ виду этого превращать указатель въ рядъ научныхъ изслѣдованій: этого не заслуживалъ и матеріалъ, представляемый Новоспасскимъ собраніемъ. Но, что Н. П. Поповъ, описывая эти рукописи, оцѣнилъ въ нихъ то, что заслуживало съ литературно-исторической точки зрѣнія вниманія, видно изъ «Приложенія» I (стр. 117—157), представляющаго цѣлый научный экскурсъ по поводу дѣйствительно важнаго и цѣннаго текста одной изъ толковыхъ псалтырей (№ I) Новоспасскаго собранія; тоже до извѣстной степени слѣдуетъ сказать объ описаніи рукописи № XI, содержащей древній (XIV в., бумага) текстъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ — древнѣйшей рукописи собранія.

Что касается достоинствъ даннаго описанія, то самъ авторъ вполнѣ правильно оцѣнилъ свой трудъ: «Лингвистъ не найдетъ въ описаніи подробной характеристики рукописей со стороны языка, а историкъ и археологъ — нѣкоторыхъ указаній на источники, возможныхъ при другихъ условіяхъ [1]). ....Но и при всемъ томъ, авторъ надѣется, что не оставилъ безъ вниманія фактовъ и свѣдѣній, интересныхъ въ историко-литературномъ отношеніи и содержащихся въ Новоспасскомъ собраніи рукописей» (стр. V). Дѣйствительно, описаніе производитъ весьма выгодное впечатлѣніе своей полнотою, обстоятельностью: видно, авторъ не только ознакомился съ составомъ рукописей, но и изучилъ содержимое въ нихъ, почему совершенно отчетливо характеризуетъ каждую статью рукописи, иллюстрируя эту характеристику удачно выбранными сравненіями, выписками. Внѣшнее описаніе рукописей (съ археологической точки зрѣнія) очень тщательно; но палеографическое вышло у автора нѣсколько слабѣе: хотя рукописи Новоспасскаго собранія большой древностью не отличаются, однако между ними есть не только упомянутая рукопись XIV вѣка, но и тексты XV—XVI вѣковъ, какъ разъ того времени, которое, какъ извѣстно, труднѣе всего поддается опредѣленію, чему причиной съ одной стороны масса текстовъ, которые могутъ быть относимы къ этимъ

---

1) Составитель не имѣлъ подъ рукой хорошо составленной спеціальной библіотеки, ему приходилось дѣлать ссылки на устарѣлыя изданія и даже на рукописи вмѣсто печатныхъ книгъ.

вѣкамъ, съ другой недостаточность собраннаго палеографическаго матеріала, а таковой прежде всего долженъ быть добытъ и сообщенъ составителями описаній рукописей.... Правда, къ описанію Н. П. Попова приложены снимки (изъ сербской рукописи XIV в., изъ Минеи 1553 (№ XII) и югозападной псалтыри XVI в. (№ I); но снимки эти даютъ недостаточно: ихъ не только мало (всего два, относящихся къ XVI в.), но и даны они въ уменьшенномъ значительно форматѣ; а это послѣднее обстоятельство, какъ извѣстно, значительно вліяетъ на наше, хотя бы общее, впечатлѣніе о рукописи, не говоря о томъ, что размѣръ буквъ играетъ извѣстную роль и при опредѣленіи времени; особенно это было бы важно для рукописи № XII — писанной въ малый листъ (26,8×19,3 с.) скорописью 1553 года: снимокъ въ $^1/_5$ нат. велич. производитъ впечатлѣніе характерной рукописи XVII вѣка, особенно если сосредоточить вниманіе на самомъ письмѣ. Кажется, было бы предпочтительнѣе дать въ снимкѣ хотя бы часть страницы (сколько умѣстится на таблицѣ книжнаго формата въ 8 д. л.), но въ натуральную величину этой части страницы. При всемъ томъ, конечно, болѣе подробное описаніе графики рукописей было бы далеко не лишнимъ. Возьмемъ для примѣра рукопись № I — южно-русскаго письма: въ ней заставляетъ думать о югѣ Руси не только то, что «очертанія буквъ приближаются къ острожскимъ и кіевскимъ изданіямъ, отличнымъ отъ московскихъ съ перваго взгляда» (стр. 1, прим.): въ ней есть свои излюбленныя начертанія, каковы: з размѣромъ превосходящее остальныя буквы, ѹ — преобладающее надъ ѹ, д — съ длинными ножками надстрочное округлое в (є), при сѣверномъ квадратномъ, для рукописи XVI в. — характерное ж вм. ѹ и т. д. [1]); есть довольно ясно выраженные слѣды вліянія молдавскаго пошиба письма, которые были бы еще виднѣе, будь приложенный снимокъ въ натуральную величину, а не уменьшенный на $^1/_6$ (при размѣрахъ рукописи 30,7×19,7 с.) [2]).

Что касается опредѣленія рукописей со стороны языка ихъ, то, если составитель и не обѣщалъ «подробной характеристики» ихъ

---

1) Ср. А. И. Соболевскій, Славяно-русская палеографія, I (Спб .1901), 41.

2) Какъ извѣстно, молдавскія славянскія рукописи отличаются своеобразнымъ, крупнымъ въ большинствѣ случаевъ, полууставомъ. Старшей русской рукописью, въ графикѣ отразившей это вліяніе, кажется, можно счесть Тріодь 1466 года (Имп. Публ. Библ.); см. А. Соболевскій «Палеогр. снимки, изд. Археол. Инст.» (Спб. 1901, табл. XVI).

съ этой стороны, во всякомъ случаѣ вопросъ о языкѣ рукописи обходить молчаніемъ онъ себя не счелъ въ правѣ, почему и находимъ у него при описаніи древнѣйшей рукописи собранія кое-какія замѣтки о языкѣ; при остальныхъ рукописяхъ такихъ замѣтокъ нѣтъ: видимо, съ точки зрѣнія составителя описанія, рукописи эти интереса не представляли въ этомъ отношеніи. Останавливаясь на языкѣ списка XIV в. (№ XI), составитель описанія считаетъ его «въ своей основѣ старо-славянскимъ сербскаго извода» (стр. 74), даетъ образцы архаическихъ формъ склоненій (исключительно формы род. пад., которыя, едва ли характерны въ качествѣ остатковъ старины для сербскаго списка), спряженій (опять таки только imperfect'а), образцы сербизмовъ и наконецъ кое-какихъ еще особенностей, кажется, не относимыхъ ни къ архаизмамъ, ни къ сербизмамъ. Эти то послѣднія особенности могли бы помочь автору точнѣе характеризовать языкъ рукописи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя; такъ смѣна ꙗ и ѣ (повѣлꙗніе, гнꙗвъ) прямо заставляютъ подозрѣвать присутствіе въ числѣ предшественниковъ нашего списка болгарскаго текста; съ этимъ совпадаютъ и другія особенности языка и графики текста, насколько можно судить даже по небольшой выпискѣ изъ начала рукописи (стр. 78) и по приложенному снимку; сюда слѣдуетъ отнести пропажу іотаціи (къ которой, какъ извѣстно, сербскій языкъ весьма чувствителенъ): нѣкаа цр҇твиа, ѿкааньнь, плѣненїа, таковаа (снимокъ), бг҇овидѣнїа (выписка), сѹщаа, врѣмен'наа (цитата на стр. 73); тоже и по отношенію къ разницѣ между ѥ (є) и є, тѣмъ строже соблюдаемой, чѣмъ рукопись старше (а XIV в. для сербской рукописи — старина почтенная): рядомъ съ правильнымъ различіемъ этихъ звуковъ и начертаній находимъ: ѥѳиѡпьскые (цит. на стр. 72), подгризаемое, оцещае, повѣлꙗніе, моее (цитаты, стр. 74—75), коньчнѥе, дѣланиемь, изволѥнїемь (выписка), прѣднее свобоженїе, прѣслоушанїемь, прьвые (снимокъ).

Если формы: всака, всоу, скрозѣ, ѥгово (стр. 74, 75), слѣдуетъ отнести къ сербскимъ, то форма: сичевѡ = сицево (тамъ же), при другихъ признакахъ, указанныхъ выше, должна также указывать на болгарскій оригиналъ нашего текста [1]). Аналогичный недосмотръ обнаруживается и въ опредѣленіи приписки на л. 70 об. этой рукописи (стр. 73—74): писанная тайнописью (такъ называемой «простой литореей») и раскрытая въ описаніи запись аполога о че-

1) Ср. П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и форм. особ. болгарскаго языка (М. 1893), стр. 95—96.

ловѣкѣ и верблюдѣ охарактеризована Н. П. Поповымъ, какъ, «повидимому, привнесенная въ сербскую рукопись изъ среднеболгарской». Съ этимъ согласиться нельзя: ничего среднеболгарскаго въ этой записи нѣтъ [1]), а слѣдуетъ признать ее за русскую: на это указываютъ формы: *терпѧ*, держашесѧ, оутвердивъ, твердыни, чернꙋ, непрестанно, пожрети, древо (bis), воплѧ (gen. sg.) мнѧшесѧ, змиꙗ (accus. sg.), но, посмотр*ив*ъ (=ѣ) и т. д., словомъ—типичное русское письмо; наоборотъ, характерныя болгарскія черты (ж = ѧ, отсутствіе іоатаціи и т. д.) отсутствуютъ. Чтобы покончить съ этой рукописью, укажу кстати еще на одинъ недочетъ въ ея описаніи: отсутствіе палеографическаго описанія (напр., указанія на «очное» ѡ, характерное ѣѣ въ род. мн. ж. р.); отсутствіе подробнаго описанія тѣмъ болѣе ощутительно, что бумажная рукопись XIV в. даже въ югославянскихъ текстахъ явленіе не частое, и грань между XIV-мъ и XV в. въ сербской письменности устанавливается такъ же трудно, какъ у насъ между XV-мъ и XVI-мъ.

Если авторъ описанія тщательно описывалъ статью за статьею всѣ рукописи, кропотливо подбирая справки и параллели изъ другихъ текстовъ и изданій (а это—крупное, несомнѣнно, достоинство его труда), то и тутъ иногда приходится натыкаться на неточности, извинительныя для составителя, не имѣвшаго часто подъ рукой подходящаго справочнаго матеріала (ср. предисловіе, стр. V); впрочемъ, ихъ очень немного; напр., статья о воздвиженіи хлѣба (рукоп. № XII, л. 326) считается въ описаніи апокрифической и взятой, вѣроятно, изъ патерика (какого?): статья эта въ той же редакціи обычно встрѣчается въ хронографахъ (см. А. Поповъ, Обзоръ, I, 85, 139), куда она попала изъ сборника въ родѣ Кирилловскаго, отмѣченнаго у А. Попова, откуда она могла попасть и въ рукопись № XII. Въ той же рукописи слѣдующая статья (л. 326 об.) — Слово Св. (стго?) Серапіѡна — опредѣлена, какъ «собраніе нравоученій, обычно входящихъ въ пчелы («Пчелы»?), съ повѣстью о знаменитыхъ сиракузскихъ друзьяхъ». Жаль, что составитель описанія не привелъ въ данномъ случаѣ хотя бы начала статейки (что онъ неукоснительно дѣлаетъ вездѣ); не зная статейки, не имѣя возможности судить и объ ея текстѣ (въ которомъ есть отличія, по словамъ описателя, отъ Синод. рукоп. Пчелы № 579, на описаніе

1) Можетъ быть, составителя описанія смутило присутствіе ѧ въ сербской рукописи?

которой и ссылка) [1]), нельзя опредѣлить отношеніе ея къ 6-й главѣ «Пчелы» (изд. подъ ред. Семенова, Спб. 1893, стр. 58 сл.): просто ли это выписка изъ готоваго текста русской «Пчелы», или же что либо независимое, лишь восходящее къ одному съ Пчелой источнику? Имя св. Серапіона также увеличиваетъ недоумѣніе: въ «Пчелѣ» этого имени не встрѣчается въ означенной главѣ [2]).

Во всякомъ случаѣ, неточности въ родѣ указанныхъ въ описаніи Новоспасскаго собранія рѣдки, и мы можемъ, руководясь указаніями составителя вполнѣ точно оцѣнить научное значеніе не только всякой рукописи, но и почти каждой статьи, входящей въ составъ ея, а стало быть оцѣнить и все собраніе, недавно только ставшее доступнымъ для изслѣдователей.

Собраніе это, какъ было сказано, не велико по числу номеровъ— всего 18 рукописей; но между ними достаточно не только интересныхъ въ историко-литературномъ отношеніи, но и важныхъ, какъ дающихъ новые факты въ этомъ отношеніи. На первомъ мѣстѣ несомнѣнно слѣдуетъ поставить № I—Псалтирь съ толкованіями— XVI в.: естественно, что и описана эта рукопись подробнѣе другихъ (см., напр., списокъ толковниковъ, вошедшихъ въ толкованіе, стр. 5— 8), что ей посвященъ отдѣльный экскурсъ въ концѣ всего описанія рукописей. № II—III — Толкованіе на псалтырь Максима Грека въ спискѣ XVI вѣка; № IV — Евангеліе съ толкованіями Ѳеофилакта, XV—XVI в.; здѣсь отмѣчено соотношеніе между рукописнымъ текстомъ и печатнымъ (1648 г.); № V—VI — Трефолой XVI—XVII в.; № VII — Служебная минея за январь XVI в.; № VIII — Тріодь XVI в.—всѣ описаны подробно съ указаніемъ даже мелкихъ отличій въ службахъ отъ нынѣшняго порядка; № IX—X—два Синодика-помянника, одинъ XVII, другой XVIII в. въ древнѣйшей части: тщательно извлеченъ въ описаніи историческій матеріалъ, указаны роды вкладчиковъ (алфавиты этихъ родовъ и лицъ отдѣльно—приложеніе 2-е, стр. 159—178); № XI—Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ: въ описаніи отмѣчены особенности перевода и отношеніе его къ изданію 1681 г., причемъ наглядно, путемъ сравненія съ Синод.

---

1) Горскій и Невоструевъ, II, 3, стр. 531 (а не 831, какъ напечатано у Н. П. Попова); а «Пчела» эта — одной редакціи по чтеніямъ и составу съ изданной (см. мои «Переводные сборники....», М. 1904, стр. 267).

2) Оно встрѣтилось въ одной поздней сербской передѣлкѣ выборки изъ «Пчелы», но по темѣ изреченіе иное, нежели годилось бы въ 6-ю главу; см. Новаковичъ, Примери, изд. 2-е (1889), стр. 458.

рук. № 114 (съ поправками Симеона Полоцкаго), доказано вліяніе на переработку стараго текста латинскаго изданія и кутеинскаго (1637 г.). № XII—рукопись весьма цѣнная: это—мартовская минея-четья до-макарьевскаго состава, 1553 года: отношеніе ея къ супрасльской, къ греческимъ текстамъ (подобраннымъ въ статьѣ Абихта — въ Arch. f. sl. Ph. XV, XVI, XVIII) и къ макарьевской установлено совершенно точно, при чемъ автору описанія удалось на основаніи греческихъ текстовъ Синод. библ. исправить и дополнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ работу Абихта (напр., на 3-е, 4-е, 22-е числа); въ концѣ рукописи очень важный текстъ — синодикъ въ недѣлю православія. № XIII — Кормовая книга Новоспасскаго монастыря первой половины XVII в., № XIV — Сказаніе о нерукотворномъ образѣ—въ позднемъ (XVIII—XIX в.) спискѣ, № XV — Соборныя дѣянія 1666—1667 гг. въ спискѣ XVIII в., № XVI — копія съ объявленій о чудесахъ Иннокентія Иркутскаго (перв. четв. XIX в.), № XVII — повѣсть объ Иларіонѣ Суздальскомъ въ сп. 1806 г., и № XVIII — сборникъ XVII в.: Богословіе Іоанна Дамаскина въ переводѣ І. Экзарха, прѣніе Аѳанасія съ Аріемъ, пасхалія, астрономическія статьи, отрывки изъ Физіолога, азбуковника, статьи грамматическаго характера (всѣ извѣстны въ изданіи И. В. Ягича: «Изслѣдованія по русскому языку»).

Вотъ составъ собранія: оно, какъ видимъ, не велико. По справкамъ, тщательно наведеннымъ авторомъ описанія, не велико было оно и въ старину, въ половинѣ XVIII вѣка, но всетаки доходило до четырехъ десятковъ; отъ нихъ осталось до нашего времени (не считая позднѣйшія поступленія) лишь 8. Произведя подробное обслѣдованіе описи книгъ степенныхъ монастырей (сост. въ 1653 г., напеч. въ «Чтеніяхъ О. И. и Др.» 1848), Н. П. Поповъ склоненъ думать, что значительная часть и при томъ лучшая (рукописи пергаминныя, богато переплетенныя) сдѣлалась жертвой хищеній, можетъ быть, даже ученыхъ хищеній. Можетъ быть, нѣкоторымъ дополненіемъ къ предположеніямъ Н. П. Попова можетъ послужить еще соображеніе, имъ не приводимое: опись книгамъ, составленная по указу Никона въ началѣ 1653 года, имѣла цѣлью не только привести въ извѣстность рукописный матеріалъ монастырей, но и воспользоваться этимъ матеріаломъ: книги, какія понадобились, могли быть вытребованы и не возвращены, а остаться въ патріаршей библіотекѣ или библіотекѣ печатнаго двора, или справной палаты. Это, помимо приведеннаго Н. П. Поповымъ, можетъ уяснить постепенное умаленіе собранія Новоспасскаго монастыря.

Обращаюсь, наконецъ, къ упомянутому экскурсу о толковой псалтири № 1. Присматриваясь къ характеру (полемическому) толкованій, сопровождающихъ псалмы, изслѣдователь находитъ въ однихъ изъ нихъ прежде всего антиюдаистическую тенденцію, имѣющую въ виду ересь жидовствующихъ; въ другихъ вскрывается полемика противъ антитринитаріевъ-социніанъ. Въ связи съ этимъ объясняется и составъ толкованій: это—древняя по переводу Ѳеодоритова псалтирь, осложненная (въ интересахъ перваго сорта тенденціи) древней же, такъ называемой Аѳинасіевской, а затѣмъ цѣлымъ рядомъ толкованій, подобранныхъ (въ интересахъ тенденціи втораго сорта) изъ разнообразныхъ источниковъ, среди коихъ видное мѣсто занимаютъ сочиненія Максима Грека, труды, возникшіе при его участіи (напр., слова Златоуста и Василія въ томъ переводѣ, какой читается въ Синод. рук. 238), наконецъ, переводъ «Новаго Маргарита», сдѣланный кн. Андреемъ Курбскимъ. Соображенія относительно содержанія толкованій въ связи съ исторіей религіозныхъ движеній въ югозападной Руси XVI в. съ одной стороны, сопоставленіе литературныхъ взглядовъ и пріемовъ кн. Курбскаго съ содержаніемъ и стилистическими пріемами толкованій въ псалтири съ другой приводятъ автора къ выводу, что Новоспасская псалтирь писана на югѣ Россіи—за рубежомъ,—составлена самимъ княземъ Курбскимъ и его сотрудниками, а киноварныя замѣтки (которыми покрыты поля рукописи) самого Курбскаго (стр. 143) [1]. Возможно, по изслѣдованію автора, опредѣлить и время составленія псалтири: это—60-е годы XVI ст. (150 стр.). Наконецъ, чтобы возможно полнѣе освѣтить важный фактъ — открытіе новаго труда кн. А. Курбскаго,—Н. П. Поповъ задается вопросомъ: для какого общественнаго круга назначался трудъ Курбскаго? Такимъ кругомъ авторъ склоненъ счесть братство южно-русское, въ частности братство Слуцкое, имѣвшее свою школу и типографію, игравшее видную роль въ защитѣ православія, кромѣ того извѣстное по дѣятельности старца Артемія, этого стараго друга и учителя А. Курбскаго (153 стр.), съ чѣмъ согласенъ и учебно-полемическій тонъ, присущій нашей псалтири, особенно въ ея началѣ.

Таковы выводы автора: они подкупаютъ своей новизной; обстоятельность, стройность и наглядность всей его діэгезы оставляютъ въ читателѣ вполнѣ удовлетворительное впечатлѣніе: всѣ мелочи, оригинальныя черты такъ хорошо укладываются въ картину лите-

1) Хотя признать ихъ автографомъ Курбскаго и нѣтъ основаній.

ратурнаго и общественнаго настроеній югозападной Руси XVI ст. [1]) и ея дѣятеля—Андрея Курбскаго. Изслѣдованіемъ этой псалтири въ Новоспасской рукописи опредѣляется значеніе и рукоп. Арх. Мин. Ин. дѣлъ № 286, содержащей тотъ же текстъ, но только съ большимъ количествомъ приписокъ на поляхъ: лишнее противъ Спасской рукописи—дальнѣйшія замѣтки того же Курбскаго, постепенно заносившіяся имъ въ рукопись (стр. 151).

Сводя вмѣстѣ все сказанное о трудѣ Н. П. Попова, нельзя не признать его цѣннымъ не только въ смыслѣ библіографическаго пособія для изслѣдователей древней нашей письменности, но и научнаго вклада вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы авторъ описанія Новоспасскихъ рукописей, освободившись отъ нѣкоторыхъ недочетовъ, мною указанныхъ [2]), взялся за другой трудъ, давно уже стоящій на очереди: это—окончаніе описанія собственно-синодальныхъ рукописей, оборвавшагося за смертью Горскаго и Невоструева: часть рукописей еще вовсе не описана, а все собраніе не имѣетъ указателя (указатель архим. Саввы и краток и устарѣлъ); нѣтъ даже указателя къ труду Горскаго и Невоструева. Ожидать этого мы въ правѣ прежде всего отъ завѣдующаго синодальной библіотекой, а настоящее описаніе Новоспасскихъ рукописей ручается за то, что трудъ этотъ будетъ выполненъ отчетливо и научно.

М. Сперанскій.

---

1) Можно только пожалѣть, что сравнительно слабо разработанной вышла та часть разсужденій автора, гдѣ ему пришлось говорить о жидовствующихъ на юго-западѣ Руси и отношеніи ихъ къ социніанамъ, между тѣмъ какъ самый фактъ—что составитель въ основу своего труда положилъ именно антиіудейское толкованіе псалтири, при томъ осложнилъ его такимъ же анти-іудейскимъ инымъ толкованіемъ—такой фактъ долженъ былъ обратить особое вниманіе на себя изслѣдователя.

2) Сюда можно, пожалуй, прибавить довольно большое количество, иногда довольно досадныхъ опечатокъ, особенно въ славянскихъ текстахъ (часто, напр., ȣ вм. ѹ оу), неудачное, во всякомъ случаѣ излишнее въ описаніи рукописей, стремленіе сохранить рукописное раздѣленіе словъ въ цитатахъ. Можетъ быть, его соблазнилъ примѣръ В. В. Сиповскаго (срв. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., Спб. 1905, стр. LXIV)?

Евсѣевъ, И. Е. Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ. Вып. I, 8⁰, VII+172 стр. Орелъ 1905. Цѣна 1 р.

Въ настоящій выпускъ вошло описаніе рукописей и документовъ архивнаго характера изъ двухъ собраній: мѣстной, орловской, духовной семинаріи (108 №№) и церковно-археологическаго музея въ Орлѣ же (98 №№). Какъ всѣ сравнительно недавно возникшія собранія [1]), оба собранія носятъ характеръ случайный по составу сгруппированнаго въ нихъ рукописнаго матеріала, а потому и отличаются большой пестротой и разнообразіемъ содержанія. По той же самой причинѣ, какъ въ семинарскомъ, такъ и музейскомъ собраніяхъ преобладаютъ рукописи поздняго и даже довольно поздняго времени: изъ числа 206 рукописей этихъ собраній на долю XV—XVII вв. приходится лишь около 40, изъ коихъ лишь двѣ (евангеліе сем. собр. № 1 и Минея служебная № 14 муз.) относятся къ XV в. [2]), восемь (№ 2, 3, 10, 11, 45 сем. и 1, 15, 16 муз.)—къ XVI, пять (№ 4, 13, 62, 65 сем. и 23 муз.) къ XVI—XVII-му, остальныя (включая сюда и 17 грамотъ) къ XVII-му вѣку. Такимъ образомъ около 160 рукописей, исключая указанныя, относятся къ XVIII и XIX вѣкамъ.

Но это сравнительно позднее время, къ которому относятся рукописи описанныхъ собраній, не лишаетъ ихъ научнаго интереса: этотъ интересъ, по вѣрному замѣчанію составителя описанія, прежде всего *мѣстный*, въ силу чего мы можемъ довольно ясно представить себѣ мѣстные литературные и книжные интересы молодого въ исторіи Орловскаго края [3]); а затѣмъ, собранія не лишены и общенаучнаго значенія. Въ первомъ отношеніи собранія даютъ достаточно: здѣсь мы находимъ нѣсколько синодиковъ мѣстнаго происхожденія, начиная съ конца XVII вѣка (№ 32—37 сем., 20, 21 муз.), писцовую книгу Брянскаго уѣзда (№ 93 сем.), статистическое и историческое описаніе Орла и его уѣзда (№ 31 муз.), цѣлый рядъ

1) Семинарское образовалось лишь въ 1893 г., а музейское въ 1900 году.

2) И то первая изъ названныхъ рукописей въ предисловіи (стр. IV) отнесена уже къ XV—XVI в.

3) Начало письменности, т. е. участія мѣстныхъ орловцевъ въ общерусскомъ литературномъ движеніи, И. Е. Евсѣевъ относитъ къ концу XVII в.

учебниковъ и произведеній (преимущ. стихотвореній) мѣстныхъ семинарій и т. д. Въ томъ же отношеніи не лишены значенія и рукописи старообрядческія и раскольничьи (№ 53—59 и др.), какъ связанныя съ исторіей мѣстнаго раскола и сектантства; въ этомъ же отношеніи не безъинтересны и многія семинарскія рукописи, попавшія въ собраніе путемъ конфискаціи ихъ у раскольниковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ печати судебныхъ властей на самихъ рукописяхъ [1]); не лишены для мѣстной исторіи № 6—8 сем. собр., содержащія учебники переяславской (южной) семинаріи, какъ показатели вліянія южнаго на просвѣщеніе орловскаго края и т. д. Болѣе широкое значеніе, для изученія старинной русской литературы, имѣютъ въ орловскихъ собраніяхъ довольно многія рукописи; такъ, тамъ находимъ нѣсколько оригинальныхъ памятниковъ, каковы: сочиненія Нила Сорскаго (№ 62 сем.), посланія Ѳедора Карпова (№ 77), путешествіе Трифона Коробейникова (№ 65, списокъ XVI—XVII в.), сборникъ кантовъ (№ 30 муз.); изъ переводныхъ: апокрифы (Меѳодій Патарскій 63, Откровеніе Исаіи 65, 76, Хожденіе Богородицы по мукамъ 65, 72, мученіе Никиты, 12 пятницъ 76 и т. д.), сборники фацецій (79 сем., 28 муз.), житіе Езопа (27 муз.), Петръ—Золотые ключи (81), Брунцвикъ (53), выписки изъ Зерцала (70, 76) и др.; есть кое-что и по житійной литературѣ: Прологъ (46), Макарій желтоводскій и др.; наконецъ, есть хорошій списокъ Златоустника (23 муз.), нѣсколько интересныхъ сборниковъ (напр. XVI—XVII в., такъ называемый «Кромскій» № 65, затѣмъ 72, 76).

Что касается самого описанія рукописей, то оно выполнено по обыкновенному плану краткихъ справочныхъ каталоговъ, давая точное описаніе внѣшней стороны рукописи и точное ея содержаніе съ перечисленіемъ, гдѣ слѣдуетъ (напр. въ сборникахъ), всѣхъ статей, входящихъ въ составъ той или другой рукописи, при чемъ даются, гдѣ необходимо, и свѣдѣнія объ особенностяхъ языка рукописи (преимущественно при описаніи старѣйшихъ текстовъ). Въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить нѣсколько недостатковъ и неточностей. Такъ, рук. № 1 сем. собр. (служебное Евангеліе) опредѣлено устарѣвшимъ терминомъ «юсовой»; подъ этимъ названіемъ, введеннымъ покойнымъ И. И. Срезневскимъ, подразумѣвается обычно языкъ и правописаніе болгарское; такъ, повидимому, принимаетъ это обозначеніе и И. Е. Евсѣевъ, приводя выписку текста (въ словахъ: горѫ высѫкѫ, галилеѧ(ѭ); но дальнѣйшая выписка

1) Такихъ рукописей мною насчитано около 20 штукъ.

изъ начала евангелія Луки какъ будто бы не позволяетъ видѣть въ № 1 обычнаго среднеболгарскаго типа: лѫка, антиохианинъ, начаша — подъ этотъ типъ языка не подходятъ. Счесть же его «юсовымъ» въ смыслѣ русскомъ, т. е. лишь подражающимъ болгарскому, также неудобно: этому противорѣчатъ указанныя формы— высѫкѫ и галилеѧ. Во всякомъ случаѣ желательно было бы болѣе точности въ опредѣленіи языка текста. Въ толковомъ Евангеліи № 3 сем. не достаетъ опредѣленія языка; судя по приведенной выпискѣ, его надо признать русскимъ и, можетъ быть, даже южно-русскимъ. Но за то въ № 4 (четвероевангеліе) опредѣленіе совершенно отсутствуетъ: нѣтъ даже образчика языка.

Приводя содержаніе рукописей, авторъ описанія кое-гдѣ дѣлаетъ ссылки на литературу и изслѣдованія, но ссылки эти носятъ характеръ случайный; въ этомъ отношеніи желательно было-бы больше послѣдовательности; напр., если въ любопытномъ сборникѣ № 76 сем. находимъ довольно точное указаніе на соотвѣтствіе текста объ Аггѣѣ съ текстомъ, изданнымъ А. Н. Веселовскимъ, и текста Никитина мученія съ изданіемъ А. Н. Пыпина, то мы въ правѣ ожидать подобныхъ же указаній при сказаніи о чудѣ Георгія о зміи, или Николы о Дмитріи, или 12 пятницахъ, изъ того же сборника, не говоря уже о такихъ рукописяхъ, какъ житіе Макарія желтоводскаго (№ 46 сем.), гдѣ мы ожидали бы болѣе подробнаго указанія на существующую агіологическую литературу (напр. Ключевскаго или Барсукова) и т. д. [1]).

Самое описаніе разбито составителемъ на довольно большое число отдѣловъ, именно; цѣлыхъ десять; тоже дробленіе, если и помогаетъ отчасти оріентироваться въ описаніи, съ другой стороны едва-ли, какъ извѣстно по ряду другихъ описаній подобныхъ собраній, вполнѣ достигаетъ своей цѣли и безусловной точности въ виду смѣшаннаго характера содержанія многихъ рукописей: куда, напр., отнести синодикъ № 32 сем.? Съ одинаковымъ правомъ его можно относить и къ «богослужебнымъ книгамъ» (какъ сдѣлано И. Е. Евсѣевымъ), и къ «исторіи», ибо главное его значеніе и содержаніе—перечни родовъ, въ него занесенныхъ. Подъ «Богословскія системы» отнесены сочиненія еп. Іереміи Нижегородскаго (№ 44 сем.), въ числѣ коихъ находимъ не только богословскій сло-

---

1) Въ тоже время, по недосмотру составителя, при описаніи № 19 муз. оказалось ненужное повтореніе.

варь, но и «Келейное путешествіе въ Іерусалимъ», и поученія на дни св. четыредесятницы, которымъ мѣсто въ отдѣлѣ «Поученій, житій и сказаній». А сборники (ихъ довольно много въ собраніяхъ орловскихъ) еще труднѣе поддаются подобной классификаціи. Можетъ быть, предпочтительнѣе былъ бы иной порядокъ, напр., «востоковскій» — алфавитный, который, не говоря уже о внѣшнемъ удобствѣ, отчасти группируетъ рукописи и по содержанію.

Указанные недочеты, спѣшу оговориться, отнюдь не лишаютъ труда И. Е. Евсѣева достоинствъ неотъемлемыхъ, дѣлающихъ описаніе полезнымъ и даже необходимымъ пособіемъ для изслѣдователя: точность, полнота въ выясненіи матеріала остаются достоинствомъ описанія въ общемъ.

Не малый интересъ представляютъ приложенія къ описанію (стр. 130—172): здѣсь находимъ любопытные по содержанію образчики семинарской музы XVIII столѣтія, малорусскую поздравительную пѣсню и др.

При той пестротѣ, которую, какъ видимъ, представляютъ по составу оба описанныя орловскія собранія, особенно желателенъ былъ бы возможно подробный алфавитный указатель, который бы облегчилъ трудъ оріентировки въ собранномъ матеріалѣ. Надо надѣяться, что такой указатель мы найдемъ при второмъ выпускѣ описанія орловскихъ собраній вмѣстѣ съ указателемъ къ первому [1]).

М. Сперанскій.

1) Въ этотъ второй выпускъ (онъ же, повидимому, и послѣдній) должны войти еще три орловскихъ собранія: рукописи Свѣнскаго монастыря (до 100 №№, теперь въ орловскомъ ц.-арх. музеѣ), рукописи И. В. Ливанскаго (около того же количества) и рукописи Г. Н. Воронкова (10 №№).

ПОПРАВКА.

Къ стр. 489.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у Цонева рѣчь о Колларѣ, слѣдуетъ внести поправку. Циневъ говоритъ: «Не по-приемлива е и мисъльта на чешко-славянския поетъ Jan Kollar-a, който пъкъ прѣдлагаше на врѣмето си общо-славянски езикъ въ видъ на смѣсъ отъ четири главни славянски езици: русски, илирски (юго-славянски), чешки и полски». На самомъ же дѣлѣ Колларъ требовалъ отъ славянина знанія четырехъ славянскихъ языковъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: Die allmählige Beseitigung fremdnationaler Wörter und Formen, Annahme echter und reinslawischer und dadurch bedingte Annäherung zum Ideale einer allslavischen Sprache, d. i. einer Sprache, die jeder Slave von welchem immer Stamme, leicht verstehe. Если Цоневъ имѣлъ въ виду это мѣсто, то во всякомъ случаѣ и оно не даетъ основанія такъ понимать предложеніе Коллара. Кстати прибавимъ еще, что рецензируемая статья есть оттискъ изъ юбилейнаго сборника Слав. Бесѣды 1880—1905.

П. Лавровъ.

СТРАН.

V. **А. Е. Крымскій.** — Древне-кіевскій говоръ. I—VIII...... 368—411

VI. **Ѳ. И. Покровскій.** — Отрывокъ слова митр. Иларіона «О законѣ и благодати» въ спискѣ XII—XIII в...... 412—417

Поправки къ ст. Г. З. Кунцевича: „Ябеда“, комедія В. В. Капниста.

Напечатано:				*Должно быть:*
стр. 207,	строка 15	снизу:	с. 62	с. 253.
» 215,	» 1	»	стр. 27; 32	стр. 217; 222.
» 217,	» 1	»	» 55	» 245.
» 222,	» 5	»	» 16	» 206.
» 224,	» 1	»	» 52 — 53	» 242 — 243.
» 226,	» 9	»	» 37	» 227.
» 236,	» 7	»	» 47	» 237.
» 238,	» 7	»	» 51	» 241.
» 238,	» 4	»	» 49	» 239.
» 239,	» 3	»	» 48	» 238.
» 241,	» 1	»	» 50	» 240.
» 243,	» 7	»	» 43 — 45	» 233 — 235.
» 243,	» 6	»	» 34	» 224.
» 243,	» 5	»	» 48	» 238.
» 243,	» 2	»	» 47	» 237.
» 243,	» 1	»	» 39	» 229.
» 244,	» 7	»	» 19	» 209.
» 252,	» 14	»	» 16	» 206.

30

СТРАН.

V. **А. Е. Крымскій.** — Древне-кіевскій говоръ. I—VIII...... 368—411

VI. **Ѳ. И. Покровскій.** — Отрывокъ слова митр. Иларіона «О законѣ и благодати» въ спискѣ XII—XIII в...... 412—417

VII. **В. М. Истринъ.** — Редакціи Толковой Палеи. IV. Общіе выводы. V. Таблицы........................ 418—450

VIII. **Библіографія:**

1) **П. А. Заболотскій.** — Новѣйшіе нѣмецкіе труды по исторіи русской литературы. (*Критико-библіографическія замѣтки*). I. Труды Laixner'a, Norrenberg'a и Karpeles'a. II. G. Polonskij. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1902. (Sammlung Göschen)...... 451—487

2) **П. А. Лавровъ.** — Цонев Б. Общославянски език...... 487—493

3) **М. Н. Сперанскій.** — Н. Поповъ. Рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) библіотеки. Вып. I. Новоспасское собраніе. Москва, s. a. (1905), VII+189, 8°, съ тремя снимками. Ц. 2 р............ 493—501

4) **Его-же.** — Евсѣевъ, И. Е. Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ. Вып. I, 8°, VII+172 стр. Орелъ 1905. Цѣна 1 р........ 502—505

5) **П. А. Лавровъ.** — Поправка. Къ стр. 489............ 506

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Имѣются въ продажѣ: т. VI (1901), кн. 4-я; т. VII (1902), кн. 1—4; т. VIII (1903), кн. 1—4; т. IX (1904), кн. 1—4; т. X (1905), кн. 1—4; т. XI (1906), кн. 1-я, 2-я и 3-я.

Цѣна каждой книжки *1 р. 50 коп.*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1907 г. Непремѣнный Секретарь, Акад. *С. Ольденбургъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).